

г е н е р а л

ДИТЕРИХС

· БЕЛЫЕ ВОЙНЫ ·

W. Stiefel

Г е н е р а л
ДИТЕРИХС

МОСКВА «ПОСЕВ» 2004

Военно-историческая серия «Белые войны»

Издаётся по благословению

Святейшего Патриарха

Московского и Всея Руси

Алексия II

Генерал Дитерихс.

М.: НП «Посев», 2004.

Автор проекта серии – *А.Н. Алекеев.*

Научный редактор серии –

кандидат исторических наук *В.Ж. Цветков.*

Третья книга серии «Белые войны» посвящена судьбе последнего Белого Правителя, последнего Главнокомандующего Белой армии в России – генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса. Глава Приамурского Земского Края осенью 1922 года предпринял попытку возрождения Русской Монархической Государственности, Православной Русской традиции на Дальнем Востоке. Основу книги составили документы из российских и зарубежных архивов, личного архива наследника генерала Дитерихса – А.А. Васильева (Дания), воспоминания его современников, друзей. Материал отражает основные этапы жизни, боевой биографии генерала Дитерихса. Отдельно в книге выделены отрывки из его исследования «Гибель Царской Семьи». Приведены тексты решений Приамурского Земского Собора. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов и из личного архива А.А. Васильева. Интересны документы, отражающие эмигрантский период жизни генерала Дитерихса.

Редактор и составитель книги: **В.Ж. Цветков,**

при участии **А.А. Петрова, С.С. Балмасова, Р.Г. Гагкуева,**

В.Г. Чичерюкина-Мейнгардт, С.А. Вычужанина

Художественное оформление – **Е.Г. Клодт, В.Н. Карпухин**

Художник – **А. Лебедева**

Автор портрета генерала Дитерихса – **Д. Трофимов**

Электронный вариант книги – www.voinstvo.ru

Заказы и отзывы направлять по адресу:

107497, г. Москва, а/я 4, В.Ж. Цветкову,

тел. (095) 925-92-48, e-mail: posev@online.ru;

Р.Г. Гагкуеву – gagkuev@voinstvo.ru

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев», 2004.

© А.Н. Алекеев, проект серии, 2004.

© Личный архив А.А. Васильева, 2004.

© В.Ж. Цветков, А.А. Петров, С.С. Балмасов,

Р.Г. Гагкуев, В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт,

С.А. Вычужанин, составители, 2004.

© Е.Г. Клодт, В.Н. Карпухин, оформление, 2004.

© А. Лебедева, иллюстрации, 2004.

© Д. Трофимов, художник, 2004.

Предисловие редактора

«Мысль о власти в моих руках была Богом внушена Земскому Собору. Он наложил на меня задачу оградить оставшиеся начала: Веру и народ. Именно за Веру, за права народа я и буду вести борьбу. Вести до конца. За Веру Христову я и умру...»

*Из речи М.К. Дитерихса на станичном съезде
Уссурийского Казачьего Войска в станице Гродеково.
1 октября 1922 года.*

История знает немало примеров, когда, казалось бы, совершенно безнадежные действия вдруг оборачивались успехом. В традиционной историографии прочно утвердилось мнение, что «история не терпит сослагательного наклонения» и «вспасть события повернуть невозможно». Приступая к строительству Русской Национальной Государственности в Приморье, на этой, в полном смысле слова, «последней пяди русской земли», провозглашая принцип «Возрождения Православной Монархии», последние бойцы Белой армии вряд ли полагали, что они пройдут победным маршем от Владивостока до Москвы, водрузят Национальное Знамя над Кремлем и спасут нашу Родину от большевизма. И тем не менее, нужно было показать всей России, да, пожалуй, и всему миру, что Белая борьба, начатая в 1917 году под лозунгами защиты Учредительного Собрания, завершается в 1922 году под лозунгом возврата к традиционным ценностям Русской Государственности — Православию, Самодержавию и Народности. Финал Белого движения в России должен был стать актом восстановления национальной преемственности, разорванной гражданской войной, той самой преемственности, на основании которой только и возможно было бы говорить о «согласии и примирении» в русском обществе. Этот финал означал, прежде всего, Духовную Победу Белого движения...

Промыслом Божиим эту Священную Миссию суждено было выполнить человеку необычной, интересной судьбы.

Третья книга серии «Белые войны» посвящена генерал-лейтенанту Михаилу Константиновичу Дитерихсу. Талантливый генштабист, разработавший планы знаменитого «Брусиловского прорыва», храбрый начальник русской Особой бригады, выполнявший «союзнический долг» на Салоникском фронте Великой войны, последний генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего до октября 1917 года, руководитель расследования гибели Августейшей Семьи, тщательно, скрупулезно собиравший малейшие свидетельства мученической кончины Государя Императора Николая Александровича и его близких, Командующий Восточным фронтом Белого движения, предпринявший осенью 1919 года последнее наступление Белых армий на р. Тобол, организатор добровольческих Дружин Святого Креста, наконец, последний Правитель Белой России — Правитель Приамурского Земского Края в

1922 году, а в Зарубежье – начальник Дальневосточного Отдела Русского Общевоинского Союза, почетный член повстанческого Братства Русской Правды. Все эти стороны биографии генерала Дитерихса отражают многочисленные документы, отрывки из воспоминаний участников Белого движения, представителей Русского Зарубежья.

В данной книге хотелось бы представить образ генерала Дитерихса наиболее многогранным. Поэтому, уделяя основное внимание деятельности генерала Дитерихса на посту Правителя Приамурского Края, составители не могли оставить в стороне другие страницы военной и политической биографии Михаила Константиновича. Собирались материалы, в буквальном смысле, «по крупицам». Работа оказалась длительной, но интересной и, хотелось бы надеяться, полезной и актуальной для наших современников.

Книга «Генерал Дитерихс», как и предшествующие издания серии «Белые войны», построена на основании не публиковавшихся ранее источников, неизвестных большинству российских читателей. Использованы материалы из Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного военного архива.

Выход книги в свет стал возможен благодаря поддержке директора Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко и заведующей фондами Русского Зарубежья Л.И. Петрушевой, а также директора Российского государственного военного архива В.Н. Кузленкова и его сотрудников.

Ценность данной книги заключается в публикации уникальных документов и фотоматериалов из личного архива генерала Дитерихса, любезно предоставленных одним из его наследников, старейшим членом Народно-Трудового Союза российских солидаристов Андреем Анатольевичем Васильевым, проживающим ныне в Дании. В сборе фотоматериалов поддержка была оказана также К.А. Татариновой (Мельбурн, Австралия), А.А. Петровым (Москва), Р.В. Полчаниновым (США).

Большую помощь в технической подготовке книги к изданию оказали С.С. Пушкарев, М.В. Славинский и Х.Р. Поль (Франкфурт на Майне).

Особую благодарность научный редактор и составитель серии «Белые войны» выражает своей супруге Е.А. Цветковой, проделавшей очень большой объем работы по подготовке книги к изданию.

Книга проиллюстрирована рисунками формы бойцов Особой бригады Салоникского фронта, Дружин Святого Креста, а также Приамурской Земской Рати, выполненными московской художницей А.В. Лебедевой.

Василий Цветков –
главный редактор альманаха «Белая Гвардия»,
кандидат исторических наук.

часть первая

ДИТЕРИХС

ГЕНЕРАЛ ДИТЕРИХС, ПОСЛЕДНИЙ ЗАЩИТНИК ИМПЕРИИ

Советские историки не часто писали о деятелях Белого движения. При повышенном интересе к судьбам «легендарных краскомов и комиссаров» (даже на уровне командиров взводов и подразделений), среди белых генералов привлекали, как правило, «вожди»: Корнилов, Колчак, Деникин, Юденич, Врангель. Реже писали о Краснове, Мамантове, Шкуро, Семенове. Практически не упоминали генералов «среднего звена», не говоря уж о сотнях «безвестных поручиков и штабс-капитанов». Не был исключением и генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс – последний глава Белой России, Правитель Приамурского Земского Края, человек, решивший провозгласить лозунгом Белого движения восстановление монархии, последний Главнокомандующий последней Белой армии, сражавшейся на территории России – Земской Рати.

Его редкие оценки в советской литературе не отличались разнообразием. «Махровский реакционер», «идеолог клерикальной контрреволюции», «черносотенной реакции», «ярый монархист», выразитель «религиозного экстремизма», «ставленник американо-японского империализма»¹. Но и в историографии Русского Зарубежья фигура генерала Дитерихса не удостаивалась многочисленных лестных эпитетов. «Мистик», «Жанна-д-Арк в рейтузах», человек «не от мира сего», «наивный монархист», «фанатик» – это оценки уже из «белого лагеря». Бои в Приморье летом–осенью

1922 г. описываются гораздо меньше, чем, например, наступление весной 1919 г. Российской армии адмирала А.В. Колчака на Волге, бои на Урале или легендарный Великий Сибирский Ледяной поход². Еще меньше документальных свидетельств о боях русских войск под командованием Дитерихса на Салоникском фронте в 1916–1917 гг., практически неизвестен период его жизни в Китае, немного известно о его участии в расследовании цареубийства. И в современной отечественной историографии работ, посвященных Белому движению на Дальнем Востоке, Белому Приморью 1922 г., не говоря уже об исследованиях биографии самого генерала Дитерихса, очень мало. Можно утверждать, что его судьба – одно из «белых пятен» в военной и политической истории России первой половины XX века.

Белое Приморье 1922-го года – безусловно, «звездный час» генерала Дитерихса. Но вся его жизнь проникнута глубоким осознанием своего долга Русского Офицера. Борьба с врагами Отечества представлялась как воплощение Высшего Духовного Смысла, как непримиримая, бескомпромиссная борьба Добра и Зла. Воплощением Добра для него становилась Русская Православная Церковь и Освящаемая Церковью Царская Власть. Злом – власть, провозгласившая отрицание Бога и Церкви, власть, допустившая страшный грех Цареубийства. Именно в этом видел Дитерихс Высший Духовный Смысл Белого движения. Борьба эта воспринималась им как Чистое, Святое, Рыцарское Дело.

Михаил Константинович Дитерихс родился в семье потомственных военных. Немногие участники Белой борьбы имели столь богатую и древнюю родословную. Возможно, фамилия Дитерихс известна современному читателю гораздо меньше, чем Колчак, Деникин и Корнилов. Но в военной истории Российской Империи известны десятки представителей этой славной фамилии.

Родовые хроники Дитерихсов берут свое начало в глубинах средневековья. Дитерихсы (Дитрихштейны) – старинный рыцарский род, владения которого располагались в Моравии, в Священной Римской Империи. Оплот Папского престола бдительно следил за малейшими проявлениями религиозного недовольства. В середине XVI – начале XVII веков Европу потрясли религиозные войны. И в этом «священном противодействии» нарождавшемуся протестантизму сражались и Дитрихштейны. Адам Дитрихштейн фон Никольсбург (носивший фамилию по названию принадлежавшего ему замка в Моравии) и его сын Франц были ревностными ка-

толиками. Став кардиналом, правителем Моравии, а затем и председателем Государственного Совета Священной Римской Империи, Франц Дитрихштейн показал себя решительным борцом с последователями учения Лютера и Кальвина³. В этих событиях уже проявились фамильные черты Дитрихштейнов – Дитерихсов: религиозная убежденность и рыцарская доблесть.

Однако оба старших брата Адама Дитрихштейна, родные дяди Франца, приняли лютеранство и во время Тридцатилетней войны воевали «за новую Веру» в рядах шведской армии Густава Адольфа. Тогда, очевидно, в знак разрыва с «католическим прошлым», фамилия Дитрихштейнов изменилась на Дитерихсов (Дейтриксов, Дитриксов). Именно потомки этой ветви старинного рыцарского рода и появились затем в России во время правления Императрицы Анны Иоанновны.

В 1735 г. Иоганн Дитерихс получил от Российского престола приглашение руководить постройкой морского порта в Риге. За это его наградили небольшим майоратом в Кассупене. Его младший сын, оформленный в официальных бумагах уже как Иван Иванович Дитерихс, избрал пасторское служение в Эстляндии. Вскоре после кончины своих бездетных братьев Иван Дитерихс стал единственным владельцем имения Кассупене и получил российское дворянство по Санкт-Петербургской губернии⁴.

В большой семье пастора Иоганна – Ивана росло восемь сыновей. Все они выбрали военную службу как продолжение древней рыцарской профессии. И они, и их потомки участвовали практически во всех войнах, которые вела Россия: от «Альпийского похода» А.В. Суворова до Великой Мировой войны.

Известным представителем династии был дед Михаила Константиновича, генерал-майор Александр Иванович Дитерихс (Детерикс 3-й). В звании подполковника артиллерии (начальник 7-й Батарейной, 12, 13-й Легких Артиллерийских рот в составе 6-го Пехотного корпуса генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова) он участвовал в Отечественной войне 1812 г., сражался на Бородинском поле, сдерживая яростные атаки французской пехоты и кавалерии на батарею Раевского. На Утицком кургане, на крайнем правом фланге русской позиции держала оборону батарея полковника Детерикса 2-го (17-я Батарейная, 32-я и 33-я Легкие Артиллерийские роты в составе 2-го Пехотного корпуса генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута). Подполковник Давыд Иванович Детерикс 4-й командовал 29-й Батарейной ротой, входившей в состав артил-

лерийского резерва 1-й армии. Во время боя за батарею Раевского рота Детерикса 4-го прикрыла огнем гвардейскую конную артиллерию, за что подполковник был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В представлениях Детериксов к наградам за Бородино отмечалось: «2-й Резервной Артиллерийской бригады, Батарейной роты № 29 подполковник Детерикс 4-й, командуя ротой, выстроился на место лейбгвардии конной артиллерии, под сильными выстрелами, в продолжении канонады взорвал два неприятельских ящика, и батарея принуждена была замолчать и переменить место», «...устанавливали свои батареи под огнем противника, подводя их на расстояние ружейного выстрела, и вели огонь по вражеским колоннам и орудиям, соблюдая спокойствие и хладнокровие в сложной обстановке, не покидая, будучи ранеными, поля боя»⁵. Ко «дню Бородина» Детерикс 3-й уже имел Золотой знак «Прейсиш-Эйлау» и золотое Георгиевское оружие. За Бородино Александр Иванович получил орден Св. Георгия 4-ой степени. В кампании 1813–1814 гг. Детерикс 3-й воевал под Лютценом, Бауценом и Дрезденом, в «битве народов» под Лейпцигом и в рядах победоносной Русской армии вошел в Париж.

В память 1812 года в семье бережно хранились книги «Воспоминания артиллериста о деле Бородинском» Н. Любенкова и «История войны 1812 года» М.И. Богдановича.

После окончания наполеоновских войн, генерал от артиллерии, Георгиевский кавалер, кавалер орденов Св. Анны 1-ой степени, Св. Владимира 3-ей степени с мечами, Александр Иванович участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и, после взятия в сентябре 1828 г. крепости Варна, стал ее комендантом. В знак уважения к храбрости русских, турецкий паша вручил генералу Детериксу клинок из дамасской стали. Сабля эта, став семейной ценностью, висела под портретом генерала в кабинете его сына, генерала Константина Александровича Детерикса (отца Михаила Константиновича).

Генерал от инфантерии Константин Александрович Детерикс (Дитерихс) получил известность как один из талантливых военачальников во время первой Кавказской войны. В течение 15 лет он сражался против горцев. С ним был лично знаком Л.Н. Толстой, пользовавшийся «Записками о Кавказской войне» генерала К.А. Дитерихса при написании своего знаменитого «Хаджи-Мурата»⁶. Дитерихсов и Толстых связывала не только литература. Сес-

тра Михаила Константиновича Дитерихса, Ольга, первым браком была замужем за сыном Льва Николаевича – Андреем Львовичем Толстым. Их дочь, София Андреевна Толстая, в течение многих лет была директором музея Л.Н. Толстого Академии Наук СССР. Но более известна София Андреевна тем, что стала последней женой Сергея Есенина, а позднее преподавала иностранные языки детям Сталина.

Таковы несколько штрихов к родословной Дитерихсов...

Михаил Константинович Дитерихс родился 5 апреля 1874 г., в пятницу Светлой седмицы, (все даты до 1918 г. – по старому стилю) в Санкт-Петербурге. Среда высокой дворянской культуры, окружавшая его с рождения, не могла не повлиять на формирование характера будущего генерала. По достижении двенадцати лет, в 1886 г., он Высочайшим Приказом был зачислен в воспитанники Пажеского Его Императорского Величества Корпуса. Не последнюю роль в этом сыграло то, что директором Корпуса был тогда его дядя – генерал-лейтенант Федор Карлович Дитерихс, а по рескрипту, утвержденному еще Екатериной Великой, пажами могли стать лишь дети и внуки генералов от инфантерии, кавалерии или артиллерии.

Знакомство с семейными хрониками, рассказы о войне с Наполеоном, о сражениях с горцами на Кавказе, наградные листы, орден и знаки, старинное оружие предков – все это складывалось в сознании будущего офицера в единый образ Отечества и Верховного Главы Его – Государя, Помазанника Божия, Во Имя и Во Славу которого должно жертвовать всем, даже собственной жизнью⁷.

Пажеский корпус считался особенно привилегированным высшим военным учебным заведением. Среди его выпускников были генерал-фельдмаршал граф А.И. Шувалов, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, фельдмаршал И.В. Гурко, военный министр князь А.И. Чернышев, министр финансов С.А. Грейг, послы – граф С.Р. Воронцов, П.А. Шувалов и генерал-адъютант А.А. Брусилов, будущий начальник Дитерихса на Юго-Западном фронте Великой войны. Однокашником и другом Дитерихса по Пажескому корпусу был генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин – выдающийся военный теоретик, один из талантливых организаторов Белого дела в России и в Зарубежье.

С 1810 г. Корпус располагался в здании бывшего дворца графов Воронцовых. Он был как бы символом эпохи Императора Павла I. Российский Император, став Магистром Ордена Мальтийских

Рыцарей, сделал дворец Капитулом Мальтийского Ордена. В 1798–1801 гг. на территории дворца по проекту Дж. Кваренги были построены два храма: Православная церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи и католическая капелла Ордена Мальтийских рыцарей. Потомок кардинала Франца Дитрихштейна, триста лет спустя, обучался военному делу под сенью христианских святых. Юный паж воспитывался не только на примерах воинской доблести и чести, но и под Заветами Служения Господу Нашему Иисусу Христу и Святому Евангелию.

Дворец и капеллу украшали мальтийские кресты (белый равноконечный крест с расходящимися вершинами в форме т.н. «ласточьиного хвоста»), ставшие не только знаками Пажеского Корпуса, но и своеобразными символами Офицерской Чести (в Добровольческой армии знаки офицерских генерала Маркова частей имели форму черных мальтийских крестов). Каждому поступившему вручались Евангелие и Заветы Мальтийских Рыцарей, вырезанные на Священных Скрижалях: «Ты будешь верен всему тому, чему учит Церковь, ты будешь охранять ее; Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником; Ты будешь любить страну, в которой родился; Ты не отступишь перед врагом; Ты будешь вести с неверными беспощадную войну; Ты не будешь лгать и останешься верным данному слову; Ты будешь щедр и всем благотворить; Ты будешь везде и повсюду поборником справедливости и добра против несправедливости и зла». После окончания Корпуса пажи получали значок – белый Мальтийский крест и кольцо со стальной наружной частью и внутренней золотой. На ней был выгравирован еще один, последний Завет рыцарей Мальтийского Ордена: «Ты будешь, тверд, как сталь, и чист, как золото»⁸. Об этих символах рыцарской доблести Михаил Константинович помнил всегда.

Корпус имел три роты, соответственно с периодами обучения. В 1892 г. Михаил Дитерихс был переведен в младший специальный класс Корпуса, а в 1893 г. – в старший специальный класс, числясь в первой роте в Кавалерийском отделении. В ноябре того же года молодой воспитанник удостоился особой чести – был произведен в Камер-Пажи Высочайшего Двора. Обязанный присутствовать при всех придворных церемониях, Дитерихс постоянно видел и Государя Императора Александра III, и других представителей Царствующего Дома. Обучение и воспитание в преданности Монаршему престолу оставили неизгладимый след в биографии Дитерихса.

В соответствии с «Уставом о воинской повинности» 1886 г., «за воспитание в специальных классах Корпуса» выпускник был обязан прослужить 3 года в войсках. 8 августа 1894 г. Михаил Дитерихс получил младший офицерский чин подпоручика и отправился к своему новому месту службы. Это был... далекий Туркестан. Столь резкий переход от придворной жизни Санкт-Петербурга к знойным пескам Средней Азии, в один из «Богом забытых», как считалось, военных округов, не могло, очевидно, удовлетворить 20-летнего подпоручика. А должность, которую он принял (дело-производитель Конно-Горной батареи) не предполагала серьезных перспектив. И уже через год после начала службы подпоручик Дитерихс подал рапорт об отчислении.

Следовало думать о продолжении карьеры. В мае 1897 г. он успешно выдержал предварительный экзамен при штабе Туркестанского военного округа для зачисления в Николаевскую Академию Генерального штаба, окончание которой было заветной мечтой сотен офицеров Российской Императорской армии. Пройдя предварительный отбор, Дитерихс был направлен в Санкт-Петербург для прохождения уже вступительного экзамена. Возвращение в родной город прошло успешно, вступительный экзамен прошел на «отлично», и 23-летнего подпоручика зачислили в ряды слушателей. По тем временам это был своего рода «рекорд», если учесть что однокашниками Дитерихса по Академии были отнюдь не вечерашние выпускники, молодые офицеры, а, как правило, те, кто имел солидный служебный стаж, достигшие чинов капитана или подполковника.

Обучение в Академии проходило для Дитерихса легко. Все его аттестации были примерные, особенные успехи отмечались полевой практике, а также по точным дисциплинам. В это же время в Академии преподавал курс «История русского военного искусства» профессор Михаил Васильевич Алексеев, будущий Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего Российской армии Государя Императора Николая II и основоположник Добровольческой армии. Он, несомненно, выделил среди своих слушателей молодого прилежного офицера. Это сыграло впоследствии важную роль во время совместной службы Дитерихса и Алексева.

Летом 1898 г. Дитерихс получил следующий офицерский чин поручика и встретил XX век успешным завершением учебы в 2-х классах Академии (по первому разряду) и поступлением на дополнительный курс. В мае 1900 г. за «успешное окончание дополни-

тельного курса и за отличные успехи в науках» он был произведен в штабс-капитаны, причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Московский Военный Округ⁹. При выпуске из Академии ему выдали 300 рублей (сумма по тем временам довольно существенная) «на первоначальное обзаведение лошадью со всею принадлежностью».

К моменту окончания Академии, в двадцать пять лет бывший паж был уже хорошо знаком со всеми тонкостями военной теории. Теперь предстояло применить эти знания на практике.

Изменилась и личная жизнь Михаила Константиновича. Осенью 1897 г., сразу же после зачисления в Академию, состоялось его венчание с дочерью генерал-лейтенанта Повало-Швейковского Марией Александровной. 7 августа 1898 г. родился их сын Николай, а 29 июля 1902 г. – дочь Наталья. Наследникам этой линии суждено было остаться в СССР¹⁰.

Служба на штабных должностях в частях Московского военного округа сопровождалась служебными командировками и инспекциями. В послужном списке Дитерихса с августа 1900 по февраль 1902 г. перечислялись должности штабного офицера для поручений 1-й Кавалерийской дивизии, старшего адъютанта штаба 2-й Гренадерской дивизии, обер-офицера для поручений при штабе округа. В 1901 г. он руководил полевой практикой офицеров Гренадерского корпуса под Москвой, инспекционной поездкой офицеров 1-й Кавалерийской дивизии в Оренбургскую губернию. В 1902 г. состоялось его производство в чин капитана, и он получил свой первый орден Св. Станислава 3-й степени.

В 1903 г. капитан Дитерихс был прикомандирован к 3-му Драгунскому Сумскому полку (бывшему 1-му Гусарскому Сумскому) для «годового командования эскадроном». Полковая семья славных сумских гусар приняла Дитерихса доброжелательно. Свидетельством доверия к новоприбывшему офицеру стало его принятие в члены полкового суда. Однако, «строевой ценз» так и не был пройден до конца. В должности командира 5-го эскадрона капитан Дитерихс пробыл меньше полугода (с октября 1903 по май 1904 гг.).

Началась русско-японская война, ставшая для Дитерихса, как и для многих будущих генералов белых армий, первой военной кампанией. Высочайшим приказом по Военному Ведомству от 28 апреля 1904 г. он был назначен обер-офицером для особых поручений при штабе 17-го Армейского корпуса. Корпус отправлялся на

Дальний Восток и прибыл на фронт лишь к моменту сражения под Ляояном в августе 1904 г. Ляоянская операция не отличалась смелостью действий русской армии¹¹. В начале августа 17-й Корпус еще приступал к развертыванию, но Дитерихса уже направили на передовые позиции для рекогносцировки.

Здесь, под деревней Ляньдясань состоялось его «боевое крещение». На деревню наступала бригада Гвардейской дивизии генерала Хасегавы, и оборонявшие эти позиции стрелки 3-го Сибирского корпуса были атакованы превосходящими силами японцев. Русским позициям угрожал прорыв, но, благодаря своевременным донесениям, Командующий Русскими войсками генерал-адъютант А.Н. Куропаткин приказал срочно направить на поддержку сибирякам 35-ю Пехотную дивизию из состава 17-го Корпуса. В двухдневных боях 12, 14 августа наступление японской Гвардии было остановлено¹². Приказом по Маньчжурской армии от 18 сентября за участие в боях под Ляояном Дитерихс был награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом¹³.

В сражении на реке Шахэ части 17-го Корпуса в составе Западного отряда двумя колоннами наступали на японские позиции. С 21 сентября по 6 октября капитан Дитерихс постоянно выезжал для связи с соседними частями 10-го Армейского и 6-го Сибирского корпусов¹⁴. Наступление русской армии завершилось неудачей, и части 17-го Корпуса, не выдержав фронтального контрудара японцев, отступили. Приказом Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, от 2 февраля 1905 г. Дитерихс был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом¹⁵.

Участвовал капитан Дитерихс и в последнем сражении Маньчжурской кампании – битве под Мукденом. С 16 по 25 февраля 1905 г. 17-й Корпус занимал центр русских позиций. Именно ему пришлось принимать на себя ожесточенные атаки японской пехоты. Под огнем артиллерии противника полки 17-го Корпуса были вынуждены отступить к северу от Мукдена. За участие в этих боях Дитерихс был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

Во время войны с Японией Дитерихс зарекомендовал себя исполнителем и инициативным штабным офицером. Оказавшись вр.и.о. на должности начальника штаба 17-го Армейского корпуса в ответственный период отхода от Мукдена, не поддаваясь панике и хаосу, он смог организовать планомерный отход с позиций отступающих частей¹⁶.

Русско-японская война завершилась для Михаила Константиновича производством в подполковники, должностью штаб-офицера для особых поручений при штабе корпуса (приказ Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, от 7 июля 1905 г.) и награждением «за разновременные отличия» орденом Св. Анны 2-й степени с мечами¹⁷. Злые языки говорили, что в Маньчжурскую кампанию слишком часто раздавались награды и, тем самым, снижалось их достоинство. Но вряд ли кто-либо рискнет утверждать, что подполковник Дитерихс получил свои ордена незаслуженно.

Участие в русско-японской войне заменило собой незавершенный срок цензового командования эскадрой¹⁸. Следует отметить, что в биографии Дитерихса периода 1904–1905 гг. не было ярких, запоминающихся боевых эпизодов, участия в героических атаках и прочих строевых подвигов, каковые отличали, например, таких участников русско-японской войны, как генерал Марков или генерал Кутепов. Среди его многочисленных наград нет ордена Св. Георгия Победоносца. Но это ни в коей мере нельзя считать недостатком. Будущего генерал-лейтенанта отличала способность глубоко анализировать, сопоставлять данные и твердо, без излишнего педантизма, исполнять принятые решения. Его стиль штабной работы отличали отсутствие излишней эмоциональности, внутренняя дисциплина, уверенность в себе. Опыт штабной и строевой работы нашел отражение в книге «Несколько страниц из боевой деятельности 52-го Драгунского Нежинского (ныне 18-го Гусарского) полка в кампанию 1904–1905 гг.», изданной в уездном Ельце в 1908 г.

Во время войны произошло еще одно крупное событие в его жизни. Дитерихс был удостоен Высокой Чести стать Восприемником от купели долгожданного Наследника Российского престола Алексея Николаевича Романова. Бывшему пажу такая награда казалась сопряженной с неким Божественным Провидением, ведь он становился фактически «крестником» Цесаревича, человеком, ответственным за его судьбу. Это означало акт особого значения – стать, может быть, одним из самых близких к Царской Семье людей. Ведь теперь между ними возникла некая неуловимая Божественная связь... Можно ли было подумать тогда, что пройдет чуть больше 15 лет и Дитерихсу придется руководить расследованием Мученической Кончины Цесаревича?

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

Старшаго адъютанта штаба Кіевскаго военного округа генеральнаго штаба полковника ДИТЕРИХСА.

I. Чинъ, имя, отчество и фамилія.	Полковникъ Михаилъ Константиновичъ ДИТЕРИХСЪ.
II. Должность по службѣ.	Старшій адъютантъ штаба Кіевскаго военного округа.
III. Ордена и знаки отличія.	Кавалеръ орденовъ: Св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ, Св. Анны 2 ст. съ мечами и Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ, Св. Станислава 2 ст. съ мечами и Св. Станислава 3 ст. Имѣетъ серебрянную медаль въ память царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го.
IV. Когда родился.	1874-го года апрѣля 5-го.
V. Изъ какого званія происходитъ и какой губерніи уроженецъ.	Изъ дворянъ г.С.-Петербурга.
VI. Какого исповѣданія.	Православнаго.
VII. Гдѣ воспитывался.	Въ Пажескомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпусѣ окончилъ курсъ по I-му разряду. Окончилъ два класса и дополнительный курсъ успешно въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.
VIII. Получаемое на службѣ содержаніе.	Малованья 1200 руб. Квартирныхъ 498 руб. Столовыхъ 600 руб. А всего 2298 руб.

Читаль

Полковникъ Дитерихсъ

IX.
ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и переименіи изъ одного мѣста службы или должности въ другое, съ объясненіемъ, по какому случаю; по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ въ новое мѣсто службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Всемилостивѣйшіе рескрипты, Высочайшіи благоволенія.

	Года.	Мѣсяцы.	Числа.		Года.	Мѣсяцы.	Числа.
Зачисленъ въ пажи кандидаты ВЫСОЧАЙШАГО двора.....	876	Декаб.	17	По экзамену произведенъ въ Подпоручики въ Туркестанскую Конно-Горную батарею.	894	Авгус.	8
Определенъ въ Пажескій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпусъ.	886	Октяб.	10	Со старшинствомъ съ... ..	893	"	9
Переведенъ въ младшій классъ Корпуса дѣйствительная служба на основаніи 174 Устава о воинской повинности, считается съ.	892	Авгус.	31	Стправился къ мѣсту служенія съ увольненіемъ въ 28 дневный отпускъ.	894	"	18
Переведенъ въ старшій спеціальнй классъ Корпуса. ..	"	Сент.	1	Прибылъ въ батарею. Назначенъ дѣлопроизводителемъ батареи.	"	Ноябр.	14
Переведенъ въ старшій спеціальнй классъ Корпуса. ..	893	Авгус.	31	Отчисленъ отъ должности дѣлопроизводителя согласно его просьбѣ.	895	Мая.	5
Произведенъ въ камеръ пажи ВЫСОЧАЙШАГО Двора.	"	Нояб.	7	Отчисленъ отъ должности дѣлопроизводителя согласно его просьбѣ.	896	Февр.	6
На основаніи статьи 183 ст. 4 кн. I Устава о воинской повинности изд. 1886 г. за воспитаніе въ спеціальныхъ классахъ Корпуса обязаны прослужить въ войскахъ 3 года.	"	"	"	Пожалована серебряная медаль въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III -го.	"	Декаб.	11
				Стправленъ въ окружной штабъ для держанія предварительнаго экзамена въ Николаевскую Академію Генеральнаго штаба. По выдержаніи пред-	897	Мая.	27

IX.
ПРОХОЖДЕНІИ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первой офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣщенія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ, по какому случаю; по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Всемилостивѣйше рескрипты, Высочайшаго благоволенія.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.		Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
варительнаго экзамена при Сиружномъ Штабѣ командированъ въ г. С.-Петербургъ для держанія экзамена въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба..	897	Іюля	17	пѣшно и за отличные успѣхи въ наукахъ произведенъ въ Штабсъ-Капитанъ...	900	Мая	24
По выдержаніи пріемнаго экзамена зачисленъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. ...	"	Скт.	4	Со старшинствомъ .	"	"	6
Произведенъ въ Поручики.	898	Іюля	19	Приказомъ по Генеральному Штабу за № 21, причисленъ къ Генеральному Штабу и назначенъ на службу въ Московскій военный Округъ. ...	"	"	27
Со старшинствомъ.	897	Авгус.	17	На основаніи ст. 74 кн. XV Св.В.Д. 1869 года изд. 1896 г.			
По окончаніи курса 2-хклассовъ Академіи по I разряду приказомъ по Генеральному Штабу за № 32, переведенъ въ дополнительный курсъ съ предоставленіемъ ему правъ, установленныхъ ст.ст. 51 и 60 кн. XV Св.В. Д. 1869 года изд. 1896 года.	899	Сент.	21	обязанъ срочною службою въ военномъ ведомствѣ за обученіе въ Академіи.			
Дополнительный курсъ окончилъ ус-				При выпускѣ изъ Академіи выдано ему 300 рублей ка первоначальное обзаведеніе лошадью со всею принадлежностью.			
				Приказомъ по войскамъ Московскаго военного Округа 1900 года за № 156 прикомандированъ къ Штабу сего Округа.	"	Іюля	15

IX.
ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; произвостао въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и переименованія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ, по какому случаю; по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Всемилостивѣйшімъ рескриптомъ, Высочайшимъ благоволеніемъ

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.		Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
Прибылъ въ Штабъ Московского военного Округа [приказъ по Штабу № 176] 900		Іюня	17	ВЫСОЧАЙШИМЪ прика- зомъ 26 февраля 1902 года назначенъ оберъ- офицеромъ для поруче- ній при Штабѣ Москов- скаго военнаго ок- руга.....	902	Февр.	26
Командированъ для несенія службы въ Штабъ 1-й Кавалерій- ской дивизіи, куда и отправился [при- казъ по Штабу Москов- скаго военнаго Ок- руга № 275] "		Август.	12	Произведенъ въ капи- тани.....	"	Апрѣль.	14
ВЫСОЧАЙШИМЪ прика- зомъ 4 ноября 1901		"	"	ВЫСОЧАЙШИМЪ прика- зомъ награжденъ ор- деномъ св. Станисла- ва 3 степени.....	"	Декаб.	6
ода переведенъ въ генеральный Штабъ въ назначеніемъ старшимъ Адъютантомъ Штаба 2-й Гренадер- ской дивизіи..... 901		Ноябр.	5	Приказомъ по войскамъ Московского военна- го округа 1903 го- да № 247 прикоман- дированъ къ 3-му драгунскому Сумскому полку для годичнаго командованія эскад- рономъ.			
отправился къ мѣсту служенія..... "		"	27	Справился къ мѣсту прикомандированія .	903	Сентяб.	20
прибылъ и зачисленъ лицомъ..... "		"	"	Прибылъ къ мѣсту прикомандированія въ 3 драгун. Сумской полкъ.....	"	"	"
приказанію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕ- ЛИЧЕСТВА Команду- емыхъ войсками, коман- дированъ въ Штабъ Московского округа 902		Января	28	Принялъ 5 эскадронъ на законномъ осно-			

IX.
ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выбору; переводы и переименія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ, по какому случаю: по воли начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Всемилостивѣйшіе рескрипты, Высочайшія благоволенія.

	Года.	Мѣсяцы.	Числа.		Года.	Мѣсяцы.	Числа.
ваніи.....	903	Октяб.	25	НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕ-			
Назначенъ членомъ				ВИЧА и ВЕЛИКАГО КНЯ-			
полкового суда.....	"	Нояб.	6	ЗЯ АЛЕКСѢЯ НИКОЛА-	904		
ВЫСОЧАЙШИМЪ прика-				ЕВИЧА.....			
зомъ по В.В. въ 28-й				Приказомъ Маньчжур-			
день апрѣля 1904 г.				ской арміи отъ 18			
назначенъ оберъ-				Сентября за № 685			
офицеромъ для осо-				награжденъ орденомъ			
быхъ порученій при				Св. Анны 3 ст. съ			
Штабѣ 17 Армейскаго				мечами и бантомъ за			
корпуса.....	904	Апрѣл.	28	отличіе въ дѣлахъ			
Сдалъ 5 эскадронъ				противъ Японцевъ			
на законномъ осно-				съ 18 Июля по 16 Ав-			
ваніи.....	"	Мая.	5	густа 1904 года....	"	Сент.	18
Отчисленъ отъ долж-				Приказомъ Главного-			
ности члена полко-				командующаго всѣми су-			
вого суда.....	"	"	6	хопутными и морски-			
Отправился къ мѣсту				ми вооруженными си-			
новаго служенія въ				лами, дѣйствующими			
Штабѣ 17 армейскаго				противъ Японіи отъ			
корпуса.....	"	"	6	2 Февраля 1905 г.			
Прибылъ.....	"	"	"	за № 185, за отли-			
На основаніи приказа				чія въ дѣлахъ про-			
по войскамъ Мань-				тивъ Японцевъ съ 24			
чжурской Арміи 1904				Сентября по 4 Октября			
года за № 600, удо-				1904 г. награжденъ			
стоился быть приз-				орденомъ Св. Влади-			
ваннымъ въ воспріем-				мира 4-й степени съ			
ники ЕГО ИМПЕРАТОР-				мечами и бантомъ..	905	Февр.	2
СКАГО ВЫСОЧЕСТВА				Приказомъ войскамъ			

IX.
ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба; военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣненія изъ одного мѣста службы или должности въ другое, съ объясненіемъ, по какому случаю; по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чины, орденами, знаками отличія. Всѣмипослѣдніе раскрыты, Высочайшіе благоволенія.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.		Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
	3-й Маньчжурской арміи отъ 10 апрѣ- ля 1905 года за № 85, за отличіе въ дѣлахъ противъ Японцевъ съ 11-го по 25 февраля 1905 года награ- дѣнъ орденомъ Св. Станислава 2 ст. съ мечами.....	1905	апр.		10	щими противъ Японіи отъ 7 іюля 1905 го- да за № 1280 назна- ченъ штабъ-офице- ромъ для особыхъ порученій при штабѣ 17 армейскаго корпу- са.....	1905
ВЫСОЧАЙШИМЪ при- казомъ состоявшимся въ 17 день апрѣля 1905 года, произве- дѣнъ въ подполков- ники.....	"	"	17	Приказомъ войскамъ 3-й Маньчжурской арміи отъ 9 октября 1905 года за № 421 за разновременное отличіе награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст. съ мечами....	"	октяб	9
Приказомъ войскамъ 3-й Маньчжурской арміи отъ 24 мая 1905 года за № 147 допущенъ въ И.д. штабъ-офицера для особыхъ порученій при штабѣ корпуса.	"	мая	24	Приказомъ по Гене- ральному штабу отъ 1905 года за № 5, незакончен- ное по случаю вой- ни съ Японіей цен- зовое командованіе эскадромъ зачтено за полный установ- ленный закономъ срокъ цензоваго командованія.....	"	"	"
Приказомъ Главноко- мандующаго всеми бухопутными и мор- скими вооруженными силами, дѣйствию-	"	"	"	Вр. и.д. начальника штаба 17 армейска-	"	"	"

IX.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборанъ; переводы и перемѣненія изъ одного мѣста службы или должности въ другое, съ объясненіемъ, по какому случаю; по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Всемилостивѣйшія рескрипты, Высочайшія благоволенія.

	Годъ.	Мѣсяцы.	Числа.		Годъ.	Мѣсяцы.	Числа.
го корпуса съ....	906	Фев.	21	на время лѣтнихъ			
по....	"	авг.	19	сборовъ, для ознако-			
Согласно предписанію				мленія съ общими			
штаба Московскаго				требованіями управ-			
военнаго округа отъ				ленія и веденія хо-			
7 августа 1906 го-				зяйства въ кавалерій-			
да командированъ				скомъ полку при 8			
въ г. Калугу для				Лубенскомъ гусар -			
наблюденія за про-				скомъ полку съ....	908	апр.	27
изводствомъ конской				по.....	"	сент.	8
переписи съ.....	"	"	7	ВЫСОЧАЙШИМЪ прика-			
по.....	"	окт.	9	зомъ, состоявшимся			
ВЫСОЧАЙШИМЪ прика-				въ 14 день февраля			
зомъ состоявшимся				1909 года назначенъ			
въ II день ноября				штабъ-офицеромъ для			
1906 года назначенъ				особыхъ порученій			
штабъ-офицеромъ				при штабѣ К 1 е в			
для особыхъ поруче-				с к а г о военнаго			
ній при штабѣ 7-го				округа.....	909	февр.	14
армейскаго корпуса	"	нояб.	11	Куда и отправился	"	март.	4
Отправился къ ново-				Прибылъ.....	"	"	6
му мѣсту служенія	907	март.	16	Приказомъ по штабу			
Прибылъ.....	"	"	18	отъ 5 ноября 1909 г.			
На основаніи прика-				за № 90. Начальникъ			
за по войскамъ				Штаба Киевскаго воен-			
Одесскаго военнаго				наго Округа объявилъ			
округа отъ 12 марта				отъ лица службы бла-			
1908 года командиро-				годарность за отлич-			
ванъ въ г. Кишиневъ				ное руководство за-			

IX.
ПРОХОЖДЕНІИ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣненія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ, по какому случаю; по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправленъ и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія, Всемилоstinивѣйши рескрипты, Высочайшія благоволенія.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.		Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
<p>нятіями на Межибужскихъ стрѣлковныхъ куреяхъ.....</p>	909	нояб.	5				
<p>ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ, состоявшимся въ 6 день декабря 1909 года, за отличіе по службѣ произведенъ въ полковника"</p>		декаб.	6				
<p>ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ, состоявшимся въ 2 день апрѣля 1910 года назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба К 1 е в с к а г о военного округа</p>	910	апр.	2				
<p>Въ службѣ гражданской и по выборамъ дворянства не служилъ. ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИХЪ рескриптовъ и ВЫСОЧАЙШИХЪ благоволеній не получалъ.</p>							

X.
ВЫТНОСТЬ ВЪ СЛУЖБѢ.

а) Во временныхъ отпускахъ: когда уволенъ, на какое время и явился ли въ срокъ, а если просрочилъ, то сколько именно и признана ли просрочка уважительною; б) для пользования ранъ: гдѣ именно, по чьему разрѣшенію, съ какого и по какое время; в) въ безсрочномъ отпуску и запасѣ, не состоя на гражданской или общественной службѣ: съ какого и по какое время; г) по роду оружія, безъ исполненія службы; д) въ плѣну: когда и гдѣ взятъ и когда возвратился на службу, и е) въ отставкѣ: когда уволенъ и когда вновь прибылъ на службу.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.		Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
Вытность въ отпускахъ:				Возвратился.....	909	Декаб	15
Въ 28 дневномъ послѣ производствѣ въ офицеры..... съ.	894	Авгус.	18	Въ безсрочномъ отпуску для пользованія ранъ, по роду оружія безъ исполненія службы въ плѣну и въ отставкѣ не былъ.			
по	"	Сентяб	15				
По расчету поверстнаго срока обязанъ прибыть въ свою часть не позже...	"	Декаб	18				
Прибылъ изъ отпуска 24 днями ранѣе срока.....	"	Ноябр	14				
Въ 7 дневномъ отпуску... съ.....	902	Декаб	10				
Возвратился 1 днемъ ранѣе срока.....	"	"	16				
Въ 28 дневномъ отпуску съ.....	903	Сент.	11				
Возвратился 19 днями ранѣе срока.....	"	"	20				
Въ 4 мѣсячномъ отпуску по болѣзни за границу съ сохраненіемъ содержанія съ.....	906	Нояб.	14				
по.....	907	Марта	12				
Въ 2-хъ мѣсячномъ отпуску съ сохраненіемъ содержанія съ..	908	Октяб.	15				

<p>XI.</p> <p>Холостъ или женатъ, на комъ; имѣть-ли дѣтей; годъ, мѣсяцъ и число рожденія дѣтей; какого они и жена вѣроисповѣданія.</p>	<p>Женатъ на дочери генераль-лейтенанта Повадо Швейковскаго, дѣвиль Маріа Александровнѣ, имѣеть сына Николая, родившагося 7 августа 1898 года и дочь Наталію, род. 29 іюля 1902 года. Жена и дѣти вѣроисповѣданія православнаго.</p>			
<p>XII.</p> <p>Есть-ли за нимъ, за родителями его, или когда женатъ, за женою, недвижимое имущество, родовое или благопріобрѣтенное.</p>	<p>Не имѣеть.</p>			
<p>XIII.</p> <p>Подвергался-ли наказаніямъ или взысканіямъ, соединеннымъ съ ограниченіями въ преимуществѣхъ по службѣ; когда и за что именно; по судейнымъ приговорамъ или въ дисциплинарномъ порядкѣ.</p>	<p>Не подвергался.</p>			
<p>XIV.</p> <p>Вытность въ походахъ и дѣлахъ противу непріятеля, съ объясненіемъ гдѣ именно, съ какого и по какое время; оказанія отличія и полученія въ сраженіяхъ раны или контузии; особія порученія сверхъ прямыхъ обязанностей, по Высочайш и въ повелѣніямъ, или отъ начальства.</p>	<p>Въ походахъ и дѣлахъ находился въ составѣ Маньчжурской арміи въ Русско-Японской войнѣ въ 1904 и 1905 г.г. Прешель границу от. Маньчжурія Время пребыванія въ Маньчжуріи 1 годъ 9 мѣсяцевъ и 9 дней. Тоже со времени перемирія 7 мѣсяцевъ и 23 дня. Время слѣдованія со дня</p>	<p>Годъ.</p> <p>904</p>	<p>Мѣсяцъ.</p> <p>іюня</p>	<p>Число.</p> <p>28</p>

посадки да перехода ст. Маньчжурія 27 дней.

Стъ ст. Маньчжурія, до прибытія въ Москву -25' дней.

Участвовалъ въ бояхъ:

2-й періодъ кампаніи:

У д. Ляндыньсянъ съ.....	904	август.	14
по.....	"	"	14
Подъ Ляояномъ съ.....	"	"	16
по.....	"	"	22
На рѣкѣ Шахѣ съ.....	"	сент.	21
по.....	"	октяб.	6

4-ий періодъ кампаніи:

Подъ Мукденомъ съ.....	905	фев.	1
по.....	"	"	25

Участвовалъ въ качествѣ руководителя въ полевой поѣздкѣ офицеровъ Гренадерскаго корпуса въ окрестно- стяхъ г. Москвы съ.....	901	іюля	11
по.....	"	"	22

Участвовалъ въ качествѣ руководителя въ специаль- но кавалерійской поѣздкѣ офицеровъ I-й кавалерій- ской дивизіи въ Оренбургской губ. съ.....	"	"	28
по.....	"	август	5

По распоряженію штаба Московскаго военнаго округа командированъ въ г. Ярославль для исполненія се- кретнаго порученія съ.....	"	сент.	13
---	---	-------	----

Въ командировкѣ въ г. С-Петербургъ для выполненія возложеннаго порученія съ.....	909	мая	2
по.....	"	"	9

Въ командировкѣ въ г. Одессу для выполненія пору- ченія съ.....	"	"	10
по.....	"	"	13

Въ командировкѣ въ г. С-Петербургъ для выполненія порученія съ.....	"	"	2
по.....	"	іюня	2

Въ командировкѣ въ м. Мехмбужье на штабсь-капитанскіе курсы съ.....	909	іюня	10
по.....	"	іюля	27
Въ командировкѣ въ г. Чугуевъ для выполненія порученія съ.....	"	август	14
по.....	"	"	19
Участвовалъ въ подвижномъ сборѣ II и I2 армейскихъ корпусовъ съ.....	"	"	21
по.....	"	"	28
Тоже въ подвижномъ сборѣ 9 и 2I армейскихъ корпусовъ съ.....	"	"	30
по.....	"	сент.	5
Въ командировкѣ въ г. Умань для выполненія порученія съ.....	"	"	18
по.....	"	"	26
Въ командировкѣ въ г. С.-Петербургъ для выполненія возложеннаго на него секретнаго порученія съ.....	910	январ.	1
по.....	"	"	5
Въ командировкѣ въ г. Дубно, Ровно и Луцкъ для выполненія секретнаго порученія съ.....	"	февр.	11
по.....	"	"	15
Въ командировкѣ въ г.г. Харьковъ и Купянскъ для выполненія секретнаго порученія съ.....	"	марта	4
по.....	"	"	13
Въ командировкѣ въ г.г. Кременнугъ и Придуки для выполненія секретнаго порученія съ.....	"	"	21
по.....	"	"	26
Особыхъ порученій, сверхъ прямыхъ обязанностей, по ВЫСОЧАЙШИМЪ повелѣніямъ и отъ Начальства, кромѣ вышепоименованныхъ на имѣлъ.			

Въ службѣ сего штабь-офицера не было обстоятельствъ лишающихъ его права на полученіе знака отличія безпорочной службы, или отдаляющихъ срокъ выслуги къ оному.

За окружного генераль-квартирмейстера
штаба Кіевскаго военного округа,
Генераль-майоръ

Старшій адъютантъ, полковникъ

Соборнин
Тешкин

После окончания войны Дитерихс снова возвратился к службе в Московском Военном Округе, выполняя поручения, подобные этому: «согласно предписания штаба Округа от 7 августа 1906 г., командировать в г. Калугу для наблюдения за производством конской переписи». В ноябре 1906 г. он получил назначение на должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 7-го Армейского корпуса, дислоцированного в Одесском военном округе. Дитерихс проводил ревизии, инспекции по хозяйственной части в кавалерийских частях. В феврале 1909 г. Дитерихса перевели на должность штаб-офицера для особых поручений при штабе Киевского военного округа. Большая часть времени проходит теперь непосредственно в штабе Округа. Пограничный Киевский округ стал основой для развертывания Юго-Западного фронта, и служба в нем требовала постоянной готовности к ожидаемой войне с Германией и Австро-Венгрией. Особо отмечен был Дитерихс в приказе по штабу Округа за «отличное руководство занятиями на стрелковых курсах в г. Межибужье». А 6 декабря 1909 г. «за отличия по службе» он был произведен в полковники. В апреле 1910 г. Дитерихс принял должность старшего адъютанта штаба Округа¹⁹. Венцом его предвоенной карьеры стало занятие должности Начальника отделения в Мобилизационном отделе Главного управления Генерального штаба 30 июня 1913 года. В этой должности он и встретил Великую Мировую войну.

С началом боевых действий Дитерихс вернулся в Киевский военный округ, став начальником Оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта. Приказом по армиям Юго-Западного фронта от 18 августа 1914 г. Михаил Константинович получил назначение на должность штаб-офицера для поручений при Управлении генерал-квартирмейстера. В генерал-квартирмейстерском Управлении сосредотачивались все нити военного управления – от оперативного руководства, разведки до подготовки топографических карт. Юго-Западный фронт под командованием генерал-адъютанта Н.И. Иванова должен был наносить главный удар на Карпаты и затем на Венгерскую равнину. От успеха его операций зависел, во многом, успех всей войны.

В осенние месяцы 1914 г. Дитерихсу приходилось контролировать практически все направления штабной работы. Уже в сентябре 1914 г. он – вр.и.о. генерал-квартирмейстера штаба фронта²⁰. С 28 октября по 12 ноября, в решающий момент Галицийской битвы, полковник Дитерихс стал и.о. начальника штаба 3-й Армии. Он блестя-

ще справился с возложенными на него обязанностями, заслужив похвалу со стороны ген. Иванова в приказе от 17 ноября 1914 г.²¹

Заслуги Михаила Константиновича не остались незамеченными и начальником штаба Юго-Западного фронта генерал-адъютантом М.В. Алексеевым. Он помнил своего ученика, верил в его талант. 3 сентября 1914 г. М.В. Алексеев направил в Ставку телеграмму: «Начальство 3-й Армии усердно ходатайствует... командировать на должность генерал-квартирмейстера полковника Дитерихса. Прошу убедительно исполнить это во имя пользы службы, более подготовленного офицера найти нельзя, работа предстоит серьезная».

Так полковник Дитерихс стал генерал-квартирмейстером штаба 3-ей Армии. Пребывание в штабе Армии было недолгим, и уже 19 марта 1915 года Дитерихс был назначен и.о. генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта²². Здесь он работал уже под непосредственным руководством ген. Алексеева.

Один из его сослуживцев по штабу Фронта, будущий председатель Особой Военной Миссии по оказанию помощи Белым армиям, полковник Б.В. Геруа, отмечал в своих воспоминаниях, что генерал Алексеев «разделил» штабную работу на «творческую» и «исполнительную». «...Для первой он привлек двух своих чинов «для поручений» – генерала В. Борисова и полковника М. Дитерихса. С их помощью Алексеев принимал в своем кабинете решения и их разрабатывал...». Дитерихса «Алексеев помнил еще по Академии и потом имел случай убедиться еще раз в чрезвычайной серьезности этого молодого офицера Генерального штаба...»²³.

Но весна 1915 года принесла Российской Императорской армии горькие разочарования. Вместо ожидаемого наступления по всему фронту и выхода на Венгерскую равнину последовал страшный контрудар австро-немецких войск – т.н. Горлицкий прорыв. Генерал-квартирмейстерская часть Юго-Западного фронта делала все возможное, чтобы задержать противника. Не считаясь ни со временем, ни с собственными силами, Дитерихс принимает, анализирует донесения от различных воинских частей, стремится наладить оперативное взаимодействие различных частей фронта, провести отступление максимально планомерно. И «Великое отступление 1915 года», хотя и привело к оставлению завоеванных с таким трудом Галиции и Польши, совершилось своевременно и без существенных потерь. Участие в кампании 1915-го года стало для Дитерихса своего рода «опытом отступления», не менее, а, возмож-

но, даже более важным опытом во время войны. Ведь организованное, планомерное отступление можно считать гораздо лучшим стратегическим решением, чем оборона на имеющихся рубежах любой ценой. Этот опыт отступления пригодился Дитерихсу во время сражений гражданской войны.

Высочайшим Указом от 28 мая 1915 г. «за отличную службу и труды военного времени» Дитерихс был произведен в генерал-майоры. А 8-го октября 1915 г. «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» Дитерихс был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами.

В декабре 1915 г. командование армиями Юго-Западного фронта принял генерал-адъютант А.А. Брусилов. Несмотря на перестановки в верхах, Брусилов, зная несомненные штабные достоинства Дитерихса, не только не отправил его в отставку, но и поручил разработку планов контрнаступления, того самого знаменитого контрнаступления Юго-Западного фронта 1916 года, которое затем войдет в историю под именем «Брусиловского прорыва»²⁴.

В сентябре 1915 г. в штаб фронта был переведен командир 165-го Пехотного Луцкого полка Генерального штаба полковник Н.Н. Духонин. Он стал одним из ближайших помощников Дитерихса. Следует отметить, что в это же время в штабе Фронта под началом Михаила Константиновича служили и другие будущие участники Белого движения: подполковник К.В. Сахаров и капитан В.О. Капель. Штаб фронта тщательно анализировал все подступы к передовым рубежам, все возможные оперативные направления главного удара. Была разработана стратегия фронтального удара, с помощью которого можно было бы отбросить противника на нескольких участках фронта одновременно, не дать возможности подтянуть подкрепления с тыла, дезориентировать в отношении своих намерений.

Однако увидеть результаты своего плана Михаилу Константиновичу не довелось. 22 мая 1916 г. началось наступление Юго-Западного фронта, а уже 25 мая, в разгар боев, было объявлено, что генерал-майор Дитерихс отправляется к новому месту службы. Это был далекий Салоникский фронт, Балканы, где ему предстояло стать Начальником 2-й Особой бригады. Генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта стал его помощник – уже генерал-майор, Духонин.

Перемены произошли и в личной жизни Дитерихса. Распался брак с Марией Александровной Повало-Шевейковской. Но нака-

нуне отправки на далекие Балканы 42-летний генерал обвенчался с Софией Эмильвной Бредовой. Невеста была моложе на 11 лет. Ее старший брат Николай Эмильевич (годом позже Дитерихса окончивший Академию Генштаба) стал начальником 7-й Пехотной дивизии в составе Вооруженных Сил Юга России, руководил отступлением частей войск Новороссийской Области от Одессы к польской границе (легендарный «Бредовский поход»). Другой брат – Федор Эмильевич – был начальником штаба Дроздовской дивизии. Так судьбы двух фамилий пересеклись в истории Белого движения.

София Эмильвна в 1903 г. закончила Смольный институт и была принята в Женский Педагогический Институт на историко-словесное отделение. С Дитерихсом они могли встречаться еще во время ее работы классной наставницей Фундуклеевской женской гимназии в Киеве. А весной 1914 г. по рекомендации известного русского историка профессора С.Ф. Платонова она стала Начальницей женской гимназии в Смеле Черкасского уезда, а в 1914–1915 учебном году работала в частной гимназии в Бердичеве, давая уроки методики, психологии, всеобщей и русской литературы, всеобщей и русской истории. Но после замужества, вплоть до 1919 года, педагогической деятельностью она не занималась²⁵.

Став командиром 2-й Особой бригады, генерал Дитерихс принял весьма ответственное поручение, ведь бригада входила в состав межсоюзнических воинских контингентов, сформированных специально для действий на Балканах, и от ее начальника требовались качества опытного руководителя и определенные дипломатические способности. 2-я Бригада выражала, говоря современным языком, «геополитические интересы» России на Балканах, олицетворяла собой реальную помощь единоверным «братьям-славянам». Верховное командование межсоюзническими войсками возлагалось на французского генерала Саррайля²⁶. 2-я Особая Пехотная бригада была специально укомплектована кадровыми офицерами и унтер-офицерами. Она формировалась в Москве, в Хамовнических казармах весной–летом 1916 г. Общая численность бригады составляла около 10 тысяч солдат и офицеров. Сохранившиеся приказы Дитерихса показывают его дотошность, максимальную педантичность. Генерал вникал во все детали, вплоть до передергивания затворов во время учебных стрельб и употребления специй, зелени от цинги и красного вина от лихорадки, жестоко преследовавшей русских солдат и офицеров в сырых низинах

Македонии (не избежал этой болезни и Дитерихс). Это не было проявлением мелочности, «занудности» – скорее, наоборот, стремлением все тщательно проверять, вникать во все подробности жизни вверенной ему воинской части²⁷.

Отправка бригады проводилась морем через Архангельск. 21 июня 1916 г. первый эшелон во главе с Дитерихсом отправился на трех пароходах через Атлантику, Брест и Марсель в Салоники. В начале августа части бригады прибыли в Грецию, а к концу месяца выдвинулись на линию фронта²⁸.

В это время, под впечатлением «Брусиловского прорыва», Румыния вступила в войну против Четверного Союза, но крайне неудачно. Румынская армия сразу же стала терпеть неудачи, и болгаро-австрийские войска вступили в Бухарест. Нужно было срочно спасти нового «союзника», и войска Салоникского фронта должны были перейти в общее наступление. Но неожиданно болгарские войска нанесли упреждающий удар. У города Флорина были атакованы сербские части. Для ликвидации прорыва генерал Сарраиль бросил 2-ю Особую бригаду, сосредоточение которой еще не завершилось.

Совместно с французскими частями, имея в своем распоряжении лишь один полк и собственный штаб, генерал Дитерихс вышел в бой. 10-го сентября произошел первый бой русских частей на Салоникском фронте. Отбив атаку болгарской пехоты, союзные силы начали готовиться к выполнению главной стратегической задачи – занятию города Монастырь (конечного пункта железнодорожной линии Салоники–Монастырь) на юге сербской Македонии в Битоле. Захват этого города обеспечил бы соединение двух участков Салоникского фронта – Западного (контролируемого итальянскими войсками) и Восточного (занимаемого совместным франко-сербско-русским контингентом). Главный удар наносили войска Восточного участка, и бригада Дитерихса оказалась на острие²⁹. Наступление проходило в тяжелых горных условиях. Не хватало продовольствия и боеприпасов. Но союзники упорно наступали и 17 сентября овладели ключевой позицией на подступах к Монастырю – городом Флорина. Одна из целей наступления была достигнута: болгарская армия начала медленно отступать на север. Верховное Союзное командование не могло не оценить успехов Особой бригады, и приказом от 19 октября 1916 г. 3-й Особый Пехотный полк был награжден Военным крестом Croix de Guerre avec palmes (с пальмовой ветвью) на знамя. Этой же награды удостоился и ге-

нерал Дитерихс. Десятки солдат и офицеров получили Георгиевские кресты и ордена³⁰.

После присоединения к бригаде 4-го Особого полка, Дитерихс стал командовать объединенной Франко-Русской дивизией (именно так она отмечалась в приказах), состоявшей из 3-го и 4-го Особых полков, французского 2-го Бис полка зуавов и 2-х групп артиллерии³¹.

Дивизия Дитерихса возобновила наступление, но вскоре столкнулась с сильным сопротивлением болгарских войск на заранее подготовленных рубежах. Требовалась длительная артиллерийская подготовка, о чем докладывал Саррайлю Дитерихс, отмечая также, что дивизия понесла большие потери и нуждается в передышке. Однако пока русские полки сковывали болгар в центре, в тыл вражеских позиций прорвались сербы. Под угрозой окружения болгары продолжили отход. Дитерихс тут же отдал приказ о преследовании. И 19 ноября 1916 г. на плечах отступающего противника 1-й батальон 3-го Особого Русского полка ворвался в Монастырь³². Тогда же в районе Охридского озера итальянские войска, наступавшие с территории Албании, соединились с русско-сербскими частями. Взятие Монастыря означало не только прорыв австро-немецко-болгарского фронта и соединение Восточного и Западного участков Салоникского фронта. Союзные войска впервые вступили на территорию Сербии, в Битоль, положив тем самым начало освобождению сербского народа от оккупантов. В своих приказах Дитерихс подчеркивал важность этой победы, как выражения славянского единства, скрепленного не только Общей Верой и Общей Историей, но и совместно пролитой кровью в боях Великой Мировой войны.

Давний друг России сербский Королевич Александр Карагеоргиевич, прибывший через два дня в освобожденный Монастырь, выразил особую признательность русским войскам. В 1919 г. Александр стал единственным из всех глав государств мира, который де-факто признал власть Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака.

Отметили подвиги Франко-Русской дивизии и во Франции. Генерал Саррайль писал в особом приказе: «Русские, в греческих горах, как и на сербской равнине, ваша легендарная храбрость никогда не изменяла вам». А 10 января 1917 г. за бои под Монастырем Дитерихс удостоился высшей награды Франции – Ордена Почетного Легиона³³.

Не остались незамеченными заслуги Дитерихса и в России. За бои под Монастырем он получил орден Св. Владимира 2-й степени с мечами.

В 1935 году русским архитектором Р.Н. Верховским в Белграде был поставлен памятник Русской славы, выполненный в форме снаряда с фигурой Архистратига Божия Михаила (небесного покровителя Михаила Дитерихса) на вершине. На памятнике был высечен российский Императорский орел и надписи на русском и сербском языках. Они гласят: «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны», «Храбро павшим братьям русским на Салоникском фронте. 1914–1918». Под ступенями, ведущими к памятнику, расположена часовня-склеп с надписью «Спите, орлы боевые». Здесь покоятся останки тех солдат и офицеров Российской Императорской армии, кто отдал свои жизни за освобождение Сербии³⁴.

После освобождения Битоля наступление союзных сил остановилось, и война, как, впрочем, и на других участках фронта Великой войны, приобрела позиционный характер. С ноября 1916 г. бригада Дитерихса вошла в состав Сербской армии и заняла позиции в долине р. Церне. В октябре в Салоники прибыли подкрепления из России – 4-я Особая бригада, также вошедшая в состав Сербских войск.

В ожидании общего весеннего наступления на всех фронтах, в надеждах на скорое победоносное окончание войны русские войска получили из России внезапную, страшную весть: 2 марта 1917 г. Государь Император Николай II отрекся от престола. От Дитерихса потребовалось разъяснить своим подчиненным случившийся Акт, подлинный смысл которого вряд ли он сам мог понимать тогда, вдали от Родины. И Дитерихс поступил как солдат, верный принципу «Армия вне политики», как человек, сердцем понимающий, что главной целью теперь должна стать только Победа над врагами Отечества. Во имя этой победы он и призывал сплотиться своих солдат и офицеров. Ради нее он, возможно, готов был принять и политические перемены, неизбежные в новой России. Ведь к этому призывал и Государь в своем Манифесте...

Бригада присягнула новой власти – демократическому Временному Правительству. В глазах Дитерихса-монархиста Временное Правительство обладало статусом власти, которой повелел подчиняться Государь Император и Верховный Главнокомандующий. Нововведения Временного Правительства, вплоть до знаме-

нитого Приказа № 1 об избрании армейских комитетов, Дитерихс даже приветствовал, полагая, что они действительно позволят укрепить русского солдата, сделают его настоящим гражданином, сознательным бойцом за Веру и Отечество. Следует отметить, что по отношению к своим солдатам Дитерихс проявлял не просто заботу («дети» – называл он их в своем дневнике), но уважение, уверенность в том, что солдат, жертвуя жизнью за Россию, тем самым выражает некую Высшую Божию Правду. Именно в этом смысле понимал Дитерихс «демократизацию» армии, считая, что, получив возможность самоуправления (через создание армейских комитетов), гражданские свободы, солдаты должны еще больше сил отдать Родине. И, действительно, подавляющее большинство солдат и офицеров Особой бригады были готовы продолжать борьбу против общего врага, продолжали верить в победу³⁵.

Накануне наступления все союзные силы были объединены в Ударную группу под командованием французского генерала Лебу. Наступление началось 9 мая 1917 г. В боях бригада понесла большие потери. Около 1 300 солдат и офицеров было убито, ранено, пропало без вести. Гибель лучших бойцов потрясла Дитерихса и 18 мая 1917 г. он обратился к ген. Саррайлю с рапортом о необходимости отправки бригады в тыл, ведь с момента прибытия в Салоники, с августа 1916 г., русские полки постоянно находились на передовой.

Саррайль, сожалея о необходимости отвода бригады в тыл, подписал об этом приказ 24 мая 1917 г. Отход совпал с реорганизацией русских бригад, их сведением во 2-ю Особую дивизию. Дитерихс должен был вступить в командование с 5 июня. Но уже в начале июля его срочно вызвали в Россию.

Уход Дитерихса многими его боевыми соратниками воспринимался как большая утрата. Генерал Саррайль так писал о нем: «Я с грустью узнал, что он уезжает, генерал... который часто был для меня драгоценнейшим помощником во всех военных и жизненных проблемах. Тот генерал, который заменил Дитерихса на его посту, представлял собой смелого офицера, но его новая должность явилась для него делом неизведанным...»³⁶.

Возвращение в Россию стало для Дитерихса началом нового жизненного этапа. Летом 1917 г. он встретил уже совершенно другую страну. Когда он покидал Россию всего год назад, в разгар «Брусиловского прорыва», он верил в то, что его участие в боях на далеких Балканах приблизит долгожданную победу. Вернулся

в страну, опьяненную дурманом свободы, страну, где уже считалось, что воинская дисциплина – это пережиток «старого режима», где закончилось полным провалом широко разрекламированное июньское наступление, где было небезопасно носить вензеля на погонах, и даже белый Мальтийский крестик об окончании Пажеского Корпуса мог стать поводом для обвинения в «реакционности».

Приближалось знаменитое «Корниловское выступление». С именем Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова в среде офицерства связывались надежды на то, что удастся «навести порядок в России», установить твердую власть, которой удастся победоносно завершить войну. И здесь впервые политика вошла в судьбу потомственного военного – генерала Дитерихса.

Подчиняясь распоряжениям премьер-министра А.Ф. Керенского, Дитерихс 10 августа прибыл в Петроград, в Зимний дворец. Керенский в беседе с ним выразил заинтересованность в развитии «средней политической линии», без «контрреволюции с левого» и «контрреволюции с правого флангов». В качестве выразителя «средней линии» в армии Керенский недвусмысленно заявлял о предпочтении именно Дитерихса, которому предлагалось занять сперва должность Командующего Петроградским военным округом, а затем и военного министра. По словам Дитерихса, Керенский «представлял себе возможность гражданской войны, но старался избежать ее». Генерал говорил, что «время не терпит, что на фронте не ждут, что порядок необходимо водворить, даже если для этого придется отсечь эти фланги...»³⁷.

Не дожидаясь окончательного решения своей дальнейшей судьбы, 22 августа Дитерихс выехал из Петрограда, получив разрешение посетить семью в Киеве. Однако доехать до дома Дитерихсу не удалось.

Проезжая через Могилев, Дитерихс встретился с командиром 3-го Конного корпуса генерал-лейтенантом А.М. Крымовым. Эта встреча сделала Дитерихса и очевидцем и участником всего «Корниловского выступления». На допросе Следственной Комиссии Дитерихс добросовестно изложил свою версию «путча». В соответствии с ней Крымов был уверен, что после отступления русских войск на линию Нарва–Псков предполагается формирование Особой Петроградской армии, и перебрасываемый под Петроград его корпус должен был войти в ее состав. Именно этими

оперативными перегруппировками, а отнюдь не «стремлением реставрировать старый режим» и «свергнуть демократическое правительство» руководствовался, с точки зрения Дитерихса, генерал Крымов. С Корпусом Дитерихс проделал весь путь до Луги и отмечал, что абсолютно никаких политических целей его командование не преследовало, а недоверие Керенского привело Крымова к самоубийству.

Честность поведения Дитерихса во время следствия, тот факт, что он к моменту прибытия в 3-й Конный корпус формально не занимал никакой должности, а также политическая лояльность к Керенскому на тот момент спасли его от «Быховского заключения». Более того, с сентября 1917 г. Дитерихс получил заметное повышение по службе: чин генерал-лейтенанта и должность генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего. Начальником штаба Ставки стал сослуживец Дитерихса по Юго-Западному фронту генерал-лейтенант Н.Н. Духонин. Дитерихс становится его первым заместителем в соответствии с порядком управления³⁸.

Во время фактического развала фронта военные задачи для генерал-квартирмейстерской части становились отдаленными. Важнее было подготовиться к борьбе против «внутренних врагов», особенно против «контрреволюционеров слева» – большевиков.

Духонин поддерживал контакты с «Быховскими узниками». Об этом писал генерал А.И. Деникин в «Очерках Русской Смуты»: «...Духонин и Дитерихс испытывали тягостное смущение неловкости, находясь между двух враждебных лагерей. Сохраняя полную лояльность в отношении к Керенскому, они в то же время тяготились подчинением ему и отождествлением с этим лицом, одиозным для всего русского офицерства; их роль – наших официальных «тюремщиков» – также была не особенно привлекательна; моральный авторитет Корнилова в глазах офицерства сохранился, и с ним нельзя было не считаться. Не раз Быхов давал некоторые указания Могилеву, которые в мере возможности Ставка исполняла...»³⁹.

После Октября 1917 г. и бегства Керенского с поста Главковерха, 1 ноября 1917 г. ген. Духонин принял на себя обязанности Верховного Главнокомандующего, а с 3 ноября – Дитерихс стал его Начальником штаба. Ему пришлось стать свидетелем катастрофы Ставки и последних попыток Духонина организовать сопротивление новой власти. В разгар «кровавой недели» в Москве Дитерихс лично контролировал отправку, правда, запоздалую, во «вторую столицу» частей 1-й Бригады 3-й Гвардейской Кавалерийской дивизии⁴⁰.

Интересный факт. У Дитерихса был реальный шанс продолжить свою службу у большевиков. 8 ноября ему пришлось вести переговоры с назначенным большевицким Совнаркомом Народным Комиссаром по Военным Делах и новым Главковерхом прапорщиком Н.Г. Крыленко. 13 ноября 1917 г. Крыленко ультимативно потребовал от ген. Духонина подчинения большевикам и выполнения «Декрета о мире». После отказа генерала Духонина подчиниться, Крыленко по телеграфу предписал ему сдать все дела Дитерихсу, которому поручалось руководить Ставкой до тех пор, пока из Петрограда не прибудет новый Главковерх. Но ни Духонин, ни Дитерихс на это не пошли. Сразу же после переговоров с Петроградом, 8 ноября, Дитерихс, не желая иметь ничего общего с новой властью, приказом по Управлению генерал-квартирмейстера сложил с себя обязанности генкварверха, передав их генерал-майору В.Е. Скалону⁴¹.

События Октября 1917 г. Дитерихс воспринял как закономерный итог слабости Временного Правительства, его невозможности руководить страной. Понимая невозможность компромиссов с большевиками, Дитерихс рассчитывал сделать Ставку центром сопротивления. Неизвестно, получал ли он подобные распоряжения от Керенского, но со стороны своего бывшего начальника ген. Алексеева имелись прямые указания на этот счет. В письме от 8 ноября 1917 г., которое можно считать одним из первых документов по истории Белого движения, Алексеев, находившийся в это время в Новочеркасске, писал о тех перспективах, которые, по его мнению, имела Белая борьба на Дону и Кубани. Генерал Алексеев возлагал большие надежды на организацию антибольшевицкого сопротивления с помощью Ставки Верховного Главнокомандующего – одного из немногих легитимных органов, оставшихся в России в период «междувластия» (в условиях, когда Всероссийское Учредительное Собрание еще не избрано, а Временного Правительства уже не существует).

С точки зрения генерала Алексеева, следовало использовать аппарат Ставки, чтобы продолжать формирование добровольческих антибольшевицких отрядов (под видом местных отделений офицерских союзов, вечных воинов и т.п.). Алексеев подчеркивал: «в вопросах организационных нужно соглашение с вами и совместная разработка плана», «нужно много работать совместно». «...Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиваться. Само собой ничего не произойдет... Только энергичная, честная рабо-

та всех сохранивших совесть и способность работать может дать результаты... Давайте группировать средства главным образом на Юго-Восток, проявим всю энергию, стойкость... Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью...»⁴².

Однако Дитерихс уже не мог помочь своему бывшему начальнику. Генерал Алексеев не знал, что в день, когда письмо в Ставку было написано, Дитерихс перестал быть генерал-квартирмейстером и начальником Штаба Главковерха.

Во время убийства генерала Духонина Дитерихс находился у себя на квартире. «Товарищи» искали его везде, и, скорее всего, его ожидала судьба «быть отправленным в штаб Духонина», но Михаил Константинович обратился за помощью к представителям французской военной миссии в Могилеве. Французы, помня заслуги генерала, награжденного Орденом Почетного Легиона, спасли ему жизнь. Из Ставки Дитерихс перебрался в Киев, где жил вместе с женой по фальшивому паспорту, написав свою фамилию задом наперед, как надворный советник, чиновник военного времени Константин Михайлович Схиретидов⁴³.

Так для Дитерихса начиналась гражданская война...

Дальнейшая его судьба оказалась связанной с Чехословацким корпусом. На возможность использования чехословацких воинских частей как основы антибольшевицкого сопротивления обращал внимание в вышеупомянутом письме и генерал Алексеев: «...все чешско-словацкие полки... охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России. Некоторые связи установлены; в скором времени они получают дальнейшее развитие. Если Вы можете оказать содействие к переводу под тем или другим предлогом, то положите прочное начало к созданию здесь реальной силы... Если бы можно было рассчитывать на перемещение чехословаков, то командирование от них офицеров было бы полезно для изучения условий расположения...»⁴⁴. Созданные при прямом участии Императора Николая II, по инициативе «Национального Совета Чехословакии» эти воинские части принимали участие в боях июньского наступления 1917 года. 1-я дивизия вошла в состав русской армии, получив имя Яна Гуса. Затем сформировалась и 2-я Чехословацкая дивизия. Немало чехов, словаков, представителей южных славян сражались в рядах Корниловского Ударного полка.

В ноябрьские дни 1917 г. части корпуса вели бои в Киеве. Дитерихс принял должность начальника штаба корпуса⁴⁵. Большая

часть солдат и офицеров корпуса относились к Дитерихсу весьма доверительно (возможно, сыграли роль моравские корни рода Дитерихштейнов). Одной из причин сближения с чехами был и его авторитет среди представителей французского командования, ведь с декабря 1917 г. корпус формально подчинялся военному руководству Франции⁴⁶.

Чехословацкий корпус готовился к продолжению борьбы с немцами и, по решению французского Генштаба, ему предписывалось следовать на Западный фронт, через Поволжье, Урал и Сибирь до Владивостока. Корпус, руководство которого заявило о своем неприятии «Декрета о мире», становился опасным для советской власти. После подписания Брестского мира с Германией, немецкие военные и дипломатические представители в Советской России начали оказывать давление на Совнарком, требуя прекратить продвижение корпуса на Дальний Восток. Результатом стала спецтелеграмма наркомвоенмора Л.Д. Троцкого от 25 мая 1918 г.: «...все совдепы по линии от Пензы до Омска обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожных линиях, должен быть расстрелян на месте... Всем железнодорожникам сообщается, что ни один вагон с чехословаками не должен продвигаться на восток...».

В ответ на эти попытки «Временный Исполнительный Комитет Съезда Чехословацкого Войска» заявил, что «оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться, продвижение на восток продолжать собственным порядком»⁴⁷. Началось вооруженное противодействие попыткам большевиков разоружить корпус, и вскоре, практически на всем протяжении Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока, советская власть оказалась свергнутой.

Вместе со своей семьей Дитерихс покинул Киев и, следуя с головным эшелоном корпуса, прибыл в начале июня 1918 г. во Владивосток. Отныне с Дальним Востоком будет связана вся его жизнь... Но вряд ли Дитерихс собирался в это время надолго оставаться в России. В составе Чехословацкого корпуса он намеревался ехать далее на Западный фронт, где продолжалась Великая Мировая война. Чешская шапочка и чешский генеральский циток на левом рукаве подчеркивали его должность. Весьма доверительные отношения связывали Дитерихса с представителями чехословацкого военного руководства – Гайдой, Сыровым и Чече-

ком. Назначение на должность начальника штаба корпуса активно поддерживалось проф. Масариком (будущим Президентом Чехословакии).

Первоначально чешские части во Владивостоке стремились соблюдать полный нейтралитет. Но вскоре местный Совет обратился к ним с требованием о разоружении. В ответ Дитерихс ультимативно потребовал от Совета разоружить все имеющиеся в городе красноармейские части. После обмена ультиматумами чехи выступили первыми, и в ночь на 29 июня 1918 г., после небольших столкновений Владивосток был освобожден от советской власти. Была образована специальная Владивостокская группа, командование которой принял генерал Дитерихс.

После освобождения Владивостока представители союзных держав заявили о переходе города и порта под международный контроль. 6 июля было выпущено обращение: «...В виду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров, настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав, и будут приняты все необходимые меры для защиты как от внешней, так и внутренней опасности... Настоящий акт делается в духе дружбы и симпатии к русскому народу, в надежде, что период спокойствия даст возможность сбросить иго тиранической диктатуры австро-германских держав, спешащих навязать это иго русскому народу на долгое время...»⁴⁸.

На причале порта Дитерихс встречал прибывшие во Владивосток контингенты союзных войск. Сохранились редкие фотографии, на которых Михаил Константинович, с Орденом Почетного Легиона и Крестом «За Военные Заслуги», в одном ряду с представителями союзного командования принимал парады английских, американских, французских, японских войск.

После Владивостока группа начала продвигаться на запад и северо-запад по линии Транссиба, имея стратегическую задачу – объединиться с частями Чехословацкого корпуса в Сибири и русскими антибольшевицкими формированиями забайкальских казаков, под командованием полковника Г.М. Семенова и Сибирской армии полковника А.Н. Пепеляева. Серьезные бои прошли под г. Никольск-Усурийском. 2–6 июля 1918 г. части 5-го и 8-го полков освободили город и железнодорожную станцию, открыв тем самым дорогу в Маньчжурию. Группа несла большие потери, нередко

в атаку приходилось идти без патронов, в штыки. Разбитые красные отряды отступали к Спасску, и после двухдневных боев 16–18 июля город был взят частями 5-го и 7-го полков. В течение августа шли бои по линии Забайкальской железной дороги в Маньчжурии и под Хабаровском. В результате красные отряды попали в окружение, часть из них ушла в горы, пополняя ряды партизанских отрядов, часть сдалась в плен. И 31 августа на ст. Оловянной состоялась историческая встреча. Владивостокская группа соединилась с Восточной группой, сражавшейся в Забайкалье. Части Дитерихса, Пепеляева и Семенова объединились. Было создано единое Командование Дальневосточной группы⁴⁹.

В октябре 1918 г. Дитерихс приехал в Уфу, где начинало свою работу первое Всероссийское правительство антибольшевицких сил – Уфимская Директория. Здесь он встретился с военным министром Директории генерал-лейтенантом В.Г. Болдыревым. Встал вопрос об объединении всех антибольшевицких воинских контингентов под общим командованием. В своих воспоминаниях, написанных и изданных в СССР, Болдырев так вспоминает об этом: «Наибольшим осложнением в вопросе объединения вооруженных сил было подчинение чехов Русскому Верховному Главнокомандованию... Решительное совещание по этому поводу состоялось в моей квартире, в присутствии прибывшего в Уфу генерала Дитерихса. Раньше я не встречался с Дитерихсом... Прибытию его в Уфу предшествовали слухи о его больших связях с французами и о возможности его кандидатуры на высшее командное положение в Сибири. Дитерихс перед этим руководил чешскими войсками при ликвидации большевиков в Приморье, а потому пользовался известным значением и среди чешского командования, находившегося на Урале и в Западной Сибири... Но Директория твердо стала на точку зрения абсолютной недопустимости возглавления русских войск иноземцами или даже русскими генералами, являвшимися ставленниками союзников.

Я предлагал Дитерихсу принять то или иное участие в работе. Он отказался, заявив, что не хотел бы отрываться от чехов. За время нашего совещания Дитерихс усиленно подчеркивал свою близость к чехам. Подчеркивание это было настолько ярким, что вызвало даже мой невольный вопрос: считает ли он себя русским генералом; на что Дитерихс ответил: «Я прежде всего чешский доброволец». На это указывала и чешская нашивка на его рукаве...»⁵⁰.

Никоим образом не стоит понимать этих слов Михаила Константиновича как выражение некоей «антирусской позиции». Для него участие в боевых действиях вместе с чехами было тогда гораздо важнее подчинения «демократической», эсеровской по своему партийному составу Всероссийской Директории.

Но ее время оказалось недолгим. 18 ноября 1918 г. Омский Совет Министров призвал вице-адмирала А.В. Колчака к власти Верховного Правителя России. Директория была свергнута, и высшая власть в России принадлежала теперь одному лицу. Военные и общественные круги по-разному отнеслись к смене власти. Представители кадетской партии, правые организации, большинство военных поддержали Колчака. Представители «революционной демократии», эсеры, меньшевики, руководство Чехословацкого корпуса осудили «омский переворот», а эсеры призвали к вооруженному сопротивлению.

По свидетельству ген. Болдырева, известия о приходе к власти Колчака Дитерихс встретил скорее негативно, разделяя, тем самым, взгляды чехословацкого руководства, считавшего адмирала «узурпатором». Но, с другой стороны, Дитерихс, учитывая опыт 1917 года, понимал, что для фронта единоличная власть, как и единоначалие вообще, явление положительное. После объединения вооруженных сил в ноябре 1918 г. был создан Западный фронт, включавший в себя Екатеринбургскую, Камскую и Самарскую группы белых армий, а также союзные им чехословацкие, сербские и другие части, воевавшие на Урале. Дитерихс с января до середины февраля 1919 г. был Начальником штаба фронта, а затем вр.и.д. Главно-Командующего фронтом. А в ноябре–декабре 1918 г. Дитерихс возглавлял располагавшуюся в Челябинске генерал-квартирмейстерскую часть. Он перестал числиться по Чехословацкому корпусу, и хотя на рукаве его кителя еще сохранялся чешский нарукавный щиток, но на шинель вернулись русские погоны генерал-лейтенанта. Он активно работал над составлением планов наступательных операций.

Интересная историческая деталь. Адьютант Дитерихса поручик Людвик Свобода стал впоследствии известным генералом, Президентом Чехословацкой Советской Социалистической Республики, Героем Советского Союза. А в 1918 году он, впрочем, как и многие из будущих чешских политиков и генералов, воевал против советской власти, был дисциплинированным адъютантом генерала-монархиста. Другой помощник Дитерихса, поручик Влади-

мир Войцехович Клецанда был в 1917 году переводчиком в штабе Юго-Западного фронта. Арестованный «по делу Корнилова», он стал в январе 1917 г. генерал-квартирмейстером Западного фронта, а в 1924 г. — военным атташе во Франции.

Дитерихс, убеждавший генерала Болдырева в том, что он всего лишь «чешский доброволец», человек, заслуживший у чехов уважение и авторитет, вышел из состава корпуса. После «омского переворота» в руководстве корпуса все большее влияние стали получать откровенно левые элементы, весьма негативно относившиеся к Колчаку и всем правым силам в Сибири... Дитерихс, с его прошлым «царского генерала», мог показаться слишком правым. К тому же, после того как в боях лета—осени 1918 г. погибли лучшие солдаты и офицеры корпуса, карьеру в нем стали делать свои прапорщики и поручики. Заметную роль сыграло и то, что чехословацкие части с января 1919 г. были сняты с фронта на охрану Транссибирской магистрали, где их задачи сводились, по существу, к административно-полицейским функциям. Чтобы руководить этими боями, хватало знаний младшего офицера, а не генерала-генштабиста. Война на Западном фронте закончилась. Антанта торжествовала победу, и отправляться за границу было бессмысленно. Для Русского Патриота, боевого, заслуженного генерала, абсолютно неприемлемым было бы желание отсидеться, переждать, посмотреть «чья возьмет», оставаясь с чехами и мирно «охраняя» Трансиб. Дитерихс считал, что его знания и опыт могут стать полезными для новой Русской армии, Армии Возрождающейся России.

Новый, 1919-й год Дитерихс встретил в штабе Западного фронта, планируя операции на Уфимском направлении. Но вскоре наступил подлинный поворот в его судьбе. 8 января 1919 г. он был исключен из списков Чехословацкого корпуса и переведен на службу в Российскую армию Верховного Правителя России и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака. Специальным предписанием Верховного Правителя от 17 января 1919 г. на Дитерихса возлагалось «общее руководство по расследованию и следствию по делу об убийстве на Урале Членов Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых».

Расследование обстоятельств гибели Царской Семьи началось сразу же после освобождения Екатеринбурга от большевиков летом 1918 г. С самого начала следствия, помимо сугубо юридических споров о причинах этого страшного преступления и о розыске виновных, возникли другие вопросы. Остался кто-либо в живых из

Рода Романовых и может ли считаться легитимной любая власть, существующая на территории бывшей Российской Империи?

Почему руководить расследованием стал именно Дитерихс? С одной стороны, в связи с расформированием Западного фронта и созданием на его основе трех отдельных армий генерал оставил свои фронтовые должности. С другой – Верховному Правителю были хорошо известны не только монархические симпатии Дитерихса, но и его поразительное трудолюбие, стремление скрупулезно вникать во все детали любого дела, которое ему поручалось. Кроме того, за полгода производства следствия так и не было дано ответа на вопрос о том, что же все-таки произошло в доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

2 февраля 1919 г. после предварительного ознакомления с материалами следствия Дитерихс доложил Колчаку, что расследование необходимо систематизировать, разбить следственные действия на ряд отдельных направлений. В докладе отмечалось, что нужно не только собирать «вещественные доказательства», изучать места, связанные с актом Цареубийства, разыскивать свидетелей по делу и, самое главное, продолжать «розыски тел мученически погибших бывшего Императора, членов Его Семьи и состоявших при нем придворных и слуг», важно также «выяснение дела с юридической, исторической и национальной точек зрения»⁵¹. В качестве человека, способного расследовать обстоятельства дела, Дитерихсу был представлен недавно перешедший линию фронта судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколов. 2 февраля он был представлен Колчаку, и 6 февраля 1919 г. ему поручалась непосредственная работа по ведению расследования⁵².

В ходе следствия Дитерихс пытался понять, прежде всего, причины свершившегося преступления. Он впервые, много раньше многочисленных российских и эмигрантских политиков и публицистов, пришел к выводу, что акт Цареубийства стал следствием глубокого раскола власти и общества, отсутствия чувства государственности и патриотизма у так называемой «общественности», у «бояр-западников». Эта антигосударственность привела к Февралю и Октябрю 1917 года, сделала возможным Цареубийство. При этом, в отличие от многих современных публицистов, Дитерихс отнюдь не стремился переложить всю вину на деятелей Временного Правительства, не искал корни некоего «масонского заговора». Трагедия Династии заключалась в том, что ей отказал в верности

сам русский народ, нарушивший Крестное Целование, данное на Земском Соборе 1613 года. Русский народ оказался ослепленным демагогией, исходившей сперва от «бояр-западников», а затем от левых радикалов-большевиков. Если бы народ сохранил свою верность Клятве 1613 года, если бы оттолкнул от себя демагогов типа Ленина, Троцкого и Милюкова, то тогда можно было бы избежать революционных потрясений, избежать Цареубийства.

Тщательность следствия была максимально возможной в тех условиях. Малейшие имеющие хоть какое-либо отношение к Цареубийству предметы, свидетельства скрупулезно собирались и анализировались. Все документы сохранялись в трех экземплярах (для Дитерихса, Соколова и английского журналиста Р.А. Вильтона, наблюдавшего за ходом следствия и готовившего информацию на Запад, копии с наиболее ценных материалов отправлялись также Министру юстиции проф. Г.Г. Тельбергу). В прессе материалы о ходе следствия не публиковались, и лишь изредка, в виде слухов, в некоторых правых газетах появлялись указания на то, что Государь жив, укрыт в надежном месте и рано или поздно заявит о себе.

Отъезжая на фронт, получив новое назначение, Дитерихс продолжал контролировать ход следствия. При его содействии Соколов получил специальный вагон, в котором жил и работал на станции в Екатеринбурге. К работе периодически подключались офицеры Контрразведывательного отделения Восточного фронта, под непосредственным наблюдением главного начальника Военно-административных управлений Восточного фронта генерал-майора С.А. Домонтовича, раскопки в лесу и их охрану выполняли солдаты Сибирской армии. Всего в следствии принимало участие более 1 000 человек. По инициативе Дитерихса в начале июня начались раскопки непосредственно на Колтыковской дороге, в урочище Ганина Яма. Раскопки шли вплоть до сдачи Екатеринбурга красным войскам (она произошла почти через год после гибели Царской Семьи, 15 июля 1919 г.).

Еще в феврале 1919 г. адмирал Колчак приказал Дитерихсу все собранные вещи, принадлежавшие Царской Семье и не имеющие непосредственного отношения к следствию, отправить в Англию, для передачи близким родственникам Николая II, в частности – его сестре Ксении Александровне. Собранные вещи – одежда, украшения, предметы домашнего обихода, книги, многочисленные иконы, а также части вырезанных пола и стен в подвале, где произошло убийство – были тщательно упакованы в 50 ящиков и отправлены

специальным поездом во Владивосток, откуда на английском крейсере «Кент» они должны были быть доставлены в Лондон. Однако по прибытии в порт оказалось, что ящиков всего 29. Остальные исчезли. 18 марта 1919 г. они были сданы командиру корабля, но по прибытии в Англию обнаружилась новая пропажа. После вскрытия ящиков обнаружилось, что большая часть вещей пропала и заменена разным мусором⁵³. Так людские страсти продолжали окружать Августейшую Семью и после ее гибели.

Из всех реликвий Царственных Мучеников сохранилась лишь Библия с пометками Государя и Государыни. Обнаруженная в комнате Ипатьевского дома, она находилась у самого Дитерихса, почитавшего ее как Святыню. После его кончины София Эмильевна передала Библию «Обществу ветеранов Великой войны» в Сан-Франциско, где она хранится до сих пор в красном углу Суворовского зала «Общества».

Участие в расследовании Цареубийства стало для Дитерихса и неким Актом Покаяния. Гражданская война становилась для Дитерихса не просто противостоянием белых и красных, а противостоянием Христа и Антихриста, борьбой Добра со Злом, борьбой, которая должна идти под Знаменем Православной Веры. Не случайно штабной вагон генерала был украшен многочисленными иконами, бережно хранимыми позднее в Зарубежье.

Ни в коем случае нельзя отрицать духовное содержание Белого движения. Верховный Правитель России адмирал Колчак был Православным христианином, в нем была убежденность в правоте Белой борьбы. Примечательно, что официальным гимном Белой России был признан «Коль славен наш Господь в Сионе» Д. Барятинского и М. Хераскова. Но... По словам С.П. Мельгунова, «...Колчак жаловался, что мнения Дитерихса всегда шли наперекор его мнениям, и что ему приходилось напоминать своему начальнику штаба, что лицом решающим все-таки является он, Колчак... Может быть, здесь играла роль политическая антипатия. Колчак для Дитерихса – демократ, следовательно, политический антипод. «Мистика» Колчака весьма мало сближалась с «мистикой» Дитерихса: у Колчака на первом плане была Россия, у Дитерихса – монархическая Россия...»⁵⁴.

Но все эти разногласия проявятся позже. А в мае 1919 года, в момент знаменитого «весеннего наступления» Российской армии, адмирал Колчак решил использовать знания и опыт Дитерихса, назначив его Командующим Сибирской армией.

Дитерихс возвращался на фронт. Этому предшествовало дипломатичное поручение от Колчака: Дитерихсу и генералу для поручений при Ставке М.А. Иностранцеву предстояло разобраться с конфликтом между Командующим Сибирской армией генералом Р. Гайдой и Начальником Штаба Ставки генерал-майором Д.А. Лебедевым. Гайда, перейдя из корпуса на службу к Колчаку (одним приказом с Дитерихсом), получил чин генерал-лейтенанта, но держал себя независимо по отношению к Ставке. Ген. Лебедев не мог с этим мириться и считал наилучшим способом руководства детальный контроль за армиями. Директивы Ставки носили подчас чересчур мелочный характер и не соответствовали положению дел на фронте. В результате Гайда публично заявил о своем неподчинении Ставке. С точки зрения воинской дисциплины, этот проступок был недопустим. И именно к Дитерихсу, зная его как «обладающего достаточным служебным опытом и тактом», обратился Колчак с просьбой расследовать поведение Гаиды. В ходе служебного разбирательства Дитерихс убедился, что Гайда, хотя и превысил допустимые полномочия, все же имел право на выражение недовольства уже потому, что генерал Лебедев подчас требовал от фронта абсолютно невыполнимых вещей. Встретившись с Гайдой, используя свои контакты еще по службе в Чехословацком корпусе, Дитерихс убедил Гаиду не делать никаких шагов, могущих навлечь на него обвинения в попытках захвата власти. При этом Дитерихс обратил внимание Колчака и на недостаточный профессионализм Ставки. В результате и Лебедев, и Гайда были оправданы. Нарождающийся конфликт между Ставкой и Сибирской армией был исчерпан, во многом благодаря Дитерихсу⁵⁵.

Однако, недоверие Колчака к Гайде сохранялось, и, в конце концов, 11 июля 1919 г. Дитерихс сменил его на посту Командарма Сибирской армии. Правда, фактически командовать армией ему не пришлось. 26 июля 1919 г., в целях лучшего оперативного использования, она была разделена на 1-ю и 2-ю Армии, под командованием генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева и генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого (бывшего Начальника 1-й Особой Русской дивизии, воевавшей в годы Великой войны во Франции) соответственно. 3-й (бывшей Западной) Армией стал командовать сослуживец Дитерихса еще по работе в штабе Юго-Западного фронта Великой войны генерал-лейтенант К.В. Сахаров.

Дитерихс в должности Командарма успел лишь организовать планомерный отход сибиряков, расстроенных июньскими

поражениями под Пермью и Кунгуром. Попытки задержать отступление под Екатеринбургом 12–13 июля не удалось, и Дитерихсу с личным конвоем пришлось прикрывать эвакуацию военных и гражданских эшелонов из города (особенно бдительно следили за эвакуацией Комиссии Соколова)⁵⁶.

14 июля 1919 г., в день оставления Екатеринбурга, Дитерихс был назначен Колчаком на должность Главнокомандующего армиями Восточного фронта⁵⁷. Положение на Восточном фронте в июле 1919 года можно было бы назвать «неустойчивым равновесием». «Весеннее наступление» Российской армии не достигло своих целей. Так и не дойдя до Волги, не создав общего фронта с Северной армией генерала Миллера, наступление остановилось. После Уфимской и Златоустовской операций части красной армии начали свой «переход через Урал». Западная и Сибирская армии медленно отходили, пытаясь задержаться на каждом удобном рубеже, но численное превосходство красных не позволяло остановить их продвижение на Восток. Требовались пополнения. На фронт направлялись новые резервы – 11, 12 и 13-я Сибирские дивизии, еще не закончившие своего формирования. Предполагалось снова вывести в бой части Чехословацкого корпуса, с их помощью осуществить прорыв на Вологду–Котлас и объединиться, наконец, с Северным фронтом. Планов было много, и до «пораженческих настроений» было далеко. Напротив, Белая Сибирь продолжала жить надеждами на признание власти Колчака де-факто ведущими мировыми державами. Телеграф приносил радостные известия о взятии Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанта А.И. Деникина Харькова, Екатеринослава и Царицына, о начале «похода на Москву». В этой обстановке потеря Предуралья не казалась катастрофой.

19 июля 1919 г. Дитерихс отдал свою первую директиву в должности Главкостока. В ней отчетливо был виден его стратегический «почерк». Ставилась главная задача – отвести войска в тыл, пусть даже за счет временной потери территории, перегруппировать силы, подтянуть резервы и, после соответствующей огневой подготовки, ударить по всей линии фронта одновременно, как в «Брусиловском прорыве». Генерал-майор П.П. Петров, один из ближайших соратников Дитерихса, начальник 4-й Уфимской стрелковой генерала Корнилова дивизии, так описывал эти события:

«...Во исполнение директивы 1-я Армия продолжала отступать к назначенному рубежу – к г. Ишиму. 2-я – направлялась к Курга-

ну через Шадринск, прикрываясь арьергардами. 3-я же Армия, вышедшая из Уральских гор, после боев за Златоуст сильно ослабленная значительными потерями, не стала выполнять приказа (Дитерихса). Генерал Сахаров решил дать большевикам сражение у Челябинска на свой страх и риск в надежде разгромить главные силы 5-й (красной) Армии у Челябинска. Генерал Сахаров познакомил со своим соблазнительным планом наштаверха Лебедева, и вместе они уговорили адмирала Колчака дать согласие на операцию, не спрашивая согласия генерала Дитерихса, в это время лично руководившего отступлением от Екатеринбурга частей Сибирской армии. Сахаров и Лебедев обещали, что они прогонят красных за Урал и, кроме того, не будет потеряна связь с (Южной) армией генерала Белова, которая подчинялась Ставке, т.е. Лебедеву. Соблазнительный план командования, одобренный адмиралом Колчаком (наверное, была одобрена и директива генерала Дитерихса), состоял в том, чтобы завлечь в район Челябинска всю 5-ю армию в «мешок», отдав ей город Челябинск, и одновременной атакой с севера и юга окружить и уничтожить ее...»⁵⁸.

Но на практике все вышло наоборот. Красные, вступив в оставленный для них Челябинск, отразили фланговые удары Уфимской и Волжской групп и перешли в дальнейшее наступление. Несмотря на очевидные успехи Уфимской группы генерал-майора С.Н. Войцеховского, сил для «сжатия клещей» не оказалось. В боях 23–29 июля были израсходованы последние резервы. После «Челябинской катастрофы» уже весь Урал переходил под контроль красных. Армия генерала Сахарова отступила за р. Тобол, а 5-я Советская армия вышла на железнодорожную линию Челябинск–Петропавловск–Омск. Теперь судьбу Белого движения на Востоке России могли решить только успешные бои на степных просторах и водных рубежах Западной Сибири, а также... своевременное занятие Москвы и Петрограда армиями Деникина и Юденича⁵⁹.

Генерал Лебедев был отрешен от должности, и Начальником Штаба Ставки с 11 августа 1919 г. стал Дитерихс. На Дитерихса возлагались также обязанности военного министра. Суть преобразования сводилась к следующему: «...Ставка упраздняется. Для управления Восточным (Сибирским) фронтом учреждается Штаб фронта (штаб Восточного фронта – В.Ц.). Для решения вопросов междуфронтных и военно-политических учреждается небольшой по составу Штаверх (Штаб Верховного Главнокомандующего – В.Ц.). Наштаверх (Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего –

В.Ц.) – временно генерал-лейтенант Дитерихс. Он же – Главковосточ фронт (Главкомандующий Восточного фронта – В.Ц.). Штаб-верх состоит лишь из управления Генкварверха (генерал-квартирмейстера Верховного Главкомандующего – В.Ц.) генерал-майора Иностранцева, у коего два отдела – первый (оперативно-политический) и второй (разведывательный). Военным агентам надлежит сноситься с Управлением Генкварверха. Штаб фронта сформирован применительно к «Положению о полевом управлении войск» (кроме снабжения, состоящего в ведении Военного министерства)...»

Объединение в одних руках должностей Главкомандующего армиями Восточного фронта, Начальника Штаба Ставки и военного министра в столь ответственный момент потребовало от Дитерихса максимального напряжения сил. Прежде всего, требовалось реорганизовать аппарат управления войсками, приблизить военное руководство к фронту. С этой целью Дитерихс существенно сократил количество подразделений Ставки, реорганизовав ее в отдельный штаб при Верховном Правителе, а освободившихся сотрудников отправил на фронт. 17 сентября 1919 г. Ставка полностью расформировывалась. Следовало добиться максимально четкого выполнения принимаемых военным руководством решений, исключить, с одной стороны, мелочную «начальственную» регламентацию, с другой – самоуправство подчиненных⁶⁰. Предполагалось укрепить управление фронтом и тылом путем координации «командной, штабно-оперативной и административно-тыловой должностей»⁶¹. Нужно было усилить кадровый состав штаба, привлечь к работе максимально возможное число офицеров с академическим образованием, опытных генштабистов, а не «поручиков в генеральских мундирах». С этой целью в Омск из Парижа был вызван бывший однокашник Дитерихса по Пажескому Корпусу, Начальник Штаба Военного Представителя Русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, генерал-лейтенант Н.Н. Головин. Его приезд, как ожидалось, должен был бы «расширить» сибирские «областные» горизонты, позволил, хотя бы на уровне штабного руководства, осуществить координацию усилий белых сил в России и в Зарубежье.

Правда, прибытие в конце августа 1919 г. ген. Головина в Омск не привело к ожидаемым переменам. Он поддержал Дитерихса в его реформах, подготовил Колчаку «оптимистичный» доклад, основанный, преимущественно, на штабных сводках, и, сославшись на болезнь, вскоре уехал за границу⁶².

Все проводимые Дитерихсом перемены в военном управлении подчинялись одной цели – подготовить Восточный фронт к новым боям. Основную задачу белых войск в Сибири генерал Дитерихс видел в том, чтобы «оттянуть возможно больше советских дивизий на свой фронт и этим помочь армиям Деникина»⁶³. ВСЮР в июле–августе 1919 г. стремительно наступали. К сентябрю они освободили Полтаву, Киев, Белгород, Курск, наступали на Чернигов и Орел. По красным тылам шел рейдом казачий корпус генерал-лейтенанта К.К. Мамантова. Готовилась к «броску на Петроград» Северо-Западная армия генерала от инфантерии Н.Н. Юденича. Их успеху могла помешать переброска красных дивизий с Восточного фронта. Поэтому Дитерихс решил отвлечь внимание на себя. Что касается дальнейших планов, то они во многом зависели от успехов Деникина и Юденича.

Несколько недель передышки в августе 1919 г. не могли, конечно, дать белым армиям времени, достаточного для отдыха и пополнения. Тем не менее, следуя директиве Дитерихса, 1 сентября 1919 г. началось последнее наступление Восточного фронта, знаменитая «Тобольская операция» (в советских источниках – «Петропавловская»). План, разработанный Дитерихсом, был не только стратегически продуман и тактически просчитан. Выполненный по всем канонам военного искусства, план был красив, в полном смысле этого слова. Вдоль железной дороги Тюмень – Ишим – Омск, скользя части 3-й Советской армии, наступала 1-я Сибирская армия генерала Пепеляева. Удар с правого фланга в тыл наиболее мощной и опасной 5-й Советской армии должна была наносить 2-я Сибирская армия генерала Лохвицкого; фронтальный удар по 5-й Советской армии наносила 3-я Армия генерала Сахарова (вдоль линии железной дороги Курган – Петропавловск – Омск). Левый фланг 3-й Армии прикрывала Степная группа под командованием бывшего Нахштаверха генерала Лебедева. Но, пожалуй, самый важный удар с левого фланга в тыл 5-й Советской армии должен был нанести Отдельный Сибирский Казачий корпус, сформированный в результате «сполоха» сибирских казаков в августе 1919 г. Командовал им сам войсковой атаман Сибирского Казачьего Войска генерал-лейтенант П.П. Иванов-Ринов. По аналогии с «мамантовским рейдом», корпус должен был пройти по тылам 5-й Советской армии, содействуя ее глубокому окружению. По расчету Дитерихса, наступление должно было стать внезапным (ведь советское командование было уверено в небоеспособности белых армий, скором па-

дении Петропавловска и Омска и уже начало переброску своих дивизий на юг, против Деникина) и одновременным по всей широкой линии фронта (до 400 км)⁶⁴.

В первой декаде сентября наиболее успешно развивалось наступление 3-й Армии и Сибирского Казачьего корпуса. По словам иностранных наблюдателей, «войска дрались блестяще». Генералы Сахаров и Иванов-Ринов были награждены орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени соответственно⁶⁵. Достаточно быстро удалось сбить с фронта части 5-й Советской армии, однако скоро выяснилось, что 2-я Армия не может развивать наступление, 1-я Армия в состоянии лишь удерживать против себя полки 3-й Советской армии, а Сибирский Казачий корпус, разгромив две советские дивизии, так и не пошел в рейд по красным тылам. Узнав о срыве рейда, обычно спокойный Дитерихс был крайне раздражен. Он распорядился немедленно отрешить генерала Иванова-Ринова от должности, однако популярного среди казаков атамана трогать не решились⁶⁶. Несмотря на временные трудности, наступление продолжалось. По оценке советского военного историка Н.Е. Какурина: «В конечном итоге 5-я армия утратила значительную часть выигранного ею пространства, и ее командование, не желая иметь непосредственно в своем тылу сильную водную преграду в виде р. Тобол, 1 октября отвело ее обратно за Тобол»⁶⁷.

Итак, предварительная цель операции была достигнута. В результате сентябрьских боев советские войска оказались отброшены на 150–200 км, потеряли практически все захваченное ими в течение августа пространство от Ишима до Тобола, людские потери составили около 20 тысяч чел., сорвалась отправка против Деникина 2-х дивизий. Но наступательный порыв белых армий иссякал. Части понесли тяжелые потери (около 25 тысяч убитыми и ранеными). Срочно требовались пополнения. Контингенты мобилизованных сибирских крестьян были практически исчерпаны, а те, которые удавалось отправить на фронт, очень быстро «распропагандировались», пополняя ряды дезертиров и красных партизан. Несмотря на приказ Дитерихса о расстреле на месте пойманных с оружием в руках дезертиров, лишении их семей всех пайков и денежных пособий, а также о создании специальных дисциплинарных рот, бегство с фронта не прекратилось⁶⁸. Нужно было найти новые источники резервов.

20 сентября 1919 г. Дитерихс издал директиву, предусматривающую создание на базе менее истощенного мобилизациями Приамурского военного округа отдельного корпуса в составе 2-х Стрел-

ковых, 2-х Казачьих (Уссурийской и Амурской) бригад и спецчастей. Убыль офицерского и унтер-офицерского состава должны были восполнить специально создаваемые Учебно-Инструкторские школы. Предполагалось, что к весне 1920 г. эти подразделения выступят на фронт. Принципиально план Дитерихса представлял собой попытку возродить систему подготовки офицерских кадров, во многом схожую с существовавшей в Российской Империи⁶⁹.

Но нужды фронта следовало удовлетворить немедленно. В этой ситуации Дитерихс решил обратиться к пополнениям среди добровольцев. Для Белой Сибири, в отличие от Белого Юга, этот источник комплектования не был традиционным. С 1918 г. сибирские армии усиливали свои ряды мобилизованными. Многие белые генералы этим гордились. Теперь же в Омске, Красноярске, Иркутске, Новониколаевске запестрели плакаты, призывавшие сибиряков последовать примеру армий генерала Деникина и идти добровольцами на фронт. С согласия Дитерихса началось создание совершенно новых добровольческих подразделений – Дружин Святого Креста и Зеленого Знамени. Общее руководство их формированием возлагалось на генерал-лейтенанта В.В. Голицына и профессора Д.В. Болдырева⁷⁰. Духовное Окормление выполнял Митрофорный Протоиерей о. Петр Рождественский. Он же был и «Председателем Братства по организации Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени памяти Патриарха Гермогена».

Как в Смутное время начала XVII века по призыву Патриарха Гермогена поднимались русские люди против иноземных оккупантов, так и триста лет спустя Белое движение поднимало Знамена с вышитым на них Святым Крестом против безбожной пентаграммы III Интернационала. Дитерихс провозглашал Крестовый поход против большевизма (добровольцы-крестonosцы нашивали на грудь белые кресты). Клятва, которую добровольцы приносили на Святом Кресте и Евангелии, становилась символом их самоотречения. Примечательны слова песни добровольцев-крестonosцев на известный мотив («...Довольно быть беженкой – в поход собирайся, довольно быть неженкой – на бой поднимайся. Смело мы в бой пойдем в Святой Дружине и Кровь свою прольем во Славу России...»). И отнюдь не случайно, что вместе с воинами-крестonosцами в дружины записывались мусульмане (7 сентября 1919 г. в мечетях Омска, Иркутска и Ново-Николаевска был провозглашен Газават против большевизма). Так Вера сражалась против безверия, безбожия...

Дружины отправлялись на фронт без предварительной боевой подготовки в тылу. Каждая из них целиком включалась в батальоны, полки и дивизии. По различным источникам, численность дружин колебалась от нескольких десятков до нескольких сот добровольцев. Их общая численность достигала 6 тысяч человек. Глава британской военной миссии генерал Нокс заказал у Библейского Общества 100 тысяч экземпляров Священного Писания на русском языке, для вручения каждому добровольцу⁷¹. Крестоносцам предстояло не только численно укрепить ряды поредевших частей, но и вдохнуть в них порыв, волю к борьбе, стать примером жертвенности тыла фронту во имя общей победы.

К сожалению, в большинстве случаев боевая ценность дружин оказывалась невелика. Не имея необходимой военной подготовки (они состояли преимущественно из гражданских беженцев, отступавших вместе с белыми армиями от Поволжья и Урала), дружины несли в боях тяжелые потери. Далеко не все они дошли до фронта, пополнив ряды тыловых гарнизонов и охранных команд. Проблему резервов они решить не смогли, а благородный порыв добровольцев многими воспринимался скептически. Идеализм Главквосточка оценивался как несвоевременный, бесполезный, смешной.

В это время на фронте начался перелом. После двухнедельного перерыва, 14 октября 1919 г. части 5-й и 3-й Советских армий перешли в контрнаступление. Еще не был ясен исход сражений под Москвой и Петроградом, и Дитерихс не терял надежды остановить противника на рубеже р. Тобол. В течение десяти дней продолжались упорные бои. Красные не смогли прорвать фронт, однако захватили плацдармы на левом берегу реки. Понимая, что дальнейшее удержание позиций приведет к окончательному истощению войск, Дитерихс разработал план нового контрманевра. 25 октября он отдал директиву, в соответствии с которой армии, прикрываясь сильными арьергардами, отводились за р. Ишим, к Петропавловску и далее к Омску, Томску и Новониколаевску. Предполагалось, что 1-я Армия уйдет в тыл целиком, а 2-я Армия, отправив в тыл наиболее пострадавшие части, совместно с Московской группой войск (с 12 октября, в ожидании выхода «на Московскую дорогу», так стали называться объединенные 3-я Армия и Степная группа) будут «держат фронт», медленно отступая от Петропавловска к Омску⁷². В сущности, данная директива повторяла план Тобольской операции: войска поэтапно отходили в тыл, пополнялись и отдыхали, а затем наносили удар из глубины, одновременно и на широком фронте.

Как опытный стратег Дитерихс не мог не отдавать себе отчета в том, что проведение подобного рода маневра потребует уступки противнику значительной территории Белой Сибири, включая, возможно, и ее столицу – Омск. Источники не дают точного ответа относительно намерений Дитерихса защищать подступы к городу. Как военачальник Дитерихс считал, что потеря Омска не приведет к поражению Белого дела. Он даже допускал возможность «разбиться на партизанские отряды и, как в 1918 году, начать снова»⁷³. Но Дитерихс недооценил политических последствий захвата Омска красными. Эта ошибка решила его судьбу осенью 1919 года.

Однако, нельзя не отметить, что в это же время Дитерихс все чаще выступал с заявлениями о политических перспективах российского Белого движения. Одним из первых в Сибири он выдвинул идею созыва представительного выборного органа, на который могла бы опираться власть «Национального Диктатора» адмирала Колчака. В августе–сентябре, в разгар Тобольской операции, в Омске активно обсуждалась перспектива преобразования Государственного Экономического Сопровождающего Собрания (занятого исключительно экономическими вопросами жизни Сибири) в Государственное Земское Сопровождающее Собрание (законосовещательного органа при Верховном Правителе). Указ об этом был подписан 17 сентября 1919 г. Принципиально поддерживая этот акт, Дитерихс, тем не менее, отмечал необходимость созыва выборного Земского Собора, составленного по сословному, а не по партийному принципу, с обязательным участием представителей «народа» (рабочих и крестьян). Монархист Дитерихс надеялся, что Земский Собор санкционирует возврат России к династическому правлению, как в 1613 году. То, что позднее осуществится в Приморье в 1922-м, интересовало Дитерихса еще в 1919-м⁷⁴.

Но вернемся к положению на фронте. Получив сообщения об отводе в глубокий тыл частей 1-й Армии, Колчак немедленно вызвал Дитерихса и Командующего 3-й Армией ген. Сахарова к себе. Для Верховного Правителя России отступление от Омска означало не только потерю очередного естественного рубежа (р. Иртыш), эвакуацию правительства и дальнейший путь в дебри сибирской тайги. Потеря Омска делала бессмысленной всю структуру Всероссийской власти. Сам Колчак, его Ставка, правительство становились «странствующими». В этой ситуации о какой-либо координации усилий белых фронтов не могло быть и речи. Адмирал был уверен, что Омск можно и должно защищать. Крайне резко и несправедливо об-

винив Дитерихса в пассивности («Пора покончить, Михаил Константинович, с вашей теорией, пора перейти к делу, и я приказываю защищать Омск до последней возможности»), Колчак неожиданно встретил со стороны исполнительного генерала твердый протест: «Ваше Превосходительство, защищать Омск равносильно полному поражению и потере всей нашей армии. Я этой задачи взять на себя не могу и не имею на то нравственного права, зная состояние армии, а кроме того, после вашего высказанного мнения я прошу Вас меня уволить и передать армию более достойному, чем я». Тут же, нисколько не задумываясь о последствиях перемены командования в момент решающих боев, Колчак заявил: «Приказываю вам (обращаясь к Сахарову) вступить в обязанности Главнокомандующего. Генерал Дитерихс сдаст вам свой штаб, чтобы в первое время не тратить вам дорогого времени на формирование его. (Обращается к Дитерихсу) Приказываю вам, генерал, немедленно все сдать генералу Сахарову». «Слушаюсь, – я так устал...»⁷⁵. Физическая и душевная усталость, безусловно, имели место. Но Дитерихс не просто «устал» от руководства армиями, он потерял веру в возможность ликвидации большевизма одними военными усилиями, без всеобщего национального подъема, без Духовного Преображения фронта и тыла. Для Дитерихса становилось очевидным, что на данном этапе победа Белого дела невозможна.

Итак, 4 ноября 1919 г. Дитерихс был отправлен в отставку и зачислен в резерв чинов Главного Командования. Его преемником на посту Главнокомандующего армиями Восточного фронта стал ген. Сахаров, убедивший Колчака в возможности обороны Омска. Его горячо поддержал министр торговли и промышленности С.Н. Третьяков, только что приехавший от Деникина. Предполагалось, что город будут защищать на ближних подступах, под прикрытием оборонительных рубежей (которые, разумеется, так и не успели построить)⁷⁶. Но боеспособность белых армий была уже невелика, войска, как тогда говорили, «потеряли сердце». Не прошло и недели, как ген. Сахаров убедился в невозможности спасения города и отдал приказ об отступлении, вернувшись, тем самым, к плану Дитерихса. 14 ноября на окраины города ворвались красные отряды партизан и части 27-й стрелковой дивизии⁷⁷. «Был уже вечер, – вспоминает ген. Петров трагические события этого дня. – В сумерках слышались взрывы. Начались пожары в городе. Сильный мороз, мгла, красное от зарева небо, бесконечная лавина людей и повозок по пути из Омска к востоку. Ночь под Омском была кошмарной...

Судьба города была предрешена на Тоболе. Отходя, мы знали, что он не будет удержан. Судьба же всей борьбы между Ишимом и Тоболом в сентябре была определена Челябинской операцией, и люди, решившиеся на нее самовольно, несут за нее ответственность. В самом деле: при выполнении приказа ген. Дитерихса не пришлось бы терять людей в бесполезных боях и во время отхода от Златоуста к Кургану. Большую часть людей можно было перебросить по железной дороге до того времени, когда над дорогой не нависали красные дивизии, и дать людям действительно отдых... С отдачей Омска закончился большой период борьбы с советской властью, второй после нашего весеннего наступления, в который, казалось, еще возможно было добиться перелома в борьбе в нашу пользу. Враг оказался сильнее...»⁷⁸.

Армии Восточного фронта выступили в «Великий Сибирский Ледяной поход». К 14 февраля 1920 г. (ровно через три месяца) их остатки, обойдя Иркутск, перешли по льду Байкал и вышли к Чите. Этот поход привел к поражению всего Белого движения в Сибири, к гибели десятков тысяч солдат и офицеров, гражданских беженцев, к гибели самого Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака и большинства его министров...

В Иркутск Дитерихс выехал за десять дней до оставления Омска. Вместе с женой ему удалось относительно спокойно доехать до Читы. Снова оказались полезными его контакты с представителями чехословацкого и французского военного командования. По указанию Командующего союзными войсками в Сибири генерала Жанена, Дитерихсу было предоставлено место в чехословацком эшелоне, следующем во Владивосток⁷⁹.

Но гибнущий Восточный фронт постоянно напоминал о себе. Измученный бесконечными неудачами, предательствами, смертельно уставший Верховный Правитель снова и снова искал возможности спасения Белого дела. 8 декабря на ст. Красноярск он обратился по телеграфу к «опальному» Дитерихсу с предложением возглавить руководство фронтом и военным министерством, но получил четкий и в чем-то, пожалуй, безжалостный ответ. Дитерихс соглашался вернуться, но с одним условием: Колчак должен немедленно покинуть пределы Сибири, выехав или за границу, или на Юг⁸⁰. Генерал Жанен так писал об этом в своем дневнике (запись от 12 декабря 1919 г.): «...Генерал Дитерихс и его жена пришли благодарить меня за помощь, которую благодаря мне оказали им чехословаки. 8-го, когда адмирал телеграфировал, что снова вручает ему главное

командование, Дитерихс поставил абсолютным условием: «Немедленный отъезд в армию Деникина». Дитерихс открыто говорит, что у адмирала прогрессивный паралич...»⁸¹. Колчака оскорбил подобный ответ, и этот обмен телеграммами стал для Михаила Константиновича последним разговором с Верховным Правителем России.

Можно по-разному оценивать поступок генерала. Очевидно, обида за незаслуженную отставку в ноябре 1919 г., недовольство излишним «либерализмом» Колчака, неверие в возможность спасения фронта сыграли свою роль. Можно понять и Верховного Правителя, для которого обращение к Дитерихсу становилось не только отказом от личного честолюбия, но и своего рода «последним шансом» в смертельной схватке с большевизмом. Конечно, согласие Дитерихса едва ли могло остановить происходящую катастрофу. Было уже поздно. Но принципиально неверно оценивать подобного рода конфликты как «проявление внутренней слабости», «обреченности», «раскола» Белого движения. Ни Колчак, ни Дитерихс не стали непримиримыми врагами. Путь интриг, «подметных писем», «обращений», «воззваний» был органически чужд Михаилу Константиновичу Дитерихсу как честному русскому генералу и православному русскому человеку. Хотя попытки сделать его участником подобного рода нечистых политических комбинаций предпринимались не раз.

Не задерживаясь в Иркутске, Дитерихс проехал в Читу, и далее, через пограничную станцию Маньчжурия, в Харбин. Начался первый, небольшой период его эмигрантской жизни. Теперь, когда военные дела отошли на задний план, главной для него становилась забота о сохранении материалов следствия об убийстве Царской Семьи. Согласно другим сведениям, в частности, по воспоминаниям ген. Болдырева, в 1920 году Дитерихс был ближайшим помощником атамана Забайкальского Казачьего Войска и Главнокомандующего Войсками Восточной окраины генерал-майора Г.М. Семёнова, активно пытаясь создать белое «буферное государство» со столицей в Чите или Владивостоке.

В начале марта 1920 г. в Харбине состоялась встреча основных участников расследования: Дитерихса, Соколова, Вильтона, Жильяра и ген. Лохвицкого. Все материалы следствия и вещественные доказательства находились в вагоне Вильтона, имевшего дипломатический статус. Во время обсуждения вопроса о последующей судьбе этих ценностей Дитерихс возражал против их отправки за границу. И только реальная угроза того, что материалы могут по-

пасть в руки большевиков (в марте в Харбине вспыхнула забастовка служащих КВЖД, грозившая перерасти в вооруженное восстание), заставила Дитерихса согласиться с мнением других участников совещания и письменно обратиться к ген. Жанену с просьбой о сохранении всего комплекса документов и сундучка с останками Царской семьи. Ген. Жанен ответил согласием. 18 марта 1920 г. Дитерихс, Соколов и Жильяр передали ему все имеющиеся у них материалы следствия⁸². Их дальнейшая судьба до сих пор неизвестна. Согласно одной из версий, они находились в сейфах одного из парижских банков. После оккупации немецкой армией Парижа хранилища были вскрыты, и вещи исчезли. Правда, сохранились документы в трех копиях, принадлежавших Дитерихсу, Соколову и Вильтону. Наиболее полную на сегодняшний день их публикацию представляет книга Н. Росса «Гибель Царской семьи», увидевшая свет в издательстве «Посев» в 1987 году.

Чувство долга перед памятью Царя-Мученика, сознание, что, возможно, никому другому, кроме него, не удастся поведать миру факты, открывшиеся в результате расследования обстоятельств Екатеринбургского злодеяния, побуждают Дитерихса незамедлительно приступить к работе над книгой, основанной на имеющихся у него копиях материалов следствия. В течение 1920–1921 гг. он пишет свой знаменитый труд «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале». Изданная в 1922 г. во Владивостоке, эта книга состояла из двух частей. Первая часть отражала, главным образом, факты, версии, связанные с Цареубийством. Основной вывод книги (все представители Царской Семьи погибли, никому не удалось спастись) вызывал позднее в Зарубежье обвинения в пристрастности Дитерихса, в его желании скрыть факты «чудесного спасения» кого-либо из Романовых. Многие представители правых (В.И. Гурко, В.В. Вырубов, Н.Е. Марков 2-й) считали Дитерихса и Соколова причастными чуть ли не к масонскому заговору против Государя, напоминали о связях Дитерихса с генералом Алексеевым, с чехами и генералом Жаненом, о его «нерусском происхождении» и т.д. Но подобные обвинения были абсолютно бездоказательными.

Вторая часть, озаглавленная автором «Материалы и мысли», содержала исследование причин, приведших Россию к катастрофе 1917 г. Очерк истории династии с 1613 г., детальный анализ событий Февраля и Октября и убедительный вывод о возврате России к ценностям Православия, Самодержавия и Народности отличают

эту часть книги. Без преувеличения можно утверждать, что труд Дитерихса стал первым венком на безвестную могилу Царской Семьи.

Жизнь «зачисленного в резерв» генерала в Зарубежье проходила тяжело. 1 июля 1921 г. родилась дочка Агния. Чтобы прокормить семью, 47-летнему Михаилу Константиновичу приходилось искать любую работу (некоторое время даже работать в обувной мастерской). Рукопись книги отнимала много времени, но была практически неоплачиваемой. И лишь небольшие личные сбережения едва позволяли «сводить концы с концами». Несмотря на материальные трудности, Дитерихсы продолжали помогать детям-сиротам. Еще осенью 1919 года в Омске София Эмильевна открыла «Очаг для одиноких беженков-подростков». В него принимались дети от 10 до 16 лет, которые были вывезены, в количестве 45, сначала в Харбин, а оттуда, после падения Владивостока – в Шанхай.

Воспитанницы «Очага» получали образование соответственно личным способностям: или профессиональное, или гимназическое, по программе Женских Гимназий Мариинского Ведомства. Кроме самой Софии Эмильевны преподавание вели три учительницы и священник – настоятель домового храма, основанного при «Очаге» в декабре 1922 г., с благословения настоятеля Казанско-Богородицкого монастыря в Харбине, иеромонаха Иннокентия⁸³.

...В России завершалась гражданская война. Советская власть беспощадно подавляла последние очаги сопротивления. В течение 1920 г. была ликвидирована белая власть атамана Семенова в Забайкалье. В 1921 г. в Монголии разгромлены части «диктатора Даурии» барона Унгерна, провозгласившего подчинение Великому Князю Михаилу Александровичу Романову и пытавшегося организовать «поход на Москву» под лозунгом реставрации «Великой Монгольской Империи». Лишь на Дальнем Востоке, под прикрытием японской армии, еще сохранялась власть Временного Приамурского Правительства, хотя и построенного на основе широкой межпартийной коалиции (от социал-демократов до кадетов и «не-социалистических организаций»), но поддерживавшего Дальневосточную («Белоповстанческую») армию, составленную из частей бывшего Восточного фронта. В конце 1921 г. она начала наступление против войск просоветской Дальневосточной Республики (ДВР) и 22 декабря заняла Хабаровск. Однако уже в феврале 1922 г. в результате контрнаступления Народно-Революционной армии ДВР белые войска были вынуждены оставить город и отступить в Южное Приморье.

Летом 1922 г. Приморье находилось в состоянии острого политического кризиса. Япония начала переговоры с ДВР и Советской Россией, подготавливая вывод своих войск с Дальнего Востока. «Последняя пядь Русской Земли» отдавалась на произвол «красного террора». Надежда была только на собственные силы. Однако после боев под Волочаевкой и Хабаровском Дальневосточная армия оказалась обескровленной. Начались и внутренние раздоры, политические страсти, столь типичные для русской смуты начала XX века. Борьба шла между «Приморским парламентом» (Народным Собранием), в котором преобладали представители левых, социалистических групп, и Временным Приамурским Правительством братьев Спиридона и Николая Дионисовичей Меркуловых (первый – юрист, консультант Владивостокского городского самоуправления, глава правительства, второй – владелец пароходства на Амуре, член Владивостокского биржевого комитета и Приморской торгово-промышленной палаты). 14 мая 1922 г. Народное Собрание объявило о выборах 13 июня Учредительного Собрания, в которое, наравне с другими политическими партиями, могли быть избраны большевики. Абсурдность подобного решения была очевидна, и в ответ правительство братьев Меркуловых издало указы о роспуске Народного Собрания. Часть армии поддержала депутатов распущенного Собрания («нарсовцев»). Моряки Сибирской флотилии, кадеты и гардемарины, казаки безоговорочно встали на сторону правительства Меркуловых. Его поддержали также монархическое общество «Вера, Царь и Народ», Союз Георгиевских Кавалеров, Русское национальное студенческое общество, Совет Казачьих Войск и Войсковых Атаманов, Союз домовладельцев Владивостока. Раскол власти, раскол армии грозил окончательно похоронить антибольшевицкое Приморье. На здании «Народного Собрания» уже был поднят красный флаг, а на здании гостиницы «Золотой Рог» – бело-зеленый флаг сибирских областников. Единственным выходом представлялось установление новой власти, способной объединить оставшиеся противобольшевицкие силы, власти, авторитетной среди армии и гражданского населения.

В этой ситуации правительство Меркуловых решило использовать опыт Белого движения. Указом № 149 от 6 июня 1922 г. правительство объявило, что, ввиду обнаружившейся трудности Верховного Управления при существовании коллегиальной формы Верховной Власти, необходимо найти способы к наибольшему объединению всех национальных сил. Это возможно только на пути

передачи Верховной Властью одному лицу. Выбор тех, кому можно было передать Власть, возлагался на Земский Собор – представительный орган, созданный не по партийно-политическому, а по сословно-профессиональному признаку.

Необходимо было назначить и нового Командующего войсками. Спасение единства армии и флота виделось в приглашении лица, способного объединить разнородные политические интересы во имя продолжения борьбы с большевизмом. Наиболее подходящей фигурой для этого представлялся генерал Дитерихс. С одной стороны, он не был связан ни с одной из противоборствовавших политических группировок Приморья, с другой – обладал несомненным авторитетом как бывший Главнокомандующий Восточным фронтом. Той части армии, которая поддерживала Народное Собрание, импонировало его «демократическое» прошлое (формальная поддержка Временного Правительства и командование подразделениями Чехословацкого корпуса в 1918 г.), другим были известны его монархические симпатии. 3 июня в Харбин из Владивостока была послана телеграмма, подписанная генералами-белоповстанцами: «...Генералу Дитерихсу. Фуражная улица, Харбин старый. Общее положение, интересы русского дела на Дальнем Востоке повелительно требуют Вашего немедленного приезда во Владивосток. Армия и Флот единодушны в желании видеть Вас во главе дела и уверены, что Ваше патриотическое чувство подскажет Вам решение, вполне согласованное с общим желанием. Просим телеграфного ответа. Вержбицкий, Молчанов, Смолин, Бородин, Пучков, Фомин»⁸⁴.

Дитерихс немедленно согласился и 8 июня, в разгар политического противостояния Народного Собрания и правительства, прибыл во Владивосток. Вступив в должность Командующего войсками и флотом, Дитерихс с балкона дома правительства 11 июня 1922 г. заявил, что армия поддерживает правительство Меркуловых и одобряет роспуск Народного Собрания⁸⁵. Попытка Народного Собрания захватить власть – так называемый «недоротор» – провалилась.

Началась подготовка к созыву Земского Собора, последнему Земскому Собору в истории России. Принятый Народным Собранием закон об Учредительном Собрании признавался недействительным. Выборы в «Учредилку», в которых участвовали политические партии и отдельные «возбужденные революцией» деятели, заменялись следующей системой представительства на Земском Соброре: 1) все члены Временного Приамурского Правительства,

управляющие ведомствами и их заместители; 2) все наличные Епископы – Владивостокский, Камчатский, Харбинский и Старообрядческий, и по два члена Православного Епархиального Собрания и Старообрядческого Совета; 3) Командующий войсками и флотом, Командующий Сибирской флотилии, атаманы всех казачьих войск и пятнадцать членов от армии, назначенные ее командованием; 4) по одному члену от всех старообрядческих общин; 5) все волостные старшины или их заместители и атаманы казачьих станиц; 6) представители всех несоциалистических комитетов и беженских организаций, по одному от каждых десяти членов; 7) ректоры высших учебных заведений – университета, педагогического института и т.д.; 8) два представителя мусульманского общества; 9) три представителя бюро профсоюзов. Участвовать в выборах не имели права только «коммунисты и примыкающие к ним, а также социалисты-интернационалисты»⁸⁶. Всего в работе Собора должно было принять участие 347 человек (реальное число участников составляло 276)⁸⁷. Таким образом, в системе представительства очевиден был возврат к традициям XVII века, старым московским принципам созыва Земских Соборов, когда интересы отдельных сословий, групп населения и, что самое важное, Русской Православной Церкви выражались в первую очередь. Интересы политиков, политической борьбы должны были уступить место деловой, продуктивной работе по возрождению начал Русской Государственности⁸⁸.

23 июля 1922 г. после военного парада, крестного хода и молебна, на котором вместе с представителями Русской Православной Церкви присутствовали представители старообрядческой общины и мусульмане, открылись заседания Земского Собора. Редкий пример народного единодушия наблюдали участники этих событий. Молитвенный порыв объединил священников и мирян, солдат и офицеров, казаков, рабочих и крестьян. На мгновение забылись былые распри, на мгновение как бы вернулась Старая Россия, будто и не было страшных лет Смуты и безбожного торжествующего Хама, залившего кровью многострадальную Россию... Увы, но только на мгновение.

Первый акт Собора имел огромное историческое значение. Следовало определить форму Верховной Власти и ее Верховного Предводителя. На заседании 31 июля депутат Собора от «несоциалистического блока» П.П. Васильев представил следующие тезисы: «Примурский Земский Собор признает, что права на осуществление Верховной Власти в России принадлежит династии Дома Романо-

вых» (207 голосов высказались «за» и 23 «против»); «В связи с этим Земский Собор считает необходимым и соответствующим желанию населения возглавление Национальной Государственности Приамурья Верховным Правителем из членов династии Дома Романовых, династией для сего указанным» (175 голосов «за» и 55 голосов «против»); «По сим соображениям Земский Собор почитает необходимым доложить о вышеизложенном Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне и Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, высказывает свое пожелание, чтобы правительство вступило в переговоры с династией Дома Романовых на предмет приглашения одного из членов династии на пост Верховного Правителя» (188 голосов «за», 47 «против») ⁸⁹.

Важность данного решения состояла, прежде всего, в том, что впервые за всю историю Белого движения Дом Романовых был признан «Царствующим». За период с марта 1917 до июля 1922 г. вопрос о форме правления в России откладывался до решения Учредительного Собрания. Поэтому все белые правительства и сам Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак стояли на позициях «непредрешения», считая главной своей задачей борьбу с большевизмом и прекращение междоусобной войны. «В стане белых» нередко возникали конфликты между отдельными политическими лидерами и военными, среди самого генералитета и офицерства – на почве взаимных подозрений в стремлении к захвату власти. Теперь, после решения, принятого Земским Собором, идеология Белого движения получала прочную основу, на которой можно было приступить к построению новой государственной системы (разумеется, «новой» по отношению к предшествующим попыткам государственного строительства, начиная с февраля 1917 г.) ⁹⁰.

Почему именно монархия стала признанной формой правления в Приморье в 1922 г.? Член Президиума Собора, участник Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., С.П. Руднев отметил очень верный психологический фактор: «...нам, русским, своя, равная каждому из нас и для каждого при известных условиях возможная и доступная, верховная власть, носителем или носителями которой являются простые смертные – не власть. На простом, обыкновенном, хотя бы и самом порядочном человеке, мы не миримся: нам надо или какой-то чудесный, непонятный даже, ореол, окружающий носителя этой власти и проистекающий вне дел наших рук, причем облеченный таким ореолом не

должен спускаться с высоты и равняться по генералу, полковнику, помещику, купцу или мужику, или же, если нет такого ореола, быть чуть ли не одним из мировых гениев, а еще лучше – праведником и великим святым, но таким, святость которого была бы непререкаема. На меньшем мы, русские, говорю, не помиримся и понесем скорее кабалу и господство чужаков, но своему простому смертному, ровне своей, за совесть, а не за страх, – не подчинимся... У нас в Белом движении такого праведника не явилось, значит, не следует ли возглавить это движение вождем с привычным и не нами созданным, а самим рождением, ореолом? Общая мысль остановилась на Князе Крови последней Царственной Династии...»⁹¹. Еще более категорично высказался на этот счет П.П. Васильев: «...белые генералы, как бы популярны не были их имена, всегда будут казаться узурпаторами власти»⁹².

Следовало учитывать и юридический фактор. У любого представителя Династии Романовых было больше формальных прав на Верховное Возглавление России, чем у каких-либо политических деятелей и, тем более, политических партий. Монархические настроения усилились в это же время и в Русском Зарубежье. Еще в июне 1921 г., на собравшемся в Рейхенгалле «Съезде Хозяйственного Восстановления России» было торжественно объявлено, что «единственный путь к возрождению Великой, Сильной и Свободной России – есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых, согласно Основным Законам Российской Империи»⁹³. А 26 июля 1922 г., за пять дней до Белого Приморья Великий Князь Кирилл Владимирович выпустил Акт, провозгласивший: «...за отсутствием сведений о спасении Великого Князя Михаила Александровича, Я, как Старший в порядке Престолонаследия Член Императорского Дома, считаю своим долгом взять на Себя Возглавление Русских освободительных усилий в качестве Блжестителя Государева престола...»⁹⁴. Вряд ли можно предположить некую взаимозависимость этих событий (связь Владивостока с русской эмиграцией практически отсутствовала, а первая заметка об Акте Великого Князя появилась на страницах лондонской «Temps» только 9 августа 1922 г.). В Зарубежье сведения о происходящих в России событиях получали, главным образом, из иностранной прессы. Показательна, в этой связи, оценка Земского Собора и генерала Дитерихса на страницах дневника Н.В. Савича, известного политика, члена Совета Государственного Объединения России. Описывая подробнейшим образом все пери-

петии эмигрантской политической жизни, он лишь в двух предложениях говорит о Белом Приморье: «...Из Владивостока сообщают, что Учредительное Собрание (!) Дальнего Востока избрало президентом (!) генерала Дитерихса (так называют Земский Собор и Правителя Приамурского Края – В.Ц.); значит, и там введется военный режим и начнется настоящая война с Читинской республикой (ДВР – В.Ц.)... Во французских газетах есть телеграмма из Владивостока, что по постановлению «земства», вероятно, надо понимать Земского Собора, там объявлена диктатура... власть передана генералу Дитерихсу, который главной задачей поставил борьбу с советской властью. Газета прибавляет, что настроение там определенно монархическое...»⁹⁵. Вот и все, что, вероятно, было известно большинству русских в Европе о событиях на Дальнем Востоке. Но, тем не менее, совпадение актов Великого Князя и Земского Собора весьма символично.

Примечательно также то, что Земский Собор, в отличие от Великого Князя Кирилла Владимировича, не решал столь определенно вопрос о Главе Русского Императорского Дома. От имени Земского Собора были посланы две телеграммы: ко дню Тезоименитства Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны (5 августа) и Тезоимениннику Великому Князю Николаю Николаевичу. В первой Собор «всепоподданнейше приносил свои поздравления» и «молил Бога о здравии Российского Царствующего Дома на спасение, счастье и могущество родного русского народа...». В телеграмме Николаю Николаевичу делался недвусмысленный намек на Династическое Старшинство: «...Приамурский Земский Собор... молит Бога, да пошлет Он Вам, Нашему Великому Русскому Вождю, сил на Водительство заблудшего, но раскаявшегося уже Русского Народа по его славному историческому пути». Вдовствующая Императрица поблагодарила за поздравление, а ответа от Великого Князя получено не было⁹⁶.

Ввиду невозможности прибытия представителей Дома Романовых во Владивосток, следовало избрать Правителя Приамурского Края. Он должен был позднее «дать ответ за все учиненное по долгу Правителя перед Русским Царем и Русской Землей». Единичная власть признавалась более всего соответствующей российской действительности. Депутат Васильев отмечал в своем докладе, что «такая форма управления является наиболее целесообразной; идея единоличной власти более понятна народу, чем идея всякой другой формы власти; орган управления должен быть гиб-

ким, способным быстро принимать решения, каковым может быть только единоличная власть»⁹⁷. Многие члены Земского Собора считали, что Правителем Края должно стать лицо, так или иначе связанное со «старым режимом», из среды хорошо известных чиновников или военных. В этом отношении приемлемой, в дальневосточных масштабах, представлялась кандидатура бывшего Тобольского и Томского генерал-губернатора, камергера Высочайшего Двора Н.Л. Гондатти, проживавшего в Харбине. Его поддерживали лидер Несоциалистического Комитета г. Харбина Н.М. Доброхотов, Архиепископ Харбинский и Маньчжурский Мефодий, представитель Владивостокского Биржевого Комитета И.К. Артемьев, С.П. Руднев, П.П. Васильев и ген. Дитерихс. Возможность самому баллотироваться на должность Правителя Михаил Константинович допускал только в случае отказа Гондатти от избрания. Упреки в стремлении к власти, к диктатуре в отношении Дитерихса были несостоятельны⁹⁸.

Гондатти снял свою кандидатуру, и Дитерихс становился единственным претендентом (братья Меркуловы взяли самоотвод еще раньше). 6 августа 1922 г. прошла баллотировка. За избрание Дитерихса было подано 213 голосов (подавляющее большинство) и лишь 19 – против⁹⁹. 8 августа, на 12-м заседании Земского Собора генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс был провозглашен «Главою Приамурского Государственного Образования». Правительство сложило свои полномочия, передав, тем самым, Правителю Приамурского Края высшую военную и гражданскую власть. Грамота Земского Собора, врученная ему, гласила: «...Призывая на Вас Благословение Божие, Русская Земля Дальнего Русского Края в лице Амурского Земского Собора объединяется вокруг Вас, как своего Правителя и Вождя, с пламенным желанием вернуть русскому народу свободу и собрать воедино бредущих разрозно в смутную годину русских людей под высокую руку Православного Царя. Да восстановится Святая Русь в ее прежнем величии и славе...»¹⁰⁰. В речи председателя Земского Собора профессора Н.И. Миролюбова говорилось о важности принятия Дитерихсом поста Правителя: «...Пять лет наша родина страдает под игом интернационалистов, повергших во прах наши русские идеалы. Русский народ под влиянием демагогии, утомленный Великой войной, не мог понять и в свое время не понял своих вождей. Пошел за людьми, кои прикинулись вождями. Это были волки в овечьей шкуре, и только теперь, спустя пять лет, испытав на себе все

последствия этого так называемого земного рая, русский народ осознал и осознает, с какого истинного пути сведен он извергами народа, и та анархия, которая царит теперь там, вдали от нас, должна быть в корне уничтожена. Закон и порядок должны быть поставлены во главу угла, а не дикая революционная совесть, которая поставлена этими извергами во главу управления и царствия над народом. Мы думаем, верим и надеемся, что Вы... доведете наш русский народ до того конца, когда его возглавит единый Державный Хозяин Земли Русской, который возвратит России ее великодержавное значение...»

После оглашения Грамоты Дитерихс в окружении тысячной толпы горожан проследовал в Успенский Собор, где принял присягу: «...Отнюдь не ища и не преследуя никаких личных выгод, я обязуюсь свято выполнять пожелание Земского Собора, им высказанное, и приложить по совести всю силу разума моего и самую жизнь мою на высокое и ответственное служение Родине нашей России, – блюдя законы ее и следуя ее историческим исконным заветам, возвещенным Земским Собором, помня, что я во всем том, что учиню по долгу Правителя, должен буду дать ответ перед Русским Царем и Русской Землей. В удостоверение сей моей клятвы я, перед алтарем Божиим и в присутствии Земского Собора, целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь»¹⁰¹.

Так наступил высший час земной жизни Михаила Константиновича Дитерихса. Ему суждено было не просто возглавить последнюю часть Белой России – Приморье, но и свершить акт преемственности России исторической и России грядущей. Фрагмент его выступления на заседании Собора 8 августа 1922 г. не нуждается в комментариях: «В несчастную ночь с 27-го на 28-е февраля под влиянием дурмана Россия встала на революционный путь... Еще в 1880 году наш великий пророк и писатель Достоевский в своем письме к Грановскому писал: «...Борьба сейчас должна быть не на жизнь, а на смерть с Советской Россией. После этого мы можем сказать Господу Богу: «Ныне Ты нас отпускаеши. Будут работать другие». ...Теперешние призванные правители для этой борьбы, кем бы они ни были, даже хотя бы из Династии Романовых, не могут смотреть на себя в данную минуту как на Верховных Помазанных будущей России, ибо вопрос сей опять разрешается не нами. Династия Романовых могла быть Помазанниками, но для нас, смертных, нельзя и мечтать о том, чтобы принять на себя звание Правителей всей России. Мы – Правители борьбы с Советской

властью и Правители тех Государственных объединений, которые для этого рождаются... Я безусловно и смело могу сказать, что на этих принципах пойдет и сильнейшее объединение наших вооруженных сил, на этих принципах пойдет и сильнейшее объединение народа здешней земли с народом Советской России, который остался таким же, каковы и мы есть»¹⁰².

В этот же день Дитерихс зачитал свой Указ № 1, содержащий положения об основах государственного строительства в Белом Приморье: «Здесь на краю земли Русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на Земский Собор, единую мысль и единую веру: России Великой не быть без Государя, не быть и без преемственно-наследственного Помазанника Божиего. И перед собравшимися здесь, в маленьком телом, но сильным верой и Национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоит задача, долг и благой крест направить все служение свое к уготованию пути Ему – нашему будущему Боговидцу... Мы бедны в земле, но с нами Бог»¹⁰³.

В этом Указе Правитель повелевал Приамурское государственное образование именовать Приамурским Земским Краем. Земскому Собору следовало выбрать из своего состава Земскую Думу, которая составит основу представительной власти в крае, совместно с Приамурским Церковным Собором, созыв которого возлагался на Архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия¹⁰⁴. Отдельным приказом войска Временного Приамурского Правительства переименовывались в Земскую Рать, а генерал Дитерихс становился Воеводой Земской Рати. Тем самым подчеркивалась преемственность от Земской Рати Минина и Пожарского, противостоящей, как и в XVII веке, «воровской рати» самозванцев и инородцев. Разрозненные воинские части переформировывались в четыре «Рати» или «Группы» («Поволжская», «Сибирская», «Сибирская Казачья» и «Дальневосточная»). Всякого рода «самодеятельность» в формированиях категорически запрещалась¹⁰⁵.

На следующий день, 9 августа 1922 г., Дитерихс огласил основные принципы построения государственной власти в Приморье (Указ № 2): «...Основание власти, база – Приморская область. В состав моего правительства войдет коллегиальный орган, состоящий из четырех моих помощников: Владивостокского городского головы, Председателя Областной Земской Управы, Атамана Уссурийского казачьего войска – под председательством помощника на правах министра внутренних дел, генерала Бабушкина... Учитывая

раздробленность, разрозненность населения, на которое мы должны опираться, – первой, важнейшей и главнейшей задачей Земской Думы явится совместно с Церковным Собором разработать новые начала и новые принципы для организации простейших единиц масс населения с тем, чтобы, приходя на новые места, имея здесь приготовленные совершенно принципы, было бы легко их на новых местах проводить в жизнь и закладывать новую базу для дальнейшего движения вперед. Эта организация единиц, я считаю, будет от приходов. Разработка приходов во всех деталях и подробностях будет проведена в жизнь здесь в Приморье совместно с Церковным Собором и явится основой и главнейшей заботой Земской Думы... Главы ведомств входят в состав Земской Думы, когда это по ходу работы Думы будет необходимо, но не обязательно. Рядом со мною, как равноправный совершенно орган власти, станет Церковный Собор...»¹⁰⁶.

В состав Земской Думы вошли представители приходов, городов Владивостока, Никольск-Уссурийска, сельского населения, поселковых управлений, профсоюзов, уссурийского казачества и несоциалистических организаций (всего 34 члена). Местом пребывания Думы стал г. Никольск-Уссурийский. Особо оговаривалось, что членом Земской Приамурской Думы от рабочих может быть избран «работающий не менее 7 лет и имеющий какой-либо имущественный ценз в Приморье». «Не могли быть избраны члены коммунистической или какой-либо социалистически-интернациональной партии». Сами же эти партии объявлялись «нелегальными», а их члены подлежали высылке в пределы ДВР и Советской России.

Местное самоуправление предполагалось построить в соответствии с историческими особенностями национальной государственности. Глава ведомства внутренних дел генерал-майор В.А. Бабушкин (бывший начальник контрразведывательного отдела Главного штаба на Восточном фронте с марта 1919 г.) в интервью газете «Вечер» так изложил схему приходского самоуправления: «Только религиозные люди могут принять участие в строительстве Приамурского государства. За основание берется церковный приход. Каждый гражданин по вере его должен быть приписан при приходе своего вероисповедания. Церковные приходы объединяются в совет церковных приходов города и земских районов. В жизни всего государства будет иметь исключительное влияние церковный собор. Соединения церковных приходов должны будут заменить собой то, что теперь называется городским и земским самоуправлени-

ем. Все граждане должны приписаться к приходам. В назначенный день прихожане собираются в храме. После молитвы в церкви устанавливается урна, в которую прихожане опускают свои личные номера. Затем священник вынимает необходимое количество из них; таким образом составляется совет приходов. Во главе приходов будут стоять лица по назначению верховной власти. Лица недостойные и несоответствующие будут заменяться следующими, получившими очередной жребий. Благодаря этому, в принцип будущих самоуправлений будут положены усмотрение и воля Божия. Надо думать, что новые органы самоуправления будут вполне авторитетны в населении. Никакой милиции, вероятно, не будет. Гражданам будет предоставлено право организации самообороны, под контролем церковных приходов.

В основу строительства родины, таким образом, кладется принцип жертвенности; поэтому служащие и рабочие будут обеспечены только самым необходимым. И вообще, основная мысль предстоящей реформы должна состоять в глубокой вере в Промысел Божий. А провести его в жизнь можно только через Церковь...»¹⁰⁷.

Таким образом, данная система возрождала традиционные основы русского местного самоуправления допетровского времени. В России начала XX века это означало полное исключение из практики работы земств и городских дум (основных органов местного самоуправления России) любой политической борьбы, наносящей ущерб повседневной духовной и хозяйственно-административной жизни.

10 августа 1922 г. Земский Собор завершил свою работу. Состоялся парад войск, после которого ратникам от имени Собора и Правительства была торжественно вручена Икона Коломенской Божией Матери, именуемая Державной¹⁰⁸. Самому Дитерихсу была вручена Икона Спаса Нерукотворного. В ознаменование окончания работы Собора учреждена памятная медаль «Чудо Св. Георгия о змие» на черно-желто-белой ленте «романовских цветов»¹⁰⁹. Заседания Собора завершились торжественным молебном и пением Российского Гимна «Боже, Царя Храни».

Теперь предстояло защитить этот оплот русской государственности, решить многочисленные проблемы экономической жизни Края и, самое главное, успешно противостоять неизбежному наступлению советских войск. Но это не останавливало Дитерихса. С огромным воодушевлением он взял на себя тяжелую ответственность Правительства и Воеводы.

Знакомясь с документами того времени, вглядываясь в лица участников Земского Собора, воинов Земской Рати на чудом сохранившихся фотографиях, невольно ловишь себя на мысли: на что надеялись, на что рассчитывали, во что верили эти люди? Неужели они действительно считали, что призыв (один лишь призыв) к спасению Православной Веры, к возрождению Династии Романовых, к «всенародному ополчению» «как в 1612 году» вернет Россию на тот путь, по которому развивалась страна до Февраля 1917 года? Неужели мог противостоять Земский Край, с его четырьмя городами (Владивостоком, Никольск-Уссурийским, Спасском и пограничным Посьетом), громадной Советской России с ее 5-миллионной армией? Ведь уже торжествовал НЭП, а лагерь в Галлиполи, где так и не дождались своего «весеннего похода» десятки тысяч белых бойцов, покинул последний солдат Русской армии ген. Врангеля. Уже вернулись в Советскую Россию, «раскаявшись в своих преступлениях против народа», «герои Крыма» – генералы Я.А. Слэцов, Ю.К. Гравицкий, полковник М.В. Мезерницкий, тысячи рядовых солдат, казаков. В Москве, Петрограде, сотнях городов бывшей Российской Империи царили разношерстные «сыны лейтенанта Шмидта» и «Остапы Бендеры», делавшие свои «гешефты», используя выгодный «момент». Витрины заполненных товарами универмагов закрывались уже не грозным красноармейцем с поднятым пальцем, а рекламой «папирос «Ира» и «карамели «Ананасовый аромат». Никто не звал «записываться в добровольцы», а, напротив, призывали «обогащаться». Уже «растреляли мятежный Кронштадт», «задушили» газовыми снарядами тамбовских повстанцев. Крестьянин, тот самый, на консерватизм и антибольшевизм которого во многом рассчитывали участники Земского Собора, закапывал свой обрез «до времени» и добросовестно отвозил на ссыпные пункты вождеденный продналог, не забывая при этом сказать, что «власть наша теперь правильная, крестьянская». И хотя крышки сундуков с приданным у сельских красавиц по-прежнему украшали портреты Государя в мундире лейб-гвардии Преображенского или лейб-гвардии Гусарского полка, но на полках стояли лубочные брошюрки издания 1917 года про «Гришку, Сашку и Николашку», или более «прогрессивные», типа «Сказ про то, как царь и попы обманывали трудовой народ». Становилось очевидным, что Акт возвращения Династии может стать результатом не ностальгических «вздохов», а прежде всего Акта всенародного Покаяния за то, что произошло в 1917 году. Но,

поручик-артиллерист Земской Рати Б.Б. Филимонов: «...Генерал Дитерихс надеялся, нет, больше того, он верил, что Россию можно поднять на большевиков лишь во имя Церкви, Царя и Отечества. Его программа могла бы увлечь массы, если бы в них, конечно, еще теплился огонек Веры и преданности к трем приведенным выше основам... Судьба поставила его во главе Белого Приморья, генерал Дитерихс, не колеблясь, решил проводить эти принципы... предстоящий поход для противобольшевиков являлся своего рода какой-то безумной лотереей, в которой один шанс был против тысячи, нет – десятка тысяч, даже миллиона... Воеводе и Штабу Земской Рати оставалось положиться лишь на свои восемь тысяч бойцов и их противопоставить волнам красного моря, готовящегося захлестнуть последний белый уголок Руси»¹¹³. Однозначно негативно оценивал реформы Дитерихса владивостокский журналист, будущий «возвращенец» и член Союза писателей СССР Вс. Иванов: «...на Собор явились не мужи совета и разума, горящие душой исключительно о деле...» Правителем всей этой «машкарады» стал «случайно повернувшийся, бесталаный, ничтожный генерал Дитерихс», с «бегавшим, нервным взглядом фанатика»¹¹⁴. Но все «рекорды» в историографических оценках побил, пожалуй, советский автор П. Антонин: «...генерал Дитерихс, совсем выживший из ума старик, назвал остатки семеновских и кашпелевских войск «земской ратью», а себя «воеводой», и объявил «поход на Москву»...»¹¹⁵.

Решающие бои на Приморском фронте начались сразу же после вывода японских войск из Приморья. То, что край сохранял свою независимость от советской власти во многом благодаря «японским штыкам», признавали почти все. Однако вряд ли правомерным можно считать тезис советской историографии, согласно которому вся политика белых в Приморье диктовалась из Токио, а разгон Народного Собрания и созыв Земского Собора стали следствием противоречий между «военными» (требовавшими продолжения участия Японии в делах ДВР) и «дипломатами» (выступавшими за мир с Советской Россией)¹¹⁶. Японию в Приморье интересовали, прежде всего, собственные экономические интересы. Японские финансисты создавали акционерные общества, прикрываясь которыми, вывозили природные богатства края. 19 июля, еще до начала работы Земского Собора, Япония приняла предложение ДВР, в соответствии с которым ее войска должны были полностью эвакуироваться из Приморья до 1 ноября 1922 г. 17 августа начался вывод японских войск, а 4 сентября 1922 г. начались переговоры

между ДВР, Советской Россией и Японией в г. Чанчуне. Уходя, японцы передали Земской Рати только окопы и заграждения, сооруженные по линии Уссурийской железной дороги (в частности, хорошо оборудованный Спасский укрепрайон, построенный инженерами 8-й пехотной дивизии японской армии). Ни обмундирования, ни оружия, ни одного патрона или снаряда русские полки не получили.

Дитерихс, при известных симпатиях чехам и французам, очень негативно относился к японской помощи. Именно поэтому он приветствовал вывод войск¹¹⁷. Как писал Б. Филимонов: «...по оставлении японцами г. Спасска, в оный не замедлил пожаловать сам Правитель и Воевода... растроганный, со слезами на глазах, Воевода припал к «освобожденной от интервентов русской земле», после чего тут же произнес перед толпой встречавших его официальных лиц и народа речь на эту тему. В тот же день Воевода отдал приказ, в коем опять упоминал его «радость» по поводу вступления ногой на «освобожденную от интервентов русскую землю»... Читая строки этого приказа, многие чины Земской Рати недоумевали: «Да что он думает? Единственная опора – японцы, а он радуется, что они уходят». Такова была Вера самого Правителя и Воеводы. «Вера горами двигает», – говорит Священное Писание. «Все есть продукт воображения», – заявлял полководец Бонапарт. Надвинувшиеся вплотную события готовились измерить силу веры и физической мощи Земской Рати»¹¹⁸. «Воины! Настал час, когда Богу стало угодно поставить нас снова перед лицом изуверов советской власти. Японцы уходят, и мы можем теперь с чистой совестью и горячей верой идти выполнять национальный долг перед нашей Великой и Святой Родиной», – эти слова из приказа Дитерихса лучше всего показывают его отношение к предстоящим боям.

23 августа 1922 г., в соответствии с указом Дитерихса, Штаб Земской Рати, резиденция Правителя и Земская Дума переехали в Никольск-Уссурийский – «ближе к фронту». А 2 сентября 1922 г. Штаб Земской Рати приказал частям Земской Рати перейти в наступление вдоль Уссурийской железной дороги в общем направлении на Хабаровск. Началось последнее наступление последней Белой армии в России. Основной удар наносили каппелевцы, ижевцы и воткинцы Поволжской группы (Рати) генерал-майора (земского воеводы) В.М. Молчанова. Почти одновременно в наступление перешли полки армии ДВР. В результате упорных встречных боев советские войска потерпели поражение, и белые заняли ст. Шмаковка.

Однако овладеть мостом через р. Уссури так и не удалось. На фронте наступило временное затишье.

Рассматривая операции в Приморье в 1922 году, очень трудно разглядеть в них «стратегический почерк» Дитерихса. По существу, борьба шла вдоль линии железной дороги от ст. Уссури до Владивостока и против партизанских отрядов в уссурийской тайге и предгорьях Сихотэ-Алиня. Единственной крупной операцией, воспетой в советской историографии, были встречные бои в районе ст. Спасск и в районе с. Ляличи 8–14 октября 1922 г. Следуя принципу «нападение есть лучший способ защиты», Дитерихс периодически отдавал приказы о переходе Земской Рати к наступательным действиям, но эффективность их была относительно невысока.

Тем временем реформы, провозглашенные Земским Собором, продолжались. К октябрю были созданы Приходские советы во Владивостоке и Никольск-Уссурийском. Работала Приамурская Земская Дума, имевшая и законодательные, и исполнительные функции. Но для дальнейшей борьбы необходима была более активная поддержка тыла, мобилизация всех сил. Дорог был каждый день, каждый час. Об этом открыто говорил в своей речи Правитель Края на собравшемся 15 сентября 1922 г. в Никольск-Уссурийском Национальном съезде несоциалистических организаций Приморья и КВЖД: «...Господа, я зову вас всех идти объединено вместе с нами, с Приамурской государственностью. Покажите вы вашим личным поведением, вашей службой, хотя бы в рядах войск, в рядах специальных дружин, покажите пример народу – он пойдет, поверьте, за вами, но он ждет. Это потому, что его и в 17-м году интеллигенция потащила в пропасть, и теперь он ждет, что интеллигенция выведет его из этой пропасти. Раз флаг Святой Великой идеи выдвинут, то за ним первыми должны пойти действительно интеллигентные массы России, и вы есть тот небольшой клочок интеллигенции, который остался и который должен показать этот пример...»¹¹⁹.

Но, увы, призыв Приамурского Правителя остался без ответа. Большинство представителей «русской интеллигенции», к совести и патриотизму которой обращался Правитель, даже перед лицом гибели «последнего оплота Белого движения» беспокоили вопросы политической борьбы или «спасения животешек». Хозяйственные проблемы края усугублялись беззастенчивой спекуляцией. Общегосударственные интересы отходили далеко на задний план перед интересами наживы отдельных финансовых групп, ориентирующихся на вывоз приморского сырья в Японию и Китай.

После сентябрьских боев, ввиду начавшегося наступления войск ДВР на Приморье и роста партизанского движения, остро встал вопрос резервов. Дитерихс решает снова, как и в 1919 году при формировании Дружин Святого Креста, обратиться к пополнениям, основанным на принципах защиты Православной Веры. На этот раз Воевода не только призывал к совести и патриотизму русских людей, но и стремился действовать силой приказа. 26 сентября, Указом № 49 до 1 января 1923 г. прекращались только что начавшиеся занятия во всех высших учебных заведениях Приморья. Студенты Восточного института, юнкера Корниловского военного училища на о. Русский, гардемарины Морского корпуса и кадеты Хабаровского корпуса должны были пополнить ряды Земской Рати. «Все силы молодой интеллигенции должны быть отданы высшей общей народной цели – отстаивать его Веру, отстаивать его свободу...». Немедленному призыву подлежали также офицеры запаса. В течение двух недель во Владивостоке должно было собраться 4 000, а в Никольск-Уссурийске – 700 ратников. Собранные пополнения составляли Резерв Земской Рати, из которого периодически отправлялись бы на фронт маршевые роты. Снабжать Резерв должны были все торгующие одеждой, обувью и бельем городские магазины и лавки, а финансирование обеспечил бы создаваемый за счет частных торговцев, кооперативов и банков фонд в размере 8 млн. 500 тысяч золотых рублей. «...Призывая русскую интеллигенцию к выполнению настоящей исключительной повинности, сознаю тяжесть ее, но твердо верю, что только самоотверженным служением всей массе общественных сил Великой и Святой Идее освобождения нашей Родины из когтей антихристовых сынов лжи, мы окажемся достойными перед Всемогущим Творцом заслужить милость прощения общего греха земли, и Господь снова благословит народ свой к восхождению по истинному пути Христову для процветания в будущем Великой Святой Руси под историческим национально-религиозным стягом: «Вера, Царь и Народ». На следующий день была объявлена мобилизация всех проживающих в Приморье казаков, независимо от Войска¹²⁰.

Что же дала эта практически тотальная мобилизация всех способных держать оружие мужчин? Во Владивостоке сумели сформировать офицерский батальон резерва. Но на фронт из Владивостока прибыло всего... 176 человек (из 4 000), а из Никольск-Уссурийского – 200. Ни снабдить, ни вооружить их должным образом не смогли, а вместо ожидаемых 8 с половиной миллионов рублей

Дитерихс получил заявление от Торгово-Промышленной Палаты Владивостока, подписанное многочисленными «русскими патриотами» (Жук, Фомиль, Хаймович, Бернштейн и проч.). В нем констатировалось «практически полное отсутствие средств и безусловная невозможность реализовать недвижимость и незначительные остатки товаров, имеющихся в городе». Взамен «чрезвычайных сборов» предприниматели говорили о своевременной уплате налогов (оказывается, выполнение этой обязанности признавалось «жертвой» (1)). Вероятно, финансовое положение приморских дельцов было действительно тяжелым. Но как разительно отличалось их многословное заявление от скромного подвига двух владивостокских девушек, пожертвовавших в фонд Правителя свои сережки, кольца и... серебряные щипчики для сахара. Дитерихс был поражен равнодушием владивостокских «торгово-промышленников». Ведь Земская Рать защищала их от «красного террора»! Но он не стал угрожать репрессиями, расстрелами и конфискациями (в Приморье смертную казнь заменила высылка в ДВР). В Указе № 64 от 11 октября, он приказал: «...в отношении тех граждан, кои выказали себя неспособными к добровольной жертвенности жизнью и достоянием во имя идеи, возглавленной Земским Собором, не прибегать к насильственным и репрессивным мерам.

Им Судья – Бог»¹²¹.

В этом – весь Дитерихс.

Подобный результат, зная «нравы» белого тыла на протяжении всей гражданской войны, в принципе можно было предвидеть. Тыл безмолвствовал, а на фронт уходили студенты и кадеты. С молитвой на устах погибала молодость России, ее будущее. Пополнения добровольцев не спасали фронта и обреченность Приморья, невозможность ожидаемого Чуда с каждым днем становились все очевидней.

С 3 октября возобновились бои на линии Уссурийской железной дороги. Поволжская группа ген. Молчанова, с подошедшими из Владивостока ротами юнкеров Корниловского военного училища, столкнулась с частями 2-й Приамурской стрелковой дивизии Народно-Революционной армии ДВР. Во встречных боях 4–5 октября каппелевцы и ижевцы ген. Молчанова не смогли сдержать превосходящих сил красных, отступив на 50 км к Спасскому укрепленному району. Страшные потери в боях под ст. Свягино понесли юнкера-корниловцы, наступавшие в полный рост, под командой своих курсовых офицеров, на красные пулеметы. 8 октября начались бои

за Спасск. В советской историографии было принято оценивать его штурм как проведенный по всем правилам военного искусства, с ожесточенными боями за каждый из 7-ми фортов, рукопашными атаками и уличными штыковыми схватками. На самом деле, после того, как в течение двух дней по спасским укреплениям было выпущено более 8 тысяч снарядов разного калибра и красная кавалерия начала обход города с юга, руководивший обороной ген. Молчанов получил директиву из Штаба Земской Рати об оставлении укрепрайона. При этом практически все атаки красных были отбиты, а форты занимались уже после того, как их оставляли белые дружины¹²². «Штурмовые ночи Спасска» (ночь была всего одна – с 8 на 9 октября) вряд ли таковыми были. Напротив, защитники Спасска даже недоумевали по поводу столь быстрого отступления.

После Спасского боя Земская Рать концентрировала силы в районе сел Вознесенское–Ляличи. Сюда стягивались подразделения Сибирской группы генерал-майора И.С. Смолина, Сибирской Казачьей группы генерал-майора Бородина и Дальневосточной Казачьей группы генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова. Сюда же подходили от Спасска части Поволжской группы. 13–14 октября 1922 г. произошло генеральное сражение с Народно-Революционной армией (НРА). Общее командование красными осуществлял легендарный В.К. Блохер, два года назад штурмовавший «неприступный Перекоп». Еще 12 октября Дитерихс отдал директиву о переходе объединенными силами Рати в контрнаступление в направлении на ст. Монастырище. Видимо, оставляя Спасск и сосредотачивая силы под Ляличами, Михаил Константинович снова применял свой излюбленный прием: удержание противника на фронте небольшими арьегардами и нанесение контрудара из глубокого тыла. «Активность и решительность до предела», «неуспеха не допускаю, и отхода быть не может» – провозглашали директивы земским дружинам.

В начавшихся встречных боях на этот раз серьезные потери понесли «красные юнкера» – курсанты дивизионной школы 2-й Приамурской стрелковой дивизии¹²³. Удачно действовали сибирские и забайкальские казаки. 13 октября прошло успешно для белых. Однако 14 октября, после подхода основных сил НРА, натиск на фронт Земской Рати заметно усилился и после полудня стало ясно: генеральное сражение за Белое Приморье проиграно. Понимая, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, около 15.00 14 октября 1922 г. Дитерихс отдал приказ об отступлении. Войскам следовало оторваться от противника и отступать к Владивостоку и Посъету.

Фронт больше не защищался. 15 октября части НРА заняли Никольск-Уссурийск, 16 октября – ст. Гродеково, а 19 октября – ст. Угольную, расположенную в 30 км. от Владивостока. Японские войска, ни на сутки не задерживаясь, выводились из Приморья. Теперь Дитерихсу оставалось одно – правильно и своевременно организовать эвакуацию армии и беженцев.

Данная задача была решена весьма успешно. Дитерихс лично контролировал посадку войск и беженцев на суда, а позднее – переход границы сухопутными войсками. Все желающие покинуть Приморье могли это сделать на 35 кораблях Сибирской флотилии под командованием адмирала Г.К. Старка и через г. Посъет, перейдя границу с Китаем. 26 октября 1922 г. Владивосток – последний оплот Русской Государственности – был оставлен белыми войсками.

Накануне эвакуации, 17 октября Дитерихс издал последний Указ (№ 68), ставший финальным аккордом Белого движения в России: «Силы Земской Приамурской Рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода, без пополнения, без патронов, решили участь земского Приамурского Края. Скоро его уже не станет. Он как тело умрет. Но только – как тело. В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии – он никогда не умрет в будущей истории возрождения великой святой Руси. Семя брошено. Оно упало сейчас еще на мало подготовленную почву; но грядущая буря ужасов коммунистической власти разнесет это семя по широкой ниве земли Русской и при помощи безграничной милости Божией принесет свои плодотворные результаты. Я горячо верю, что Россия вновь возродится в Россию Христа, Россию Помазанника Божия, но что теперь мы были недостойны еще этой великой милости Всевышнего Творца»¹²⁴.

Вооруженное противостояние большевицкой власти становилось историей. Тысячи русских людей навсегда покидали Отчизну. Скупые лучи осеннего солнца освещали неясные очертания прибрежных скал, медленно уходящих за горизонт. Прощальный взгляд на Россию. Страну, теперь уже окончательно становившуюся Советской.

Правитель Приамурского Края и Воевода Земской Рати после отплытия из Владивостока присоединился к войскам в Посъете. Здесь же корабли Сибирской флотилии, высадив на берег часть военных, отправились далее, в корейский порт Гензан, а затем в Шан-

хай и на Филиппины. Дитерихс и прибывший на границу ген. Лохвицкий договорились с администрацией китайского города Хунчуна о том, что войска переходят на положение беженцев и, пересекая границу, полностью разоружаются. 31 октября 1922 г., ведя редкую перестрелку с красными разездами, части Земской Рати оставили небольшой пограничный городок Ново-Киевск (последний перед границей). Рано утром 2 ноября 1922 г. (почти через пять лет после начала Белого движения в России), по только что выпавшему снегу, Михаил Константинович Дитерихс вместе со Штабом Рати первыми перешли границу. 3 ноября 1922 г. последние белые ратники отступили в Китай (всего за границу из Владивостока и через Пошэт ушло около 20 тысяч человек)¹²⁵.

Исход Белого движения в России проникнут мистической символикой. Буквально через несколько часов после перехода границы бойцами Земской Рати был спущен национальный флаг на другом конце Русского Приморья. В далеком Петропавловске-Камчатском генерал-майор Иванов-Мумжиев отдал приказ об оставлении Камчатки и эвакуации в Японию. Теперь в России действовали только Сибирская Добровольческая Дружина генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, сражавшаяся в Якутском Крае до июня 1923 г., и казачий отряд войскового старшины Бологова, оставшийся под Никольск-Уссурийским.

Последняя страница гражданской войны закончилась...

После размещения части беженцев в приграничных поселках Дитерихс во главе «беженских групп» Земской Рати совершил долгий, тяжелый переход от Хунчуна на Гирина и далее к Мукдену. Генералу суждено было снова оказаться в тех местах, где 18 лет назад начиналась его боевая карьера. После этого он вернулся сперва в Харбин, а летом 1923 г. с женой и дочерью переехал в Шанхай. Начался зарубежный период его жизни. Об этом времени известно немного. Архивы практически не сохранились, и немногочисленные документы о его деятельности можно обнаружить с большим трудом. Ясно одно, Михаил Константинович не собирался мириться с «беженским положением» и все свои силы продолжал отдавать делу непримиримой борьбы с большевизмом.

Наибольшую известность получила деятельность Дитерихса на посту Председателя Дальневосточного Отдела Русского Общевоинского Союза (РОВС), а также председателя Урало-Приморской группы Русского Общевоинского Союза (с 24 марта 1930 г.). Этот отдел объединял большинство сохранившихся структур

бывшего Восточного фронта Белого движения. Накануне официального образования РОВСа (1 сентября 1924 г.) 6 мая 1924 года Дитерих предупреждал об опасности использования монархической идеологии в угоду сиюминутной политической конъюнктуре. Нисколько не отрицая необходимости борьбы только под монархическими лозунгами, он заявлял, что в Зарубежье все «ищут объединения не во имя создания однородных идей, не вокруг однородных монархических принципов, а опять-таки вокруг личностей, деятелей», «...все те, кто называет себя ныне монархистами, причисляют себя к таковым не по исповеданию принципов, понятий и религии монархизма, как идеологически мощного, объединяющего массу, общественность, государство – начало, а лишь по форме, по внешним осязаемым материальным проявлением его. При этом форма и внешность обращаются ими в сущность, исчерпывая всю содержимость их монархического чемодана... возрождение в России монархизма является для них только в формально-аксессуарном восстановлении трона, возведении на него того или другого из Романовичей, занятие при троне определенного придворного или административного положения и приведение всех прочих граждан России к «поднози трона» путем тех же чекистских мероприятий, изменив лишь название органов: охранка, жандармерия, гвардия и так далее... Так как, по моему глубокому убеждению, такое движение не будет отвечать интересам историко-национального характера, то я не примкну к нему и, хотя бы оставшись в одиночестве, не откажусь от той присяги, которую принимал во Владивостоке и которая согласована с моим пониманием путей работы по совести на благо народу и его историческому предназначению»¹²⁶.

Дитерих видел возможность возрождения монархии не в династических спорах о старшинстве того или иного представителя Дома Романовых, не в поисках «чудом спасшихся» Царевичей и Царевен, а в построении русской государственной власти на принципах «идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма», которая, в свою очередь, должна основываться только на «Учении Христа». «...Начинать всякое возрождающее движение, в том числе и монархическое, необходимо с поднятия в русском народе основ чистоты и святости законов Христа и его наставлений. Мне отвечают на это: все это так, но это слишком долгий и сложный путь, и другие успеют использовать современное шаткое положение советской власти. Не разбирая, насколько шатко ее положение, на первое отвечаю с глубокой и горячей верой: пусть. Ни-

что не удержится в русском народе, что не со Христом и не от Христа. Рано или поздно, если только Господу угодно простить временное отклонение русского народа от Христа, он вернется прочно только к началам своей исторической, национально-религиозной идеологии, идущей от Христа и со Христом. А что я не увижу это спасение, а только мои потомки... Так разве для себя я вел братоубийственную войну и готов снова к ней? Разве для восстановления своих генерал-лейтенантских привилегий и для владения хутором Фоминским под Москвой?.. Что же из того? Была бы Русь Святая и торжествовала бы предопределенная ей от Бога цель»¹²⁷.

Дитерихс был монархистом, но не легитимистом. Манифест Великого Князя Кирилла Владимировича он не признавал. Более того, когда с 1928 г. Великий Князь начал делать заявления в духе идеологии младороссов, считая возможным сохранить советскую власть в СССР, сотрудничать с представителями Красной армии и ждать внутреннюю эволюцию сталинского режима (за патриотизм, против интернационализма), Дитерихс решительно осудил подобные декларации¹²⁸. Лозунг «Царь и Советы», столь популярный у части русской эмиграции, в том числе и у представителей Дома Романовых (Великие Князья Дмитрий Павлович и Дмитрий Александрович входили в руководящие структуры Союза Младороссов), вызывал у Дитерихса резкое отчуждение.

Перспективы династии генерал видел в молодых представителях Дома Романовых. С декабря 1933 г. Дитерихс начинает переписку с Великим Князем Никитой Александровичем, внуком Императора Александра III, Председателем «Общества распространения русской национальной и патриотической литературы». Никита Александрович еще в январе 1932 г. заявил о своем несогласии с политической линией Кирилла Владимировича, за что был исключен последним из Членов Императорской Фамилии¹²⁹. Дитерихс видел в Никите Александровиче потенциального вождя антибольшевистского сопротивления, будущего Верховного Правителя России. Однако Дитерихс считал, что встать во главе Белой борьбы представитель Династии может только после создания единого антисоветского политического фронта, после начала непосредственных боевых операций на территории СССР – возможно, и не без помощи иностранных «союзников». В своем письме Великому Князю от 30 марта 1934 г. генерал отмечал: «...нужно Ваше принципиальное согласие, дабы собранной уже на своей территории бывшей Дальневосточной армии, иметь право сказать: «С нами Внук Императора

Александра III; мы присягали в 1922 году во Владивостоке в верности Исторической, народной, религиозно-национальной идеологии Великой Самодержавной России; теперь настало время, чтобы в последней борьбе создать то идейное монолитное ядро, которое должно привлечь вокруг себя растрепанные и сбитые социализмом с исторического пути, расчлененные на бесчисленное множество толков народные массы всероссийских народов и вернуть их под едино Святой стяг Веры, Царя и Отечества...»¹³⁰.

В начале 1930-х годов, когда сила коммунизма, на фоне «успехов» первых пятилеток, героев стахановцев и покорителей Арктики, многим в Зарубежье представлялась огромной, призывы Дитерихса к возрождению монархии могли показаться еще большим анахронизмом, чем в 1922 году во Владивостоке. Но генерал продолжал непоколебимо верить в спасение России через возврат к историческим ценностям Национальной Государственности.

Не оставлял вниманием Дитерихс и расследование обстоятельств Цареубийства. Примечательно, что сразу же по получении известий о принятии Дитерихсом командования белыми войсками Приморья, к нему с письмом обратился следователь Соколов, угваривавший вызвать его на Дальний Восток¹³¹. Но после поражения Белого Дела, осенью 1924 г., тот же Соколов опубликовал сообщение в парижских «Последних Новостях» о якобы принудительном изъятии у него Дитерихсом материалов следствия в Чите в 1920 г. На упреки подобного рода Дитерихс не отвечал, оставаясь при всех обстоятельствах верным главной версии следствия: все члены Царской Семьи погибли. Заботило другое. То, что за переплетением династических конфликтов никто из представителей Русского Зарубежья не позаботился о должном сохранении реликвий Царственных Мучеников, бесследно исчезнувших вместе с другими подлинными материалами.

В Шанхае Дитерихс работал в должности главного кассира Франко-Китайского банка. Материальных трудностей его семья уже не испытывала и всячески помогала детским приютам, занималась благотворительностью. Предметом особого внимания Дитерихсов оставался «Очаг». Осенью 1926 г. при «Очаге» был устроен детский сад на 20 детей, где воспитательницами, под руководством Софии Эмильевны, работали выпускницы «Очага». Осенью 1929 г. из детского сада выделилась группа старших девочек, образовавших «Школу на дому для девочек», где занятия проходили по полному гимназическому курсу.

Весной 1933 г. Лига русских женщин Шанхая избрала из своей среды комиссию для составления устава и программы женской гимназии. В составе этой комиссии деятельно работала София Эмильевна, и в результате осенью 1933 г. начались занятия в 2 подготовительных и 4 основных классах первой русской женской гимназии в Шанхае. Каждый год прибавлялось по классу, и весной 1937 г. состоялся первый выпуск гимназисток, закончивших 7 классов обучения¹³².

Дитерихс оказывал финансовую поддержку «Обществу распространения русской национальной и патриотической литературы». На его пожертвования был издан замечательный труд профессора С.С. Ольденбурга «История Царствования Императора Николая II»¹³³.

Много внимания Дитерихсы уделяли церковной жизни. Попечениями семьи была устроена прекрасная домовая церковь. Значительные пожертвования выделялись на убранство Свято-Николаевского Храма в Шанхае. В доме на углу рю Валлон и рю Кардинал Мерсье (французские названия улиц были типичны для Шанхая – этого «Парижа Дальнего Востока», как его называли), где располагалась штаб-квартира Дальневосточного Отдела РОВСа, содержался небольшой музей военных реликвий и библиотека русских книг. Постоянно устраивались вечера, встречи Православных Праздников, в которых активное участие принимали и Дитерихсы¹³⁴.

Но главным делом оставалась борьба. Неслучайно именно к деятельным, активным организациям обращалось внимание Дитерихса. Под его руководством в составе Дальневосточного Отдела РОВСа готовились боевые группы, предназначенные для диверсий на территории СССР. Первая такая группа в составе молодых офицеров Т.А. Марковкина, В.Т. Куриева, М. Науменко и И.И. Усольцева была успешно отправлена через границу в Хингане, однако вскоре попала в засаду и погибла. К сожалению, данных об этой стороне деятельности Дитерихса крайне мало. Известно, что с началом советско-китайского конфликта на КВЖД летом 1929 г. Дитерихс сообщал в Париж Председателю РОВСа генерал-лейтенанту Е.К. Миллеру, что «...в приграничной полосе Сибири, т.е. Приморской области, Приамурского Края и Забайкалья началось большое повстанческое движение, которое желательно поддержать...» По словам Миллера, «переписка с ген. Дитерихсом выяснила к осени 1930 г. – эти операции замерли, но возобновились весной 1931 г. Тем временем выяснилось, что посылка морем оружия и патронов

из Европы хотя бы в Шанхай совершенно невозможна в силу тех правил, которые установлены были международными соглашениями для погрузки в европейском порту... Впрочем, как потом выяснилось, эта помощь весной 1931 г. была бы уже запоздалой, так как в 1931 г. если и были еще кое-какие вспышки, то скоро они были погашены, и повстанческое движение закончилось». Приходили также запросы о возможностях формирования отрядов из чинов бывшей Земской Рати. Однако дальше проектов дело не пошло. Ни РОВС, ни Сопещение Российских Послов не нашли средств для поддержки повстанчества¹³⁵.

После оккупации Маньчжурии японцами Дитерихс опубликовал «Призыв к Белой Русской эмиграции всего мира». В нем, в частности, отмечалась возможность создания в Приморье буферного государства, а также единого Фонда для борьбы с большевизмом. В Фонд принимались пожертвования «не меньше доллара или пяти франков с тем расчетом, чтобы собрать полтора миллиона долларов»¹³⁶.

РОВС поддерживал тесные контакты с Братством Русской Правды (БРП) – боевой организацией, ориентированной на подготовку повстанческого движения в СССР. Командир Западно-Сибирского стрелкового полка Земской Рати полковник А.Г. Аргунов возглавил Дальневосточный Отдел Братства. Под редакцией Дитерихса и при его финансовой поддержке в ноябре 1932 г. вышел первый (и единственный) номер «Вестника Дальневосточного Братства Русской Правды» (в российских библиотеках нет ни одного экземпляра). Он содержал программные установки, ближайшие цели и задачи БРП. 20 марта 1931 г. Михаил Константинович был избран Почетным Братом в составе Основного Круга БРП¹³⁷. В течение 1931–1932 гг. вышел 31 номер редактируемого Дитерихсом журнала «Голос России» (в российских библиотеках имеются только №№ 1–3 и 9-й). Орган Дальневосточного Отдела РОВСа охотно предоставлял свои страницы для публикации материалов БРП, а также Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП). Однако после убийства, при до сих пор невыясненных обстоятельствах, полк. Аргунова в Харбине в декабре 1932 г. деятельность БРП на Дальнем Востоке постепенно прекратилась¹³⁸.

В последние годы жизни Дитерихс, из-за усиливающейся болезни легких, не мог уже руководить Союзом так, как того требовала обстановка. Накануне начала Второй мировой войны Дальнево-

сточный Отдел РОВС стоял перед все усиливающейся активностью Японии. В своей переписке с ген. Миллером Дитерихс указывал на возможность своего замещения бывшим Командующим Дальневосточной армии генерал-лейтенантом Г.А. Вержбицким (начальником Тяньцзинского отдела РОВС с 1936 г.). В своем последнем письме Дитерихсу Миллер (он написал его 7 июля 1937 г. за два с половиной месяца до похищения органами НКВД) благодарил своего соратника за плодотворную работу и выражал надежду на скорое выздоровление.

Увы, эти надежды не сбылись. 8 октября 1937 года, в день Преставления прп. Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца, в возрасте шестидесяти трех лет Михаил Константинович Дитерихс скончался. Похороны собрали сотни человек. Почти весь «русский Шанхай» пришел проститься с генералом. Дитерихс был похоронен на кладбище Лю-Ха-Вэй (Секция М. Могила № 336). На могиле был установлен каменный крест в старорусском стиле с лампадкой и надписью: «Воевода Земской Рати генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс...». В той же могиле была похоронена позднее его супруга. Дочь Агния уехала в Австралию.

Бурные события XX века не пощадили могилы генерала. В разгар «культурной революции» кладбище Лю-Ха-Вэй в Шанхае было уничтожено и на его месте построены жилые дома.

Но идеи, служению которым Дитерихс посвятил свою жизнь, продолжают волновать наших соотечественников. И сейчас, когда идут споры о том, какой должна быть «Русская Национальная Идея», возможно ли возрождение монархии, кого следует считать «настоящим патриотом и государственнымником», «истинным монархистом» не лишним будет помнить о тех решениях, которые принял последний российский Земский Собор 1922 года.

Несколько слов о потомках генерала Дитерихса, волею судьбы оставшихся в Советской России. Его сын от первого брака посвятил свою жизнь театру. Будучи учеником знаменитого Е. Вахтангова, Николай Михайлович (под театральным псевдонимом Горчаков) стал в 1924 г. режиссером МХАТа, а затем художественным руководителем Театра Сатиры¹³⁹. Совершенно по-иному сложилась судьба его дочери. Наталье Михайловне Полуэктовой (Дитерихс) пришлось пережить 13 лет сталинских лагерей и ссылки. И лишь 13 июня 1992 г. благодаря помощи общества «Мемориал» она получила «справку о реабилитации»¹⁴⁰. Их дети и внуки живут в России. Один из представителей рода Дитерихсов, Алексей

Дмитриевич Дитерихс, проживает в подмосковной Балашихе и известен как автор весьма интересных публикаций фамильных хроник на страницах газеты «Медицинский Вестник».

Долгая, богатая событиями жизнь была прожита Михаилом Константиновичем. Что вспоминалось ему в последние месяцы в далеком Шанхае, в окружении родных и друзей? Вспоминались, очевидно, торжественно-строгие приемы в Зимнем дворце, Императорские балы в Санкт-Петербурге и знойные пески Туркестана, где началась его служба. Вечерние огни московских дворянских салонов и продуваемые ветрами «сопки Маньчжурии», где он получил свои первые боевые награды. Тишина штабных кабинетов и «гармония» операционных расчетов и планов. Вспоминался, конечно, дым пожаров Великой войны, штурмы и атаки Салоникского фронта, последние слова генерала Крымова, горящий взгляд Керенского, и обреченные, усталые глаза Духонина. Вставали из памяти воодушевленный порыв чешских легионеров и страшные ямы Коптяковской дороги, испещренные пулями стены Ипатьевского дома. Вспоминались бессонные ночи осени 1919 года, когда вопреки жестокому расчету теплилась надежда на победу Белого дела, и светлые лица дружинников-крестоносцев, свято веривших в то, что их жертвенный подвиг спасет Родину. Возможно, вспоминалась и последняя встреча с Колчаком, горькие, несправедливые упреки в интригах, в предательстве. Но ярче всего вспоминался, наверное, владивостокский Земский Собор, где дана была Присяга на верность Самодержавию, и первый ноябрьский снег 1922-го года, засыпавший путь, по которому Русские войска навсегда покидали Россию...

«Ты будешь везде и всюду поборником справедливости и добра против несправедливости и зла» — этот завет мальтийских рыцарей стал для Дитерихса путеводной звездой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны. – М., 1968; Очерки истории Приморской организации КПСС. – Владивосток, 1971; Шурыгин А.П. Этих дней не смолкнет слава... // Знание. Серия «История». 1982. № 9; Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – М., 1957; Наумов С. Позорный конец белогвардейщины // В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 1927; Голионко В.П. В огне борьбы. Из истории гражданской войны 1918–1922 гг. на Дальнем Востоке. – М., 1958 и др.
- 2 Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. Тт. 1, 2. – Пекин, 1921; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1–3. – Белград, 1930–1931; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). – Рига, 1930; Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война. 1918–1920 гг.). – Мюнхен, 1923; Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. – Роквилль (Сан-Франциско), 1971 и др.
- 3 Рыжиков Р. Генерал Михаил Дитерихс: забытое имя // Посев. 1997. № 7. С. 36–37.
- 4 Там же. С. 37.
- 5 Там же. С. 37.
- 6 Там же. С. 37–38.
- 7 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 32066. Лл. 1–2.
- 8 Сильченко О. Пажеский Его Императорского Величества Корпус. 1802–2002. – СПб., 2002.
- 9 РГВА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 32066. Л. 2.
- 10 Там же. Л. 8.
- 11 Список полковникам по старшинству на 1913 г. – СПб., 1913. С. 535.
- 12 Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. – М., 1938. С. 114–119.

- 13 РГВА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 32066. Л. 3 об.; Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 3. Ляоянский период. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. – СПб., 1910.
- 14 Левицкий Н.А. Указ. соч. С. 174; История русской армии и флота. Вып. 14. – М., 1912. С. 122–145.
- 15 РГВА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 32066. Л. 3 об.
- 16 История русской армии и флота. Т. 14. – М., 1912.
- 17 Список Генерального штаба. Исправлен по 15 июля 1906 г. – СПб., 1906; РГВА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 32066. Лл. 4–4 об.
- 18 Там же. Лл. 3–3 об.
- 19 Там же. Лл. 7–9.
- 20 Положение о полевом управлении войск в военное время. – СПб., 1890. Разд. 2. Гл. 2. П. 55; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 8. Лл. 63, 68.
- 21 Там же. Д. 19. Катюшка 5. Л. 434 об.
- 22 Там же. Д. 24. Катюшка 2. Л. 149 об.
- 23 Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. – Париж, 1970. С. 14–15.
- 24 Брусиллов А.А. Мои воспоминания. – М., 1943. С. 179.
- 25 Из архива А.А. Васильева.
- 26 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Лл. 39–41, 321.
- 27 Там же. Лл. 42, 55, 66–66 об., 76.
- 28 Дитерихс М.К. Записки по пути следования во Францию // Военная Белья. 1956. Январь. № 16. С. 2–6.
- 29 Корсун Н. Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. – М., 1939.
- 30 ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1–5 об.
- 31 Там же. Д. 24. Л. 182.
- 32 Данилов Ю.Н. Русские отряды во Франции и на Македонском фронтах 1916–1918 гг. (По материалам архивов Французского Военного министерства). – Париж, 1933. С. 150–169.
- 33 Из архива А.А. Васильева.
- 34 Косик В. Среди единокровных братьев. Русская Церковь в Югославии в 1920–1940-е гг. // Родина. 2003. № 10. С. 96.
- 35 ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Лл. 66–66 об.; 122–123.
- 36 Чиняков М.К. Русские войска во Франции и Македонии (Салониках) (1916–1918 гг.). – М., 1997. С. 63.

- 37 ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Лл. 241–248.
- 38 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1631. Л. 35.
- 39 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. II. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918 гг. – М., 2003. С. 98.
- 40 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 10. Д. 204. Л. 277.
- 41 Лелевич Г. Октябрь в Ставке. – Гомель, 1922. С. 55; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 35. Л. 33.
- 42 Письмо генерала от инфантерии М.В. Алексеева к генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. I. – Берлин, 1926. С. 77–79, 81–82.
- 43 Из архива А.А. Васильева.
- 44 Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. I. – Берлин, 1926. С. 79–80.
- 45 Татаров Б. Участие чехословацких частей в боях за Киев. Ноябрь 1917 г. // Белая Гвардия. 2003. № 7. С. 265.
- 46 Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914–1920 гг. – Париж – Прага, 1928. С. 38–42.
- 47 Драгомирецкий В.С. Указ. соч. С. 46–47, 212–213; Цветков В. «Мятеж». Чехословацкий корпус на полях гражданской войны // Родина. 2001. № 6.
- 48 Драгомирецкий В.С. Указ. соч. С. 66.
- 49 Голечек В. Чехословацкое Войско в России. – Иркутск, 1919. С. 68–71.
- 50 Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. – Новониколаевск, 1925. С. 56–57.
- 51 Росс Н. Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 – февраль 1920 гг.). – Франкфурт на Майне, 1987. С. 15.
- 52 Там же. С. 192.
- 53 Там же. С. 15.
- 54 Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 2. – Белград, 1930–1931. С. 39.
- 55 Иностранцев М.А. Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. I. – Берлин, 1926. С. 96–108.
- 56 Петров П.П. Роковые годы. 1914–1920. – Калифорния, 1965. С. 192.
- 57 РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.
- 58 Петров П.П. Указ. соч. С. 193–194.
- 59 Там же. С. 193–196.

- 60 ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 127. Л. 29; Варламова Л.Н. Аппарат военного управления Всероссийского Временного Правительства А.В. Колчака. 1919 г. // Белая Гвардия. 2001. № 5. С. 22–23.
- 61 Будберг А. Дневник. – М., 1990. С. 296.
- 62 Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. Т. 2. Ч. 3. – Пекин, 1921. С. 295.
- 63 Петров П.П. Указ. соч. С. 198.
- 64 ГА РФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 52. Л. 324; Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. – М., 1939. С. 23, 45–47.
- 65 Гинс Г.К. Указ. соч. С. 299; Иртыш. Голос Сибирского Казачьего Войска. 1919. № 40. 23 октября.
- 66 ГА РФ. Ф. 5793. Оп. 1. Д. 1. Лл. 30–38 об.
- 67 Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. – М., 1990. С. 320.
- 68 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Лл. 570, 642 об.
- 69 Там же. Д. 7. Лл. 47–48 об.
- 70 РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 6. Лл. 10, 29.
- 71 Иванов В.Н. В Гражданской войне. Из записок омского журналиста. – Харбин, 1921. С. 26, 35; Уфимец. Газета Бюро печати Уфимской группы. 1919. № 54. 6 октября; № 60. 19 октября.
- 72 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 7. Лл. 92–93а.
- 73 Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Т. XV. – Берлин, 1924. С. 265.
- 74 Гинс Г.К. Указ. соч. С. 299.
- 75 Последние дни колчаковщины. Сборник документов. – М.–Л., 1926. С. 54–55.
- 76 Уфимец. 1919. № 65. 8 ноября.
- 77 РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 169; Сахаров К.В. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923. С. 176–179.
- 78 Петров П.П. Указ. соч. С. 214–215.
- 79 Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. – Л., 1930. С. 136–144.
- 80 Сахаров К.В. Указ. соч. С. 199.
- 81 Жанен М. Указ. соч. С. 138.
- 82 Росс Н. Указ. соч. С. 15–16.
- 83 Из архива А.А. Васильева.
- 84 Из архива А.А. Васильева.
- 85 Приамурье. – Владивосток, 1922. № 1. Июль. С. 12–13.
- 86 ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

- 87 ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 11; Русская армия. – Владивосток, 1922. № 138. 23 июня.
- 88 Гермогенов К. Земские Соборы // Воин. Военный журнал. – Владивосток, 1922. № 4. Май.
- 89 ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.
- 90 Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 54.
- 91 Руднев С.П. При вечерних огнях. Воспоминания. – Харбин, 1928. С. 446–447.
- 92 ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.
- 93 Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. – Белград, 1926. С. 48.
- 94 Там же. С. 86.
- 95 Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Н.В. Савич. Дневники. 1921–1923 гг. Рукопись.
- 96 Русская армия. – Владивосток, 1922. № 159. 11 августа.
- 97 ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 4. Л. 61.
- 98 Там же. Л. 78.
- 99 Там же. Л. 165.
- 100 Там же. Л. 169.
- 101 Там же. Д. 3. Л. 1.
- 102 Там же. Д. 4. Лл. 182–184.
- 103 Филимонов Б. Указ. соч. С. 72–73.
- 104 ГА РФ. Ф. 937. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- 105 Русская армия. – Владивосток, 1922. № 159. 11 августа.
- 106 ГА РФ. Ф. 937. Оп. 1. Д. 18. Лл. 2–3; Филимонов Б. Указ. соч. С. 75.
- 107 Вечер. – Владивосток, 1922. 21 августа.
- 108 Русская армия. – Владивосток, 1922. № 166. 27 августа.
- 109 Руднев С.П. Указ. соч. С. 456.
- 110 Филимонов Б. Указ. соч. С. 101–102.
- 111 Руднев С.П. Указ. соч. С. 457, 458.
- 112 Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). – Рига, 1930. С. 210.
- 113 Филимонов Б. Указ. соч. С. 63, 117.
- 114 Иванов В.Н. Крах Белого Приморья. Из записок журналиста. – Тяньцзинь, 1927. С. 20, 22.
- 115 Антохин П. Из истории борьбы за власть Советов в Приморье. – Владивосток, 1974. С. 58.
- 116 Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – М., 1957. С. 241; Наумов С. Позорный конец

- белогвардейщины // В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 1927. С. 245; Голионко В.П. В огне борьбы. Из истории гражданской войны 1918–1922 гг. на Дальнем Востоке. – М., 1958. С. 267.
- 117 Из архива А.А. Васильева.
- 118 Филимонов Б. Указ. соч. С. 102.
- 119 Петров П.П. Указ. соч. С. 220.
- 120 ГА РФ. Ф. 944. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.
- 121 Русская армия. – Владивосток, 1922. № 186. 14 октября.
- 122 Филимонов Б. Указ. соч. С. 228–233.
- 123 Шурыгин А.П. Этих дней не смолкнет слава... // Знание. Серия «История». 1982. № 9. С. 59.
- 124 Филимонов Б. Указ. соч. С. 334.
- 125 Филимонов Б. Указ. соч. С. 358–359.
- 126 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 298. Лл. 1–22.
- 127 Там же. Лл. 21–22.
- 128 Оповещение Союза Младороссов. 1929. № 5–6. С. 3–6; Бод-
рость! 1935. № 42. 18 августа.
- 129 Из архива А.А. Васильева.
- 130 Из архива А.А. Васильева.
- 131 Из архива А.А. Васильева.
- 132 Из архива А.А. Васильева.
- 133 Из архива А.А. Васильева.
- 134 Зайцев Г. Шанхай // Родина. 1998. № 2. С. 78–79.
- 135 ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 44. Лл. 188–189; Политическая исто-
рия русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы
/ А.Ф. Киселев. – М., 1999. С. 52.
- 136 Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936; Хисамутди-
нов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском ре-
гионе и Южной Америке. Библиографический словарь. – Вла-
дивосток, 2000. С. 109.
- 137 Из архива А.А. Васильева.
- 138 Балакшин П. Дело Аргунова // Русская жизнь. 1990. 26 июня.
- 139 Рыжиков Р. Генерал Михаил Дитерихс: забытое имя // Посев.
1997. № 7. С. 37.
- 140 Ефремов Ф. Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс // Военная
Быль. – Москва, 1993. № 3 (132). Июль–сентября. С. 27.
- 141 Дитерихс А. Ветви древа родословного // Медицинский вест-
ник. 2002. № 22. 9 августа.

часть вторая

**Начало пути.
На фронтах
Великой войны**

Нет больше той любви, как если кто
душу свою положит за други своя...

Иоанн, XV, 13.

Ж

изменный путь будущего защитника Российского Единодержавия во многом повторял путь сотен русских офицеров начала XX века. Русско-японская война, учеба в Императорской Николаевской Академии Генштаба, Вторая Отечественная (Великая) война...

Необычным, пожалуй, было то, что Михаил Дитерихс воспринимал службу как Священный долг, как христианское служение, добросовестно выполняя возлагавшиеся на него поручения и творчески осмысливая постулаты военной стратегии и тактики. Значительную роль в его жизни сыграло командование русскими войсками на Салоникском фронте. Совместная ратная работа с братскими полками сербской королевской армии и французскими союзниками положила начало освобождению Сербии от оккупации, стала выражением исторической дружбы между славянскими народами.

В первой части книги приведены документальные свидетельства, отражающие первые годы военной биографии Михаила Константиновича. Подробно рассматриваются вопросы формирования и отправки в Салоники Особой Русской бригады. Детально разбираются главные сражения русских, сербских и французских войск. Впервые опубликованы приказы, директивы, распоряжения, отданные ген. Дитерихсом в 1916–1917 гг.

В РОССИИ И НА БАЛКАНАХ: 1914 – 1917 гг.

Часть 1

СЛУЖБА М.К. ДИТЕРИХСА В ШТАБАХ 3-й АРМИИ И ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В 1914 – 1916 гг.

Великую войну Михаил Константинович Дитерихс встретил в чине полковника Генерального штаба на должности Начальника отделения в Мобилизационном отделе Главного Управления Генерального штаба¹.

В начале августа он был направлен в штаб Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Согласно «Книге приказов по штабу Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта», Дитерихс прибыл в г. Ровно в штаб фронта 10 августа. Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта в это время являлся генерал-адъютант Н.И. Иванов, начальником штаба у него был генерал-лейтенант М.В. Алексеев.

Однако, похоже, то место, на которое рассчитывал Дитерихс, оказалось уже занятым. В результате в течение месяца Михаилу Константиновичу пришлось переменить три должности.

Семь дней (с 10-го по 17 августа) он оставался без назначения. Затем, 18 августа, он был назначен штаб-офицером для поручений при Управлении генерал-квартирмейстера штаба фронта. Четыре дня спустя, 22 августа, ему было приказано поменяться должностями с полковником Генерального штаба Серединым, и, таким образом, Дитерихс стал исполняющим должность Начальника Общего отделения штаба Юго-Западного фронта. Но уже на следующий

день он отбыл в Ставку Верховного Главнокомандующего, и 2 сентября 1914 года в Приказе армиям Юго-Западного фронта № 70 было объявлено, что «полковник Дитерихс Высочайшим приказом 23 августа сего года назначен исправляющим должность генерала для поручений при Дежурном генерале при Верховном Главнокомандующем». Одновременно было приказано снять с довольствия и исключить из списков Нестровой роты штаба денщика Дитерихса рядового Феодосия Кирьяка².

Но и на новой должности Михаилу Константиновичу не суждено было задержаться надолго.

Уже 3 сентября 1914 года Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Алексеев направляет в Ставку следующую телеграмму:

«Начальство 3-й Армии усердно ходатайствует вместо отбывшего в Белосток полковника Бонч-Бруевича командировать на должность генерал-квартирмейстера полковника Дитерихса. Прошу убедительно исполнить это во имя пользы службы, более подготовленного офицера найти нельзя, работа предстоит серьезная. № 1218. Алексеев»³.

Дело в том, что именно 3 сентября прежний Командующий 3-ей армией генерал Н.В. Рузский возглавил Северо-Западный фронт, а вместо него в командование армией (только что взявшей город Львов) вступил генерал Р.Д. Радко-Дмитриев. Отправляясь к новому месту службы, Рузский забрал с собою прежнего генерал-квартирмейстера полковника М.Д. Бонч-Бруевича. Вот на это место Радко-Дмитриев и просил теперь прислать Дитерихса. Это назначение состоялось: в середине сентября Михаил Константинович стал генерал-квартирмейстером штаба 3-ей армии и немедленно включился в ее напряженную боевую работу.

В этот момент 3-я армия (в состав которой входили четыре корпуса: 9-й, 10-й, 11-й и 21-й) располагалась по левому берегу реки Сан. В ее задачу входило совместно с 8-й армией генерала Брусилова прикрывать осаду крепости Перемышль. Между тем, 15 сентября началось австро-германское наступление на Варшаву и Ивангород, и командование Юго-Западного фронта для отражения удара вынуждено было перебросить на это направление три другие армии фронта: 4-ю, 5-ю и 9-ю. Это дало возможность австрийцам в Галиции, собравшись с силами, в свою очередь обрушиться на армию Брусилова и Радко-Дмитриева.

3-ей армии Радко-Дмитриева приходилось сдерживать натиск превосходящих сил 4-й австро-венгерской армии эрцгерцога Иосифа Фердинанда. Вначале австрийцы имели некоторый успех: им удалось деблокировать Перемышль и пополнить его гарнизон. Но тем временем на севере Варшавско-Ивангородское сражение завершилось полной победой русских войск, и это не могло не сказаться на положении 3-ей и 8-й русских армий: 22 октября австрийцы начали отступление по всему фронту, а Перемышль вновь попал в осаду.

Развивая успех, русская Ставка наметила новую наступательную операцию – на Ченстоховско-Краковском направлении. При этом, в соответствии с директивой от 28 октября, 3-я армия должна была передислоцироваться к северу на Краковское направление.

Предписанный маневр был четко выполнен, и уже 2 ноября армия начала наступление на Краков. О том, какую важную роль при этом довелось сыграть и М.К. Дитерихсу, свидетельствуют официальные строки Приказа армиям Юго-Западного фронта № 268 от 17 ноября 1914 года⁴:

«Вследствие вызова в мое распоряжение 28 октября Начальника штаба 3-й Армии генерал-лейтенанта Драгомирова, временное исполнение обязанностей по этой должности было возложено на генерал-квартирмейстера штаба армии полковника Дитерихса.

12 ноября полковник Дитерихс сдал должность вновь назначенному Начальнику штаба генерал-лейтенанту Добrorольскому.

В этот период 3-я Армия выполнила марш-маневр от Сана к Кракову со сложной переброской части сил на левый берег Вислы. Полковник Дитерихс успешно провел в жизнь указания Командующего армией по осуществлению этого марш-маневра.

От лица службы объявляю полковнику Дитерихсу мою благодарность за его чрезвычайно усердную и полезную работу.

Подписал: Главнокомандующий
генерал-адъютант

Иванов»

Наступление армии развивалось успешно: 8 ноября два ее корпуса, 10-й и 21-й, переправились на левый берег Вислы, и к 12 ноября были уже практически у самых стен Кракова. Однако при этом между 3-ей армией и находившейся слева от нее 8-й армией Брусилова образовался разрыв более чем в сотню километров. Начальник штаба австро-венгерской армии Конрад фон Хетцендорф решил воспользоваться этим обстоятельством. Он скрыто сосредоточил на стыке русских армий ударную группу генерала Рота в составе 3-х австрийских

и одной немецкой дивизии, и 16 ноября (2 декабря по новому стилю) перешел в наступление в районе городов Лапанова и Лиманова, нацеливая свой удар во фланг и тыл армии Радко-Дмитриева. 3-я армия попала в очень сложное положение, хотя благодаря героическим усилиям ее левофлангового 9-го корпуса напор врага удалось несколько задержать. На помощь ей пришел Брусилов, направивший в разрыв 8-й и 24-й корпуса своей 8-й армии. Общими усилиями к 1 декабря (13 декабря по новому стилю) угрозу охвата удалось ликвидировать, хотя 3-ей армии при этом пришлось отойти от Кракова. Фронт ее установился на линии реки Дунаец, где и оставался до весны 1915 года.

К этому времени войска русской армии понесли значительные потери, которые возмещались в недостаточном количестве. К тому же, пополнения были едва обучены, и, наконец, в артиллерии стала ощущаться острая нехватка снарядов. Все это заставило русское командование скоординировать свои планы и до некоторой степени приостановить дальнейшие наступательные операции.

Между тем, в марте 1915 года последовали перемены в штабе Юго-Западного фронта. 15 марта Начальник штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал от инфантерии Алексеев был назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Уезжая, он забрал с собою своего ближайшего помощника, генерал-квартирмейстера штаба фронта Генерального штаба генерал-майора Пустовойтенко. И 19 марта 1915 года на освободившуюся должность генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта был назначен М.К. Дитерихс⁵.

В самое ближайшее время войска Юго-Западного фронта ожидали впереди тяжелейшие испытания. Не сумев в 1914 году разгромить Францию, германское командование решило в кампанию 1915 года обрушить все силы на Россию. И теперь на Дунайце, против 3-й армии, которую только что покинул Дитерихс, сосредотачивалась германская ударная группировка Макензена. Превосходство врага в пехоте было тройным, он был обильно снабжен тяжелой артиллерией, если же принять во внимание «снарядный голод», царивший в русской армии, то огневое превосходство Макензена было подавляющим.

На рассвете 19 апреля (2 мая по новому стилю) войска 4-й австро-венгерской и 11-й германской армий нанесли у Горлицы удар по 9-му и 10-му корпусам 3-й русской армии. Несмотря на героическое сопротивление русских войск, фронт был прорван. Началось отступление, которое вскоре затронуло и 8-ю армию, а затем и весь

Юго-Западный фронт. 22 мая был оставлен Перемышль, а 9 июня – Львов: Галиция была потеряна. К осени 1915 года Юго-Западный фронт остановился на линии Чарторыйск – Дубно – Кременец – Тарнополь и далее по Днестру до Румынской границы.

В это тяжелое время Дитерихс напряженно трудился в штабе Юго-Западного фронта, являясь ближайшим помощником Начальника штаба фронта генерала В. Драгомирова, а затем – генерал-лейтенанта Саввича (сменившего последнего на этом посту 29 мая 1915 года). 28 мая 1915 года Генерального штаба полковник Дитерихс был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, а 8-го октября 1915 года – «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» награжден орденом Святого Станислава 1-й степени⁶. Михаил Константинович всегда аттестовался своими начальниками как отличный штабной работник и офицер исключительных способностей.

8-го сентября 1915 года в штаб фронта был переведен бывший командир 165-го Луцкого пехотного полка Генерального штаба полковник Н.Н. Духонин, вскоре затем ставший помощником генерал-квартирмейстера. Дитерихс и Духонин проработали вместе более полугодом, за время их плодотворной совместной службы Духонин был 6 декабря 1915 года произведен в генерал-майоры. Впрочем, в это время в штабе фронта под командой Михаила Константиновича служили и другие будущие герои Белого движения, будущие сослуживцы и товарищи Дитерихса по борьбе на Востоке России: Генерального штаба подполковник К.В. Сахаров и Генерального штаба капитан В.О. Каппель.

15-го декабря 1915 г. генерал Саввич получил новое назначение и был заменен на посту Начальника штаба фронта генералом В.Н. Клембовским. Отъезжая к месту нового служения, Саввич временно, до прибытия Клембовского, передал исполнение должности Начальника штаба фронта генерал-майору Дитерихсу. В своем прощальном приказе Саввич высказал немало теплых слов в адрес сослуживцев и помощников⁷:

«Расставаясь со штабом, в виду получения мною нового назначения, низко кланяюсь и сердечно благодарю всех чинов штаба и прикомандированных к нему частей за спокойную и самоотверженную службу. Не щадя своих сил, вы все время неустанно несли тяжелый труд на благо нашей армии, всегда имея своим девизом – «штаб существует для войск».

Особенно благодарю моих ближайших помощников: генерал-квартирмейстера генерал-майора Дитерихса, Дежурного генерала генерал-майора Кортацци, Заведующего Судной частью генерал-майора Батога, генерала для поручений при Главнокомандующем генерал-майора Духонина и Помощника Дежурного генерала полковника Винокурова, выдающиеся качества и поразительная трудоспособность которых чрезвычайно помогли мне в тяжелые дни, пережитые штабом во время действий фронта от р. Сан до р. Серет.

Да хранит Вас всех Господь»

Вскоре Михаилу Константиновичу пришлось выполнять еще одно поручение, как тогда выражались, «довольно деликатного свойства». На этот раз предоставим слово Командующему 8-й армией генералу от кавалерии Алексею Алексеевичу Брусилову⁸:

«Совершенно неожиданно в половине марта 1916 года я получил шифрованную телеграмму из Ставки от генерала Алексева, в которой значилось, что Верховным Главнокомандующим я избран на должность Главнокомандующего Юго-Западным фронтом взамен Иванова, который назначается состоять при особе царя, посему мне надлежит немедленно принять эту должность, так как 25 марта царь прибудет в Каменец-Подольск для смотра 9-й армии, стоявшей на левом фланге фронта. Я ответил, что приказание выполняю. <...>

Я протелеграфировал Иванову, испрашивая у него указания, когда ему будет угодно, чтобы я прибыл для принятия его должности. Он мне ответил, что это зависит от меня, но генерал-квартирмейстер штаба фронта Дитерихс вызвал моего начальника штаба Сухомлина и передал ему, что Иванов очень стесняется быстро уезжать, что мое скорое прибытие в Бердичев будет для него весьма неудобным, так как ему нужно закончить разные дела, и что было бы с моей стороны хорошо, если бы я отсрочил свое прибытие, тем более, что Иванов получил извещение министерства двора, в котором значится, что ему пока не следует уезжать из Бердичева. Этим сообщением я был поставлен в крайне неловкое положение: с одной стороны, Алексеев именем государя требует, чтобы я ехал возможно скорее принимать должность Главнокомандующего; с другой же стороны, неофициально передается по прямому проводу, что именем государя министр двора предлагает Иванову оставаться на месте. Так как я решительно ничего не домогался, никаких повышений не искал, ни разу из своей армии никуда не уезжал, в Ставке ни разу не был и ни с какими особыми лицами о себе не говорил, то лично для меня, в сущности, было решительно все равно, принимать ли новую должность или остаться на старой. Но так как в телеграмме Алексева было сказано, что царь прибудет в Каменец-

Подольск 25 марта и мне приказано там его встретить, а времени оставалось очень мало, чтобы ознакомиться с фронтом, то я телеграммой изложил все вышесказанное Алексееву, спрашивая, что мне делать. Я получил ответ, что если я не могу сейчас ехать в штаб фронта, то чтобы я хотя бы вытребовал к себе начальника штаба или генерал-квартирмейстера штаба фронта, дабы ознакомиться хоть несколько с положением дел.

Помимо четырех армий Главнокомандующему фронтом непосредственно и во всех отношениях подчинялись еще округа Киевский и Одесский, всего же 12 губерний, не исключая их гражданской части. Не желая отрывать начальника штаба фронта от дела, я вытребовал к себе генерал-квартирмейстера Дитерихса, человека очень способного и отлично знающего свое дело. Он мне сделал подробный доклад, вполне меня удовлетворивший, и я ему сообщил о недоразумении, которое, по необъяснимым для меня причинам, неожиданно явилось между мной и генералом Ивановым. Я просил его доложить Иванову, что я, бывший его подчиненный, не считаю себя в праве покидать армию без его приказа, так как пока он не сдал должности Главнокомандующего, он и поныне состоит моим прямым начальником и что без его распоряжения я в Бердичев не поеду и предупреждаю, что, не приняв на законном основании должности главкоюза, я в Каменец-Подольск тоже не поеду. Это мое заявление повергло Иванова, по-видимому, в большое смятение, и он мне протелеграфировал, что он меня уже давно ждет и совсем не понимает, почему я до сих пор не приехал. Тогда я сдал должность Командующему армией генералу Каледину, которого заранее вытребовал в Ровно, и отправился к новому месту служения».

Похоже, и Брусилов, и новый Начальник штаба фронта генерал Клембовский остались вполне довольны работой Дитерихса и не стали подыскивать ему замены.

Весной 1916 года Дитерихс принимал самое непосредственное участие в детальной разработке планов предстоящего летнего наступления Юго-Западного фронта – ставшего в будущем знаменитым под наименованием «Брусиловского прорыва». Вот как описывает подготовку сам Брусилов⁹:

«Чтобы дать понятие о том, какая кропотливая и трудная работа требуется для подготовки атаки неприятельской укрепленной позиции современного типа, изложу тут вкратце, что армии Юго-Западного фронта должны были исполнить в течение восьми недель для того, чтобы успешно атаковать врага.

Уже заранее с помощью войсковой агентуры и воздушной разведки мы ознакомились с расположением противника и сооруженными им укрепленными позициями. Войсковая разведка и непрерывный захват

пленных по всему фронту дали возможность точно установить, какие неприятельские части находились перед нами в боевой линии. <...>

По совокупности собранных нами сведений мы считали, что перед нами находятся австро-германцы силою в 450 тысяч винтовок и 30 тысяч сабель.

Преимущество противника над нами состояло в том, что его артиллерия была более многочисленна по сравнению с нашей, в особенности тяжелой, и, кроме того, пулеметов у него было несравнимо больше, чем у нас. Агентурная разведка, кроме того, сообщила нам, что в тылу у неприятеля резервов почти нет и что подкреплений к нему не подвозится. В свою очередь, воздушная разведка с самолетов сфотографировала все неприятельские укрепленные позиции как ее боевой линии, так и лежавшие в тылу. Эти фотографические снимки с помощью проекционного фонаря разворачивались в план и помещались на карте; фотографическим путем эти карты легко доводились до желаемого масштаба. Мною было приказано во всех армиях иметь планы в 250 сажений в дюйме с точным нанесением на них всех неприятельских позиций. Все офицеры и начальствующие лица из нижних чинов снабжались подобными планами своего участка.

На основании всей этой работы выяснилось, что неприятельские позиции были чрезвычайно сильно укреплены. По всему фронту они состояли не менее как из трех укрепленных полос в расстоянии друг от друга приблизительно от 3 до 5 верст. <...>

Каждая армия, сообразно с имевшимися у нее средствами, должна была выбрать у себя подходящий участок для прорыва фронта неприятельской позиции. На основании общей разведки, по совокупности всех собранных данных, каждая армия наметила участки для прорыва и представила свои соображения об атаке на мое утверждение. Когда эти участки были мной окончательно утверждены, и вполне точно были установлены места первых ударов, началась горячая работа по самой тщательной подготовке к атаке: в эти районы скрытно притягивались войска, предназначавшиеся для прорыва неприятельского фронта. Однако для того, чтобы противник не мог заблаговременно разгадать наши намерения, войска располагались в тылу за боевой линией, но их начальники разных степеней, имея у себя планы в 250 сажений в дюйме с подробным расположением противника, все время находились впереди и тщательно изучали районы, где им предстояло действовать, лично знакомились с первой линией неприятельских укреплений, изучали подступы к ним, выбирали артиллерийские позиции, устраивали наблюдательные пункты и т.д. Пехотные части еще задолго до атаки и, как было сказано, во многих местах начали сближение с противником окопными работами: по ночам они выдвигались ходами сообщений на 100—200 шагов вперед и устраивали окопы, обнося их рогатками с колючей проволокой. Таким

путем на избранных участках наши окопы, постепенно сближаясь с противником, доводились до того, что отстояли от позиций австро-германцев всего на 200–300 шагов, в зависимости от местности. Для удобства атаки и скрытного расположения резервов на этих исходных для боя плацдармах строилось несколько параллельных рядов окопов, также соединенных между собой ходами сообщений.

Лишь за несколько дней до начала наступления незаметно ночью были введены в боевую линию войска, предназначенные для первоначальной атаки, и поставлена артиллерия, хорошо замаскированная, на избранные позиции, с которых она и произвела тщательную пристрелку по намеченным целям. Было обращено большое внимание на тесную и непрерывную связь пехоты с артиллерией. Во время этой подготовки к наступлению, работы крайне тяжелой и кропотливой, лично я, а также командированные мною для этой цели мой начальник штаба генерал Клембовский и некоторые другие офицеры Генерального штаба и штаба фронта ездили для проверки работ и добытых сведений о противнике. <...>

Как я и заметил раньше, к 10 мая наша подготовка к атаке была в общих чертах закончена».

Здесь же уместно отметить, что согласно «Положению о полевом управлении войсками в военное время», обязанностью генерал-квартирмейстера штаба фронта как раз и являлась разработка оперативных планов, организация разведки противника и местности, а также снабжение частей и учреждений военно-топографическими картами¹⁰. Так что если идея одновременного прорыва на нескольких участках фронта с целью не дать противнику вовремя определить направление главного удара, несомненно, принадлежит лично Брусилову, то тщательную всестороннюю подготовку предстоящей операции, принесшую столь блестящие плоды, не в последнюю очередь следует поставить в заслугу генерал-квартирмейстеру штаба фронта генералу Дитерихсу.

Наступление Юго-Западного фронта началось 22 мая (5 июня по новому стилю), но участвовать в нем Михаилу Константиновичу уже не пришлось.

25 мая 1916 года в приказе по штабу Юго-Западного фронта было объявлено, что «в связи с предстоящим назначением генерал-майора Дитерихса Начальником 2-ой Особой бригады, ко временному исполнению должности генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта допускается его помощник генерал-майор Духонин»¹¹.

*Правитель Приамурского Земского Края, воевода Земской Рати
генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс*

Святой Архистратиг Михаил – небесный покровитель
Михаила Константиновича Дитерихса

Юбилейный знак Пажеского
Его Императорского Величества Корпуса

Скрижали
Мальтийских рыцарей

Дворец графа М.И. Воронцова, где с 1810 по 1917 г. располагался Корпус
(теперь здесь располагается Санкт-Петербургское Суворовское военное
училище)

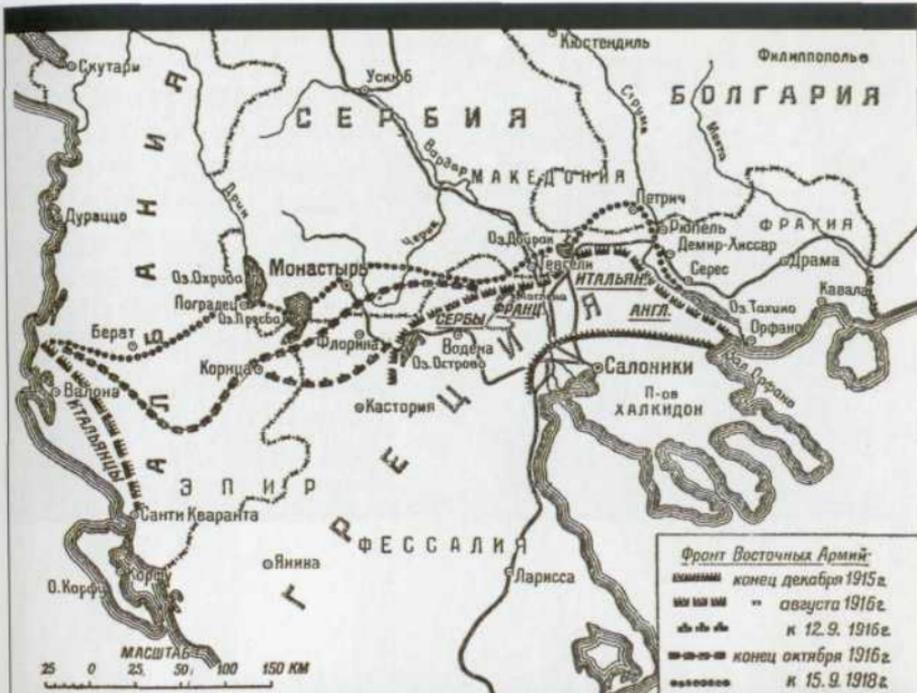

Накануне войны.
В штабе Киевского
военного округа.
Старший адъютант
полковник М.К. Ди-
терихс (второй ряд
слева) и начальник
округа генерал-адъ-
ютант М.В. Алексеев
(в центре), 1913 г.
(из архива А.А. Ва-
сильева)

Русские войска
Особой бригады
прибывают в
Салоники
(из коллекции
А.А. Петрова)

Салоникский фронт. 1916–1917 гг.

Прохождение русских войск по главной улице Салоник
(из коллекции А.А. Петрова)

Командир 2-й Особой бригады генерал-майор М.К. Дитерихс и командующий союзными силами Салоникского фронта генерал Сарраиль обходят строй прибывших русских войск. Позади – старший адъютант штаба бригады капитан Брюно, июнь 1916 г.
(из книги: N. Thomas, D. Babac. *Armies in the Balkans. 1914–1918.* // *Men at Arms, London, 2001*)

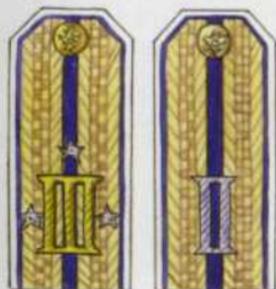
Лагерь 3-го Особого пехотного полка Зейтенлик. Слева направо: старший адъютант штаба Русской бригады капитан Брюно, начальник штаба 2-й Особой бригады полковник Шишкин, неизвестный, командир 3-го Особого полка генерал-майор Тарабеев, русский консул в Салониках статский советник Каль, командир 2-й Особой бригады генерал Дитерихс, адъютант штаба 2-й Особой бригады капитан Коленко, командир 1-го батальона 3-го Особого полка подполковник Любин, надворный советник Лоззаро, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Б.С. Якушев, сентябрь 1916 г.
(из архива А.А. Васильева)

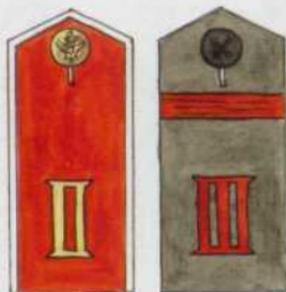
б)

в)

а)

з)

д)

ря

2-я Особая бригада: а) адъютант штаба 3-го Особого полка; б) рядовой 2-го Особого полка в летней походной форме; в) рядовой 3-го Особого полка в зимней походной форме; з) и д) погоны чинов бригады.

С французскими союзниками. Слева направо: ген. Диттерихс, полк. Шишкин, ген. Саррайль, о. Георгий Мальцев, капитан Брюно. Салоники, 1916 г.
(из архива А.А. Васильева)

Знаменщик Сербского кавалерийского полка (из книги: N. Thomas, D. Babac. *Armies in the Balkans. 1914–1918.* // *Men at Arms*, London, 2001).

Королевич Александр обходит строй сербских и русских войск. Монастырь, 1916 г. (из коллекции А.А. Петрова)

Королевич Александр обращается с речью к воинам русской и сербской армий. Монастырь, 1916 г. (из коллекции А.А. Петрова)

ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА.

Безвременно.

Выдана *М. Коле Милинши*
Гор. Киева *Ткача*
Певднотого сент.

каждого года
когда месяца *25* дн.

Цены книжки 15 копеек.

Владельцу книжки:

1. Имя, отчество, фамилия:

Константины Михай
АНЖИНЫ ВАНЧОРСАН
Ловича Схиретидова

2. Звание:

Надворный Советник

3. Время рождения:

или возраст:

43 года

4. Вероисповедание: *Православный*

5. Место постоянного жительства:

Гор. Киева.

6. Состоит ли или состоял ли в браке:

Женат

7. Отношение к отбыванию военной повинности:

Гимновский Военный Француз.

8. Документы, на основании которых выдана паспортная книжка:

На основании свид.
№1564, выданная гор.
Гор. Милитовской Губав.

Паспортная книжка, выписанная на Константина Михайловича Схиретидова (под этой фамилией М.К. Дитерихс вынужден был скрываться в Киеве от большевиков и петлюровцев после убийства генерала Духова)
(из архива А.А. Васильева)

Часть 2

М.К. ДИТЕРИХС НА САЛОНИКСКОМ ФРОНТЕ В 1916 – 1917 гг.

Салоникский фронт был открыт союзниками в конце 1915 г., чтобы помочь Сербской армии, атакованной в этот момент с двух сторон австро-германскими войсками и вступившими в войну болгарскими войсками. Помощь эта запоздала, и Сербская армия, в обстановке невероятных лишений, должна была отступить через Албанию к морю, и затем была эвакуирована на остров Корфу. Однако союзный десант в Салониках был сохранен, и в начале 1916 года на этот фронт была перевезена переформированная, перевооруженная и восстановившая свой моральный дух Сербская армия. К этому моменту в районе Салоник уже находились 4 французские и 5 английских дивизий, позднее одну дивизию высадили также итальянцы. 16 января 1916 г. (по новому стилю) находившиеся здесь части пяти наций: сербы, англичане, французы, итальянцы и присоединившиеся к ним позже русские, образовали «Восточную армию» под руководством французского генерала Мориса Саррайля. Одновременно был поднят вопрос о направлении туда русских войск, тем более, что к этому моменту уже было принято решение о направлении во Францию 1-й русской Особой бригады.

Первоначально французы предлагали перебросить в Салоники 1-ю Особую бригаду, но против этого плана решительно выступил Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М.В. Алексеев. Он указывал на то, что личный состав бригады настроился уже на Францию, и внезапное изменение маршрута может сказаться на боевом духе людей. В качестве альтернативы он предложил сформировать специально для Салоникского фронта новую – 2-ю Особую бригаду. Император Николай II очень серьезно относился к традиционной миссии России по защите единоверных славян на Балканах, и потому сразу согласился на этот новый проект. Позднее в том же 1916 году в России были сформированы еще две Особые бригады: 3-я бригада была направлена вслед за 1-й во Францию, а 4-я – вслед за 2-й в Македонию.

2-я Особая пехотная бригада была сформирована в Москве в мае–июне 1916 года в составе 3-го и 4-го Особых пехотных полков¹² и Маршевого батальона. Она формировалась на тех же условиях, что и 1-я, с тем отличием, что формирование ее производилось

путем выделения целых рот из уже существующих полков, что придавало частям большую сплоченность. Кроме того, весь ее офицерский состав, кроме переводчиков, должен был состоять из офицеров Российской Императорской армии. Стрелковое оружие, пулеметы и все положенные технические средства должны были предоставить французы, в России же бригаду должны были снабдить лишь походными кухнями и двуколками в самом ограниченном числе. В дальнейшем, уже в Салониках, при бригаде должны были сформировать вьючный обоз.

Всего по штату в бригаде насчитывалось 224 офицера и 9 338 нижних чина¹³.

Начальником 2-й Особой русской бригады был назначен генерал-майор Михаил Константинович Дитерихс. Генерал Данилов по поводу его назначения замечает, что «французскому военному начальству этот генерал был аттестован главой французской миссии в России в качестве деятельного и образованного офицера, в общем вполне соответствующего для гораздо более ответственного положения, чем положение командира бригады, хотя бы и в отделе»¹⁴.

Командиром 3-го Особого пехотного полка был назначен полковник Тарбеев, 4-го Особого полка – полковник Александров, Маршевого батальона – полковник Демьянов; начальником штаба бригады стал полковник Шишкин.

В отличие от 1-й бригады, направлявшейся во Францию кружным путем через Дальний Восток, 2-ю бригаду решено было направить из Архангельска морем в Брест. 21 июня (4 июля по новому стилю) 1916 г. первый эшелон бригады в составе штаба и части 3-го полка во главе с Дитерихсом отплыл из Архангельска на пароходах «Венесуэла», «Мартазан» и «Умтали»¹⁵. 3 (16-го) июля корабли прибыли в Брест, где французы устроили русским солдатам торжественную встречу. Далее, не задерживаясь, бригаду перевезли по железной дороге через всю Францию в Марсель, там 5 августа войска посадили на вспомогательный военный крейсер «Галлия», который и доставил их в Салоники.

Боевые действия на Салоникском фронте начались 12 марта 1916 года, когда 4 французские и 2 английские пехотные дивизии выступили из Салоникского укрепленного лагеря и направились на север к греческой границе, вдоль которой, после полной оккупации территории Сербии, занимали позиции болгарские войска. Целью союзников являлось задержать как можно больше германских войск на Балканах и не дать возможности перебросить их на Французский

фронт. К концу марта англо-французские войска достигли границы и развернулись на линии от реки Струмы до железной дороги, ведущей из Салоников к городу Монастырь (современный Битоль); при этом открытые фланги прикрывались незначительными отрядами.

Германское командование верно расценило эти действия, как простую демонстрацию, и не стало обращать на них особого внимания. Силы союзников были пока недостаточными, чтобы перейти в серьезное наступление. Положение осложнялось неопределенностью позиции Греции, которая формально оставалась нейтральной страной, на деле же греческий король Константин, а с ним и многие высшие чины в армии открыто симпатизировали Германии, что делало тыл союзных войск не слишком надежным.

Однако положение союзников заметно укрепилось после того, как к концу мая в Салоники была переброшена реорганизованная сербская армия. Она состояла теперь из 6-ти пехотных и кавалерийской дивизии и насчитывала в своих рядах 124 000 солдат и офицеров. При этом пехотные дивизии были сведены в 3 армии (по две дивизии в каждой) следующим образом:

1-я армия (вр. Командующий – полковник Милош Васич): Моравская и Вардарская дивизии;

2-я армия (Командующий – воевода Степа Степанович): Шумадийская и Тимокская дивизии;

3-я армия (Командующий – генерал Павле Юришич-Штурм): Дринская и Дунайская дивизии.

Кавалерийская дивизия не входила в состав армий.

Верховным Главнокомандующим сербской армии являлся престолонаследник Александр Карагеоргиевич, Начальником Штаба Верховного Командования – генерал Петар Бойович¹⁶.

Одновременно с этим силы англичан были доведены до 5-ти дивизий (60 батальонов), у французов было 4 дивизии и, дополнительно, 2-й бис полк зуавов (всего 51 батальон). Таким образом, под начальством генерала Саррайля, получившего звание «Главнокомандующего союзными армиями на Востоке» (*Commandant en chef des armées allies en Orient*) сосредоточились 15 пехотных дивизий (183 батальона). Общая численность союзных армий, растянувшихся на фронте в 450 км, от Охридского озера до Офранского залива, достигала 369 700 бойцов: 127 000 французов, 124 000 сербов и 119 000 англичан. В самое ближайшее время ожидалось дополнительно прибытие итальянской дивизии и русской 2-й Особой бригады. Против них на фронте от Охрида до Беласицы располагалась

группа войск генерала Макензена (1-я болгарская армия генерала Бояджиева и 11-я германская армия), а от Беласицы до Офранского залива – 2-я болгарская армия генерала Годорова; всего 9 болгарских и 1 немецкая дивизии (201 батальон) – 350 000 бойцов¹⁷.

Далее, воспользовавшись занятием болгарскими войсками (с явного поощрения греков) стратегически важного дефиле в районе Рюпеля, державы Антанты 21-го июня предъявили Афинам ультиматум с требованием демобилизации греческой армии. Король Константин вынужден был уступить, греческая армия была демобилизована, а правительство ушло в отставку и было заменено новым кабинетом, куда более устраивавшим союзников. Но, не ограничиваясь только этим, союзники в сентябре 1916 года образовали в Салониках временное автономное правительство Венизелоса, оппозиционное к королю и поддерживающее державы Антанты. Таким образом, тыл союзных войск был до некоторой степени обеспечен.

Между тем, под влиянием «Брусиловского прорыва» и успехов русского оружия в Галиции, в войну на стороне Антанты решилась вступить Румыния. Ее армия должна была нанести главный удар на север, в тыл австрийским войскам, противостоящим Юго-Западному фронту Брусилова, однако при этом возникала опасность, что Румыния в свою очередь, подвергнется удару с юга, из-за Дуная, со стороны Болгарии. Чтобы исключить такую возможность, надо было полностью сковать болгарские войска, большая часть которых к этому моменту противостояла союзным армиям Салоникского фронта. И, в соответствии с соглашением, подписанным 17 августа Румынией, со странами Антанты, войска Салоникского фронта должны были начать общее наступление через три дня после подписания соглашения, то есть 20 августа, тогда как Румыния обязалась начать свое наступление на Будапешт 28 августа.

Однако при составлении планов будущего наступления Сарраиль должен был учитывать различия во мнениях и интересах стран, выставивших на Салоникский фронт свои контингенты. Англичане с самого начала относились к сохранению Салоникского фронта с большим сомнением, старались минимизировать свое участие в боевых действиях и потери, а Командующий английским контингентом генерал Мильн требовал выделения для своих войск особого сектора, где они были бы до некоторой степени независимы от остальных союзников. Сарраиль вынужден был пойти навстречу, и англичанам выделили зону на правом фланге фронта, в районе реки Струмы (фракийское направление), в которой предполагалось про-

водить лишь демонстративные действия. Франция была куда более заинтересована в результатах намечавшегося наступления, тем более, что именно ее представитель, генерал Саррайль, осуществлял общее руководство союзными силами. Все французские войска были сведены в «Восточную армию» под командованием генерала Кордонье и сосредоточились в центре, в районе реки Вардар.

Но и Франция не могла позволить себе понести в ходе предстоящей операции слишком большие потери, а риск таковых был очень реален. Гористая местность вдоль греко-сербской границы чрезвычайно благоприятствовала обороне, а слабо развитая сеть дорог и их плохое состояние (значительная их часть представляла собою не более, чем горные тропинки, проходимые лишь для вьючного транспорта) – затрудняли правильное снабжение наступающих войск. К тому же собранная группировка, несмотря на все старания, оказалась почти на треть меньше 28 пехотных дивизий, необходимых, по предварительным прикидкам, для верного успеха, а имевшиеся в Восточных армиях 259 батарей и 13 авиаэскадрилий, по существовавшим в то время французским нормам Западного фронта, лишь на 50% обеспечивали наступательные потребности фронта¹⁸.

К счастью, в распоряжении союзников находились значительные силы возрожденной Сербской армии, чьей заветной мечтой было как можно быстрее приступить к освобождению своей многострадальной родины. И, вполне естественно, именно на сербов Саррайль решил возложить основные тяготы предстоящего наступления; именно им и предстояло нанести решающий удар. Столь же очевидным представлялось и его направление: на крупнейший город южной Македонии – г. Монастырь. И к середине августа три сербские армии, покинув Халкидонский полуостров, сосредоточились на левом фланге общего фронта, в районе Моглены.

Русская 2-я Особая бригада не могла принять немедленное участие в предстоящем наступлении, по графику она должна была прибыть в Салоники тремя эшелонами: 27-го июля, 8-го и 10-го августа. Но прибывшие части необходимо было еще вооружить, обучить обращению с незнакомым оружием и приемами боя на горном театре, наконец, снабдить обозами. Прибывавшие части размещались на окраине города в огромном военном лагере Зейтенлик. Здесь располагалась главная база союзных войск, склады и госпитали, здесь сосредотачивались все прибывающие резервы. Именно здесь летом 1916 года проходило перевооружение сербской армии, а теперь их место заняли русские части. Они получили француз-

ские винтовки и пулеметы, и усиленно осваивали их, кроме того, весь личный состав снабдили стальными шлемами Адриана.

Однако далеко не все шло гладко: для вьючного обоза из Австралии были присланы необъезженные мулы, погонщиков к ним не было, так что из состава 3-го полка, прибывшего первым эшелоном, пришлось выделить из строя в качестве погонщиков 550 человек. Кроме того, в районе Салоник свирепствовала малярия, так что в полку уже было до 180 больных, и фактический некомплект, таким образом, только по этому полку достигал уже 850 штыков¹⁹.

Михаил Константинович, прибывший вместе с 3-м полком в первом эшелоне, делал все возможное, чтобы ускорить подготовку и оснащение вверенных ему частей.

Далее, 4-й полк запоздал с прибытием против графика, в частности, из-за одной очень неприятной истории: 15 августа 1916 г. в военном лагере под Марселем своими солдатами был убит временно командующий 3-м батальоном 4-го Особого полка подполковник М. Краузе²⁰. Командир 4-го полка полковник Александров должен был остаться на время в Марселе для производства следствия, и временно командование 4-м Особым полком в Македонии принял командир 1-го батальона полка подполковник Оссиковский.

Кроме этого, с прибытием 2-й Особой бригады в Салоники Сербское командование сразу же стало просить Верховное Союзное командование о том, чтобы русские войска были включены в состав Сербских армий. На подобные предложения генерал М. Дитерихс отвечал отказом, ссылаясь на «неудобство включить войска великой державы в состав малаго государства»²¹. При этом Михаил Константинович, несомненно, исходил из дипломатических соображений, поскольку, заботясь об интересах вверенных ему войск, не хотел потерять права голоса на совещаниях старших начальников всех союзных контингентов, представленных на этом фронте.

Но вскоре все эти текущие проблемы отошли на второй план перед лицом резкого обострения обстановки. Болгарам удалось упредить союзников: 17 августа, в тот день, когда было заключено соглашение с Румынией, они сами перешли в наступление на армии генерала Саррайля, нанеся одновременно удары по обоим едва прикрытым флангам союзников в районе Дойрана и в Западной Македонии.

При этом стремительному продвижению болгар способствовало откровенное содействие им со стороны многих греческих офицеров, чьи части, расположенные на границе, находились в стадии демобилизации. Дело в том, что еще в феврале 1916 года немцы за-

ключили с греческим правительством негласное соглашение, согласно которому греческие войска не должны были оказывать сопротивления наступающим болгарским частям, при которых будут находиться германские офицеры. В результате на фракийском направлении болгары утвердились на восточном берегу Струмы и захватили города Серес и Драму, и 24 августа вышли на побережье Эгейского моря, заняв порт Кавалу. Греческие гарнизоны на их пути сложили оружие и с согласия правительства Греции, 10 сентября были отправлены немцами в Силезию. Французы справедливо сочли сдачу Кавалы открытым предательством со стороны греческого правительства. Союзный флот выбил болгарский отряд из Кавалы артиллерийским огнем²².

Но вскоре стало ясно, что болгарское наступление на этом фланге носит скорее демонстративный характер, а основной удар противник наносит на другом крыле в направлении Монастырь – Острово, против сербов. Здесь 1-я болгарская армия, обрушившись с превосходящими силами на левое крыло 3-й сербской армии, отбросила прикрывавший его Югославянский добровольческий отряд Поповича (1 800 человек) от Лерины на Костуру, а левый флаг Дунайской дивизии – к Островскому озеру. Основной удар пришлось принять на себя Дунайской дивизии, которая, оказывая упорное сопротивление, медленно отходила назад. Сербы оставили Флорину, затем они потеряли Баницу, а к 23 августа болгарам удалось захватить и линию высот в районе Моглены. Таким образом, болгары охватывали основную группировку союзных войск с обеих сторон, и это не могло не беспокоить генерала Саррайля.

В такой обстановке Саррайль 20-го августа собрал у себя всех старших начальников союзных контингентов. На этом совещании в числе прочих впервые присутствовал и начальник 2-й Особой бригады, генерал-майор Дитерихс. На повестке дня стоял вопрос о немедленной концентрации всех сил на направлении ударов болгар, отражении их атак и последующем немедленном переходе в контрнаступление. При этом основное внимание уделялось именно западному, сербскому направлению.

Сербское Верховное Командование наметило перебросить на угрожаемый участок Вардарскую дивизию из своего резерва и 1-ю Тимокскую бригаду из состава 2-й армии. С этими силами сербы должны были остановить врага, в то время как на крайнем левом фланге, южнее озера Острово, Саррайль предполагал собрать сильную маневренную группу в составе 2-х французских дивизий и русской

2-й Особой бригады под общим руководством Командующего французской Восточной армией генерала Кордонье, имевшую своей целью обойти в свою очередь правый фланг болгар, наступая вдоль горного хребта Баба Нерецка на Флорину и Монастырь. Концентрация этой группы должна была прикрыть выдвинутая вперед сводная французская бригада полковника Филоно, а также добровольческие отряды: сербский Поповича и албанский Эссад-Паши.

Таким образом, 2-я Особая бригада оказалась в составе ударной группировки, призванной решить своим маневром исход предстоящего сражения. Из состава самой бригады к немедленному выступлению был готов лишь 3-й полк, да и то ослабленный выделением погонщиков к мулам, но в создавшейся обстановке Дитерихс принял решение двигаться с ним вперед, не ожидая окончания подготовки 4-го полка.

Кроме русской бригады, в состав группы войск генерала Кордонье вошли 57-я и 156-я французская дивизии, обе – слабого численного состава, вследствие чего общая численность группы не превосходила 20 000 человек.

Тем временем, благодаря упорному сопротивлению сербов, к 23-му августа болгары были остановлены на линии Горничево – Малка Нидже – Чеганска планина. В этих боях, начиная с 17-го сентября, сербы потеряли 907 человек убитыми, 3270 ранеными и 730 пропавшими без вести, причем наибольшие потери понесла Дунайская дивизия²³.

Тем временем сербское командование совершило перегруппировку: 1-я сербская армия была переброшена с правого крыла на левое, где она примкнула к левому флангу 3-й армии. Одновременно в командование 1-й армией вновь вступил вернувшийся с лечения воевода Живоин Мишич, а полковник Милош Васич был перемещен на должность Командующего 3-й армии, заменив генерала Юришича-Штурма. Теперь 3-я сербская армия, располагалась между 1-й и 2-й, образовав центр сербского расположения. В намечавшемся генералом Саррайлем наступлении основные удары должны были наносить 1-я и 3-я сербские армии в общем направлении на Горничево – Монастырь, а также франко-русская группа генерала Кордонье в обход правого крыла болгар в направлении Лерина – Бонели – Монастырь.

Контрнаступление союзников началось 12 сентября.

После ожесточенного трехдневного сражения сербские войска 14-го сентября прорвали болгарский фронт у Горничево и овладе-

ли обратно тесниной у Эскизу, а затем отбросили неприятеля за реку Брод, захватив при этом 7 полевых орудий и много других трофеев. Но этот крупный успех сербских войск не был развит из-за медленного выдвижения группы войск генерала Кордонье.

Задача, поставленная группе генерала Кордонье, оказалась чрезвычайно трудноисполнимой. Войска должны были совершить обходный маневр, продвигаясь по едва проходимым горным дорогам, при ошутимом недостатке снабжения продовольствием и боеприпасами. Многие долины были заболочены, в результате солдаты страдали от малярии. Генерал Саррайль торопил войска, не желая считаться ни с какими препятствиями и требуя от отряда крайнего напряжения. Однако темпы продвижения в этих условиях были недостаточными, группа могла лишь оказывать сильное давление на болгар, но не выйти им в тыл.

В результате после отступления с высот Малка Нидже и Мала Река, болгары сумели стабилизировать свой фронт по северному берегу реки Брод от высоты Каймакчалан до Флорины. Их основной рубеж обороны при этом проходил по линии горных хребтов Ставичка Коса – Старков Гроб – Каймакчалан. При отступлении они также взорвали железнодорожный виадук у Эскизу, из-за чего союзники вплоть до ноября не могли наладить правильное снабжение своих войск по железной дороге.

Победа под Горничево привела еще и к тому, что немцы обвинили в неудачах высшее болгарское командование и добились его рокировки с подчинением, в конечном счете, германскому генералитету. В результате командование всеми войсками на Монастырском направлении принял на себя штаб 11-й германской армии (Командующий – генерал Винклер), а штаб 1-й болгарской армии (Командующий – генерал Бояджиев) возглавил болгарские войска на второстепенном направлении в долине Вардара.

Приводимое ниже в несколько сокращенном пересказе описание действий группы Кордонье и входящей в ее состав 2-й Особой бригады было составлено генералом Ю.Н. Даниловым на основании ежедневных донесений самого М.К. Дитерихса²⁴.

Генерал Дитерихс, со штабом бригады и 3-м особым полком по железной дороге добрался лишь до станции Верия, откуда ему пришлось уже походным порядком выступить на Козание. Только к вечеру 6-го сентября достиг селения Казадзабар, где остановился на дневку, надеясь дождаться в этом пункте 4-го полка. Но поскольку 4-й полк к этому времени не успел еще сосредоточиться у Верии, то

утром 8-го сентября генерал Дитерихс двинулся далее, в район Каджабар – Комано. Здесь, получив сведения, что болгары вытеснили сербов из села Мокрени в направлении на Дибры, Дитерихс выслал на помощь отступавшим 3-й батальон 3-го полка, который составил, таким образом, боковой авангард его отряда.

10-го сентября болгары оставили Мокрени и отошли к северу. Между тем, 12-го сентября главные силы 156-й французской дивизии перешли в наступление на фронте Рудник – Мокрени, а генерал Дитерихс с 3-м полком одновременно успешно атаковал высоты 1348 и 1414, к северу от села Влахоклизсура. Для этой атаки в его распоряжение была предоставлена французская горная батарея и эскадрон африканских стрелков. 14-го сентября, в день победы сербов у Горничево, группа генерала Кордонье заняла с. Айтос и Нерецка, а русские оттеснили болгар с высоты Ви (высоты 2055).

Далее русская бригада двинулась в направлении села Арменско, что к западу от Флорины, держа связь с отрядом полковника Боблэ в составе 8 эскадронов, 2 батарей и группы горной артиллерии, следовавшим по дороге от села Козание на Рулу. 17-го сентября штаб русской бригады находился в селении Турия, 3-й полк овладел высотами Виро, а его разведчики уже подходили к селу Арменско. Болгары поспешно отступали в направлении высоты Бигла и в район Арменско. Французы, со своей стороны, справа от отряда Дитерихса овладели селом Неволани, а слева, – достигли селения Зелова.

На следующий день группе Кордонье предстояло занятие всего района Флорины, впрочем, сам город Флорина был занят еще 17-го сентября французскими частями генерала Леблуа. Генерал Дитерихс поставил своему отряду задачу: 18 сентября овладеть отрогами гор, тянущимися к северу от высоты 1279, в направлении на село Буф. Эта задача была исполнена точно, и в 7 часов вечера 18 сентября 3-й батальон 3-го Особого полка, при содействии отряда полковника Боблэ, стремительным штыковым ударом овладевает высотами Бигла, и тем рассекает всю систему обороны болгар к северу от Флорины.

Из допроса пленных выяснилось, что высоту Бигла оборонял отряд 52-го болгарского пехотного полка в составе 150 человек при 5-ти офицерах и 2-х пулеметах. Выяснилось также, что пространство между Флориной и озером Пресба занято отрядом неприятеля, состоящим из 6 батальонов 51-го и 52-го болгарских пехотных полков и трех рот 23-го полка; из них два батальона располагаются к востоку от дороги Бигла – Буф, а остальные к западу от нее.

К вечеру 19-го сентября 57-я французская дивизия овладела высотами к северу от Флорины, а 113-я французская бригада, продвигаясь слева, приближалась к селу Писодери. 3-й особый русский полк, находившийся между этими частями, предпринимал попытки продвинуться к селению Буф, имея своей задачей охват правого крыла болгар. Но на этот раз успех не сопутствовал ему: болгары значительно усилились и начали переходить на всем фронте в контратаки. Одно время непосредственная опасность угрожала даже самому городу Флорине.

Особенно упорный бой на участке 2-й Особой бригады разгорелся 24-го сентября в районе села Арменско. Перед 3-м полком стояла задача отбросить болгар к северу и тем обеспечить безопасную доставку продовольствия по дороге из Флорины через Арменско – Писодери. В этом бою полк сумел лишь достичь некоторого успеха на своем левом фланге, но при этом понес очень чувствительные потери: из строя вышли 10 офицеров и 576 солдат.

Одновременно с заминкой в 3-м полку приостановилось и общее наступление группы Кордонье. Прибыли подкрепления, и в их числе подошел, наконец, 4-й Особый полк. Теперь вся русская бригада была в сборе.

Доблестные действия 3-го Особого русского полка в период с 9 по 26 сентября, а особенно – его блистательная атака высоты Бигла, были особо отмечены в приказе Командующего французской Восточной армией генерала Кордонье за № 10 от 19 октября 1916 г., что автоматически означало награждение полка французским «Военным крестом» с пальмовой ветвью на знамя²⁵.

В результате общей перегруппировки, русская бригада 29-го сентября была перемещена в район между городом Флориной и железнодорожной станцией Флорина. Здесь к бригаде были присоединены 2-бис полк зуавов и две французские артиллерийские группы. Это временное соединение получило название «Франко-русской дивизии» (Division Franco-Russe), и ее начальником был назначен Михаил Константинович Дитерихс.

На этом участке болгары занимали деревню Арменоходор и цепь холмов, протянувшуюся от сел Петорак и Вакуфкои до монастыря Св. Марка. На фронте пока продолжалось затишье; генерал Саррайль настаивал на скорейшем возобновлении общего наступления, но Кордонье и другие старшие начальники требовали дать им больше времени на подготовку, считая излишнюю поспешность недопустимой. В конце концов, было решено назначить атаку на

4 октября, предварив ее общей 24-часовой артиллерийской подготовкой.

В соответствии с этими решениями Дитерихс 2-го октября отдал приказ по вверенной ему дивизии, в котором предписывал войскам в день атаки, по окончании артиллерийской подготовки, немедленно перейти в наступление двумя колоннами. При этом правая колонна под командованием подполковника Оссиковского в составе 3-х батальонов 4-го Особого полка и группы 75 мм батарей должна была двигаться в общем направлении на Каленик, тогда как левая колонна под командованием полковника Тарбеева в составе 3-х батальонов 3-го Особого полка и группы конных батарей должна была наступать на Клестину. В резерве оставался 2-бис полк зуавов.

Однако, в ночь со 2-го на 3-е октября болгары, не дожидаясь атаки союзников, начали двигаться на север на заранее укрепленную позицию за рекой Ракова. Вместо предполагавшейся атаки Дитерихсу оставалось только немедленно начать преследование отступающего противника в направлении на Каленик и Клестину.

Это общее отступление болгар было связано с новой победой сербского оружия – взятием горного массива Каймакчалан, господствовавшего над всей окружающей местностью едва ли не от Салоник до Монастыря.

Вокруг этой горы развернулась кровавая битва, длившаяся 19 дней. На Каймакчалан наступала Дринская дивизия из состава 3-ей сербской армии, а левее ее на хребет Старков Гроб – Дунайская дивизия той же армии, при поддержке 1-ой Тимокской бригады. Продвигаясь вверх шаг за шагом, после жестоких трехдневных боев войска Дринской дивизии 18 сентября ночным штурмом овладели вершиной Каймакчалана. В ту же ночь болгарские части предприняли 4 контратаки, но все они были отбиты с огромными потерями. Однако тем временем болгары получили значительные подкрепления: это были части, снятые ими с фронта на реке Струме, где британцы в продолжение всех этих дней оставались совершенно пассивными и не предпринимали даже обычных демонстраций. В результате в ночь на 26 сентября болгары отбили вершину Каймакчалана обратно. Но сербы не смирились с неудачей: 4 дня спустя, 30 сентября, Дринская дивизия, подкрепленная частью Дунайской дивизии и добровольческим отрядом, окончательно завладели Каймакчаланом. Одновременно остальные части Дунайской дивизии заняли хребет Старков Гроб. Таким образом, фронт болгар, опиравшийся на мощную, почти неприступную горную позицию, был про-

рван, и части 1-й и 3-ей сербских армий погналы неприятеля к излучине реки Черной (она же Црна)²⁶.

Бои на Каймакчалане отличались особым ожесточением, поэтому неудивительно, что и потери с обеих сторон были особенно велики. Всего сербы потеряли в этих боях 4 643 бойца. При этом в одной только Дринской дивизии вышло из строя 3 804 бойца, из них 747 человек было убито. В этих боях погибло 39 офицеров (из них 3 командира батальонов) и было ранено 137 офицеров (среди них 2 командира полков)²⁷.

В результате этих событий, болгарам была оставлена прежняя линия обороны по реке Брод. На участке 2-й Особой бригады они, как уже говорилось выше, заняли новую позицию за рекой Ракова, удерживая за собой Кенали и Негочаны, в центре — отошли за излучину реки Черной, а на участке между Каймакчаланом и рекой Вардар удерживали деревни Доброполе и Нита.

На 4 октября Дитерихс поставил своей дивизии задачу продолжить преследование отступающего противника и выйти правым флангом — к Негочанам и высоте 588, а левым — на Св. Петку — Лазец и Холевин, рассеять части прикрытия и настичь главные силы врага. К вечеру этого дня 3-й и 4-й Особые полки форсировали реку Ракова, причем 4-й полк, составлявший правую колонну, направлялся на Месджидли, а 3-й полк — на Лазец; 2-й бис полк звуков вступил в Каленик.

Разведка не была налажена, и никто в наступающих полках не подозревал, что впереди их ждет сильно укрепленная Негочанская позиция. В результате 2 батальона 4-го Особого полка, отбив контратаку болгар, несмотря на надвигающуюся темноту, стремительно бросились вперед, сходу прошли большое село Негочаны, и примерно в двух километрах за ним, на гладком как стол болотистом поле, были внезапно встречены ураганным пулеметным и ружейным огнем.

Участник этого боя, офицер 4-го Особого полка В.Н. Смирнов впоследствии так описал этот страшный момент²⁸:

«Примкнув штыки, бросились роты вперед, и неожиданно наткнулись на широкую полосу проволочных заграждений.

Не имея ножниц, под страшным огнем пытались было безуспешно сбивать прикладами проволоку, но вынуждены были под губительным огнем залечь под ней в холодной осенней воде.

Окопаться в болоте не было возможности. Так и лежали в воде и только под утро отошли примерно на середину поля между укреплениями противника и селом Негочаны, где стали рыть окопы».

Дело осложнилось еще и тем, что во время этой ночной атаки понес тяжелые потери штаб 4-го полка. Он остановился в одном из домов села Негочаны, но либо демаскировал себя, либо же дом был заранее пристрелян болгарами. В результате в дом попал снаряд, пробивший стену и разорвавшийся в комнате штаба. Из шести офицеров, находившихся в ней в этот момент, невредимым остался лишь один человек. Был ранен (к счастью, легко) временно командовавший полком подполковник Оссиковский, убит на месте командир 2-го бис полка зуавов полковник Дешизель, захвативший в гости, узнать боевую обстановку и последние новости, а также два переводчика 4-го полка, юноши французы, родившиеся в России. Аdjутант 4-го полка штабс-капитан Кржановский был смертельно ранен и скончался, не приходя в сознание²⁹.

На другой день, 5-го октября, русским войскам не оставалось ничего другого, как только заняться укреплением занятых позиций. Началось «окопное сидение» у Негочан, всего в двух переходах от Монастыря. Оно продлилось полтора месяца, до 18-го ноября. За это время дважды, 6-го и 14-го октября, предпринимались попытки взять штурмом вражескую позицию, но оба раза, несмотря на продолжительную артиллерийскую подготовку, русские полки, дойдя до проволоки, не обнаруживали в ней проходов и вынуждены были возвращаться в исходное положение.

За первую попытку 3-й полк заплатил потерей 3 офицеров и около 200 солдат; 4-й полк – 5 офицерами и 250 солдатами. Вторая попытка была подготовлена гораздо основательнее. На этот раз совместно с дивизией Дитерихса должна была наступать и французская 122-я пехотная дивизия генерала Жерома. Вследствие больших потерь, Дитерихсу пришлось выдвинуть в первую линию по два батальона от каждого полка, а также часть 2-го бис полка зуавов; только один батальон зуавов остался в резерве. За день до начала атаки, 13-го октября, приданная дивизии артиллерия начала артиллерийскую подготовку, имея главной целью проделать в проволочных заграждениях врага необходимые проходы. Под прикрытием этой подготовки полки должны были приблизиться к неприятельской позиции на 300 метров и подготовить в инженерном отношении плацдармы для атаки.

К сожалению, в распоряжение франко-русской дивизии была предоставлена лишь одна группа батарей тяжелых 155 мм коротких пушек и две группы легких батарей. Вместе с тем было замечено,

что многие французские тяжелые снаряды, попадая в болото перед болгарскими окопами, не взрывались.

К полудню 14-го октября артиллерийская подготовка закончилась, и передовые части 3-го и 4-го полков вышли из окопов. Они были встречены ураганным огнем врага, но, несмотря на это, к 3 часам дня подобрались к проволоке на 200 шагов. Передовые роты залегли, и командиры полков выслали вперед разведчиков, чтобы удостовериться, существуют ли проходы в проволоке. Несмотря на пулеметный огонь, разведчики выполнили свою задачу и принесли обескураживающий ответ: проволока цела.

В 4 часа 50 минут на участок 3-го полка прибыл генерал Дитерихс. Ознакомившись с обстановкой, он отдал распоряжение о дополнительной артиллерийской подготовке, после которой в 6 часов вечера полки должны были произвести атаку. В 6 часов орудия смолкли, и оба полка стремительным броском достигли проволоки, но все также нашли ее практически не тронутой. Разведчики полков пытались проделать проходы с помощью ножниц и ручных гранат, но были прижаты к земле пулеметным огнем. Последняя попытка преодолеть заграждение была сделана уже в темноте, в 9 часов 30 минут. Но повреждения в проволоке были недостаточными, а огонь врага не подавлен. Боевой порыв иссяк, и роты окончательно залегли под проволокой. В 11 часов вечера Дитерихс отдал приказ об общем отходе.

Это безрезультатный бой стоил 3-му полку 167 человек вышедшими из строя; потери в 4-м полку достигали 200 человек. Были также потери и в полку зуавов, который в этой атаке не участвовал, прикрывая фланг 3-го полка. Атаку предполагалось возобновить 15-го, потом 16-го октября, но затем эти распоряжения были отменены.

15 октября Дитерихс доносил генералу Саррайлю, что с начала кампании 2-я Особая бригада потеряла: 5 офицеров убитыми и 18 ранеными, нижних чинов – 173 убитыми и 1 099 ранеными; 128 человек пропало без вести, а всего 1423 человека. К тому же, под воздействием фактического стояния на болоте, в частях сильно развилась заболеваемость. В результате к 7 ноября под ружьем оставалось: в 3-м полку – 1 423 человек и в 4-м полку – 1 396 человек. Общие потери, таким образом, превысили 50%, оставшиеся люди были очень утомлены. Перед лицом таких потерь новые кровавые штурмы прекрасно укрепленной неприятельской позиции следовало на время отложить.

Главной причиной неудач у Негочан являлась недостаточность приданной артиллерии, не сумевшей проделать широкие проходы в проволоке. Здесь ясно сказался просчет Ставки, пославшей за рубеж одну лишь пехоту, без приданных ей артиллерийских и саперных подразделений (на что, кстати, сам Дитерихс указывал сразу по прибытии в Салоники). Насыщенность артиллерией союзных войск на Салоникском фронте была гораздо ниже, чем на Западном, и в этой обстановке неудивительно, что русские части при распределении артиллерийских частей оказались на положении «пасынков». Кроме того, была плохо налажена связь с французской тяжелой артиллерией – она проходила через штаб французской Восточной армии. Так, уже упоминавшийся В.Н. Смирнов свидетельствует: «Однажды мне понадобилось полтора часа, чтобы остановить разрывы наших чемоданов (тяжелых снарядов) на окопах роты»³⁰.

Впрочем, недостаточность выделенной им артиллерии хорошо чувствовали не только в штабе Дитерихса, но и в штабе Восточной армии генерала Кордонье. По этому поводу у названного генерала возник конфликт со своим прямым начальником – Саррайлем. Саррайль считал, что в условиях войны на Балканах нельзя применять масштабы войны, выработанные на Западном фронте, и что главное – это быстрота действий. К тому же, в конфликт вмешался Командующий 1-й сербской армии воевода Мишич, обвинявший Кордонье в том, что он сознательно медлит, предоставляя сербам одним нести все тяготы наступления. Мишича решительно поддержал и Королевич Александр. В результате генерал Кордонье вынужден был уйти со своего поста и был временно заменен старшим из дивизионных командиров – генералом Лаблуа.

В ночь на 23-е октября 2-й бис полк зуавов был передан в состав французской дивизии генерала Жерома, а участок, занятый полками 2-й Особой бригады, был урезан и ограничен с левого фланга дорогой из Св. Петка на Лазец.

Русские войска стояли на позициях в самых тяжелых условиях: постоянная вода в окопах, совершенно развалившаяся обувь, скверное питание из-за плохо налаженного сообщения с тылом, наступившие холода и прочие лишения... Чтобы не дать упасть духом солдатам своей бригады, Дитерихс вечерами сам обходил окопы, беседуя с рядовыми³¹.

Солдаты остро переживали свою оторванность от дома.

Когда в свое время решался вопрос о направлении русской бригады на Балканы, высшее русское командование втайне надея-

лось, что болгары, увидев перед собою русских солдат, потомков тех, кто принес им свободу в 1878 году, устыдятся своего «отступничества» и начнут в массовом порядке сдаваться в плен русским. Но эти надежды не оправдались: слишком сильны были сербо-болгарские противоречия. Сражения в Македонии являлись для обеих сторон естественным продолжением спора за эту область, вылившегося в недавнем прошлом во 2-ю Балканскую (Межсоюзническую) войну. В этой обстановке Россия, рассчитывавшая на роль своеобразного посредника в межславянских спорах, оказалась в положении «третьего лишнего», и «братушки»-болгары без зазрения совести поливали ураганным огнем своих русских «освободителей» точно так же, как и англичан с французами.

Впрочем, значительную роль в противостоящих союзниками армиях играли также и немцы. После разгрома Сербии Германия вывела отсюда большинство своих крупных соединений, но оставила на фронте многочисленные мелкие части усиления – команды егерей, пулеметчиков и саперов. Прекрасно обученные и оснащенные, они были вкраплены в болгарские соединения и придавали обороне болгар дополнительную устойчивость.

Однако и такая оборона, многократно усиленная горной местностью, зачастую не могла устоять перед яростным напором сербов, буквально горевших в едином порыве: отомстить своим мучителям и скорее освободить свою родину из-под гнета вражеской оккупации. Результатом этого общего порыва явились поразительные, едва ли не на грани возможного, победы сербов, такие, как взятие Каймакчалана. И теперь они вновь сумели отличиться.

Вечером 5 октября началась переправа пехотных частей 1-й и 3-ей сербских армий на левый берег реки Черной. С этого дня в излучине Черной разгорелись тяжелые бои. Командование над германо-болгарскими войсками в районе реки Черной принял немецкий генерал Хипел, который был специально для этой цели отозван из под Соммы.

Тем временем на полях Трансильвании румынская армия потерпела полное поражение, и начала быстро отступать к Бухаресту. Поэтому Главнокомандующий союзными войсками на Западном фронте генерал Жоффри потребовал от Саррайля немедленно нанести мощный удар в направлении на Монастырь, с тем, чтобы по возможности оттянуть как можно больше болгарских войск от Румынии и прочно приковать их к Македонскому фронту. И тогда Саррайль решил осуществить прорыв на участке 1-й армии воеводы Мишича.

Продвигаясь к северу шаг за шагом, сербы 17 и 18 ноября, после месяца упорной борьбы, овладели важнейшими объектами в излучине реки Черной – высотами 1212 и 1378, а также склоном высоты 1050 (Маково). С потерей этих высот, немецкий фронт более не мог держаться на прежней линии перед Монастырем, и этот город пришлось оставить. 11-я германская армия получила приказ отступить на линию озеро Пресба – Перистер – высоты к северу от линии Битоль – Репиште³².

16-го ноября болгары начали общий отход на север. Генерал Дитерихс предвидел это и немедленно организовал преследование. Он отдал приказ бригаде 17-го ноября наступать на фронте Бистрица – Холевин, с тем, чтобы облегчить выдвижение 57-й французской бригады на Барезани и Конино. В тот же день генерал Дитерихс донес Командующему французской Восточной армией генералу Леблуа, что он решил занять Монастырь, во что бы то ни стоило. Впрочем, к Монастырю в этот момент стремились со всех сторон не только русские части, но и сербы, французы, итальянцы. Это была зримая победа, и упускать ее никто не желал.

И все же первыми оказались именно русские. Вечер 18-го ноября застал бригаду посреди бескрайней сильно заболоченной равнины. Прилечь было негде: кругом одна вода. Единственное спасение от нее – как можно быстрее идти дальше на Монастырь.

И в 10 часов 30 минут утра 19 ноября 1916 года генерал Леблуа получил от начальника штаба 2-й Особой бригады полковника Шишкина краткое донесение: «В 9.30 1-й батальон 3-го русского полка вошел в Монастырь. Преследование продолжается», а еще через некоторое время и второе: «Штаб франко-русской дивизии водворился в Монастыре».

Не останавливаясь в городе, 4-й полк занял Орисари и Кркину и двинулся дальше на Могилу; 3-й полк отправил один батальон в Орисари, а два другие были направлены для охраны железнодорожных сооружений. При прохождении Монастыря русскими войсками было взято в плен 69 болгарских и 2 немецких солдата.

По свидетельству очевидцев, Сербский королевич Александр Карагеоргиевич, прибывший через два дня в освобожденный город, выразил особую признательность русским войскам и в ознаменование их заслуг пожаловал Дитерихсу высокий боевой орден. Это награждение пока не удалось подтвердить документами.

Генерал Саррайль также отметил подвиги русской бригады в своем приказе: «Русские, в греческих горах, как на сербской равнине ваша легендарная храбрость никогда не изменяла вам»³³.

Однако, к этому времени румынская армия потерпела полное поражение, оставила Бухарест и отошла в Молдавию под защиту русских войск. Спасать было уже некого и нечего, так что Жоффри 11 декабря приказал Саррайлю прекратить наступление в Македонии и закрепиться на достигнутых рубежах, готовясь к зиме.

2-я Особая бригада в конце ноября сосредоточилась в районе Брод, и затем была направлена в излучину р. Черной на позицию близ высоты 1050. Там ее полки сменили левофланговые части 1-й сербской армии (Вардарскую и Моравскую дивизии), передвинутые на правый берег р. Черной. В течение декабря бригада дважды, 9-го и 12-го, атаковала неприятельскую позицию, но успеха не имела. В конце декабря 2-я Особая бригада перешла в новый сектор, где сменила части Дунайской дивизии.

В октябре в Салоники прибыла также и 4-я Особая бригада генерала Леонтьева. Она также вошла в состав Сербских войск и в декабре заняла отведенный ей участок позиции.

В марте 1917 года сербская армия была реорганизована: 3-я армия была расформирована, а дивизии, входившие в ее состав, были переданы в две другие армии.

Теперь в 1-ю армию (воеводы Мишича) входили Моравская, Дринская и Дунайская дивизии, а во 2-ю армию (воеводы Степановича) – Шумадийская, Тимокская и Вардарская дивизии.

За всю кампанию 1916 года сербы захватили в плен 7 685 болгар и немцев, а также 97 орудий, 87 пулеметов и 87 минометов, а всего у неприятеля на Салоникском фронте вышло из строя около 50 000 человек. Сами сербы потеряли за это время 1 209 офицеров и 32 800 солдат, из которых 4 400 человек погибло в боях или умерло от ран³⁴.

Современные сербские историки, справедливо подчеркивая, что именно сербы внесли основной вклад в победы на Салоникском фронте, в то же время бросают всем остальным союзникам упрек, что те слишком берегли своих солдат, предоставляя сербам все опасности и все потери. В отношении русского контингента это мнение кажется мне несправедливым. Наши силы были здесь относительно небольшими, и к тому же не располагали собственными средствами усиления (артиллерией и саперами), но приведенные выше цифры потерь 2-ой Особой бригады свидетельствуют о том, что свой союзнический долг она выполнила до конца, не жалея крови и «живота своего». И, кстати, документы и воспоминания участников тех событий свидетельствуют о том, что зимой 1916–1917 годов русские и сербские воины, живя вместе на позициях, испытывали друг к другу неподдельное взаимное уважение и симпатию.

Генералы Дитерихс и Леонтьев считались равноправными командирами, и общего начальника русских войск на Салоникском фронте предусмотрено не было. Это положение, несомненно, было ненормальным, и уже с начала 1917 года в русской Ставке обсуждался вопрос об объединении 2-й и 4-й бригад во 2-ю Особую дивизию. При этом предполагалось придать ей 2-ю Особую Артиллерийскую бригаду и 2-й Особый саперный батальон; личный состав вместе с необходимыми пополнениями должен был быть прислан из России, а орудия и другую матчасть обещали дать французы.

Проект был принят, однако реализация его затягивалась.

В конце марта до русских войск в Македонии дошло известие о Февральской революции и отречении Николая II. Оторванные от России, солдаты были дезориентированы этими известиями, тем более что из-за линии фронта на них почти немедленно обрушился поток агитационной литературы пораженческого характера. Несмотря на это, части сохраняли боеспособность, в первую очередь, благодаря позиции, занятой генералом Дитерихсом. Он не стал замалчивать получаемую им официальную информацию о событиях на родине, а, наоборот, старался как можно быстрее и в полном объеме доносить ее до своих подчиненных. Этим он сумел сохранить в первые месяцы дисциплину в частях и доверие солдат к своим офицерам.

Между тем, еще в начале января 1917 года на Межсоюзнической конференции в Риме было принято решение о том, что весной войска Македонского фронта перейдут в наступление, согласованное с общим союзническим наступлением на Западном фронте. После долгих консультаций срок начала наступления был определен первыми числами мая.

Незадолго до начала этой операции 2-я Особая бригада была изъята из состава сербской армии и включена в группу войск генерала Лебука, в которую объединялись все французские, русские и итальянские части, действовавшие в излучине реки Черной. Наступление было назначено на 9 мая. Оно должно было начаться одновременно по всему фронту после непрерывной трехдневной артиллерийской подготовки.

В половине седьмого утра 9-го мая 1917 года в густом тумане, при почти полном отсутствии видимости, войска союзников поднялись в атаку. Однако уже к полудню обозначилась ее явная неудача: кое-где войска смогли сходу ворваться в первую линию окопов врага, но мощными контратаками они были выбиты обратно. Един-

ственный настоящий успех в этот день выпал на долю 4-го Особого полка под командой полковника Александрова.

Ему пришлось брать штурмом высоту Дабица, обороняемую германцами. В 7 часов утра полк выскочил из окопов проложить себе дорогу вперед ручными гранатами, и к 8 часам утра высота была уже в руках русских. При этом было взято 78 пленных 42-го германского полка, при 4-х офицерах. Но поскольку французские части справа и слева не сумели поддержать русских, полк на высоте Дабица попал в очень тяжелое положение. Он был с трех сторон окружен неприятелем, а позиция насквозь простреливалась неприятельским огнем.

В 5 ч. 30 м. пополудни французские и русские части справа и слева от высоты предприняли новую атаку с целью расширения участка прорыва, но не смогли добиться успеха. Сам 4-й полк держаться на высоте был уже не в состоянии, и уже ночью в темноте вынужден был оставить Дабицу и отойти вниз в исходное положение. Потери русской бригады за этот день составили 25 офицеров (из них 3 убитых) и до 950 солдат.

Новые атаки 10-го, 11-го и 12-го мая принесли союзниками лишь новые бесплодные потери.

Еще раз в ночь с 15-го на 16-е мая одной из бригад 17-й французской колониальной дивизии сумела повторить подвиг 4-го Особого полка и взять штурмом вершину Ричард, но уже на следующую ночь высота была взята обратно неприятелем. Других, более впечатляющих успехов, ни группа Лебука, ни остальные войска Салоникского фронта в эти дни не имели. Вследствие этого, 21-го мая генерал Саррайль отдал приказ прекратить общее наступление и в дальнейшем ограничиться лишь прочным закрепление занятых позиций. Столь резкий и бесславный отказ от всех предыдущих планов был, по-видимому, связан с тем шоком, который испытала Франция после позорного провала наступления Нивеля на Западном фронте.

Большая часть войск оттягивалась назад для отдыха. Едва ли не больше других, такой отдых требовался 2-й Особой бригаде.

18 мая М.К. Дитерихс обратился к генералу Саррайлю с просьбой об отводе бригады в тыл. При этом Михаил Константинович в своем рапорте обращал внимание французского генерала на то, что с августа 1916 г. бригада в течение 8-ми месяцев без перерыва находилась на передовой, причем последние полгода – в особенно тяжелых условиях. Позиции в излучине реки Черной имели очень невыгодную конфигурацию, болгары с господствующих высот простре-

ливали их насквозь, так что, даже находясь в резерве, люди страдали от артиллерийского огня. К этому следовало прибавить также усиленную заболеваемость из-за нездорового климата. Дитерихс писал:

«Я обязуюсь добавить, что положение русских войск в Салониках еще утяжеляется численно незначительным составом всего отряда, таким образом, особенно остро чувствующим свою оторванность от всего родного.

Войсками английскими и французскими эта отчужденность чувствуется менее.

В особенности острым это чувство стало теперь, когда на Родине происходят события, недостаточно ясно понимаемые и ложно трактуемые услужливыми агитаторами и пропагандистами.

И тем не менее последние бои показали, что боевая мораль войск прекрасна. Оба полка смело пошли в атаку и, в обстановке боя, дали блестящие доказательства своей боеспособности.

Достаточно сказать, что в течение 4-х дней бомбардировки, предшествовавшей атаке, войска потеряли 33 убитых и 226 раненых. Это не уничтожило их моральной силы ко дню атаки. 4-й полк, например, впоследствии дважды подряд бросается в атаку на неприятеля под смертоносным дождем его снарядов и пуль, извергаемых артиллерией и пулеметами, причем каждый раз врывается в окопы противника. В неприятельском расположении впереди и в изолированном положении он удерживается в течение целого дня до глубокой ночи, потеряв свыше 50% своих людей.

Но всяким силам имеется предел. Чтобы сохранить в войсках бригады боевой дух, необходимо предоставить им временно полный отдых. Это будет заслуженной наградой за 8 месяцев трудной работы. Из 12 000 чел., которых я привез из России и которых я получил здесь, я потерял убитыми, ранеными, контуженными до 4 400 человек, и до 8 000 человек разновременно переболело в госпиталях. Эти цифры достаточно красноречивы и показательны, чтобы свидетельствовать о трудности пережитого времени. Нужен полный отдых, который нельзя дать людям на позиции, нужны также пополнения, ибо теперь в частях остались едва достаточные кадры».

Рапорт возымел свое действие, и 24 мая Дитерихс получил распоряжение об отводе 2-й Особой бригады в тыл³⁵.

26 мая было получено распоряжение Российского командования о сведении 2-й и 4-й Особых бригад во 2-ю Особую дивизию. Начальником дивизии с 5 июня становится генерал Дитерихс, а его начальником штаба – полковник Генерального штаба Доршпрунг-Целица. Вместо генерала Леонтьева, отозванного в Россию, коман-

диром 4-й Особой бригады был назначен бывший командир 3-го Особого полка Тарбеев, произведенный в генерал-майоры.

Однако вместо отдыха русским войскам пришлось вначале принять участие в перевороте, совершенном союзниками в Греции. В апреле 1917 г. державы Антанты решили, не ограничиваясь полумерами, свергнуть неугодного им короля Константина.

7 июня на рейд Афин прибыл верховный комиссар союзников Жоннар, передавший 11 июня греческому премьеру Займису ультиматум с требованием отречения Константина от престола. Для подкрепления этого ультиматума французское командование направило одну пехотную дивизию в Фессалию, а также высадило в Афинах десант, в состав которого, помимо прочих частей, вошли 3-й Особый полк и один батальон 4-го Особого полка. К счастью, дело обошлось без кровопролития: 12 июня король Константин подчинился требованиям Антанты и передал свой престол брату Александру. К власти пришло правительство Венизелоса, целиком поддерживающее политику Антанты, и русский отряд без особых происшествий вернулся в начале июля в район Баницы, где находился штаб 2-й Особой дивизии.

Но к этому времени М.К. Дитерихс уже сдавал командование дивизией. В начале июля пришло распоряжение об отзыве его в Россию для получения нового, более высокого назначения. Временным начальником 2-й Особой дивизии вместо него стал генерал Тарбеев.

Генерал Саррайль в своих мемуарах с особой теплотой вспоминал о Дитерихсе: «Я с грустью узнал, что он уезжает, генерал, <...> который часто был для меня драгоценнейшим помощником во всех военных и жизненных проблемах. Тот генерал, который заменил Дитерихса на его посту, представлял собой смелого офицера, но его новая должность явилась для него делом неизведанным ... кроме того, у него было мало опыта командования»³⁶.

После отъезда Михаила Константиновича русские войска в Македонии оставались на фронте вплоть до января 1918 года, но им уже не было суждено добиться за это время хоть сколько-нибудь крупного успеха. Причиной тому были как общее затишье, установившееся на Салоникском фронте во второй половине 1917 года, так и прогрессирующее разложение русских частей под воздействием непрерывной революционно-пораженческой агитации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года. – Пг., 1914. С. 679.
- 2 Приказы армиям Юго-Западного фронта № 49 от 18 августа, № 55 от 22 августа и № 70 от 2 сентября 1914 года (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 8. Лл. 63, 68, 82) и Приказы по штабу Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта № 28 от 19 августа, № 31 от 23 августа и № 43 от 5 сентября 1914 года (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 88. Лл. 35, 40, 57, 59).
- 3 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2797. Л. 51.
- 4 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 8. Л. 292.
- 5 Приказ армиям Юго-Западного фронта № 351 от 19 марта 1915 года (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 19. Л. 456).
- 6 Приказ армиям Юго-Западного фронта № 710 от 5 июня 1915 года (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 24. Л. 193) и Приказ по штабу Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта № 249 от 5-го ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 91. Л. 34).
- 7 Приказ по штабу Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта № 256 от 15-го декабря 1915 г., п. 2 (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 91. Л. 45).
- 8 Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1943. С. 178–180.
- 9 Там же. С. 193–197.
- 10 Положение о полевом управлении войсками в военное время. – Пг., 1914. С. 10–15.
- 11 Приказ по штабу Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта № 45 от 25-го мая 1916 г. (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 91. Л. 88).
- 12 В состав полка входила также единственная на все Особые бригады команда конных разведчиков, сформированная из кавалеристов маршевого эскадрона 14-й кавалерийской дивизии. Ее начальник ротмистр Всеволод Фохт оставил интересные мемуары о своей службе в Македонии в составе 2-й Особой бригады, которые были опубликованы в газете «Возрождение» (сентябрь–ноябрь 1930 г.).

- 13 Чиняков М.К. Русские войска во Франции и Македонии (Салониках) (1916–1918). – М., 1997. С. 13.
- 14 Данилов Ю.Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах 1916–1918 гг. – Париж, 1933. С. 32. Следует особо отметить, что бывший генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем Русской армии генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов писал эту книгу, опираясь на документы из архивов Французского Военного министерства, включая и собственноручные донесения М.К. Дитерихса генералу Саррайлю.
- 15 О переезде первого эшелона 2-й Особой бригады морем из Архангельска в Брест сохранились чрезвычайно любопытные записки самого М.К. Дитерихса, опубликованные в № 16 журнала «Военная Быль» за 1956 (С. 2–6). Эти записки публикуются ниже.
- 16 Опачич П. Солунски фронт. Зејтинлик. – Београд, 1978. С. 56.
- 17 Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 151–152; Опачич П. Указ. соч. С. 56.
- 18 Корсун Н.Е. Балканский театр I Мировой войны. – М., 1939. С. 71.
- 19 Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 156.
- 20 Чиняков М.К. Указ. соч. С. 32.
- 21 Писарев Ю.А. Сербия на Голгофе и политика Великих Держав 1916 г. – М., 1993. С. 132; Чиняков М.К. Указ. соч. С. 29.
- 22 Корсун Н.Е. Указ. соч. С. 72–73.
- 23 Опачич П. Указ. соч. С. 70.
- 24 Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 157–160.
- 25 Французские боевые награды полкам // Военно-исторический вестник – Париж, 1971. № 37. С. 32; Чиняков М.К. Указ. соч. С. 31.
- 26 По-сербски название реки – «Црна», в различных документах и воспоминаниях она иногда пишется, как «Церна», «Черна» или просто «Черная».
- 27 Опачич П. Указ. соч. С. 71–72.
- 28 Смирнов В.Н. Русские особые полки на Македонском фронте // Возрождение. – Париж, 1959. № 88. С. 9.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Этот эпизод подробно описан в воспоминаниях ротмистра Фохта (см. ниже).
- 32 Опачич П. Указ. соч. С. 73–74.
- 33 Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 167–168.
- 34 Опачич П. Указ. соч. С. 74–75.
- 35 Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 182–184.
- 36 Цитируется по: Чиняков М.К. Указ. соч. С. 62.

САЛОНИКСКИЙ ФРОНТ В ДОКУМЕНТАХ

НАЧАЛЬНИК
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Копия
Совершенно секретно

По отделу
По устройству и службе войск

Спешно

30 апреля 1916 года
№ 3390
Петроград

Командующему войсками
Московского военного округа

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил командировать северным путем через Архангельск на Салоники, для действий на Салоникском театре военных действий, пехотную бригаду, коей предположено присвоить наименование 2-ой Особой пехотной бригады.

Формирование означенной бригады признается необходимым произвести в пределах вверенного Вашему Высокопревосходительству округа, причем Военный Министр просит Ваше Высокопревосходительство принять на себя руководство этим весьма важным и носящим крайне спешный характер формированием.

Путем надлежащих сношений с представителями французского Правительства, окончательно установлено, что 2-я Особая пехотная бригада должна быть сформирована и перевезена в Архангельск для посадки на суда в период времени между 1-м и 10-м июня старого стиля, причем отправление частей этой бригады из Архангельска предположено окончить к 10-му июня старого стиля. Приведенные выше сроки признаются окончательными и изменению не подлежащими.

При формировании 2-ой Особой пехотной бригады должны быть приняты следующие основания.

Формированию подлежат: управление бригады, два 3-батальонных пехотных полка и маршевый 6-ротный батальон.

Штаты управления бригады, полков и маршевого батальона ныне разрабатываются Главным Управлением Генерального штаба и в ближайшие дни будут препровождены в штаб вверенного Вашему Высокопревосходительству округа для руководства.

Для укомплектования управления бригады Штабом Верховного Главнокомандующего будут назначены: Начальник бригады, Начальник штаба бригады и офицер Генерального штаба на должность старшего адъютанта. Бригадный интендант, а также бригадный врач будут назначены и своевременно командированы в Москву Главным Интендантским и Военно-санитарным управлениями, по принадлежности. Все прочие офицерские, классные и нижние чины на сформирование управления бригады должны быть назначены заботами штаба Московского военного округа из расположенных в округе запасных батальонов округа.

На сформирование двух 3-батальонных Особых пехотных полков будут, распоряжением Штаба Верховного Главнокомандующего, командированы теперь же в пределы Московского военного округа 24 строевых роты, выделенных по одной из 24 армейских корпусов Действующей армии. В состав каждой роты войдут: ротный командир, 3 младших офицера, фельдфебель, 4 взводных унтер-офицера, каштенармус, 16 младших унтер-офицеров, 20 ефрейторов и 10 строевых рядовых. Командиры вновь формируемых полков и батальонов будут назначены и командированы в штаб Московского военного округа также распоряжением Штаба Верховного Главнокомандующего. Необходимый медицинский персонал (врачи и фельдшера) подлежат назначению заботами Главного Военно-Санитарного Управления. О назначении священников одновременно с сим сообщается Протопресвитеру Военного и Морского Духовенства. Все остальные офицерские, классные и нижние чины, необходимые для укомплектования двух Особых пехотных полков, должны быть назначены распоряжением штаба вверенного Вашему Высокопревосходительству округа, причем при недостатке в округе соответствующих военных чиновников названному штабу надлежит обратиться за содействием к Главному штабу.

Весь личный состав пулеметных команд (офицеры и нижние чины) будет своевременно командирован в пункты формирования полков из пулеметного запасного полка, о чем Главным Управлением Генерального штаба одновременно с сим делается соответствующее распоряжение.

Формирование маршевого батальона должно быть осуществлено за счет личного состава запасных батальонов Московского военного округа. Все соответствующие по сему распоряжения должны быть сделаны штабом названного округа. На сформирование маршевого батальона будут лишь назначены: Штабом Верховного Главнокомандующего – командир батальона и ротные командиры, и Главным Военно-санитарным Управлением – соответствующий медицинский персонал (врачи и фельдшера).

Принимая во внимание важное значение, которое получает при современных условиях предназначенная к командированию на Салоникский театр военных действий 2-ая Особая пехотная бригада, прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в принятии соответствующих мер к тому, чтобы весь личный состав офицеров, чиновников и нижних чинов, выделяемый на формирование названной бригады, соответствовал бы назначению, как в служебном, так и в нравственном отношениях. Младшие офицеры маршевого батальона могут быть в чине поручика, подпоручика и прапорщика; однако в последнем случае – не иначе, как из числа окончивших военные училища.

При назначении всех чинов на укомплектование частей 2-ой Особой пехотной бригады надлежит отдавать предпочтение желающим.

Ружья и пулеметы, а равно патронные сумки французских образцов, будут доставлены из Франции в Архангельск ко времени прибытия в этот порт частей 2-ой Особой бригады, где и поступят на ее вооружение.

Обмундирование и снаряжение (кроме патронных сумок), а равно и носимый шанцевый инструмент будут присвоены бригаде русских образцов.

Все нижние чины бригады должны быть одеты в новое обмундирование, причем им должно быть выдано все новое снаряжение (кроме патронных сумок и патронташей), а также носимый шанцевый инструмент.

Принимая во внимание крайнюю затруднительность дальнейшего снабжения бригады, после ее отправления из Архангельска, признается соответственным, независимо от выдачи на руки нижним чинам всего нового обмундирования и снаряжения, отправить вместе с бригадой еще и второй комплект указанных выше предметов снабжения, о чем вместе с сим делается соответствующее сношение с Главным Интендантским Управлением.

Из обоза предположено отпустить от интендантства лишь по одной походной кухне и по одной хозяйственной двуколке для каждой роты и команды. Весь остальной обоз будет наряжен распоряжением французского Военного Министерства по прибытии бригады в пункт назначения.

Ввиду невозможности перевозки морем столь большого числа лошадей, признается необходимым весь конский состав получить по прибытии бригады в Салоники, где таковой будет своевременно сосредоточен заботами подлежащих органов французской армии.

В целях предоставления возможности ознакомить нижних чинов формируемой бригады с принятой на вооружении французской армии винтовкой Лебеля, сделано распоряжение о немедленной высылке в Московский артиллерийский склад, в распоряжение Вашего Высокопревосходительства, всех прибывших в Россию и не отправленных еще на Кавказ винтовок этой системы. Означенные винтовки перед отправлением бригады из пунктов формирования должны быть обязательно возвращены в упомянутый склад.

Что касается денежного довольствия чинов 2-ой Особой пехотной бригады, то этот вопрос подробно излагается в разрабатываемом в настоящее время представлении в Военный Совет о сформировании бригады; копия означенного представления непосредственно вслед за сим будет препровождена в штаб вверенного Вашему Высокопревосходительству округа. На заведение необходимого, но не предусмотренного табелями имущества предполагается испросить у Военного Совета единовременный денежный отпуск управлению бригады 2 000 рублей, каждому из полков по 3 000 рублей и маршевому батальону 1 000 рублей. Нижним чинам 2-ой Особой бригады предположено установить особые суточные деньги, подобно тому, как это было сделано в отношении 1-ой Особой бригады.

Сообщая об изложенном, прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в соответствующих распоряжениях по формированию к приведенному сроку управления, полков и маршевого батальона 2-ой Особой пехотной бригады, на изложенных выше основаниях, не ожидая утверждения Военным Советом этого мероприятия.

О ходе формирования благоволите, Ваше Высокопревосходительство, ставить меня время от времени в известность.

К изложенному присовокупляю, что в штат управления бригады предполагается включить хор музыкантов в составе капельмейстера и 35 хорных музыкантов, в том числе 11 унтер-офицерского звания, вследствие чего представляется необходимым озаботиться теперь же приобретением соответствующих инструментов, необхо-

димые денежные средства для чего будут испрошены у Военного Совета Главным Управлением Генерального штаба.

Все формирование бригады и ее отправление должно быть проведено особо секретным порядком, и потому надлежит принять все меры, дабы никакие о ней сведения не могли попасть в печать.

Подписали:

генерал от Инфантерии
генерал-майор

Беляев,
Каменский

Скрепил:

и.д. Начальника отделения,
полковник

Карханин

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Лл. 39–41.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 21

30 мая 1916 года

г. Москва

п. 1. Завтра, 31 сего мая, на плацу Хамовнических казарм произвести освящение, прибавку и передачу ВЫСОЧАЙШЕ Дарованных 3-му и 4-му полкам знамен. Для чего полкам и маршевому батальону в полном составе к 9 с часа утра быть построены на плацу, согласно данных уже указаний. Богослужение совершить священникам 3-го и 4-го полков. После Богослужения и передачи знамен частям состоится парад.

Командовать парадом буду я. Распоряжением командира 3-го Особого полка полковника Тарбеева на место парада выслать линейных при офицере. Ему же распорядиться, чтобы на месте парада был один врач и фельдшер с медикаментами для оказания помощи на случай внезапного заболевания кого-либо из чинов бригады. Средствами 4-го полка должен быть хорошо полит водой плац, заготовлено необходимое количество воды для питья.

Оркестр будет от 191-го пехотного запасного полка.

Форма одежды походная, парадная.

Наличные винтовки иметь на людях...

Начальник 2-й Особой бригады,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 26

4 июня 1916 года

г. Москва

п. 1. 31 мая сего года Командующий войсками Московского военного округа генерал от Артиллерии Мрозовский при освящении **ВЫСОЧАЙШЕ** Дарованных знамен благословил 3-й Особый пехотный полк иконой Святого Николая Чудотворца и 4-й Особый пехотный полк – иконой Святого Алексия Митрополита Московского. Приказываю частям бригады установить дни своих праздников.

Управлению бригады – 23 апреля, день Святой Великомученицы Царицы Александры; 3-му Особому полку – 6 декабря, день Святого Николая Чудотворца; 4-му Особому полку – 5 октября, день Святого Алексия Митрополита Московского и Особому маршевому батальону – 9 мая, день перенесения мощей Святого Николая Чудотворца...

Начальник бригады,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 27.

**НАЧАЛЬНИК 2-й ОСОБОЙ
ПЕХОТНОЙ БРИГАДЫ**

Секретно

7 июня 1916 года
№ 3

Командиру 3-го Особого пехотного полка,
Командиру 4-го Особого пехотного полка
Командиру Маршевого Особого батальона

При отправлении бригады из Москвы, во время следования эшелонов по железной дороге, а также по прибытии в Архангельск и до времени отплытия транспортов предписываю принять строжайшие меры против возможных отлучек нижних чинов от эшелонов, против сношения их с местным населением, имея в виду необходимость обеспечить возможно больше тайну цели передвижения бригады, направления и пункта назначения.

Особенное значение имеет принятие этих мер в Архангельске, где, несомненно, можно ожидать появления многочисленных шпионов.

Нижним чинам надлежит теперь же внушить, под угрозой строжайших наказаний, смысл содержания в секрете движения бригады.

В частности, предписываю к исполнению следующее:

1) При следовании частей и команд по улицам Москвы в вокзал для посадки всем офицерам находиться на своих местах; не допускать сношения посторонней публики с нижними чинами.

2) По прибытии на вокзал прямо проходить к месту посадки, где отнюдь не позволять нижним чинам расходиться; офицеры должны находиться при ротах; для покупок отправлять нижних чинов небольшой командой под начальством надежных унтер-офицеров. Немедленно по прибытии на место посадки выставлять кругом места посадки посты для воспрепятствования сношения публики с нижними чинами. Провожающих отнюдь не допускать ни к гв. офицерам, ни к нижним чинам.

3) Во время следования эшелонов поддерживать строжайший порядок.

4) В каждом вагоне старший должен проверять своих людей после каждой остановки и немедленно докладывать об отсутствии кого-либо из нижних чинов.

5) При продолжительных остановках поезда строжайше воспретить нижним чинам выходить из вагонов до сцепления поезда и удаления от них всех вольных людей.

6) При коротких остановках совершенно не разрешать нижним чинам отлучаться. При продолжительных – брожения одиночных людей не допускаю; за кипятком водить командами, за покупками отправлять людей исключительного доверия.

7) При продолжительных остановках немедленно, до разрешения людям выходить из вагонов, выставлять посты и посылать кругом поезда встречные дозоры против шатания отдельных людей и для воспрепятствования сношения местного населения с нижними чинами. Всех вольных людей отгонять, не стесняясь внешним видом лица.

8) По прибытии за Архангельск прямо с места выгрузки эшелонам следовать на пристань для посадки на транспорты, причем, как при следовании по городу, так и во время посадки принимать

наиболее решительные меры против сношения с местным населением. Движение – в строгом строевом порядке, гг. офицеры на местах, роты идут с песнями.

Подписал:

генерал-майор

ДИТЕРИХС

Скрепил:

Начальник штаба

Генерального штаба полковник

Шишкин

Верно:

Корнет

/подпись/

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 1. Лл. 64–64 об.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 31

10 июня 1916 года

г. Москва

п. 1. ВЫСОЧАЙШИМ приказом, состоявшимся 28-го мая сего года, Я назначен Командующим 2-й Особой пехотной бригадой.

Тем же приказом назначены: командир 51-го Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, полковник Тарбеев – командиром 3-го Особого пехотного полка и штаб-офицер для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, полковник Александров – командиром 4-го Особого пехотного полка.

СПРАВКА: Сношение Окружного Дежурного генерала штаба Московского Военного Округа 8-го сего июня № 824...

Начальник бригады,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 321.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 34

12 июня 1916 года

г. Москва

п. 1. Завтра, 13 июня, в 11 часов утра на плацу Хамовнических казарм отслужить молебен по случаю отправления бригады.

Полкам и маршевому батальону построиться порядком, как и при освящении знамен.

Линейные от 3-го Особого пехотного полка.

Богослужение совершить священникам 3-го и 4-го Особых пехотных полков.

п. 2. 15-го июня части бригады начнут выступать по назначению.

Уверен, что каждый приложит все силы, дабы поддержать на чужбине честное имя доблестного русского солдата.

Помните, что каждый из вас явится представителем великой могучей русской армии, что на вас будут смотреть, как на особо избранных по повелению Верховного Вождя для высокого назначения оказать поддержку и помощь нашим союзникам. Помните, что здесь, у нас на родине, все будут следить за вашими действиями, гордиться вашими подвигами и молиться за вас.

Вам вверяется на чужбине честно и доблестно поддержать славу Матушки России и армии, и я глубоко и горячо верю, что каждый из вас выполнит с полным самоотвержением свой долг.

Лихая молодецкая отвага в бою, железная воинская дисциплина всегда и везде, доброе отношение к мирным жителям – это должен помнить каждый из вас.

Помолись Господу, осени себя, русский воин-богатырь, крестным знаменем и с Богом – в добрый путь.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 35.

ЗАПИСКИ ПО ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАНЦИЮ

16 июня 1916 г. Головной эшелон бригады вчера, 15 июня, к 6 ч. вечера погрузился на ст. Воробьевы горы (Москва) и выступил в Архангельск. Провожало нас мало народа. Нарочно грузились за городом, чтобы не привлечь провожающими внимания московской публики. С первым эшелоном выступали: управление бригады, штаб 3-го полка, 3-й батальон 3-го полка и одна пулеметная рота. В 9 ч. 40 м. прибыли на ст. Лосиноостровскую на Ярославской линии, а в 1 ч. 30 м. двинулись дальше.

При отъезде со ст. Воробьевы горы нам сопутствовало знаменье: три радуги – одна в другой, говорят, это на счастье. Посмотрим. Во всяком случае грусти ни в ком не заметно; люди и офицеры смотрят весело; не скажешь, что им предстоит дальний тяжелый путь и полная неведомого будущность. Впечатление по внешности – дети, не ведающие, на что идут.

За Ярославлем – разъезд Догадцево; перед ним спуск; разорвало поезд. Ход был небольшой, но солдатня перепугалась, стала выскакивать на ходу. Однако, все обошлось благополучно. Машинист очень осторожно сбавил ход, посему толчок от нагнавшей второй половины был слаб. На вопрос «Что, перепугались, братцы?», солдатня откровенно призналась: «Так точно, Ваше Пр-во, было страшно». Дети, но хорошие дети. Дал бы Бог их направлять по хорошему пути... Сегодня вечером первый раз в жизни пришлось наблюдать закат на севере. Какая красота нежных красок и вместе с тем какое величественное зрелище! Преобладающие цвета – от огненно-золотого до фиолетового цвета с промежуточными переходными тонами. Ночь почти светлая. Видна даль.

17 июня. Утром в Вологде. Город с массой церквей и много зелени. Выехали в 1 ч. утра. На 50–60 верстах началось нечто похожее на гундру: масса лесов, но по преимуществу мокрых, болотистых. Только в долинах речек населенные пункты, а то их вовсе не видеть. На ст. Важгода устроили зарю с церемонией; собралось все местечко. Ночь совершенно светлая, ясная. Сейчас первый час, а пишу без огня. Мыслей вне войны мало.

18 июня. Няндыба. Между Вологдой и Архангельском. Станции идут за станциями, чередуются разъездами. Названия станций даже малопонятны, тоже таинственны, как вся местность, по которой мы проходим. Необъятные лесные пространства, много мелких речек, по типу горных, мало болот, озер, но в общем вовсе не настолько равнинная, как это изображено в географических атласах. Есть прямо-таки горные, живописные участки. Ночь опять светлая. Не сплю ночи из-за комаров. Глупо, но надо с ними кончить. В час ночи начался рассвет, а в 10 ч. еще были следы заходящего солнца. С каждым часом севернее приходится видеть все более и более оригинальные явления. Думаю, что настанет день, когда мы будем видеть солнце круглые сутки. Вчера и сегодня, на остановках, устроил эшелону зарю с церемонией.

20 июня. Архангельск. Беспорядков во всей нашей организации и системе невероятное количество. Из Московского интендантства сухарей так и не получили, благодаря косности и вялости нашего делопроизводства. Сухари дали из Архангельского морского порта, но, хотя распоряжение было сделано вчера, тем не менее к 4 ч. дня, к времени, которое я назначил для выступления, сухарей еще не привезли.

Только в 6 ч. 25 м., наконец, тронулись в путь. Впрочем, тронулась только «Венесуэла», со мной, с управлением бригады, штабом 3-го полка и 1-м батальоном 3-го полка.

Остальные два транспорта нашего первого эшелона – «Умтали» и «Мартазан» к назначенному часу оказались без командиров транспортов англичан, которые, несмотря на предупреждение, съехали с пароходов неизвестно куда.

Решили, выйдя из реки в дельту, бросить якорь и заночевать. Рано утром должны присоединиться оба транспорта и в 5 ч. утра 21 июня двинуться в дальнейший путь.

В 9 ч. 30 м. бросили якорь и стали. Через 10 минут к нам подошел наш канонир – «Вайгач», и тоже бросил якорь. Устроили ему встречу.

Настроение мое неспокойно: нет сведений о конвоях в пути, а между тем получено известие, что в Борге пришли две германских подводных лодки специально для операций на Архангельском пути. Какой-то коммерсант видел в 3-х днях пути от Архангельска тоже 2 подводных лодки. Оказывается, что на пути, у св. Носа, германцами были разбросаны мины, и в прошлом году взорвался какой-то наш пароход. Все это – обстоятельства, которые заставляют биться сердце за участь моих хлопцев и горячо молить Бога. У нас на корме есть одна пушка; если заметим вовремя, то без боя жизни не отдадим, но жаль мне своих детей.

Сейчас 10 ч. 25 м. Я на верхней палубе; в море полная тишина. Вода, как зеркало. Солнце еще не село, и лучи его слепят, отражаясь в зеркальной воде; в машине что-то методично работает, и вообще в этой изолированной от всего дырке что-то живет все время своей жизнью, отличной и особенной от жизни всего остального судна.

В 12 ч. 45 м. обошел некоторые помещения нижних чинов. Люди, большая часть спит, отражается это отсутствие темных ночей. До сих пор трудно к этому привыкнуть.

Только теперь, на борту судна, я начинаю ощущать серьезность предстоящего пути. Благодаря слабому ходу «Мартазана», придется равняться на него и идти со средней скоростью всего 9 миль в час. Это составит 216 миль в сутки, и т.к. наш путь около 3 000 миль, то мы можем в лучшем случае пробыть в море 14 суток. В случае же какой-либо опасности у берегов Швеции и Норвегии, придется отклоняться на север, следовательно, и удлинять путь. Мне не хочется думать о личных своих чувствах, мыслях, заботах, оставленных в России. Я чувствую, что должен совершенно сейчас от них отказаться и мыслить только о переживаемой жизни бригады. Но это еще трудно; надо время. О бригаде забот страшно много. Опять наши неприятели: из-за секретности в Архангельске не хотели пускать нас в бани. Однако, сейчас, когда портовое начальство знало, что вышли в море и остановились на ночь на рейде, оно выпустило англичанина «Ливерпуль», который прошел мимо нас вперед. Кто поручится, что там нет ирландца, норвежца ...

21 июня. В 5 ч. утра весь наш эшелон под охраной «Вайгача» снялся с якоря и двинулся в дальнейший путь в порядке: «Вайгач», «Венесуэла», «Мартазан» и «Умтали».

В 1 ч. дня стало значительно холоднее. Мы вышли в горло Белого моря и направляемся к океану. Ветер небольшой, волн нет, но

близость льдов чувствуется. После архангельской жары перемена очень резкая.

В 3 ч. дня организовали наблюдение за морем. Солдатня отнеслась сразу к делу с большим рвением. То и дело раздаются свистки, обращающие внимание вахты. Бревна, баки, тюлени, лодки – все замечается.

В 6 ч. 15 м. вечера «Вайгач» дал сигнал: «Данные Вам приказания отменены. Вам надлежит итти в Иоканакскую бухту, где ждать дальнейших приказаний».

Конечно, у всех появилось легкое волнение. Я был предупрежден в Архангельске, что такое распоряжение последует, если будут получены сведения о германских подводных лодках. Значит – сведения получены новые.

Вследствие этого усилили наблюдение. Капитан остался на ночь на посту. Мой флаг-капитан старший лейтенант Р. решил бодрствовать. Начальник штаба тоже, видимо, волнуется.

В 10 ч. 30 м. вечера показалось 7 английских тральщиков, которые прочищали для нас проход, где в прошлом году взорвался «Русин».

В 12 ч. ночи я ушел спать. К этому времени мы вошли в стадо тюленей. Впереди всех было 2 старых – белых. Солдаты высыпали смотреть почти все. Тюлени ныряли в лучах солнца, т.к. оно вовсе не заходило. В качестве предосторожности и дабы приучить людей, велел после зари всем надеть нагрудники и в них спать. Эта первая тревога, конечно, подняла нервы людей, и многие не ложились. Я взял ванну и в 1 ч. ночи, помолясь, заснул. Море, как зеркало, но прохладно.

22 июня. В 7 ч. 30 м. утра вошли в бухту Иоканакскую. На ходу «Вайгач» передал, чтобы мы следовали намеченным раньше курсом. Когда я вышел в 10 ч. утра на капитанский мостик, то мы были уже в Ледовитом океане.

Океан спокоен. Налево видна земля, местами покрытая снегом; направо беспредельное водное пространство, скрываемое миражами. Утром пришла английская яхта и спросила: «Кто идет?» Удовлетворившись ответом, прошла дальше. Наш курс от св. Носа на точку, образуемую пересечением 70,75 с. ш. и 34 град. в. д.

К 2 ч. дня земля ушла уже совершенно из вида. Океан – безбрежный, могучий, холодный. Нет-нет и встречаются обломки судов, опрокинутые лодки – все свидетели последних мук человека, последней его борьбы за жизнь. Жутко при виде этих остатков;

особенно когда на этих развалинах видишь чаек, спокойно сидящих и покачивающихся на волнах.

Мимо прошел еще один купец-англичанин. Как когда на суше, объезжая государства, начинает осязаться мощь России, так, плывя по морям и океанам, сознаешь мощь Англии на водах. Если в Архангельске какой-нибудь десяток французских судов, 2–3 норвежских и шведских, то английских – 40–50. Всюду они. С утра охраны у нас уже нет. Не знаю, кто следит за нашею безопасностью, но впечатление получается – покинуты всеми. Как-то это все плохо у нас налажено.

К вечеру начали надвигаться тучки. Как бы завтра не посвежело. Солнце сегодня не садится совершенно, но закрыто тучами, и его не видно. Под вечер опять встретилось стадо тюленей и, наконец, стадо акул, здоровых, жирных. Представил себе попасть к ним в пасть... Нет, в случае явной невозможности спастись – лучше короткий конец пулей.

23 июня. Посвежело. Без пальто ходить нельзя. Небо покрыто серой мглой, ветер баллов 3–4, но холодный. Волна значительная. Все чувствуют себя хорошо. «Умтали» с утра улучшил ход и, догнав нас, идет почти на одной высоте с нами. Мы увеличили скорость до 56 оборотов (полная – 80).

Все люди распределены по лодкам. Мне место в № 1-м, но, думаю, что едва ли, во всех случаях, придется попасть в нее. Здесь, при этом холоде, мало надежды на спасение, а во всяком случае надо будет раньше позаботиться о команде.

В 3 ч. 30 м. дня на горизонте показался парусник, правее нашего направления, держащий путь на север. Эти парусники хуже всего, т.к. могут быть шпионами, разбрасывающими мины; или за ними прячутся подлодки. Поэтому у меня на сердце опять беспокойно. Мы идем сейчас по 73 град. параллели. Остается только 17 град. до северного полюса, т.е. 1 700 верст с небольшим. От самого северного берега Европы мы в 280 верстах. Кругом темный, холодный океан. Но если человек принужден к поверке и напоминании о своих житейских привязанностях, то самое верное – это его посадить в такие условия, как мы сейчас. Тут вспоминается все дорогое, близкое, родное, и тут оцениваешь то, что покинул на земле, с наибольшей силой.

Вечер. Публика перебрасывается в карты. Один стол: доктор, Пришкин, Коленко и моряк играют в короли. Подсаживают доктора, все ополчились против него. Пока доктору везло, он горячо хохочет над стараниями его подсадить, но как только счастье ему изменяет –

он старается сохранить добродушие, но, видно, огорчается. Сзади – командир полка, Л-6, делопроизводитель и дирижер оперы Померанцев – жарят в винт. Игра идет горячо – со спорами и кислыми словами. Особенно попадает Померанцеву, который горячится, и на него – в служебном отношении – влияют два старших партнера.

В 11 ч. 30 м. вечера помощник капитана принес перехваченное радио русское официальное сообщение. Это уже второй раз. Для нас это единственные известия из мира, которые удается перехватить. Сейчас мы слишком уклонены на север, и потому известия редки и их мало.

Ночью будем около 4-х ч. проходить пункт, где будто бы были замечены германские подлодки; приказал всем людям надеть нагрудники. Я сомневаюсь в этом известии, но предосторожность нелишняя, к тому же она приучает людей к тревоге.

24 июня. Утро тихое, холодное, но, благодаря отсутствию ветра, более теплое, чем вчера. Океан спокоен; если бы не доносился глухой шум работающей машины, то можно было бы предполагать, что мы стоим на месте.

В 8 ч. 30 м. прошли пункт, где были замечены германские подлодки, и начали движение зигзагами, изменяя через каждые полчаса направление движения. «Мартазан», со свойственным англичанам упрямством, долго не желал понять, что это и от него требовалось. Нужно было более 2-х часов разговоров, чтобы добиться от него исполнения. Мой флаг-капитан, старший лейтенант Р., проявляет должную твердость и серьезность. Вообще, видно – офицер дельный, надежный. Еще проплыть дней 10, если все будет идти так благополучно, как сейчас. 10, значит, ночей, когда, ложась спать, не уверен, что утром проснешься. Едва ли, если бы ночью случилась авария, удастся спастись: слишком мало шансов выбраться наружу, приняв во внимание современную быстротечность гибели пароходов.

Охраны все нет. Думаю, что у Исландских берегов она нас встретит, т.к. там опасность чересчур велика. Будем надеяться на Бога.

Около 4-х часов дня показалось парусное судно. Завидя нас, оно направилось к нам. Были неприятные минуты ожидания, т.к. нельзя быть уверенным в море, что кроет в себе такой парусник, оказавшийся под норвежским флагом. К 5 ч. дня судно подошло к нам. Оттуда махали фуражкой и что-то кричали. Никто не понял, и мы пошли дальше, а судно снова взяло курс на север.

Сегодня впервые было видно полуночное солнце; оно не дошло до горизонта градусов на 6 и, хотя светило во всю, но не грело,

и самый свет был какой-то больной. Мы воспользовались и снялись ровно в полночь.

В полночь же мы изменили направление движения на юго-запад, почему опять будет делаться теплее и темнее.

25 июня. Сегодня вышли на настоящую океанскую глубину в 1 500 – 2 000 саж. Началась и волна хорошая. Значительное число солдат заболело морской болезнью, но больше, кажется, от страха, чем от качки.

Сегодня была первая всеобщая на пароходе. Французы, насколько могли, убрали баковую часть верхней палубы, где был устроен небольшой аналой. Певчие спелись хорошо. Служба прошла торжественно.

К вечеру стал опускаться туман, постепенно сгущаясь. От подводных лодок это хорошее укрытие, но, с другой стороны, является опасение растерять свои задние пароходы. «Умтали» все время отстает; пришлось сбавить ход, а это задерживает наш приход в Брест. Вообще нельзя назначать для перевозки пароходы с таким разнообразием скоростей и, во всяком случае, надо давать пароходы со скоростью не менее 10–12 узлов, а то сейчас «Умтали» едва-едва поспевает на 9 узлов. Причины – или плохое качество угля, или капризы капитана-англичанина. К ночи – новое беспокойство: туман настолько сгустился, что пароходов не видно. Они пересвистываются время от времени, но, т.к. из-за волны нельзя держаться близко, то является опасность потерять «Умтали», тем более, что неизвестно, сколько времени продержится туман. Будет очень неприятная история. Кроме того, свист выдает наше присутствие.

26 июня. Туман непроглядный – как молоко. Все время, каждые 5 минут мы свистим. Англичане, подлецы, отзываются плохо. Вижу, что идти в тумане трудно, дабы не потерять друг друга, и никаких средств связи, кроме этого свистка, нет.

Вопрос, как долго продержится туман. Во всяком случае, в Брест нельзя будет войти при тумане и придется ожидать в море.

Сейчас будет обедня. Туман продержался часов до 2-х дня, когда пошел сильный дождь на полчаса. После дождя прояснилось, но не надолго. И опять нас окутал туман до 9 ч. вечера, когда туман окончательно рассеялся.

Вечером мимо нас прошел на восток большой коммерческий пароход и опять парусник.

Приглядываюсь к офицерам. Мало культурности во всем. Начать с одежды – произвол, особенная любовь увлекаться иностран-

ными покроями и штиблетами – отсутствие, даже в этом, национализма. На слово – невоздержанность, отсутствие желания быть при иностранцах корректными, сдержанными, корпоративными.

27 июня. Тумана нет, но и солнце закрыто. Все еще холодно. Сегодня ночью будем проходить между островами Исландия и Ферро – одно из наиболее опасных для нас мест.

Приказал после заутрени всем надеть нагрудники.

Сегодня, после завтрака, в салоне Померанцев играл на фортепиано. Богатая музыкальная память. Тербеев (Тарбеев – А.П.) пел – оказался недурной голос.

Уже к обеду начал стучаться туман; все ближе и ближе. К 10 ч. вечера мы оказались в молоке. Пришлось начать пересвистыванье, которое нам невыгодно, т.к. мы проходим между датскими островами, где могут таиться германские подводные лодки. Кроме того, в сузившемся проходе, можно легко, в таком тумане, наткнуться на другое судно. Все люди надели нагрудники. Флаг-капитан на всю ночь залез на капитанскую рубку. Я дал ему мои галоши, дабы он в своих тонких штиблетах не простудился. Он оберегает нас во всю, стараясь предпринять все, что можно, чтобы наиболее обеспечить нас с морской стороны. Спасибо ему.

Я могу лишь горячо молиться за наше благополучное путешествие, т.к. совершенно лишен возможности чем-либо оградить вверенные части от опасности. Мы всецело в руках воли Всевышнего.

Только в настоящем положении сознаешь, насколько судьба людей, событий – всего на нашей слабой планете – зависит от Высшей Воли Провидения, как бы кто ее ни считал и не называл. Но чувствуется она здесь, в настоящей обстановке безволия, с поразительной ясностью и отчетливостью. Не верить в существование этой Высшей Воли – нельзя. Ведь сейчас каждое мгновение будущего может носить в себе для нас конец жизни, и мгновения, проходящие благополучно, являются исключительно благословенными Высшей Волей, а ни в коем случае не нашей.

Господь да покроет нас своим покровом и охранит.

Сейчас для нас создалась новая опасность: получена телеграмма агентская, что германская подводная лодка в 1 000 тонн прошла в Америку вчера. Если она не разоружится, то сегодня должна выйти обратно, и через 7 дней она будет у берегов Европы. В это же время мы будем резать ее курс с севера на юг, вдоль европейского берега. Встреча вполне возможна и едва ли для нас благополучно кончится. Впрочем, как писал выше, все в руках Господа Бога.

28 июня. Ночь прошла благополучно. С утра все еще был туман, но к 12 ч. дня он постепенно разошелся и открыл горизонт. Солнца нет; температура несколько теплее; пройдя меридиан островов, мы изменили курс и теперь идем почти на юг, огибая с запада Англию, миль в 200 от ее берега.

Из Ледовитого океана перешли в Атлантический; оригинально, что изменился и цвет воды – из темно-зеленого почти в синий.

К 6 час. на горизонте показалось судно; снова беспокойное напряженное внимание – пока не выяснилось, что судно коммерческое и, по-видимому, держало курс из Америки в Архангельск.

Сегодня была всенощная, по случаю завтрашнего церковного праздника.

Наконец, сегодня, наступила первая, сравнительно теплая, ночь.

На нашем пароходе задраены все окна и иллюминаторы, но беспечность англичан-коммерсантов и здесь высказалась реально: они засветили все свои огни. Пришлось им просигнализировать и заставить их потушить огни.

Еще и еще раз глубоко возмущаюсь действиями союзников, которые до сих пор не высылают нам никакой охраны. Англичане хотя бы показать, что они вполне властелины морей и союзникам по морям можно плавать без всякой охраны. Однако с подлодками (стр. 6) германцев они ничего не могут поделать, и, захотевшая пройти, прошла бы в Америку. А что же гарантирует нас от таких же лодок. Только эскорт из крейсера и миноносцев мог бы обеспечить наше спокойствие; а сейчас плывем, исключительно охраняемые Господом Богом и больше никем.

Если Бог даст дойти до Бреста, то настойчиво буду протестовать против такого отношения союзников к нам.

29 июня. Сегодня день Петра и Павла. Утром была служба, а за завтраком и за обедом именинники угощали шампанским.

День прошел без тумана, но часов с 3-х дня начало качать, правда, не особенно сильно, но для нас это была первая качка. Людей укачало порядочно; были больные и среди офицеров. На вечерней заре присутствовало не более половины.

Сегодня идем с совершенно потушенными огнями. Ночь обещает быть темной, и это единственно, что мы можем сделать, чтобы не выдать себя, т.к. охраны по-прежнему нет.

Через 4 дня мы должны быть, при счастье, в Бресте. Если так будет, то в общем весь путь составит 15 дней. Надо признать, что несмотря на все удобства, путь тяжел по нравственному напряже-

нию – 15 дней в руках судьбы, случая и, главное, Провидения. Нельзя так испытывать судьбу.

30 июня. Море более спокойно. Тумана нет. В течении дня видели только один пароход, шедший из Англии в Америку, и одно парусное рыбацье судно.

1-го июля. Сегодня, по Новому стилю, 14 июля – день национального праздника французов, по случаю взятия народом в 1789 г. Бастилии. По этому поводу за завтраком было подано шампанское, а мы выставили музыку. Капитан произнес тост, я ему отвечал и – очень неудачно.

Море слегка волнуется, но не сильно. Солнца все еще нет и спуск к югу чувствуется слабо.

2-го июля. В 4 ч. 30 м. утра, наконец, нас встретили французские разведочные суда: 2 миноносца и одно судно, специальное против подводных лодок. Наконец, охрана почувствовалась в той мере, как она должна быть. Надо отдать справедливость англичанам, что они большие свиньи.

Пока сопровождавшие нас представители французского флота дают довольно грустное понятие о флоте этой державы.

Миноносец – из типа стоящих у нас в Севастополе на бочках у Графской пристани – показывает вид, что исполняет обязанности разведчика и все время плетет впереди нас, кружево величиной в радиусе в 100° . Фокусники и фигляры – эти г.г. французы.

Два других судна – допотопного типа, которым место в музее, а не в современном флоте.

Но, впрочем, все же лучше это, чем ничего.

Сегодня, когда нас встретили первые вестники французского флота, солдаты мои ожили и повеселели. Этому способствовала и чудная погода, полное спокойствие моря и роскошная, ясная и яркая лунная ночь. Я стоял на верхнем мостике и долго смотрел на Большую Медведицу. Пытался отыскать, но, конечно, опять не нашел. Но красоты, величия картины лунной ночи в океане забыть невозможно, немислимо; она пронизывает все существо великим сознанием величия Великого Творца, а потому изгладиться – не из памяти, а из чувства – никогда не сможет.

Завтра, если Богу будет угодно, мы придем в Брест. Завтра – самый опасный день пути, считая его до Салоник. 14 дней моря, 14 дней ожиданий ежеминутных, независимых от нас, катастрофических положений и 14 дней горячей молитвы Богу и веры в Промысел Его – вот сущность этого прожитого времени.

5-го июля. Ночь прошла благополучно; остается еще дневной путь, и между 7 и 8 ч. вечера мы войдем в Брест.

Море спокойно и величественно. Солнце ярко сверкает; ясно, тихо, как ясно, тихо сейчас у меня на душе.

Сегодня чувствуется праздничный день: все поприоделись, почистились, поднялись духом, и богослужение, совершенное в последний раз на корабле, нашло само – и придало всему и всем – особо величественный, серьезный характер.

На богослужение вышла вся первая рота; почти все Георгиевские кавалеры. И вид их, и общая обстановка создали в моей душе новую величественную картину – картину веры в светлое будущее, на полях брани и жизни.

Как люблю я эту серую массу! Какая в ней чувствуется мощь, сила жизни! Сколько мог бы сотворить великого этот народ, если бы дух и ум его были более просвещены!

Сейчас 2 ч. 45 м. дня. Показался первый маяк, первый вестник земли; до конца пути еще 50 самых опасных миль, но все же у всех вырвался радостный клич. Приказал всем людям надеть спасательные нагрудники и быть наверху, а не в трюмах. Если какая-нибудь мина или подводная лодка и пустит нас на дно, то все же шансы, что не менее 500 людей будет спасено. Сейчас нас сопровождают уже 6 французских судов охраны, но тем не менее береженого и Бог бережет, а поэтому предосторожности не лишни.

В 6 ч. вечера мы вошли на рейд Бреста и бросили якорь. Таким образом – путь кончился благополучно.

Завтра, в 7 ч. утра, мы выгружаемся и вступаем во Францию, будут торжества, парады, чествования и т.п. Послезавтра вечером, по железной дороге, выезжаем в Марсель, где придется пробыть недели две, а затем – далее.

В 7 ч. 30 м. вечера на пароход прибыли, для приветствования нас, адмирал – губернатор крепости, его начальник штаба, флаг-капитан, офицер, назначенный состоять при мне, и русский консул. Все прошло очень мило и трогательно.

Завтра нас чествуют войска гарнизона завтраком, а послезавтра я устраиваю городу парад своих войск и благодарственный молебен.

Сейчас уже второй час ночи, а вставать надо в 5 ч. утра.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 51

22 июля/4 августа 1916 года

г. Салоники

Во все воскресные и праздничные дни, в дни ротных и командных праздников, после удачных стрельб и смотров, а также после наиболее тяжелых занятий, по усмотрению командира полка, разрешаю выдавать нижним чинам за обедом или ужином красное вино в размере по стакану на человека.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 57.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 56

28 июля/10 августа 1916 года

г. Салоники

п. 1. Присутствуя на стрельбе, заметил:

1) Многие стрелки при выстреле сильно дергают за спуск, понижая этим меткость винтовки. Приказываю, чтобы все младшие офицеры и унтер-офицеры ежедневно при занятиях прикладкой проверяли правильность спуска; только ежедневным и настойчивым упражнением можно устранить этот недостаток.

2) Была излишняя торопливость при стрельбе смен; после команды «Начинай» стрелки немедленно же открывали огонь и слишком быстро выпускали все пули, что опять-таки отражалось на результате стрельбы...

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 60.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 58

30 июля/12 августа 1916 года

г. Салоники

п. 1. 1-му батальону 3-го Особого пехотного полка быть готовым через неделю к выступлению.

Батальон поротно будет направлен на различные участки расположения французских и сербских войск, имея задачей: 1) разведку неприятельского расположения на определенном участке и 2) ознакомление с несением французскими и сербскими войсками траншейной, сторожевой и разведывательной служб.

Время выполнения задачи будет ограниченное, после чего роты возвратятся в лагерь.

В 3-й и 4-ой ротах задачи выполнять под руководством ротных командиров, работой 1-й и 2-й рот руководить подполковнику Люби, которому и находиться при этих ротах.

Распределение участков между ротами будет сообщено дополнительно; находящиеся на участках будут состоять в распоряжении соответствующих начальников французских и сербских войск, от которых будут получать необходимые указания.

Батальону выступить, имея в ротах по 90 рядов при полном числе офицеров и унтер-офицеров; нижние чины в полном походном снаряжении с палатками; на каждого человека иметь по 250 боевых патронов, из которых 120 на людях, остальные – в вьюках; в ротах иметь флаги для сигнализации.

Офицерам иметь бинокли, карты, компасы и полевые книжки.

Для варки пищи каждой роте взять походную кухню. Людям иметь на себе продовольствие по числу дней, согласно русской даче; продукты будут отпускаться французскими или сербскими войсками; на случай необходимости покупки продуктов роты снабдить авансом.

Каждой роте иметь при себе для перевозки необходимого имущества (вещи офицеров, продовольствие, патроны) положенное число мулов с вьюками.

Время и порядок отправления, а также подробные указания будут сообщены дополнительно.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 62.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 60

1 августа 1916 года

30-го сего июля бригадный врач доложил мне, что пища во всех ротках 1-го и 3-го батальонов 3-го Особого пехотного полка, хотя и очень вкусная и наваристая, но совершенно без остроты и зелени, которые при здешнем климате крайне необходимы, во избежание появления цинги и куриной слепоты. Я приказал бригадному Интенданту утром 31-го июля произвести фактическую проверку продуктов, закладываемых в котлы для приготовления пищи, причем выяснилось, что в 3-м Особом полку ежедневный рацион продуктов для приготовления пищи совершенно не отвечает по своему составу рациону, указанному моим приказом за № 49.

Не допускаю объяснений этого упущения отсутствием налицо заведующего хозяйством: ни при каких условиях жизни и деятельности полка не может быть случая, чтобы нарушались основы из-за отсутствия одного должностного лица. Соответственная организация в данном положении не есть предмет моих указаний; она слишком для сего азбучна, это дело командира полка и его штаба.

Но я считаю нужным указать, что и само установление и устранение всяких неправильностей во внутренней жизни полка есть, прежде всего, тоже дело полка, и о таковых нарушениях я должен, прежде всего, узнавать от командира полка или дежурного офицера по полку, а не ожидать по сему докладов лиц высших специальных управлений бригады, которые не могут во всех деталях и частностях касаться хозяйственной, санитарной и прочих отраслей жизни и деятельности полка.

Сейчас времени, чтобы заняться внутренней жизнью полка, вполне достаточно как у ротных командиров, так и у всех чинов штаба полка: строевые занятия кончаются рано, и надо пользоваться всем настоящим свободным временем, чтобы наладить внутреннюю жизнь вновь сформированной части и поставить ее здесь на должную высоту, несмотря на все встречаемые трудности.

В этом отношении я требую работы от всех офицеров части, и достижение успеха вижу в дружной, тесной работе всех, не ссылаясь на то, что такая-то отрасль того-то, а такая того-то.

Проверить и знать, что положено в ротный котел – есть, прежде всего, обязанность ротного командира и его младших офицеров,

а вовсе не какого-либо специального должностного лица, и если в этом отношении замечаются упущения, то ротный командир должен и довести о сем до сведения командира части.

Ныне же мне приходится удостоверять, что рацион в полку не полон, мне приходится сообщать о пьяных солдатах, замеченных в городе, мне приходится давать указания о дезинфекции в полку палаток, одежды и белья в нужных случаях и касаться подобных мелочей – обязанностей полка. Я не хотел бы такого явления в будущем.

Я не хотел бы подписать аналогичный приказ второй раз.

Отмеченные упущения устранить немедленно.

генерал-майор

ДИТЕРИХС

(по Управлению бригадного интенданта).

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Лл. 66–66 об.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 70

9/22 августа 1916 года

г. Салоники

п. 1. В целях улучшения вкуса кипяченой воды для питья нижних чинов, приказываю добавлять к этой воде красного вина.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 76.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
(Франко-Русская дивизия)
№ 127

11/24 октября 1916 года

Действующая армия

п. 1. 10/23 сего октября 2-й бис Маршевый полк зуавов (французской армии) выбыл из состава вверенной мне бригады по новому назначению.

В течение трехнедельного своего пребывания в рядах бригады своим мужеством и отвагой, под начальством доблестных командиров, убитого в бою подполковника Дшизель и ныне командующего полком подполковника Лафит, полк высоко поддерживал славное имя зуавов.

Плечо к плечу с русскими полками, сражаясь против общего врага, зуавы тем теснее закрепили узы, связывающие союзные Французскую и Русскую армии, и эта связь навсегда запечатлелась кровью, которую в один день и час, в одном и том же месте пролили убитый вражеским снарядом командир зуавов подполковник Дешизель и убитые и раненые офицеры 4-го Особого пехотного полка.

Сердечно благодарю зуавов от лица службы за их самоотверженную работу и желаю им от всей души новых и новых успехов.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп.1. Д. 24. Л. 151.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
(Франко-Русская дивизия)
№ 129

14/27 октября 1916 года

Действующая армия

п. 1. Главнокомандующий союзными войсками на Восточном фронте в приказе № 10 6/19 октября объявил:

«3-й Особый пехотный полк с 27 августа (9 сентября) по 13/26 сентября 1916 года на высотах, достигавших нередко 2 тысяч метров, выполнил выдающееся наступательное движение против болгар, причем последовательно сбил их с гор Синжака, Сепрец и Нерейской Планины, захватил решительным и могучим усилием, не взирая на чувствительные потери, линию укрепленных высот противника к северу от Арменско и тем самым способствовал в значительной степени взятию Флорины».

/Подписал/

Сарайль.

На основании приведенного приказа 3-й Особый пехотный полк получает на знамя Французский военный крест.

Сердечно поздравляю славный 3-й полк с высоким отличием, которое полк заслужил своею доблестью и своею кровью. Уверен, что со своим боевым знаменем полк совершит новые блестящие подвиги и покроет себя новой славой. Еще раз искренно благодарю от лица службы за лихую работу командира полка, всех господ офицеров и классных чинов, а молодцам нижним чином объявляю мое душевное спасибо.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 153.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
(Франко-Русская дивизия)
№ 137

24 октября/6 ноября 1916 года

Действующая армия

п. 1. До моего сведения постоянно доходят жалобы жителей деревень, преимущественно расположенных в тыловом районе (Като-Каторы, Неволани, Арменохо и др.), на насилия, совершаемые нижними чинами частей вверенной мне бригады.

Крайне прискорбно отмечать факты, которые вызывают эти жалобы. Русский солдат здесь, на чужбине, среди иностранных войск, должен особенно быть осторожен и своим поведением, безукоризненно честным и благородным, служить примером для всех других, и русское имя ни в чем и ни в малейшей степени не должно быть запятнано.

За все преступные действия и нарушения изданных правил и распоряжений местные жители ответственны перед строгим военным судом в установленном порядке.

Точно так же закон карает самым строгим образом воинских чинов за всякое насилие и другие преступные деяния.

Личная расправа недопустима ни в коем случае.

Подтверждаю командирам полков, что мною строжайше запрещено отпускать отдельных нижних чинов из района своих частей. Посылать в деревни и пр. нижних чинов не иначе, как командами, назначая надежного старшего. Ротным командирам и начальникам команд вести строгий учет таким нарядам и иметь самое близкое

наблюдение за своими подчиненными. Ни в коем случае нельзя ничего брать у местных жителей; за всякие же реквизируемые продукты, на основании письменных распоряжений начальствующих лиц, обязательно платить наличными деньгами, согласно существующим ценам.

Исполнение настоящего приказа ставлю под особую ответственность начальников, с которых буду взыскивать строжайшим образом.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 165.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
(Франко-Русская дивизия)
№ 139

26 октября/8 ноября 1916 года

Действующая армия

п. 1. На основании Высочайше предоставленной мне власти, в изменение, вследствие представления неправильных сведений, приказа моего 15/28 сего октября № 130, нижепоименованных нижних чинов за оказанные ими подвиги награждаю Георгиевскими медалями 3-й степени вместо 4-й, которыми они были награждены приказом по Московскому военному округу сего года № 821:

3-го Особого пехотного полка

9-й роты	Младший унтер-офицер	Иван Суханов	№ 167855,
11-й роты	Старший унтер-офицер	Никанор Клабуков	№ 167858,
11-й роты	Младший унтер-офицер	Иван Медведев	№ 167859,
11-й роты	Рядовой	Павел Жуков	№ 167860.

СПРАВКА: Записка командира 3-го Особого пехотного полка № 26, 25 октября 1916 года...

п. 3. Довольно часто попадают нижние чины, одетые не по форме, как среди строевых, так и особенно среди несущих нестроевые обязанности и в частях бригады. Нижние чины нередко одевают, например, разные французские и другие куртки сверх своих фор-

менных рубах и, таким образом, с французскими колпаками на голове, совершенно не имеют не только вида русского солдата, но и вообще воинского вида.

Такое положение совершенно недопустимо.

Русский солдат всегда и всюду должен быть русским солдатом, и здесь, среди иностранцев, более, чем где-нибудь и когда-нибудь, на что я неоднократно уже указывал.

Приказываю, чтобы нижние чины всех частей бригады всегда были одеты в установленную форму, какая выдана и положена, обязательно с погонами.

Командирам полков и рот и начальникам команд всех частей бригады вменяю в обязанность строго следить за обмундированием нижних чинов и не допускать отступлений от установленной формы одежды. Приказываю немедленно изъять у нижних чинов всю неформенную одежду.

Части снабжены обмундированием в достаточной мере, в случае же недостатка, командиры частей обязаны своевременно входить с представлениями о соответствующих заготовках. Все нижние чины должны быть всегда одеты по форме, вполне исправно должны сами бережливо относиться к выданной им одежде, чинить и чистить ее, отнюдь не одевая неположенного платья.

Предупреждаю, что со всякого нижнего чина, замеченного в неформенной одежде, буду взыскивать строжайшим образом, а также налагать взыскания и на начальствующих лиц.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 167–167 об.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
(Франко-Русская дивизия)
№ 146

3/16 ноября 1916 года

Действующая армия

п. 1. Объявляю копию приказа по военному ведомству за № 454 от 12 августа 1916 года:

«Государь Император в 1-й день августа 1916 года Высочайше повелел соизволить установить для всех особых пехотных полков

однообразную форму обмундирования по образцу походной формы армейской пехоты, но с особыми ниже перечисленными отличиями:

а) покрой и цвет походных мундиров, рубах, шаровар, шинелей и фуражек – как в прочих пехотных полках, на походных мундирах задних карманных клапанов не полагается;

б) погоны – алые с белой выпушкой, галун у офицеров – золотой, шифровка римскими цифрам: в полках – номер полка по цвету прибора, в управлениях бригад и маршевых батальонах – номер бригады цвета противоположного прибору;

в) клапаны на воротниках шинелей – синие с белой выпушкой.

Примечание 1. Офицерам разрешается ношение вне строя темно-зеленых шаровар с алой выпушкой, темно-зеленых фуражек с синим околышем с алыми вокруг него выпушками и с белой выпушкой по верхнему кругу и обще-офицерских пальто.

Примечание 2. Нижним чинам, кроме алых погон с белой выпушкой, полагаются защитные погоны.

Примечание 3. Одна половина пулеметных команд каждой бригады имеет шифровку 1-го полка бригады, а другая – второго; на обшлагах рубах и шинелей в пулеметных командах полагается малиновая тесьма.

О таковой Высочайшей воле объявляю по Военному Ведомству (по Главному Интендантскому управлению).

Подписал: Военный Министр, генерал от инфантерии Шуваев.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 178.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 153

12/25 ноября 1916 года

Действующая армия

п. 1. Командующий Французской Восточной армией 9/22 ноября сего года отдал следующий приказ армии:

«Генерал Леблуа, Временно Командующий Французской Восточной армией, объявляет приказ армии о нижепоименованных офицерах, по следующим основаниям:

О генералах... Дитерихсе, Командующем Франко-Русской дивизией... за проявленную распорядительность при преследовании противника, благодаря чему после падения Кеналийских позиций пал Монастырь и были предупреждены разрушения, которые подготовил противник в своей ярости после поражения, и за энергию, с которою во время этого преследования они поддерживали мужество и чувство самоотвержения в своих славных войсках, сражавшихся четыре дня в непроходимой местности, в отвратительную погоду и под постоянным огнем артиллерии, расположенной на за-благовременно и умело избранных позициях».

Объявляя о новом отличии, пожалованном мне Командующим Французской армией, рад опять засвидетельствовать, что это отличие является новой высокой и справедливой оценкой доблестной боевой работы моей бригады, и я всей душой благодарю за эту работу от лица службы господ офицеров и объявляю свое сердечное спасибо молодцам нижним чинам.

СПРАВКА: Приказ Французской армии 22 ноября 1916 г. № 19217/П.

п. 2. Объявляю полученную мною 7-го сего ноября от Его Королевского Высочества Наследника Сербского престола Королевича Александра телеграмму в ответ на принесенные мною от лица бригады поздравления по случаю занятия города Монастыря союзными войсками:

«Сердечно благодарю за поздравления, которые Вы принесли мне от лица Вашей геройской бригады, самоотвержение которой содействовало падению Монастыря. Счастлив, что вековое русско-сербское братство вновь запечатлелось в справедливой борьбе за освобождение земли сербской от коварного похитителя. Адъютант Его Величества Короля, Александр».

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Лл. 184–184 об.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 184

27 декабря 1916 года

Действующая армия

п. 1. Объявляю при сем приказ 1-й Сербской армии за № 5881:

«Приказ Коменданта 1-й армии на 25-е декабря с.г. 2-ой Императорско-Русской бригаде в составе 1-й армии:

В сегодняшний, самый дорогой день всего православного христианства, в день рождения величайшего Святителя и Сына Божия нашего Иисуса Христа, в тихой молитве справедливому и Великому Господу Богу, чтобы всемогуще ниспослать нам победу над нашими врагами и чтобы сербы и русские еще более объединились на поле брани, будущий этот великий христианский праздник справляли среди своих милых и дорогих, – поздравляю храбрую и неустранимую 2-ю Императорско-Русскую бригаду с праздником Рождества Христова. Христос се роди. /Подписал/ Комендант армии, Воевода Мишич».

п. 2. Объявляю при сем телеграмму Его Королевского Высочества Принца-Регента Сербского Королевича Александра от 26 декабря сего года:

«Командующему 2-й Особой пехотной бригады, Его Превосходительству генерал-майору Дитерихсу.

От души благодарю Ваше Превосходительство и вверенную Вам бригаду за поздравления и выраженные искренние пожелания по случаю торжественного праздника Рождества Христова.

Соизвольте передать мой привет героям, всегда готовым под Вашим командованием новыми подвигами и пожертвованием послужить великому делу. /Подписал/ Адьютант Его Величества Короля Сербии Александр».

Означенная телеграмма была получена в ответ на посланную мною следующую телеграмму:

«Его Королевскому Высочеству престолонаследнику Сербии Королевичу Александру.

В торжественный день Рождества Христова от лица вверенной мне бригады приношу Вашему Королевскому Высочеству наши поздравления с праздником и прошу принять наши искренние пожелания и готовность под Вашим командованием, бок о бок

с доблестными сербскими войсками, послужить великому славянскому делу».

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 24. Л. 234.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 31

13/26 февраля 1917 года

Действующая армия

п. 1. Приказываю в месте расположения штаба полка резерва учредить бригадную церковь, в коей в течение всего поста совершать ежедневные службы, по очереди, Полковым священником того полка, который находится в резерве или, если порядок службы на передовых позициях будет мною изменен, то по особому моему расписанию.

На церковных службах присутствовать всем желающим, свободным от службы на передовых позициях и в частных резервах на главной позиции.

Обедни и обедницы кончать не позже 9-ти часов утра, вечерни начинать после 7-ми часов вечера.

Полковому священнику, в свободную неделю от указанной выше службы, организовать службы при полковом обозе, дабы отговорить могли, безусловно, все чины бригады.

Для больных и раненых, находящихся в госпиталях в Салониках, буду командировать священников по очереди, во второй половине Великого поста, на четвертой, пятой и шестой неделях.

Поручику Мирскому озаботиться, чтобы все нижние чины бригады, находящиеся в служебных нарядах в г. Салониках, обязательно тоже отговели.

Насколько позволит подвоз, полкам озаботиться заготовкой продуктов для постной пищи в неделю говения и по средам и пятницам остальных недель поста.

п. 2. Имея ввиду, что на занимаемой бригадой передовой позиции, по условиям обстановки, не может производиться довольствие го-

рячей пищей из походных кухонь, приказываю, для практики, два раза в неделю в частях резерва выдавать нижним чинам продукты натурой и заставлять готовить себе пищу в котелках.

Ротным командирам в эти дни удостоверяться в достоинстве пищи у всех людей, организовав в начале, если потребуется, обучение, показ и назначив для сего опытных в варке пищи людей.

О результатах этой пробы командирам полков донести мне к 1-му марта.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Л. 42.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 41

24 февраля/9 марта 1917 года

Действующая армия

п. 1. Из хозяйственных сумм полков ежемесячно передавать в распоряжение Благочинного О. Павла Крахмалева по 100 рублей от каждого полка для выписки брошюр и книг духовно-нравственного содержания. Выписку сумм начать с 1 марта сего года.

п. 2. В дополнение приказа моего от 13/24 февраля с.г. № 31, §1, приказываю списки отговевших офицеров доставить Благочинному.

п. 3. Дабы сохранить на вечные времена имена героев, павших в боях и от болезней на Македонском фронте, и иметь возможность сообщить о смерти на родину, приказываю заготовить небольшие кусочки клеенки, на которых для каждого чина бригады прописать: какой губернии, какого уезда, волости, деревни, какой роты. Номера полков не ставить, а вместо них принять для обозначения 3-го Особого пехотного полка одну букву «Н», а для 4-го Особого пехотного полка – букву «А». Писать «полка Н» или «полка А» не следует, а только ставить одну букву.

Эти кусочки клеенки свернуть и носить каждому чину на тельном кресте.

п. 4. Приказываю заготовить в хозяйственных частях полков из валяющихся повсюду медных неприятельских гильз небольшие пластинки. При погребении умерших вырезать надписи на этих пластинках и прикреплять к крестам. Писание надписей чернилами — непрочное и от времени пропадает.

п. 5. На страстной неделе приказываю произвести по всей бригаде сбор для ознакомления впоследствии, по возвращении в Россию, памяти погибших воинов бригады.

п. 6. Для церковной службы на седьмой неделе приказываю собрать вновь хор певчих 3-го Особого полка из чинов, составлявших его при прибытии полка на Македонский фронт, и впоследствии хора уже не распускать, а употреблять в качестве полковых санитаров.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Л. 55.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 42

24 февраля/9 марта 1917 года

Действующая армия

п. 1. Приказываю объявить всем нижним чинам, что в гор. Салониках открыта Сербская правительственная контора по переводу денег в Россию. Нижние чины получают здесь денег очень много и совсем зря их тратят, тогда как на родине деньги очень пригодились бы, да и самому нижнему чину будет хорошо найти по возвращении у себя дома избыток.

Полкам озаботиться организацией перевода нижних чинов на родину через посредство указанной Сербской конторы.

п. 2. В России военным ведомством организован сбор сведений о всех нижних чинах, отличившихся на полях брани.

В сведения помещается: кто, какой губернии, уезда, волости, села, какой совершил подвиг, чем награжден.

Приказываю полкам составить такие списки и послать их по адресу, который может быть указан Благодичным О. Павлом Крахмалевым...

п. 3. Священник 3-го Особого пехотного полка Протоирей О. Павел Крахмалев, назначенный Благодичным Особых полков Салоникского фронта, вступил в исправление обязанностей последней должности 22 февраля 1917 года.

СПРАВКА: Рапорт Протоирея Крахмалева 22 февраля 1917 г. № 8 и §3 приказа 2-ой Особой пехотной бригаде с.г. № 33.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Л. 56.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 46

3/16 марта 1917 года

Действующая армия

По распоряжению Высшего Начальства сербская артиллерия снимается с моего участка и уходит по новому назначению.

Я не могу выразить того глубокого сожаления, с которым мы – 2-я Особая русская бригада – расстается с вами, дорогие братья-сербы. Мы сжились и сплотились с вами в совместной работе так тесно, так органически цельно, как только могли бы со своей русской артиллерией.

Душевное, искреннее, братское спасибо вам, сербские артиллеристы, за боевую поддержку на кровавом поле битвы. Эти узы не забываются, они раз и навсегда связывают людей.

Я восторгался вашим искусством как артиллеристов; мы все преклонялись перед вашей доблестью, мужеством, самопожертвованием, неутомимостью. Под вашим покровом русский пехотный солдат спокойно стоял на своих позициях, смело шел вперед, когда надо было, зная, что сербский артиллерист всегда на посту, всегда бдителен, всегда поддержит, защитит и прикроет в нужную минуту, вовремя и искусно.

Слава вам, доблестные сербские артиллеристы, а с вами – слава и всему сербскому воинству.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Л. 61.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде
№ 51

12/25 марта 1917 года

Действующая армия

п. 1. Всем чинам вверенной мне 2-й Особой пехотной бригады объявляю:

1) Государю Императору Николаю II благоугодно было отречься от престола, объявив о сем народу нижеследующий

«ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

Божией Милостью Мы, Николай II, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочие, и прочие, и прочие

Возвещаем всем нашим верноподданным:

В дни великой борьбы против внешнего врага, стремящегося в течение трех лет поработить нашу родину, Богу угодно ниспослать России новое тяжкое испытание. Внутренние волнения грозят отразиться роковым образом на дальнейшем ходе упорной войны. Судьбы России, честь нашей геройской армии, благоденствие народа, вся будущность нашей дорогой родины требуют ведения войны ценою всех жертв до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние усилия, и близок час, когда наша доблестная армия в единении с нашими славными союзниками окончательно сокрушит врага.

В эти решающие дни в жизни России Мы сочли долгом Нашей совести облегчить Нашему народу тесное объединение и устройство всех его сил для достижения скорой победы, и посему в согласии с Государственной Думой признали за благо отречься от венца Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть.

Не желая расставаться с Нашим возлюбленным Сыном, передаем наследование Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу, благословляя Его на восшествие на престол Государства Российского.

Завещаем Брату Нашему править в полном единении с народными представителями, заседающими в законодательных учреждениях, и принести в том нерушимую присягу во имя возлюбленного Отечества.

Призываем всех верных сынов Отечества исполнить их священный долг перед Родиной повиновением Царю в тяжкую минуту народных испытаний и помочь Ему, совместно с народными представителями, вести Государство Российское по пути процветания и славы.

Бог да поможет России.

Николай».

2) Предварительно объявления сего манифеста Государь Император назначил Верховным Главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича.

3) В свою очередь Великий Князь Михаил Александрович обратился к русскому народу со следующим:

«Обращение к народу

Великого Князя Михаила Александровича

Тяжелая задача возложена на Меня волею Брата Моего, передавшего мне Царский престол в годину небывалой войны и народных волнений. Одушевленный одним со всем народом помышлением, что благо Родины выше всего, Я принял твердое решение воспринять Верховную власть в том только случае, если такова будет воля Нашего Великого народа, который всенародным голосованием должен через своих представителей в Учредительном Собрании установить форму правления и новые Основные Законы Государства Российского.

А посему, призывая благословение Божие, Я прошу всех граждан России подчиниться Временному Правительству, образованному по почину Государственной Думы и облеченному всей полнотой власти, доколе Учредительное Собрание, избранное в возможно короткий срок, на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, свободным решением относительно формы правления не выскажет воли народа».

4) Временное Правительство образовали несколько членов Государственной Думы под Председательством Председателя Государственной Думы Родзянко. Председателем Совета Министров назначен князь Львов, бывший Председателем Всероссийского Земского Союза.

5) Верховный Главнокомандующий признал Временное Правительство.

п. 2. Воины вверенной мне дорогой 2-й Особой пехотной бригады.

Прежде всего, осени себя крестным знаменем, и каждый в своем сердце, горячо помолись Богу: «Боже Милостивый, Боже Всевидящий, даруй Нашему Верховному Главнокомандующему

Великому Князю Николаю Николаевичу победу и одоление над супостатом, а народу нашему, укрепив в вере в Тебя, даруй мудрость, спокойствие и единение, да выйти на верные пути истинного блага и величия дорогой Родине».

Вы же, мои доблестные молодцы офицеры и солдаты 2-й Особой пехотной бригады, должны проникнуться еще большим сознанием в необходимости полной победы над нашим врагом во что бы то ни стало.

Мы должны победой вознаградить нашу Родину за все те жертвы, которые она принесла в эти тяжелые дни войны.

Мы должны победой обеспечить нашему народу, нашим семьям, детям и внукам дальнейшую спокойную жизнь на многие годы.

Мы все много претерпели за эти годы; много наших братьев уже легло смертью славной за правое дело, за целостность и жизнь своих ближних. Много вашей крови пролилось в борьбе с искусным, хитрым, сильным врагом. Но надо еще больше претерпеть, надо еще больше развить силы, воли и единения, чтобы достигнуть желанной победы, желанного конца, желанного возвращения на родину.

Помни, славный, верный воин, что только «претерпевший до конца – спасен будет».

Приказ этот прочесть во всех ротах и командах.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Лл. 66–66 об.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 87

27 апреля/10 мая 1917 года

Действующая армия

Доблестные офицеры и солдаты 3-го и 4-го Особых пехотных полков.

Вчерашний день, 26 апреля, создал вам навеки нерушимую славу героев нашей родной отчизны. Во имя нее здесь, на далекой чужбине, вы беспримерной отвагой, лихостью, кровью и смертью совершили подвиг честного русского воина, подвиг боевого товарищества по отношению к союзным России нациям. Все союзники

вчера восхищались вами; со всех сторон я только и слышал возгласы: «Только русские смогли преодолеть преграды и ворваться в ряды немцев».

Воины. Не мне благодарить вас за доблестный подвиг, вами будет гордиться Россия, и в далекие концы Матушки Родины долетит завтра молва о вас, о доблестно выполненных вами присяге и долге.

Я же, по предоставленной мне власти, могу лишь сейчас же отметить подвиги всех героев солдат награждением их Георгиевскими знаками отличия, почему приказываю представить мне срочно списки героев с отметками об их подвигах, включив и всех из них, кто ранен и эвакуирован.

Полковым командирам представить к наградам офицеров.

Полковым священникам отслужить торжественные панихиды по павшим смертью храбрых нашим товарищам – офицерам и солдатам.

Приказ этот прочесть во всех ротах и командах.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Л. 110.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 95

5/18 мая 1917 года

Действующая армия

Воины вверенной мне бригады.

Вчера в приказе моем 4-го мая, вы все услышали слово, обращенное ко всем нам Военным Министром Гучковым, членом нашего нового Временного Правительства.

Это первый привет и первое наставление, полученное нами здесь, на далекой чужбине, от родной нам, но отныне новой, навсегда свободной России.

Нас не забыли там, нас помнят, о нас думают и нам высказывают уверенность, что мы выполним свой долг здесь, на чужбине, и совместно с союзниками, помогая им, доведем войну до победы, которая только одна способна обеспечить нашу родину Россию от

возвращения прежнего гнета, прежнего рабства, прежней темноты народа.

В настоящее время почти весь мир разделился на два лагеря: с одной стороны, мы и наши союзники и примкнувшая к нам в последнее время Америка, боремся за то, чтобы обеспечить каждому Государству свободную жизнь, не под гнетом какой-либо другой страны, а в каждом Государстве обеспечить свободу развития, равенства и равноправия каждого отдельного жителя этой страны.

С другой стороны, все немецкие народы Европы и примкнувшие к ним турки и болгары стремятся достигнуть ограничения в свободном развитии каждого народа, дабы сохранить, по возможности, существовавший характер управления на прежних основаниях, чтобы оставить за собой покоренные ими во время войны Государства и части захваченных земель у других Государств, в том числе, и у нас, в России.

Новый порядок в России – ныне установившийся, и если нам поможет Бог его отстоять, в крупных чертах даст гражданам России:

- 1) Участвовать народу через своих выборных в управлении всей страной.
- 2) Рабочему – доставить справедливые отношения с владельцем; правильно установленное время работы и правильную плату за работу.
- 3) Земледельцу – справедливое пользование землей при работе на ней и правильный доход со своей работы.
- 4) Каждому остальному гражданину – справедливую оценку и плату за его труд, в чем бы он ни выразался.
- 5) Каждый гражданин получит возможность учиться и развивать себя, как он захочет, почему для каждого будет возможность, по способностям, достигнуть положения, к которому прежде допускались очень немногие.

Вот смысл той свободы, которой ныне добилась Россия и которую надо отстоять победой.

Почему для этого нужна победа над немцами? Вот вопрос, который ныне стал смущать некоторых.

Да очень просто.

Без победы над ними, немцы не согласятся освободить занятые ими Бельгию, Сербию, Польшу и часть земель во Франции, России и Румынии, и, что еще важно, не согласятся искренно отказаться

в будущем не начинать опять такой же ужасной войны, как та, которую мы ведем сейчас.

Да, кроме того, немцы всей войной доказали, что их словам, обещаниям верить нельзя: они хитры и сильны, и сделавшись сегодня ягненком, на завтра снова станут волками.

Только свергнув их теперешнее правительство, добившись у народа сознания, что каждое Государство имеет право на свободную, самостоятельную жизнь, можно будет быть более уверенными, что война через несколько лет не начнется опять.

А достигнуть этого можно только победой.

Некоторые люди, правда, в очень малом числе, думают, что сейчас Россия могла бы заключить с Германией отдельный договор и спокойно начать развивать свою новую свободную жизнь. Думают они так потому, что часть из них просто устала от тяжелой войны, а часть – просто потому, что хочет видеть немцев лучше, чем они есть.

Те, которые говорят за отдельный мир только потому, что устали, те – просто слабые люди, трусы и люди такие, которым совершенно все равно, что будет с русским народом в будущем, только бы сохранить свою рубашку. Этим одно название – изменники свободной, независимой России. Те же, которые хотят верить в немцев больше, чем они того заслуживают – для тех ответ ясный: почему же до сих пор, если немцы способны на хорошее, они не начали очищать занятых ими чужих земель и Государств и не говорят даже открыто об этом, а прибегают только к подброске прокламаций и подходят к народам с заднего крыльца? Ведь прошло с начала этих разговоров больше 2-х месяцев, а они и не думают давать свободы захваченным силою народам и очищать их землю. Наоборот, мы воочию убедились, как крепко они держат каждую пять захваченной земли, жертвуя для этого десятками и сотнями людей. Значит, не того они хотят.

Да, наконец, русский воин, разве мы можем пойти на отдельный мир, разве мы можем изменить своим союзникам, разве можем заклеить себя навеки вечные позором перед теми, кто примкнул к нам, кто за нас же положил сотни тысяч своих сыновей, кто снабжал нас снарядами, пушками, ружьями, кто, как и мы, измучился, разорился в этой величайшей, небывалой борьбе за свободу народов?

Можете ли вы, воины 2-ой Особой пехотной бригады, видевшие рядом с собой эти несчастные, истрадавшиеся остатки Серб-

ского народа, поверить, что немец способен на хорошие чувства, что немцу можно верить?

Уверен, что нет.

Я вам скажу, что было, если бы довериться уговорам людей на отдельный мир: Германия, освободив свои силы с русского фронта, перебросила бы их на запад, разгромила бы Францию, Англию и Италию, и мы не успели бы еще вернуться на родину, как застали бы там погром России Германией, и, конечно, те наши теперешние союзники не могли бы нам помочь, как помогли в 1914 году.

А с этим погромом – прощай свободная Россия, прощай все надежды на лучшее будущее, все то, чего достиг народ русский трехлетними потоками крови, жертв и напряжения.

Как и мы все, устала и Германия, и устала, наверное, даже больше нас, так как, хотя ее искусство бороться и велико, но народа и хлеба все же меньше. И верится, что час победы уже не так далек, как это кажется.

И вот немцы бросаются на все средства: сулят золотые горы, сеют среди наших войск прокламации разного содержания, чтобы вызвать волнения в рядах и тем ослабить силу части, собирают какие-то комитеты в нейтральных странах, где рассуждают о мирных условиях с нами в отдельности, примазали даже своих агентов-provокаторов к этим немногим нашим людям, которые ратуют за отдельный мир, как раньше примазали своих агентов к членам нашего бывшего правительства, и что создало в России во время войны то, что называлось всеми «темные силы». Словом, немцы пустили в ход все средства, чтобы правдой или неправдой, но добиться отдельного мира с кем-либо из союзников в отдельности и разбить нас по частям.

Не поддавайтесь, воины, голосу искуителей. Будьте тверды, верны в стремлении отстоять свою так дорого давшуюся свободу. Пример воинов свободных народов-союзников – рядом с вами. Посчитайте ряды в союзных, соседних ротах; посмотрите, как они стали слабы. А ведь вышли на войну полными, как и мы. И все это полегло в борьбе за ту же свободу в братском, честном бою, бок о бок с нами.

Помните, что сила войска – в единении всех людей, его составляющих, каких бы убеждений каждый бы ни был бы и к какому бы чину ни принадлежал. Помните, что мы все, от солдата до меня – старшего вашего начальника – здесь равноправные теперь граждане нашей новой, свободной России. Только в силу обстоятельств

именно я теперь остаюсь вашим начальником, а офицеры бригады, честно работавшие с вами в минувших боях, остаются вашими офицерами. Всего сразу не испечешь, как блин, и офицеров, и начальников сразу не создашь, да еще в военное время. Конечно, и от старого положения трудно сразу отвыкнуть и посмотреть друг на друга другими глазами, чем смотрели раньше, и говорить друг другу другими словами, чем говорили до сих пор.

Но пусть каждый стремится к работе на благо нашей дорогой свободной родине, стремится быть правдивым в глазах друг друга, и Бог поможет нам закрепить наше новое положение, как поможет одолеть нашего общего, сильного врага.

Слава всей великой русской армии, слава свободной России.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Лл. 122–123.

ПРИКАЗ

по 2-й Особой пехотной бригаде

№ 115

22 мая/4 июня 1917 года

Действующая армия

23-го сего мая, вследствие назначения меня Начальником 2-ой Особой пехотной дивизии, я вступаю в новую должность.

В состав этой дивизии войдете и вы, все мои дорогие сослуживцы по 2-й Особой бригаде, и я не расстанусь с вами, но в канун знаменательного для меня дня не могу не вспомнить славных, дружно проведенных с вами дней боевой жизни на здешнем, Македонском, фронте, и принести вам всем искреннюю признательность и благодарность за рвение, мужество и доблесть, которые были проявлены вами при выполнении возлагавшихся мною на вас работ и боевых задач.

С полным убеждением могу сказать, что вы все честно исполняли свою присягу перед родиной и высоко поддержали звание русских воинов среди союзных нам армий.

Все – командиры полков, Начальники Управлений, офицеры, врачи, чиновники, солдаты строевых частей, обозов, учреждений, штаба – вы все напряженно, самоотверженно работали, стремились

к единой цели быть полезными друг другу, помочь друг другу, облегчить страждущих, облегчить общую трудную задачу в борьбе с врагом, в преодолении местных преград, в сплочении боевой единицы, которую мы здесь составляем. И доблестные представители церкви – отец Крахмалев и отец Мальцев – своим достойным служением вере поддерживали и укрепляли в вас тот высокий дух христианина-воина, который ведет на беззаветное мужество, готовит к подвигу, сплачивает массу и создает внутреннюю силу части и ее готовность умереть во славу родины.

Оглядываясь на проведенные с вами дни, в моей памяти встают навеки для нас нетленные воспоминания о Виче, Бигле, Арменско, Негочанах, Лазеке, Монастыре, Суходоле, высоте 1050, Дабице, Бучкуре. Потом и кровью запечатлелись в памяти эти имена и глубоким сознанием славно исполненного долга при тяжчайших условиях службы и жизни.

Всех событий, всех подвигов не опишешь в приказе – это достояние будущей истории. Но слишком ясно, отчетливо врезались некоторые картины.

Вижу я высоты Биглы и Арменско, где впервые пролилась кровь русских воинов в горах Македонии, в славных дневных и ночных штурмах батальонов 3-го полка. Вижу я долину Монастыря, сначала прегражденную сильной неприятельской позицией, а затем болотами по грудь, и лица славных бойцов всех батальонов обоих полков, сбравшихся впервые кровью в борьбе бок о бок друг с другом и могучими ударами в поле, настойчивым преследованием через болота приковавших к себе силы врага и тем облегчивших работу соседей-союзников – сербов и французов.

Вижу я титаническую борьбу всех батальонов 4-го полка на высоте 1050, где постоянная активность ваша дала вам возможность владеть всем гребнем и удержать его в своих руках, закрыв немцам глаза на то, что делалось у нас в тылу и в соседних участках союзных войск.

Вижу я картину доблестного отстаивания в течение пяти зимних месяцев позиций на Бучкуре и Дабице, в условиях исключительно трудных и тяжелых по положению наших передовых окопов. Ни вечный обстрел, ни попытки противника, ни холод, ни ограниченное довольствие не смогли поколебать вас, бойцы 3-го и 4-го полков, и когда общее положение на всех фронтах и, особенно, на нашем русском фронте потребовало приковать силу противника на месте, вы в самоотверженном порыве, в составе всех батальонов

4-го полка и 1-го и 3-го батальонов 3-го полка бросились на штурм, преодолев огонь сосредоточенной неприятельской артиллерии.

За девять месяцев похода в составе союзных войск здесь, на Македонском фронте, вы исполняли мои приказы честно, добросовестно, как подобает лучшим частям великой русской армии. И дисциплина была не только на фронте, в боях, но и в тылу в Маршевом батальоне, откуда шли к нам пополнения по первому моему зову, когда бы приказ ни получался, даже в канун Светлого Праздника. Вы сознавали все, что без дисциплины не может быть силы, а без силы нельзя бороться с искусным врагом, нельзя его победить, нельзя достигнуть прочного долгого мира.

Ныне, когда вы стали все гражданами нашей дорогой Родины, сознание необходимости силы и дисциплины должно пониматься вами еще более, так как без победы над немцами мы не обеспечим достигнутой нами гражданственности, достигнутых свобод. Нельзя забывать, что свобода дает не только права, но налагает на нас и обязанности в отношении друг к другу, если мы хотим достигнуть чего-нибудь сообща.

И вот, за службу с вами я видел, что вы понимаете это и, веря друг другу, веря мне, работали по моим требованиям не за страх, а за совесть; иногда даже не видя тех результатов, которые достигались. Так, если в первую половину нашего похода для вас всех результаты разных наших боев, движений, трудностей, в конце концов, стали понятны, так как вся работа привела к взятию Монастыря, куда вы вошли первыми, то вторая половина нашего похода и ее результаты, на первый взгляд, кажутся ничем не кончившимися.

Но это только кажется, а для общего положения на всех фронтах наши последние бои имели, пожалуй, даже большее значение, чем результаты первой половины. И выразилось это вот в чем: революция в России, как и вся революция, в начале своей жизни вносит расстройство в страну, пока все население не освоится с новым положением, не поймет новых порядков, не почувствует себя не только вправе делать, что хочет, но и пока сознает, что в определенных случаях есть и очень большие обязанности друг к другу.

Немцы учли это расстройство в России, и к концу марта начали стягивать свои силы, дабы, вероятно, атаковать и разбить нас. И вот тогда-то все наши союзники, сговорившись, захотели помочь России, как она помогла им в начале войны, и решили сами атаковать немцев, оттянуть на себя их резервы и выиграть для России время, необходимое для ее устройства.

Вы читали, как атаковали англичане, французы, итальянцы; участвовали сами в атаках, произведенных генералом Сарайлем на Македонском фронте, и в результате вы видите, что вот уже конец мая, то есть прошло три месяца, и немцам еще не удалось начать каких-либо операций против России.

Да даст Бог, теперь уже новая Россия устроилась и окрепла и сама сейчас сможет дать должный отпор врагу.

И в этой важной для России услуге, вместе с нашими союзниками, участвовали и вы, и самому Богу угодно было так сложить дело, чтобы здесь, на Македонском фронте, наибольшее отличие во время атаки выпало на долю русских войск, на вашу долю.

Вот великий результат ваших трудов, ваших жертв, вы и наши союзники остановили натиск немцев на Россию.

Какая предстоит вам работа в ближайшем будущем – еще не знаю. Но как вы верили мне, офицеры и солдаты 2-й Особой бригады, так я твердо верю в вас, что, где бы то ни было и когда бы то ни было, вы до конца войны верно исполните свой долг перед родиной, совестью и Богом.

От меня же, вашего бывшего прямого командира, примите все самое горячее спасибо за ваше доверие ко мне, которое создало нашу силу, прославил вас перед всеми союзниками как воинов великой русской армии и как сознательных граждан новой, свободной России.

Приказ прочесть во всех ротах и командах и, отпечатав, раздать всем членам бригады.

Командующий бригадой,
генерал-майор

ДИТЕРИХС

ГА РФ. Ф. 6399. Оп. 1. Д. 25. Лл. 154–155.

РУССКИЕ ВОЙСКА ВО ФРАНЦИИ И В МАКЕДОНИИ (Из личных воспоминаний)

ЛАГЕРЬ ЗЕЙТЕНЛИК ГЕНЕРАЛ ДИТЕРИХС

Роль, выпавшая на долю русского командования за границей, была исключительно почетной, но вместе с тем и особенно трудной. Начальники наших особых бригад занимали, в сущности, положение гораздо большее того, с каким нормально связывалась их должность начальников отдельных дивизий. Если не ошибаюсь, они и пользовались правами корпусных командиров, а в том, что касалось наград и, кажется, судов, — правами Командующих армиями. В частности, генерал Лохвицкий во Франции и генерал Дитерихс в Македонии являлись не дипломатами, не военными, посланными для связи со Ставкой Верховного Главнокомандующего — таковыми были во Франции сперва генерал от инфантерии Палицын, а впоследствии при Временном Правительстве генерал Занкевич, — а первыми в Европе представителями действующей русской армии, ее боевых частей, начальниками, ежедневно подвергавшими опасности свою собственную жизнь. За ними был как бы двойной авторитет — офицеров Генерального штаба, то есть специалистов, обладавших всей возможной подготовкой и компетенцией в чисто теоретической области военного искусства, и, вместе с тем, генералов, деливших жизнь своих подчиненных на передовых позициях, находившихся в постоянном соприкосновении с противником, знавших по личному опыту, а не по одним только донесениям и рассказам, фактическое положение вещей на фронте, самую практику войны.

К их словам прислушивались, к их малейшим действиям присматривались, их распоряжения с особым вниманием изучали представители всех связанных с ними штабов и управлений. И вряд ли будет преувеличением утверждать, что не только военные, но и дипломаты союзных и нейтральных государств втайне надеялись почерпнуть в сношениях с нашими генералами те или иные полезные сведения об истинном состоянии русской армии, техническом и моральном, о недостатках наших тыловых организаций, наконец, даже о политическом облике страны, о подлинных настроениях внутренней России. В наших генералах все казалось симптоматическим и подлежащим «интерпретации», хотя держали они себя с большой простотой. Ведь и тогда уже, кроме данных, опубликованных в результате официальных расследований, обо всем, касавшемся России, в России ходили смутные, чтобы не сказать, тревожные слухи. Позволительно думать — да это и откровенно тогда говорилось — что за всеми излияниями по адресу нашего командования и всех нас, как ни были они искренни, скрывались все же и кое-какие расчеты, что дело шло не только о выражении в нашем лице признательности мощной союзнице с целью воодушевления нас самих на предстоящую борьбу, но и о желании знать о нас истину.

Вероятно, на Македонском фронте это должно было чувствоваться больше, нежели на западном. Во Франции наше дипломатическое и высшее представительство было гораздо шире. В Македонии мы были почти единственными русскими. С населением Салоник мы почти не сталкивались, и воевали бок о бок не только с французами, а и с другими союзниками. Наш посланник в Афинах и наш военный агент при нем, генерал Артамонов, были гораздо меньше связаны с главной квартирой Сарайля, тогдашнего Главнокомандующего ближневосточным фронтом, нежели мы, состоявшие в его распоряжении; мы жили совсем «на отлете». Недаром приходилось генералу Дитерихсу обмениваться бесчисленными визитами и приемами и подолгу беседовать то с англичанами, то с итальянцами, то с сербами и чуть ли даже не с греками, не говоря уже о французах. Всем было от него что-нибудь нужно, и во все время, что мы простояли в Салониках, подготавливаясь к выступлению в поход, он неизменно оставался в центре всеобщего внимания. Да иначе и быть не могло по отношению к столь видному представителю великой империи.

Я имею в виду вернуться позднее к характеристике обаятельной личности и деятельности генерала Лохвицкого и других на-

чальников и виднейших офицеров русских бригад на обоих фронтах. Но сперва я хочу рассказать о тех и о том, что я знаю лучше, как офицер 2-ой особой бригады, соблюдая в то же время и хронологическую последовательность в моих воспоминаниях.

В том, что касается генерала Дитерихса, мы единодушно признавали в те дни – да и не мы одни – что во все время своего пребывания на македонском фронте он блестяще справлялся со своей задачей, и как представитель России, и как опытный начальник боевых частей.

Один из немногих, он сохранял свой престиж и даже привязанность солдат, не говоря об офицерах, в самые трудные времена. Человек широко образованный, владеющий несколькими языками, он в тылу держал себя с неизменным тактом и достоинством, а в боях, невзирая ни на какие обстрелы, всегда находился там, где его присутствие было всего ценнее. Мы бывали подчинены и французам, и сербам; с теми и другими он умел установить прекрасные отношения, настойчиво требуя доставки всего, что было необходимо для успеха операций, для облегчения наших нужд и тягот, тщательно продумывая и подготавливая наши действия и вынуждая к тому же всех, с кем имел дело; он знал цену и себе, и другим, но ни за какими эффектами не гонялся, оставался доступным для своих подчиненных и являлся для них образцом терпения, преданности родине и своему делу, уважения к союзникам, стойкости и спокойного мужества во всех обстоятельствах.

Замечу в скобках, что наше пребывание на македонском фронте отнюдь не походило на «прогулку», как многие это думали, а иные продолжают считать и по сей день. Но все же, когда вспоминаешь о нем теперь, как не воскликнуть: какое это было замечательное, неповторимое время!

Возрождение, № 1948, 2 октября 1930 г.

часть третья

**Начало
гражданской
войны.**

**С чехословацкими
союзниками**

Предаст же брат брата на смерть, и отец детей;
и возстанут дети на родителей, и умертвят их.
И будете ненавидимы всеми за имя Мое;
претерпевший же до конца спасется...

Марк, XIII, 12 и 13.

Гражданская война для Дитерихса началась сразу же после его возвращения с Салоникского фронта. Для боевого генерала, несмотря на формальное подчинение Временному Правительству, было очевидно, что дальнейшая «демократизация» армии и тыла, в условиях продолжающейся войны, приведет Россию к катастрофе. Уверенность в необходимости продолжения борьбы с врагами России, сперва с Германией, а затем с советской властью, привела Дитерихса в ряды антибольшевистского сопротивления. Во второй части книги читателям представлены материалы о деятельности М.К. Дитерихса в должности генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего в октябре–ноябре 1917 г., об участии в боях на Дальнем Востоке, в рядах Чехословацкого корпуса летом–осенью 1918 г.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ М.В. АЛЕКСЕЕВА К ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ М.К. ДИТЕРИХСУ

г. Новочеркасск

8 ноября 1917 года (ст. стиль)

Пришлось уходить из Петрограда. В Смоленск нельзя было поехать. Поехал в Новочеркасск, имея ввиду не только найти временный приют, но и начать работу, если только это окажется возможным. Вы, вероятно, знаете, что заключен союзный договор Юго-Восточного Союза. Экземпляр этого договора я Вам прилагаю. Моя мысль, развитая и дополненная некоторыми прибывшими из центра деятелями, такая: юго-восточный угол России – район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, кроме, в известной мере, угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Тереке – хороший урожай. Здесь, если теперь же приложить капитал, энергию, знания, временно оказавшиеся ненужными для центра и севера, можно толкнуть вперед промышленность, удовлетворить потребности не только нуждающегося во всем местного населения, но поделиться с соседними губерниями, не принадлежащими к союзу, создавая тем и для них условия наступления порядка и нормальной жизни. Как от масляной капли, начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности. Такова ближайшая цель экономическая. Цель более отдаленная – дать краю стать на ноги, чтобы, по заключении мира, он оказался способным отбиться от немецкого капитала, промышленной предприимчивости, тевтонского натиска для мирного завоевания. Из этой цитадели должна затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца, при участии капитала англо-американского.

Под покровом силы промышленно-экономической и порядка здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения,

а затем общегосударственного. Это – цель политическая, которая в своем осуществлении не должна быть откладываема далеко. Нужно образовать, однако, силу, на которую эта власть могла бы опереться.

Пользуясь пока некоторым моральным престижем и всеобщим убеждением, что казачьи области имеют достаточную силу не только для обороны, но и для активных предприятий, то есть, пользуясь видимой недосыгаемостью и безопасностью, приступить здесь к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы, вооруженной для будущей активной политики. Элементы имеются: много офицеров, много юнкеров и гардемаринов из разгромленных училищ, не потерявшие честную душу солдаты, наконец, добровольцы. Первоначально – формирование на частные пожертвования, но, по мере готовности – принятое на общий бюджет, ибо благотворительность не может дать всего необходимого.

Вот схема начинающейся работы. Работа пока чуть теплится, так как приток средств скуден, русский человек не хочет рисковать и жертвовать ничем.

Пока я писал эти страницы, сюда дошла пресловутая телеграмма Ленина и Троцкого к Вам, заключающая поручение заключить перемирие. Союзники, конечно, ответят молчанием; противники используют это нелепое сепаратное выступление в своих интересах; наша современная «доблестная» армия может ответить стихийным движением «по домам». Но все это не изменяет, по моему мнению, общей схемы спасения России и ее остатков.

Теперь кратко изложу Вам результат изучения в течение недели общего положения моральных и физических сил казачьего союза. Общая резко выраженная тенденция всех стоящих во главе и влиятельных, виднейших советников: задача союза – внутреннее благоустройство, поддержание порядка и спокойствия, внешние предприятия исключаются; «завоевание» России казакам «не по силам». Крайняя осторожность положена в основу всех решений. Но по части экономической – мысль о необходимости скорейшего крупного займа является более или менее общей. Намечавшаяся пришлыми деятелями осторожная мысль о создании при военно-промышленном комитете комиссии совещательного характера, получила более смелое, а главное, более быстрое осуществление в виде органа правительства – «экономического совещания», которому я склонен придавать большее значение, и не только промышленно-экономическое, но и политическое, а, следовательно, косвенно и во-

енное. К работам этого совещания, думаю, будут привлечены и выдающиеся деятели центра.

Военные наличные силы казачьего союза, действительно, ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям (угольно-рудный район, Ростов, железная дорога). С ними на внешние предприятия идти, конечно, нельзя. Возвращаемые с фронта части, особенно Донские, заражены немногим меньше, чем «товарищеские». Нужно время, прежде чем на месте старый прочный казачий элемент успеет выколотить навеянную дурь из голов более молодых казаков. Настроение же местной пожилой массы – государственное: она стоит впереди своих вождей, будучи убеждена, что она обязана так или иначе спасти Россию. Но это настроение пока не может повлиять на правительство, которое, кстати сказать, в виде общего «объединенного» еще не создано и создастся, по моему мнению, не без трений, как не без трений пойдет и первоначальная его работа. Хорошо будет, если от него изойдут энергичные меры по развитию материального благосостояния, удовлетворению насущнейших нужд населения, по поддержанию безусловного порядка, по сохранению своего престижа в глазах «Временного Правительства», по обеспечению возможности формирования прочных частей. Все это не останется без влияния на общее положение дел государства, на работу текущую и на последующее исполнение задачи по спасению государства.

Задача последняя разветвляется на две основные: политическую – печать, пропаганда, агитация, обработка умов, внушение побольше смелости, специальная работа в отношении «рады»; военную – подготовка войсковых частей, усиление казачьих. Политическая часть требует крупных денежных средств и большого числа идейных и умных работников. Для последней цели завязываются сношения с организациями, отдельными лицами. Приток денежных средств, как я говорил, пока ничтожен. Но верится, что, когда увидят приступ к серьезному делу, дадут. Военная часть требует тоже денег, но, кроме того, общего плана, общей помощи, крупной работы. Если штат основных работников должен быть создан на территории союза казачьих войск, то тайные филиальные отделения его должны существовать в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове и других центрах. Если главные силы должны создаваться здесь, то местные организации, возможно по обстановке сильные, нужно образовать в тех же центрах. Офицеры, студенты, интеллигенция должны составить контингент. Если в Москве этот элемент оказал

ся раздавленным, то только потому, что он не имел совершенно предварительной организации, не был никем управляем и, наконец, по-видимому, прямо продан полковником Рябцевым. Этим уроком нужно хорошо воспользоваться.

Перехожу теперь к организации и сбору сил здесь для будущего удара, шире и деятельнее подготовленного мерами политическими.

Прежде всего, нужно направить все, что можно, под благовидными предложениями с фронта, так, например:

1. Все чешско-словацкие полки, которые охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России. Некоторые связи установлены; в скором времени они получают дальнейшее развитие. Если Вы можете оказать содействие к переводу под тем или другим предлогом, то положите прочное начало к созданию здесь реальной силы.

2. Георгиевский запасный полк, формировавшийся в Киеве, рассыпался. Но офицерский состав с ничтожным числом солдат прибыл сюда. Он послужит кадром. Послал командира сговориться со Ставрополем, желающим получить прочную часть для защиты населения. Узаконьте формирование такого якобы запасного полка в Ставрополе, и формирование крупной части обеспечено.

3. Если бы можно было рассчитывать на перемещение чехословаков, то командирование от них офицеров было бы полезно для изучения условий расположения.

4. Нужно освободить область от совершенно большевистских запасных полков – или расформировать их, или безоружными потребовать на фронт. Здесь они ничего не делают, являются источником постоянной тревоги, опасения, и, в полном смысле, не только не полезны, но вредны и опасны. Вывод их освободит помещения и даст хоть небольшое количество винтовок.

5. Частным почином Киевское Николаевское артиллерийское училище переезжает на территорию сюда. Но материальная часть осталась в Киеве. Нужно это вызволить от Рады и передать в училище. Это будет остов и инструкторский отдел артиллерии.

6. Изучить вопрос о польских войсках. Хотя, мне думается, они уклонятся от участия в этом деле.

7. Затем нужно приступить к созданию из тех элементов, на которые указал, новых частей на прочных началах дисциплины и порядка. Наплыв офицеров и юнкеров только сдерживается пока чисто искусственными мерами, невозможностью без подготовки и

средств наводнить Новочеркасск. Но затем число желающих будет значительно. Нужно будет начать извлечение из частей честных, желающих солдат и прибегнуть к добровольцам. Сколько формировать таких частей, нужно бы сговориться, условиться, изучив вопрос совместно с Вами.

8. В то время, когда в деле снаряжения, обуви, отчасти обмундирования здешний военно-промышленный комитет, отчасти вновь формируемый военно-технический отдел «экономического совещания» пойдут навстречу этим вновь формируемым частям, в деле вооружения на месте сделать ничего нельзя, и все может быть сделано только Вами и УпАртом, отчасти ГАУ и ГВТУ (Управление генерал-инспектора артиллерии, Главное Артиллерийское Управление, Главное Военно-Техническое Управление – прим. редактора).

9. Дело в том, что существует Новочеркасский Артиллерийский Склад, правда, с ничтожным личным составом и с полным отсутствием каких-либо запасов. ГАУ в начале октября своим попечением направило в этот склад 10 тысяч винтовок из Петрограда и 12 800 винтовок из Москвы. 1-ая партия, наверное, разграблена; о 2-й никаких вестей нет, надо думать, подверглась той же участи. Надо повторить наряд; вытребовать приемщиков и конвой. Довести наряд до 30 тысяч винтовок на первое время.

10. Нужны пулеметы. Ко всему этому побольше патронов, так как на богатстве запасов здесь будет, главным образом, зависеть питание.

11. Нужно направить 4–5 местных артиллерийских парков с артиллерийскими патронами в виде резерва для Кавказской армии. Здесь даже наличная артиллерия не имеет боевого комплекта.

12. Для батарей, здесь формируемых, нужно направить орудия и материальную часть. Лучше, быть может, расформировать что-либо существующее. Амуницию и конское снаряжение можно обеспечить на месте.

13. Для ручных гранат здесь изготовляют только оболочки. Нужно снаряженных доставить.

14. Все это нужно направить в местный Артиллерийский Склад.

15. Не можем на месте дать телеграфного имущества; котелки, походные палатки, часть шанцевого инструмента.

16. Обоз, походные кухни, сбрую... можно в большей части потребовать заготовить на месте.

Создавая организации в центре, нужно подумать о сосредоточении для них оружия и патронов, а то и наличные офицеры в Петрограде, могшие принять участие в обороне Зимнего дворца, остались без всякого оружия, а в Москве не имелось достаточного количества патронов. В результате – гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная.

Вот краткий набросок предположений, мечтаний, пожеланий. От мечтаний в некоторых направлениях перейдем к делу, но в вопросах организационных нужно соглашение с Вами и совместная разработка плана. Нужно заботливо собрать оружие.

Привходящий частный вопрос. В Астраханском казачьем войске предположено формирование 6–10 конных полков калмыков. Сколько и какого оружия могут получить они? Инструкторов-офицеров найдем из числа ныне выброшенных милыми «товарищами».

Повторяю, что начальный период формирования надеюсь провести на средства, которые будут даны лицами, организациями, но нужно определить время и порядок перехода в состав вооруженных сил, состоящих в ведении Штаба Верховного Главнокомандующего. Иначе может настать момент, когда нечем будет кормить и содержать собранных, и все дело рухнет. Как видите, прежде, чем начинать развивать дело, нужно многое разработать совместно. Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиваться. Само собой ничего не произойдет при той степени развала, до которого его довели представители Временного Правительства и деятельность большевизма. Только энергичная, честная работа всех сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты. Нужно поставить дело так, чтобы получить возможность повести за собой местных здешних деятелей. Они пойдут. В них проснется общегосударственная точка зрения. Но сами они не начнут, равно не пойдут только со своими силами.

Накопилось два дополнительных серьезных вопроса:

1. В управлении Рады мы имеем противника умного, серьезно, искусно руководимого извне и отсюда же питаемого деньгами. Одной печатью с нею бороться нельзя. Нужно дискредитировать отдельных лиц, ее составляющих, а целое – как изменническое, наносное. Контрразведывательное отделение Радою же разгромлено с вполне определенной целью. Следовательно, нужно спасти уцелевшие документы и восстановить негласное контрразведыватель-

ное отделение с этой основной задачей – изучать и расшифровывать лиц и целое. Поводы и целое, и лица дают, и работа не будет бесплодной, но ее нужно отдать в хорошие руки. Информаторы же деятельности Рады и разветвлений ее найдутся. Работа спешная, ибо Рада пока прочных корней не имеет, но каждый месяц упрочивает ее положение и увеличивает число вольных и невольных сторонников. Открытая борьба с этим учреждением, слившимся с большевизмом, пока не по средствам. Но изыскание способов к дискредитированию возможно и полезно.

2. Состояние Черноморского флота, находящегося в стадии скрытого, но сильного разложения, требует серьезных мер. Совет флота уже прислал Каледину нечто вроде ультиматума с угрозами враждебных действий, которые могут выразиться в появлении миноносца у Ростова. Между тем, нужно удержать флот от присоединения к Раде. Нужна здоровая, энергичная пропаганда; нужно уменьшить состав флота, выбросив наиболее негодные и опасные элементы; нужно очистить Севастополь от вредного гарнизона, занять крепость более сохранившеюся частью; нужно обеспечить Керченский пролив. А все-таки, самое главное – так или иначе спасти флот, хотя бы купив людей.

Слабых мест у нас много, а средств мало. Давайте группировать средства, главным образом на юго-востоке, проявим всю энергию, стойкость. Если позорно окончится война, то с этим не окончатся страдания России, разложение ее на части. Откуда-то должно будет идти спасение от окончательной гибели политической и экономической. Юго-восток имеет данные стать источником такого спасения. Но его нужно поддерживать, спасти самого от потрясений. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжидания. Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью.

Белое дело. Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и Светл. Князем А.П. Ливеном под ред. А.А. фон-Лампе. Берлин, 1926. Т. 1.

ГЕНЕРАЛ ДИТЕРИХС – НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЧЕШСКО-СЛОВАЦКОГО КОРПУСА

Михаил Константинович Дитерихс оказался в рядах Чешско-Словацкого корпуса вскоре после Октябрьского переворота. До последних дней существования Ставки в Могилеве он исполнял обязанности генерал-квартирмейстера Ставки, ближайшего помощника Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина. 20 ноября (3 декабря по новому стилю), когда матросы из охраны нового «красного Главковерха» Крыленко растерзали Духонина на перроне Могилевского вокзала, они намеревались также расправиться и с Дитерихсом, но не смогли его найти. Михаилу Константиновичу удалось в последний момент укрыться во Французской военной миссии, а затем, переодевшись во французскую форму, выехать в составе этой миссии в Киев¹. Там он некоторое время скрывался от большевиков, воспользовавшись подложными документами на имя Константина Михайловича Схиретидова². В Киеве он и присоединился к штабу Чешско-Словацкого корпуса.

Сам же Отдельный Чешско-Словацкий корпус был создан Приказом Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Духонина № 613 от 26 сентября 1917 года³ и объединил в своих рядах все чешско-словацкие части, сформированные к этому времени в России. Корпус состоял из двух дивизий и Запасной бригады. Командующим корпусом был назначен генерал-майор Шокоров, командирами Чешско-Словацких дивизий: 1-й – генерал-майор Коломенский, и 2-й – генерал-майор Подгаецкий; на-

чальником Чешско-Словацкой стрелковой запасной бригады – генерал-майор Червинка⁴.

Приказом по Отдельному Чешско-Словацкому корпусу за № 6 от 26 января 1918 года генерал Дитерихс был назначен Начальником штаба корпуса⁵.

Однако к этому времени русские генералы оказались в корпусе на положении «технических руководителей», а политическое руководство чешскими войсками осуществлял Чешско-Словацкий Национальный Совет (ЧСНС) – политический орган, созданный в Париже в 1915 году. Председателем совета являлся профессор философии Пражского университета Томаш Г. Масарик. После Февральской революции 1917 года профессор Масарик приехал из Франции в Петроград, где Временное Правительство признало его право возглавлять борьбу за обретение Чехией и Словакией политической независимости. В России было создано Отделение ЧСНС, которое сами чехи сокращенно именовали «Отбочкой» («Отбочка» – по-чешски и есть «Отделение»).

Весной 1918 года Чешско-Словацкий корпус оказался в очень тяжелом положении. После заключения Брестского мира на Украину хлынули немцы, и чешским формированиям, чтобы не попасть к ним в плен, надо было поскорее выбираться на восток. Но для этого им пришлось совместно с Красной Гвардией принять арьергардный бой за железнодорожный узел Бахмач. В результате этого сражения, которое продолжалось с 7 по 13 марта 1918 года, чехам удалось приостановить продвижение немецких войск, а также добыть необходимые железнодорожные составы. После того, как чешские эшелоны пересекли границу РСФСР, руководители «Отделения ЧСНС в России» обратились к Совету Народных Комиссаров с просьбой разрешить частям корпуса проезд во Францию. 27 марта было заключено соглашение, по которому частям корпуса был разрешен проезд во Владивосток, но при этом делегатам «Отбочки» пришлось согласиться на разоружение корпуса, оставив только по 100 винтовок и 1 пулемет на эшелон. Оружие части сдавали в Пензе, по мере проезда эшелонов на восток.

В четверг 25 апреля 1918 года на вокзал Владивостока прибыл первый эшелон Чешско-Словацкого корпуса: 1-й батальон 5-го Пражского стрелкового имени Т.Г. Масарика полка. Батальон стройной колонной проследовал по улицам города в казармы на «Гнилом Углу». Вместе с этим эшелоном прибыли: Начальник шта-

ба Чешско-Словацкого корпуса генерал-лейтенант Дитерихс, член Отделения ЧСНС доктор Гирса и прикомандированный к ним большевистский комиссар Лукьянов⁶.

Михаилу Константиновичу было поручено сосредоточить части корпуса во Владивостоке, разместить их там и организовать погрузку на суда.

Первые 6 поездов прибыли во Владивосток с небольшими промежутками, но затем начались задержки, большевики начали чинить препятствия прохождению чехословацких поездов. Дело дошло до того, что даже комиссар Лукьянов вынужден был протестовать против действий местных советских властей.

К маю 1918 года 63 эшелона Чешско-Словацкого корпуса, насчитывавшего в своем составе 35 300 человек, растянулись на огромном пространстве от Пензы до Владивостока.

Продвижение чешских поездов по Сибири все замедлялось, и, наконец, практически совсем остановилось. Все советы в больших городах по Транссибирской железной дороге требовали от чешских эшелонов вопреки прежним договоренностям полностью сдать оружие. Отношения чехов с местными Советами резко ухудшились.

Войска Владивостокской группы находились в совершенно ином положении, нежели остальные войска, задержанные местными советами в Поволжье, на Урале и в Сибири. На рейде стояли корабли союзников. Еще 5 апреля Япония, под предлогом защиты интересов своих подданных, высадила в порту небольшой десант. Большевистский совет во Владивостоке продолжал функционировать, но должен был действовать с постоянной оглядкой на союзников, а потому не мог позволить себе открыто нарушать условия договора.

Проблемы советских интриг для войск Владивостокской группы были не актуальны, и все их помыслы были направлены на скорейшую отправку на фронт во Францию, где их уже ожидали с нетерпением.

Во главе политического руководства чехов во Владивостоке находились три члена Отделения ЧСНС: доктор Б. Гирса, В. Гурбан и В. Гоуска. По прибытии во Владивосток они образовали «Коллегию Отделения ЧСНС во Владивостоке». В конце мая во Владивосток прибыл еще один член Отделения ЧСНС – Я. Шпачек, и 30 мая «Владивостокская коллегия» расширилась до 4-х членов. Но вскоре Гурбан был послан в США к Масарику, чтобы про-

информировать того о ситуации, сложившейся вокруг Чешско-Словацкого корпуса в России, и членов «Владивостокской коллегии» снова осталось трое. Дитерихс находился в полном их подчинении, проявляя по отношению к ним сугубую лояльность. Официально его должность именовалась: «Начальник Восточного Чешско-Словацкого отряда»⁷.

Между тем, 2 мая 1918 года на заседании «Высшего Военного Совета» союзников в Париже представитель Великобритании поставил вопрос об ускорении отправки Чешско-Словацких войск во Францию, для чего предполагалось часть эшелонов корпуса отправить северным путем через Архангельск и Мурманск.

Когда Отделение ЧСНС узнало об этом новом проекте, оно выслало 9-го мая в Москву своих делегатов П. Максу и Б. Чермака, с тем, чтобы добиться согласия Советского правительства отправить через Владивосток те поезда, которые к этому времени находились восточнее Омска, а северным путем отправить те, что стояли западнее Омска. «Владивостокская коллегия» также приняла его, как руководство к действию, и в духе этих идей Дитерихсом был подготовлен специальный приказ от 16 мая 1918 года. При этом по новой диспозиции предполагалось по возможности 2-ю дивизию сконцентрировать во Владивостоке, а 1-ю дивизию двинуть по Мурманской дороге⁸.

Совет Народных Комиссаров со своей стороны одобрил этот проект, видя в нем прекрасную возможность дезорганизовать и окончательно развалить чешский корпус. Но по тем же самым причинам рядовые чешские легионеры на Транссибирской магистрали отнеслись к новому проекту совершенно отрицательно, опасаясь, что их просто выдадут на расправу немцам. Более того, рядовые бойцы в этот момент не доверяли уже и своим политическим представителям из «Отбочки», шедшими на все новые и новые уступки за их счет.

В этой обстановке 14 мая 1918 года произошел так называемый «Челябинский инцидент». Из проходившего поезда с бывшими австро-венгерскими военнопленными, мадьярами и немцами, в чехов была брошена чугунная ножка от печки, тяжело ранившая рядового Духачека. В ответ чехословацкие солдаты остановили эшелон, выявили виновника броска и учинили над ним самосуд. Челябинский совет, в состав которого также входили венгры-интернационалисты, обвинил во всем чехов и арестовал десять человек. Разъяренные солдаты 3-го Чешско-Словацкого стрелкового Яна Жижки

полка поднялись, как один человек, заняли город, арестовали местный совет и освободили своих товарищей. Инцидент удалось потушить путем переговоров, но напряженность оставалась.

Между тем, 20 мая в Челябинске открылся Съезд представителей чехословацкого корпуса. Первоначально он был призван решить вопросы внутренней реорганизации, но теперь, перед лицом надвигающейся опасности, они должны были уступить место другим, куда более насущным и неотложным вопросам. И в этот момент пришло известие, что в Москве в ночь на 21 мая арестованы члены Отделения ЧСНС Макса и Чермак. Под давлением большевиков они, находясь под арестом, подписали приказ частям корпуса сдать местным Советам все оружие «безо всякого исключения».

В ответ делегаты съезда постановили: «Съезд Чехословацкого войска лишает Отделение ЧСНС права руководства передвижением армии, находящейся на пути во Владивосток, и передает его Временному Исполнительному комитету, избранному и уполномоченному съездом, без ведома которого никто не имеет права отдавать никаких приказов, касающихся передвижения». Съезд единодушно принял решение ни одного эшелона на Архангельск не сворачивать, оружие не сдавать и в случае необходимости пробиваться во Владивосток с боем.

Для руководства действиями чешского войска был избран Временный Исполнительный комитет под председательством доктора Богдан Павлу. В него вошли 4 прежних члена Отделения ЧСНС, 4 рядовых солдата, и 3 командира полков: командир 4-го стрелкового полка поручик С. Чечек, командир 3-го стрелкового полка подполковник С.Н. Войцеховский и командир 7-го Татранского стрелкового полка капитан Р. Гайда. Последние три офицера составили «Военную Коллегию», которой съезд поручил разработать планы операций на случай открытого конфликта с большевиками, а если дело дойдет до этого, — то и руководить претворением их в жизнь.

Не успели делегаты съезда разъехаться по своим частям, как утром 25 мая в их руки попала перехваченная телеграмма Троцкого, в которой тот объявлял, что: «Каждый чехословак, который будет найден вооруженным по линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хоть один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и отправлен в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссары обязуются немедленно выполнить этот приказ, всякое промедление ко-

торого равносильно бесчестной измене и обрушит на виновного суровую кару»⁹.

И ответ Троцкому последовал незамедлительно: в 2 часа дня 25 мая капитан Кадлец занял Мариинск, в ночь на 26 мая капитан Гайда захватил Ново-Николаевск, в ночь на 27 мая Войцеховский вторично занял Челябинск, наконец, 29-го мая Чечек в упорном сражении захватил Пензу. Выступление Чехословацкого корпуса началось.

Но далеко не везде чехам удалось предупредить советские власти. Так, утром 26-го мая, при въезде на Иркутский вокзал, красные напали на поезд № 26 1-го дивизиона 2-й Чешско-Словацкой артиллерийской бригады. Два других поезда в это время находились на соседних с Иркутском станциях Иннокентьевской и Батарейной. Узнав о нападении в Иркутске, заняли обе станции и затем пришли на помощь атакованному поезду. Разъяренные артиллеристы чуть ли не голыми руками захватили пулеметы и заняли Иркутский вокзал, но при попытке пробиться в город потерпели неудачу. На другой день при посредничестве Французского и Американского консулов было заключено перемирие, захваченное чехами оружие было сдано обратно, а все три эшелона немедленно были отправлены на Владивосток. В этом столкновении чехи потеряли 15 человек убитыми, 63 ранеными¹⁰.

В те самые дни, когда к востоку от Иркутска уже вовсю шли ожесточенные сражения, Владивостокская группа (насчитывавшая к тому моменту в своих рядах уже около 13 тысяч человек) все также продолжала жить своей обычной жизнью. Чехословацкое политическое руководство во Владивостоке было совершенно не в курсе событий, оно черпало информацию исключительно из советских источников, и в результате заняло оппортунистическую позицию. Нападение на чехов в Иркутске было расценено, как «самовольное действие какой-то вооруженной немецко-мадьярской банды», а местная Иркутская советская власть, якобы, была непричастна к свершившемуся.

Члены «Владивостокской коллегии» немедленно предложили свое посредничество в улаживании конфликта. Владивостокский совет с радостью ухватился за это предложение, поскольку большевики куда лучше были информированы о ситуации на Транссибирской магистрали, и уже знали, что она складывается совсем не в их пользу. Председатель Иркутской «Центросибиря» лично обратился по этому поводу к «Владивостокской коллегии».

Эшелоны, подвергшиеся нападению в Иркутске, во Владивосток еще не прибыли. О ситуации же к западу от Иркутска во Владивостоке было известно лишь, что 4 июня между чехами и местными советами было заключено перемирие, подписанное представителями «Центросибири» (Иванов), союзников (майор Верже) и чехов (член «Отбочки» доктор Дракснер).

Только лишь 8 июня во Владивосток прибыл первый курьер от группы Гайды, сражавшейся на западе, в Сибири. Он привез вести, в корне расходящиеся с официальной точкой зрения. Чехи Владивостокской группы впервые узнали от него об аресте представителей «Отбочки» в Москве, о Челябинском съезде и его постановлениях. Поначалу «Владивостокская коллегия» и Дитерихс сомневались, можно ли верить этим вестям.

Далее, 14 июня через Монголию, Пекин и Харбин к Дитерихсу прибыл курьер с официально заверенными решениями Челябинского съезда от 20 мая, однако и он не привез еще письменного приказа о выступлении чешкой группы во Владивостоке¹¹.

В этой обстановке «Владивостокская коллегия» продолжала придерживаться своей прежней «оппортунистической» линии поведения, которую полностью поддерживали и местные представители союзников.

10 июня было объявлено о продлении перемирия под Иркутском до 14 июня, а затем и до 16 июня. Так, 16-го июня 1918 года, когда по всей Сибири уже три недели как гремели ожесточенные бои, руководители Владивостокской группы послали Гайде, ведущему бои под Мариинском, телеграмму следующего содержания:

«Вновь настойчиво напоминаем, что единственной нашей целью является возможно скорее отправиться на французский фронт, поэтому надлежит соблюдать полнейший нейтралитет в русских делах. Старайтесь договориться с местными советами на мало-мальски приемлемых для нас условиях. Одновременно телеграфируем «Центросибири», чтобы гарантировали ваше продвижение на основании договора, заключенного между Советом Народных Комиссаров и Отделением Народной Рады от 26-го марта, на согласно которого проследовали первые 12 поездов. Если добьемся договоренности, мы требуем в ваших собственных интересах и для достижения нашей единственной цели, чтобы вы немедленно прекратили свое выступление и продолжали продвигаться во Владивосток.

Члены Отделения Народной Рады: Гоуска, Шпачек, доктор Гирса, генерал Дитерихс»¹².

По этому поводу сам Гайда резонно замечал в своих мемуарах: «Итак, мы начали военные действия не только не подготовленными, но и не будучи даже солидарными между собой».

17 июня из Владивостока к Гайде была послана мирная делегация во главе с Гоуской.

О ней подробно рассказывает сам Гайда.

«В середине июля Владивостокской коллегией на наш Восточный фронт была послана мирная делегация. Ее главой был назначен член О.Ч.С.Н.Р. Шпачек, который вечером накануне отъезда заболел. Вместо него был назначен Начальник Владивостокского Округа прапорщик В. Хоуска. Во Владивостоке в это время еще не было известно, что Челябинским съездом выбран Исполнительный Комитет, и что тем самым члены О.Ч.С.Н.Р. лишались своих полномочий. Также не дошли до них и мои инструкции и приказы. Делегация прапорщика Хоуска заключила 23 июня в Иркутске соглашение с «Центросибирью» на следующих условиях:

1) Мы должны сдать все оружие, кроме того, которое было оставлено нам решением местной комиссии, состоящей из представителей «Центросибиря» и наших представителей (около 30-ти винтовок на поезд);

2) К каждому поезду должен быть назначен большевистский комиссар;

3) Должны быть даны взаимные поручительства;

4) Большевики обеспечивают нам всемерную помощь, как в вопросах нашего продвижения, так и в вопросах продовольствия.

5) Большевики обязуются условия данного соглашения распространить на наши военные группы, находящиеся на запад от Омска, а также освободить всех заключенных из состава нашей армии, и среди них Макса, Миркович и Яник. Центральная организация сибирских военнопленных (немцев и мадьяр) нам официально обещала не мешать нашему отъезду.

Через два дня ко мне пришел через большевистский фронт со станции Хинчуй парламентар Владивостокской мирной делегации штабс-капитан доктор Клевета, сообщивший мне цели делегации и ее Иркутское соглашение.

Каковы были бы последствия, если бы я согласился на переговоры? Я верю, что большевики, находившиеся между моим фронтом и Владивостоком, на этот раз выполнили бы эти условия с большим удовольствием. Конечно, не из любви к нам, они уже раньше проявили ее достаточно ясно, — но из опасения, что вы-

ступление чехословаков, ранее недооценивавшееся ими, может привести к уничтожению их власти. Но тот, кто знал взаимоотношения «Центросибири» и Совета Народных Комиссаров в Москве, тому было ясно, что мнения и обязательства, данные «Центросибирью», не являются обязательными для Москвы и наоборот. Так как мы не соединились еще в то время с большей частью 1-й дивизии, сражавшейся между Уралом и Волгой, то нельзя было говорить о заключении мира с «Центросибирью», так как этим мы освободили бы все большевистские силы, сражавшиеся против той группы наших войск, которая продвигалась от Челябинска на запад навстречу войскам Чечека, положение которых и без того было очень тяжелым. В то время, как мы вели бы переговоры с разбитым на одном фронте неприятелем, мы дали бы ему возможность сосредоточить на другом фронте против группы Чечека новые силы разбить ее. Большевикам, разбитым под Верхне-Удинском, мы дали бы возможность стянуть против нас новые силы. Кроме того, я должен был, согласно распоряжения Челябинского Исполнительного Комитета, как можно скорее пробиться во Владивосток, поэтому я даже не имел права вступать в какие бы то ни было переговоры.

По вышеизложенным причинам я отказался вести переговоры с делегацией, тем более, что ее парламентар штабс-капитан доктор Клевета, узнав причины сражений с большевиками и положение наших войск, написал члену делегации Хоуска письмо, в котором сообщил ему, что он добровольно отказывается быть членом делегации, которая послана не Владивостокским войском, а незаконно создана самим Хоуска. Он обвинял в этом письме Хоуска в пробольшевистской политике и узурпаторстве и обращает внимание на пагубные последствия его поведения...»¹³

Между тем, в самом Владивостоке положение начало меняться. Во-первых, в город прибыл, наконец, санитарный поезд с чехами, ранеными под Иркутском, и последние эшелоны, пострадавшие в «Иркутском инциденте». Рассказы участников Иркутских событий резко изменили настроение рядового состава Владивостокской группы. Стало ясно, что нападение большевиков было отнюдь не случайностью.

Кроме того, и во Владивостоке начались провокации со стороны советских властей. В середине мая по улицам Владивостока были расклеены листовки с призывом к legionерам записываться в «Чешскую Красную Гвардию» под командованием дезертира

В. Мировского. Мировский открыл на Светланской улице «Информационное бюро», где располагался штаб и осуществлялась запись в «1-й стрелковый батальон Чехословацкой Красной армии». К июню в него записалось уже примерно 200 – 300 чехов, ушедших из частей корпуса. Они все шире и шире разворачивали подрывную агитацию, которая вызывала законное раздражение у Дитерихса и чешского руководства. Но главное, пользуясь промедлением Владивостокской группы, большевики лихорадочно вывозили оружие и иное снаряжение со складов Владивостокской крепости на север, в Хабаровск, с тем, чтобы использовать его потом против бойцов группы Гайды.

В среду 26 июня во Владивосток в поезде Американской миссии прибыл новый курьер от группы Гайды, поручик Смекал. Он привез с собой все необходимые документы и материалы, в том числе и знаменитую телеграмму Троцкого. Последние сомнения были сняты, и на повестку дня было поставлено выступление.

В пятницу 28 июня вечером Дитерихсом была составлена диспозиция, в этот же вечер о предстоящем выступлении проинформировали союзников. Ночью были завершены все приготовления, и в субботу 29 июня в 10 часов утра Совету был предъявлен ультиматум – в течение 30 минут сложить оружие. Поскольку ответа на ультиматум не последовало, то в 10 часов 30 минут войска Владивостокской группы выступили.

На момент выступления чехи во Владивостоке имели: 5-й стрелковый имени Т.Г. Масарика полк в полном составе – 4 679 человек, 7 рот и саперная команда 7-го Татранского стрелкового полка – 1 598 человек, 8-й Силезский стрелковый полк – 3 928 человек, 2-го Запасного полка – 1 685 человек, 2-ой Артиллерийской бригады – 683 человека, 2-го Артиллерийского парка – 92 человека, Инженерную роту – 310 человек, Телеграфную роту – 231 человек, Комендантскую роту – 100 человек, а всего, вместе с больными и нестроевыми – 13 411 человек. Лишь пятая часть личного состава была вооружена винтовками, тяжелого оружия не было вовсе. У большевиков в городе, не считая вооруженных моряков, было до 1 200 красноармейцев.

Большая часть красноармейцев и моряков сложила оружие без сопротивления; 5 красных миноносцев при попытке уйти были захвачены английскими и японскими военными кораблями. Вооруженная группа немцев и мадьяр с пулеметами под командованием немецкого офицера заперлись в здании штаба крепости

и оказали вооруженное сопротивление, которое было быстро подавлено. Штаб крепости взял отряд 5-го полка под командой поручика Яхана, поддержанный командой гранатометчиков 8-го полка под командой поручика Слунечка. Потери чехов составили: 1 убитый (Юзеф Новотный) и 14 раненых. Гражданская власть во Владивостоке была передана прежнему Городскому голове Огареву¹⁴.

Теперь надо было без промедления прорываться к Иркутску, навстречу Гайде.

Вооруженный отряд 2-го Запасного полка под командованием штабс-капитана Вейнера 29 июня занял в пригородах Владивостока станцию «Вторая Речка», а на другой день – станции Океанскую, Седанку и Угольную.

Между тем, генерал Дитерихс получил известие, что большевистские силы, сосредоточенные в Никольске-Уссурийском, выдвигаются к Владивостоку. Тогда Михаил Константинович не мешкая послал в сторону Угольной три батальона 8-го полка, первыми получившие оружие с Владивостокских складов. При этом 1-й и 2-й батальоны полка получили порядка 500 трехлинейных винтовок со 100 000 патронов; 3-й батальон пока смогли вооружить лишь берданками. Пулеметов, однако, было мало, а орудий все еще не было вовсе.

В понедельник 1 июля команда пеших разведчиков полка с двумя пулеметами на приспособленном поезде выдвинулась вперед и без боя захватила так называемый Кипарисовский тоннель, расположенный в 51 версте от Владивостока. В течение ночи к нему подтянулись прибыли и остальные поезда с частями 8-го полка. Перед тоннелем они вступили в соприкосновение с передовыми заставами большевиков.

Одновременно по железнодорожной ветке на северо-восток был послан отряд 7-го полка, чтобы выгнать большевиков из Сучанских и Шкотовских копий. На другой день на запад выступил и 5-й Пражский полк. Руководство действующими частями приняли на себя командир 5-го Чешско-Словацкого полка капитан Яну и командир 8-го полка штабс-капитан Комарек.

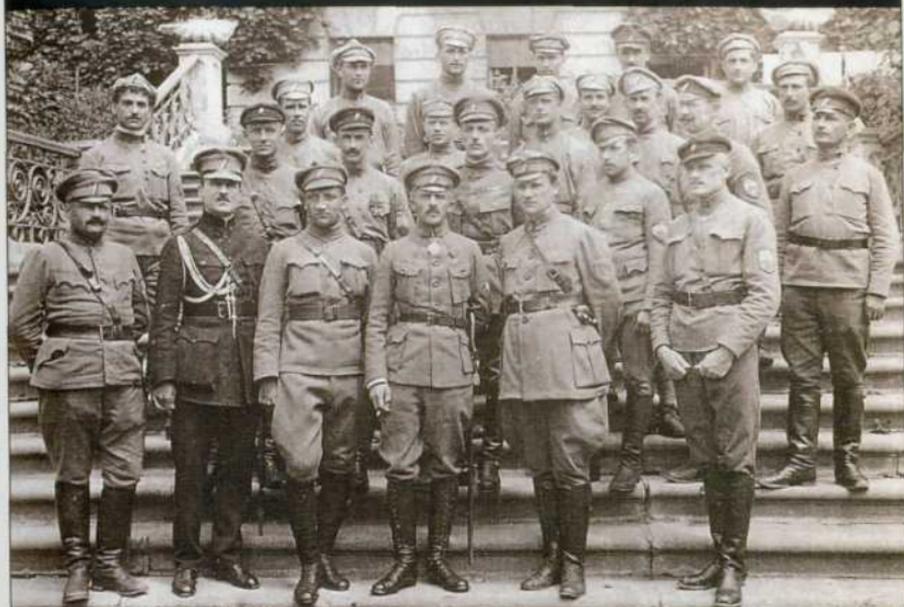
3-го июля на сопках у реки Суйфун, юго-западнее Никольск-Уссурийска, произошло первое крупное сражение между частями 5-го и 8-го полков и большевиками. Со стороны чехов дралось до 2 000 человек при 9-ти пулеметах и одном орудии. Силы большевиков насчитывали до 3 600 человек при 3-х орудиях. В результате

упорного двухдневного боя, красные были разбиты и поспешно бежали по Амурской железной дороге на Хабаровск, причем среди прочих частей здесь был разгромлен и отряд чехов-дезертиров. 5-го июля чехословацкие войска вступили в Никольск-Уссурийский. Часть 8-го полка осталась там гарнизоном, а другая выдвинулась на запад к станции Пограничная Китайско-Восточной железной дороги, где и встретилась с русскими белыми войсками генерала Хорвата и атамана Калмыкова¹⁵.

В то же время 5-й Чешско-Словацкий полк после взятия Никольск-Уссурийска был направлен для преследования неприятеля на северо-запад по Амурской железной дороге к Хабаровску. Красные на этом направлении отошли до станции Евгеньевка, где и остановились на заранее подготовленных позициях, расположенных на возвышенностях за рекой Сантухедза на линии деревень Спасское – Евгеньевка – Краснокуты – Славянская – Хвалинька. Силы большевиков здесь состояли приблизительно из 7 000 человек при 10 орудиях и 2-х бронепоездах. Со стороны же войск Владивостокской группы в сражении здесь принимали участие 5-й Пражский полк, 6 рот и саперы 7-го полка, 2-я Артиллерийская бригада, Инженерная и Телеграфная роты, – в общей сложности 5 900 человек, 4 орудия и 1 броневик.

16 июля позиции большевиков, образывавшие большую и довольно узкую подкову у деревень Евгеньевка и Спасское, были прорваны, и неприятелю только ценой больших потерь удалось пробиться на Хабаровск. После этого 5-й полк был отправлен на отдых, а для преследования был оставлен 8-й полк и 6 рот 7-го полка. Они прошли до станции Каул, приблизительно в 120 км от Евгеньевки. Здесь красные, усилившиеся за счет подкреплений из Хабаровска до 9 500 человек при 20-ти орудиях, заняли сильные позиции за рекой Усури.

Попытка чехов 1-го августа форсировать слабыми силами реку Усури не удалась, и их отряду пришлось отойти назад на 45 верст к разъезду Краевского. Тем временем, чешские войска на Хабаровском направлении были усилены отрядом атамана Калмыкова, а затем и войсками союзников. 9-го августа сюда прибыл батальон англичан, 13-го августа – батальон французов, а за ними – и вся 12-я японская дивизия. 21 августа в командование войсками на Хабаровском направлении вступил японский полковник Иранаки, а Дитерихс отозвал оттуда чешские части и направил их на КВЖД. 23-го августа союзные силы наголову разгромили крас-

Во время посещения чешского госпиталя. Справа налево в первом ряду: д-р Фаустка, полк. Клецанда, ген. Дитерихс (с Орденом Почетного Легиона), капитан Иванила, поручик Брож (из архива А.А. Васильева)

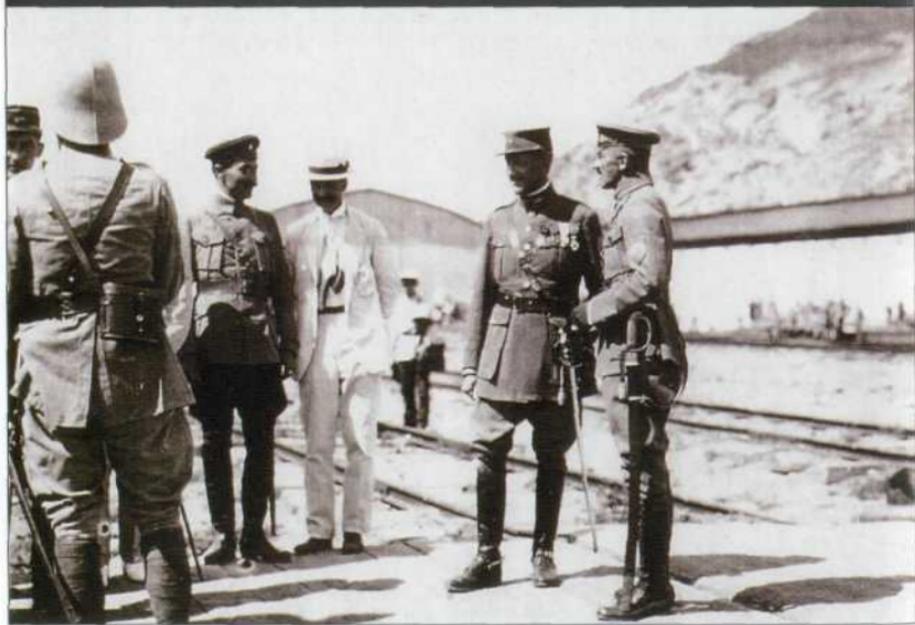
На борту американского крейсера «Бруклин». Слева направо: адмирал Найт, ген. Дитерихс, поручик Борн Брож (из архива А.А. Васильева)

Ген. Дитерихс во Владивостоке. На груди французская награда: Военный крест с Пальмовой ветвью (РГАКФД)

Ген. Дитерихс и начальник французской военной миссии ген. Парис. В центре – капитан Бадюра, комендант крепости Владивосток; слева от него – член Чехословацкого Национального Совета доктор Б. Гирса; адъютант ген. Париса (из архива А.А. Васильева)

У транспорта французской пехоты. Слева направо: адъютант ген. Нокса, ген. Дитерихс, полк. Клецанда, полк. Яну (из архива А.А. Васильева)

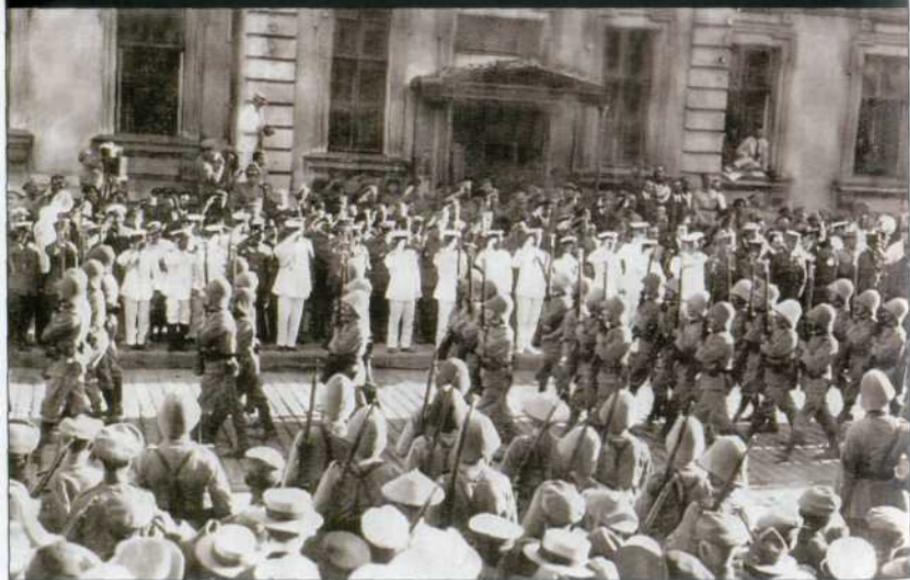
Первая встреча с союзниками. У трапа британского крейсера «Суффолк». Слева направо: майор Дункан, командующий войсками Приморской области полк. Толстов, английский консул Ходсен, полк. Робертсон (второй слева) (из архива А.А. Васильева)

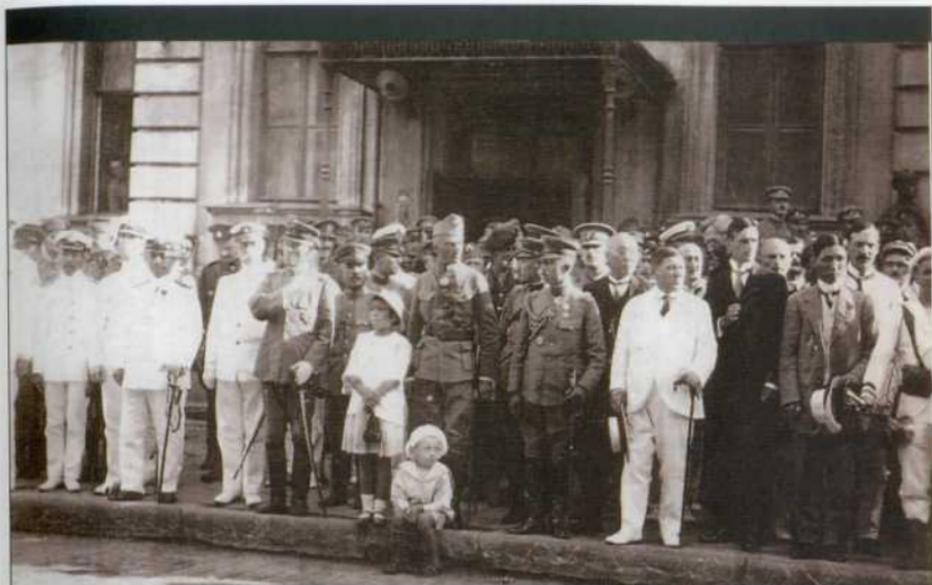

Перед парадом. Слева направо: адм. Като, адм. Найт, ген. Накамура, ген. Дитерихс, ген. Парис, второй от него – полк. Толстов, полк. Робертсон (из архива А.А. Васильева)

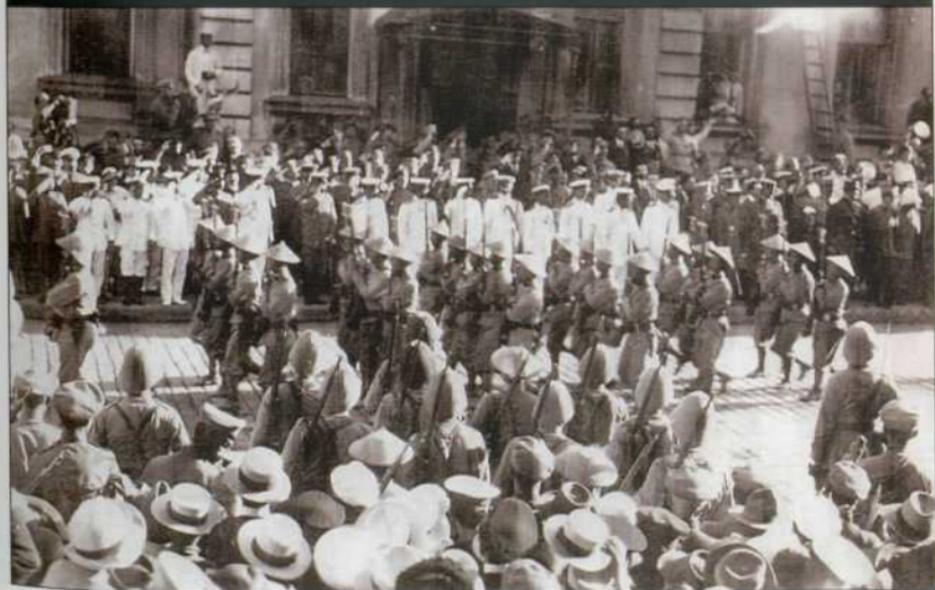
Парад французской пехоты (из архива А.А. Васильева)

Перед парадом: третий слева адм. Като, рядом адм. Найт, ген. Накамура, в центре Дитерихс, второй справа от него (в штатском) французский консул Андрэ, рядом английский консул Колуэллс, следующий японский консул Кикучи (из архива А.А. Васильева)

Проходят солдаты французского Индокитая (из архива А.А. Васильева)

Накануне первого футбольного матча между чехами (со щитками на футболках) и англичанами. Слева от ген. Дитерихса д-р Б. Гирса, четвертый справа от ген. Дитерихса – полк. Яну (из архива А.А. Васильева)

*Эшелон Владивостокской группы на пути к Хабаровску. Август 1918 г.
(из архива А.А. Васильева)*

Историческая встреча на ст. Оловянная. 6 сентября 1918 г. Первый ряд (слева направо) – полк. Б.П. Богословский (начальник штаба Восточного отряда), адъютант Дитерихса пор. Свобода, кап. Э. Кадлец, полк. А.Н. Пепеляев (командир 1-го Средне-Сибирского корпуса), ген. Дитерихс, полк. Р. Гайда (начальник Восточного отряда), ген. Парис, д-р Гирса (из архива А.А. Васильева)

Чешская телеграфная команда у радиостанции (из архива А.А. Васильева)

Прибытие представителя британской дипломатической миссии сэра Эллиота. Слева направо в первом ряду: ген. Дитерихс, ген. Токарев, Глава Национального Чехословацкого Совета д-р Павлу, Командующий Чехословацкого корпуса генерал-майор Я. Сыровы, глава британской дипломатической миссии сэр Ч. Эллиот, генерал-лейтенант М.В. Ханжин, ген. Парис, ген. Гревс, полк. Завода, Омск, октябрь 1918 г. (из архива А.А. Васильева)

ных у разъезда Краевского и, преследуя их, 4 сентября освободили Хабаровск.

31 августа эшелоны 8-го Силезского полка, продвигаясь на запад по КВЖД вслед за частями атамана Семенова, встретились на реке Онон с войсками Гайды. 2-го сентября на станции Оловянной съехались вместе штабы Гайды, генерала Дитерихса, атамана Семенова, и представители японского командования. После короткой встречи, пути их снова разошлись. Гайда поехал на восток принимать части бывшей группы Дитерихса, а Михаил Константинович – на запад, в Челябинск, куда его срочно вызывали вновь принять на себя должность начальника штаба Чешско-Словацкого корпуса.

За все время своих операций Владивостокская группа чехов войск потеряла 183 человек убитыми и 1 200 ранеными¹⁶.

Между тем, в командовании корпусом произошли перестановки. 28 августа 1918 года Командующим Чешско-Словацким корпусом был назначен командир 2-го Чешско-Словацкого стрелкового полка Ян Сыровы, произведенный из поручиков сразу в генералы одновременно с Гайдой и Чечеком. Прежний Командующий корпусом Шокоров был в качестве компенсации произведен в генерал-лейтенанты и назначен на специально изобретенный для него высокий, но не слишком ответственный пост Инспектора всех чешских войск России.

По соглашению между русским и чешским руководством, Командующий чешским корпусом одновременно являлся в оперативном отношении Главнокомандующим всеми войсками противобольшевистского фронта на Урале и Поволжье. Разумеется, Сыровы по своей подготовке не был способен командовать армиями и фронтами. Поэтому вся работа автоматически ложилась на плечи Начальника штаба Чешско-Словацкого корпуса генерала Дитерихса.

Пока же Сыровы и Дитерихс отправились на Уфимское Государственное Совещание, призванное образовать на освобожденной от большевиков территории Востока России единую Государственную власть. Как известно, 18 сентября 1918 года было достигнуто соглашение о создании Директории, 24 сентября Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России был назначен генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Сразу же после своего назначения, Болдырев обсуждал с генерала-

ми Сыровы и Дитерихсом условия подчинения ему Чешского корпуса. Он позднее вспоминал:

«Я предлагал Дитерихсу принять то или иное участие в работе. Он отказался, заявив, что не хотел бы отрываться от чехов.

За время нашего совещания Дитерихс усиленно подчеркивал свою близость к чехам. Подчеркивание это было настолько ярким, что вызвало даже мой невольный вопрос: считает ли он себя русским генералом, – на что Дитерихс ответил: «Я прежде всего чешский доброволец».

На это указывала и чешская нашивка на его рукаве»¹⁷.

С Болдыревым после долгих переговоров удалось добиться соглашения: Сыровы согласился подчиниться Болдыреву, как Верховному Главнокомандующему, но при этом все действующие русские части в оперативном отношении были в свою очередь подчинены Сыровы, как Командующему фронтом. Штаб фронта, который официально именовался Западным, обосновался в Челябинске. 18 октября войска фронта были разделены на три группы: Екатеринбургскую генерала Гайды, Камскую генерала Люпова и Самарскую генерала Войцеховского¹⁸. Оренбуржцы атамана Дутова и уральские казаки действовали самостоятельно, на правах отдельных армий. В задачу Дитерихса (как фактического Командующего фронтом) входила координация действий этих групп.

Однако, в конечном счете, удовлетворительно разрешить эту задачу так и не удалось. Русские войска, подчиненные штабу фронта, состояли из двух разнородных элементов: Сибирской армии (группа Гайды) и частей бывшей Народной армии Комуча (составлявших две другие группы). При этом части Народной армии в этот момент переживали острейший кризис, отступая с Волги по ударами красных и оставляя им свои первоначальные районы формирования. Источник их пополнений иссякал, а Сибирская армия, которая сама была втянута в тяжелейшие бои, не склонна была делиться пополнениями. В этой обстановке естественным мобильным резервом мог бы стать Чешско-Словацкий корпус. Но в момент вступления М.К. Дитерихса в должность Начальника штаба фронта, основная масса чешских легионеров выдохлась и «потеряла сердце». Чехи настойчиво требовали своего отвода в тыл; их части отказывались выполнять боевые приказы. Рассылая первые приказы штаба фронта, Дитерихс возлагал особые надежды на доблестного командира 1-й Чешско-Словацкого

стрелкового имени Яна Гуса полка полковника Йозефа Швеца, только что назначенного начальником 1-й Чешско-Словацкой дивизии. Но едва ли не в день этого назначения, 1-й полк отказался выступить на позиции, и полковник Швец, тяжело переживая позорное поведение своих солдат, утром 25 октября застрелился на станции Аксаково.

Таким образом, надежда на чехов оказалась эфемерной, а распространившееся неделю спустя известие о победе Союзников над Германией и окончании I-й Мировой войны – дало чешским легионерам законный предлог для окончательного ухода с фронта. О том, как выглядел и о чем думал Михаил Константинович в это нелегкое для него время, сохранилось свидетельство его бывшего сослуживца и будущего соперника в 1919 году, К.В. Сахарова:

«В Челябинске же встретился с М.К. Дитерихсом, впервые с осени 1917 года... Работая вместе с Дитерихсом и под его начальством с 1915 года, я хорошо знал его раньше; и теперь прямо не узнал: генерал постарел, исхудал, осунулся, не было в глазах прежней чистой твердости и уверенности, а ко всему он был одет в неуклюжую и невоенную чешскую форму, без погон, с одним ремнем через плечо и со щитком на левом рукаве.

– Много пережить пришлось тяжелого, – сказал мне М.К. Дитерихс. – Развал армии, работа с Керенским, убийство Духонина почти на моих глазах. Пришлось скрываться от большевиков. Потом работа с чехами...

Мрачно и почти безнадежно смотрел генерал Дитерихс на предстоящую зиму.

– Надо уходить за Иртыш, – было его мнение. – Вы не можете одновременно формироваться и бить большевиков, да и снабжения нет, а англичане когда-то еще дадут. Чехи... – он махнул рукой, – Чехи воевать не будут, развалили их совсем¹⁹.

Свидетельства Болдырева и Сахарова, в чем-то и спорные, и, несомненно субъективные, согласны в одном: Дитерихс в это время был демонстративно лоялен к чешскому руководству, как военному, так и политическому. Однако, похоже, что внутренние двойственность собственного положения все сильнее тяготила его.

Произошедший через месяц переворот в Омске, провозглашение Верховным Правителем адмирала Колчака, а затем и отвод чешских войск в тыл, сделали невозможной сохранение прежнего смешанного чехо-русского Верховного командования. В январе 1919 года штаб фронта был расформирован, а все войска объедине-

ны в три отдельные армии: Сибирскую, Западную и Оренбургскую. В этой обстановке генерал Дитерихс не видел возможным продолжать свою службу в чешском корпусе.

В результате 8 января 1919 года последовал приказ: «Определяются в Русскую Службу, Чешской Службы: Состоящий в должности Начальника штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-лейтенант Дитерихс – тем же чином и с зачислением по Генеральному штабу; Командовавший Екатеринбургской группой генерал-майор Гайда – с утверждением в чине и с зачислением по армейской пехоте»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ефремов Ф.Ю. Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс // Военная Белья. – Москва, 1993. № 3 (132). Июль–сентябрь. С. 26–27.
- 2 Один из наследников генерала Дитерихса, А.А. Васильев любезно предоставил из своего личного архива фотокопию этой «Паспортной книжки», выписанной в Киеве 25 ноября 1917 года на имя чиновника военного времени Константина Михайловича Схиретидова. Запасаясь этим документом, М.К. Дитерихс, не без иронии, записал в нем задом наперед свою настоящую фамилию, а имя и отчество поменял местами.
- 3 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Л. 28. Необходимо отметить, что во всех документах Русской армии вплоть до 1918 года, а, скорее всего, – вплоть до полного перевода документации с русского на чешский язык, – корпус (как и все входящие в него части) всегда именуется «Чешско-Словацким», а не «Чехословацким».
- 4 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Лл. 24, 25, 31, 33, 34, 59.
- 5 Za Svobodu. Obrčzkovč kronika Ceskoslovenskčho revolučnčho hnutčna Rusi. 1914–1920. T. 2. – Praha, 1924. С. 796.
- 6 Za Svobodu... T. 3. – Praha, 1926. С. 653.
- 7 Там же. С. 655. Поскольку Дитерихс отбыл во Владивосток, то должность начальника штаба Чешско-Словацкого корпуса временно принял полковник Я. Червинка, сын упомянутого выше генерала.
- 8 Там же. С. 658–659.
- 9 Гайда Р. Мои воспоминания. Рукописный русский перевод воспоминаний (переводчик О. Чеп) хранится в Российском государственном военном архиве (РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Л. 12).
- 10 Там же: РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Лл. 12 об. – 13.
- 11 Za Svobodu... T. 3. – Praha, 1926. С. 662–663.
- 12 Гайда Р. Мои воспоминания: РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

- 13 Там же. Лл. 97-99.
- 14 Za Svobodu... Т. 3. - Praha, 1926. С. 667-669.
- 15 Гайда Р. Мои воспоминания: РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Лл. 102-102 об. Как известно, чехи не пустили русские войска под руководством генерала Хорвата дальше станции Гродеково, и лишь после долгих переговоров разрешили одному Хорвату, без войск, проехать во Владивосток. Однако непосредственной вины Дитерихса в этом унижении русских войск и русской власти нет. В данном случае все решали представители Великих Держав и чешские политики из «Владивостокской коллегии», а Михаилу Константиновичу оставалось лишь беспрекословно исполнять их распоряжения.
- 16 Там же: РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Лл. 102 об. - 106.
- 17 Болдырев В.Г. Директория, Колчак, Интервенты. - Новониколаевск, 1925. С. 57.
- 18 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 11. Лл. 201, 242.
- 19 Сахаров К.В. Белая Сибирь. - Мюнхен, 1923. С. 22-23.
- 20 РГВА. Ф. 39499. Оп 2. Д. 2. Л. 56.

часть четвертая

**Расследование
убийства
Царской Семьи**

Но виноградари, увидевши его, рассудили между собою, говоря;
это наследник: пойдем, убьем его, и наследство будет наше...

Лука, XX, 14.

Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок.
Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице
нечестивых, жестоких, самозванных правителей,
которые зальют всю землю кровью и слезами...

Св. праведный Иоанн Кронштадтский.

Четвертая часть книги посвящена одной из наиболее важных страниц в биографии Михаила Константиновича Дитерихса – его участию в расследовании обстоятельства гибели Царской Семьи. Основой этой главы стали материалы двухтомника «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале», а также ряд архивных документов. Написанный Дитерихсом в 1921–1922 годах, сразу же после окончания, увы, очень короткого расследования, этот труд стал своего родоначальником всех последующих исследований самого страшного, по сути своей, преступления XX века. Преступления, перевернувшего весь ход русской истории. До сих пор так и не найдены Святые мощи Царственных Мучеников, а захоронение «екатеринбургских останков» в 1998 году, вызвало, как известно, гораздо больше вопросов, чем ответов. Но в этой книге читателю представлены не столько факты следствия, скрупулезно собранные Дитерихсом на страницах своего произведения, сколько размышления Михаила Константиновича об этом страшном преступлении – Цареубийстве. Интересна его оценка событий предшествовавших роковым дням марта–октября 1917 и июля 1918 годов, его характеристика настроений русского «общества» и «общественности», роли т.н. «бойяр-западников» в нашей истории.

Возможно, благодаря Благодатной связи с Царственной Семьей (ведь он был крестником Цесаревича Алексея) Дитерихс задолго предчувствовал акт ее канонизации. Акт, который, по его мнению, должен стать началом Возрождения Великой России, восстанавливающим разорванную событиями 1917 года всенародную клятву Земского Собора Дому Романовых.

Святые Царственные Мученики, молитесь Бога о нас!

В.р.и.д.
Главнокомандующий
Западным фронтом

23 января 1919 г.
№ 119
г. Екатеринбург

Члену Екатеринбургского
окружного суда
И.А. Сергееву

На основании повеления Верховного Правителя от 17-го января сего года за № 36, приказываю Вам выдать мне все подлинное следственное производство по делу убийства бывшей Царской семьи и членов Дома, а равно все документы, вещи и материалы, принадлежащие членам семьи и состоявших при них приближенным лицам, также убитым.

Передачу произвести по описи.

Один экземпляр описи, скрепленный подписями г. прокурора, г. следователя и моей, должен быть заготовлен для передачи Верховному Правителю.

Настоящая передача мне всего материала и вещей не прекращает продолжения Вами следственного производства, для чего Вы имеете право сохранить у себя копии необходимых документов.

Подлинное подписал.
генерал-лейтенант

ДИТЕРИХС

С подл. верно: член суда

Ив. Сергеев

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 7 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов, прибыв лично к бывшему Главнокомандующему Западным фронтом генерал-лейтенанту Дитерихсу, предъявил ему ордер г. министра юстиции от 7 сего февраля за № 2437 и просил его выдать находящееся у не-

го дело об убийстве бывшего Императора Николая Александровича и членов его семьи.

Генерал-лейтенант Дитерихс предъявил подлинное следственное производство члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева, озаглавленное: «Дело об убийстве бывшего Императора Николая II и членов Его Семьи». В деле этом оказалось двести шестьдесят шесть пронумерованных, прошнурованных, припечатанных сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда и скрепленных подписью Сергеева листов. Все листы дела, шнур и печать оказались целыми. В деле, кроме того, оказалось вшитым и пронумерованным отношение начальника Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы от 20 января 1919 года за № 374 на имя Сергеева.

Нахождение у себя дела генерал-лейтенант Дитерихс предъявил предписание Верховного Правительства от 17 января 1919 года за № 36.

Судебный следователь

Н. Соколов

Генерал-лейтенант

Дитерихс

Из книги: Н. Росс. Гибель Царской Семьи. Франкфурт на Майне: Посев, 1987.

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВ ДОМА РОМАНОВЫХ НА УРАЛЕ

Кошмарное лето пережило население Европейской России в 1918 году. Насилия, расстрелы, массовые зверские убийства, кровавый террор царили повсеместно и заливали кровью обширные районы территории царства «пятиконечной звезды советской власти». Власть эта в своей жестокости и кровожадности, казалось, не имела предела, не делала никаких различий: ее насилиям и угнетениям подвергались все классы, все сословия, все возрасты и полы; расстреливались старцы, расстреливались юноши, насильовались женщины, раскраивались головы детей; истреблялись буржуи, истреблялись и разные нежелательные советской власти политические и общественные деятели, но истреблялись массами, семьями и самые обыкновенные обыватели, крестьяне и рабочие, представителями чьей власти выставляли себя большевистские главари.

Эти ужасы, эти потоки крови, залившие города, села и деревни нашей несчастной родины, совпали с тем временем, когда в Центральной России, в Москве, сильно колебалось положение руководителей центральной советской власти, и совокупность внешних и внутренних обстоятельств предвещали Ленину и Бронштейну-Троцкому возможность наступления конца их экспериментам и царствованию в России.

На востоке надвигались к Волге и Уралу сибирские и чехословацкие войска; с севера начинал угрожать англо-русский фронт; на юге поднялись Оренбуржцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы и Донцы и собирались добровольцы генералов Алексеева и Корнилова. Разочарованное в результатах Брестского договора, германское военное

тайных совещаниях Ленин высказывался довольно определенно: «Пора уходить». С ним были солидарны и его последователи из российских. В них еще не изжилась неудача июльского выступления 1917 года, с той разницей, что тогда они не успели достигнуть власти и для известной части народной массы сохранили ореол своих ложных лозунгов, а теперь все население в достаточной степени ощущало на себе сущность их власти, и они понимали, что, конечно, им не удастся так легко выйти из положения, как вышли они тогда. Поэтому в своей верховной деятельности Ленин готов был идти на всевозможные уступки требованиям момента, на смягчение общего режима, на сотрудничество с буржуями-специалистами, на эволюционирование коммунистических принципов, – словом, на все то, что могло привести или к более благоприятному разрешению вопроса личного спасения, или на все то, от чего впоследствии можно было бы легко отказаться, объяснив ловким политическим маневром.

Но именно в это критическое время Бронштейн-Троцкий выявил себя противником Ленина и его уступчивости. Вместе со своими приверженцами, изуверами своего племени, составлявшими добрых три четверти всех высших административных органов советской власти, подкрепленными интернациональными и карательными бандитскими отрядами, Бронштейн твердо и категорически высказался против каких-либо уступок и послаблений. Его речи этого времени на собраниях коммунистической партии и заседаниях ЦИК дышат ядом и насмешками над положениями Ленина, и весь смысл их сводится к тому, что ни шагу назад – ни при какой обстановке делать нельзя, а ответом на текущий момент с их стороны должны быть: беспощадный террор, огонь, меч и пытка. Во временных неудачах, в создавшемся катастрофическом положении Бронштейн отнюдь не склонен был видеть окончательного провала власти и, если теперь по каким-либо причинам она колебалась, то, по-видимому, он имел ввиду, главным образом, использовать время своей власти для того, чтобы подготовить и обеспечить победу в будущем. Свою власть и подготовку окончательной победы он понимал, конечно, так, как вытекали они из существа природы и мировоззрения Бронштейна, а не Ленина.

Вот в этой идее подготовки положения для будущей победы, в связи со всей сложившейся обстановкой, мне думается, заключались, главным образом, причины тех массовых, невероятных по зверству, с явными отпечатками изуверства, убийств, которые были совершены советскими деятелями в лето 1918 года и составили

в истории России и всего мира эпоху сплошного кровавого кошмара. Нельзя забывать, нельзя закрывать глаза на то, что особенному гонению и жестокости в этот именно период подвергся Православный, духовный мир России: церковь национализировалась; храмы обращались в помещения для митингов; иконы были обложены налогами, преподавание Закона Божьего в школах запрещено, а на дому родителей преследовали за обучение детей молитвам; над святынями кощунственно надругивались, обряды высмеивались, и основы Христианского духовного мировоззрения отвергались печатно в брошюрах и многочисленных митингах. Это не фразы, не голословное обвинение; желающие могут найти документальное подтверждение этих обвинений в обширном труде международной комиссии, создавшейся в Омске в январе 1919 года и произведшей подробное обследование в Перми и уездах Пермской губернии, после изгнания из ее пределов большевиков. Сотни лиц духовного звания, монахов, монашек было расстреляно агентами Бронштейна, удушено и утоплено в прорубях реки Камы. Среди погибших известны: Архиепископы – Гермоген, Андронник и Василий; Епископы – Феофаний и Матвей; Архимандриты: Матвей и Варлаам; Протоиереи – Пьянков, Сабуров, Стамбиков, Киселев, Преображенский, Конюхов, Будрин, Бельтюков и Яхонтов; Священники: Широкинский, Горяев, Белозеров, Соколов, Калашников, Плотнев, Ершов, Савелов, Вяткин, Бояршинов, Якимов, Посохин, Намов, Конюхов, Камакин, Попов, Юганов, Аристов, Малиновский, Накаряков, Онянов, Махетов, Кузнецов, Белов, Осетров, Рождественский, Швецов, Антипин, Мациевский, Алексеев, Луканин, Никифоров, Колчин, Орлов, Денисов, Лавров, Анишкин, Шестаков, Решетников и Тарасов; Иеромонахи – Вячеслав, Сергей, Иосиф и Иоанн; Дьяконы – Кашин, Воскресенский, Ипатов, Смирнов и Решетников; Иеродьяконы – Виссарион, Михей, Евфимий, – и это все только по Пермской епархии. А сколько еще окажется потом в других районах и епархиях.

Расскажите любому нравственному человеку какого угодно верования об этих гонениях Православной церкви, покажите ему список перечисленных выше жертв, павших за исповедание Православных догматов, и спросите его, какая же это борьба унесла столько служителей церкви? Думается, что, не колеблясь, каждый честный человек ответит: «Борьба религиозная».

Советская власть, приняв лозунги Бронштейна, став на путь подготовки положения для победы в будущем, хорошо сознала,

что одним из устоев русской народной массы является ее Православная Церковь, ее преданность Христианскому учению и глубокая, историческая любовь и привязанность к своей религии. Как масса малокультурная, русский народ способен временами, под влиянием случайных обстоятельств, терять критерии добра и нравственности и падать в невероятную бездну саморазрушения и оплевания своего настоящего существа. Однако падение такое в прошлом было всегда сравнительно кратковременным, и небольшой толчок, толчок именно духовного характера, быстро выносил его из бездны и выводил нравственно очищенным снова на арену христианской жизни.

Подорвать эти-то устои, предотвратить на ближайшее время духовное пробуждение – вот идеи, которые руководили советскими главарями в проведении плана обеспечения победы в будущем.

И в ряду злодейств, совершенных для достижения указанной цели, особо исключительными по зверству и изуверству, полными великого значения, характера и смысла для будущей истории русского народа, являются убийства в это кошмарное лето:

1) *В Екатеринбурге*: бывшего Государя Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы Александры Федоровны, бывшего Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Великой Княжны Ольги Николаевны, Великой Княжны Татьяны Николаевны, Великой Княжны Марии Николаевны, Великой Княжны Анастасии Николаевны.

2) *В Алапаевске*: Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великого Князя Сергея Михайловича, князя Иоанна Константиновича, князя Константина Константиновича, князя Игоря Константиновича, графа Владимира Палея (сын Великого Князя Павла Александровича).

3) *В Перми*: Великого Князя Михаила Александровича и других, о которых до нас еще не достигли сведения.

Вместе с упомянутыми Членами Дома Романовых были убиты избранные большевиками ближайшие Им лица свиты, оставшиеся до конца верными своему долгу. Так погибли: фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, гоф-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, секретарь Джонсон, комнатная девушка Анна Степановна Демидова, сестра Варвара, управляющий Петр Федорович Ремез, дядька Клементий Григорьевич Нагорный, камердинер Иван Дмитриевич Седнев, ка-

мердинер Алексей Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов, камердинер Василий Федорович Челышев и, вероятно, много других, о которых тоже до нас не дошли еще сведения.

Из всех перечисленных злодеяний только об убийстве бывшего Государя Императора советскими властями было объявлено официально, причем акт этот был представлен обществу как народная казнь, совершенная над «коронованным палачом» по приговору Уральского Областного Совдепа. Об остальных же совершенных злодеяниях советские власти не только умолчали и скрыли от народа, но постарались прикрыть их лживыми заявлениями и инсценировкой побегов и похищений. Так, в отношении Членов Царской Семьи было объявлено, что «жена и сын» отправлены в надежное место, а о Великих Княжнах вовсе ничего не упоминалось. Когда почти через год убийство выплыло наружу, то советские главари использовали его для провоцирования своих политических сотрудников в Москве, левых социалистов-революционеров, и инсценировали целый процесс, стремясь представить дело, как попытку левых эсеров дискредитировать советскую власть. В качестве обвиняемых были привлечены какие-то Яхонтов, Грузинов и Малютин – члены Екатеринбургского совдепа, Мария Апроскина и Елизавета Миронова и 9 красноармейцев. Все эти лица были признаны виновными, приговорены к расстрелу и расстреляны.

Категорически утверждаю, что перечисленные по фамилиям лица в расстреле Царской Семьи не участвовали.

В отношении убитых в Алапаевске Великой Княгини, Велико-го Князя, князей и остальных лиц, содержащихся в Напольной школе, советские власти объявили, что они все похищены какой-то белогвардейской бандой, напавшей на охрану. Дабы заставить окружавшее население поверить этому вымыслу, большевики, уже после совершения убийства, разыграли провокационное сражение с мнимым противником, а для большей убедительности пристрелили содержавшегося в арестном доме за пьянство мужичка и, перетащив его тело к школе, выдали труп за одного из убитых ими белогвардейцев.

Такой же провокационный слух о похищении белогвардейца-ми был распушен большевиками и в отношении Великого Князя Михаила Александровича; в действительности же, Он был уведен и убит тремя членами Мотовилихинской чрезвычайки.

Все это указывает, что убийству Августейшей Семьи и Членов Дома Романовых советские власти придавали чрезвычайно важное

значение в деле подготовки для себя будущей победы, но, с другой стороны, уже тогда боялись народа и усиленно распускали в нем сведения, что Царская Семья вывезена в Германию. Народ и сейчас во многих местах не верит в расстрел бывшего Государя, и по России ходит легенда о том, как Он скрывается, переодетый простым мужиком, в деревнях Сибири и появится снова на своем троне, когда народ очистит Россию от генералов и буржуев, свергнувших Его с престола. «Тогда, – говорит мужик, – будет Царь и народ, и между ними никого не будет». И вот этого второго устоя русского народа, устоя, созданного самими народом в своей бытовой идеологии, Бронштейн и Ленин бояться не меньше, чем устоя религиозного. Народ до правды доходит больше инстинктом; умственные рассуждения массе еще не доступны. И после свержения Царя народ чувствует, что правое дело не на стороне тех, кто свергал Царя и кто после Него стал править землей.

Вот почему главари советской власти так старательно скрывают, что убийство Царя и Царской Семьи было сделано по их приказанию.

С нашей стороны, официального Правительственного сообщения об убийстве большевиками Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых до настоящего времени не последовало. Вероятно, пройдет еще немало времени, когда будущая национальная русская власть, опираясь на результаты следственного производства, сможет оповестить мир о небывалой трагедии, разыгравшейся летом 1918 года на Урале, и особенно о кошмарном злодеянии, совершенном Бронштейном, Лениным, Янкелем Свердловым и Исааком Голощекиным в Екатеринбурге, в доме Ипатьева, в ночь с 16-го на 17-ое июля по новому стилю.

Появившиеся в нашей печати в разное время частные извещения, заметки, статьи и даже отдельные книги трактовали о судьбе, постигшей Членов Царской Семьи и других Членов Дома Романовых, чрезвычайно различно; некоторые, преимущественно черпавшие сведения из-за границы, отличались полным вымыслом и фантазией; другие – в зависимости от личных впечатлений авторов или степени их знакомства с фактической стороной дела – приближались к истине, но, конечно, не могли возместить отсутствия опубликования официальных следственных данных. Такое положение часто давало пищу для ошибочно неправильных или даже умышленно ложных заключений по вопросу исключительной важности для русского народа.

В начале февраля 1919 года покойный Верховный Правитель Адмирал Колчак имел определенное намерение опубликовать официально о всех убийствах Членов Дома Романовых, совершенных большевиками на Урале летом 1918 года. Это сообщение, нося совершенно объективный характер и констатируя только факт происшедших злодеяний, должно было быть выпущенным, как акт Правительства, для ознакомления которого с делом судебным следователем Соколовым, по приказанию министра юстиции Старынкевича, была составлена краткая сводка документальных данных, с упоминанием в ней только для членов Правительства таких материалов, которые по нашим законам до окончания следствия ни в коем случае опубликованию не подлежали. Такого рода справки для генерал-прокуроров (каковым является министр юстиции) в течение самого следственного производства законом установлены.

К сожалению, некоторые из лиц тогдашних высших сфер Омска, ослепленные узкой партийной борьбой между собой, решили использовать намерение Адмирала Колчака для своих целей. Управляющий в то время делами Совета Министров Тельберг, без ведома министра юстиции, взял из ящика его письменного стола приготовленную Соколовым секретную справку и передал ее в редакцию газеты «Заря», которая на следующее же утро поместила ее полностью на страницах газеты. Верховный Правитель приказал немедленно конфисковать еще не успевшие разойтись в розничной продаже номера; но дело было сорвано, шум поднялся невероятный, и Адмирал Колчак был вынужден отказаться от идеи «официального Правительственного сообщения».

Тем не менее, можно думать, что теперь едва ли кто сомневается в самих фактах совершившихся на Урале убийств и, в частности, в факте убийства в Екатеринбурге именно всех Членов Царской Семьи, а не одного только бывшего Государя Императора, как о том сообщали советские власти. Но, как раньше, так и теперь, едва ли русское общество в массе, а тем паче — весь мир, имеют определенное сознание и суждение о том, кто были в действительности прямыми вдохновителями и руководителями этих кошмарных преступлений, а кто является косвенными виновниками их совершения? Были ли эти убийства случайными злодеяниями исключительно местных властей или инициатива их исполнения исходила свыше, от центра, и, наконец, какими целями и замыслами руководились главари убийств в их ужасных, нечеловеческих деяниях как при совершении самих убийств, так и в отношении сокрытия тел своих жертв?

Покойный Верховный Правитель, сознавая историческое значение убийства Членов Дома Романовых, решил расширить характер исследования этих преступлений, приблизив его по существу к практиковавшимся в особо важных случаях дореволюционного времени сенаторским следствиям; к этому побуждали его и те трения революционного времени, которые следственное производство встречало на месте в различных партийных и классовых расприх общественных, политических и военных деятелей, а равно и вообще неудовлетворительное само по себе первоначальное предварительное следствие, ведшееся следователями Екатеринбургского окружного суда.

17-го января 1919 года Адмирал Колчак возложил на меня общее руководство по расследованию и следствию по делам об убийстве на Урале Членов Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых. Я получил приказание расширить рамки производившегося в то время предварительного следствия по этим делам, не ограничиваясь узко только юридической стороной дела, но направляя общее исследование в целях освещения вопроса также с исторической и национальной точек зрения. Специально для ведения предварительного следствия мне был придан судебный следователь по особо важным делам Николай Алексеевич Соколов, а для выполнения требований следственного производства по розыскам и раскопкам моим помощником был назначен начальник Военно-Административного управления Екатеринбургского района генерал-майор Сергей Алексеевич Домантович.

Предоставление расследованию таких широких рамок, в связи с чрезвычайно талантливым и идейным ведением Соколовым самого следственного производства, позволили осветить эту мрачную и кровавую страницу истории русского народа в пределах полноты и ясности, допускаясь тем временем. Оставление нами в начале июля Екатеринбурга и Пермской губернии не дало возможности довести следствие до тех результатов, когда можно было бы поставить окончательную точку и сказать, что дело кончено. Нет, расследование и само следствие далеко не кончены, а в историческом и национальном отношениях, думается, нельзя было даже и мечтать его кончить, так как разработка этих вопросов до абсолютной полноты и точности требует не месяцев и годов, а целых десятилетий, и иногда очень многих.

За последнее время, преимущественно за границей, появилось несколько серьезных печатных трудов, основанных частью на вос-

поминаниях, а частью и на некоторых официальных документах следствия, об убийстве большевиками в Екатеринбурге Членов Царской Семьи. В Америке появилась книга упоминавшегося выше Тельберга, бывшего в Омске Управляющим делами Совета Министров; в Англии издана книга Вильтона, корреспондента газеты «Таймс», проводшего все время при следственных работах на Урале; во Франции изданы записки Жильера, бывшего воспитателя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича; в Пекине издана книга Игумена Серафима, сопровождавшего тела убитых в Алапаевске Великой Княгини и Великих Князей при перевозке Их из Алапаевска сначала до Читы, а затем до нашей Духовной миссии в Пекине. Располагая некоторыми официальными документами следствия, авторы имели возможность передать картину самого злодеяния с достаточной полнотой. Но нельзя делать таких вещей, как позволил себе Игумен Серафим. В труде, преследовавшем цель дать не только фактическое изложение событий, но и характеристику Августейших мучеников на основании документальных данных, он без всякой оценки и проверки правдоподобности, выписывает из советских «Известий» помещенное в них письмо, якобы написанное Государем Ленину, и оставляет читателя в убеждении, что это письмо действительно принадлежит перу покойного бывшего Царя. Очевидно, Игумен Серафим хотел использовать этот документ, как официальное подтверждение тех скверных условий, в каких содержалась Царская Семья в Екатеринбурге; но ведь вся книга Игумена Серафима направлена на идейную борьбу с проводниками идей большевизма; как же можно пользоваться для своей борьбы оружием, взятым из противного лагеря, не убедившись в силе этого оружия? Ведь противники Игумена Серафима прекрасно знают, что это письмо ими самими изобретено, как и много других документов...

Как перечисленные выше авторы, так и большинство остальных авторов вышедших до настоящего времени заметок, воспоминаний и повествований ограничиваются при указании убийц обыкновенным стереотипным наименованием их – «большевики», а само убийство относят к характеру одного из тех, хотя и выдающихся, но многочисленных рядовых убийств, которыми вообще ознаменовали большевики свою власть в России. Кроме того, большинство авторов ограничиваются простым констатированием факта зверского убийства, не выходя из рамок исследования его, как всякого другого зверского преступления, совершенного советскими

деятелями в период того лета, с точки зрения установления преступности физиономии той государственной власти, которая возымела дерзость выдавать себя за народную, демократическую власть.

Только в трудах Вильтона и Жильяра впервые в изложении тяжелой кровавой драмы, разыгравшейся в стенах дома Ипатьева, во-первых, зазвучали нотки душевного отношения и внимания к самим жертвам этой исторической драмы и, во-вторых, быть может, только инстинктивно убийство это выдвигается из ряда обычных большевистских злодеяний той эпохи на степень события национального значения для русского народа.

Вильтон и Жильяр, хотя и иностранцы, но, проживая подолгу в России и среди русского народа, как люди чистые и чуткие сердцем, как люди, глубоко и искренно любившие русского человека, наконец, как люди наблюдательные и искренние по натуре, – переживя с русским народом трагедию его разложения, революции и бездны, – почуяли инстинктом и сердцем правду: эти убийства совершенно исключительны, и не только для русского народа, но и для всего мира.

Мир часто не видит правды, не хочет правды и не любит правды; по некоторым вопросам он настолько боится правды, что напоминает страуса, прячущего в маленькую ямку голову и думающего, что если он не видит, то и его никто не видит; иногда ложный страх перед правдой так велик, так безумно страшен, что мир сам начинает разрушать свое, близкое, дорогое, сознательно идет по линии разрушения, только чтобы не подумал кто-то, что он видит правду, понимает ее и ненавидит источники этой правды. Заставить мир убедиться в правде – это задача, кажется, бесцельная.

Но, к счастью, мир наполнен неодинаково мыслящими людьми: есть люди, и особенно богата ими Россия, где Христианская вера научила людей сердцем воспринимать правду и идти к ее свету и свободе не ветхозаветным законом еврейства – «око за око и зуб за зуб», – а великой заповедью Христа – проповедью Евангелия любви...

Убийства Членов Царской Семьи и других Членов Дома Романовых представляются убийствами совершенно исключительными.

Это не были зверские убийства возмущенной толпы, разъяренной черни, ибо русский народ участия в них не принимал.

Это не «казнь» коронованных особ, которые знает история революций, ибо все совершилось без всякого суда и без участия народа.

Это даже не изуверское истребление, как в былые времена, язычником Нероном первых мучеников Христианства, ибо Нерон из своих зверств устраивал зрелища для народа, а не скрывал от него и не боялся его.

Это было уничтожение советской властью намеченных жертв в определенный, по особым обстоятельствам, период времени: июнь – июль 1918 года.

Это были преступления идейные, фанатические, изуверские, но совершившиеся скрытно, в тайне, во лжи и обмане от Христианского русского народа.

Это было планомерное, заранее обдуманное и подготовленное истребление Членов Дома Романовых и исключительно близких им по духу и верованию лиц.

Прямая линия династии Романовых кончилась: она началась в Ипатьевском монастыре Костромской губернии и кончилась – в Ипатьевском доме города Екатеринбурга. Новое восшествие на Российский престол кого-либо из оставшихся в живых Членов боковых линий Дома Романовых, конечно, может случиться, но не как выдвижение кандидата какой-либо политической партией, группой или отдельными лицами, а только постановлением будущего Всероссийского Земского Собора. Во всяком случае, убийство бывшего Императора Николая II и Его Августейшей Семьи, в связи с убийством и других Членов Дома Романовых, составляет историческую эру. Из этого одного уже вытекает, что убийства эти не могут быть отнесены к характеру обыденных, зверских, очередных убийств, совершенных теми или другими «случайными» большевистскими деятелями, а имеют свою великую, глубокую, национальную и духовную историю в прошлой жизни русского народа и будут иметь и великое воспитательное, созидательное и государственное будущее для всей России, а возможно, и для всего мира.

Мы знаем, что активным выступлением русской интеллигенции, при пассивном отношении народной массы, Дом Романовых был свергнут с Российского престола в феврале 1917 года, но на жизнь Его Членов рука наша не поднялась.

Мы знаем, что Германия не смогла одолеть своих противников в честном, открытом бою; тогда, не брезгая средствами борьбы, она бросила на наш фронт и тыл подлейшее из орудий борьбы, ужаснейший из ядов – яд политический, яд большевизма, заразу анархии. Но сама стала жертвой нанятых ею для этой борьбы рабов.

Мы знаем, что народ советской России и до сих пор не знает, что совершили его властелины; какие кровавые, зверские преступления навязаны ему ныне историей и волей его теперешних вождей. Но мы знаем и то, что над Романовыми не было народного суда, и вожди не посмели прибегнуть к нему для своих целей.

Кто же были «эти большевики», которых называют убийцами Члена Дома Романовых? Кто были эти «холопы» и «наймиты», которые не только ослушались своих хозяев – немецкого Генерального штаба, но оказались и хитрее его, и подлее его, и сильнее немецкого народа, и уж, конечно, беспринципнее и безнравственнее его?

Дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы составляло задачу следствия. Н.А. Соколов имел в своем распоряжении всего пять месяцев работы, то есть с 7 февраля, дня его назначения, до 10 июля, когда следствие пришлось прервать в виду приближения к Екатеринбургскому району большевиком и оставления нами этого района. Тем не менее, собранный им материал дает основание неоспоримо установить факт совершенных убийств в Екатеринбурге, Алапаевске и Перми всех упомянутых выше Членов Дома Романовых и осветить в достаточной мере те предположения, на которые наткнулось следствие в отношении того, что предприняли руководители преступления, чтобы скрыть тела убитых в Екатеринбурге бывшего Государя Императора и Его Августейшей Семьи и какой способ сокрытия тел был ими применен. Далее следствию с достаточной доказательностью удалось установить данные для суждения о том, кто были руководителями и прямыми исполнителями всех этих преступлений, и собрать некоторый материал для выводов о косвенных виновниках трагической гибели Членов Дома Романовых...

С политически-гражданской точки зрения, в мире бывают Цари, которые по своей натуре призваны царствовать, но бывают Цари, которые по своей натуре призваны быть мучениками царствования. Ко вторым относится и покойный бывший Император.

Но с точки зрения идеологии русского народа, есть еще и другая сторона – духовный символ, олицетворяемый в фигуре Царя, Помазанника Божия. Осветить, по мере сил и возможности, убитых Царя и Царицу с этой стороны расследование считало себя обязанным, исходя из таких соображений: свержение Царя, который в мировоззрении народа является только Правителем, представляется преступлением по «форме», преступлением политически-гражданским; свержение же Царя, который в мировоззрении народа явля-

ется еще и Помазанником Божиим, представляется преступлением по «духу», затрагивающим в корне все историческое, национальное и религиозное мировоззрение народа и выбивающим из-под ног его нравственные устои его жизни и быта. После этого он, естественно, легко впадает в крайности. Мы все повинны в бедствиях, постигших нашу Родину; мы все повинны в том, что еще до революции между нами, интеллигентами, и народом оказалась пропасть; мы все повинны в том, что народ оказался не с нами, а с пришлыми, ему совершенно чужими нехристями; наконец, мы все повинны в трагической судьбе, постигшей Дом Романовых, хотя и не участвовали фактически в ужасных кровавых злодеяниях.

Но все это создано не сейчас, не в ближайшее только время, а подходило исподволь, нарастало издали — из далекого прошлого нашей истории, и, медленно катясь клубком, все нарастало и нарастало, пока, наконец, не прорвало последней нити между Царем и народом, связывавшей их духовной идеологией. В этом окончательном разрыве повинно исключительно наше время, и последнюю ступень исторической нисходящей лестницы к большевизму перешагнули мы, бросив народ в рабство правителям религии Лжи.

Но твердо верится, что русский народ, даже придушенный гнетом, голодом, разорением и террором теперешних его «Дьявола милостью» вождей, сознав свое роковое заблуждение в путях истинного Христова учения, снова найдет в себе ту, Богом данную ему, Святую искру веры и любви для начала своего будущего возрождения, которая во все серьезные времена его исторического прошлого являлась путеводной звездой для новой, светлой жизни во Христе, под стягом «Божьей милостью».

Не ради возбуждения чувства мести, не ради новых жертв, крови и проявления низкой, жестокой и беспечной злобы хочу я поделиться мыслями, выводами и чувствами, вызванными во мне изучением и исследованием обстоятельств этой трагической странички нашей истории. Пусть каждый, читая мои записки, помнит великие слова Иисуса Христа: «Милости хочу Я, а не жертвы». И как величественна в царстве Православной Церкви была смерть Членов Царской Семьи, так пусть и народ русский, руководимый и просвещенный Божиим Промыслом, найдет в себе мудрость и величественное решение не для осуществления мщения, а для приведения к Великому Воскресению тех, кто был прямыми виновниками, вдохновителями и руководителями страшных преступлений против народа, веры и заповедей Христа...

27-го февраля 1917 года в городе Петрограде, по инициативе представителей народа, в лице членов Государственной Думы, революционным порядком, было низложено правительство Императора Николая II...

Самодержавие династии Романовых прервалось по решению Главы Дома Романовых и народных представителей, составлявших Государственную Думу.

Но вместе с ним, с Главою, пала и сама династия.

Периоду царствования династии Романовых скромное Московское Государство обязано возвеличением до степени Великой Российской Державы. За эти 300 лет Россия стала величайшей мировой страной, не только по своим размерам, но и по своему государственному и политическому значению. Этим в достаточной мере определяется историческое значение для русского народа периода царствования самодержавной династии Романовых, и этого ее значения из истории России ничто исключить не может...

Государь Император Николай II добровольно подчинился воле народных представителей России, стремясь, по собственному Его выражению, облегчить народу в переживавшиеся тяжелые дни теснее объединиться и сплотить все свои силы для достижения «победы, благоденствия и славы». «Да поможет Господь Бог России», – кончал Свое обращение к народу бывший Царь, становясь, казалось бы, с этого момента совершенно безопасным для народных представителей новой России...

С первого шага революционного пути – низложения Романовской династии – члены Государственной Думы в глубине своей человеческой совести должны были вполне сознать, что они сохранили народное представительство только по названию, по форме. В революционном мятеже в столице они оказались не вождями движения, не свободными руководителями революции, не правомочными вдохновителями ее путей, а восторженными главарями только своих политических партий без «права и свободы». Столичный «народ», который являлся их единственной силой и действительным фактором для производства революции и переворота, был не с ними...

С 27-го февраля, с момента крушения той формы, которая в представлении либеральной интеллигенции рисовалась деспотическим правлением, Россия неудержимо катилась в бездну.

Большие умы были «западнические», а не русские. Среди интеллигенции было много людей с русской душой, но Дух был не русского христианина...

Первоначальные руководители революции, став 27-го февраля на незаконную почву, конечно, не предвидели ужасной катастрофы, постигшей Царскую Семью 17-го июля 1918 года. Они действовали с искренним убеждением, что принесут благо родине и народу; они горели желанием дать еще большее величие своей отчизне путем доведения войны до победоносного конца; они воодушевлены были мечтой своего глубокого и могучего единения со всем народом; их умы были широко насыщены учениями о народовластии; их души были русскими, гуманными, жалостливыми, сентиментальными; они не любили крови, боялись ее, и даже их революция оказалась бескровною. Тем более, конечно, они ни минуты не допускали мысли о возможности пролития крови Царской Семьи.

Но кровь Августейших Православных Мучеников пролилась. Злодеяние совершили изуверы советской власти. И в крови Царя, Царицы и их бедных детей повинна и вся Россия. Повинны и те народные избранники Государственной Думы, которые приняли на себя смелость и дерзновение руководить переворотом, хотя бы такое руководство признавалось ими вынужденным силою обстоятельств, сложившихся к моменту выхода революции на улицы столицы.

Заключение это базируется на том основании, что под официальным обликом, во внутреннем содержании февральской революции, с первого дня ее возникновения, проявился элемент, логически направлявший последовавшие события к кровавому преступлению 17-го июля. Этот элемент выразился в роковой непоследовательности между словом и делом всех деятелей несчастной революции...

Пусть они были искренни в теоретичности и соответствии своих убеждений, пусть честно и горячо верили в благо своих идей, стремлений и желаний, пусть были крупными умственными величинами русской интеллигенции, и тем не менее слишком ясно, что что-то было ими упущено, что-то не учтено, что-то не согласовано и что-то не понято именно в народе «земли русской», что не только разрушило, как смерч, много десятков лет лелеянные мечты, но и повергло народ в бездну и залило на вечные времена святой кровью Православных Мучеников православный русский люд и славную, исключительную историю Государства Российского.

Не ради критики и осуждения минувших деятелей интеллигенции, а ради нудного, бесцельного самооплевывания и никчемного плача Вавилонского приходится копать в гнойных язвах пережитого времени... Это надо не для политической борьбы раз-

личных партий и организаций, а для здорового и здорового самопознания, для установления и возрождения духа народа «вся земля», для могучего подъема сил на святую борьбу за свое, за истинное и исконное русское, что никогда не умирало, не умерло и теперь и не умрет в будущем, за величественный, исторический идеал святой Троицы на земле, отождествляемый национально сложившейся идеологией русского народа в Духе, смысле и содержании своего Российского самодержавия, освящаемого Христовым учением в православном веровании.

«Как вы можете верить, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?» – говорит русскому народу учение Христа...

Но в пределе народной житейской идеологии лежит именно «слава от Бога...» С этой же идеологией он подходит и к разрешению вопроса о своем государственном строительстве на земле: «А хотя бы выбирать на Московское государство Царя и Великого Князя, коего всесильный Вседержитель Бог изволит, и Пречистая Богородица»...

Эта идеология для западно-европейского ума кажется мистической, неземною, трудно понятною, но она чисто русская, религиозно-бытовая. Каковой она была в XVII веке, таковой она осталась и ныне, неизменной, глубоко духовной и глубоко религиозной. Этот тот исключительный духовно-психологический склад натуры русского человека «вся земли»; который чувствовали Достоевский, Пушкин, В. Соловьев, Мережковский, но которого чуждались и как бы стыдились многие и многие из руководителей интеллигентного класса народа. Это тот внутренний, неулавливаемый и непонятный для всякого иностранца склад, который в его глазах уподоблял русский народ какому-то сфинксу, таинственному существу, чему-то непостижимому для других народов, высшему их, и вместе с тем низшему по всей своей внешней оболочке жизни, умознанию и культуре. Постигнуть идею русского самодержавия европейцу не по силам; он только боялся ее. Так древний Израильянин принимал религию в Единого Бога через страх, через боязнь Его гнева, Его Лица.

Но для христианского русского народа его земная религия о власти, его идеология власти покоилась не на страхе и боязни, а на высокой, доведенной до полного совершенства и бесконечной чистоты заповеди о любви. В духовном, предельном идеале русского самодержавия заключена такая же цельная идея о троичности в одном лице, какая положена была Христом в Его учении о Едином Боге в трех лицах: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой – три

лица, нераздельно связанные, единосущие в лице Единого Всемогущего Бога. Церковь, Царь и земля – три нераздельных лица в духовной идее русского народа о самодержавной власти Верховного Правителя на земле. Внутреннее духовное сознание народа проникнуто их нераздельностью не по форме, не в телесном понятии, как не может быть принимаемо и телесное троеличие Божества, а с точки зрения тех совершенных нравственных принципов и государственных положений, к которым в идеале стремится и которых жаждет внутренняя духовная природа русского народа, способная до конца воспринять великое учение Иисуса Христа о любви.

Большим заблуждением и роковым самообманом было бы утверждение в том мнении, что перерыв династии Романовых в России был обязан исключительно «тяжелым условиям внутренней разрухи, вызванной мерами правительства периода царствования Императора Николая II». Эта причина в историческом отношении не может быть признана удовлетворительной даже для оправдания обстоятельств, вызвавших переворот 27-го февраля и повлекших за собой низложение Государя Императора Николая Александровича. Равным образом и самую внутреннюю «разруху» нельзя приписывать всецело и исключительно мерам Правительства бывшего Царя, так как после изменения порядка и воцарения «Министерства Общественного Доверия», разруха не только не остановилась, но продолжала развиваться и углубляться с головокружительной быстротой. Внутренняя разруха, переворот 27-го февраля, отречение от престола Императора Николая II, революция и падение династии Романовых вызваны были, естественно, более действительными, более серьезными причинами, корни которых кроются не во внешних формах существовавшего государственного строя, не в отдельных лицах династии и привлеченных к исполнительной власти министров и сановников, не в тех или других отдельных случаях насилия власти над личностью, не в той распускавшейся молве о гнете, жестокости и произволе правительственных агентов над населением, которая муссировалась умышленно анти-самодержавной агитацией, исходившей из рядов той же интеллигенции, а в глубоких потрясениях духовно-социального характера, сопутствовавших, почти не прерывавшиеся цепью явлений, государственную жизнь русского народа в течение всей эпохи царствования Дома Романовых. Во главе всех потрясений должны быть поставлены явления, подвергавшие Российскую Державу великим искушениям в области идеологического мировоззрения народа на сущность

его Верховной власти. Из сущности и свойств этих искушений, отличных друг от друга в различные периоды истории, вытекали уже прочие потрясения, как следствия возникавших противоречий между действительностью государственной жизни народа и его идейными стремлениями...

Величественно творение Российского Государства в эпоху царствования династии Романовых, и история не может отделить этой величественности от творцов творения – Державных Вождей Романовского Дома. С Их именами органически связана слава Русского Государства, и пытаться умалять Их значение в строительстве этого величественного здания было бы равносильно безумию или полной слепоте. Оглядываясь на государственное творчество первых Царей династии Романовых, профессор Платонов говорит: «Всматриваясь во все эти исторические лица, мы видим их личные особенности, отмечаем их слабости, осуждаем их грехи; но ни у кого из них не замечаем и тени своекорыстного эгоизма и пренебрежения обязанностями того высокого сана, который им даровал Бог и вручила «вся земля». Власть не ослепляла Их, как ослепляет она обыкновенного человека; они непоколебимо верили, что власть Им дана от Бога. Отсюда именно отсутствие корысти, отсутствие пренебрежения к своим обязанностям и сознание высокого долга; Они знали, что и народ разделяет ту же веру и признает своих Царей «помазанниками Божьими», ответственными только перед Богом. Лишь при наличии такого высокого, чистого и светлого понимания власти Царем и Его народом, только в этом духовном слиянии «всея земли» от Царя до последнего крестьянина, могла проявиться та громадная творческая сила, которая была необходима как для восстановления почти совершенно разоренного Московского царства, так и для создания Петром Великим Великодержавной России и для сохранения ее во все последующее время.

Жизнеспособность великих духовных идей в сердцах людей непостоянна; особенным непостоянством отличается степень их распространения в массе людей, в целом народе страны, образуемом из различных сословий и классов по социальному положению и по степени умственного и духовного развития. Идея, под влиянием тех или других причин, то вспыхивает ярким пламенем, зажигает все существо человека, заглушает в нем инстинкты личного начала, эгоистические побуждения, бросает его на служение общим задачам, подымает его на великие подвиги самоотречения и жертвы, претворяет обыденного человека в общественного героя и вен-

чает славою победы или венцом бессмертия в памяти потомства, то обратно – напряжение элементов идеи слабеет, она носится человеческим сердцем как форма, как спокойное чувство, она не горит, а тлеет, будничные условия личной жизни выдвигаются над ней, в человеке пробиваются эгоистические начала, внимание сосредотачивается на своих интересах; сухой расчет, злая воля доминируют, идея, требующая веры, заглушается отвлеченными теориями ума. В одних сословиях, живущих более сердцем, идея цветет прочнее, глубже захватывает существо, служит источником утешения и светлых надежд на будущее. В других, живущих рассудком, идея колеблется и меркнет под влиянием холодного анализа, гордыни ума и увлечения земным. То вспыхнет вдруг духовная идея, как зарево во всех людских сердцах всех сословий и классов, воспламенит, зажжет и объединит их для единого порыва и подвига, и тогда совершаются величайшие в жизни народа события, отмечающие великие эры, эпохи и эволюции в истории страны или мира. Такие общие вспышки духовных идей редки, их вызывают исключительные обстоятельства. В обычное же время они живут, горят, теплятся, но не пылают, и их приходится ограждать, порой напряженной борьбой, от заманчивых искушений повседневной жизни, расчета, честолюбия и злой воли людей.

В таком же непостоянстве жила и живет духовная идеология русского народа. Тяжелый, но славный долг ограждать ее святость, целостность, неприкосновенность и давность выпала за последние 300 лет на носителей этой идеологии от Бога и «всея земли», на Державных Вождей Дома Романовых...

Теперь, когда над Россией пронеслась еще более ужасная угроза смуты и разорения, чем гроза начала XVII века, едва ли найдется русский человек с чистым сердцем и сохранившейся совестью, который не сознавал бы всем своим существом, всеми фибрами растерзанной души, что в «безумии» защиты бывшими Царями Романовского Дома самодержавной идеи власти крылась великая «мудрость». Но тогда, в период Их трехсотлетнего царствования, эта борьба Их, в связи с вытекавшими из нее противоречиями в действительности жизни, создала глубокую историческую трагедию для всего Дома Романовых, постепенное и последовательное развитие которой, в общем направлении углубления противоречий, привело по воле же Всевышнего Творца к падению династии в феврале 1917 года.

Наиболее напряженным и все глубже обострившимся периодом указанной борьбы является период правления династии Рома-

новых, начиная с начала XIX столетия. В эту эпоху работа мысли русской интеллигенции развивалась по двум диаметрально противоположным путям: западнофильскому и славянофильскому...

С присущим натуре русского человека горением в искательстве истины, света, совершенства, русская интеллигенция увлекалась теоретическими учениями великих иностранных мыслителей, политико-экономов, ученых и историков до самозабвения, до крайностей, до слепоты, порой до самоотречения и самопожертвования. Особенно далеко заходили в этом отношении западники. В слепом увлечении чужим, они обратили слишком мало внимания на появление со второй четверти XIX века своих великих мыслителей, своих ученых, своих великих психологов и философов, своих могучих историков, которые в своих учениях, мыслях, исследованиях и заключениях исходили исключительно с отправных точек, присущих своему народу, его истории, его психологии, его быту и его душе. Европейская мысль до последних дней оставалась довлеющей, руководящей умами и сердцами русской интеллигенции; идеями запада увлекались не только отвлеченно, но возводили их в непреложные истины, отождествляли религиям и с фанатическим безумием умирали во имя насаждения их и культивировки у себя, в России, в среде русского народа.

Крупных представителей национально-философского понимания славянофильства было немного: Хомяков и отчасти Аксаковы и Киреевские. Остальные представители славянофильского течения, с одной стороны, опирались лишь на общие славянские основания, не являвшиеся присущими исключительно русскому народу и не отражавшими в полной мере его национальных мировоззрений, и, с другой, сильно увлекались крайностями, и пути их давали слишком много поводов к обвинению в шовинизме последователей течения. Это привело к тому, что к началу XX столетия славянофильство, как национально-государственная мысль, почти совершенно заглохло. Западнофильское течение восторжествовало окончательно. Свою народившуюся уже к тому времени школу русской мысли оно почти совершенно игнорировало; оно как бы не верило своим учителям, своим мыслителям, своим пророкам. Слишком все то, о чем они заговорили, отличалось от того, что несло с запада. Слишком впиталось уже увлечение западничеством, слишком много было принесено во имя его идей жертв, чтобы так просто отказаться от чужого, сознаться в своих заблуждениях и увлечениях, поверить своим пророкам, своим великим мыслителям и

ученым и стать прежде всего на прочную, действительную почву своей русской мысли, русской души и русского духа...

В то время, как русские бояре-западники, в исканиях человеческих политических идей о власти и национальном строительстве государства Российского, устремили все свои помыслы на запад, тратили силы и время на изучение и заучивание теорий, доктрин и философии великих европейских мыслителей, скромные труженики, но великие умом и любовью к своему русскому, исторически-духовному, стали пытаться доискиваться той же истины в истории своего народа, в его быте, его психологии, его религии. Немного их было, и приняли их не так, как были приняты иноверные боги мысли западной Европы. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев, Платонов, Ключевский, Чичерин, Мережковский – вот почти и все. Но именно теперь, в переживаемую величайшую смуту и разорение земли русской, как ясно сказываются гениальность и величие трудов и творчества этих немногих истинно-русских мыслителей, ученых, философов, историков и пророков и значение их для русского народа и его будущности. Они просто, точно и неоспоримо, прежде всего, устанавливают две основные истины: все то, что в интересах политической идеи о власти ищется на западе, можно было найти в истории своего народа и своей страны, и все то, что мысль бояр-западников пыталась создать в области идеологии о власти, надо черпать из натуры и духа своего народа, а не чуждых народов Западной Европы.

Научное исследование истории русского государства говорит, что тенденция современных бояр-западников к борьбе с народной идеологией о власти имела своих предшественников в лице князей-бояр и просто бояр, руководившихся тоже человеческой жадной властью и стремившихся поэтому к учреждению на Руси олигархических принципов власти...

Б. Чичерин выражает народную идею о власти в политическом отношении определенно: «Бояре не раз старались при выборе Царя ограничить его известными условиями. Но эти стремления не находили отголоска в земле, которая справедливо предпочитала самодержавие олигархии».

Совершенно к таким же определенным заключениям приходят ученые историки и при исследовании идеологии народа на власть с точки зрения ее духовного происхождения... Для Православного христианина не могло быть иного понятия о власти, как то, которое было дано Апостолом Павлом: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога»...

Весь этот исторический материал бояре-западники могли при желании и действительной любви к своему народу почерпнуть несравненно ранее, чем он предоставлен был упомянутыми выше русскими учеными. Не надо было бы тратить силы и время, жертвовать жизнью, в поисках на западе истины для русского народа, а нужно было познать свое, чтобы понять всю отчужденность мысли и веры русского народа от идеалов запада и не пытаться вести его путем насилия над духом. Чего же добивались бояре-западники? К чему стремились и к чему вели Россию?

Теперь вопросы эти уже не требуют ответа.

Но если бы в свое время в сердцах западников жила хоть капля истинной чистой любви к своему народному, веры в исходившее из народа, то еще в 1880 году их разрушительную работу и греховную борьбу с идеологией русского народа остановили бы слова великого пророка земли русской – Федора Михайловича Достоевского:

«Вы скажете: и «в общественных учреждениях», и в сани «Гражданина» может заключаться величайшая нравственная идея, что «гражданская идея» в нациях уже зрелых, развившихся, всегда заменяет первоначальную идею религиозную, которая в нее и вырождается и которой она по праву наследует. Да, так многие утверждают, но мы такой фантазии еще не видали в осуществлении. Когда изживалась нравственно-религиозная идея в национальности, то всегда наступала панически-трусливая потребность единения с единственною целью «спасти животики»; других целей гражданского единения тогда не бывает. Вот теперь французская буржуазия единится именно с этою целью «спасения животешек» от четвертого ломящегося в ее дверь сословия. Но «спасение животешек» есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца, предчувствие конца»...

«В этом предупреждении Достоевский указывает: во-первых, что западно-европейские государственные формы «народу нашему чужды и воле его не пригожи»; во-вторых, что западно-европейские народы, отказавшись от нравственно-религиозных принципов в идее единения, не способны никакими формами достигнуть действительного национального единения: «Были бы братья, будет и братство. Если же нет братьев, то никаким «учреждением» не получите братства»; и в-третьих, что является самым серьезным и важным в предупреждении Достоевского, что с исчезновением в национальности нравственно-религиозной идеи в сущности кончается и сама национальность государства, так как вместо нее остается

единственное единение во имя «спасения животишек», которое при возникновении первой опасности смотрит, «как бы поскорее рассыпаться врознь»...

В даре пророчества предчувствие Достоевского оказалось еще более ясновидящим:

«Да, она накануне падения ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней, без Церкви и без Христа (ибо Церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в Государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все общее и все абсолютное, этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан. Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь, и если ему не отворят, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший закон. На компромисс, на уступочки не пойдет, подпорочками не спасете здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит Нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедываемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жида, все это рухнет в один миг и бесследно, кроме разве жидов, которые и тогда найдутся как поступить, так что им даже в руку будет работа. Все это «близко, при дверях». Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся. Дай Бог Вам веку, сами увидите. Удивитесь тогда». Достоевский верил, что эти волны грядущего разрушения всего прошлого «разобьются лишь о наш берег, ибо тогда только, въявь и воочию обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского. Тогда и вы, гг. доктринеры, может быть, спохватитесь и начнете искать у нас «народных начал», над которыми теперь только смеетесь»...

Умеренные бояре-западники, демократы-либералы, вспомнили теперь о крестьянине-христианине, которому в 1917 году ими было предназначено место служить быдлом, козлом отпущения и пушечным мясом в парламентском строительстве России и красивым флагом-флером для прикрытия политических форм, «народу нашему чуждых и воле его непригожих». А теперь?! – Все на крестьянина: для него будущая Россия, в нем таятся силы для возрождения страны, он свергнет большевистское иго.

Ну а кто ими будет править тогда? Вы, гг. рассыпавшиеся доктринеры? Опять с вашими формами, «народу нашему чуждыми и воле его непригожими»?

Бояре-западники социалисты пошли теперь еще дальше, чем указанные выше их непримиримые враги бояре-западники демо-

краты-либералы: «Если надо, чтобы для свержения большевизма Россия вернулась к монархии, пусть будет монархия, лишь бы вернуть ее за тот максимальный политический рубеж, через который перешагнули большевики». Прежде всего, что это за рубеж? Всякий рубеж в политическом отношении есть ограничение, насилие над свободной волей, понятие, не соответствующее свободе мнения, совести и личности, проповедуемой самим социалистическим учением. Не служит ли это указанием на существование в самом учении какой-то... существенной неувязки, дисгармонии между идеями и их применением? Ну, а затем? Когда Россия вернется снова к монархизму? Вы, гг. бояре-социалисты, откажетесь от новых попыток и экспериментов в насаждении в ней форм, «народу нашему чуждых и воле его непригожих»?

Нет, не спасти Россию ни боярам-западникам демократам с крестьянами, ни боярам-западникам социалистам с монархией; не спасти Россию отдельным сословиям, классам и кастам; не спасти ее каким-либо политическим партиям. Россия не может быть ни пролетарской, ни крестьянской, ни рабочей, ни служилой, ни боярской. Россия может быть только Россией Христа, Россией «вся земля». Надо прочувствовать это, познать это и поверить в это. Здесь нет ни монархистов, ни кадетов, ни октябристов, ни трудовиков, ни социалистов; здесь нет ни классов, ни сословий, ни чиновников, ни генералов, ни офицеров, ни купцов, ни фабрикантов, ни рабочих, ни крестьян. Здесь только одно – национальная Россия, с ее исторической нравственно-религиозной идеологией.

За эту-то Россию и боролись Державные Вожди Романовской династии. Боролись, как умели, как Бог давал разума, и если грешили в умении, то в духе и идее были велики и святы.

В этой борьбе создалась для династии Романовых тяжелая, сложная историческая трагедия, которая в связи с временным ослаблением во «вся земле» горения идеи, привела к смертельной агонии последней царствовавшей Августейшей Семьи...

Знаменитые слова Великого Преобразователя России: «О Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия в благоденствии и славе», – сказанные перед Полтавской битвой, стали историческими, и до сих пор сохраняют в русском народе свою величественность, силу и значение... Этим взаимным нравственным обязательством Царя и народа объясняется слияние их в одно целое, нераздельное, идеологическое понятие о Русском Государстве, понятие, освящаемое Божественностью исхождения власти и «По-

мазанничеством» на царство Верховного Главы власти. Поэтому слова Царя Петра, что ему жизнь не дорога, а жила бы только Россия, вполне искренни, так как являлись выразителями той идеологии о верховной власти, которую исповедывал он сам...

То, что Царь Петр выразил словами перед Полтавской битвой, то Император Николай II со всей Своей Семейю агонией и смертью показал на деле свое идейное слияние с русским народом, во имя блага народа, до конца, до смерти, открыв этим русскому народу истинный путь к воскресению и победе над «общим земским грехом, по зависти дьявола» учиненном.

Несомненно, что по гениальности, гражданской твердости воли и характера, Царь Петр превосходил Императора Николая II. Но в чем они были равносильны и равнотверды, так это в глубине и искренности веры в происхождение своей самодержавной власти от Бога и в соответствии ее исторической и вечной идеологии русского народа. По степени восприятия религиозно-нравственных начал идеи Божественности власти многое ставит Императора Николая II, как натуру, более соответствовавшую по духовной мягкости, уравновешенности и любвеобилию к восприятию чистоты и святости Христова учения, даже выше Царя Петра...

Рассматривая Императора Николая II как носителя и охранителя Божественности происхождения власти русского Государя, нельзя отделять Его от Его Жены, Императрицы Александры Федоровны. В браке Государя и Государыни вполне оправдались слова Христа: «Так что они уже не двое, но одна плоть». Слияние Их было действительно полным; верой в святость самодержавной власти и в Помазанничество Божье Они горели оба с равной силой и с равным самоотвержением, но своей громадной волей и твердым характером Императрица Александра Федоровна дополняла в природе русского Царя то, чего не достало в натуре Императора Николая Александровича. Как люди, Они тяготились своей властью, своим державным положением, но как Царь и Царица России, унаследовав престол Русского Государства и приняв самодержавную, Богом прославленную историческую власть русских Государей, Они уверовали в истинность и в соответствие ее идеологии русского народа всею силою своих разумов. Слившись друг с другом «в одну плоть», Они слились с русской идеей о Верховной власти в одну душу. Они глубоко исповедывали, что высшее право над русским народом, предоставляемое Им самодержавною властью, заключается для них в высших обязанностях перед народом: «Если только нужно для

России, Мы готовы жертвовать и жизнью, и всем», – говорила Императрица Александра Федоровна. И это были не слова...

Покойный генерал Михаил Васильевич Алексеев рассказывал, что в начале 1916 года Государь Император, будучи в Ставке, три дня носил при себе указ о даровании России конституции. В эти дни Он почти не покидал своего кабинета и все время в большом волнении и задумчивости ходил по комнате из угла в угол. Указ этот не был Им подписан, но как-то в разговоре с Михаилом Васильевичем Государь сказал: «Я не верю, чтобы конституционное правление принесло благо России. Настоящая тяжелая война требует исключительных мер для поддержания в народе подъема, необходимого для победы, но народ никогда не будет уважать законов, исходящих, может быть, от его односельчан».

В исключительно тяжелое переживавшееся Россией время трудной, затяжной, внешней войны, при начавшей сказываться усталости страны и населения, при плохой и несоответственной работе не аппаратов государственного организма, а людей, обслуживающих эти аппараты, чиновничество, общественность и народные представители, составленные из людей, служивших в этих аппаратах, увлекшись западничеством, требовали от Царя, в качестве спасительной, исключительной меры, конституции – перемены формы и ломки тысячелетней идеологии русского народа «вся земля». Прав был Государь, говоря о необходимости исключительных мер для доведения войны до победоносного конца, прав был и в том, что дух русского человека «вся земля» не удовлетворится законами человеческими. Если ему закрыть веру, что он живет во всем «путями к Господу», то он пойдет в обратную сторону «по путям к дьяволу», но будет искать духа, а не формы.

В важных случаях исторической жизни русского государства Державные вожди народа имели обыкновение собирать соборы. Особенно богата ими эпоха Московских Царей. По своему составу и назначению соборы были разные, но особенной полнотой состава и широтой назначения является Собор 1613 года, получивший по праву название «Собора вся земля»... Время, переживавшееся Россией в эпоху существования этого «Собора вся земля», чрезвычайно схоже с периодом последнего царствования, начиная с 1905 года и по настоящий день, разве только не было тогда интернациональных течений Бронштейн-Апфельбаумовского направления, но чувствовалось взамен сего влияние «жидовствующих», история и роль коих в тогдашней России исследована еще далеко не с достаточной пол-

нотой. Народная же поэзия не исключает их влияния и тогда, и в речь Кузьмы Минина к Нижегородцам вкладывает следующие будто бы сказанные им слова: «Освободим мы матушку Москву от нечестивых Жидов, нечестивых Жидов, Поляков злых!»

Соборы эти, конечно, совершенно не содействовали западническим идеям о представительных палатах и парламентских учреждениях ни по своему составу, ни по духу, и являются чисто русским собраниями представителей «всех земель», вполне отвечающими той идеологии о власти, которая была заложена в основу понятия «всей земли» о своем государственном единении. Это были органы практического «слияния» Царя с народом, когда в важных случаях Царь желал слышать голос «всех земель» непосредственно, а не через агентов своей правительственной власти...

Совершенно справедливо замечание, которое могло бы найти себе полное выявление именно в форме и духе русских Соборов «всех земель», но не нашло своего отражения ни в представительных учреждениях народов Европы, ни в скопированных в России Государственных Думах и Советах. На Земских Соборах свобода мнения отдельных элементов стеснялась только общими для всей массы «всех земель» национальными и государственными понятиями; здесь же, в представительных учреждениях Европы и России последних лет, свобода мнения «избранников народа» замыкается в узкие и деспотические рамки многочисленных политических партий и платформ, а принятые избирательные системы и порядки совершенно не обеспечивают представительным учреждениям «всех земель» выявления мнений даже отдельных сословий. Капитальное исследование истории жизни и деятельности политических партий, произведенное М.Я. Острогорским, приводит к таким поучительным для всех, увлекающихся западничеством, выводам: «Политические партии имели своей задачей поддержать и развить активность и здоровый интерес к политическим вопросам в народных массах, получивших гражданские права. В действительности не только эта задача не была исполнена, но получился противоположный результат. Чем успешнее шла организационная работа партий, чем дальше и глубже раскидывали они свои шупальцы, подчиняя своему влиянию как массу избирателей, так и органы власти, тем более стеснялась личная инициатива, подавлялась свободная отзывчивость народа, и вместе с тем падал и общий интерес к политике. Народные представители, члены законодательных палат превратились в безгласных делегатов партий, лишенных свободы лич-

ного мнения, в послушных статистов, исполняющих волю партийных лидеров. И в народных массах, и в лучшей части более образованных общественных кругов все более заметно обнаруживаются признаки индифферентизма к политическим делам и не менее злобной терпимости к деспотизму партийных вожаков и фальсификаторов общественного мнения»...

27-го февраля 1917 года русское западное боярство стало, наконец, лицом к лицу с первыми представителями той самой части русского народа, которую оно же воспитывало в своих западнических тенденциях и выставляло в «общественном мнении» как народ «всея земли». И вот здесь, вместо «светлых теней будущего» пред их глазами предстала ужасная пропасть, страшная бездна между ними и «всея землей»; их 12-летнее воспитание уже успело закрыть перед духовными очами «всея земли» пути к Господу, и она оказалась довольно прочно стоящей на путях к дьяволу. Тогда только вспомнился боярам-западникам доблестный подвиг «последних людей Московского царства» в своей истории, но, не желая сознаваться в своем «земском грехе», они и тут не смогли отказаться от западничества и всеми силами души и тела ухватились за идею спасения «своих животишек» через западно-европейское политическое детище – Учредительное Собрание, которое, конечно, тоже оказалось «народу нашему чуждым», а потому и провалилось...

Здесь историческая трагедия династии Романовых подходит к началу агонии Государя Императора Николая Александровича и всей Его Семьи.

Основание агонии было построено на обмане и хитрости. Обман заключался в том, что представители «общественного мнения» убедили Государя, во-первых, что они действительные представители народа и выразители мнения «всея земли», и, во-вторых, что только они, принимая во внимание состояние страны, представленное «общественным мнением», смогут привести Россию к победе над внешним врагом и успокоят внутреннюю смуту, при условии отречения Государя от престола, передачи его брату Михаилу и отказа от самодержавия. Хитрость проявлялась в том, что, зная мягкость и слабость характера Государя, народные представители и бояре-западники предумышленно и злонамеренно отделили Его от Императрицы Александры Федоровны, для совершения насилия над Его волей и духом и исторжения необходимого им акта отречения. Факты не позволяют даже смягчить характер обмана и признать его невольным, не предусмотренным...

События 27–28 февраля слишком ясно указали на несостоятельность идеологии русских бояр-западников для культивировки ее на национальной, бытовой и духовной почве народа русского «вся земля». Конечно, не этой только выявившейся несостоятельностью исчерпываются все корни трагедии последней династии и все причины, приведшие к революции 1917 года, но преступное увлечение западничеством, отчужденность от своего исторического, ослепление «образцовыми» теориями и формами, «народу нашему чуждыми и воле его непригожими», привели к раздроблению интеллигентных сил страны в тот момент, когда сказалась необходимость противостоять, с должной национальной энергией и государственным единением, страшному напору действительно опасного и сильного противника культурно-христианского мира, его исконного врага, социалистически антихристового легиона сплоченных сынов «религии Лжи»...

Западники, ставящие в центр своих мировоззрений человека с его земными потребностями, естественно, в вопросах государственности народов не возвышаются в своих идеях выше материальных понятий социального единения человечества, в которых форма и дух этих единений отвечали бы земным стремлениям человека, соответственно переменчивым влияниям той или другой эпохи. Такие идеи государственных единений, конечно, неустойчивы, непостоянны и меняются не только веками, но гораздо чаще – через десятки лет, даже годами. Как бы ни прикрывались такие «гражданские» идеи доктринерскими учениями о свободе, братстве и равенстве, но в основе их все же остается стремление малой части доктринеров определенного социального толка данного времени владеть насильственно всем остальным человечеством, что и было причиной бесчисленных политических пертурбаций на западе за последние века, и что привело народы Европы не к идейным государственным единениям, а, как справедливо отмечает Достоевский, к единственно возможному «гражданскому» единению во имя «спасения животишек». На этом пути человечеством руководят не действительные идеи мирового смысла, не великие и вечные идеи одухотворенного значения, а «идейки» революционного или эволюционного порядка, вырабатывающиеся, как показывает история мира, в теоретическом мышлении различных государственных, политических и общественных деятелей народов, лишившихся нравственно-религиозных элементов в основе идей своего мирового существования. Такие народы неизбежно сходили со сцены мировой деятельности, и или совершенно исчезали с лица земли, или про-

должали свое существование в состоянии прозябания и медленно, но верного постепенного вымирания.

«Жизнь каждого народа имеет определенный смысл», – говорит Владимир Соловьев в своей книге «Русская идея». В религиозном отношении это истина, подтверждаемая рациональной философией: как не может не быть смысла в существовании общества людей – народа, связанных с ним и соединенных друг с другом, прежде всего, общностью идеи смысла своего существования на земле. Для русского народа смыслом существования, а отсюда и идеей его государственного единения, с древнейших времен исторического зарождения, являлись начала религиозного характера, которыми пропитана вся политическая история народа, начиная даже с его легендарного периода существования. Здоровым ли пониманием или больным, сознательно или только чувством (ибо можно многое не сознавать, но чувствовать) воспринимались народной массой эти начала, как руководящие смыслом его существования, это другой вопрос, но религиозность смысла государственного единения проходит определенной нитью через все много-страдальное и многобурное существование русского народа...

3 марта 1917 года народ «всея земли» узнал о добровольном отречении от престола Государя Императора с изменением основного духа своего государственного единения, а затем узнал и об отказе Великого Князя Михаила Александровича принять Верховную власть без подтверждения ее Учредительным Собранием. Если бы в сознании или чувствах русского народа «всея земли» отсутствовали корни исторической нравственно-религиозной идеи своего государственного единения, смысла своего существования, как цельного народа, то, вероятно, после некоторых революционных или эволюционных потрясений и этапов, жизнь народа вылилась бы в какие-либо образцовые формы западно-европейского единения и потекла бы по теоретическому руслу всех европейских государств, разделяя с ними и общую их участь буржуазно-социальных единений во имя «спасения животишек». Если бы русский Государь Император Николай II олицетворял в своем лице представительство «гражданской» Верховной власти в той или иной форме, уже давно установившейся в идеях западных государственных единений, то после отречения он покинул бы пределы своего государства, как Вильгельм и Карл, и история «земского греха» русского народа не ознаменовалась бы событиями ужасной агонии и кошмарного конца ее, постигших последнего венценосного Вождя России и его Семью.

Но, как исторический смысл жизни народа и вдохновляющие его мировой путь великие идеи являются не плодом рук человеческих, а ниспосылаются ему Божиим Промыслом, так и последствия всенародного греха, совершенного против предначертанных путей «по зависти дьявола», руководятся Им же. Если народ, «земля» познает, почувствует в событиях, руководимых Промыслом, знамение Божье, свет истины, то через искреннее, глубокое раскаяние и могучее творчество в горячей вере своего избранничества, ему могут открыться пути к спасению и воскресению. Если же нет, его смысл во всемирной жизни будет утерян навсегда.

Волею Промысла Всевышнего Творца русский народ «всая земли» поставлен перед великими знаменами Промысла – агонией и убийством, совершенных по вине народа над бывшим носителем и охранителем великой религиозной идеи «всая земли», более тысячи лет озарявшей смысл ее существования и ее призвания.

Откроются ли ей пути к истине, раскаянию, творчеству и воскресению?

«Обыватель обыкновенно судит о государстве по чисто внешним признакам. Государство для него – это городской, стоящий на перекрестке и регулирующий движение, это армия, организованная и дисциплинированная, готовая каждую минуту броситься на внешнего или внутреннего врага, это чиновники, хранящие тайны государственной власти, и если он видит все это на свои местах, то ему кажется, что все обстоит благополучно, что государство здорово и могущественно»... В своем суждении об «обывателе» земли русской бояре-западники полагали, что, если «обывателю» сказать, что Царь «малодушен, упрям, слабоволен, лично властолюбив», что окружает себя только «карьеристами и проходимцами», что «драгоценные народные дары бессовестно растрчивались преступными временщиками», что «казнокрадство достигло еще небывалых размеров», что «измена и предательство гнездились в царских покоях», что «случайный шарлатан из полуграмотных сибирских мужиков возвысился до роли наперсника взбалмошной принцессы, презиравшей Россию и русский народ», что «Россия в ужасе отшатнулась от видения разврата и бесчестия», то «обыватель» удовлетворится только «внешними признаками» новой самочинной государственной власти и не захочет вникнуть глубже, как в то, что творилось раньше, так и в то, что ожидает теперь его государственность. Ведь для этих новых городских новой власти, охранявших и оправдывавших своими обращениями к «обывателю» земли русской смысл своего существования,

в центре всего мирознания был только человек, «гражданские» идейки. Они не хотели, да и не могли видеть в «обывателе» ничего иного, что выходило за пределы своего собственного суждения, своего собственного понимания. Поэтому и отрекшийся от престола Царь стал для них только «гражданином Николаем Александровичем Романовым», и они старались все сделать, чтобы и «обыватель» разделял их мировоззрение по «внешним признакам»; свержение Царя, в глазах массы народа, произошло не насильственно-революционным порядком, а эволюционным, добровольным отречением Государя Николая II в пользу Своего брата, актом человеческого мирознания; отказом Михаила Александровича выдвинута исключительность воли человеческой, первенство в идее о власти государственной – власти народной; тотчас же по достижении власти Временное Правительство горячо стремится вывезти Николая Александровича Романова с семьей куда-либо за пределы Его бывшего государства, а когда это не удается, предпринимает все доступные человеку меры для ограждения Их от опасности случайных эксцессов.

Но все было тщетно; по их пониманию «злой рок» привел все их начинания к кошмарной гибели, к кровавому злодеянию в Ипатьевском доме.

Но кто верит в Бога, кто верит в существование идеи русской государственности от Бога, для того в каре, постигшей Россию, в изуверской смерти, принятой Помазанником Божиим Николаем II и Его семьей, видны великие Промыслы Всевышнего Творца.

Для русского народа, для народа, тысячу лет чувствовавшего свое призванничество и олицетворявшего путь к нему через свою идеологию о Верховной власти на земле, в насильственной, мученической смерти Николая II свершилось чудо, чудо таинственное, как чудо последнего искушения дьяволом уже распятого Христа: «Если ты Сын Божий, сойди с креста».

Если бы Он сошел с креста, сохранилась ли бы Божественность идеи Его призвания на земле? Она сошла бы с пути Божественного Предопределения и стала бы на почву человеческого мирознания.

Если бы Николай II не погиб насильственно, а спасся, бежал бы после отречения за границу, сохранилась ли бы тогда историческая целостность идеи о государственности русского народа, олицетворяемой в Государе, Помазаннике Божьем? На престоле – это был бы Царь в гражданском понятии почетного титула, а вне престола – человек-гражданин, Николай Александрович Романов, и только.

Но Николай II погиб, погиб трагически, мученически, зверски убитый со всею своей Семейю, после чего тела их не закопали просто, как тела обыкновенных других граждан, а сожгли, сожгли без следа, тайком, и скрывая самый факт сожжения.

Почему? Почему нужна была его смерть? Почему нужна была не только смерть, но и уничтожение?

Если русский Царь был обыкновенным «гражданским» Монархом? Если Николай II был обыкновенным гражданином – носителем этого титула? То чем же Он был опасен после добровольного отречения от престола? Чем Он был так опасен, что Его пришлось держать в заточении? Что было в Нем такого, что не исчезло ни с отречением от престола, ни с заточением в Тобольске? Почему считали, что только после тайного убийства и уничтожения Его, и не только Его, но и Его Жены и Детей, и всех близких к Нему, удастся, наконец, избавиться от той опасности, которую представлял собою Николай II для новой власти русского народа, для нового государственного строения России на началах, чуждых ее исторической идеологии?

Вот вопросы, которые Промысел Божий выдвинул перед очами русского народа «всей земли» после агонии и смерти Николая II. Как гражданин, Николай Романов не мог быть опасен ни для кого.

Как Помазанник Божий, Он был опасен для западников Временного Правительства и страшен для изуверов советской власти.

Люди захотели избавиться от Николая Романова по-своему, и создать свое «человеческое» для смысла жизни русской государственности.

Промысел Божий, направляющий волю и руки человеческие, привел их к кресту распятого Николая II и как бы говорит: «Смотри, познай и раскайся».

Великое, таинственное чудо свершилось перед глазами «всей земли».

Трагедия династии Романовых претворилась в мистерию русского народа.

В пророчествах Достоевского о России есть знаменательные слова, вложенные им в уста умирающего Верховенского в романе «Бесы»: «Знаете вы, это чудесное и... необыкновенное место было мне всю жизнь камнем преткновения... в этой книге... так что я это место еще с детства упомянул. Теперь же мне пришла одна мысль, одно сравнение. Мне ужасно много приходит теперь мыслей; видите, это точь-в-точь как наша Россия. Это бесы, выходящие из боль-

ного и входящие в свиней, все эти язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! Да, эта Россия, которую я любил всегда. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... и другие с ним, и я, может быть, первый во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам и дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...»

Более 50 лет прошло с тех пор, как Достоевским было высказано это пророчество; безумие России проявилось в полной мере.

Для исцеления бесноватого нужно было чудо Божье и сила веры больного в посланничество Христа.

Безумная Россия пришла к величественной мистерии – мученической кончине Николая II и всей Его Семьи; чудо совершилось: развенчанный в гражданина, низверженный и уничтоженный людьми Царь отмечен перстом Промысла Божьего, как Помазанник Божий. Найдет ли в себе народ «всая земли» силу веры принять исцеление и вернуться снова к ногам Иисуса здесь, на земле, в горячем стремлении через раскаяние очиститься от всей накипи, мерзости и гноя, накопившихся на Руси «по общему земскому греху и по зависти дьявола».

«Если только нужно для России, Мы готовы жертвовать и жизнью, и всем», – говорили покойные Царь и Царица. Они и отдали свою жизнь для России; Они слились навеки вечные с тем русским народом «всая земли», который, как и Они, исповедывал одну веру, одну идею, один смысл в русской исторической государственности и шли, как умели, по одному пути великого предназначения христианского русского народа – к России Христа, через истинный образ Святой Троицы на земле: Веру, Царя и Отечество...

Вернется к Ним и русский народ «всая земли».

Из книги: Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. Кн.1–2.

часть пятая

Во главе
Восточного фронта.
Тобольский прорыв
1919 год

Перепояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею. И в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды и десница Твоя покажет Тебе дивные дела...

Псал. 44, ст. 4 и 5.

Принятие генералом Дитерихсом командования Восточным фронтом в разгар решающих боев 1919 г. сыграло значительную роль в военной истории Белого движения в России. Не будет преувеличением утверждать, что в случае успешного развития операций Восточный фронт мог бы вернуть себе ведущее положение в системе белых фронтов, сложившихся к лету 1919 г. В данной части книги использованы фрагменты из воспоминаний сослуживцев Михаила Константиновича – генерал-майора М.А. Иностранцева (генерала для поручений в Ставке Верховного Главнокомандующего), начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-майора П.Ф. Рябикова, Командующего 3-й армией Восточного фронта генерал-лейтенанта К.В. Сахарова.

В книге публикуются многочисленные фактические свидетельства о зарождении и развитии добровольческого движения в Сибири летом-осенью 1919 г., в частности по истории создания Добровольческих Дружин Святого Креста и Зеленого Знамени. «Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени» все же оставили свой заметный след в истории Белого движения в Сибири. Они явились последним сознательным и верным (хотя и совершенно необученным) пополнением, которое влилось в армию Адмирала Колчака уже в самый момент разразившейся катастрофы.

Некоторые из дружин, как самая первая – Омская, успели попасть на фронт, другие же, наоборот, присоединились к армии при ее отступлении через те города, где они формировались. Об их судьбе очень мало сведений. Так, командир 3-го Барнаульского стрелкового полка полковник Камбалин писал о том, что в момент выступления его полка из Барнаула в Сибирский Ледяной поход, третий батальон полка, собранный из только что призванных новобранцев, был распущен как ненадежный и заменен местной дружиной «крестовиков», которая проделала затем весь поход вместе с полком. Наверняка были и другие дружины, о которых мы ничего не знаем, пос-

кольку, влившись в состав боевых частей, они к концу Сибирского Ледяного похода растворились в них без следа.

Наиболее интересна в этом отношении судьба полковника Оренбургского Казачьего Войска Г.В. Енборисова. Он выехал из Омска на санях лишь со своей семьей и с членами своего Вербовочного отделения, но в Ново-Николаевске к нему присоединились почти все, находившиеся в городе Крестonosцы, в результате чего составилcя отряд более чем в 100 человек. Далее по дороге к этому отряду присоединялись как одиночные люди, так и целые части, в результате чего в Забайкалье Добровольческий отряд полковника Енборисова вышел довольно крупной, сплоченной и дисциплинированной частью. Крестonosцы составляли ядро этого отряда. В начале апреля в Чите этот отряд был переформирован в «Добровольческий Егерский отряд при штабе 3-го Отдельного Стрелкового корпуса» в составе 2-х стрелковых рот, пулеметной команды и Отдельной Конвойной сотни. Однако затем Енборисов вступил в конфликт с командиром 3-го корпуса генерал-лейтенантом В.М. Молчановым, и в результате 21 апреля его отряд был расформирован.

Есть также сведения, что два башкирских конных дивизиона «Зеленого знамени» ушли вместе с Оренбургской армией атамана Дутова из Кокчетова в Семиречье.

Жертвенный порыв «крестовиков» не был напрасным ...

Хотелось бы обратить внимание читателей на документы о счете в Banque de France, принадлежавшем Михаилу Константиновичу. На нем размещались средства 2-й Особой Русской бригады. Эти деньги (в размере 2 100 000 французских франков) могли быть использованы для оказания поддержки Восточному фронту. Однако, эти средства перешли на счет русского военного агента в Париже генерал-майора А.А. Игнатьева, активного сторонника советской власти, разумеется, отказавшегося выдать их «белобандитам». Вполне вероятно, что эти деньги, равно как и другие финансы со счетов «красного графа» Игнатьева были использованы позднее для организации резидентуры ОГПУ-НКВД в Париже.

ПЕРВОЕ ПОРУЧЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

В мае месяце 1919 года я был назначен генералом для поручений при Верховном Правителе и Верховном Главнокомандующем адмирале Колчаке. Я не успел еще сделать и половины всех необходимых мне служебных визитов, как уже мне пришлось выполнять первое поручение Верховного Правителя. Поручение это было делом чрезвычайной важности, весьма трудным и щекотливым, но, в то же время, делом, заставившим меня полностью окунуться в высшие круги военно-административной системы Верховного Правителя.

Однажды вечером, вернувшись после служебных визитов к себе, я был предупрежден дежурным адъютантом Колчака, что адмирал просит меня прибыть к нему на следующий день к одиннадцати часам утра по крайне важному и спешному делу.

Какое это было дело, я, конечно, не знал, но мог до известной степени догадываться. Дело в том, что, зайдя за несколько дней перед тем в Ставку, чтобы повидать дежурного генерала Ставки генерала Леонова, а затем и начальника штаба генерала Лебедева, на мой вопрос, когда может принять меня последний, я получил ответ, что Лебедев в настоящее время никого не принимает и не ездит даже с докладами к Верховному Правителю и вообще устранился от дел. Я выразил свое удивление по этому поводу и снова спросил, почему происходит это и не оставил ли он свою должность.

— Нет, — отвечал мне Леонов, — он продолжает оставаться начальником штаба Главнокомандующего, но, по известного рода причинам, о которых я пока не имею права говорить, по приказу

Генерального штаба генерал-лейтенант Михаил Александрович Иностранцев (1872–1938) был генералом для поручений при Верховном Правителе и Верховном Главнокомандующем, а затем, с сентября 1919 года — генерал-квартирмейстером Ставки, являясь, таким образом, одним из ближайших помощников М.К. Дитерихса.

нию Верховного Правительства, он временно устранился от дел, докладов не принимает и сам их Колчаку не делает и не выходит из своего вагона, как бы будучи больным.

Когда я выслушал это, то мне первоначально пришла в голову мысль, что у Колчака вышло разногласие с его начальником штаба, и последний, вероятно, устранился от дел впредь до окончательного ухода, чтобы не слишком обнаружить это, пока не будет найден ему заместитель. Однако, при этом вспомнилось, что до сих пор никаких намеков на некоторое хотя бы неудовольствие Верховного Правительства его ближайшим сотрудником не замечалось, да, если б это и было, то совершенно не в характере Колчака было бы удерживать при себе, хотя бы и временно, то лицо, с которым он должен был работать совместно и видаться ежедневно. Тем загадочнее и неестественнее казалось создавшееся положение. На мой вопрос, кто же вместо Лебедева пока докладывает дела Колчаку и вообще ведет всю стратегическую работу, Леонов мне отвечал, что вместо него всю работу делает первый генерал-квартирмейстер генерал Бурлин.

— Между Верховным Правителем и Лебедевым отношения продолжают оставаться наилучшими, но настроение в некоторых частях армии таково, что ему пришлось временно устраниться от дел, — добавил Леонов — как бы отчасти угадав мои мысли.

Было очевидно, что недоразумение произошло, несомненно, но не между Главнокомандующим и его начальником штаба, а между последним и кем-то в армии. Но кем — оставалось непонятным.

На следующий день, к одиннадцати часам утра, я был уже в приемной зале Колчака, где нашел и Командующего войсками Омского военного округа — генерала Матковского, прежде бывшего также профессором нашей академии и потому мне хорошо известного. Оказалось, что он также был спешно вызван адмиралом по чрезвычайно серьезному и важному делу. Было ясно, что нам предстояла совместная работа, но — какого рода — мы оба точно не знали. Впрочем, Матковский уже где-то слышал, что между Лебедевым и Командующим 1-ой армией — генералом Гайдой — вышли какие-то серьезные недоразумения, результатом которых и явился временный уход Лебедева от дел. Все вместе взятое навело нас на мысль, что для разбора недоразумения между двумя довольно крупными лицами в армии нас и вызвал Верховный Правитель. Эту догадку поддержал и дежурный адъютант, добавив, что, вероятно, с тою же целью вызван адмиралом из Екатеринбурга и генерал Дитерихс, прибытие которого в Омск ожидается с минуты на

минуту. Он разъяснил нам дело и тем, что сказал, что Гайда вообще уже давно не слушается Ставки, что Колчак вызывал его для выговоров уже несколько раз, но он не унимается, и, вероятно, теперь чаша терпения переполнилась.

В это время из кабинета Верховного Правителя вышел после доклада кто-то из министров, и дежурный адъютант пригласил нас к Колчаку. Когда мы вошли в кабинет, то меня поразило, как сильно изменился адмирал за те несколько дней, что я его не видел. Он сильно осунулся, а в глазах его, как бы несколько потухших, отражалась, видимо, гнетущая его забота. Впоследствии я окончательно убедился, что на Колчаке, как на чрезвычайно нервном человеке, весьма быстро отражались всякие неприятности и заботы и, притом, отражались, прежде всего, на его внешнем облике.

Адмирал пригласил нас сесть и обратился к дежурному адъютанту с вопросом: прибыл ли в Омск генерал Дитерихс? Когда адъютант ответил, что последний уже прибыл и в данную минуту едет со станции Омск в автомобиле к дому Колчака, Верховный Правитель отпустил его наклоном головы и обратился к нам со следующими словами.

— На вас двух, господа, вместе с генералом Дитерихсом, я возлагаю весьма серьезное поручение, требующее для его выполнения людей, обладающих достаточным служебным опытом и тактом, помимо, конечно, серьезных, специальных знаний. Сейчас прибудет генерал Дитерихс, и я подробно изложу вам суть дела и поставлю мои требования при разборе этого прискорбного случая.

Адмирал замолчал и, предложив нам папиросы, закурил и сам. Генерала Дитерихса я знал давно, еще со времени моего пребывания в академии в качестве слушателя, так как мы были с ним товарищами. Я знал его как весьма способного и энергичного офицера, а впоследствии слышал, что он составил себе отличную репутацию как офицер Генерального штаба на Галицийском фронте, так что к 1916 году он был уже генерал-квартирмейстером Юго-Западного фронта. Его трудами, как я слышал, было подготовлено принесшее столь успешные результаты наступление армий Брусилова, нанесшее нашим противникам серьезное поражение. Далее, он был при генерале Духонине, уже генерал-квартирмейстером Ставки в Могилеве, а после развала русской армии в качестве начальника штаба Чешского корпуса проделал с последним весь отход через польшевицкую Россию на Волгу и в Сибирь и во Владивостоке сверг власть большевиков. С провозглашением Колчака Верховным Пра-

вителем России, последним было поручено Дитерихсу наблюдение за формальным и полным расследованием дела об убийстве большевиками в Екатеринбурге летом 1918 года Царской Семьи. Вследствие этого, генерал Дитерихс и поселился в Екатеринбурге, из которого и был вызван теперь в Омск.

Вскоре прибыл Дитерихс и, поклонившись Верховному Правителю, дружески поздоровался со мной и, пожав руку Матковскому, сел, приготовившись слушать совместно с нами указания Колчака.

– Вы, конечно, знаете, – обратился к нам Верховный Правитель, – о том крупном недоразумении, которое произошло между начальником моего штаба генералом Лебедевым и Командующим 1-ю армией генералом Гайда?

Мы ответили, что определенно ничего не знаем, но слышали, что вышла какая-то размолвка, что Гайда вообще уже давно не слушается приказаний, даваемых ему свыше, и что, хотя генерал Лебедев и продолжает состоять начальником штаба официально, но устранился от дел, с докладами не ездит и безвыходно сидит в своем вагоне.

– Гайда уже давно истощал мое терпение, – продолжал Колчак, – он не исполнял почти ни одного указания, даваемого ему из Ставки, и не согласен почти ни с одним распоряжением, даваемым ему; но, на этот раз, он совершил невозможный поступок, с точки зрения дисциплины, и проступок, особенно недопустимый для высшего военного должностного лица. Он прислал телеграмму, в которой заявляет, что он и генерал Лебедев одновременно на своих местах оставаться не могут, что один из них должен уйти и, что хуже всего, прислал эту телеграмму не непосредственно мне, а председателю Совета Министров Вологодскому и, таким образом, сделал, вероятно, умышленно, разногласие между высшими военными начальствующими лицами достоянием Совета Министров, а, следовательно, всего Омска и всей армии. Вследствие этого, создалось совершенно невозможное и нетерпимое положение, которое должно быть прекращено немедленно же и во что бы то ни стало. Вот этот-то проступок Гайды я и поручаю вам троем рассмотреть, для чего даю вам право опрашивать кого угодно и требовать от Ставки и от других управлений и учреждений какие угодно документы, не исключая даже самых секретных оперативных директив. Какое решение вы примете относительно его, то, заранее предупреждаю вас, приму и я.

Когда Верховный Правитель кончил, первый из нас обратился к нему генерал Дитерихс с вопросом: есть ли надобность вообще в расследовании проступка Гайды особою комиссией, и не доста-

точно ли для этого просто следствия уже одних военно-судебных властей, так как проступок Гайды является уже настолько крупным, с точки зрения военной дисциплины, что он один уже может вести за собою предание суду.

Адмирал молча выслушал Дитерихса, в глазах его блеснул прежний огонек, и он, отчеканивая каждое слово, промолвил:

– Вы не хуже меня знаете, ваше превосходительство, ту громадную популярность, которою пользуется Гайда в армии вообще, а в своей 1-ой армии – в особенности. Хотя он и переоценивает эту популярность, говоря, как я слышал, что армия, по его приказанию, не задумавшись, пойдет даже на Омск, но совершенно не считаться с этой популярностью мне, к сожалению, нельзя. И вообще, все те, которые думают, что полнота власти, врученная мне, есть действительно полнота, – глубоко заблуждаются. Вот почему мне нужно расследование знающих и компетентных лиц, и расследование все-стороннее, то есть имея в виду и ту, и другую стороны. Мне нужно знать, чем недоволен Гайда и что толкнуло его на этот невозможный поступок, но, с другой стороны, уже давно доходят до меня слухи о недовольстве многих и других в армии деятельностью начальника штаба генерала Лебедева, и мне нужно также знать, есть ли основания для такого недовольства и не дало ли управление армией действительно некоторых оснований к совершению Гайдой его, тем не менее, антидисциплинарного проступка. Генерал Лебедев, немедленно по получении телеграммы Гайды, просил меня освободить его от должности начальника штаба, но я признал это в данную минуту совершенно невозможным именно в видах дисциплинарных и просил его, лишь на время расследования, временно устраниваться от дел.

Затем Колчак еще раз повторил нам, что облакает нас своим полным доверием и, попросив поторопиться расследованием, отпустил.

Итак, нам была поручена работа первостепенной важности, поручен разбор размолвки, и при том весьма резкой, между важнейшими лицами армии Колчака – его начальником штаба и, в сущности, Главнокомандующим, так как адмирал, как моряк, не был в сухопутном военном деле вполне компетентным и, естественно, должен был следовать намерениям и советам Лебедева и наиболее популярным из Командующих армиями – Гайдой, находившимся в то время в ореоле победителя, так как именно его армия, действовавшая на правом фланге всего фронта, взяла зимою 1918–1919 гг. Пермь, овладела линией Камы и более других армий грозила Москве.

Следуя от Верховного Правителя, мы установили порядок и методы работы и в тот же день приступили к расследованию. Мы решили первоначально ознакомиться во всех подробностях с оперативной деятельностью Ставки и ее административными распоряжениями, чтобы выяснить, имело ли какие-нибудь основания недовольство Гайды, толкнувшее его на совершенный им проступок, опросить временно заменявшего начальника штаба – генерала Бурлина – о предшествовавших проступку Гайды размолвках его с высшим командованием и, наконец, опросить самого виновника инцидента – Гайду, который, как нам было сообщено адмиралом, был для этой цели специально вызван с фронта из Перми в Омск и приехал со своим поездом на товарную станцию Омск.

Поэтому, прибыв в Ставку и предъявив наши полномочия, мы просили генерала Бурлина сделать нам доклад о наступлении армии к Каме и Волге, а также предъявить все оперативные и административные распоряжения Ставки за истекший период операций, равно как и рассказать нам те случаи несогласий Гайды с высшим командованием, которые имели место раньше, до последнего приговоренного случая.

Из этого доклада и рассказа Бурлина нам сразу же стало ясно, что Гайда был способным военачальником, выработавшимся в условиях гражданской войны со всем, присущим этого рода войне, своеобразным масштабом, критерием и даже своеобразною идеологией. Так, он считал, как говорили, свою армию, правда, им почти и сформированную, обученную и снабженную – своею собственностью, как бы своим вторым «Я», и потому относился крайне болезненно ко всяким изменениям в ее организации, составе и снабжении. Исходя из этого, он, будто бы, не хотел делиться военной добычей с другими армиями, хотя бы эта добыча и состояла из продовольствия и боевых запасов, и, в особенности, яростно противился всяким выделениям частей из его армии в другие. Это он принимал почти за личное оскорбление и в этом отношении бывал почти непримирим, доходя порою до полного послушания. Неоднократно вызывал его к себе Колчак, происходили бурные сцены между Верховным Главнокомандующим и его подчиненным, причем первый в минуты раздражения стучал кулаком по столу и раз даже, будто бы, сбросил стакан чаю на пол, но и Гайда не оставался в долгу, и, как рассказывали, однажды между ними произошел такой, приблизительно, диалог.

– Вы не годитесь в Командующие армией, – кричал Колчак, – более того, вы не годитесь быть и простым офицером, у вас нет не

только необходимых знаний, но у вас нет и необходимого военного воспитания..., да и откуда им быть у вас, когда вы по специальности военный фармацевт австрийской армии.

– Вероятно, господин адмирал, у меня есть и то, и другое, – отвечал несмутившийся Гайда, – иначе бы я не попал из фармацевтов австрийской армии в русские генерал-лейтенанты, не освободил бы половины Сибирского пути от большевиков, не взял бы Иркутска и, наконец, не привел бы армию к Каме, имея ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, вами же мне данные. Да, наконец, если бы у меня и не было того, о чем вы говорите, то это и не нужно. Ведь вот – вы. Вы по специальности – морской офицер, откуда же у вас быть высоким знаниям и опыту, необходимым для Верховного Правителя, да еще такой громадной страны, как Россия, а, однако же, вы им состоите!

Несмотря на некоторые упомянутые недостатки Гайды как военнослужащего, а, в особенности, как высокого начальника, было ясно, что он имел решительность и большую силу воли, имел правильный, природный военный глазомер и был человеком, бесспорно, умевшим владеть массами, импонировавшим им и, потому, чрезвычайно популярным среди войск.

* * *

Потребованные нами оперативные распоряжения или директивы весьма скоро убедили нас, что, в свою очередь, и управление армией из Ставки было в малоопытных в военном отношении руках.

Прежде всего, бросалось в глаза, что количество этих директив было так велико, что за какие-нибудь несколько месяцев операций их набралось целое дело, весьма внушительного размера. Из этого становилось ясным, что высшим командованием, видимо, не было учтено, что управлять армиями можно, лишь руководя ими путем указаний довольно общего характера, путем указаний, даваемых на известные периоды времени, охватывающие определенную операцию, или даже – целый период операций и носящих название – директив. При этом, очевидно, подобные директивы могут появляться сравнительно редко, и накопиться за несколько месяцев в виде целого дела никак не могли.

Что высшее командование армии неправильно понимало смысл управления армией, раскинутой на сотни верст, подтвердило и изучение самих оперативных директив. Последние, по своей сущности, должны знакомить исполнителей лишь с общей идеей

операции, осветить исполнителям обстановку, отнюдь не указывая не только способов действия частных начальников, но, как учит теория военного дела, даже не указывая частных целей отдельным армиям, так как эти цели на том большом промежутке времени, на которое дается директива, могут меняться, и частная инициатива исполнителей все равно будет принуждена задаваться иными целями, заботясь лишь о том, чтобы цели эти соответствовали общей цели всех армий, почему лишь эта общая цель и указывается в директивах. Отсюда ясно, что директивы должны быть ясными, краткими, составленными в общих выражениях, но весьма продуманными распоряжениями, указывающими подчиненным, как бы, вехи для исполнения.

Ничего подобного распоряжения высшего командования собою не представляли. Во-первых, это были документы чрезвычайно многословные, занимавшие, подчас, по несколько страниц и представлявшие собою весьма сложные приказы. В них не только указывались частные цели армий, не только давались способы действий, но даже предусматривались иногда детали действий отдельных мелких частей. Так, например, в одной из директив мы, к удивлению своему, нашли указания, как следует действовать какому-то батальону, наступавшему вдоль берега реки Камы, и при этом подобные указания шли из Омска, удаленного от Камы на сотни верст.

Одним словом, управляя подобным образом, высшее командование, в сущности, не только не управляло войсками, а, наоборот, мешало им, связывая их невыполнимыми приказами и сковывая их инициативу. С этой точки зрения, неоднократные жалобы Гайды на то, что Ставка мешает ему действовать, были совершенно основательны и обнаружили в нем природное понимание военного дела и глазомер.

Из распоряжений военно-административного и хозяйственного характера для нас стало очевидным и великое неустройство тыла и снабжений армии. Мало опытные лица, поставленные во главе стратегии Сибирской армии, видимо, увлеклись чисто военною, оперативною стороною дела и не придали своевременно должного значения не менее, если не более важному, вопросу тыла, вопросу снабжения армии всем ей необходимым. В области этого вопроса, несмотря на упорную борьбу со Ставкой военного министра генерала барона Будберга и начальника снабжений генерала Сурина, царил страшный хаос. В результате, хотя запасов, в изобилии доставляемых, благодаря энергии генерала Нокса, и была масса, но армия была плохо

одета, плохо обута, иногда прямо-таки голодала, а санитарные и медицинские средства подавались армии не вовремя или, что еще хуже, совершенно не доходили до нее. Между тем, тыловые магазины, зачастую, ломались от всякого рода запасов, а часть их, неосторожно продвигаемая к фронту, в случае отступления была бросаема и попадала в руки красных или же спешно перед отступлением сжигалась.

В виду всего сказанного и с этой точки зрения, многократные жалобы и протесты Гайды, что обильные запасы, взятые им в Перми, были не использованы, а отвезены в тыл и там или расхищены или испортились, не были неосновательны. Нельзя было только согласиться с его довольно своеобразным толкованием, что эти запасы должны быть предоставлены лишь его армии, как взявшей их.

После ознакомления со стратегическою деятельностью Ставки и опроса генерала Бурлина, мы решили опросить и самого виновника порученного нам дела, а именно – генерала Гайду...

Впрочем, генерал Дитерихс уже знал Гайду по своей предшествовавшей службе в чешско-словацком корпусе и дал нам о нем сведения, как о весьма симпатичном и сразу же располагающем в свою пользу человеке, но предупредил, что поступок, совершенный им, было вполне возможно от него ожидать, вследствие его большой горячности и неуравновешенности.

Когда мы на автомобиле прибыли на товарную станцию Омск к поезду Гайды, то нас там, очевидно, ждали, так как нас немедленно же встретил дежурный адъютант и, предупредив, что Гайда уже второй день ждет нас, ввел нас в небольшой салон-вагон, в котором находился Гайда. Он был выше среднего роста, шатен, с большими, умными глазами, весь обритый, с несколько толстыми губами и с несколько выдающейся вперед нижней челюстью, свидетельствующей о сильной воле. Одет он был в рубашку защитного цвета, с георгиевскими крестами на шее и на груди.

В салоне, в который мы вошли, стоял стол с разложенною на нем картой, несколько стульев, а в углу стояло несколько, видимо, отбитых от большевиков, знамен красного цвета.

Мы поздоровались, и генерал Дитерихс, как старший, первый обратился к Гайде.

– Братше Гайда, – сказал по обычаю чешских легионеров на «ты» генерал Дитерихс, – ты, конечно, знаешь, по какому делу мы трое прибыли к тебе. Ты совершил тяжкий для всякого военнослужащего, а тем более, для генерала и Командующего армией, проступок, за который, собственно говоря, как ты прекрасно знаешь, дол-

жен понести по военным законам, весьма строгое наказание. Однако, Верховный Правитель, во внимание к твоей предшествующей блестящей службе, решил не сразу давать делу законный ход, а поручил нам троим опросить тебя с целью выяснить, какого рода мотивы толкнули тебя на твой, скажу откровенно, легкомысленный и необдуманный шаг, и почему, собственно, ты отправил свою злополучную телеграмму не непосредственно самому Верховному Правителю, что было бы, конечно, также проступком, но гораздо меньшим, чем тот, который сделал ты. Расскажи нам совершенно откровенно, чем ты руководствовался, заявляя, в сущности, публично, что совместно с генералом Лебедевым ты служить не можешь.

Гайда выслушал все это с нескрываемым волнением и в то же время был тронут теплыми словами генерала Дитерихса и вниманием к его заслугам Колчака. Он начал говорить, еще более волнуясь, и по временам на его больших глазах выступали даже слезы.

— Братше генерале, — отвечал он, причем я убедился, что он говорит по-русски довольно правильно, имея лишь акцент, присущий большинству западных и южных славян и особенно сказывающийся в невозможности произношения твердых букв, — ты знаешь, что я был одним из первых, признавших на территории Сибири адмирала Колчака как Верховного Правителя и, думаю, знаешь также, как я ему и его делу предан и как им служил и служу. Что я люблю Россию, я думаю, я доказал достаточно тем, что оставил службу в родных мне рядах и добровольно пошел служить русскому делу в рядах Сибирской армии. Но то, что делается с армией, — не поддается никакому рассказу. Генерал Лебедев да и вся Ставка вообще, точно нарочно поставлены большевиками, чтобы испортить все дело. Армией не управляют, а мешают ей действовать. Всякая самостоятельность подавляется и считается самовольством. Мне отдают приказы из Омска: как я должен действовать у Перми и, если я успеваю в этом, то только потому, что не слушаюсь посылаемых мне приказаний. Когда я беру Пермь, я захватываю там большие запасы, но мне их не дают, а отвозят в тыл и их там не получают и другие армии. Всякое мое представление в Ставку о том или другом получает отказ и мне шлют выговоры. В последнее время был отдан ряд приказаний, которыми брали от меня мои лучшие части и посылали их в другие армии, чтобы там без толку погубить их. Такое управление озлобляет всех в армии, и часто приходится слышать, что все это делается в руку большевикам. Мое терпение истощилось, я неоднократно доносил о том, что так можно погубить все де-

ло, но меня не слушают или, вернее, не хотят слушать. Я глубоко убежден, что при таком управлении армией мы скоро принуждены будем отступить к Уралу, а, может быть, и далее. Я думал, что Лебедев, в целях чисто эгоистических, умышленно не докладывает Верховному Правителю мои соображения, и потому несколько раз доносил и лично докладывал адмиралу, но результат получался тот же самый. Вот почему я и решил теперь отправить телеграмму Вологодскому. Ее теперь уже нельзя было оставить без внимания, так как она стала достоянием гласности. Я знаю, что я совершил крупный дисциплинарный проступок, но мне ничего другого не оставалось. Оставление Лебедева на его посту, к которому он совершенно не подготовлен, как и многие из его сотрудников, поведет к тому, что кампания будет проиграна. Даже, если его и сменят, то другим вряд ли удастся исправить положение. Вот все, что я имею сказать.

– Действительно ли, братше Гайда, ты собирался со своей армией идти на Омск? – спросил Дитерихс. – Ведь ты должен был знать, что это уже было бы тягчайшее военное преступление?

– Не скрою от вас, – проговорил со слезами на глазах Гайда, – что, когда от меня несколько дней тому назад взяли мою лучшую часть, я был близок к тому, чтобы двинуть армию к Омску, и я знаю, что она бы за мною пошла. Но я удержался от этого замысла, и он, таким образом, не пошел далее моего сердца.

В продолжение всей своей речи Гайда производил впечатление человека, говорившего вполне искренно.

Мы стали задавать ему некоторые частные вопросы о его недовольстве управлением армией и услышали уже известные нам из изучения оперативных распоряжений Ставки ошибки и промахи в делах управления армией, в которых Гайда великолепно разобрался, вследствие врожденного ему понимания военного дела.

– Ты не можешь не понимать, что избранный тобой способ осведомления Верховного Правителя при всей, может быть, справедливости твоих сетований, был поступком, за которым, даже, если ты не понесешь ответственности, тем не менее, не может последовать перемена в высшем командовании армии, так как это было бы также совершенно нетерпимым, с точки зрения дисциплины. Следовательно, в лучшем случае, положение на некоторое время останется то же, и совместная служба с Лебедевым некоторое время будет еще продолжаться. Но, повторяю, это – в лучшем случае, то есть, если Верховный Правитель не устранил тебя от командования, – закончил Дитерихс.

– Я прошу вас всех заверить Верховного Правителя в моей ему преданности и в дальнейшей готовности служить его делу возрождения России, но прошу также предупредить, что те способы управления армией, которые применяет Ставка, приведут дело к катастрофе, если эти способы не будут изменены и не будут избраны другие руководители, – сказал на прощание Гайда.

Мы простились и отправились домой, чтобы, обдумав доклад Колчаку, в тот же день вечером доложить ему результаты расследования.

При обсуждении добытых нами материалов мнения наши несколько разошлись. Генерал Матковский, стоя на строго служебной и официальной точке зрения, находил, что Гайда – способный и популярный военачальник и располагающий в свою пользу человек, хотя и имел много данных быть недовольным Ставкой, но, тем не менее, совершил чрезвычайный антидисциплинарный проступок, за который и должен быть, если уже не предан суду, то, во всяком случае, устранин от командования армией. Генерал Дитерихс и автор этих строк находили, что, ввиду основательности жалоб и недовольства Гайды, возможно ограничиться лишь вызовом его к Колчаку и выговором, не смещая с должности Командующего армией, как популярного генерала, оказавшего уже России серьезные услуги и доказавшего преданность нашей родине. Относительно же Ставки и ее плохой стратегической и административной работы, нами было единогласно решено доложить Верховному Правителю всю правду, отнюдь не скрывая тех промахов и ошибок, которые, во всяком случае, должны были быть устранены на будущее время.

– Хотя я и высказываюсь за оставление Гайды на его месте, – сказал Дитерихс, – но, зная его, к сожалению, не уверен в том, что такой поступок или нечто подобное не может повториться через несколько дней, тем более, что и другая сторона тоже, как вы видели, – хороша!

Было уже около десяти часов вечера, когда мы подъехали к дому Верховного Правителя, и, так как у него в эту минуту не было никого, то дежурный адъютант немедленно же провел нас в его кабинет. Адмирал был за письменным столом и читал какие-то бумаги, но, увидев нас, немедленно встал и, отложив чтение, поздоровался. На лице его было написано нетерпение и любопытство, но расположение духа было, видимо, хорошее, и он даже улыбнулся.

– Ну, какое же у вас впечатление от всего этого прискорбного инцидента? – сказал Колчак и пригласил нас сесть и закурить.

– Я прямо поставлю вам вопрос, – продолжал он, – должен ли я, главное, может ли оставаться на своем месте генерал Гайда?

Генерал Дитерихс, как старший, доложил адмиралу, что, по соображениям комиссии, Гайда должен и может остаться на месте Командующего армией. Колчак одобрительно кивнул головой и, видимо, остался доволен, когда ему было передано все сознание Гайдою его проступка и уверение в преданности Верховному Правителю и его делу.

– Ну, хорошо, но как же быть тогда с начальником штаба? Может ли, при условии, что Гайда останется на своем месте, оставаться генерал Лебедев? – спросил Колчак.

– Мое мнение, – отвечал Дитерихс, – что и генерал Лебедев может и должен остаться на своем месте. Этого требует дисциплина и необходимость поддержания ее. Нельзя, чтобы незаконное желание одного подчиненного выполнялось путем ухода другого. Пока, повторяю, генерал Лебедев должен остаться. С другой стороны, не могу не доложить, что мнение комиссии по вопросу об управлении армией и действиях Ставки в оперативных и военно-административных вопросах, как это ни странно, сошлось во взглядах с генералом Гайда, и совершенно не в пользу Ставки. Последнею сделано столько и таких серьезных ошибок самого элементарного характера в деле управления войсками, что повторение их, в другой раз, может сулить катастрофу, и надо благодарить Бога, что последняя не произошла. Однако, уход генерала Лебедева теперь же был бы нежелательным не только по соображениям дисциплинарного характера, но и по личным моим соображениям, которые вам известны.

Намек, который сделал генерал Дитерихс, нам был понятен, так как еще до нашего расследования в Ставке ходили слухи, что в случае ухода Лебедева его заменит, будто бы, Дитерихс, и последний отнюдь не хотел, чтобы Лебедев был смещен немедленно, так как в таком случае получалось бы представление, что он ушел из-за интриги Дитерихса против него.

Колчак и этим, видимо, остался чрезвычайно доволен и спросил снова.

– Итак, и генерал Лебедев, и генерал Гайда должны пока остаться на своих местах. Но ведь это будет для них не совсем удобно. Кроме того, Гайда, хоть и останется на своем посту, но все же должен получить возмездие за свой безобразный поступок.

– Чтобы они не чувствовали себя неловко, – отвечал Дитерихс, – вам достаточно выразить и тому, и другому ваше категориче-

ское желание, чтобы они оставались на своих местах, а Гайде, кроме того, вы можете сделать выговор за его проступок, а выговор, сделанный вами, будет для него достаточным наказанием, и инцидент будет окончательно исчерпан, хотя я и не скрываю, что, зная Гайду, не исключаю возможности его повторения, — отвечал Дитерихс.

— Да, это и я думаю, и тогда, конечно, уже не будет иного исхода, как с ним расстаться, — сказал Колчак. — Благодарю вас, господа, за вашу работу — компетентную и умелую, и, так как уже поздний час, а вы все, думаю, устали, то прошу ко мне выпить чаю и закусить.

Мы вошли в довольно большую, хорошо меблированную столовую, среди которой был накрыт большой стол с сервированным, весьма скромным, но прекрасно приготовленным, ужином и дымившимся самоваром. Кроме нас в столовой находился только чиновник для поручений, заведывавший хозяйственной частью у Верховного Правителя и в шутку называвшийся окружавшими «гофмаршалом» и теперь игравший роль хозяйки. Адмирал сел на конце стола, пригласив сесть по старшинству, то есть Дитерихса — по правую руку от себя, меня — по левую руку, а генерала Матковского — правее Дитерихса. Чиновник особых поручений занял место левее меня. Адмирал предложил выпить водки и закусить, и у нас завязалась довольно оживленная и интересная беседа.

Колчак, в частном обращении имевший свойство очаровывать людей, у себя в доме, в качестве хозяина, был особенно приятен: он был в отличном расположении духа, шутил, смеялся, и беседа шла совершенно непринужденно, причем каждый забывал, что он говорит с лицом, поставленным судьбою на такой высокий пост, а казалось, что находишься в доме гостеприимного, простого и радушно-го обыкновенного моряка...

После этого наша беседа продолжалась еще некоторое время и лишь около полуночи мы расстались с Верховным Правителем и отправились по домам, причем я вынес самое лучшее впечатление от адмирала Колчака как частного человека и хозяина.

Белое дело. Летопись белой борьбы. Под ред. А.А. фон-Лампе. Берлин, 1926. Т. 1.

В штабе Западного фронта. Челябинск, январь 1919 г. Слева направо: адъютант Дитерихса поручик Свобода, начальник штаба фронта ген. Дитерихс, командующий фронтом генерал-майор Я. Сыровы (из архива А.А. Васильева)

У штабного вагона. Челябинск, январь 1919 г. (из архива А.А. Васильева)

*В штабном вагоне. Дитерихс и представители союзных военных миссий:
Слева направо: Ли, Клецанда, де Фераки, Пржездецкий, Койшевский, Пишон,
Дитерихс, Харасу, Свобода (из архива А.А. Васильева)*

*В штабе Западного фронта. Справа – Свобода, слева – Клецанда.
Челябинск, январь 1919 г. (из архива А.А. Васильева)*

Разведывательный отдел штаба Западного фронта (из архива А.А. Васильева)

Генерал-квартирмейстер фронта В.В. Клецанда (надпись на фотографии: «Дорогому учителю и отцу Михаилу Константиновичу Дитерихсу на добрую память. Клецанда.») (из архива А.А. Васильева)

У штабного телеграфа. Ген. Сыровы за приемом сообщений (из архива А.А. Васильева)

Крест-памятник Царственным Мученикам, сооруженный по проекту инженера Алымова в 1938 г. (в день 20-летия Цареубийства) в Соборе Св. Александра Невского в Париже. В центре – изображение Св. Николая Епископа Мир Ликийских Чудотворца, покровителя Императора; на левом окончании креста – Св. Царица-мученица Александра, покровительница Императрицы Александры Федоровны; на правом – изображение Свяителя Алексия, покровителя Наследника Цесаревича Алексея. На нижней перекладине – иконы небесных покровительниц дочерей Николая II – Св. равноапостольной Княгини Ольги, Св. Татианы мученицы, Св. равноапостольной Марии Магдалины, Св. Анастасии мученицы (фото из коллекции В.Н. Бакишина, «Общество Русской Иконы» в Париже)

Обложка книги М.К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале». Авторство рисунка, предположительно, принадлежит ген. Дитерихсу (ГА РФ)

М. К. ДИТЕРИХСЪ.

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И
ЧЛЕНОВЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ
НА УРАЛЕ.

ЧАСТЬ II
МАТЕРИАЛЫ И МЬЮЛИ.

ВЛАДВОСТОКЪ.
1922.

Следователь по особо важным делам Омского окружного суда
Н.А. Соколов (ГА РФ)

В таком виде Соколов перешел линию фронта (из архива А.А. Васильева)

Участники следствия.
В центре –
Дитерихс.
Крайний справа – воспитатель Наследника Цесаревича П.А. Жильяр (из архива А.А. Васильева)

Мимо Ипатьевского дома конвоируют арестованных, привлеченных к следствию (из архива А.А. Васильева)

В саду дома Ипатьева Соколов делает доклад Дитерихсу о ходе следствия (из архива А.А. Васильева)

Дитерихс и Соколов у остатков костра, где были уничтожены тела Царской Семьи (ГА РФ)

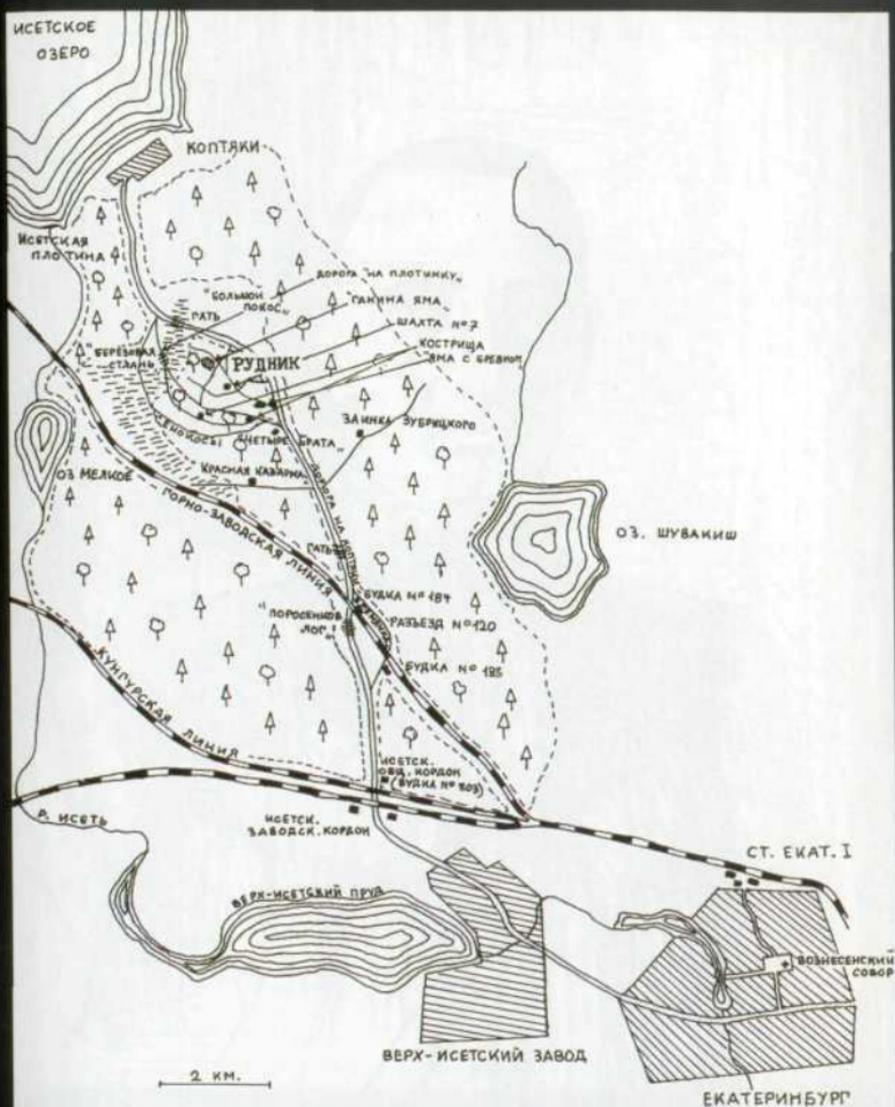
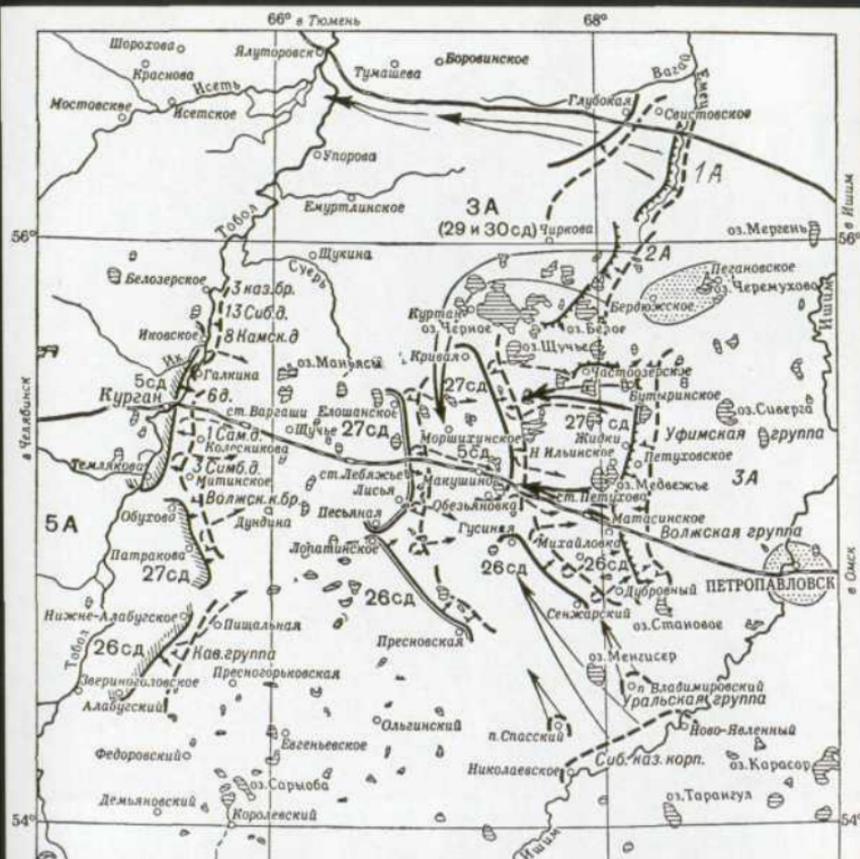

Схема северо-западных окрестностей Екатеринбурга в 1918 г. (на основе схемы, приложенной к книге ген. Дитерихса, исправленной и дополненной по материалам экземпляра дела Вильтона) (из книги: Н. Росс. «Гибель Царской Семьи», Франкфурт на Майне, 1987.)

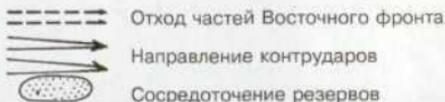

Верховный Правитель России и Верховный Главнокомандующий Российской Армией адмирал А.В. Колчак. Омск, октябрь 1919 г.

ТОБОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1919 г. (первый период)

Положение сторон

Командующий 2-й Армией генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий (в центре) с чинами Штаба Армии (ГА РФ)

Штаб 3-й армии во время Тобольского наступления. В центре – командующий армией генерал-лейтенант К.В. Сахаров, слева от него – начальник штаба полковник В.И. Оберюхтин, четвертый слева в первом ряду – начальник 4-й Уфимской стрелковой генерала Корнилова дивизии генерал-майор П.П. Петров, третий и четвертый слева во втором ряду – братья А.П. и Б.П. Перхуровы (генерал-майор А.П. Перхуров (в шинели без знаков отличия) руководитель Ярославского восстания, 1918 г., начальник партизанских отрядов 3-й армии, полковник Б.П. Перхуров – интендант партизанских отрядов 3-й армии.). Сентябрь 1919 г. (из архива А.А. Васильева)

Командующий 1-й (б. Сибирской) армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев (ГА РФ)

Командир Сибирского казачьего корпуса генерал-лейтенант П.И. Иванов-Ринов (ГА РФ)

Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак во время посещения американского госпиталя Красного Креста в Омске. Слева от адмирала морской министр, контр-адмирал М.И. Смирнов, справа – Генеральный консул США Гаррис, крайний справа – начальник конвоя, полковник А.Н. Удищцов. Русские и американские офицеры, персонал госпиталя. Омск, сентябрь 1919 г. (фото из архива общества «Родина».)

Образ Св. Николая Епископа Мир Ликийских Чудотворца с Никольских ворот Московского Кремля, пострадавший во время обстрела в ноябре 1917 г. Небесный Покровитель дружин Святого Креста (ГА РФ)

Митрофорный Протоиерей о. Петр Рождественский – председатель Братства по организации дружины Святого Креста и Зеленого Знамени памяти Патриарха Гермогена (из книги: Г.В. Енборисов «От Урала до Харбина: Памятка о пережитом». Шанхай, 1932)

Стяг дружины Святого Креста и Зеленого Знамени. Омск, 18 сентября 1919 г. (Государственный музей современной истории России)

Дружины Святого Креста и полумесяца: а) дружинники Омской дружины Святого Креста и Зеленого Знамени; б) Стяг и Знамя дружины Святого Креста и Зеленого Знамени; в) знаки дружины Святого Креста и Зеленого Знамени.

Начальник дружины Святого Креста в Семипалатинске, войсковой старшина Оренбургского Казачьего Войска Г.В. Енборисов (из книги: Г.В. Енборисов «От Урала до Харбина: Памятка о пережитом». Шанхай, 1932)

Начальник добровольческих формирований генерал-лейтенант В.В. Голицын (с фотографии «Генералитет Белой Сибири» // Белая Гвардия, № 5, 2001 г.)

Профессор Д.В. Болдырев – главный идеолог движения по организации дружины Святого Креста и Зеленого Знамени (из книги: Г.В. Енборисов «От Урала до Харбина: Памятка о пережитом». Шанхай, 1932)

**ВПЕРЕДЪ НА ЗАЩИТУ
СВОБОДНОЙ СИБИРИ**

НУ-КА! СУНЫТСЯ...

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ТОБОЛЬСКОЙ ОПЕРАЦИИ

ПРИКАЗ

Восточной группе армий

№ 5

ст. Екатеринбург 1

28 июня 1919 года

Враг ведет настойчивое наступление с целью овладеть фронтом Пермь – Кунгур – Красноуфимск.

Армии наши от начальника до последнего солдата тверды и преданы своему долгу перед Родиной и Верой.

Минувшие неудачи не поколебали веры в конечную победу, и в настоящее время эта вера растет. Объединение всех борющихся против большевиков – Южного фронта генерала Деникина, Северо-Западного фронта генерала Юденича и северного фронта генерала Миллера – под одной властью Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака укрепляет сознание в неуклонном приближении минуты возрождения Единой Великой и Святой Руси.

Призываю всех объединиться для совместной работы против общего врага.

НАПОМИНАЮ, ЧТО МЫ ВЕДЕМ НЕ ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ, А РЕЛИГИОЗНУЮ.

Не какие-либо политические платформы или кастовые, классовые начала заставляют нас проливать кровь наших отцов, братьев и сыновей.

Мы боремся за поруганную и попранную веру наших отцов и дедов кучкою пришлых людей, чуждых вере в Бога, не признающих религии и соблазвивших наших братьев высокими словами свободы, а на деле создавших палочное, полицейское рабство. Мы боремся за воссоздание Единой Великой России могучей верой своих предков, и борьбу эту будем вести с неослабной энергией.

Для пополнения армий вверенной мне группы в силу предоставленной мне власти призываю в Пермской и Уфимской губерниях, в районах Сибирской и Западной армии подвергнуть обязательному призыву в войска все мужское население сроков службы 1907, 1906, 1905, 1904, 1903, 1902 годов без всяких льгот и отсрочек по служебному и имущественному положению. Призыву подлежит также и мужское население соответствующего возраста всех эвакуированных правительственных, городских, земских, общественных, кооперативных и частных учреждений и организаций, находящихся в указанных районах; по освобождении ныне эвакуированных районов лица названных категорий подлежат возвращению в свои учреждения.

Всех годных по образованию и развитию для подготовки в офицеры зачислить в особые подготовительные школы, формируемые распоряжением каждой группы армий. Все не явившиеся к выполнению мобилизации будут наказаны как дезертиры в виду неприятеля.

Мобилизацию провести в срочном порядке распоряжением командующими армиями и группами. Командующим армиями ежедневно докладывать мне о ходе мобилизации.

Приказ этот привести в исполнение по телеграфу и расклеить во всех видных местах городских и сельских учреждений и прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

Начальник Восточной группы армий
и боевой флотилии
Генерального Штаба,
генерал-лейтенант

Дитерихс

Начальник штаба
Генерального Штаба,
полковник

Сальников

Отечественные ведомости, Екатеринбург, № 137, 29 (16) июня 1919 г.

ИЗ ПИСЬМА

морского министра контр-адмирала М.И. Смирнова
адмиралу А.В. Колчаку от 1 июня 1919 г.

Для спасения дела умоляю, Ваше Высокопревосходительство, переехать с Вашим штабом ближе к фронту, чтобы иметь постоянное общение с Командующими армиями, взять более авторитетного Начальника штаба и более образованных и не авантюристов Командующего Сибирской армией и командиров корпусов. Для этого необходимо назначить более авторитетного, решительного и твердого Председателя Совета Министров – какого-либо из генералов, так как при Вологодском Вам уехать из Омска нельзя. Когда говорят, что генералов нет – это неверно. Генералы есть, нужно только их правильно распределить. Имеются Дитерихс, Розанов, Сахаров.

ГА РФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 52. Лл. 228, 229.

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего
всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России
№ 149

г. Омск

20 июня 1919 года

С целью согласованности действий Сибирской армии, Западной армии и речной боевой флотилии ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Сибирскую Отдельную армию, Западную Отдельную армию и речную боевую флотилию в полном составе подчинить генерал-лейтенанту Дитерихсу на правах Главнокомандующего фронтом.

2. Генералу Дитерихсу в командование вступить немедленно.

Подлинный подписал:

Адмирал Колчак

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 94.

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего
всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России
№ 158

г. Омск

14 июля 1919 года

1) Генерал-лейтенанта Дитерихса назначаю Главнокомандующим Восточным фронтом, с подчинением ему всех войск Сибирской и Западной армий.

2) Генерал-лейтенанту Дитерихсу привести все войска Сибирской и Западной отдельных армий к составу трех неотдельных армий.

3) Командующими армиями назначаю: 1-й – генерал-лейтенанта Пепеляева, 2-й – генерал-лейтенанта Лохвицкого и 3-й – генерал-майора Сахарова.

4) Тюменский и Курганский округа на театре военных действий подчиняю генерал-лейтенанту Дитерихсу, из этих двух округов постепенно образовать один округ Восточного фронта.

5) Генерал-лейтенанту Дитерихсу организовать фронт соответственно различным указаниям, отданным для организации отдельных армий.

6) Армии составить из групп с переменным составом дивизий в каждой. Командующим группами присвоить права командиров корпусов. Штаб группы образовать по образцу штаба неотдельного корпуса.

7) Все штабы не доводить до штатов, а ограничиваться строго ограниченным необходимым числом работников.

Подписал:

Адмирал Колчак

Верно:

1-й генерал-квартирмейстер
Генерального штаба
генерал-майор

Андогский

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.

ОБРАЩЕНИЕ

ген. Дитерихса к офицерам Российской армии

В трудное для армии время я обращаюсь к Вам, господа офицеры. Даже идеальное человеческое существо, лишаясь разума, становится бесполезным или вредным.

То же и в армии.

Офицер есть разум армии, и без него армия, как стройная единица, жить и работать не может.

Офицер должен помнить, что он составляет органическое целое с солдатом. Солдаты без офицера, как тело без разума, не могут существовать. Солдаты становятся просто толпой, которая не только морально разлагается, но в итоге и количественно терпит несравненно большие потери, нежели при нормальной боевой жизни.

Но, с другой стороны, офицеру надо помнить, что и обратно, разум без тела существовать также не может и, что разум должен, прежде всего, любить и заботиться о том существе, руководителем которого он является. Ибо если разум не будет любить своего тела и заботиться о нем, то тело погибнет, а вместе с ним перестанет существовать и разум. Точно так же, если тело не любит и не хочет слушать своего разума и следовать его указаниям, если тело не будет признавать его, оно приведет и себя, и разум к гибели.

Офицер должен твердо помнить, что гибель одного неминуемо ведет к гибели и другого, что жизнь и существование офицера и солдата всецело зависят друг от друга.

Офицер должен помнить, что разум ценен только до тех пор, пока он стоит на должной высоте.

Если офицер всегда будет таким, каким он должен быть, то, в конце концов, он научит солдатскую массу снова уважать своего офицера.

Очень много действительно нужных и хороших идейных офицерских сил погибло только потому, что существуют такие недостойные офицеры, которые своим поведением дают пищу и опору для агитации против офицерства.

Помните, во-первых, что офицер, прежде всего, должен понимать идею борьбы, веровать в нее и учить этому солдата. Наша основная идея борьбы ясно и определенно выражена в словах Верховного Правителя: «Мы защищаем Родину против Интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания».

Идея эта основана на бескорыстной любви к родине. Эту любовь и следует воспитывать в солдате прежде всего.

Помните, во-вторых, что офицер должен быть всегда и во всем примером для солдат.

Помните, в-третьих, что руководить другими умеет лишь тот, кто умеет руководить самим собою. Человек не должен становиться рабом своих страстей: раба перед самим собою и другие не могут уважать и слушаться.

Только человек с громадной дисциплиной своего личного «Я» может требовать от других дисциплины и сознательного служения заветной цели. Будьте строги, но справедливы, уважайте солдата.

Блюдайте чистоту своего высокого призвания и, прежде всего, воспитывайте самих себя, поддерживайте и исправляйте слабых сотрудников и беспощадно выбрасывайте из своей среды негодный элемент, из-за которого гибнут лучшие силы, между тем, как эти негодные элементы большей частью ускользают и остаются невредимы.

В свою очередь, окажу полную поддержку офицерам во всех благих для армии начинаниях, но в то же время и беспощадную кару за недостойное несение своего почетного звания офицера – руководителя и воспитателя надежды России – ее солдата, как члена будущего здорового народа.

Главнокомандующий Восточным фронтом,
Генерального штаба
генерал-лейтенант

Дитерихс

Военный листок. Петропавловск. № 1. 21 августа 1919 г.

ДИРЕКТИВА

ген. Дитерихса о переходе в наступление

Штаб Главковостока.

30 августа 1919 г.

Командармам 1, 2, 3.

Командующему Степной группой

Атаману генерал-лейтенанту Иванову-Ринову.

28 августа 1-я Сибирская армия перешла в наступление, имея первоначальной задачей разбить части 29-й дивизии про-

тивника, овладеть районом станции Омутинской, развить удар главными силами в общем направлении на юго-запад. 2-я и 3-я армии, продолжая сдерживать передовыми частями противника, заканчивают подготовку и перегруппировку своих резервов к вечеру 28 августа. Фронт передовых частей 2-й и 3-й армий проходит в общем на линии Зимовье, Кызыкское, Казаринова, Суслово, Сенжарское.

Приказываю:

1-й Сибармии энергично покончить с 29-й дивизией противника и, ограничившись настойчивым преследованием в направлении Ялуторска, быстро продвинуть главные силы на фронт Емуртлинское, Уваров, Куртанская, не смущаясь разброской сил, но нанося удары сосредоточенными кулаками при одном-двух пунктах, помня, что сильный разгром противника в данном районе даст возможность легко ликвидировать его в промежутках.

2-й и 3-й армиям 1 сентября с утра перейти в наступление и атаковать противника, дабы покончить с 5, 27-й и 26-й дивизиями.

Моему резерву: 3-й и 12-й дивизиям, сосредоточенным в районе Бердюжское, Пегоново, интенсивно продолжать свою подготовку и держать связь через штаб 2 и Ишим.

Морскому учебному батальону к вечеру 30-го сосредоточиться в Петропавловске, оставаясь в эшелонах и держа связь через штаб 3.

Степной группе, оставив временно партизанский отряд в подчинении Командарма 3, остальными силами содействовать наступлению левого фланга 3-й армии, энергично атаковать противника в ближайший тыл и прочистить район конницей в общем направлении на Звериноголовскую и южнее.

Войсковому Сибирскому казачьему корпусу приступить к сосредоточению своих сил в районе – пик Джаматукский, за исключением частей, обеспечивающих Южную Сибирь.

Мой походный штаб первоначально на разъезде 744-й версты.

Главквосток генлейт

Дитерихс

Из архива А.А. Васильева.

ПРИКАЗ

Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего
9 сентября 1919 г. станция Петухово.

3-я армия в сентябрьских победных боях честно и грозно стояла за святое и правое дело возрождения и воссоздания Единой Великой России и нанесла нашим врагам ряд могучих ударов, отбросив 5-ю армию противника в район Кургана.

Все чины армии исполнили свой долг перед Родиной и дружной боевой работой создали давно всеми ожидаемую победу.

Наша Родина не забудет этих блестящих дел.

От всего сердца моего благодарю 3-ю армию за ее доблестные, полные героизма и самопожертвования подвиги.

Верю и знаю, что 3-я армия всегда пойдет твердо вперед в тяжелой, но великой борьбе за свободу, счастье и светлые будущие дни России.

С глубоким удовлетворением отмечаю отличную деятельность казачьих и вообще кавалерийских и партизанских частей на нашем фронте за сентябрьские бои.

За эти дни наша конница совершила ряд блестящих кавалерийских дел и набегов в тыл противника в одном конном строю, против пехотных и артиллерийских частей противника, широко используя холодное оружие.

Среди них отмечаю действия оренбургских казачьих полков, из которых выделяется работа бригады генерал-майора Мамаева своими конными атаками на занятые неприятелем деревни, где было истреблено больше 400 красных.

Выполнение своего долга и обязательств 3-й армии перед Родиной совершается под непосредственным руководством и управлением Командующего 3-й армии генерал-майора Сахарова. За это приказываю его наградить от имени Русской армии высшей военной наградой, орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени.

Да послужит эта награда Командующему 3-й армии благословением на дальнейшие подвиги его армии к дальнейшим победам, которых так ждет наша Родина.

ГА РФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 52. Лл. 169–172.

ПРИКАЗ

Восточному фронту армий
№ 91

Разъезд Правый Иртыш

10 сентября 1919 года

Защищая Родину и веру, каждый воин должен служить примером в своих отношениях к обрядам и правилам церкви.

Приказываю частям войск фронта при прохождении мимо церквей и мечетей прекращать пение песен и игру музыки. Запрещаю пение песен и игру музыки с 18 часов накануне праздников и до 12 часов в праздничные дни.

Священнослужителям присутствие при смертной казни коммунистов-большевиков – необязательно, желающим присутствовать – не воспрещаю.

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего и
Главнокомандующий Восточным фронтом
Генерального штаба генерал-лейтенант

ДИТЕРИХС

Наш Долг. Петропавловск. № 26. 21 сентября 1919 г.

ДИРЕКТИВА

ген. Дитерихса о запрещении самовольных реквизиций
№ 7437

12 октября 1919 г.

гор. Омск

Имеющиеся в моем распоряжении данные свидетельствуют о том, что начальники отрядов, действующих на территории тыла по водворению государственного порядка, не всегда оказываются на высоте своего служебного долга по отношению к мирному населению. Проявляемые чинами отрядов насилия и жестокости над мирными жителями, незаконное и несправедливое отношение к ним, постоянное нарушение их имущественных прав некоторыми начальниками не только не пресекаются, но даже поощряются, причем зачастую и сами начальники допускают такое же отношение к мирному населению, санкционируя этим преступления подчиненных. Учитывая тот большой вред, который наносится общегосударственному делу таким незаконным и несправедливым отношением к мирному населению, требую:

1. Беспощадно уничтожая большевицкие разбойничьи банды и всех вместе с ними выступающих против Правительственной власти, решительно не допускать незаконного и несправедливого отношения к мирному населению – насилий, жестокостей и нарушения имущественных прав его.

2. Особо требую не допускать намеренного в виде кары сжигания деревень, как меры, приносящей, при условии непричастности к восстанию хотя бы небольшой части населения деревни, лишь вред общественному делу.

3. Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего от 6 мая сего года за № 400 привяты к неуклонному и точному исполнению также и на всей территории тыла. Установленные этим приказом Комиссии по разбору жалоб учредить по усмотрению Командующих войсками округов в пунктах применительно к указанным в том же приказе. В случае надобности комиссии учредить и при начальниках некоторых действующих на территории тыла отрядов также по усмотрению Командующих войсками.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий, признавая личные и имущественные права мирного населения неприкосновенными, возложил охрану их на армию (приказ 6 мая сего года № 128), что каждый воинский чин и обязан свято исполнять.

4. В случае поступления в комиссию жалоб уголовного характера, требую таковые жалобы направлять подлежащему Прокурору для привлечения виновных к законной ответственности.

5. Начальники действующих против большевицких банд отрядов обязаны попутно разъяснять населению смысл борьбы с большевиками, выявить тот страшный вред, который наносится ими Родине, ознакомить его с задачами Всероссийского Правительства, развить в нем сознание необходимости всемерно поддерживать Правительственную власть, стремящуюся к возрождению Родины, как единого и независимого Государства и стоящей на страже интересов населения, его прав, грубо попираемых врагами отечества, большевиками.

6. О всех сделанных по исполнению настоящего моего приказа распоряжениях мне донести.

7. Тrequю самого точного и неуклонного исполнения изложенного в настоящей телеграмме приказа и прошу иметь в виду, что допущенные по отношению к мирному населению насилия и неза-

конные действия, равно и неисполнение моих требований, я не оставлю без наказания.

8. О всех нарушениях моих требований мне доносить для предания виновных суду.

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего и
Главнокомандующий армиями Восточного фронта
генерал-лейтенант Дитерихс

Наш Долг. Петропавловск. № 55. 25 октября 1919 г.

ТЕЛЕГРАММА

ген. Дитерихса командующему 3-ей Армией ген. Сахарову

Командарм 3, [на] № 5046.

Я уже сообщил вам, что Образцовой Егербриг [Егерской бригады] в Омске не существует, почему меня удивляет ваше повторение. От бригады в Омске имеется всего 5 рот и новобранцы, и это составляет единственную надежную охрану Верховного Правителя. Вся остальная пехота бригады втянута в упорную внутреннюю борьбу в Барнаульском и Тобольском районе уже более 2-х месяцев, и заменить их нечем. Осложнившееся положение в 3-й Армии мне вполне ясно, но надо считаться с действительностью, так как никаких резервов в тылу не было.

Единственные резервы, 12-я и 13-я Сибирские дивизии были преждевременно израсходованы в Челябинской операции, не соображенной с общим положением фронта. Теперь приходится платить за старые грехи, и я стараюсь, что могу сделать, чтобы до некоторой степени обеспечить возможность активной борьбы на моем фронте и обеспечить существование Правительства до взятия Декинским Москвы.

Сегодня направляю к вам мой последний не собравшийся полностью резерв: часть бригады Красильникова в составе полка пехоты 1 200 человек, Егерского батальона 350 человек, Инженерного дивизиона 100 человек при 2-х орудиях.

Дальше усиление могу производить только путем дружин Креста. Имейте в виду, что весь тыл от Павлодара через Барнаул – Минусинск до Байкала представляет почти сплошной новый фронт,

обращенный на юг, где пока по недостатку сил положение чрезвычайно серьезное ввиду перерыва желдороги.

Разъезд Правый Иртыш 25 сентября 1919 г. 14 часов № 0812/оп.

Генлейт

Дитерихс

РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.

ТЕЛЕГРАММА

Дитерихса Колчаку о необходимости общего отступления

Главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант Дитерихс

Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему. № 278/Д., г. Ишим 28 октября 1919 г.

Положение в третьей армии внушает мне серьезное опасение за судьбу всего фронта. Опасаясь, что Петропавловск будет взят красными сегодня или завтра, что поставит в чрезвычайно тяжелое положение волжскую и уфимскую группы, а первую и вторую армию – в критическое.

Завтра поеду искать штаб Сахарова, дабы передать ему директивные указания напрямь все усилия к задержанию продвижения красных вдоль железной дороги Петропавловск – Омск, иначе мы будем отброшены на север. Лохвицкому приказал отводить части за Ишим.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Из книги: Последние дни колчаковщины / М.М. Константинов. М.–Л., 1926.

РАПОРТ

британского военного представителя в Омске майора Моринса
об отставке генерала Дитерихса

4 ноября в 1 час дня были приняты Верховным Правителем генералы Дитерихс и Сахаров. Верховный был в необыкновенно нервном настроении и во время разговора с Дитерихсом и Сахаровым сломал несколько карандашей и чернильницу, пролив черни-

ла на свой письменный стол. Верховный крайне немилостиво разговаривал с Дитерихсом, ставя ему в упрек, что все время его командования связано с исключительной неудачей, и что он в настоящее время убедился в полной его неспособности. Не дав Дитерихсу ни слова в свое оправдание, Верховный начал ему припоминать его уверения, ни на чем не основанные, о выступлении чехо-словаков с его назначением, отставки всех более или менее опытных генералов, что ему даже со стороны союзников пришлось неоднократно выслушивать о наивных начинаниях и приказах, исходящих от Дитерихса, что отступление армии и этим возможная сдача Омска – исключительная вина Дитерихса. Верховный также говорил о генерале Гайде, причем бросалось в глаза следующее: когда Дитерихс в свое оправдание начал говорить, что он получил тяжелое наследие от Гайды, который совершенно разложил свою армию, а он все-таки в сравнительно короткий срок установил боевую способность ее, и что отступление лишь причина превосходства в численности красных, – Колчак здесь потерял совершенно всякое самообладание, стал топтать ногами и в точном смысле стал кричать, что это обычный прием самооправдания: конечно, всегда во всем виноваты другие. «Я вижу лишь одно, что генерал Гайда все-таки во всем прав. Вы оклеветали его из зависти, оклеветали Пепеляева, что они совместно хотят учинить переворот, да... переворот необходим... так продолжать невозможно... я знаю... Омск... – мне скажете, – что решительное сражение дадите между Омском и Ново-Николаевском... опять начинается та же история, что перед Екатеринбургом, Тюменью, Петропавловском и Ишимом. Омск немислимо сдать. С потерей Омска – все потеряно. Как ваше мнение (обращается к генералу Сахарову)? Сахаров в позе Наполеона (рассказал агент) стал развивать свой план обороны Омска с рытьем окопов и проволочных заграждений в 6 верстах от Омска, говорил с такой уверенностью и притом в духе Верховного, что тот сразу принял сторону Сахарова, забыв все его промахи в Челябинске, Кургане и под конец под Петропавловском и Ишимом. Утвердил план Сахарова и, обращаясь к генералу Дитерихсу, сказал: «Пора кончать, Михаил Константинович, с вашей теорией, пора перейти к делу, и я приказываю защищать Омск до последней возможности». «Ваше превосходительство, – сказал Дитерихс, – защищать Омск равносильно полному поражению и потере всей нашей армии. Я этой задачи на себя взять не могу и не имею на то нравственного права, зная состояние армии, а, кроме того, после вашего

высказанного мнения я прошу вас меня уволить и передать армию более достойному, чем я».

Колчак: «Приказываю вам (обращаясь к Сахарову) вступить в обязанности Главнокомандующего. Генерал Дитерихс сдает вам свой штат, чтобы в первое время не терять вам дорогого времени формирования его. (Обращается к Дитерихсу). Приказываю вам, генерал, немедленно все сдать генералу Сахарову». «Слушаюсь, – я так устал».

Оба генерала, прощаясь с Верховным, выходят и сталкиваются в прихожей с майором Стивенс, который в свою очередь обращается к Дитерихсу, объясняя ему, что он только что был у него в поезде по поручению генерала Нокс и узнал... он уехал к Верховному Правителю, он ехал сюда, чтобы передать ему приглашение генерала Нокс на обед сего числа. Дитерихс сказал, хватаясь за голову: «Ох, батюшки, дорогой мой, какие теперь обеды, я очень благодарен генералу за приглашение, но извиняюсь, я слишком устал, пусть теперь другие пообедают за меня».

После сдачи Омска Верховным Главнокомандующим будет, наверно, Войцеховский (слова агента). Верховный остался таким же упрямым, как был и раньше.

Стал действовать даже против мнений Третьякова, против смен кабинета, государственное экономическое совещание распустил и перевел его в Иркутск. Сам туда определенно не едет, а будет находиться все время непосредственно в армии с частью конвоя. В настоящее время издан Верховным Правителем [приказ] отправить свой поезд вперед, самому [же...с] ружьем в руках отходить с конвоем, если это будет суждено. Все больше и больше Верховный подумывал о приглашении снова генерала Гайды. С генералом Ивановым-Риновым Верховный расстался, не подав ему даже руки, и мнение о казаках не может быть двойко, – они просто изменники и больше ничего. До Колчака дошли слухи, что... положение в Сибири. Колчак не сомневается, что песенка его спета, и он также примирился с этой мыслью, что в случае неудержания Омска образуется другая власть, которой он должен будет уступить дорогу. Еще 5 ноября он сказал: «Я дал бы много за то, если бы в настоящее время был бы просто генералом, но не Верховным Правителем».

Из книги: Последние дни колчаковщины / М.М. Константинов. М.–Л., 1926.

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего
всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России
№ 222

г. Омск

4 ноября 1919 года

< ... >

2. Главнокомандующим армиями Восточного фронта назначаю Командующего Московской группой армий генерал-лейтенанта Сахарова.

3. Генерал-лейтенанта Дитерихса назначаю в мое распоряжение.

4. Командующим Московской группой армий назначаю Командующего Волжской группой генерал-майора Каппеля.

< ... >

Подписал:

Адмирал Колчак

Верно Начальник Штаба фронта,
Генерального штаба генерал-майор

Рябиков

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 169.

ПЕРЕПИСКА

о счетах 2-й Особой бригады

Сукин – Послу

Омск, 15 октября 1919 г. № 292.

Начальник штаба фронта генерал-майор Рябиков
просит передать генералу Щербачеву:

До сих пор нет ответа на телеграмму 13 августа № 22752. Повторяю ее:

«По приказанию генерала Дитерихса, назначенного Наштаверхом и Военмином, прошу телеграфировать, находятся ли в Париже в Banque de France 2 100 000 франков, вложенных на счет 2-й Особой бригады генералом Дитерихсом».

Прошу уведомить, получена ли эта телеграмма и не отказать срочно телеграфировать по существу телеграммой.

Французская Республика
 Париж, 20 ноября 1919 г.
 Военное министерство.
 Управление Контрольное
 Междуминистерская служба
 заграничных расходов
 № 3390.

Генеральный Контролер и Председатель Комитета
 по Ликвидации Русских дел.
 Господину генералу Щербачеву
 д. 4, Avenue d` Iena. Paris.

Письмо от 6 ноября 1919 г. за № 11508.

Вы просили меня сообщить Вам сведения касательно сумм приблизительно в 2 млн. франков, которая была сдана в Banque de France в Париже в 1917 г. генералом Дитерихсом. Кроме того, 21 октября 1919 г. за № 11413 Вами уже было послано письмо по тому же поводу Главному Начальнику Генерального штаба, генералу Альби.

Имею честь довести до Вашего сведения, что сданная генералом Дитерихсом сумма была образована из денежных средств, представленных в распоряжение русских войск Русским Военным Агентом во Франции, кои в свою очередь были взяты из авансов, данных России Францией. Эта сумма была, вследствие сего, вновь заприходована по счету, снабжавшемуся сими авансами, который был открыт Военному Агенту в Banque de France.

Означенная запись являлась нормальной, ибо упомянутая сумма в 2 миллиона не отличается ничем от тех сумм, которые числились тогда же по счету Военного Агента, или тех, которые впоследствии были причислены к означенному счету.

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что подобный образ действия не мог остаться безызвестным для генерала Дитерихса.

Ваше письмо от 6 ноября 1919 г. мотивировано вопросом, заданным Вам генералом Дитерихсом, касательно судьбы, постигшей сумму, когда-то внесенную им в депозит, так как назначение это было сообразно письменным инструкциям, данным им самим в Banque de France 28 июля 1917 г.

Кроме того, Ваше письмо от 21 октября 1919 г. указывает, что Контролер Жилле, которого Вы, как можно предположить, запрашивали через кого-то касательно этого дела, не смог дать прямых сведений. Надо полагать, что здесь произошло недоразумение, так как контролер Жилле не помнит, чтобы Вы или кто-либо из Ваших Представителей представлял ему какой-либо запрос по данному поводу.

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 364. Лл. 1, 5-6, 7, 12.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ТОБОЛЬСКОЙ ОПЕРАЦИИ

...Летние неудачи армий, отошедших за Тобол, привели к их новой реорганизации и к объединению Сибирской и Западной армий в руках назначенным Главнокомандующим Восточным фронтом генерала Дитерихса.

Окончательно организация армий вылилась в следующую форму:

1-я армия генерала Пепеляева в составе 1 и 2 сибирских стрелковых дивизий, 1 кавалерийской дивизии, 1 и 2 егерских полков, к которым в скором будущем добавились и другие части.

2-я армия генерала Лохвицкого, приехавшего из Западной Европы. Начальником ее штаба был генерал К. Акинтьевский. В ее составе были 3-я и 15-я сибирские стрелковые дивизии, 2-я отдельная стрелковая бригада, 1-я сибирская казачья дивизия.

3-я армия генерала Сахарова с начальником штаба Оберюхтиным. В ее составе были Уфимская, Волжская и Уральская группы.

Уфимскую группу генерала Войцеховского составляли 4-я Уфимская стрелковая дивизия, 8-я Камская стрелковая дивизия, 12-я Уральская стрелковая дивизия, Уфимская кавалерийская дивизия.

В Волжскую группу генерала Каппеля входили 1-я Самарская, 3-я Симбирская, 13-я Казанская и 13-я Сибирская стрелковые дивизии, 4-й Оренбургский казачий полк и Волжская кавалерийская бригада Нечаева.

Генерального штаба генерал-майор Павел Федорович Рябиков (1875–1932) в означенный период являлся Начальником штаба Восточного фронта и ближайшим помощником М.К. Дитерихса.

Во главе Уральской группы стоял генерал Кругловский, кадровый гвардейский стрелок. В ее составе были 7-я и 11-я Уральские, а также Ижевская стрелковые дивизии и 2-я Оренбургская казачья бригада.

Оренбургская армия Дутова: 1-й и 4-й Оренбургские корпуса, Алексеевский гусарский полк, Архангельский егерский батальон. В Оренбургскую армию была переименована Южная армия генерала Белова («Виттекопфа»).

Кроме того, был еще 2-й Отдельный Степной корпус генерала Ерофеева со штабом в Семипалатинске. В эту группу входила Партизанская дивизия Анненкова, осаждавшая укрепленный большевиками район Семиречья Черкасское – Петропавловка – Антоновка.

В начале августа 1919 г. была сформирована «Степная группа» на правах армии с назначением туда вскоре Лебедева. Начальником ее штаба был генерал Леонов. Оперировала она между 3-й и Оренбургской армиями. В ее составе были 5-я Сибирская казачья дивизия, Партизанская дивизия, Московский Егерский батальон, Конный Егерский дивизион, отдельные оренбургские казачьи сотни...

После ухода со своего поста генерала Лебедева, генерал Михаил Константинович Дитерихс был назначен начальником штаба Верховного Главнокомандующего, военным министром и Главнокомандующим уже всеми армиями Восточного фронта.

В это же время стало известно, что из Западной Европы едет в Омск генерал Н.Н. Головин, предназначенный на должность начальника Штаба Верховного Главнокомандующего.

Генерал Дитерихс сразу же окунулся в громадную работу по всем своим ответственным должностям и с нетерпением ожидал приезда Головина, мечтая предоставить затем все свои силы фронту.

Сразу же по назначении генерала Дитерихса Главнокомандующим Сибирской и Западной армиями, он сформировал небольшой походный штаб, с которым и расположился в поезде на одном из разъездов недалеко от Омска, к западу от него.

Начальником походного штаба был назначен полковник Генерального штаба Сальников, недавно прибывший из армии Деникина. Первой задачей Дитерихса было дать войскам фронта серьезный отдых на их позициях между реками Тобол и Ишим, укомплектовать, снабдить их всем необходимым, упорядочить службу тылов и подготовить армии к переходу в наступление.

Наступление было намечено на начало сентября.

Не помню точно, когда я был вызван в поезд Главнокомандующего, который мне предложил принять должность его начальника штаба.

Несмотря на мои просьбы освободить меня от этой работы, т.к. я никогда не служил по оперативной части, Дитерихс приказал мне принять должность. В дальнейшем я убедился, что Дитерихс и не нуждается в каком-либо специалисте-операторе, т.к. всю подготовку и решения принимал всегда единолично сам.

Начальник штаба, являвшийся лишь исполнителем всех его предначертаний и указаний, должен был его разгружать в той мере работы, которая, кроме забот о боевых задачах фронта, лежала на нем.

Назначение мое приказом состоялось лишь 20 октября, но в исполнение должности пришлось вступить значительно раньше, даты точно не помню. Местом моей работы была Ставка в Омске, но постоянно приходилось, пока шли операции, ездить с докладами на разъезд к Главнокомандующему, держа связь с походным штабом.

Наступление было намечено 1, 2 и 3-й армиями в пространстве между Тоболом и Ишимом с нанесением главного удара левым флангом (3-я армия уже занимала положение на уступе вперед), где сосредоточились крупные массы конницы в виде недавно мобилизованного Сибирского казачьего войска под командой Иванова-Ринова.

На этот корпус возлагались большие надежды, т.к. он, после успеха прорыва, должен был проникнуть глубоко в тылы красных, внести панику в их ряды, при отступлениях устойчивостью не отличавшиеся.

В Сибирском казачьем войске была произведена поголовная мобилизация; корпус был великолепно одет и снабжен всем необходимым, на что были ассигнованы громадные средства – 100 миллионов рублей.

Главной заботой Дитерихса было приведение в порядок тылов для достижения должного укомплектования частей армии и ее снабжения, т.к. до сих пор развитию даже крупных успехов (весна 1919 г.) всегда мешали слабость и несвоевременность работы тылов.

На почве работы тылов и снабжения, к сожалению, скоро начались недоразумения между генералами Дитерихсом и Будбергом, который в своем дневнике жаловался, что с назначением Дитерихса его положение еще больше осложнилось, т.к. Главнокомандующий «во все вмешивался».

Не сочувствовал Будберг и идее Главнокомандующего о формировании стратегического резерва на Дальнем Востоке под начальством генерала Хрещатицкого, против кандидатуры которого Будберг выступал категорически и, признаюсь, справедливо.

Несмотря на согласие Адмирала на формирование этого резерва, данное в середине сентября, события не дали возможности осуществить этот план...

В смысле управления тылами решено было включить Омский военный округ в театр военных действий, считая его главным резервом для новых формирований.

Иркутский и Приамурский военные округа оставались в ведении военного министра.

Такое распределение «сфер влияния», казалось бы, должно было внести окончательное умиротворение верхов, но этого не случилось...

После того, как наступление очень успешно начало развиваться и противник с большими потерями был отброшен за Тобол, оно должно было замереть и уже окончательно, т.к., опять-таки, не было ни пополнений, ни достаточного снабжения боевыми припасами.

Не зная всей обстановки работы Военного министерства, руководимого таким опытным, знающим и энергичным лицом, как генерал Будберг, не беру на себя смелость кого-либо в этом обвинять, но лишь констатирую факт, что наступление выдохлось и затем превратилось в катастрофу всего Белого Сибирского движения из-за отказа тылов.

В этом смысле, а не целях своего еще большего возвышения, Дитерихс стал разрабатывать проект новой организации военного управления, по которому Военный министр опять подчинялся Главнокомандующему, приобретающему исключительно большие права над тылами.

В оправдание же и генерала Будберга необходимо отметить, что он, видимо, считая, что тылы к крупному наступлению еще не готовы, уже 8 августа 1919 г. на заседании Совета Министров не только не одобрил наступления, но поднял вопрос об эвакуации Омска; в середине августа тот же Будберг советовал отвести войска за Ишим...

Дело будущего, серьезного и, главное, вполне объективного исследователя действий армий Сибирского фронта, сделать окончательное заключение, не было ли это наступление преждевременным и недостаточно подготовленным, посему и привело к катастро-

фе. Быть может, если бы от этого наступления отказались и зиму провели в позиционной борьбе за Ишим, дальнейшая обстановка сложилась бы иначе.

Вполне понятной психологической причиной решения не откладывать наступление было то, что действия на большинстве других фронтов в это время были успешными: на Западном фронте поляки заняли Двинск, Минск, Бобруйск, Борисов. От Двинска началось наступление в общем направлении на Смоленск...

Также успешно действовали антибольшевицкие силы и на других фронтах.

Готовясь к наступлению, генерал Дитерихс большое внимание уделил и развитию добровольческих формирований, во главе которых стоял генерал Голицын. Формирования эти серьезных результатов не дали.

Также велась, и весьма энергично, пропаганда движения «Креста и Полумесяца», которую возглавил чистый и достойный человек, профессор Болдырев, насколько известно, потом погибший. Профессор Болдырев, насколько я помню, бросив свои другие дела, весь предался организации этого движения и, будучи зачислен добровольцем в армию, одел форму рядового.

Кипела работа и в области артиллерийского снабжения, причем генерал Прибылович весьма часто имел личные доклады у Главнокомандующего.

Генерал Головин приехал 26 августа, встреченный мной по приказанию Главнокомандующего на вокзале.

Ввиду сложности и ответственности момента намеченного наступления, было решено, что генерал Головин не вступил пока в должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, а «будет ориентироваться и проводить организацию своего нового управления». Вновь организованное управление было составлено из управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, каковую должность получил профессор генерал М.А. Иностранцев, и намечалось создание управления дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем, каковым и был назначен генерал Генерального штаба Калишевский. Это управление сформироваться не успело.

Целью нового управления было объединение в широко-стратегическом смысле операций на всех фронтах белой борьбы, поддержание с ними связи, сношения с иностранными государствами и глубокая (заграничная) разведка.

Помощниками генерала Иностранцева были: по оперативной части – преподаватель Военной Академии, полковник Генерального штаба Осипов, а по разведывательной части – полковник Генерального штаба Ракитин, приехавший вместе с Головиным и расстрелянный вслед за Адмиралом.

На обязанностях дежурного генерала должно было лежать ведение дел по высшим назначениям в армию и некоторые другие функции, связанные с «дежурством».

Вскоре генерал Головин заболел, видимо, страдая от последствий ран, полученных во время Первой мировой войны, и он эвакуировался еще до сдачи Омска.

Кратковременность работы нового управления не дала возможности достигнуть каких-либо крупных результатов, намеченных по плану.

По окончании формирования Сибирского казачьего войска Иванова-Ринова и выдвижения с корпусом на левый фланг фронта в район 3-й армии, 1 сентября 1919 г. началось наступление.

Первой перешла в наступление 3-я армия Сахарова, затем 1-я и 2-я армии.

Наступление, несмотря на более значительное, чем рассчитывали, сопротивление красных, пошло успешно. Однако, красные были уже значительно более устойчивыми, чем в эпоху Волжских операций, и не так легко поддавались панике.

Дух армий Восточного фронта был на должной высоте и часто, с большими потерями и с большим упорством, они выбивали противника с ряда занимаемых им при медленном отходе позиций. Насколько помню, особенно блестящим тактическим эпизодом был бой у Петухово, где было взято много пленных и штаб бригады во главе с ее начальством.

Конная группа Иванова-Ринова, получившая задачу порвать фронт выходом по тылам противника к г. Кургану на реку Тобол, в начале имела крупный успех, разбив бригаду 5-й красной армии и захватив значительное количество пленных, оружия и прочих трофеев.

Но этим первым успехом, кажется, 11 сентября, и выдохся наступательный порыв кавалерии, которая задачу стремительного движения к Кургану не выполнила.

Ко дню окончания наступательной части операции, примерно к 16 сентября, конный корпус занял деревни Успенское и Чулошное.

Когда получались донесения об остановке после первого успеха конного корпуса, мотивированного утомлением, слабым кон-

ским составом и пр. – генерал Дитерихс, при котором в этот момент я находился, пришел в такое раздражение, которого я у этого на редкость спокойного и выдержанного человека никогда не видел.

Генерал Дитерихс приказал мне немедленно подготовить телеграмму об отрешении от должности генерала Иванова-Ринова. Весть об этом, конечно, быстро разнеслась в казачьих кругах, и вскоре в вагон Главнокомандующего явилась депутация членов Сибирского казачьего правительства, которая просила генерала отменить его приказание об отрешении Иванова-Ринова от должности. Уже несколько успокоившийся генерал Дитерихс согласился на это, но все же, в лице генерала Иванова-Ринова, приобрел смертельного врага, который не замедлил повести интригу против Главнокомандующего, видимо, всеми силами способствуя обострению его отношений с Адмиралом, которые, в конечном результате, повели к уходу с поста генерала Дитерихса.

Итак, наступление, дойдя до Тобола, выдохлось, и армии стали приводить в оборонительное состояние его правый берег.

Противник закрепился на левом берегу.

Операция кончилась, и хотя армии Восточного фронта и имели успех, но не в том масштабе, который ожидался. Красная армия потерпела поражение, но разгромлена не была, как это ожидалось при успешном рейде сибирских казаков.

Положение наших армий, понесших также большие потери, имевшие уже серьезный недостаток боевого снабжения и не получавших быстро необходимых укомплектований, стало опять внушать серьезные опасения Главнокомандующему.

Как было мной уже раньше упомянуто, на этой почве пошли опять недоразумения с Военным министерством, и началась работа Главнокомандующего по проекту новой реорганизации Военного управления и подчинения военного министра Главнокомандующему.

Уладить взаимоотношения Дитерихса и Будберга так и не удалось, и последний, к тому же серьезно заболевший, и уже не покидавший своего купе, был уволен с занимаемой им должности и уехал на восток.

На его место 14 октября был назначен Ханжин; генерал Сурин остался на своем посту помощника военного министра по снабжению.

Походный штаб Главнокомандующего был расформирован, и Дитерихс вернулся в Омск. Для создания более спокойной работы оперативно-разведывательным отделам Штаба Главнокомандующего Восточным фронтом Дитерихс приказал на железнодорожной ветке, близ

здания Управления Сибирских железных дорог, где помещалась Ставка, составить особый небольшой поезд. В нем и расположился сам Главнокомандующий, начальник штаба, генерал-квартирмейстер, ком им был назначен по выбору Дитерихса генерал Бурлин, оперативно-разведывательной части, связь с офицерами, дежурными по штабу.

Работа в этом поезде, по примеру самого Главнокомандующего, велась с раннего утра и до глубокой ночи с коротким перерывом на обед.

Чины штаба обязаны были жить в этом поезде, оставив свои семьи в других вагонах или на частных квартирах.

Отмечу кстати, что генералом Дитерихсом было отдано распоряжение и по фронту, запретившее иметь семьи при штабах и в воинских частях.

Сам Главнокомандующий, перегруженный работой, сидел за своим столом почти ежедневно до глубокой ночи, а иногда и до ранних утренних часов. Было обычным явлением, что Дитерихс меня призывал по телефону, которым мы были связаны, в любой час глубокой ночи, отдавая те или иные срочные распоряжения или приказывая заготовить те или иные телеграммы. Дежурный офицер был всю ночь начеку, готовый в любой момент разбудить и вызвать того или иного офицера штаба, необходимого для немедленного выполнения той ли иной работы.

Перегруженность работой начальника штаба заставила создать должность помощника начальника штаба, на которую был назначен солидный и деятельный полковник, произведенный в генералы, Беловский. На помощнике начальника штаба лежало руководство и прием докладов по второстепенным отраслям службы штаба – санитарной, ветеринарной, священник и мулла фронта и некоторые другие функции.

Не могу не высказать свои впечатления о генерале Дитерихсе, с которым я хоть и недолго, но тесно и дружно работал.

Михаил Константинович – человек с ясным и быстрым умом, прямыми и твердыми взглядами, в отстаивании которых он доходил до упорства, как видно дальше в отношениях его с Адмиралом. Он был до фанатизма предан своему делу и долгу службы и целиком уходил в работу, совершенно не живя какой-либо личной жизнью и, насколько я видел, не преследуя личных целей.

Удивительно всегда скромный и внимательный к своим подчиненным, генерал Дитерихс своим положительным примером создавал вокруг себя атмосферу напряженной работы, не жалея себя, и

был весьма популярен и любим как в штабе, так, судя по многим отзывам, и в армии. Его авторитет признавался и большинством старших начальников и даже таким самостоятельным Командующим армией, каковым был и крайне своеобразный генерал Пепеляев.

К недостаткам генерала Дитерихса я отнес бы его стремление самому все знать, и даже часто он сам лично читал все сводки, донесения, часто сам писал телеграммы и прочее, на это уходило слишком много времени и лишало его должного отдыха. В этом Михаил Константинович походил на покойного генерала Михаила Васильевича Алексеева. Постоянно переутомленный работой и очень мало отдыхавший, генерал Дитерихс, несомненно, был очень нервным, хотя так собой владел, что эта нервность не бросалась в глаза, и на имевшего с ним дело он производил впечатление вполне спокойного и уравновешенного человека. Хотя и очень мягкий по характеру, Михаил Константинович был совершенно не склонен к компромиссам. Никогда не замечал я в нем и склонности к интриге или суждений у него о лицах, основанных на личных отношениях, все его суждения были всегда основаны на деле, на существовании того или иного вопроса. Имея весь день, строго распределенный для работы, Михаил Константинович не любил каких-либо частных разговоров, а неизбежные в его положении приемы самых разных лиц и иногда необходимое участие в каких-либо официальных торжествах переносились им с трудом.

Во время стояния армии на Тоболе, основной работой Дитерихса было, как и раньше, стремление добиться более прочной и систематической работы тылов и регулярного пополнения и снабжения армий.

Вопрос пополнения и снабжения армий стоял в то время особенно остро, т.к. они во время серьезных боев в период наступления понесли тяжелые потери, израсходовали большое количество боевых припасов и нуждались во всем. Постепенно стал проявляться вопрос, могут ли армии прочно удержаться на фронте в случае перехода красных в наступление, о подготовке которого уже стали поступать сведения.

Для личной проверки на местах состояния армии, генерал Дитерихс неоднократно объезжал армии. Эти объезды постепенно привели его к заключению, что положение на фронте настолько непрочное, что надо принимать какое-то новое крупное стратегическое решение для упрочения положения в предстоящую зиму...

БЕЛАЯ СИБИРЬ

Я провел три дня в Омске. И то, что я увидел там, тогда же наполнило сознание мыслью, что положение почти безнадежно.

Пульмановский вагон Главковостока. Внутри большой письменный стол, заваленный бумагами, в углу стоит несколько хоругвей и знамен, висит значок братства Святого Креста. За столом сидит с утра до поздней ночи, зачастую до 3–4 часов, генерал Дитерихс. Сильно постаревшее за последний год лицо; молодые умные глаза тщательно прочитывают груды бумаг; бегают карандаш в худой небольшой руке и набрасывает короткие резолюции. Склонившись за большим столом, сидит М.К. Дитерихс и пишет, читает, снова пишет, не только весь день, но и часть ночи. От полудня и часов до шести вечера к нему приезжают с деловыми разговорами представители иностранных миссий, офицеры, прибывающие из армий, чины министерств. Долгие разговоры, и опять большой стол, заваленный бумагами... Только пульмановский вагон, где сосредоточены все нити антибольшевицкого фронта, где должна быть централизована вся воля борьбы за возрождение России.

Выслушал генерал Дитерихс от меня подробный доклад о положении армии, о ее нуждах и о том, что напряжение, жертвы и достигнутый успех требуют немедленного продолжения операции, что неподача немедленной помощи из тыла была бы при этих условиях преступной и губительной. Несколько раз наш разговор прерывал дежурный офицер, приносивший свежие бумаги и телеграммы. Пришли около часу дня три американских офицера

Командующего 3-ей Армией Генерального штаба генерал-лейтенанта Константина Вячеславовича Сахарова (1881–1941) вряд ли можно причислить к сторонникам М.К. Дитерихса. Его свидетельства, несомненно, пристрастны и выдержаны в самооправдательном ключе. С другой стороны, он как бы обобщает на страницах своей книги все упреки, раздававшиеся в то время в адрес М.К. Дитерихса.

Красного Креста с предложением организации санитарной помощи армии в тылу.

Генерал Дитерихс, усталый сверх меры, казалось, был вне досягания жизни и настойчивых ее требований; он видел как бы в своих далеких грезах, веря в высшую небесную миссию и в чудесное избавление от большевиков. Все мои усилия разбивались об это ужасное непроницаемое препятствие. Точно на пути выросли и опускались сотни занавесей из блестящей стальной сети; висели, колыхались, упруго поддавались ударам, но поддавались лишь на очень короткое время, чтобы только обессилить и снова упасть прежней, непреборимой преградой.

Все же, в конце концов, мне было обещано направить резервы в армию и прислать теплой одежды. Но затем такая фраза: «Все это не так важно; мне нужно только, во что бы то ни стало, продержаться до конца октября, когда Деникин возьмет Москву. Нам необходимо до этого времени сохранить Верховного Правителя и министров».

Вместе с генералом Дитерихсом я отправился к адмиралу Колчаку, в его особняк в Иртыше; снова сделал доклад о положении на фронте. Вывод был таков: необходимо немедленно продолжать наступление, гнать разваливающихся красных, чтобы до наступления морозов занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условия: немедленная присылка пополнений, теплой одежды и координация действий всех армий.

Адмирал Колчак выслушивал, как всегда, внимательно весь доклад. Он сидел теперь оживленный и смотрел прямо своими светлыми черными, как ночь, глазами, качая часто головой в знак согласия. А в конце я услышал повторение почти дословно той же фразы: «Я знаю, как армии трудно, но ничего: продержитесь до конца октября, когда Деникин возьмет Москву...»

Вечером в тот же день за обедом и после него я имел длинный и совершенно близкий разговор с адмиралом. Он, более оживленный и полный надежд, и как будто даже помолодевший вследствие последних успехов армии, много и горячо говорил, высказывал свои задушевные мысли. «Вы не поверите, Константин Вячеславович, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что я цепляюсь за нее. А я бы сейчас отдал тому, кто был бы достойнее и способнее меня...»

В то время уже начали ходить слухи, направляемые какой-то скрытой, центральной интригой, о том, что генерал Деникин стремится стать сам во главе всего Русского дела, а с другой стороны,

что генерал Дитерихс подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки.

– Все равно ведь, – продолжал адмирал, – не может Русский народ остановиться ни на ком, не удовлетворится никем. Будь то человек – солнце, нашли бы пятна и раздули их. И это естественно. Нельзя вычеркнуть истории великого народа, нельзя насиловать его характера, свойств и всего уклада...

– Как Вы представляете себе, Ваше Высокопревосходительство, будущее?

– Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это – сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали...

– В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ, его массы. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного Вождя, законного Царя. Только это движение и может иметь успех.

– Так почему же не объявить теперь же о том, что Омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся.

– А что скажут наши иностранцы-союзники?.. Что скажут мои министры?

Верховный Правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов, и он, местами, противореча сам себе, защищал точку зрения, что временное соглашение с эсерами найти нужно, так как их поддерживают все «союзные» представители. Видно было, что адмирал устал в борьбе и уже уступал...

На третий день я вернулся к себе в армию, вернулся как в тихий светлый дом, к здоровому трезвому делу. Вернулся наполненный всевозможными обещаниями помощи армии, но еще более неуверенный в их исполнении...

3-я армия занимала фронт по реке Тобол около двухсот верст. Из одиннадцати дивизий в армейский резерв было выведено шесть, а остальные пять дивизий могли, понятно, охранять реку на этом пространстве только тонкой цепью аванпостов. Успех нашего дела был возможен при одном условии: усилении армии и немедленный переход снова в наступление по всему фронту.

Больше месяца я добивался этого безрезультатно. 13-го октября мною была послана последняя телеграмма Главквосточку; в ней

я доносил, что красные вливают интенсивно пополнения в свои ряды, готовясь к активным действиям, и что положение создается крайне серьезное, критическое.

К несчастью, через день начались подтверждения этого, начались жестокие уроки за преступную небрежность тыла. Большевики перешли в наступление, начали форсировать переправы через реку Тобол. Три дня мы опрокидывали все их попытки, причем целый ряд официальных донесений и рассказов наших раненых подтверждали картину, что красные полки идут в атаку, буквально подгоняемые пулеметами и плетью комиссаров...

На четвертый день большевикам удалось переправиться через Тобол южнее города Кургана, прорвать растянутое положение Уральского корпуса. Несмотря на героическое сопротивление наших частей, которые несли огромные потери убитыми и ранеными, нечем было парализовать этого прорыва; большевики устремились в него, старясь снова выйти к железной дороге, в тыл нашей армии.

Целую неделю продолжалось жестокое сражение по всему фронту армии. Многочисленные атаки большевиков отбивались нами всюду, где только были наши части. Но красные лезли в промежутки, шли степями, без дорог, выходили в тыл. Ижевская дивизия с 14-го по 19-е октября была отрезана совершенно и окружена большевиками; и не только пробилась сама, но нанесла красным несколько частных поражений и привела с собою свыше двухсот пленных.

17-го октября я поехал к Уральскому корпусу и там, в деревне Патраково, попал вместе со штабом корпуса в окружение большевиками; пришлось для контратаки деревни направить все силы до личных конвоев моего и командира корпуса включительно.

В это же время большевики вышли другим направлением и грозили отрезать штаб корпуса от остальных частей армии и от железной дороги.

Нестерпимо мучительно было переживать эти дни, когда кучки храбрецов, только что совершавших победоносное движение к Тоболу, теперь были принуждены отступать из-за преступной инертности тыла. Были принуждены драться в бессмысленной и безнадежной обстановке, не имея возможности перейти в наступление самим, что только и могло дать нам новый успех и окончательную победу.

Красные за это время не потеряли ни одного дня подготовки, большевики вливали в их ряды пополнения, усилились свежими частями и были числом сильнее нас во много раз. 3-я же армия так и не

получила обещанных пополнений, а от боев, от непрерывных операций сила ее таяла, таяла с каждым днем.

Вот документальные цифры из сведений, представленных штабом 3-ей армии Главковостоку, о потерях убитыми и ранеными за время с 1 сентября по 15 октября 1919 года:

	Офицеров	Солдат и казаков
Уфимский корпус	480	8358
Волжский корпус	224	3960
Уральский корпус	227	4814
Степная группа	57	638
ИТОГО	988	17770

Из наших полков выбывали лучшие, гибли храбрейшие русские офицеры и солдаты, цвет нашей армии. Но главное – всего хуже было то, что падала надежда на успех и вера в дело...

Ропот среди армии все усиливался. Тяжелое отступление полураздетых частей продолжалось без надежды остановить его, чтобы дать красным сильный отпор и снова перейти в наступление. Вместе с тем, развилась до небывалых пределов и пропаганда в тылу. В результате всего падала самая вера в успех дел, исчезала надежда на скорую конечную победу, терялся смысл дальнейших жертв.

В такой обстановке тыл начал теперь спешно подавать на фронт пополнения. Густыми массами шли маршевые роты, безо всякой системы, с нарушением самых примитивных требований порядка: так, зачастую поезда с пополнением простаивали сутками на станциях или разъездах, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, верили самым вздорным слухам, легко поддавались обману и агитации. Наконец, эти голодные и распропагандированные маршевые роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику.

Вначале пробовали их вливать в полки, которые таяли с каждым днем, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовые предательства. Только что прибывшее пополнение, получив приказ идти в наступление, выбегало, подняв вверх винтовки, обращенные прикладами в небо, передавалось на сторону красных и открывало огонь по своим. Почти все офицеры в таких полках гибли...

Пал Петропавловск. Армии неудержимо катились на восток. Омск, где оставался до сих пор и Верховный Правитель, и все министерства, был уже под угрозой с фронта и с севера, от Тобольска.

И не только под угрозой, Омск был уже обреченным, так как спасти его могло только чудо; человеческие усилия были не в состоянии этого сделать в той обстановке, которая создалась к этому времени.

Нельзя выразить той горечи, какая охватила всех нас на фронте, всю армию. Сделанный ею подвиг, одержанная на Тоболе победа, сознание близкого и окончательного разгрома красных – все пошло прахом... И не было надежды на новое улучшение, на перемену...

4 ноября меня вызвал в Омск телеграммой адмирал Колчак. Когда на следующий день утром я подъезжал к его особняку, меня обогнал автомобиль Главквосточка генерала Дитерихса. Адъютант Верховного Правителя просил подождать в приемной.

Большая комната с длинным столом, покрытым малиновым сукном, с высокими стульями, расставленными кругом, по казенному; стол, за которым обыкновенно происходили заседания Совета Министров. Два больших венецианских окна выходили на Иртыш. Могучая, величавая река катила свои мутные воды, а за ней расстилалась бесконечная Сибирская равнина. Весной она зеленела и блесла молодыми всходами, обещая светлое будущее, как бы укрепляя надежду на наше возрождение к осени. Теперь, когда наступила эта осень, прошли месяцы упорной кровопролитной борьбы, когда было достигнуто многое и мы подошли почти к полной победе – все начало рушиться. Какая-то темная сила сводила на нет великие жертвы, труды и усилия.

Мрачно становилось на душе. Преступным представлялось то, что сделали с армией, с этими сотнями тысяч лучших русских людей, беззаветно шедших на смерть, чтобы добиться жизни для своей страны. Невольно мысль возвращалась к тем минутам, когда в этом же зале адмирал напутствовал меня в армию последними словами: «Идите на боевое дело, о тыле не беспокойтесь, я сам справлюсь с ним...»

У стены, сзади большого стола, стояла синяя горка, вся уставленная блюдами, солонками, папками с адресами, подношениями разных городов, заводов и общественных организаций из местностей, освобожденных от большевиков. Так знаменательны и полны веры были надписи на них; какими жалкими и беспомощными, оставленными, выглядели они теперь...

Разговор в кабинете Верховного Правителя становился, видимо, все горячее; временами доносился его голос, доходящий до крика. Прошло минут сорок. Раздался звонок, пробежал через залу адъютант и вернулся с докладом, что адмирал просит меня войти.

Верховный Правитель и генерал Дитерихс сидели за столом, один против другого, с лицами, выражавшими большие переживания, причем впервые за все время я видел в глазах адмирала такую сильную усталость, доходившую почти до отчаяния. Поздоровавшись, он попросил меня сесть и сделать подробный доклад о состоянии армии, о причинах неудач, о возможных видах на будущее.

Мой доклад был краткий, основанный на фактических и цифровых данных, отчет того, что сделала армия, что она готова была сделать для Родины и что сделала с армией преступная бездеятельность тыла. Армия дала высшее напряжение и победу; полуодетая, плохо снабженная наша армия гнала красных на сотни верст и, если бы ее поддержали хоть немного, она рассеяла бы дивизии большевиков, отбросила бы их за Уральские горы. И тогда путь на Москву был бы чист, тогда весь народ пришел бы к нам и открыто стал под знамя адмирала. Большевики и прочая социалистическая нечисть были бы уничтожены светлым гневом народных масс – с корнем.

Но, как будто нарочно, тыл не присылал ни одного вагона теплой одежды, ни пополнений, ни офицеров, даже хлеб и фураж доставлялись в армию нерегулярно, несмотря на большие запасы и обильный урожай, бывший в Сибири в том году.

Полки и батареи тают. Большинство лучших офицеров и солдат выбиты. Армия отступает, как лев, отбиваясь на каждом шагу; ни одна пушка, ни один пулемет не брошены врагу. Но за что люди гибнут? Что в будущем?

Вера в успех, при настоящих условиях исчезает. Предательство, выразившееся в том, что правительство мирволило социалистам-революционерам, которые развалили тыл, погубило все дело и свело на нет все, сделанное армией, великий подвиг ее.

– К сожалению, в армии, начиная от стрелка и кончая ее Командующим, нет теперь веры, что настоящее правительство способно исправить положение. Армия не верит ему...

Меня перебил генерал Дитерихс вопросом:

– Говоря о правительстве, Вы подразумеваете Верховного Правителя и Совет Министров или разделяете их?

– Армия по-прежнему предана Верховному Правителю, никто не сомневается, что не он виноват в том, что сделал тыл. Я говорил только о Совете Министров, который и до сих пор имеет в своем составе социалистов.

– Значит, Вы считаете, что Верховный Правитель должен остаться во главе?

– Более того, я считаю, что всякая перемена в командном составе, а тем более в Верховном командовании, была бы губительна для дела...

Адмирал глубоко вздохнул, тяжело повернулся в кресле и сказал, обращаясь ко мне, повышенным и дрожащим голосом:

– А Его Превосходительство генерал Дитерихс отказывается быть Главнокомандующим и просил меня уволить его в отпуск.

Я всего ожидал, но не этого. В такую минуту, когда требовалось напряжение всех и каждого, этот пример дал бы самые плачевные результаты.

– Что Вы думаете? – спросил меня адмирал Колчак.

– Разрешите говорить откровенно: когда стрелок покидает свой пост в цепи, его предадут военно-полевому суду и расстреляют; то же самое, если офицер оставит свою роту, батарею или полк. Я считаю, что и Главнокомандующий одинаково ответственен и не имеет права в трудную минуту покинуть свой высокий пост.

Адмирал волновался, видимо, все больше и начал объяснять причины, почему он считал себя обязанным согласиться на просьбу Главнокомандующего. Оказалось, что генерал Дитерихс отдал приказ о выводе в тыл всей первой армии генерала Пепеляева, причем перевозка ее по железной дороге уже началась; этим обнажался весь правый фланг боевого фронта.

– В то время, когда я хочу все усилия бросить на защиту Омска, я считаю вывод армии Пепеляева безумным делом. Вопрос об уходе генерала Дитерихса мною уже решен, – закончил адмирал Колчак разговор, отпустив нас обоих.

Через час я был позван снова. Адмирал задал мне вопрос, кого я посоветовал бы ему назначить Главнокомандующим. Трудно было ответить на это; я доложил мое мнение, что один из наиболее деятельных помощников его был начальник штаба генерал Лебедев, которого и следовало бы вернуть на место. Верховный Правитель соглашался с этим, но заявил, что не считает это возможным, что, благодаря интригам, имя генерала Лебедева очень непопулярно в общественности.

– Да, генерал Лебедев был всегда открытым противником социалистов всех партий, почему им и надо было убрать его. Но это не причина...

Адмирал Колчак обратился ко мне:

– А Вы согласились бы занять пост Главнокомандующего?

Я решительно отказался, ссылаясь на то, что я связан с 3-й армией, что мне дороги и эта связь, и самое дело, с которым я справляюсь.

Адмирал настаивал. Вечером он вызвал меня третий раз и заявил, что не может придти к другому решению и приказывает мне принять пост Главнокомандующего Восточным фронтом. Это он повторил и перед малым Советом Министров, собранным в тот же вечер в его доме для обсуждения тогдашнего чрезвычайно трудного и сложного положения.

Мне приходилось подчиниться приказу. Нерадостные, черные были перспективы.

Армия неудержимо катилась на восток. Эвакуация была затруднена до невозможности, так как до самого последнего времени не было предпринято никаких шагов для вывоза огромнейших военных складов в Омске, наоборот, до конца октября все прибывали новые транспорты с различными снабжениями. Надо было собирать и эвакуировать огромные министерства, спасать раненых, больных и семьи военных.

Вдобавок ко всем трудностям прибавилась еще одна: в 1919–1920 году зима была исключительно теплая, сравнительно с обычной сибирской; в первой половине ноября морозы все время колебались между двумя-тремя градусами тепла и пятью мороза. По Иртышу шла шуга (мелкий лед); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромные переправы. Наши армии надвигались к Иртышу и становились перед неразрешимой задачей, как совершить переправу через эту огромную реку. Какой-либо маневр под Омском был совершенно невозможен.

И в то же время армия все более и более таяла, оставшись одетой по-летнему. А в тылу были накоплены колоссальные запасы, такие, что их не могла бы использовать вдвое большая, чем наша, армия!

На заседании Совета Министров я повторил свой доклад, обратил внимание на все эти трудно исправимые минусы, вызвавшие полнейший крах осенней операции, и предупредил, что на защиту Омска рассчитывать нельзя, что, может быть, удастся собрать резерв к востоку от Иртыша и там дать красным генеральное сражение.

Спасти общее наше положение было тогда еще возможно; понятно, не удержанием Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; все силы надо было направить к двум главнейшим целям: спасти кадры армии и удержать ими фронт в дефи-

де примерно на линии Мариинска; в то же время сильными, действительными мерами, не считаясь ни с чем, надо было очистить тыл и привести его в порядок. Изгнать преступную бюрократическую бездеятельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнейшего предательства социалистами; объявить партию эсеров противогосударственной, врагами народа; наладить жизнь населения в самых простейших ее формах и обратить усилия всех и всего для боевого фронта. Работать зиму, не покладая рук, и тогда к весне можно было рассчитывать на новое успешное наступление, особенно, когда население Западной и Средней Сибири узнало бы на своих спинах всю прелесть большевизма.

Вот была общая программа, которая стояла передо мной, и которая была набросана перед Советом Министров; это был единственный шанс на успех. При этом выдвигалось необходимым установление фактически военного управления, вплоть до Тихого океана, выявление нового лозунга – движение для возрождения России по ее историческому пути с принятием правого курса политики внутри страны, а вместе с тем и направление внешней политики только в интересах дела возрождения России, вплоть до заключения, если понадобится, секретных договоров со странами, действительно дружески действующими по отношению к нашему Отечеству.

С другой стороны, настоятельно необходимо было отказаться, раз и навсегда, от угодничества перед теми иностранцами, которые вели в Сибири политику «бельэтажа интернационала», оказывали поддержку эсерам, заставляли наше правительство плясать под их дудку, вредили национальному воскресению России.

Тяжелый был момент, но выход виделся, хотя и загроможденный гигантскими препятствиями, осложненный сверхчеловеческими трудностями, но все выход прямой, вытекающий из сил и средств, которыми мы располагали.

Только это одно, лишь сознание долга идти и вести к этому выходу – заставили меня принять обязанность Главнокомандующего и взвалить себе на плечи огромную, сверхсильную ношу. В тот же день, когда я приехал поездом в Омск, мне ясно представилось, как в случае не только неудачи, а временных неудач, будут со всех сторон выдвигаться все новые и новые препятствия, и врагами будут пущены в ход все средства. Особенно, ввиду того, что проведение основного плана в его целом возможно было лишь при твердом, систематическом курсе, при суровых, а подчас и жестоких мерах. Как же иначе было бороться и желать победить еврейскую беспо-

шадную диктатуру над русским народом, правящую под фирмой «большевиков-коммунистов».

Адмирал Колчак просил сделать все возможное, чтобы попытаться спасти Омск и сейчас же отдал приказ о возвращении 1-й Сибирской армии на фронт. Когда на другой день по прибытии в эту сибирскую столицу я приехал вечером в особняк Верховного Правителя для обсуждения плана действий, в кабинете адмирала я застал Командующего 1-й армией, генерала Пепеляева. В первый раз я видел этого печального героя контрреволюции. Широкий в плечах, выше среднего роста, с круглым, простым лицом, упрямыми, серыми глазами, смотревшими без особо яркой мысли из-под низкого лба; коротко стриженные волосы, грубый, низкий, сдавленный голос и умышленно неряшливая одежда – вот облик этого офицера, который был природой предназначен командовать батальоном, в лучшем случае полком, но которого каприз судьбы и опека социалистов выдвинули на одно из первых мест.

Адмирал встретил меня словами:

– Вот, генерал Пепеляев убеждает не останавливать его армию, дать ей возможность сосредоточиться по железной дороге в тылу.

Я отвечал, что это невозможно, так как железная дорога нужна для эвакуации, а армия генерала Пепеляева необходима для операции на фронте. Генерал получит приказ и инструкции сегодня же вечером в моем штабе.

Пепеляев поднялся во весь рост, посмотрел в упор из-под нависшего сморщенного складками лба на адмирала:

– Вы мне верите, Ваше Превосходительство? – спросил он каким-то надломленным голосом.

– Верю, но в чем же дело?

Пепеляев тогда перекрестился на стоявший в углу образ, резко и отрывисто ударяя себя в грудь и плечи.

– Так вот Вам крестное знамение, что это невозможно: если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются.

Около двух часов шел спор. Пепеляев пускал все способы не доводов и убеждения, а прямо устрашения. В конце концов, адмирал махнул рукой и согласился не останавливать армии Пепеляева, а направить ее в районы, указанные еще генералом Дитерихсом, то есть в города Томск, Ново-Николаевск и на восток до Иркутска.

Этим решением выводилось из строя не менее четверти бойцов, правый фланг обнажался, и на две остальные армии возлагалась задача непосильная.

Я доложил Верховному Правителю, что не могу при таком отношении к приказу оставаться Главкомандующим и снова настаивал на возвращении меня в 3-ю армию. Адмирал, усталый и подавленный тем страшным бременем, которое он нес уже целый год, начал уговаривать меня и просил остаться, чтобы вместе выполнить общими усилиями главный план зимней работы.

Целый ряд сумбурных дней, полных неизвестности, полных работы среди каких-то диких невозможностей. Армия каждый день приближалась верст на 15–20. Опасность росла, а эвакуация затруднялась все сильнее. А тут надо было отправлять все иностранные, союзнические миссии, хотя бы главнейшие аппараты министров. Иртыш не становился, продолжался ледоход. Предстояло, видимо, повернуть армию, не доходя до Иртыша, на юг, с целью отвести ее затем в Алтайский район. Я сделал приготовления, чтобы ехать в армию и быть при ней. Адмирал колебался, то решая ехать со мной, то склоняясь на поездку в Иркутск, куда переезжал совет Министров и главнейшие аппараты управления. Кроме того, все время стоял трудный вопрос с золотым запасом, которого было 28 вагонов, полной нагрузки, то есть двадцать восемь тысяч пудов.

Наконец, 10 ноября хватил мороз. Иртыш стал. Лед крепнул. Переправа для войск была обеспечена. Было решено закончить спешно эвакуацию, уничтожить все военные запасы в Омске и отводить армию на восток; собрать резервы на линии города Татарска или, если не успеем, то на линии Томск – Ново-Николаевск, чтобы там дать сражение всеми силами, включая и армию генерала Пепеляева.

Войска наши не разлагались, нет, они только безумно устали, изверились и ослабли. Поэтому отход их на восток делался все быстрее, почти безостановочным.

Пять литерных поездов, составлявших личный штаб Верховного Правителя (один из них был с золотым запасом) выехали из Омска 13 ноября; я дождался приезда Командующих армиями генералов Каппеля и Войцеховского и 14 ноября, после совещания с ними, выехал из Омска с моим штабом.

А 15 ноября утром красные с севера обошли бывшую столицу Сибирского Правительства, и наши войска принуждены были оставить линию реки Иртыша. Омск пал...

На десятки верст слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные Омские запасы снарядов, патронов и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченное их радио торжествовало полную победу.

* * *

В Верхнеудинске пришлось встретиться с генералом Дитерихсом. Он как-то весь сжался, похудел и смотрел в сторону пустым взглядом своих еще не так давно молодых и вечно полных жизни глаз. Не долго говорил я с ним, не находилось ни с той, ни с другой стороны настоящих слов: слишком велика была пропасть с того дня в Омске, когда он передал мне, в трудную минуту, Главнокомандование боевым фронтом, а сам уехал на восток.

С того дня прошло всего три месяца, но по пережитому, казалось, пронесли годы. Величайшие напряжения спасти положение, непрестанные бои, ряд предательств, катастрофа, тысячи верст ледяного похода дикой сибирской тайгой – у нас всех; постоянное воспоминание о том, что бросил армию в трудную минуту, думы тяжкие и переживания в одиночестве, здесь в тылу, за Байкалом, – у него, и, несомненно, муки совести с сознанием тяжести ответственности, которую снять может только жертва и подвиг, да исполненный до конца долг.

Трудно объяснить психологию и связь в целой цепи поступков этого деятеля. Генерал Дитерихс всегда казался полным горячего желания принести пользу Родине, развить живую деятельность и для этого стремился занять центральное место. Но со времени революции слишком много проступало взаимных противоречий в словах, поступках и даже мыслях этого незаурядного человека.

В конце августа 1917 года Дитерихс приехал из Салоник, как начальник штаба генерала Крымова, как мозг этой армии народного гнева, двигавшейся на Петроград, чтобы ликвидировать совдеп и покончить с керенщиной. Полная неудача. Крымов стреляется, его армия расплывается агентами Керенского и постепенно подготавливается революционным разворотом к принятию Ленина и Бронштейна. Корнилов с помощниками арестован. Дитерихс молча, тихо возвращается в Могилевскую Ставку и занимает стул генерал-квартирмейстера у шута-главковерха Керенского.

В конце октября того же года этот главковерх бежит сначала из Петрограда, а затем ночью скрывается и от своей армии. Пропадает на несколько лет. Прапорщик Крыленко с красными матросами наступает на Могилев и убивает доблестного и честного солдата-генерала Николая Николаевича Духонина, который заступил автоматически место главковерха, освобожденное дезертиром Керенским. Дитерихс избегает этой участи, и ему после нескольких дней удается скрыться в Киеве.

Новый этап – он с чехами. В их эшелоне, как начальник штаба, добирается до Владивостока, где его застает весна 1918 года. Общее выступление; при содействии японцев чехи берут и этот город. На помощь сюда спешит отряд русских офицеров из полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, но Дитерихс передает, что он будет разговаривать с ними только в том случае, если они положат оружие. Вскоре он появляется в роли начальника штаба Яна Сыровского, одевает на себя чешскую форму без погон, защищает узко-чешские интересы, зачастую с большой настойчивостью.

Когда чехи уехали в тыл, они стали производить чистку в своих командных верхах, и всех русских офицеров убрали вон. Принужден был уйти и Дитерихс. В начале 1919 года он опять во Владивостоке, уже в русской форме, с очень маленькими защитными погонами генерал-лейтенанта.

С разрешения Верховного Правителя он, в специальном поезде, отвозит на английский крейсер «Кент» для сохранности все вещи, оставшиеся от Царской Семьи в Тобольске и Екатеринбурге, тщательно собранные русскими людьми; целый вагон реликвий.

После этого генерал Дитерихс становится во главе следственной комиссии по делу о злодейском убийении Государя, Государыни и Августейших Детей. Тщательно ведет он розыски, строит целую систему, отдается весь делу, помогая большой работе следователя Н.А. Соколова.

Когда Гайда пытался, по указке эсеров, пойти против адмирала Колчака, и решено было убрать его, генерал Лебедев ездил к Дитерихсу и, предложив ему пост Главнокомандующего Сибирской армией, составил совместно с ним план действий и исправлений дезорганизации, внесенной Гайдой. Генерал Дитерихс с большой радостью ухватился за это предложение. Он начал с того, что отменил все приказы Гайды и довольно спешно повел армию в тыл, надеясь здесь ее перестроить на новых началах.

Лебедев, которому адмирал верил до конца чуть ли не больше всех, вскоре должен был уйти. Его место занял генерал Дитерихс, сделавшись Главнокомандующим фронтом и одновременно начальником штаба Верховного Правителя. Так что цель, поставленная социалистами Гайде – убрать Лебедева – была достигнута.

Здесь с вершины власти начинается ряд непонятных действий, слов, распоряжений, вплоть до самого ухода генерала Дитерихса с поста и до отъезда его из Омска. То он сам заявляет: «Подумайте, Пепеляев мне доложил, что он и его генералы требуют созыва Уч-

редительного Собрания или Земского Собора немедленно, – иначе будто дело не пойдет. Я посоветовал им: пустить пулю в лоб, если они так думают. Это какая-то керенщина».

А затем тот же Дитерихс берет в самый трудный момент снимает армию Пепеляева с фронта и перебрасывает ее по железной дороге в тыл, чем невольно создает смертельную угрозу самому существованию боевой армии; как показали события, эти действия и привели к предательству Зиневича, и к Красноярской катастрофе.

Но в это время Дитерихс стал уже горячим сторонником и заступником идеи созыва Земского Собора в Сибири; идеи, с которой носились омские министры и так называемая общественность.

То он выпускает приказ во Владивостоке, мужественно и открыто, за своей подписью, о необходимости самой упорной борьбы с ними, общего крестового похода. А затем, получив власть, чуть ли не потакает эсерам, среди которых больше половины были и есть жиды. «Нельзя, надо считаться с общественностью...»

Во время осеннего напряжения армии, нашей победной Тобольской операции, генерал Дитерихс не может заставить тыл, полный складами и людскими запасами, помочь армии, одеть ее, снабдить хотя бы самым необходимым; и повторяет с таинственным видом: «Важно не то. Надо лишь продержаться только до октября, когда Деникин возьмет Москву. Необходимо до этого времени сохранить Верховного Правителя и министров. Остальное не важно».

Что он думал, какие мысли роились у него в голове, когда он сидел в своем вагоне, уставленном иконами и хоругвями, и работал за письменным столом целые ночи напролет? Также трудно понять, как и то, что таилось у него на душе тогда, когда он шел с Крымовым, работал с Керенским, служил у чехов, ехал из Омска на восток, сидел в Верхнеудинске во время нашего тяжелого похода через Сибирь.

Такие же неясные и неопределенные были его мысли и речи здесь, в Верхнеудинске, во время последней встречи. Видно было только, что его оставила или, по крайности, сильно ослабла в нем мистическая уверенность в особом признании спасти Россию; та неотвязная идея, которая раньше проявлялась во всем, и которая дала основание П.П. Иванову-Ринову метко назвать его Жанной Д'Арк в рейтузах. Временно опять генерал Дитерихс затих и вскоре уехал в Харбин.

Из книги: Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923.

ИСТОРИЯ, ИСТИНА И ТЕНДЕНЦИЯ

...Автору этих строк, бывшему в то время генералом для поручений при Верховном Правителе, генерал Дитерихс неоднократно жаловался, что г. Сахаров влиянием на адмирала старается поколебать доверие последнего к нему и побуждает Колчака к рискованным предприятиям и операциям, в которых видная роль принадлежала бы ему – Сахарову.

Это же подтверждает в своем дневнике и генерал барон Будберг: «Лебедев при сотрудничестве Сахарова, вырвал у адмирала согласие на какую-то сложную наступательную операцию в районе Челябинска, обещая совершенно ликвидировать красных». Дитерихс был решительно против Челябинской операции, но безрезультатно, «операция начата вопреки решительного протеста Дитерихса, чем и объясняется, почему изъяли из его подчинения Западную, или, как она теперь называется, 3-ю армию»...

... Дитерихс, по словам г. Сахарова, и «незаурядный» человек, и «всегда казался полным горячего желания принести пользу Родине», но, в то же время, и «трудно объяснить психологию и связь в целой цепи поступков этого деятеля». Он, оказывается, «бросил армию в трудную минуту», вследствие чего «у него, несомненно, муки совести», «он снимает армию Пепеляева с фронта», «он стал горячим сторонником и заступником идеи созыва Земского Собора в Сибири», он «не может подать на фронт ни одного эшелона пополнений» и т.д.

Дитерихсу ставится, правда, в виде слуха, даже ни на чем не основанный и возмутительный упрек, что он будто бы «подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки».

Но, как всегда, мешая крупное с неважным, и даже смешным, и, придавая, до наивности, значение мелочам, г. Сахаров ставит Дитерихсу прямо уже курьезные обвинения. Так, например, он ставит ему в упрек, что тот, состоя на чешской службе, «одел на себя чеш-

скую форму без погон», а в начале 1919 года во Владивостоке – был хотя уже в русской форме, но «с очень маленькими защитными погонами».

Оставляя в стороне и без возражений вполне нелепое, ни на чем не основанное и ничем не подтверждающееся обвинение Дитерихса в стремлении к перевороту, которое едва ли чем можно и доказать, возразить, а главное, заслуживающее внимания обвинение автора, что Дитерихс «бросил армию в трудную минуту». На самом деле, генерал Дитерихс не бросал армии, а принужден был уйти со своего места, как и пишущий эти строки, совершенно не встречая к себе доверия со стороны Колчака, доверия, которое, в это время, на беду для всего Сибирского движения и для самого Колчака, перешло от доверчивого и падкого на громкие фразы и скоропалительность адмирала, на гг. Сахарова и Иванова-Ринова. Без этого доверия, как Дитерихс, так и пишущий эти строки, как генерал-квартирмейстер, работать с Колчаком, конечно, не могли. Что касается увода, да еще слешного, Дитерихсом армии Пепеляева, то... достаточно подтверждается тем, что вернуть эту армию, или, собственно говоря, ее жалкие остатки, на фронт не оказалось под силу и самому г. Сахарову, когда он стал Главнокомандующим, так как это было уже стихийное отступление, почти что бегство.

Из книги: Иностранцев М. «История, истина и тенденция». По поводу книги генерал-лейтенанта К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Прага, 1933.

ЭВАКУАЦИЯ

В конце октября у Верховного Правителя состоялось заседание Совета Министров. Вопреки уверению Тельберга, что адмирал не любит многолюдных заседаний, он быстро привык к совместным заседаниям с министрами.

Поставлен был вопрос об эвакуации. «Правительство, армия и золото должны быть вместе» – такова была формула адмирала. Все речи только развивали эту тему.

Горячо говорил Третьяков. Он призывал оставаться в Омске до последнего.

– Может быть, вам, – сказал он, обращаясь к адмиралу, – суждено повторить бессмертный поход Корнилова. Мы пойдем с вами.

Но адмирал больше одобрял практические действия, чем слова. Он требовал, чтобы разгрузка совершалась быстрым темпом.

Я вполне разделял это стремление. Работать в Омске было невозможно. Он был военным лагерем. Правительство только мешало своим присутствием, а между тем тыл все больше отрывался от власти. В Иркутске избрана была социалистическая городская дума, в Благовещенске тоже. Контрразведка доносила о большой агитации земцев. Можно было предвидеть, что Правительство опоздает и с переездом, что раньше, чем оно переедет, на Востоке образуется другое.

Поэтому я со своими учреждениями не медлил и в первую очередь двинул в Иркутск Государственное Экономическое Сопровождение и Бюро печати. Я считал, что для существования Правительства нужно, как минимум, перенести в Иркутск Управление делами – как центральный аппарат, Экономическое Сопровождение – как некоторую общественную опору, и, наконец, средства печати – как орудия агитации.

Управляющий делами Совета Министров Георгий Константинович Гинс был человеком глубоко штатским и далеким от интриг военной среды. Тем более ценно его свидетельство, разоблачающее откровенную интригу Сахарова против Дитерихса, приведшую к отставке последнего.

Другие министры не спешили. Эвакуация готовилась уже раньше, в августе, но была отменена. Это всех развратило. Всем казалось, что так будет и теперь. Заниматься эвакуацией считали проявлением трусости, а не благоразумия. Омская общественность требовала защиты Омска *во что бы то ни стало*. Государственное Экономическое Собрание, выслушав указ о перерыве работ, постановило выразить Верховному Правителю полную готовность, по первому призыву, вновь приступить к работе по содействию Правительству в его тяжких трудах. Была избрана делегация к адмиралу в составе Червен-Водали, Щукина и полковника Березовского.

Адмирал согласился принять ее. Но, когда утром 31 октября я пришел вместе с делегацией к адмиралу, он был в таком настроении, что я боялся скандала. Он пригласил к себе сначала меня одного, стукнул кулаком по столу и спросил: «Вы с делегацией?» – «Да» – «Просите!» Это было сказано таким тоном, что я ожидал возможности самой невероятной выходки.

Однако, обошлось благополучно. Волнуясь за адмирала, престиж которого я всячески охранял, волнуясь и за престиж Собрания, председателем которого я был, я прочел резолюцию Собрания, принятую в связи с указом о перерыве работ. Потом Червен-Водали деликатно и тактично стал развивать мысль о том, что запасный центр нужен, но что Омск, по мнению всех членов Собрания, так важен политически, что его надо защищать.

Адмирал успокоился и оживился. Это было и его мнение. Он подчинился одно время авторитету Дитерихса, стоявшего за оставление Омска, но был рад слышать все, что говорило в защиту Омска.

Дальше речь пошла о Председателе Совета Министров, о необходимости перемен. Адмирал рассказал о своей беседе с Вологодским, о доверии своем к Пепеляеву, о том, что он ждет его возвращения.

После этого произошло то частное заседание министров, на котором была признана большинством необходимость смены премьера. Только общая обстановка разгрузки, под видом которой происходила фактически эвакуация, помешала осуществлению перемен в кабинете.

Только одну неделю пробыл после этого в Омске Совет Министров, и вся эта неделя проходила в колебаниях: эвакуироваться или нет. Верховный Правитель поддался господствующему настроению. Он решил защищать Омск. На этом решили сыграть генералы-карьеристы.

Командовавший третьей армией генерал Сахаров просил у Верховного разрешения приехать в Омск. Ему разрешили. Однажды адмирал вызвал Третьякова, Неклютина, Устругова, Пепеляева и меня к себе. Это был не совет Верховного, а импровизированное заседание. Присутствовали Сахаров и назначенный его помощником Иванов-Ринов. Сахаров сделал доклад о положении на фронте, о нуждах армии, о настроениях ее. Из всего вытекало, что защищаться нельзя. Но, к общему удивлению, он сделал неожиданно и нелогично вывод, что защищаться нужно. Дитерихс не присутствовал.

Выслушав доклад, мы хотели возражать, но испортил дело Устругов. Вместо того, чтобы сразу изложить свои сомнения, он задал вопрос, будем ли мы обсуждать доклад Командующего армией.

– Конечно, нет! – резко заметил адмирал. – Я пригласил вас только для информации.

Поделившись своими соображениями о неустраимости беспорядка в деле снабжения и транспорта, пока будет существовать многовластие, мы разошлись.

На другой день пришлось очень долго ожидать адмирала. Было за двенадцать, когда он вышел принять доклад.

– Знаете, – сообщил он мне, – я всю ночь обсуждал здесь положение и решил защищать Омск. Главкомандующим будет Сахаров.

Указ был уже подписан. Сахаров, который накануне держал себя с неприличною самоуверенностью, был мне совершенно незнаком. Я съездил к Ноксу узнать его мнение. Он сказал, что Сахаров смелый офицер, что, может быть, ему и удастся выполнить свой план и защитить Омск.

Все распоряжения Дитерихса об эвакуации были отменены. Поезда, следовавшие из Омска, были задержаны. Некоторым частям приказано было выйти из Новониколаевска в Омск, выехавшим чинам военного министерства – вернуться. Все перевернулось вверх дном.

Адмирал ободрился. Но прошел день, другой и выяснилось, что остановить отступление невозможно. Распоряжения Сахарова внесли только лишний сумбур. Чтобы оправдать себя, он обвинял во всем Дитерихса.

Адмирал не мог спокойно говорить о Дитерихсе. Он называл его чуть ли не изменником, обвиняя, главным образом, в том, что он увел с фронта сибирскую армию и, таким образом, обнажил фланг

остальных. Докладчики не хотели быть честными и не сообщали, что они сами присоединились к плану Дитерихса, и что уведенная армия фактически состояла только из штабов, обозов и небольших потрепанных отрядов.

Между тем, совершалось нечто непредвиденное.

Взоры всех с тревогой впились в сторону Иртыша. Он не замерзал. Падал мокрый снег, стояла распутица, зима упорно не приходила.

Незамерзшая, непроходимая река на пути отступающей армии – это грозило такой катастрофой, о которой язык отказывался говорить.

Адмирал весь ушел в свои глаза. Они смотрели мимо собеседников, большие, горящие, бездонные, и были устремлены в сторону фронта...

Из книги: Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Пекин, 1921.

ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНОВ КОМАНДОВАНИЯ БЕЛОГО ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В СЕНТЯБРЕ – ДЕКАБРЕ 1919 ГОДА

1 сентября 1919 года белые армии Восточного фронта перешли в свое последнее наступление и ко 2-му октября победоносно вышли на линию реки Тобол. Но в ходе Тобольского наступления были израсходованы последние резервы, накопленные белыми за летний период 1919 года. Части понесли тяжелые потери, которые не успевали замещаться текущими пополнениями. Более того, эти пополнения из мобилизованных сибирских крестьян прибывали на фронт уже распропагандированными большевицкими агитаторами и зачастую в первом же бою переходили на сторону красных.

В этой обстановке 20 сентября 1919 г. генерал Дитерихс издает директиву, содержащую долгосрочные планы подготовки стратегических резервов¹.

Согласно этой директиве, текущая убыль в действующих войсках должна была пополняться за счет мобилизаций в Омском и Иркутском военных округах. В то же время формирование стратегического резерва было поручено Инспектору формирований генерал-лейтенанту Хрещетицкому. На территории Приамурского военного округа он должен был к весне 1920 г. сформировать корпус в составе 2-х двухполковых стрелковых бригад, артиллерийского и кавалерийского полков, саперного батальона, Уссурийской и Амурской казачьих бригад, броневого и тяжелого артиллерийского дивизионов. Районами формирования корпуса были назначены ст. Раздольная, Никольск-Уссурийский и Спасск. Для пополнения

офицерского и унтер-офицерского состава решено было использовать Учебно-Инструкторские школы, 4 для подготовки офицеров и 6 – унтер-офицеров².

Кроме того, предписывалось под общим руководством генерал-лейтенанта В.В. Голицына и при участии общественных организаций ускорить формирование в Омском и Иркутском округах дружин Братства Святого Креста. Дружины должны были отправляться на фронт, не проходя боевой подготовки в тылу, а получать ее уже в дивизиях. Предписывалось каждую такую дружину целиком включать батальоном в полк, не дробя добровольцев между ротами³.

Сразу следует сказать, что из всех этих предписаний хотя бы частично оказался выполненным лишь пункт о формировании дружин Святого Креста. Омский журналист Вячеслав Иванов, сам участвовавший в качестве пропагандиста в движении «Крестоносцев», упоминает в своих мемуарах, что общее число дружинников доходило до 6 000 человек⁴, хотя вряд ли все они попали на фронт.

В отличие от белых, красное командование имело реальную возможность быстро пополнить свои части. После 2-недельного затишья, красные 14 октября сами перешли в наступление. В течение последующей недели белое командование все еще надеялось парировать удар и удержать красных на линии Тобола, либо же на каком-нибудь промежуточном рубеже в междуречье Тобола и Ишима. Но к 24 октября генерал Дитерихс осознал, что наличных средств для этого недостаточно, и дальнейшее упорное сопротивление приведет лишь к перемалыванию в неравных боях лучших кадров Белой армии. В результате им был задуман новый маневр, который получил свое выражение в директиве от 25 октября 1919 года. В ней предписывалось⁵:

1) Командующему 2-й армией генерал-лейтенанту Лохвицкому – принять на себя управление 1-й, 2-ой Армиями, Тобольской группой и Тыловым округом фронта настоящего состава и именоваться: Командующим 1-ой Сибирской группой армий с сохранением за собой непосредственного командования 2-й Армией.

2) Выделить теперь же в резерв 13-ю Сибирскую дивизию, Красноуфимскую бригаду и Морской Учебный батальон. 13-ю дивизию и Морской батальон направить в Омск, а Красноуфимскую бригаду – в Ново-Николаевск... 13-я Сибирская дивизия должна пройти последним эшелонном железнодорожный мост на Иртыше не позже 1 ноября, Красноуфимская бригада и Морской батальон – не позже 3 ноября.

3) Из Сибирской группы выделить теперь же в резерв Сибирскую штурмовую бригаду, которую отправить на пополнение в Томск, а 1-ю Сибирскую Егерскую бригаду – в Каинск.

4) Командующему 1-й Сибирской армией принять все меры к срочному пополнению бригады генерала Красильникова и Добровольческой бригады полковника Лодыженского. Далее, 5 ноября освободить Командарма 1-й Сибирской, его штаб и 1-ю Сибирскую дивизию без артиллерии и направить их в Томск. 8 ноября освободить с фронта 2-ю Сибирскую дивизию и направить ее в Мариинск и Ачинск.

Командование 1-й группой Резерва (получившей название Отдельной Омской группы Стратегического резерва, в составе 13-ой Сибирской дивизии, Красноуфимской бригады и вновь формирующейся Морской дивизии) было возложено на генерал-майора Войцеховского, начальником штаба группы был назначен генерал-майор С.А. Щепихин⁶. Командование 2-ой группой резерва (фактически, 1-й Сибирской армией в полном составе) оставалось в руках Командующего 1-й Армией генерал-лейтенанта Пепеляева.

Тем же приказом Начальнику добровольческих формирований генералу Голицыну предписывалось к 20-му ноября закончить формирование 8-ми добровольческих дружин для полков группы генерала Войцеховского, а к 20 января сформировать для Командарма 1-й Сибирской 12 добровольческих дружин.

Предписанный здесь комплекс действий является типичным маневром в глубину, и он вообще достаточно характерен для полководческого почерка М.К. Дитерихса. В данном случае он предполагал, прикрывшись завесой из сильных арьергардов, значительную часть своих войск заранее отвести на новый стратегический рубеж, где пополнить их, перегруппировать и при подходе остальных войск к этой линии, перейти в новое наступление, или, по крайней мере, остановить наступление красных до весны. Подобный прием уже был использован Дитерихсом ранее, при подготовке к наступлению на Тоболе. Тогда 5 дивизий заблаговременно были оттянуты к Петропавловску и пополнены, и они неожиданно нанесли красным мощный удар.

Из имеющихся документов нельзя сказать определенно, на каком рубеже Дитерихс предполагал остановить наступление красных. Но многочисленные мемуаристы в один голос свидетельствуют, что он не собирался удерживать столицу белой Сибири, город Омск, во что бы то ни стало. Это-то обстоятельство и стало для Дитерихса и его плана роковым.

Верховный Правитель адмирал Колчак, исходя из политических соображений, настаивал на безусловной защите Омска. Его поддержал в этом вопросе Командующий 3-ей армией К.В. Сахаров, вопреки очевидности утверждавший, что Омск при сложившихся обстоятельствах все-таки возможно защитить. В результате 4 ноября 1919 года генерал Дитерихс был смещен со своего поста, и Главнокомандующим армиями Восточного фронта вместо него был назначен Сахаров⁷. 3-ю Армию соответственно принял генерал Каппель. Одновременно со своего поста ушел Командующий 2-й армией генерал Лохвицкий, он был заменен генералом Войцеховским.

Первым распоряжением Сахарова явилась отмена директивы Дитерихса от 25 октября. Эвакуация Омска была резко остановлена, а частям 1-й Армии, успевшим уже прибыть в район Ново-Николаевска, приказано было походным порядком возвращаться обратно в Омск. Однако уже два дня спустя Сахарову пришлось убедиться, что его планы неисполнимы. Фактически, явочным порядком ему пришлось вернуться снова к плану Дитерихса, хотя и не в полном объеме. Так, Омская группа резерва, по-видимому, не успела полностью собраться, районы же размещения частей 1-й Армии были несколько изменены: ее части отправились по местам своего первоначального формирования. Согласно воспоминаниям полковника А.И. Камбалина, штаб 1-й Сибирской стрелковой дивизии, 1-й Ново-Николаевский Сибирский стрелковый полк и 2-й Барабинский Сиб. стр. полк были направлены в г. Ново-Николаевск, 3-й Барнаульский Сиб. стр. полк (командиром которого и являлся Камбалин) — в г. Барнаул, 4-й Енисейский Сиб. стр. полк и штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала Зиневича — в г. Красноярск, штаб 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева и полностью вся 2-я Сибирская стр. дивизия (5-й Томский, 6-й Мариинский, 7-й Кузнецкий и 8-й Бийский Сиб. стр. полки) — в г. Томск⁸.

Описанный маневр был последним, который белые части Восточного фронта смогли совершить по железной дороге и более-менее в соответствии с указаниями Верховного командования. Возникает закономерный вопрос, насколько исполним был первоначальный план Дитерихса? Мне представляется, что план Дитерихса был достаточно реалистичен, но лишь при обязательном исполнении некоторых условий. Это четкая координация действий при организации эвакуации, овладение ситуацией в тылу, и, главное, на линии Транссибирской железнодорожной магистрали. Как известно, этого достигнуть не удалось.

Вмешательство Сахарова только внесло беспорядок в выполнение первоначального плана, сорвало планомерную эвакуацию Омска, и в конечном итоге лишь ускорило падение города. Омск был оставлен 14-го ноября чрезвычайно поспешно, и в нем были брошены огромные запасы военного имущества, необходимого для армии.

Но еще более тяжелые последствия имело то обстоятельство, что Транссибирская магистраль в тот момент находилась под охраной союзного Чешско-Словацкого корпуса. 13-го ноября был опубликован меморандум чешского командования к союзным державам, в котором чехи объявляли, что снимают с себя все обязательства перед Россией, и будут организовывать эвакуацию по железной дороге лишь сообразуясь с нуждами собственных войск⁹. Это свое заявление чешское командование исполнило буквально, пропуская на восток лишь собственные эшелоны и задерживая западнее ст. Тайга все русские составы. Тем самым Русская армия оказалась разом отрезанной от тыла и лишилась возможности даже временно получать боеприпасы и эвакуировать раненых.

Несмотря на столь катастрофическое ухудшение ситуации К.В. Сахаров в начале декабря разрабатывал план перехода в контрнаступление в районе р. Оби. Конкретно, этот план сводился к тому, чтобы сосредоточить сильную ударную группу в районе Томск – Колывань – Ново-Николаевск и нанести сильный удар по преследующим красным частям, отбрасывая их к югу от железной дороги. В ударную группу предполагалось включить всю 1-ю армию и несколько дивизий, которые необходимо было заблаговременно отвести в район сосредоточения. По свидетельству начальника 8-й Камской стрелковой дивизии Ф.А. Пучкова: «... План этот не имел ни малейших шансов на выполнение. Не располагая железной дорогой, ген. Сахаров не мог бы доставить в район сосредоточения не только 1-ю армию, растянутую на восток от Канска, но вообще ни одного стрелка и ни одного вагона груза»¹⁰.

Между тем, к началу декабря, в дополнение к перечисленным бедам выявилась также и ненадежность, в моральном отношении, пополнявшихся по городам полков 1-й армии и оппозиционные настроения у значительной части ее командного состава. 7 декабря в Ново-Николаевске последовал мятеж 2-го Барабинского полка полковника Ивакина, который был подавлен частями 5-й Польской дивизии. В этой обстановке генерал Сахаров дополнительно затеял свертывание всех действующих на фронте частей: корпуса сводились в дивизии, дивизии в полки и т.д. Мера эта была совер-

шенно правильная, но в условиях непрерывного отступления практически неисполнимая. К сожалению, в рамках этого мероприятия, Сахаров задумал также свернуть всю 1-ю армию в один корпус и включить ее в состав 2-й армии Войцеховского. Тем самым Сахаров чувствительно задел самолюбие Командующего 1-й армией Пепеляева и спровоцировал его на открытое выступление. 9-го декабря на станции Тайга генерал А.Н. Пепеляев вместе со своим братом премьер-министром В.Н. Пепеляевым арестовал генерала Сахарова, обвинив его в постыдном оставлении Омска, и потребовал у Колчака суда над ним и восстановления в должности Главнокомандующего генерала Дитерихса. Колчак был вынужден снять Сахарова с поста Главнокомандующего и назначить над ним следствие. Одновременно адмирал послал телеграмму Дитерихсу с предложением вновь возглавить войска Восточного фронта. Но Михаил Константинович очень резко ответил, что согласится принять командование лишь в том случае, если адмирал уйдет с поста Верховного Правителя. Такой ультиматум был расценен Колчаком, как недопустимый, и 12-го декабря 1919 года Главнокомандующим армиями Восточного фронта был назначен генерал-лейтенант Каппель¹¹.

Принявший командование генерал Каппель оценивал складывающуюся обстановку значительно реалистичнее: он осознавал, (по точному замечанию Пучкова) «что невозможны никакие наступательные операции с расстроенными частями, без огнеприпасов и налаженного снабжения, что необходим спешный отвод в глубокий тыл большинства частей и полная реорганизации их в спокойной обстановке, при условии успешного задержания красных на каком-либо удобном рубеже»¹².

В условиях сибирской зимы замерзшие реки не представляли из себя преграды для наступающих. Однако существовал действительно прекрасный оборонительный рубеж – полоса Томской (или Щегловской) тайги. Это полоса сплошных девственных, почти непроходимых лесов шириной примерно в 60–80 верст, которая в те времена тянулась сплошной стеной на юго-восток вплоть до Алтая. В полосе отступления белых войск поперек тайги с запада на восток шли лишь три дороги: на севере это был идущий на г. Томск Большой Сибирский тракт, в центре – линия железной дороги, и на юге от г. Щегловска шел Новый Переселенческий тракт. Дороги были узкие, а вне дорог в условиях зимы продвигаться было практически невозможно. Защищать, таким образом, требовалось лишь

выходы этих дорог из тайги, для чего было необходимо небольшое количество свежей пехоты, богато снабженной пулеметами¹³.

Можно предполагать, что генерал Дитерихс, затеявая 25 октября свой маневр, именно полосу Щегловской тайги наметил в качестве того последнего рубежа, на котором он в крайнем случае гарантированно сумеет остановить красных. Теперь эту идею Каппель положил в основу приказа № 778, отданного им 15-го декабря в г. Мариинске. Он приказывал отвести армии за линию реки Золотой Катат, к востоку от Щегловской тайги. На 1-ю армию возлагалась задача, прикрывая частью сил направление Томск – Ичинское через северную часть тайги, все остальные силы немедленно сосредоточить в районе железной дороги, дабы запереть узкие дефиле – выходы из тайги на главном направлении, пропустив здесь части 2-й армии. Эта последняя, после прохода линии р. Золотой Катат, направлялась спешно в район Ачинска, в распоряжение Главнокомандующего. 3-я армия должна была закрыть выходы из тайги к югу от железной дороги, отправив заблаговременно на указанный рубеж свои резервы. Считаясь с истощением боеприпасов, разрешалось оставить при дивизиях лишь минимальное количество орудий, отправив всю остальную артиллерию в тыл¹⁴.

Однако и этот приказ исполнен не был: 17 декабря в Томске части 1-й армии восстали против своего Командующего генерала Пепеляева. 1-я армия распалась и открыла дорогу через тайгу красным. В результате тайга, вместо того чтобы спасти, погубила части 2-й и 3-й армий. На узких дорогах войска их перемешались с многочисленными обозами. При любой пустяшной поломке возникали многокилометровые пробки, в которых в конечном итоге были брошены не только обозы, но и большая часть артиллерии. Из тайги белые части вышли уже практически небоеспособными. А их уже ждало новое известие, что 17 декабря на их пути восстал гарнизон г. Красноярска, и перед Каппелем вставала уже задача не останавливать красных на каком либо рубеже, а пробиться мимо Красноярска на восток.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39624. Оп. 1. Д. 7. Лл. 47об. – 48.
- 2 Учебно-инструкторские школы для подготовки офицеров являлись аналогом Школ прапорщиков периода Первой Мировой войны, и отличались лишь тем, что их выпускники не производились сразу в офицеры, а получали чин портупей-юнкера (кандидата в офицеры) и затем производились на фронте по истечении испытательного срока сразу в подпоручики по усмотрению строевого начальства, если кандидат оказывался достойным офицерского звания, либо разжаловались обратно в рядовые.
- 3 Эти два требования, вообще говоря, исключают друг друга: с одной стороны, Дружины святого Креста не должны были проходить подготовку в тылу перед отправкой на фронт, с другой же стороны, их запрещалось разбивать по уже действующим частям, а предписывается использовать целиком. Все это наводит на мысль, что белое командование рассматривало эти части как своеобразное «добровольческое ополчение». Похоже, перед мысленным взором старших начальников при этом стояло Ополчение 1812 года: бородатые мужики в белых рубахах, вооруженные пиками и топорами, не обученные строю, но сильные своею непоколебимою верою и здравым крестьянским умом, которые крепко держались друг друга и шли в бой под Церковными хоругвями, вместо боевых знамен, «с Крестом на шапке и Верою в сердце».
- 4 Иванов В.Н. В Гражданской войне (Из записок омского журналиста). – Харбин, 1921. С. 26.
- 5 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 7. Лл. 92–93а.
- 6 Приказ Начальника штаба Верховного Главнокомандующего и Главнокомандующего армиями Восточного фронта № 1404 от 27 октября 1919 г. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1481. Б. л. (документ любезно предоставлен мне А.Б. Езеевым).

- 7 Приказ Верховного Главнокомандующего и Верховного Правителя № 222 от 4 ноября 1919 г. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 169.
- 8 Камбалин А.И. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Белая гвардия. 1997. № 1. С. 64.
- 9 Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. – Пекин, 1921. С. 441–442.
- 10 Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном Походе // Вестник Первопоходника. – Лос-Анджелес, 1965. Июнь. № 45. С. 14.
- 11 Сахаров К.В. Указ. соч. С. 194–197.
- 12 Пучков Ф.А. Указ. соч. С. 15.
- 13 Там же. С. 16.
- 14 Этот документ подробно изложен в воспоминаниях Ф.А. Пучкова: Пучков Ф.А. Указ. соч. С. 15.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ

Отряд г. Ишима

Омск. 6 августа. С разрешения Главнокомандующего Восточным фронтом генерала-лейтенанта Дитерихса, обществом домовладельцев Ишима сформирован на свои средства конный добровольческий отряд с наименованием Ишимский особый отряд для борьбы с большевиками.

Общество предполагает в короткий срок довести численность отряда до крупных размеров.

При отряде сформирован продовольственный комитет, ведающий продовольствием, обмундированием, снаряжением и участвующий в самом формировании отряда, состоящий исключительно из лиц торгового класса и домовладельцев Ишима.

Запись приема добровольцев идет успешно.

Торгово-промышленный класс Ишима самообложением в течение нескольких часов на содержание отряда собрал семьсот тридцать тысяч рублей, много лошадей, продовольствия и снаряжения.

Открытая подписка пожертвований среди домовладельцев не торгового класса идет очень успешно. С большим сочувствием отнеслись городское самоуправление, уездные и волостные земства, ассигнующие авансы и производящие сборы среди сельского населения.

Подъем духа чрезвычайно высок.

Главнокомандующий фронтом, начальник отряда и комитет выпустили воззвание к населению, производящее сильное впечатление на население.

Комитет командирует специальных информаторов по селам и уездам.

Сельская жизнь. Красноярск. № 36. 9 августа 1919 г.

Что такое Дружины Святого Креста

9–19 августа во всех храмах г. Омска во время литургии и после ее на площадях будут произнесены проповеди как священниками, так и мирянами с призывом стать на защиту веры христианской и записываться тут же, в храмах, добровольцами в Дружины Святого Креста.

С самого начала большевики показали себя врагами Христа и христианства; они открыли страшное гонение на церковь, стали истреблять священников, врывать в храмы, грабить их и осквернять. Видя это, избранный церковным Собором Патриарх Тихон в особом воззвании отлучил большевиков от церкви и запретил всем верным христианам вступать в какое-либо общение с Богоотступниками-большевиками. Над отлученным от церкви или преданным анафеме нельзя совершать никаких таинств и треб.

Но на самом деле они не остаются безнаказанными. Своими кознями они не разрушают, а только укрепляют религиозное чувство в народных массах, которые в Советской России поднимаются на защиту христианских святынь.

Настала и наша очередь встать на защиту своей веры.

Для этой цели и будут образовываться Дружины Святого Креста. Так эти Дружины называются потому, что вступающие в них в строю носят нашивной крест на груди, показывая этим, что они борются не за класс, а за веру, за христианство, против вероотступников, которые хотят истребить христианство.

В Дружинах Святого Креста кроме обыкновенной воинской дисциплины должны быть особые порядки.

Брань, пьянство, нечестность не могут иметь место среди тех, которые приняли на себя крест. Не должно быть и грубых отношений между начальниками и подчиненными.

В таких отрядах при строгой дисциплине в них – все братья, и потому отношения между начальниками и подчиненными могут быть только братские.

В Дружины Святого Креста могут записываться все, как подлежащие мобилизации, так и не призываемые.

Могут записываться в них и стоящие на действительной службе солдаты и офицеры, но, разумеется, оставаясь в своих частях, чтобы в них с разрешения начальства образовывать свои крестовые группы.

В Дружины Святого Креста могут записываться также и женщины для несения санитарной, хозяйственной, обозной службы.

В Дружины могут поступать все верующие христиане, к какому исповеданию они бы ни принадлежали.

В Дружинах Святого Креста они будут сражаться бок о бок с братьями по духу и потому могут быть спокойными, что не будут преданы или оставлены ранеными на поле битвы.

В Крестовой рати не будет ни воровства, ни мордобойства, ни предательства.

Наша газета. Омск. № 3. 19 августа 1919 г.

День Святого Креста

19 августа в Омске Братство Святителя Гермогена устроило день Святого Креста. В храмах и на площадях во время и после литургии были произнесены как духовенством, так и мирянами (профессорами и общественными деятелями) речи, призывающие верующих русских людей в грозный час сплотиться вокруг Церкви на защиту христианства.

Святая Церковь – это единственный оплот русского народа, о который разбивались волны большевицкого насилия каждый раз, когда они пытались кощунственно прикоснуться к камню народной древней веры. Святая Церковь была последним прибежищем, куда притекали оскорбленные, смятенные души в дни гибели русского государства. Там они находили утешение народной печали, там они черпали силу для того, чтобы жить среди всеобщего одичания и озверения и противостоять бешеному напору враждебных дьявольских сил.

В то время, когда обезумевшие в большевизме люди поклонились Дьяволу и признали его власть соблазителя сытостью и материальными благами, Святая Церковь Крестом Распятого напоминала об ином уделе человека. Она говорила ему, что душа его призвана к жизни Духа, что никакие силы, будь то даже сила оружия и смерти не в состоянии убить в нем духовный голод, побуждающий его поклоняться Честному Кресту и верить в благодатную животворящую силу.

Большевицкая религия сытости и скотского наслаждения жизнью духовно уже побеждена религией Духа – Христовой верой.

Там, в сердце России, Москве, в огненном преображении воскресли русские души. И Рабочие, и крестьяне, и ученые, и интеллигенция – все пошли к Божьему храму, все встали под знаменем Животворящего Креста. Воскресла Святая Русь, воскресла в Духе и ждет того часа, когда освободить ее из нечестивого плена придет Святая Русь с окраин, уже снявших с себя цепи и путы большевизма.

На нас лежит священный долг перед Святой Церковью и Родиной. Ведь и мы должны зажечься огнем преображения, чтобы воскреснуть в Духе и в силе.

Братство Святого Гермогена призывает всех русских людей вспомнить о том, что на них лежит долг Креста. Русские люди с крестом на груди и преображенной душой должны придти на помощь Церкви и Отечеству. Они призывают взять в руки оружие, чтобы верой и любовью освятить его и, покрывши его знаменем Святого Креста, пойти на большевицкие рати в защиту Истины Христовой, за правду Божию.

Заблудшим братьям своим, по безумию или насильственно попавшим в красные бесовские рати, они понесут милость, но убежденным врагам Церкви Христовой – коммунистам и комиссарам, они понесут Божие возмездие и наказание.

С Крестом на груди, с пением церковных песен пойдут они в бой на большевиков с верой, сто сила Святого Креста Господня непобедима, что «воскреснет Бог» земли русской и «расточатся враги Его».

Запись добровольцев шла успешно.

А.Б.

Наша газета. Омск. № 4. 21 августа 1919 г.

Обращение старообрядцев к Верховному Правителю

*Гражданам К.М. Дробинину, А.Е. Калинину,
Н.И. Гущину, С.В. Ушакову и Т.П. Мальцеву*

Общее собрание старообрядцев г. Омска и беженцы старообрядцев Пермской, Вятской и Нижегородской губерний в заседании 17 августа постановили:

Уполномочить Вас лично засвидетельствовать перед Верховным Правителем Государства Российского Александром Василье-

вичем Колчаком одушевляющие чувства от старообрядцев, пожелав Его Высокопревосходительству с помощью Всемогущего Бога бодро нести бремя власти и с необоримой силою сокрушить врагов, хулителей Христовой Церкви, лжесоциалистов-большевиков и заявить, что старообрядцы решили организовать дружины Крестноносцев и влиться в ряды армии, дабы своею грудью отстаивать до последней капли крови родину, веру и достояния отечества от воров, преступников, безбожников и предателей большевиков. И да пошлет Господь Бог Вам, доблестный и верный сын России, силу, успех и победу над врагами христианства и родины.

Редактор-доброволец

Редактор газеты «Наша Заря» И.В. Галецкий записался добровольцем в одну из воинских частей.

Наша газета. Омск. № 4. 21 августа 1919 г.

Запись добровольцев

Запись добровольцев в Дружины Святого Креста производится ежедневно от 10 часов утра до 8 часов вечера в следующих местах:

1. В Министерстве Внутренних Дел – Александровская ул., д. № 18;
2. В Главном Управлении по Делах Исповеданий – Любинский проспект, 1-я Женская Гимназия, против базара;
3. В Русском Бюро Печати – Базарная площадь, 2-й взвод, д. Липатникова.

Записываться могут как лица непризывного возраста, так и взятые на учет.

Наша газета. Омск. № 5. 22 августа 1919 г.

Обращение епископа Уфимского Андрея к генералу Дитерихсу

В одном из своих первых приказов генерал Дитерихс сказал прекрасное слово о том, что настоящая война есть война священная. Это великое слово он сказал первым из всех наших официальных лиц, и за то ему глубокий поклон.

Да, в настоящее время наша война против международных безбожников – священная война!

Мы защищаем сейчас от этих безбожников Святые храмы Божии.

Русский народ защищает от этих интернационалистов свою родную землю.

Русское общество защищает свою свободу от рабства кучки злодеев, которые объявили себя «рабоче-крестьянским» правительством и являются рабоче-крестьянскими палачами.

Это все так! И поэтому всякий солдат, защищающий свою веру, свою семью и свой народ от международных пролетариев-разбойников, всякий такой солдат на себе несет священный подвиг.

Этот солдатский подвиг должен быть сознательным его служением правде Божией, сознательным исполнением Божеских и человеческих законов.

Ничего неясного, ничего сомнительного не должно быть в сознании Русского солдата, борющегося за свою родину.

Все в его совести должно быть проверено, и он должен радостно совершать свой священный подвиг в нынешней большевицкой войне.

– Да, этот подвиг священный!

Да, и эта война – священная война!

И если генерал Дитерихс сказал это великое слово, – благо ему!

– Да будет благословен его личный подвиг служения родине. И да будет это его служение, по крайней мере, не таким кратковременным, как служение его предшественников.

Но если генерал произнес это первое слово, то он должен произнести и второе: русский человек должен не только защищать свободную святую жизнь своей родины, но и строить эту святую жизнь.

Святость строительства жизни должна предшествовать святости защиты.

Нужно научиться свято жить, чтобы уметь свято умирать.

Нам, православным русским патриотам, нужно столкнуться, как устраивать нашу дальнейшую жизнь, чтобы она была сколько-нибудь похожа на христианскую. Для этого нужно быстро собрать съезд православных приходских деятелей и узнать, что сделано и что можно сделать для поднятия в населении сознательной церковности и истинного патриотизма.

Замечательно, что евреи устроили уже давно общееврейский съезд всей Сибири, организовались так, как на этом съезде признано было удобным. И многие политические партии устроили свои партийные съезды. Только русские православные христиане ждут распоряжения начальства на это доброе дело...

Когда кончится эта вреднейшая привычка ждать разрешений и распоряжений для исполнения самых бесспорных своих обязанностей?

Итак, прошу генерала Дитерихса принять мой сердечный привет за призыв русских граждан к исполнению священного воинского долга и умоляю его принять активное участие и даже инициативу в созыве обще-патриотического съезда православных приходских деятелей для устроения нашей гражданской жизни на священных началах Евангельской правды.

АНДРЕЙ, Епископ Уфимский

Военный листок. Петропавловск. № 3. 23 августа 1919 г.

Воззвание Российского правительства о добровольческом движении

Омск. 27 августа. Официально.

Грозные и ответственные дни переживает отечество, решаются судьбы Государства Российского. Предатели и изменники Родины напрягают все усилия, чтобы победить святое дело возрождения единой, свободной России. Все силы должны быть посвящены только одной цели – дать отпор надвигающемуся врагу, несущему смерть и всеобщее разрушение. Каждый, способный носить оружие, должен стать в ряды нашей доблестной армии, все же остальное население, в тесном единении с властью, должно неослабным трудом самоотверженно содействовать ее боевой работе. Теснимые с юга и запада, предвидя неминуемое падение Киева, Курска и Саратова, потерявшие надежду на помощь со стороны Венгрии и Германии, где большевизм окончательно разгромлен, лишившиеся последних источников питания, большевики ведут свои разбойничьи кровавые банды в Сибирь. Они отдают ее на разграбление голодных красноармейцев, они рассчитывают здесь кормиться и окрепнуть, они собираются разорить сибирских крестьян и казаков, что-

бы за их счет продолжать гнусную зверскую войну против порядка и честного труда.

Подымись же, Сибирь, на свою защиту!

Не попустят сибирские граждане, чтобы близкое дело окончательного разгрома большевизма опять отдалилось из-за их слабости. Уже встало в единодушном и грозном порыве славное казачество Сибири, поднимаются воодушевленные подъемом патриотических чувств и другие слои населения. В этот исполненный волнующих ожиданий и высоких порывов момент не место распрям, несогласиям, праздным разговорам и всему, что вместо помощи власти, вносит колебания и разлад, будет положен конец.

К оружию, граждане!

Правительство крепко держит в своих руках национальное знамя России и призывает всех дружно сплотиться, дабы смести изменников с лица родной земли. Все усилия власти направлены сейчас к обслуживанию армии: личный состав министерств сокращается вдвое; на остающихся непризванных служащих возлагаются сверх обычных еще дополнительные обязанности в области санитарии, эвакуации и снабжения; сокращаются текущие расходы, пересматриваются сметы, средства казны направляются на покрытие чрезвычайных потребностей военного времени. В этом направлении ожидает Правительство помощи и от всего общества. Кто не способен носить оружие, идите в организации Красного Креста, в санитарные отряды земств и городов.

Российское Правительство на своем посту, оно продолжает нести тяжкое бремя власти и не положит оружия, пока не достигнет полной победы над врагом и не выполнит всех принятых на себя обязательств. Непреклонно будет противостоять Правительство всяким посягательствам на его права и обязанности и сурово устранять со своего пути все, что будет отдалять победоносный конец борьбы.

За мир, за спокойный труд, за порядок, за землю, за Учредительное Собрание!

Город Омск. Августа 27 дня 1919 г.

Верховный Правитель адмирал Колчак

Председатель Совета Министров Петр Вологодский

Военный министр генерал-лейтенант Дитерихс

Министр внутренних дел В. Пепеляев

Министр путей сообщения Л. Устругов

Министр юстиции Г. Тельберг
 Министр земледелия Н. Петров
 Министр труда Л. Шумиловский
 Государственный контролер Г. Краснов
 Управляющий морским министерством контр-адмирал Смирнов
 Управляющий министерством финансов Л. фон-Гойер
 Управляющий министерством народного просвещения
 П. Преображенский
 Управляющий министерством снабжения и продовольствия
 К. Неклютин
 Вр. управляющий министерством иностранных дел Сукин
 Вр. управляющий министерством торговли и промышленности
 А. Окороков
 Главноуправляющий делами Верховного Правителя Г. Гинс

Сельская жизнь. Красноярск. № 43. 3 сентября 1919 г.

Резолюция собрания представителей беженских лагерей г. Омска 27 августа 1919 г.

Мы, беженцы Приволжья, Прикамья, стоящие лагерями около г. Омска, не имея другого крова, кроме неба, не знаем другой Родины, кроме родной нашей земли, очищенной от большевиков – разорителей наших домов, осквернителей наших святынь. Все потеряв, мы имеем только одно стремление встать на защиту нашей Родины и наших святынь. Мы не побежим вслед за трусами, спекулянтами и мародерами, думающими только о спасении себя и своего имущества.

Мы заявляем о своей твердой решимости встать в ряды армии, под знамена Верховного Правителя, во имя спасения веры и Родины. И в доказательство того, что это не праздные слова, постановляем:

1. Всем беженцам, стоящим лагерями около г. Омска, записаться добровольцами в Дружины Святого Креста.

2. Просить Верховного Правителя всех беженцев, бежавших с 1 октября 1917 г. от 18 до 50 лет и не записавшихся добровольцами до 2 сентября 1919 г. для г. Омска, немедленно мобилизовать, а тех беженцев, которые успели бежать за границу, вызвать обратно для исполнения долга защиты Родины с указанием предельного срока

их возвращения, после которого они будут рассматриваться как государственные изменники.

3. Из мусульман, пожелавших встать на защиту своей веры, организовать при своей дружине Святого Креста особые отряды, с особым зеленым знаменем.

Верно:

Временный Комитет беженцев, стоящих лагерями около г. Омска.

Наша газета. Омск. № 15. 4 сентября 1919 г.

Старообрядческие собрания в Омске

Большое оживление в старообрядческом мире, старообрядцы всколыхнулись, проснулись и насторожились. На первом же собрании была открыта подписка в пользу солдат Воткинского конного дивизиона, и сегодня везут в Святую Воткинскую дивизию от имени старообрядцев несколько пудов монпансье и чай. Вышивается шелковый стяг с Нерукотворным Спасом для дружины Крестоносцев-старообрядцев.

В Сибирь едет депутация для созыва Обще-сибирского Старообрядческого Съезда по борьбе с большевиками.

Первый старообрядческий крестный ход в Омске вчера привлек массу публики. Все с интересом прислушивались к новому, казалось, но старинному напеву.

Тарелочный сбор на семьи беженцев, кормильцы коих ушли на фронт, дал более 2 000 рублей.

Омичи в первый раз увидели святыни старообрядцев – иконы древнего письма.

Кстати, об иконах: один английский офицер, уезжая на родину, пожелал приобрести на память старообрядческую икону, и старообрядцы поднесли ему древнюю икону с трогательным адресом: «От многострадальной России – счастливой Англии».

Многие омские старообрядцы отвели свои дома тем семьям беженцев, главы которых записались в дружины крестоносцев.

Наша газета. Омск. № 9. 27 августа 1919 г.

Мусульманские добровольческие отряды

31 августа, в Омске, там же, под председательством беженца из д. Осы М. Вахитова – собрание мусульманского духовенства и мирян – беженцев и местных лиц, для обсуждения вопросов по организации особых отрядов и обслуживанию нужд фронта.

Выступили мусульмане: Вахитов, Сафа-Хазрет, Юсупов, Адугов. Призывали единоверцев встать на защиту веры и отечества от большевизма.

Во время собрания начата запись добровольцев.

Собрание приветствовали представитель Начальника вновь формируемых добровольческих частей генерала Голицына, представитель старообрядцев – Дробинин и от братства Св. Гермогена – А. Ерохин, которые выяснили единство мусульманского религиозного движения против красных с христианскими, уже формирующимися дружинами.

Русская армия. Омск. № 1. 4 сентября 1919 г.

Запись добровольцев

В последнее время в дружины Святого Креста и мусульманский отряд под знаменем Пророка записалось свыше 400 человек. Записавшиеся зачислены на военное довольствие, семьям их предоставляются квартиры.

Русская армия. Омск. № 2. 4 сентября 1919 г.

В Крестовых Дружинах

Трудовой день начинается в 6 часов утра. В это время все уже на ногах. Следует молитва, затем чай и строевые занятия.

В строю строгая военная дисциплина. Вне строя – отношения простые.

Кого только нет в дружинах: юноши, пожилые старики – вятичи, пермяки, казанцы.

Все связаны одним желанием – спасти Россию и сломить большевиков.

В 11 часов строй кончается. После него обед, затем перерыв и снова занятия до 6 часов вечера, после чего ужин.

До сна в свободное время читают книги, газеты. Нет в это время ни праздного шума, ни ругани. В 9 часов поверка, и все отходит ко сну.

Старообрядческий комитет по формированию Крестовых Дружин отправляется в поездку по городам и крупным селам Сибири для вербовки дружин.

Наша газета. Омск. № 21. 10 сентября 1919 г.

Объявление Священной войны

Завтра, 7 сентября, по случаю мусульманского праздника «Курбан Байрам» состоится торжественное молебствие, после которого будет объявлен Газават (Священная война) против большевиков.

Религиозное движение, охватившее население, выражающееся в формировании дружин Святого Креста, последнее время захватило и Сибирских мусульман, над верой которых также издеваются большевики.

Дружины Святого Креста пойдут в бой с врагами бок о бок с мусульманскими дружинами, идущими под зеленым знаменем Пророка на защиту своей веры.

Русская армия. Омск. № 4. 6 сентября 1919 г.

Во что выросло Добровольчество

Герой-корниловец генерал Голицын поставлен во главе добровольческих отрядов. Вчера он заявил нашему сотруднику:

– Отраднo видеть, что добровольчество идет с низов. Само население берется за оружие. Попутно это движение выдвинуло новый клич: «За веру родины!» Православные под знаком креста и мусульмане под знаком полумесяца поднимаются на священную войну.

Мне рисуется душу волнующее зрелище: потерявший надежду на спасение и вверивший себя только Промыслу Божьему народ советской России вдруг увидит идущие навстречу полки с великим знаменем Святого Креста.

Рост добровольчества огромен. Из Томска, Новониколаевска, Красноярска и других городов сообщают о ширящемся движении.

Кто бывал в бою, тот знает, что в победу веришь только тогда, когда надеешься на верность соседа. Добровольческие отряды поэтому будут самостоятельными единицами.

Общество всеми силами и средствами пошло навстречу добровольцам. Будем думать, что за деньгами дело не станет. Для снабжения отрядов образуется военно-общественный комитет.

Чтобы ярко поддерживать пламя добровольческого движения, устраивается вербовочно-агитационный отряд.

Будем верить, что из всех наших святых начинаний выйдет крупное дело, и вместе с Россией мы станем свободными и счастливыми!!!

Наша газета. Омск. № 18. 7 сентября 1919 г.

Пробуждение народа

Со всех концов Сибири, начиная от Омска, получают известия о том, что растет и ширится добровольческое движение.

В самом Омске это движение уже превратилось из слов в дело, уже составляются особые добровольческие части.

Правительство принимает меры к обеспечению их семей, и эта забота действительно проводится в жизнь, это не одни обещания, видно это из того, что Управляющим Енисейской Губернией было получено из Омска распоряжение подготовить здесь, в самом Красноярске, или в губернии, удобные помещения для их размещения и позаботиться об их жизни, а общественные организации решили принять самое деятельное участие в этом деле.

Месяц тому назад, когда еще только начиналось добровольческое движение, уже шла речь о нескольких тысячах семейств. Мы не знаем точно цифр принятых за это время добровольцев, но, по получаемым из Омска сведениям, там движение это ширится и принимает стройный характер.

Уже речь идет об образовании отдельных частей. Организуются крестовые дружины. В эти дружины идут люди, в сердце которых горит обида и горе за попранную большевиками веру Христову, за надругание над святым крестом, за лишение верующего человека права искать утешения и прибежища в религии.

Многие из этих людей являются жертвами большевицких палачей, как разоренные и ограбленные люди, но не это одно заставляет их идти в ряды крестовых дружин. Здесь еще действует подъем религиозного духа.

Т.к. в дружины эти идут добровольцы – люди, убежденные в вере, – то и сами правила жизни и порядок в этих дружинах выработаны особые...

ПОЛОЖЕНИЕ О ДРУЖИНАХ СВЯТОГО КРЕСТА

(Утвержд. Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего)

1. Дружина Святого Креста есть воинская добровольческая часть, рота, батальон, борющаяся с большевиками, как с богоотступниками, за веру и родину.

2. Каждый вступающий в дружину Святого Креста, кроме обычной присяги, дает перед Крестом и Евангелием обет верности Христу и друг другу, и в знак служения делу Христову, налагает поверх платья восьмиконечный крест.

Примечание. Крест носится только в строю.

3. Подчиняясь обычной воинской дисциплине, дружина Святого Креста, кроме того, следует особым правилам, исключаям пьянство, нечестивость, сквернословие, распущенность, притеснение мирных жителей и так далее.

4. Нарушающие обет и правила подвергаются, кроме обычных дисциплинарных взысканий, исключению из дружин Св. Креста, а в особо тяжких случаях и отлучению от церкви, как предатели дела Христова.

5. Каждая дружина Св. Креста, будучи воинской частью, есть в то же время и религиозное братство, имеющее своего Небесного Покровителя, имя которого носит (например, дружина Св. Гермогена, Св. Александра Невского, Св. Сергия Радонежского и так далее) и свои особые правила или братский устав, а все дружины образуют единое братство Св. Креста.

6. Все дружинники именуются братьями.

Примечание 1. При обращении солдат к офицерам допустимо слово «брат» присоединять к чину, например, «брат поручик», «брат капитан» и так далее.

Примечание 2. Женщины, несущие службу при дружинах Св. Креста, именуются «сестрами».

7. При соблюдении всей строгости воинской дисциплины между командным составом и солдатами дружины Св. Креста устанавливается на время похода полное равенство в пище, в удобстве, средствах передвижения и так далее.

8. В дружину Св. Креста могут поступать лица всех христианских исповеданий.

На площади – смотр крестоносным дружинам и мусульманским отрядам зеленого знамени. Все они прошли церемониальным маршем.

Они выслушали приветствие Главнокомандующего генерал-лейтенанта Дитерихса. Он приветствовал и организаторов священных дружин в лице представителя братства Св. Гермогена, и представителя мусульман, и командира батальона расцеловал.

Формирование дружин Святого Креста в Сибири продолжается. По полученным известиям, первые собрания по организации дружин Святого Креста в Ново-Николаевске и Томске прошли с большим подъемом. В эти два пункта, где скопились огромные массы приволжских беженцев, на днях выезжают из Омска генерал Голицын, профессор Болдырев, председатель братства Св. Гермогена протоирей Рождественский и поручик Васильев для непосредственных руководственных указаний по организации крестоносного ополчения и мусульманских отделов зеленого знамени.

Присяга воинов Дружины Святого Креста

Я, брат дружины Святого Креста, обязуюсь и клянусь перед Святым Крестом и Евангелием быть верным Господу Христу, Святой Церкви и друг другу быть трезвым, честным, совершенно не произносить бранных слов, не быть жестоким с врагом, к своим всей душой браторасположенным. Аминь.

Русская армия. № 14. 19 сентября 1919 г.

Жизнь и настроение Ново-Николаевска

21 сентября в Ново-Николаевске – молебствие православного, старообрядческого и мусульманского духовенства, после которого с особой трибуны произнесены были речи к народу с призывом идти на защиту родины под знамя Св. Креста.

В тот же день вечером в собрании приходских советов выступили представители Братства Святителя Гермогена и тут же было создано временное правление Отделения Братства Святителя Гермогена в Ново-Николаевске.

Русская армия. № 210. 30 сентября 1919 г.

Добровольцы

Добровольческое движение в Сибири растет под влиянием рассказов беженцев об ужасах большевицкого режима, подъема религиозного чувства в христианах и мусульманах, вызванного известием о поругании веры и святынь. Большим побуждением вступлению в ряды войск служит успех Добровольческих армий генерала Деникина, победоносно приближающихся к Москве. Прилив добровольцев в ряды армии успешно продолжается.

26 сентября 1919 года

Русская армия. Омск. № 209. 27 сентября 1919 г.

Добровольческое движение

Барнаул. 1 октября (РТА). Крестonosное добровольческое движение, начавшееся в Омске и Ново-Николаевске, проникло в Барнаул. В праздник Воздвижения во всех храмах города были совершены крестные ходы на соборную площадь, где православные, старообрядцы и мусульмане вознесли моление о даровании победы над большевиками. На собрании союза приходских советов единогласно принято постановление об открытии в Барнауле отделения Братства Святого Гермогена, началась запись в дружины «Святого Креста».

Русская армия. № 213. 3 октября 1919 г.

Проф. Болдырев о добровольчестве

В интервью с сотрудником РТА профессор Болдырев поделился впечатлениями от своей поездки в Томск и Новониколаевск для ознакомления с добровольческим движением на местах. Хотя добровольческое движение в этих городах только началось, там оно принесло уже довольно осязательные плоды. В Новониколаевске записалось в несколько дней 400 человек, в Томске – около тысячи. По-прежнему главным возбудителем добровольческого движения служит подъем религиозного чувства с лозунгом борьбы за веру. Этот религиозный подъем отражается, между прочим, в совершен-

но новом для Сибири явлении – организации церковной общест-венности. Так в Новониколаевске по примеру Омска образовалось братство святого Гермогена, объединившее все православное насе-ление города. «Я, – сказал профессор, – был свидетелем громад-ного подъема, с каким прошло организационное собрание братства в местном соборе. С не меньшим подъемом прошло первое собра-ние братства Святого Креста в Томске. Прекрасно идет дело у му-сульман. Правда, в мусульманской среде Новониколаевска и Том-ска были некоторые попытки связать добровольческое религиозное движение с узко-национальными политическими целями, но эти попытки были решительно преодолены государственным разумом мусульман, патриотизмом и верностью Исламу. В результате, вме-сто национальной армии, о которой уже поднималась речь, мусуль-мане Новониколаевска и Томска решили формировать отдельные мусульманские дружины зеленого знамени. Не в меньшей мере до-бровольческое движение обязано своим ростом участию в нем эле-ментов светской общественности. Особенно много делает для до-бровольчества Биржевой Комитет Новониколаевска, уже пожертво-вавший 300 тысяч деньгами и до четырех тысяч комплектов белья на нужды добровольчества. Все наиболее крупные общественные организации Томска и Новониколаевска вовлечены в активную ра-боту по добровольческому формированию. Общественные деятели, как Петр Иванович Макушин и много других, горячо откликну-лись на призыв. Во главе религиозного движения стоит Епископ Анатолий. Привлечение к добровольческому формированию обще-ственных сил, без различия партий, объединяет разнородные, по-рой враждебные силы, в одном благородном деле создания здоро-вого добровольческого ядра армии и заполняет пропасть между фронтом и тылом. Объединение общественности и армии – вот, кратко говоря, то великое дело, начало которому кладется добро-вольческим движением. Назначение начальником добровольчес-ких формирований генерала Голицына, чуждого партийности и ок-руженного ореолом боевых подвигов, с самого начала сумело при-влечь и объединить широкие общественные круги Омска, Томска и Новониколаевска. Волна добровольческого движения растет. Мы присутствуем только при зарождении этой волны, полем которой должна служить вся Сибирь. Целые слои населения и области Си-бири еще не успели вовлечься в нее, но есть серьезные данные, поз-воляющие думать, что удастся поднять добровольческое движение, также под лозунгом за веру, и среди киргизов Акмолинской облас-

ти, и даже ламаитского населения Забайкалья. Это расширение добровольческого движения является ближайшей задачей его руководителей.

Русское дело. Омск. № 7. 12 октября 1919 г.

Крестоносцы

Кровавые призраки бродят,
И шепчут молитву уста...
На ратное дело уходят
Дружины Святого Креста.
Их ждет сиротливая Волга,
Их ждет золотая Москва...
Народ бесновался так долго,
И труд заменили слова!
Наследье отцов погибает,
Повсюду позор и развал...
Средь огненных гроз нарастает
Девятый решительный вал!
За родину, семьи и Бога,
Под знаменем чистым Креста
Идут они сумрачно строго...
И шепчут молитву уста.
И веришь, что ужасы ада
Прогонит крестовый поход –
Исчезнет звериная правда,
И солнце России взойдет!
Вл. Менестрель

Сельская жизнь. Красноярск. № 54. 11 октября 1919 г.

Женщины-добровольцы

12 октября в 1 час дня состоялась первая отправка партии женщин-добровольцев и добровольцев дружины Святого Креста и Зеленого Знамени в Омск в качестве санитаров и сиделок.

Перед отправкой в помещении управления Ново-Николаевского вербовочного отделения (городской корпус № 21) был отслу-

жен молебен, на котором присутствовало значительное количество добровольцев. Указанное явление – отправка женщин-добровольцев – характерно, как определенный сдвиг в психике городской женщины, до сих пор безучастно относившейся к обязанностям гражданского долга.

Сельская жизнь. Красноярск. № 58. 25 октября 1919 г.

К организации добровольчества

Чита. 15 октября (РГА). Прибыл уполномоченный организаций добровольческих дружин; в его присутствии состоялось совещание общественных деятелей, представителей организаций и учреждений. Решено немедленно приступить к формированию добровольческих дружин.

Русская армия. № 224. 17 октября 1919 г.

Праздник Крестоносцев

В воскресенье, 26 октября, Братством Святителя Гермогена устроен был праздник добровольцев-крестоносцев в отряд Зеленого Знамени, которые в 1 час дня собрались в Городском Театре и были размещены в партере.

На сцене театра за столом разместилось Правление Бр. Гермогена, представители старообрядцев и мусульман, а за ними певчие. В первых рядах партера сидели: архиепископ Сильвестр, епископы Иринарх Тобольский и Борис Чебоксарский и некоторые министры. В боковых ложах находились представители союзных держав: англичане, японцы, французы и американцы.

В 1 час дня в литерной ложе показался Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак в сопровождении начальника добровольческих формирований генерал-лейтенанта В.В. Голицына и профессора Д.В. Болдырева. Вся зала встретила Верховного Правителя стоя.

Оркестр заиграл «Коль Славен». А хор исполнил «С нами Бог».

Председатель Братства Св. Гермогена прот. Рождественский открыл собрание и произнес краткую речь, которую закончил провозглашением здравицы за Верховного Правителя, покрытой

дружным «Ура!». Затем последовали здравицы за представителей союзных держав и за добровольцев.

Затем выступал представитель старообрядцев г. Мальцев. Горячую речь произнес представитель мусульман Вахитов. «Мы уже доказали свою верность идее Великой России, – заявил он, – и наши первые потери на фронте нас не испугают, а наоборот сплотят, и мы будем драться, пока большевики не погибнут».

В.Ф. Иванов нарисовал яркую картину падения и воскресения русского народа, которого неспособны были поднять из бездны никакие политические лозунги, но поднимает исконная русская религиозность и верность Богу и Церкви. Оратор обращается к власти с призывом внимательно присмотреться к охватившему весь народ религиозному движению, ибо только в нем спасение и воскресение единой великой России.

Встает Верховный Правитель и произносит краткую речь. «Добровольческое движение возникло в России одновременно с победой большевизма и развалом старой русской армии.

Возникло в России добровольчество сначала на Юге, где вокруг истинных сынов родины – генерала Алексеева, память которого мы недавно чтим, и его сотрудников, генерала Корнилова и Деникина, образовались отряды, превратившиеся ныне в мощные армии.

На Востоке добровольчество возникло иначе. Здесь оно связано с выступлением братского нам чешского народа, причем добровольческие силы пополнялись преимущественно беженцами, на себе испытывшими гнет большевизма. Ныне добровольчество возникает уже в среде сибирского населения, и на новой основе, под лозунгом Святого Креста и Зеленого Знамени. И это естественно: что такое большевизм? Большевизм в его практической сущности – это социализм, доведенный до абсурда, построенный на противоречиях, ведущих к отрицанию национальности и религии. Но нет национальности без религии, поэтому большевизм интернационален и атеистичен. Возрождение государства идет поэтому всегда путем пробуждения национального чувства и подъемом чувства религиозного. Великий русский народ не может погибнуть. Не раз наша родина переживала тяжкие времена; и ныне Россию спасет идея религиозная, идея Креста. Мы переживаем небывалое поистине историческое событие: враждовавшие прежде Крест Христов и полумесяц теперь соединились, чтобы вместе ринуться на борьбу с атеизмом большевизма. И крест, и полумесяц победят. Я приветствую добровольцев, которые идут восстанавливать нашу Родину».

Далее Верховный Правитель вспоминает эпоху крестовых походов, церковный собор в Клермонте; высшим представителем католического мира там была сказана историческая фраза: «Так хочет Бог».

И по поводу нашего крестоносного движения Верховному Правителю кажется, что добровольчество потому у нас возникло, что так хочет Бог. А раз это так, победа несомненна.

Речь Верховного Правителя была покрыта аплодисментами. После этого хор спел несколько номеров церковных песнопений и «Коль Славен». В два с половиной часа заседание было закрыто.

Русское дело. Омск. № 19. 28 октября 1919 г.

Твердость веры

На смотре первой дружины Святого Креста Главнокомандующий, обращаясь к воинам полумесяца, сказал:

«Вас горсточка, но вы – тот фундамент, на котором будет строиться Россия».

Фундамент – вот то, чего решительно и трагически не достает нам. За это время в пространстве, заполненном некогда Россией, на наших глазах воздвигалось множество храмин и чертогов, причудливых, как дворцы Черномора. Мы перевидали множество стилей, башен, очертаний, узоров, но фундамента всего этого так и не видели. Много было грез и образов, еще больше образин и кошмаров и ничего твердого, каменного, кроме сердец.

«Есть ли у тебя близкие, родина-мать? – Я их не знаю».

«Что же ты любишь, загадочный чужестранец?»

«Я люблю... облака, которые идут там, великолепные облака...»
(Бодлер)

Да, действительно, превратились мы за это время в какого-то «загадочного чужестранца», в какое-то интернациональное перекапти-поле, живущее среди облаков и химер. Социалистические федеративные республики, «учредилки», «совдепы», «викжели», «сиболдумы», «пролеткульты» и «предпарламенты» – до чего же все это не реально, зыбко и химерично.

По истине – «облака» и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы.

Не мудрено, что живя в мире облачного, изменчивого, творили мы сплошную измену.

Мы изменяли Родине, изменяли союзникам, изменяли правительствам, вождям и друг другу. Но в основе всех этих измен лежала одна великая измена – неверие, неверность, то есть измена Богу.

Мы привыкли думать, что вера есть какое-то случайное качество души, а неверие – нечто вроде «неспособности в языках». На самом же деле вера есть верность, то есть определенное устремление воли человеческой, идущее из самой глубины его существа, а неверие есть неверность, измена, то есть самый тяжкий из грехов, по сравнению с которым все остальные грехи – только дисциплинарные проступки. Неверие же подлежит суду, который ныне и совершается над нами, как бы в предупреждение последнего суда. Не есть ли, в самом деле, все совершающееся перед нами только суд за измену?

Все можно простить, кроме измены. Изменникам нет пощады. Измена есть всем грехам грех. По вековечному убеждению человечества, которое и нам следует принять, не мудрствуя лукаво, первый грех, пришедший в мир через Сатану, был, в сущности, грех измены. Вот почему Россия, вступившая на путь измены, тем самым вступила и на путь сатанизма. Большевизм и есть сатанизм, то есть величайшая глубина измены Богу, а, следовательно, и величайшая оторванность от источника всего живого, конкретного и преданность мертвому, призрачному, немощному. Большевизм, другими словами, есть пленение призраками, то есть безумие и одержимость, а в конечном счете – ввержение во «мрак вечной тьмы».

Ибо в душе человека, кроме вкуса к жизни, есть и вкус к смерти, некромания. Эта психопатическая склонность в форме массового влечения в средние века проявлялась в сатанизме, а в современности проявляется в большевизме. Большевизм есть влечение к мертвечине. Стремление загасить жизнь принципом, столь характерное для всей нашей революционной демократии, в большевизме достигает своего зенита. «Пусть нет жизни, зато торжествует принцип» – вся диктатура пролетариата заключена в этой формуле. Поэтому смешно и тщетно людей, охваченных большевизмом, то есть влечением к мертвечине, убеждать, что, например, истребляя торговлю, собственность, они и себя ведут к гибели. Скажите это правоверному пролетарию, и он вам ответит, что готов лишиться всего, голодать, даже погибнуть, но только пусть истребится на земле всякая сила, власть, богатство, неравенство, то есть жизнь.

Надо, следовательно, прежде всего, почувствовать отвращение к мертвечине и всей душой восхотеть источника живота, чтобы вы-

браться из царства безумия и смерти. Но это и значит вернуться к вере. Россия погибла изменой, Россия спасется верой, то есть верностью Богу.

Вера – вот единственная твердость и фундамент России. Мы видели эту твердость месяц тому назад на параде новых крестоносцев. Мы видели ее в суровых лицах, теперь мы видим ее на деле. Крестовая Дружина уже получила первое боевое крещение. Много Божьих воинов полегло костью. Но Божье воинство твердо выдержало натиск превосходных сил, разбившихся о горсточку крепких духом людей. Измена впервые извела твердость веры. Слова Главнокомандующего оказались пророческими.

Д. Болдырев

Русское дело. Омск. № 18. 26 октября 1919 г.

Зеленое Знамя

Наше революционное лихолетье, развалившее Великую Россию на множество «самоопределяющихся» племен и народов, имеет ту хорошую сторону, что оно дало нам возможность узнать не только наших врагов, но и друзей.

Среди этих друзей одно из первых, если не первое, место по праву принадлежит русским мусульманам. Мусульманские народы России, с первых же дней великой войны 1914 года проявившие глубокую патриотическую преданность России, с редкой доблестью сражавшиеся в рядах русского войска, в дни последующей революционной разрухи не поддались на провокационные наветы-взвешивания о «самостийности» и до конца остались рыцарски верными идее единого отечества – Великой России. Мусульманская конница, небольшая горсть храбрецов, прикрывала собою покинутого всеми, подло преданного, великого русского патриота генерала Корнилова. Верные текинцы вырвали его из большевицкого плена и вынесли на вольную Кубань.

Северное мусульманство – поволжские и приуральские татары – дольше всех боролись против разлагающего влияния большевизма. Уступая внешней силе, покоряясь неизбежности, они все же сумели и в рабской атмосфере совдепии сохранить свою самостоятельность и известную независимость. Созданные в больших городах (Казань, Уфа, Пермь) мусульманские комиссариаты

стойко боролись против попыток советского вмешательства во внутреннюю жизнь мусульман. В деревнях (например, в Красноуфимском уезде) татарское и башкирское население, уступая давлению большевиков, выбрало комитеты бедноты. Но в эти комбеды попали по назначению односельчан лица, ничего с большевизмом не имеющие, избранные лишь для вида и успешно саботировавшие все мероприятия советской власти в татарско-башкирской деревне, защищенной от непосредственного вмешательства большевиков однородностью и сплоченностью населения, и непонятным для пришельцев языком. По приходе правительственных войск, к командирам последних являлась депутация от деревни и разъясняла всю подложность комитетов бедноты, местами избравшихся даже по жребию.

Крепкий семейный уклад, устойчивые навыки национальной общественности и глубокая религиозность мусульманства выдвинули русских мусульман в дни нашей разрухи, как надежную опору порядка и государственности.

Еще в первые дни большевицкого мятежа, когда по России покатилась волна пьяных погромов, мусульманские роты сплошь и рядом оказывались единственными защитниками разгромляемых городов. В последний период, когда начался уже организованный и принципиальный грабеж большевиками православных церквей и монастырей, зачастую мусульмане выступали защитниками христианской святыни и отстаивали ее неприкосновенность. Мусульманское духовенство не раз активно вмешивалось в те зверские расправы, которые чинили большевики над православным духовенством, и спасало жизнь христианским священникам.

Словом, в несчастья, когда познаются истинные друзья, мы узнали, что в лице русских мусульман Россия имеет таких друзей, преданных защитников ее государственности.

Остаются верными себе русские мусульмане и в те дни, когда возрождающаяся Россия зовет к оружию всех, кому дороги заветы ее исторического бытия.

Рядом с христианскими дружинами крестоносцев поднимаются мусульманские дружины Зеленого Знамени, одушевляемые теми же великими идеями религии, государственности и национальности, которые светят нам на путях нашего возрождения.

Зеленое Знамя Пророка поднято против красного флага большевиков, который всюду несет с собою разрушение права и

государства, безрелигиозный нигилизм и разгром национальной культуры.

Среди сил, борющихся за возрождение России, видное место принадлежит русскому мусульманству, и неувядаемый венок рыцарской верности и доблести – его передовому воинству, дружинам Зеленого Знамени Пророка.

Русское дело. Омск. № 18. 26 октября 1919 г.

Приготовление к обороне Омска

Омск. 11 ноября. Адмиралом Колчаком издан приказ, призывающий граждан поступать в добровольческие дружины Креста и в железный батальон. Собирающимся уехать и избегающим долга защиты города не будут для этого предоставлены средства. Газеты открывают подписку на пожертвования в пользу добровольческих отрядов.

Сельская жизнь. Красноярск. № 63. 12 ноября 1919 г.

Добровольческое движение в Ново-Николаевске

Запись в добровольцы по г. Ново-Николаевску идет весьма успешно.

За короткий срок добровольцев насчитывается уже до 3 600 человек, которые распределяются так:

Отряд Каппеля – 480 человек,

Отряд Пепеляева – 930 человек,

Ижевская дивизия – 1 373 человека,

Дружина Святого Креста – 700 человек.

Цифры эти быстро растут, и есть основание думать, что скоро новые тысячи истинных, стойких воинов пополнят ряды серых героев.

Для добровольцев и их семей подысканы помещения и вообще делается все, чтобы ни они сами, ни их семьи не чувствовали ни в чем недостатка.

Сельская жизнь. Красноярск. № 63. 12 ноября 1919 г.

Приказ армиям Восточного фронта

[Телеграмма]

Ст. Татарская. 14 ноября 1919 г. № 7942 / оп.

Для наилучшего применения добровольцев, набираемых пунктами генерала Голицына и организациями братств, дабы дать возможность добровольцам сражаться [на] фронте, а нашим частям поучить большую крепость, приказываю установить следующий порядок комплектования добровольцами полков и дивизий:

1) Добровольцы, собранные в дружины или батальоны по 500 – 700 человек каждый, направляются в дивизии 2-й и 3-ей армии, где каждая такая дружина входит целиком [в] полк, образуя совместно с прежними коренными добровольцами его крепкое и надежное ядро полка [повтор?]. Такой полк после этого присоединения [присоединяет?] к своему номеру и названию наименование «Добровольческий»; когда все полки дивизии будут пополнены добровольцами, то же наименование «Добровольческая» присоединяется и к номеру дивизии [дивизии?].

2) Очередь пополнения дивизий и полков добровольцами устанавливается штабом фронта. На ближайшее время укомплектовать дивизии: 3-ю Симбирскую, Особую (полковника Краморенка) и 7-ю Уральскую горных стрелков.

3) В виду важного значения для Русской армии указанного порядка, всем Начальникам следить за точным выполнением его, донося по команде о всех нарушениях и причинах, вызвавших таковые.

4) Начальнику добровольческих формирований и обществ братств усилить деятельность по набору добровольцев, направляя таковых без малейшей задержки в армию порядком, указанным [в] пункте первом, как соберется хотя бы одна дружина.

Подлинный подписал:

Главнокомандующий генерал-лейтенант

Сахаров

Начальник штаба

Генерального штаба генерал-майор

Оберюхтин

часть шестая

**Последний
Земский Собор
в России.
Белое Приморье.
1922 год**

Камень, который отвергли строители,
тот самый сделался главою угла...

Лука, XX, 17.

Мы боремся за воссоздание Единой, Великой
России, могучей Верою своих предков, – и борь-
бу эту будем вести с неослабной энергией.

Генерал Дитерихс

А

ктом высокого духовного значения называли многие современники Приамурский Земский Собор, собравшийся во Владивостоке в смутное время российской истории. Изучение этого яркого события XX века еще только начинается и по-настоящему будет глубоко осмыслено только в будущем. Эта часть книги представляет первую попытку представить всю многогранную, глубокую по своему замыслу и значению деятельность Приамурского Земского Собора. Большая часть документов публикуется впервые и привлечет, несомненно, внимание, как исследователей Белого движения, так и всех тех, кому небезразлична судьба России.

Отвергнутые в 1917 году принципы строительства Русской Национальной Государственности, основанной на триединстве «Православия, Самодержавия и Народности», были провозглашены в 1922 году в качестве единственно правильных. Но это признание, увы, запоздало, и Приамурский Земский Край так и не смог стать центром общерусского ополчения против «безбожной власти», Земская Рать не смогла разбить рать «воровскую» и дойти до Москвы. Однако это ничуть не снижает духовной ценности последней страницы российского сопротивления в годы гражданской войны.

Но Высший Духовный Смысл Земского Собора отнюдь не следует понимать только в рамках противостояния Белого Дела и советской власти. Для нас это также и пример яркого молитвенного подвига, самоотверженного подвижничества, осознания Благодати Господней через подвиг Дела, подвиг борьбы. В ушедшем XX веке немного найдется подобных примеров, а наступивший век XXI-й оказывается еще менее духовным, чем все предшествующие эпохи. И когда в современной России заходит речь о поиске «национальной идеи», думается, что искать ее следует не в новомодных евразийских или национал-большевистских суррогатах, а в тех заветах нравственности, духовной жертвенности, которые дает нам история

нашего Отечества в самые сложные для него годы. Ведь чем темнее была ночь, тем ярче разгорался пламень Веры, Надежды и Любви...

В данной части книги читателям представлен практически полный комплекс документальных материалов, относящихся к работе Приамурского Земского Собора. Приведены выступления его участников, обращения, поступавшие в адрес Президиума Собора, указы Земского Собора и Правителя Приамурского Земского Края. Большую часть занимают документы, отражающие повседневную жизнь Приамурского Земского Края осенью 1922 года. Общую картину происходивших в Белом Приморье событий дополняют воспоминания начальника штаба Земской Рати генерал-майора П.П. Петрова, члена Президиума Собора С.П. Руднева, участников и очевидцев тех событий.

Хотелось бы обратить внимание на документы, иллюстрирующие отношение Михаила Константиновича к своим противникам, представителям советской власти. Признавая непримиримое противостояние Добра и Зла, ген. Дитерихс не считал возможным применение к ним каких-либо методов ответного террора (что, правда, не исключалось в 1919 году и в последующие годы), провозгласив, в качестве меры наказания, высылку в пределы Дальневосточной Республики.

Особое внимание следует уделить документам, отражающим оценку Земским Собором идеологии национал-большевизма, евразийства в Русском Зарубежье и обновленческого раскола в Русской Православной Церкви.

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

Верховную власть в нашем Дальневосточном Приморском крае в настоящее время призван установить Земский Собор.

Таким образом, после долгих лет всяческих подражаний и заимствований с Запада и переделок русского уклада жизни на чуждый нам заграничный образец, русская национальная мысль, наконец-то, вспомнила о своем историческом прошлом и решила в трудные переживаемые краем дни найти ответы на волнующие нас вопросы, пользуясь приемами и опытом исконных созидателей русской земли – наших предков.

Идею эту следует и должно приветствовать всем, кто называет себя русским, в ком не исчезла вера в народное творчество, и кто привык с уважением относиться к урокам старины.

Но этим еще далеко не ограничивается значение созыва Земского Собора, а не другого какого-нибудь законодательного органа. Кроме удовлетворения естественного национального чувства каждого русского гражданина, Земский Собор важен и во многих других отношениях.

Каждому из нас известно из наблюдений над повседневной жизнью, какое громадное значение имеет даже семейная наследственность, посредством которой в семьях из поколения в поколение преемственно передаются характеры, вкусы, навыки и наклонности. Передача эта сохраняется не только в отдельных маленьких ячейках, каковой является семья, но является общим непререкаемым законом, одинаково действующим и в более широких общественных организациях, каковыми являются село, уезд, губерния и, наконец, само государство. Переходя от одного поколения к другому, развиваясь и совершенствуясь, наследственность позволила сохраниться расовым свойствам различных народностей до наших дней, наложив на каждую из них печать индивидуальных особенностей, подчас резко отличающих один народ от другого. Благодаря им, мы имеем яркое и довольно полное представление о характере немца, голландца, японца, француза –

эти характеристики, как общее правило, редко расходятся с действительностью, и мы немало были бы удивлены, если бы столкнулись в жизни хотя бы с голландцем, похожим по своей жизнерадостности на итальянца, или с итальянцем, напоминающим по своей флегматичности голландца.

Могущественный закон наследственности, сохраняя самобытное духовное свойство каждого народа, является одним из тех благодетельных законов, которые способствуют развитию и совершенствованию человечества.

Всем людям свойственно одно главное стремление – стремление к счастью, к посильному всестороннему удовлетворению духовных и физических запросов человеческой природы. Но это общее, всечеловеческое стремление, расплываясь, так сказать, по отдельным народностям, неодинаковым по своему духовному складу, по своим вкусам и, подчас, по самому пониманию идеала счастья, находит в процессе жизни разных народов неодинаковые решения, внося тем самым прелесть разнообразия и простор для творчества отдельных племен и рас. Природа, климат, почва, исторические условия, группируя людей в большие корпорации, вроде государств, тысячами неумовимых интеллектуальных, эмоциональных и инстинктивных нитей тесно связывают в плотный клубок отдельных членов общественных образований, заставляя их одинаково мыслить, чувствовать и действовать в однородных условиях. Отсюда всякое подражание, всякое позаимствование у чужого, если только это подражание не прошло через самосознание народа, не слилось или не претворилось в его самобытность, ему одному принадлежащем мирозерцанию, по большей части оказывается явлением наносным, скоропроходящим и крайне вредным для национального существования народа, а через то и для всего человечества. Народ при таких обстоятельствах теряет свой внутренний облик, утрачивает свою специфическую физиономию и перестает вносить свою крупицу вклада в общечеловеческий прогресс.

Созыв Собора воспроизводит перед нами нашу чисто русскую, историческую форму взаимобщения граждан и, таким образом, в родных условиях дает полную возможность выявиться национальному духу в общерусском деле.

Следует отметить еще одну особенность, связанную с понятием Земского Собора. Земский Собор – не новое явление на Руси, но только полузабытое. Этим способом выявлять волю страны русские люди пользовались издавна, и созвание Собора в наши дни яв-

ляется лишь продолжением исторических приемов, на время прерванных по причинам, о которых говорить мы пока не будем.

Всякое установление духовной связи с прошедшим также чрезвычайно важно для народа. Работа в условиях веками выработанной обстановки подогревает и поддерживает патриотизм, невольно заставляет нацию оглядываться на саму себя, выявлять существенные стороны своей самобытности и ограничивать себя от других народностей при помощи сопоставлений сходных и различных черт, выработанных прошлым. Кроме того, связь с прошлым необходима еще и потому, что только путем ее можно воспользоваться теми духовными ценностями и богатствами, которые являются результатом массовой коллективной мысли ряда отживших родственных поколений, действующих на протяжении долгих веков и стремящихся к одной общей цели – благу родины.

Указав бегло на присущие Собору главные особенности, не касаясь вопроса о том, насколько созываемый Собор соответствует по своей структуре Соборам древней Руси, мы перейдем к выяснению идейных особенностей Земских Соборов, имевших место в допетровское время, и рассмотрим, насколько позволяет современная наука, их природу и их отличие от других форм представительных органов, наиболее известных и употребительных в наше время.

Большую историческую заслугу славянофилов составляет сделанный ими разбор нашей старины. Любовно роясь в памятниках прошлого, славянофилы сумели найти и ясно оттенить и выразить те самобытные свойства русского народа, которые отразились как на складе общерусской жизни, так и на строе русского государства, особенно до Петра Великого.

В общих чертах, по мнению славянофилов (А.С. Хомякова, бр. Киреевских, бр. Аксаковых и др.), разница между русским народом и русским государством, по сравнению с народами и государственными образованиями Запада, состоит в следующем.

Запад вместе с римской цивилизацией от Вечного города принял и христианство в форме католичества. Особенности католической веры сводятся к тому, что она управляется единой волей папы, центр ее находится в определенном месте. Церковная жизнь спаяна железной римской дисциплиной. Все это делает католическую церковь похожей на государство, а потому и немудрено, что, сознавая себя прочной общественной организацией, тесно внешне и внутренне сплоченной, римская церковь искони настаивала на безусловном признании авторитета выдвигаемого ею папского, и вообще духов-

ного, недоброжелательно относилась к свободе богословской мысли и при первой же возможности употребила все усилия к тому, чтобы получить даже здесь, на земле, преобладание над государством. Этим, главным образом, и объясняется многовековая борьба за преобладание между папской и императорской властью в средние века, впрочем, не погребенная окончательно и в наши дни.

В противоположность этому Восток, в частности Византия, откуда проникло христианство в Россию, имел совершенно другое представление о христианстве. Христианство в восточной церкви мыслилось всегда как великая богословско-нравственная доктрина, и принципы христианства проводились в жизнь совершенно другим путем. На Востоке не было никогда римского единовластия, а было свободное единение верующих, выразившееся во Вселенских Соборах. Не путем авторитета, а путем любовного духовного общения выявлялись здесь в общем сознании пастырей и масс великие принципы евангельского учения, выявлялись не путем насилия над личностью, а путем свободного уяснения каждым христианином основ своей веры. Церковь, оставаясь здесь высшим непререкаемым авторитетом в делах веры, единственной хранительницей апостольского учения (Телом Христовым, в Коем пребывает Дух Святой), отсекала всех упорных еретиков лишь от общения с собой, как источником вечной истины и вечной благодати, но не прибегала, за немногими исключениями, к тем мерам физического воздействия и насилия, какие нередко применялись к отступникам на Западе.

Отсюда получилось то духовное религиозное различие между Западом и Востоком, которое чувствуется еще и теперь.

В Европе мысли католических богословов направлены на укрепление многовековой структуры церкви, оправданию и объяснению папского абсолютизма в делах веры (Ватиканский Собор 1870 г.); на Востоке же свободная христианская мысль старается посылно раскрыть и выяснить вечные истины христианства, не задаваясь никакой предвзятой идеей, и только согласовывая свои исследования и свои взгляды с учением церкви как верховной носительницы истины. Тут, таким образом, авторитет заменяется свободой, церковная дисциплина – взаимной братской любовью.

Неодинаково на Западе и на Востоке было отношение к христианскому религиозному чувству. Самая форма взаимоотношений между иерархией и мирянами на Западе не давала простора внешнему проявлению религиозных переживаний, предоставляя возможность эмоциональным потребностям человека проявляться

в немногих, строго ограниченных, областях (миссионерство, благотворительность и т.п.). Католическая церковь вообще мертвила их своим формализмом. Не то мы встречаем на Востоке, где проявления религиозного чувства не встречали запрета со стороны церкви, благодаря чему в православной церкви мог выработаться не только христианский мыслитель, но и христианский созерцатель (сравни жизнь отцов Западной церкви, хотя бы Бернара Клервоского, Франциска Ассизского, Фомы Кемпейского с жизнью старцев Оптиной пустыни, пр. Серафима Саровского, св. Тихона Задонского и, особенно, пр. Сергия Радонежского), способный без мистических излишеств воплотить в жизнь христианские заветы и приурочить свои повседневные интересы, общественную и семейную жизнь к наилучшему проведению евангельского учения здесь, на земле. Таким образом, Запад, хотя и принял христианство, но принял его до некоторой степени односторонне, логикой, умом, мыслью, но не сердцем, не сущностью человеческой души. Отсюда, на Западе не было серьезных попыток к переустройству частной и общественной жизни по идеалам, завещанным Богочеловеком.

Не то мы встречаем на Востоке. Христианство, принятое здесь не умом только, но и чувством, сроднилось с внутренним существом человека, и христианин восточной церкви неоднократно силился провести заветы Христа на земле, приспособляя к этой цели человеческую, земную жизнь.

Примером этого может служить восточное монашество.

Наиболее же ярко намерение «жить во Христе» обнаружилось в допетровской Руси.

Православие в Московском государстве было не только религией большинства русского народа, но и народной религией в полном и лучшем смысле этого слова; оно, всесторонне охватывая старинную, общественную, частную и семейную жизнь, накладывало свой отпечаток на все проявления этой жизни от боярской Думы, Земских Соборов до внешнего поведения каждой отдельной личности включительно. В Московской Руси, за ничтожными исключениями, все, начиная от Царя и кончая простолудином, вопрос о спасении за гробом считали высшим, основным вопросом человеческой жизни. В этом смысле недаром наши предки говаривали, «что они не имам где пребывающего града, но грядущаго взыскуют». Это значит, что наши предки смотрели на себя как на странников в земной жизни и, живя здесь, никогда не забывали о своем постоянном отечестве, в царстве Божиим, в царстве вечной славы и правды.

Создав условия, сравнительно благоприятные для проведения и осуществления только что высказанной основной доминирующей идеи, они, естественно, крепко держались за выработанный ими жизненный уклад и недоброжелательно смотрели на всякое новшество, грозившее нарушить или видоизменить те исконные русские начала, которые положены были в основание русской общественной жизни.

В это время (в XVI и XVII веках) получили свое начало, развитие и окончательный облик Земские Соборы.

Русская религиозность, русское понимание христианства неизбежно должны были наложить и действительно наложили на Земские Соборы своеобразный колорит.

Земский Собор, прежде всего, не был собранием представителей классовых группировок, имеющих свои собственные индивидуальные специфические цели, а был «советом всея земли», собиравшимся для любовного разрешения в трудные минуты исторической жизни совместно с Царем и «Освященным Собором» создавшихся затруднений, появившихся опасностей. Следовательно, одним из существенных признаков понятия о Земском Соборе является необходимое участие в них Царя, Освященного Собора и выборных или приглашенных представителей от земли. Люди земли не различались и не делились в эту эпоху по кастам или сословиям. Истории России не был знаком цеховой строй. Занятие тем или другим трудом было свободно, также нетруден был и переход из одного сословия в другое: крестьянин становился посадским человеком, если он бросал землю и, переходя в город или посад, начинал заниматься каким-нибудь ремеслом; доступ в духовенство был открыт всякому и т.д. Поэтому на Руси были и такие Земские Соборы, где посословно земская Русь не была представлена достаточно полно по тем или другим причинам, и такие, где земскую Русь представляли выборные одного города Москвы. Таких Соборов было немало, но они не меняли сути дела.

Власть, собиравшая Земский Собор, желала слышать истинный голос земли. Одухотворенные же одинаковыми идеями, живущие одними мыслями, русские люди думали и чувствовали более или менее однородно. Это обстоятельство и принималось в соображение правительством при созыве Земского Собора.

Власть, собиравшая Земский Собор в трудные моменты государственных переживаний, желала слышать истинный голос земли. В Земском Соборе подлинный голос государства раздавался, и это

было самое важное. Вопросы же о том, сколько депутатов собралось, из всех ли местностей приехали представители, имели второстепенное значение и были несущественной деталью, не влиявшей на правильное разрешение поставленных задач. Внутренняя спайка между русскими людьми была настолько сильна, мысли, желания, стремления были настолько однородны, что в интересах дела, в конце концов, не так важно было устанавливать число лиц, высказавших это общественное мнение, местожительство этих лиц, сколько знакомство с самим мнением.

Указанная особенность – одна из характерных и существенных. Земский Собор в противоположность западным Учредительным Собраниям, сеймам и парламентам, собирался не для борьбы сословий или классов, не для отстаивания своих интересов заинтересованными группами, а представлял по своему существу однородную массу, заинтересованную разрешением одних и тех же вопросов. Члены Земских Соборов решали всем одинаково близкое и дорогое общерусское дело и с благословения всегда присутствовавшего на заседаниях «Освященного Собора» передавали для окончательного решения Царю выработанное общим разумом собравшихся, проверенное жизненным опытом и подтвержденное клятвенными обещаниями то или другое Соборное постановление.

«В единении сила», – в таких словах можно выразить завет седой старины, переданный нам в фактах созыва и самой деятельности Земских Соборов.

Вращенные общей отчизной, воспитанные на основах евангельского учения, проникнутые духом христианской любви, старинные русские люди, члены Земских Соборов, в часы общественных невзгод и лихолетий, равно как и в минуты великого творческого процесса создания и укрепления русской мощи, были всегда одинаковы. Молитвенно, степенно, серьезно высказывали они свое веское, созидающее слово призвавшему их Царю и с глубокою верою в Бога и мудрость Государя ожидали Царского решения, готовые без тени протеста исполнить то, что он прикажет. Эта крепкая и прочная связь, все время существовавшая как взаимно между членами Земских Соборов, так между ними и Царем, осязательно чувствуется в большинстве дошедших до нас Соборных постановлений. Высказав Царю свои надежды и опасения, горести и радости, «единым сердцем, едиными устами», соборяне затем, считая свою трудную и высокую миссию выполненною, всецело предавали себя милости Божией и воле Государя, твердо убежденные в том,

что у него, как у русского человека, одинаковы с ними цели, желания и заботы.

Хорошо выразили общее соборное настроение представители западных русских областей, вызванные на Земский Собор в 1566 г. «Молим Бога, – говорят смольняне и их соседи на этом Соборе, – чтобы Государева рука была высока, а мы люди не служилые, службы не знаем; ведает Бог да великий Государь, не стоим мы токмо за свои животы, мы и головы свои кладем за Государя везде, чтобы Государева рука везде была высока». (Молим Бога, чтобы Царская мощь была сильна, мы люди не служилые, военной службы не знаем; но Бог и великий Государь знают, что мы не только не жалеем своих пожитков, но головы свои кладем за Государя везде, где нужно, чтобы Царская мощь (действительно) была высока).

Отметив основные внутренние свойства Земских Соборов, познакомимся с юридической природой их. Для лучшего понимания структуры прав и обязанностей этих симпатичных памятников далекой старины, вспомним еще раз мировоззрение славянофилов, с нашей точки зрения, дающее наиболее удовлетворительное объяснение внутреннего смысла выдвигаемых нами вопросов.

По мнению славянофилов, между способами создания Западно-Европейских государств и государства Русского нельзя не заметить большой разницы. В то время, как на Западе государственные образования складывались путем крови, борьбы и насилия, Русь обосновалась мирно, власть в ней была добровольно принята населением, и, в силу этого, с самого существования Руси отношения Царя, главы власти, и народа, основывались на взаимном доверии. По обоюдному молчаливому соглашению власть стала хозяином и хранителем земли, а народ – той силой, посредством которой она могла выполнять свой долг перед доверившей ей свою судьбу страной. В интересах всех членов общества представитель власти, сначала Великий Князь, а потом Московский Государь, признан был полноправным хозяином земли русской со всей полнотой юридических прав и с нравственной обязанностью заботиться об общественном «государевом» деле. Посредников между Царем и народом названная нами теория не знает. Родового быта, – утверждали славянофилы, – с необходимо присущей ему аристократией Русь также не знала. В ней издавна был выработан неизвестный Европе общинный демократический порядок, предполагающий равенство всех участников общины. Боярство, по-видимому, возвышавшееся над массой тяглового люда, на самом деле не представляло исклю-

чения, ибо боярство не было наследственным, с одной стороны, и, с другой стороны, по отношению к Царю оно занимало место, одинаковое со всеми. Разница состояла лишь в том, что бояре были сословием служилым преимущественно. Они отправляли свои общественные обязанности непосредственно в рядах Царской рати, сражаясь с внешними врагами, отражали своими руками нападение недругов во время войны, а пребыванием в боярской Думе и других учреждениях помогали Царю строить землю в дни мира.

Что же касается народных гуц, то они, начиная с «сироты крестьянина» (выражение историка Забелина) и кончая людьми посадскими и торговыми, жили «миром», создав такую своеобразную, оригинальную организацию, как вышеназванная нами община. Община – учреждение самобытное, в ней, как в зеркале, отразился русский, национальный разум и русская народная душа. Входя в общину, человек не терял ни своей личности, ни свободы. Он лишь сознательно и добровольно в интересах высших принципов отказывался от своего эгоизма в пользу всех. Самопожертвование, думали славянофилы, – наиболее трогательная, наиболее разительная особенность характера русских людей. «Русский человек больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого», – пишет И. Киревский в своей статье о характере просвещения Европы.

Резюмируем сказанное. Итак, русская жизнь и государственность основывались не на борьбе и эгоизме, а на самоотречении и добровольном признании Верховной Власти, близкой и понятной народу по своим стремлениям и, сверх того, находящейся в непрерывном общении с ней.

Русская история не знала классово-борьбы и договорных отношений между сословиями – уклад ее создавался путем добровольного, сознательного отношения к выработанному сообще всеми строю. Отличительной особенностью взаимоотношений между властью и народом является своеобразно понятый принцип разделения труда: Государь царствовал, население служило. Служилое сословие несло государственную службу личностью, воюя и правя; посадские и земские люди служили личным трудом, создающим ценности, питающим войско и власть.

После только что сделанной схемы нам нетрудно будет понять и самую структуру Собора.

Земский Собор созывала Верховная власть страны, Цари или общественные вожди (Собор при ополчении Минина и князя Пожарского) по своей воле, в силу тех или иных обстоятельств. Чле-

ны Собора сходились или съезжались на него по приказу, а не по личному почину. Следовательно, созывы Земских Соборов составляли прерогативы верховного управления, и инициатива собрания русских людей для Соборного собеседования исходила от него же. Для выборных или приглашенных на Собор лиц участие в заседаниях Собора было обязанностью.

Не то наблюдалось на Западе, хотя, конечно, можно и там в историческом прошлом найти некоторые Собрания, до известной степени аналогичные Земским Соборам (Собрание Нотаблей, Генеральные штаты). Однако, при внимательном наблюдении даже между более внешне сходными с Соборами представительными учреждениями Западной Европы легко найти существенную разницу.

Западно-европейские учреждения собирались по сословиям или классам и трактовали вопросы с точки зрения сословной или классовой выгоды. Земский Собор имел только общегосударственные интересы.

Западно-европейские народные Собрания нередко собирались после ожесточенной классовой или междоусобной борьбы за власть (Долгий Парламент в Англии, Национальное Собрание во Франции и т.п.). Господствующее положение занимала в них по ходу вещей партия победивших, диктующая в таких случаях свою волю другим группировкам.

Земские Соборы по большей части также созывались в трудные минуты государственного существования, но не партией победительницей и не для реализации результатов борьбы, а для всестороннего обсуждения явившейся трудности с целью наилучшего ее разрешения. Во время созыва народных представителей в России, на Западе государственные дела решались властью самостоятельно, в Москве же в это время Царь обычно вершил дела уже не один, а с Боярской Думой и Освященным Собором.

На Западе постановления учредительных и законодательных Собраний считались обязательными для королей (как общее правило), и непроведение в жизнь выработанных Собраниями законов иногда вызывала там возмущения и войны. Соборы же, высказав свою мысль, неизменно окончательное решение вопроса оставляли за Царем.

Избирательные права обычно распространялись на Западе по всей территории государства, и члены собрания почти всегда являлись на Собрание как выборные представители от известной местности, той или иной организации, того или иного класса. На Зем-

ских Соборах выборный принцип не всегда применялся, и часто, преимущественно в первый период Соборного цикла, выборных от всей земли не было, вместо них присутствовали или избранные правительством представители от Московского населения, или депутаты, хотя и избранные самим населением на местах, но только районов, расположенных недалеко от столицы.

Собрания на Западе рассматривали определенные, по большей части, заранее уже поставленные на повестку заседаний вопросы и, кроме того, решали вопросы, предложенные с депутатских мест. Земский же Собор отвечал лишь на запросы Царя и законодательной инициативой не располагал.

Причины, побудившие власть собирать Земские Соборы, разнообразные в частности, были однородны по существу. Всякий раз, когда власть чувствовала слабость, когда не желала брать на себя ответственность и нуждалась в совете, поддержке и помощи, она созывала Земский Собор.

Нужно было выручать Москву, спасти погибающую Россию — собирается для этой святой, великой цели, по призыву бессмертного Минина, Нижегородское ополчение, и при нем скоро же организовывается Земский Собор для совместного решения с вождями ополчения Мининым и князем Пожарским важнейших государственных дел.

Оскудела земля от лихолетия, погибли в боях за родину лучшие граждане, разграблено ворами, поляками и разного рода лихими людьми народное достояние, скорбь стоит по русской земле, стонут купцы, посадские и тягловые люди, плачутся служилые, и опять мы рядом с царем находим Земский Собор (1613 г.).

Не захотел Грозный взять на свою Царскую, личную ответственность продолжение тяжелой изнурительной войны, а Михаил Федорович рисковать войной с Турцией ради захваченного казаками Азова, и снова мы встречаем в истории созданные для рассмотрения этих вопросов Земские Соборы 1566 и 1642 гг.

Особенно часто собирались Земские Соборы после прекращения династии Рюрика для избрания Царя. Через Соборные приговоры вступили на Московский престол цари: Федор Иоаннович, Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Федорович и царевичи-братья Петр и Иоанн, дети тишайшего царя Алексея Михайловича.

Если возникали обстоятельства огромной важности, требовавшие исключительно серьезного и внимательного отношения к себе, Цари также немедленно торопились опросить «землю» путем Зем-

ских Соборов. «Всякого чина люди» приглашены были на Соборы 1651 и 1653 гг. для совместного, полюбовного обсуждения условий присоединения к Москве Малороссии и принципиального разрешения этого вопроса.

И, наконец, когда Цари приступали к каким-либо реформам или законодательной работе, способной внести новшества и изменения в установившиеся права и правоотношения граждан Московского государства, то и тогда для общего совета собирались по зову Царя на Земский Собор всех чинов русские люди. К числу Земских Соборов, созванных для суждения, критики и утверждения законопроектов относится Собор 1649 г., фактически принимавший самое близкое, непосредственное участие в создании «Уложенной книги», которая явилась плодом совместной, многотрудной работы всех членов Собора, и потому с полным правом еще в свое время была названа «Соборным уложением».

Известны и другие Соборы, кроме перечисленных, созванные по другим частным случаям, но мы не будем больше говорить о причинах созыва Соборов, считая этот вопрос до известной степени освещенным приведенным выше материалом, и перейдем сейчас к рассмотрению состава Земских Соборов.

Непременное участие на Земских Соборах принимали: а) Великий Государь, Освященный Собор (Представители высшего русского духовенства – сначала с Митрополитом, потом с Патриархом во главе); б) Боярская Дума (Верховное правительственное учреждение Московского государства, состоявшее из бояр и дьяков); в) и, наконец, представители всех чинов и сословий, «всякого чина люди», по выражению Царских указов. Наличие представителей от населения составляет существенную часть в содержании понятия о Земском Соборе, только при этом условии теоретически мыслим Земский Собор. Без представителей от «всякого чина людей» Земский Собор, как таковой, сходит на юридическое и научное нет. В присутствии людей земли, повторяем, заключается суть Земских Соборов и главное отличие его от других государственных учреждений Московской Руси.

Заседания на Земских Соборах обычно происходили так. В одну из дворцовых зал, где уже поджидали появления, «выхода» Государя Боярская Дума, Освященный Собор и избранники земли, в определенный час входил московский Самодержец. После молитвы, прочитанной Митрополитом или Патриархом, Государь садился на трон; недалеко от него, за отдельным столом, располагалось духо-

венство, на лавках, тянувшихся от трона к выходу, рассаживались бояре, занимая места по породе (наиболее знатные сидели ближе к царю), против царского места выстраивались выборные люди, и «Дума начиналась». Царь или по его приказанию думный дьяк говорили речь (речь потом отпечатывалась и раздавалась членам Собора), задали вопросы, собравшиеся давали ответы. Нам, к сожалению, неизвестны детали обмена мнений. Мы не знаем, обсуждались ли вопросы собравшимися тут же, в присутствии Царя, или без него, раздавались ли речи, высказывались ли мнения устно или только письменно, но зато мы твердо знаем из сообщений, дошедших до нас Соборных памятников, что каждое сословие, «помыслившее накрепко», в конце концов, после всестороннего обсуждения царского предложения, «изрядно меж себя поговоря», выносило свое определенное мнение, «сказку», которая затем заносилась в Соборный акт, «приговор», скрепляемый по окончании Соборных заседаний печатями, подписями и крестным целованием соборных деятелей.

Круг дел, рассматриваемых Земскими Соборами, был чрезвычайно разнообразен, неодинаково было и число участников в разных Соборах. (На Соборе 1566 г. присутствовало 371 чел., на Соборе 1613 г., избравшем на царство Михаила Федоровича – свыше 700).

Но, не касаясь частных дел, можно положительно сказать, что ни один волнующий страну животрепещущий вопрос, ни одно серьезное затруднение не проходило в жизнь и не решалось в Москве в момент работы Соборов без Соборного заключения.

Они выбирали царей, вели переговоры с иностранными государями (например, с польским королем Сигизмундом о выдаче русских послов, в том числе отца царя – Митрополита Филарета), приводили к присяге новым царям (Михаилу) русских граждан всего Московского государства, обсуждали законопроекты (Соборное уложение), решали вопросы о войне и мире (Собор 1566 г. и ряд Соборов царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича), помогали государю в устроении земли (Собор 1613 г. обращался с особой грамотой к богатым купцам Строгоновым об оказании субсидии обнищавшей казне), прибегали к уговорам и угрозам, когда это оказывалось нужным (казакам Заруцкого и Марине Мнишек: Мнишек послана была Собором грамота с требованием, чтобы они «не делали никакого дурна, от воровства отстали и крови христианской не проливали, городов и уездов не воевали»), Соборы докладывали Царю правду о состоянии земли, являясь беспристрастными, нелицемерными «печальниками» всех действительно уни-

женных и угнетенных условиями современной Соборам жизни. Давать надлежащий отчет о состоянии России избранники страны считали себя нравственно обязанными, ибо избиратели выборным большинства Соборов передавали «наказы», в которых иногда подробно определяли, на чем должны стоять и о чем должны говорить выборные ими на Собор лица, особенно по большим вопросам.

Таким образом, путем Земского Собора достигалось полное общение Царя с подданными, и общение не формальное, не холодно-официально, а теплое, близкое, вполне откровенное, напоминавшее интимную беседу близких родных, рассуждающих по одинаково дорогим всем вопросам. Чистотой, правдивостью, искренностью, глубокомыслием и любовью характеризуется деятельность старого русского собора.

И власть не чуждалась совместной работы с людьми городов и полей. Чутко прислушивалась она к голосу жизни, кричавшему на Соборе, с уважением относилась к мнениям Собора и почти всегда приводила в исполнение пожелание представителя населения.

Сознание нравственного долга, любовь к стране и общность интересов превращали Царя Самодержца в отца, а подданных – в детей. Неограниченный Царь во время работы Собора забывал о своих правах и прерогативах, а Собор, исполнив добросовестно свою великую миссию, сказав свое веское, продуманное слово, никогда не помышлял о возможности злоупотребить своим исключительным положением, считая кощунством даже попытку, направленную к ограничению государевой власти. Бунт ненавистен был самой природе избранников земли тех времен. Исполнив возложенную миссию, со спокойной совестью возвращались они, эти избранники Руси, по окончании творческого дела по домам, всецело предоставив свою судьбу в дальнейшем Богу и Великому Государю.

В этом отношении Земские Соборы представляют собою явление самобытное, оригинальное, чисто русское, умирительно-возвышенное, полное внутреннего величия и нравственной красоты. И нам лично кажется, что всегда в памяти русской Земский Собор будет представляться недостижимым образцом идеального взаимоотношения власти и народа, высшей государственной школой для тех, кому в настоящем и будущем суждено будет выступать в великой роли устроителя родной страны.

Способы созыва Соборов были таковы. Из Москвы от имени Царя отправлялись грамоты, указы в различные города о том, что воевода или земский староста, созвав собрание посадских, уездных

всяких людей, затем должен был велеть всем собравшимся выбрать из своей среды «добрых и разумных, смысленных и состоятельных людей, которым бы государевы и земские дела были бы за обычай, и которые умели бы рассказать обиды, и насильства, и разорение, и чем бы Московскому Государству пополниться». Каждое сословие затем производило выборы отдельно. Избиратель, получив на руки наказы, полномочия за подписью избирателей, «списки за руками на них» и достаточный запас провизии для прожития в Москве, трогался в путь. Число выборных для данной миссии иногда определялось цифрой, а иногда представлялось на благоусмотрение самих избирателей. Москва в таких случаях писала: «Послать от каждого чина, по сколько человек приложат». Попутно отметим любопытную подробность. Сознывая тяжесть ответственности, критически строго относясь к самим себе, русские люди того времени не набивались, а скорее уклонялись от высокой чести быть членом Земских Соборов. В некоторых случаях воеводам приходилось прибегать к принудительным мерам, чтобы заставить население послать просимых представителей, или чтобы набрать должное число лиц, так как Москва благосклонно относилась к тем случаям, когда провинция посылала депутатов сверх нормы, но не любила их нехватку.

На этом мы закончим нашу статью о Земских Соборах, сожалея, что рамки статьи не позволяют нам с желательной полнотой выяснить поставленные нами же вопросы. Все же попытаемся в заключение сделать общий обзор сказанного и хотя бы в этом обзоре вкратце указать еще раз дух Земских Соборов и, главным образом, отличие их от других представительных Собраний. Для сравнения проведем параллель хотя между Земским Собором и Учредительным Собранием.

Земский Собор, как мы уже видели, является учреждением созидательным, члены его направляют свои мысли и усилия на одну конечную цель, каковой является благо родины в целом. Он строит великое русское дело с молитвой и любовью, принимая во внимания интересы целого, а не части государства. Работа Собора спаяна взаимным доверием участников Собора к Царю и друг к другу. Работе Собора чужда вражда, зависть, стремление к славе, власти и личному почету. Благодаря этому кропотливая, скромная, подчас незаметная работа рядовых людей давала самые благотворительные результаты для страны. После работы Собора не оставалось горечи взаимного непонимания, личных оскорблений, недоговоренных слов, невысказанных пожеланий.

ПРИАМУРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОБОР

ПРИКАЗ

Временного Приамурского Правительства
№ 320

11 июня 1922 г.

Назначается: Генерального штаба генерал-лейтенант М.К. Дитерихс Командующим Войсками и Флотом Временного Приамурского Правительства.

Контр-адмиралу Ю.К. Старку возвратиться к исполнению своих обязанностей командующего Сибирской Флотилией.

Председатель Правительства С. Меркулов

Члены: Е. Адерсен
Н. Меркулов

Скрепил:
Председатель Совета
Управляющих Ведомствами Ст. Ефремов

Согласно приказа № 320 от 11 июня с.г. Временного Приамурского Правительства я сего числа вступил в командование Войсками и Флотом Временного Приамурского Правительства.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 134. 14 июня 1922 г.

Положение о Приамурском Земском Собрании

п. 1. Земский Собрание Приамурского Края созывается Временным Приамурским Правительством в г. Владивостоке во исполнение Указа его от 6 июня 1922 года за № 149.

п. 2. Задачи Собрания – выслушивание доклада Временного Приамурского Правительства об его деятельности за время с 26 мая 1921 г. по день открытия Земского Собрания и избрание осуществляющего верховную власть в Крае органа, с правом Собрания определить число составляющих орган Верховной власти лиц и срок их существования избранного на Собрание Правительства в качестве органа Верховной Власти.

Примечание. В заседаниях Земского Собрания подлежат обсуждению лишь вопросы, поставленные на его разрешение. Но Временное Приамурское Правительство до закрытия Земского Собрания может вносить на его обсуждение и наиболее серьезные вопросы текущего Государственного Управления, как то: о финансовом положении Государства, о внешних взаимоотношениях с соседями, о мерах к восстановлению порядка на территории Государства, об отношении к населению территории Приморского Края, занятых коммунистами и т.п.

п. 3. В состав Земского Собрания Приамурского Края, на основаниях, изложенных в последующих статьях настоящего положения, входят: Временное Приамурское Правительство и представители от духовенства, от армии и флота, от гражданских ведомств, от несоциалистических организаций, от горожан домовладельцев, от сельского населения, от городских самоуправлений Владивостока, Никольск-Уссурийского и Петропавловска, от Земства, от торгово-промышленного класса, от Православных приходов, от общества ревнителей Православия, от старообрядческого духовенства, от старообрядческой общины, от высших учебных заведений, от областных несоциалистических организаций, от русского населения полосы отчуждения К.В.ж.д. и от поселковых управлений.

Примечания. А) В состав Собрания входят обязательно по своему служебному положению: Епископ Приморский и Владивостокский, Епископ Харбинский, Епископ Камчатский, Епископ Старообрядческий, Председатель Совета Управляющих Ведомствами, Управляющие Ведомствами, Старший Председатель Владивостокской Судебной Палаты, как первоприсутствующий судебного Учреждения, отправляющего обязанности правительствующего Сената, командующий Войсками и Флотом Приамурского Правительства, Командующий Сибирской Флотилией, Войсковые атаманы казачь-

их Войск, Главный Священник Армии и Флота, старший Военный Старообрядческий Священник и главный Мулла Армии.

Б) В порядке персонального приглашения Временным Приамурским Правительством могут быть приглашены в состав Собора до 10 лиц, пользующихся общественной и политической известностью и авторитетом.

п. 4. Число членов Собора от перечисленных в предыдущей статье настоящего положения организаций, самоуправлений и учреждений определяется особым расписанием, к сему положению приложенным.

п. 5. Члены Земского Собора в количестве, определяемом вышеупомянутым расписанием, избираются соответствующими организациями и самоуправлениями за исключением: Земских Самоуправлений, волостных правлений, станичных округов, поселковых управлений, кои представляются на Соборе своими председателями и атаманами, за исключением представителей Ведомств, кои назначаются Управляющими Ведомствами, и представителей Армии и Флота, каковые назначаются Командующим Армией и Флотом Временного Приамурского Правительства.

Примечание. Коммунисты и примыкающие к ним, а также социалисты-интернационалисты участия в Земском Соборе принимать не могут. В случае обнаружения в заседаниях Собора, что те или другие лица, проникшие на Собор в качестве его членов, оказываются по своим воззрениям коммунистами, примыкающими к ним или социалистами-интернационалистами, таковые лица из состава членов Земского Собора устраниются.

п. 6. Членам Земского Собора в отношении свободы их суждений и личной неприкосновенности, за исключением случаев, предусмотренных в примечании к предшествующему п. 5 настоящего положения, присваиваются все права, принадлежащие Членам Приамурского Народного Собрания по Положению о Приамурском Народном Собрании.

п. 7. Земский Собор открывается Председателем Временного Приамурского Правительства.

п. 8. По открытии Собора Члены приносят присягу, а те, кто таковой не приемлет по религиозным убеждениям, дают торжественное обещание по приложенной к сей статье форме – свято и честно исполнять возложенные на них обязанности, руководствуясь исключительно благом Родины.

п. 9. Председателем Правительства в качестве Главы Временного Приамурского Правительства, как Верховной Власти, является, по

своему положению, Председатель и Земского Собора, но по открытии Собора и по принятии присяги его членами, Земский Собор избирает Председателя Собора, двух заместителей Председателя, Секретаря и трех Помощников Секретаря, каковые и составляют Президиум Собора; при отсутствии Председателя Временного Приамурского Правительства или нежелании его председательствовать на заседаниях Собора председательствует избранный Собором председатель, а в случае его болезни – один из заместителей Председателя.

п. 10. Заседания Собора происходят публично и почитаются действительными, когда на них присутствует не менее двух третей всех собравшихся во Владивосток членов Собора.

п. 11. Члены Собора высказывают свои суждения на его заседаниях по очереди, согласно записи Секретарем о желании высказаться, но Председателю и членам Временного Приамурского Правительства, Председателю Совета Управляющих, Управляющих Ведомствами принадлежит в заседаниях Собора право внеочередных заявлений, возражений и разъяснений по первому их требованию.

Примечание. Право выражения мнений и суждений на заседаниях Земского Собора от имени Войск и Флота принадлежит исключительно Командующему Войсками и Флотом Временного Приамурского Правительства. Представители Армии и Флота, назначенные присутствовать на Земском Соборе Командующим, не могут высказывать на заседаниях Земского Собора своих мнений и суждений, но участвующим на основании примечания к п. 3 настоящего Положения Командующему Сибирской Флотилией и Атаманам Казачьих Войск право суждений и мнений может быть допускаемо с разрешения Командующего Войсками и Флотилией Временного Приамурского Правительства.

п. 12. Вопросы, подлежащие разрешению Земского Собора в заседаниях его, разрешаются простым большинством голосов, причем определение числа лиц, составляющих Приамурское Правительство, срок, на который избирается это Правительство, и выборы Правительства, а равно Председателя Собора и его Заместителей производится закрытой баллотировкой (шарами). В остальных случаях голосование на Соборе, если это потребует, производится поднятием рук, разве бы состоялось по сему поводу иное постановление самого Собора по требованию не менее как одной трети членов, присутствующих на Соборе, заявленному письменно на имя Председательствующего в заседании.

Примечание. Командующий Войсками и Флотом Временного Приамурского Правительства голосует от имени Армии и Флота во всех случаях наравне со всеми остальными членами Земского Собора. Все остальные представители Армии принимают участие в голосовании исключительно закрытой баллотировкой (шарами) и только при определении числа лиц, составляющих Приамурское Правительство, срока его существования и при выборе органа Верховной Власти, то есть Правительства, а равно и Председателя Собрании и его заместителей.

- п. 13. В случае надобности Собор устраивает частные непубличные закрытые для посторонней публики заседания, а равно и может образовывать комиссии по отдельным вопросам. Заседания таких комиссий являются закрытыми и непубличными.
- п. 14. По разрешении вопросов, составляющих задачу созыва Земского Собора, Председатель Собора назначает торжественное заседание, на котором вновь избранное Собором Приамурское Правительство приемлет власть от Временного Приамурского Правительства и принимает перед Собором присягу по приложенной при сем форме.
- п. 15. По объявлении Председателем Собора о закрытии последнего, Президиум Собора избирает из своей среды комиссию из трех членов, которая в течение месячного срока обязывает закончить все дела по Собору и денежную отчетность. Члены означенной Комиссии удовлетворяются суточными в размере 3 руб. зол. каждый.
- п. 16. В распоряжение Председателя Земского Собора на расходы по содержанию помещения Собора и его канцелярии и пр. открывается из средств Государственного Казначейства потребный кредит по смете Управления Делами Правительства.
- п. 17. При Соборе учреждается Временная Канцелярия, которая находится в ведении Секретаря Собора.
- п. 18. Члены Земского Собора, кроме проживающих во Владивостоке, получают содержание в размере 3 руб. в сутки, оплату проезда из средств Государственного Казначейства и пользуются по возможности бесплатным помещением.
- п. 19. Президиум Собора получает суточное вознаграждение из средств Государственного Казначейства в размере: Председатель — 10 руб. и Секретарь по 7 руб. зол., а прочие члены Президиума — по 5 руб. зол. в сутки.
- п. 20. Предварительная проверка полномочий членов Земского Собора и непринадлежность их к партиям, указанным в примечании к §5 настоящего Положения, возлагаются на комиссию, назначаемую

Временным Приамурским Правительством для технического выполнения созыва Земского Собора, а по открытии последнего такая проверка возлагается на Президиум Собора через особую, избранную по его предложению, Комиссию.

Примечание. Проверка полномочий не распространяется на членов Собора, командированных от Войск и Флота распоряжением Командующего Войсками и Флотом Приамурского Правительства. Все означенные чины снабжаются удостоверениями от командиров корпусов и Командующего Флотом и лиц, равных им во Власти.

Председатель Правительства	С. Меркулов
Члены Правительства:	А. Макаревич Е. Адерсен Н. Меркулов
Скрепил: Председатель Совета Управляющих Ведомствами	С. Ефремов

26 июня 1922 года

ГА РФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1–5.

Да здравствует Земский Собор!

Революция 1917 года началась свержением старого государственного порядка во имя установления новой революционной государственности.

Эта задача оказалась не по силам русскому народу, утомленному трехлетней войной, и в процессе революции он не только утратил старые формы своего государственного бытия, освященные веками его истории, но, бросившись в пучину большевицкой анархии, утратил и старые привычные формы своего быта.

В огне революции сторело все: государственная власть, классы и сословия, семья и хозяйство, короче говоря, революция уничтожила русскую культуру, превратив русского человека в дикаря-людоеда.

Пять лет, пять долгих ужасных лет перекатывались волны революции по необъятным российским просторам, и пять лет смывали с поверхности земли все живое, творческое, созидательное.

Верим, что близок конец страдающим, что буря стихает, что за промчавшимся смерчем должны вновь начаться и работа, и жизнь.

Годы разрушения должны смениться годами упорного, настойчивого созидания.

На Приморье выпала тяжелая и ответственная задача – начать возрождение Родины.

Возрождение Родины не мыслится без уничтожения тех, кто довел ее до такого состояния.

Борьба с большевизмом, как врагом всякой культуры вообще – таким был и остается лозунг каждого русского патриота и гражданина.

Никакая культура не мыслится при отсутствии государственности. Борьба за государственность, борьба против анархии, в чем бы последняя ни проявлялась, – такова практическая задача наших дней.

Сегодня знаменательный день. *Открывается Приамурский Земский Собор – выразитель дум, чаяний и надежд исконного русского человека-государственника. Положить первый камень в прочный фундамент новой строящейся Третьей России – вот, в немногих словах, его задача.

Все члены его, как бы они ни отличались один от другого по своему положению и убеждениям, выше всего, конечно, должны поставить благо целого, благо России.

Россия может быть возрождена и спасена лишь преодолением революционной анархии. В сторону подготовки решительной борьбы с большевизмом должны быть направлены все усилия. Это основная, высшая цель. Она должна стать общей целью, отправной точкой для дальнейшего движения.

Антибольшевицкое движение не может быть хаотичным, раздробленным, разрозненным. Анархию не победить анархией. Спаянность, единение и организация в рядах антибольшевиков – необходимое условие успеха их дела и достижения конечной цели.

Движение должны возглавить вожди, забывшие себя, свои личные, групповые, партийные, вообще, частные интересы, чтобы весь пыл души своей отдать Родине, чтобы принести себя ей в жертву. Только за такими вождями пойдут массы, только такие вожди будут служить примером для граждан.

Соответственно с этим, Земский Собор, избирая власть, возглавляющую движение, будет чутко прислушиваться к настроениям различных общественных кругов.

Настроения служилой интеллигенции, крестьянства, рабочих и Армии должны, как в фокусе, отразиться в сердцах тех, кому будет вручено Земским Собором бремя власти.

Власть должна быть, по существу, властью народа, ибо только внутреннее согласие различных общественных групп признавать эту власть и повиноваться ей не только за страх, но и совесть, обеспечат этой власти устойчивость и дадут поддержку в ее главной цели – бороться за государственность, за возрождение России, за ее соби́рание.

Пожелаем же открывающемуся Земскому Собору сил и успеха в его святом деле возрождения и восстановления Великой России.

Русская армия. Владивосток. № 151. 23 июля 1922 г.

От Временного Приамурского Правительства

Граждане!

Сегодня во Владивостоке открывается Приамурский Земский Собор.

Событие чрезвычайного значения.

Впервые после тщетных поисков найти и выявить себя в различных учреждениях и органах народоправства, построенных по чуждым народному правосознанию западно-европейским образцам, Русский Народ, свободно живущий в Приамурском национальном государственном образовании, пока еще по Божьему произволению единственном на необъятной, ныне порабощенной и поруганной чужеродцами-интернационалистами, когда-то Великой России, возвращается к родным исконным заветам, создавшим единую, могучую, святую Русь.

Граждане! Трепетно храня горячую и самоотверженную любовь к Родине, проникнитесь сознанием серьезности и величия выпавшей на вас исторической задачи.

Припомните сказания русских летописцев о Земских Соборах XVI и XVII веков.

Припомните Великий Земский Собор, собиравшийся в смутную годину 1613 года, так напоминающую то, что мы переживаем сейчас.

Вдумайтесь в эти сказания, и вы поймете своей русской душой, что не гордым измышлением ума человеческого, не арифметическим подсчетом голосов, а горячей и чистой верой в Св. Троицу и

Образ Коломенской Божией Матери, именуемой Державной, поднесенный Земским Собором Земской Рати через ген. Дитерихса 10 августа 1922 г. (газета «Русская армия, Владивосток, № 166, 27 августа 1922 г.)

Почетный Председатель
Приамурского Земского
Собора Святейший Патри-
арх Московский и Всея Руси
Тихон

В доме Старцева (где располагался кабинет Председателя Временного Приамурского правительства С.Д. Меркулова). Сидят справа налево:

Председатель Совета управляющих ведомствами С.И. Ефремов, командующий Сибирской флотилией контр-

адмирал Г.К. Старк, член правительства Н.Д. Меркулов, председатель правительства С.Д. Меркулов, член правительства Е.М. Андерсон, начальник штаба командующего Сибирской флотилии капитан 1-го ранга Н.Г. Фомин (из журнала «Приамурье», июль 1922 г., г. Владивосток)

Член Временного Приамурского правительства Н.Д. Меркулов и караул моряков Сибирской флотилии (из журнала «Приамурье», июль 1922 г., г. Владивосток)

Крестный ход перед открытием заседаний Собора. Ген. Дитерихс и проф. Н.И. Миролюбов. Владивосток, 23 июля 1922 г. (из архива А.А. Васильева)

Крестный ход перед входом в зал заседаний Земского Собора, 23 июля 1922 г. (ГА РФ)

Президиум Приамурского Земского Собора. Слева направо: заместитель Председателя Собора В. Толлок, заместитель Председателя Собора, атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант А.П. Бакшеев, помощник секретаря Собора Т. Уточкин, Председатель Собора, проф. Н.И. Миролюбов, помощник секретаря Собора П.П. Уитербергер, секретарь Собора М.Я. Домрачев, помощник секретаря Собора С.П. Руднев (ГА РФ)

*Командующий войсками и флотом Временного Приамурского правительства ген. Дитерихс принимает парад перед открытием Земского Собора, 23 июля 1922 г.
(из архива А.А. Васильева)*

Открытие заседаний Собора. В президиуме слева направо: Толок, ген. Бакшеев, Почетный Заместитель Председателя Смиренный Мефодий, Архиепископ Харбинский и Маньчжурский, проф. Миролюбов, Председатель Временного Приамурского правительства С.Д. Меркулов, Домрачев, Руднев, Унтербергер, Уточкин. 23 июля 1922 г. (ГА РФ)

В зале заседаний (ГА РФ)

Один из претендентов на пост Правителя Приамурского Земского Края камергер Высочайшего Двора Н.Л. Гондатти (из книги: «В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинцах», Мельбури, 2000)

Крестный ход в день Тезоименитства Ея Величества Императрицы Марии Феодоровны. 4 августа 1922 г. (ГА РФ)

Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), призвавший Земскую Рать к повторению подвига ополченцев Минина и Пожарского (с портрета М.В. Нестерова)

Печать Приамурского Земского Собора (ГА РФ)

Марка Приамурского Земского Края (из коллекции Р.В. Полчанинова)

ГРАМОТА

Приамурского Земского Собора къ Русскимъ Людямъ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

У вольд Тихого Океана, въ городѣ Владивостока, въ посланной свободной отъ гнета и неволи инородцевъ и поработителей коммунистовъ Приморской Области, собрался въ числѣ до 300 человекъ на Земской Соборъ русскіе люди, краишше въ сердцахъ своихъ пламенную любовь къ гибнущей Родинѣ и къ истерзанному смутой, нищетой и голодомъ Русскому Народу.

Въ Земскій Соборъ вошли, выборные и представители отъ всѣхъ слоевъ Народа: отъ православнаго и старообрядческаго духовенства—епископы, иерей и миряне, сельчане—отъ волостей, горожане—отъ городскихъ и поселковыхъ самоуправлений, служилые люди—военные и гражданскіе—отъ всякихъ чиновъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ, торговцы и промышленники, ремесленники и рабоче, ученые и въ наукахъ не искушенные простые люди.

Начавъ свое великое дѣло жертвеннаго служенія Русской Землѣ и въ далекомъ Приамурскомъ Краю молитвой прель Всевышнимъ, да призритъ Онъ на стремжущихъ людей Своихъ, и испроситъ милостиваго заступничества Царицы Небесной, изстари не разъ спасавшей Русскую Землю и Русскій Народъ въ години бѣдствій,—Приамурскій Земскій Соборъ избралъ Почетнымъ Предсѣдателемъ своимъ Святѣйшаго Тихона—Патриарха Московскаго и всея Россіи, въ молитвенника и печальника.

И первыиъ, затѣмъ, дѣломъ Земскаго Собора, первую мыслью его—была мысль о русскихъ братьяхъ, оставшихся и живущихъ въ ближайшей Сибири и далекой Россіи, за Уральскимъ Хребтомъ.

Люди Русской Земли, родиме по-вѣрѣ, по крови, по преданности национальнымъ историческимъ заветамъ!

Къ вамъ, обращаясь, Приамурскій Земскій Соборъ свое слово!

Мужайтесь! Собирайтесь съ силами и духовно сплывайтесь вокругъ великаго вождя, котораго Господь Богъ пошлетъ много преградившему передъ Нимъ и забывшему заповѣди Его въ буйномъ и алчноиъ своеволии Русскому Народу.

Пусть какъ и сотни лѣтъ, будетъ «едино стадо и едины Пастыри!» Тогда, и только тогда, наступитъ на землю нашей миръ и порядокъ, а съ ними утишится и исчезнутъ наши нестроения, голоды, морь, нишета и немощь народная.

Все, что въ силахъ нашихъ, мы—русскіе люди Приамурской Земли,—творимъ и будемъ творить, чтобы помочь вамъ, товнщамъ въ неволѣ такой, которой еще не знали миръ. Порабощеніе дреяннаго Египта евреями, сказаніе о коемъ хранить Библия, было ничто въ сравненіи съ нынѣшнимъ порабощеніемъ Россіи.

Но хрлнитесь и ждите. Великъ Богъ Земли Русской и не изсула милость Его къ ней!

И по вѣрѣ нашей и вашей, по молитвамъ безчисленнаго сонма убѣжденныхъ и замученныхъ за вѣру Христову и за вѣрность и преданность Святой Руси, живы еще, будутъ и умножатся мужи, исполненные русской национальной чести, силы и разума;

Предсѣдатель Вр. Приамурскаго Правительствна Спиридонъ Мернуловъ.
Предсѣдатель Приамурскаго Земскаго Собора Проф. Никандръ Миролюбовъ.

Почетный Замѣститель Предсѣдателя Смиренный Мефодій.

Почетный Замѣститель Предсѣдателя Смиренный Филаретъ, Епископъ Казанскій.
Замѣститель Предсѣдателя Атаманъ Забайкальскаго войска Алексій Баншеввъ.

Замѣститель Предсѣдателя Василій Толочъ.

Секретарь Земскаго Собора Михаилъ Домрачевъ.

Помощники Секретаря Собора: Сергій Рудневъ, Петръ Унтербергеръ, Тимофей Уточинъ.

Владивостокъ. 3-го Августа 1922 года.

Таш-аэровъ, Іосифъ Корень.

придути они къ вамъ и явятся между вами самими, чтобы вѣстѣ съ вами вернуть Народу свободу, сласти Землю Русскую и возстановити Державу Россійскую въ ея прежнемъ величии и слави.

Вы—невольники не службѣ преступной, не—русской совѣтской власти, дѣлающей воистину людно дѣло губительства и предательства Россіи,—красноармейцы и совѣтскіе служаши!

Вы, которые не по доброй волѣ, а подъ страхомъ смерти и въ тискахъ голода, служите и трудитесь подъ ярмомъ интеллигентовъ и ихъ присланиковъ—богоотступниковъ и отщепенцевъ Россіи!

Выслушайте слово Земскаго Собора, выслушайте голосъ дальнаго свободнаго края Русской Земли!

Вы—не враги наши, а наши русскіе несчастные братья, друзья и близкіе. Ни слова упрека, ни мысли осужденія у насъ нѣтъ къ вамъ.

Мы несемъ къ вамъ не мечъ и разореніе, не мечь и распри о томъ—кто и у кого! служите и работайте въ русскую разруху, а братскую любовь, согласіе и сильную помощь.

Мы нынѣ зовемъ васъ на дружную работу для общаго святаго и великаго дѣла освобожденія, возрожденія и спасенія нашей Родины—единой, великой Россіи.

Пока еще не много насъ, но мы крѣпки и сильны: свободою, которая отнята отъ васъ, духомъ, который угашается въ васъ слугами антихриста, и мыслю о спасеніи Родины, самое имя которой, какъ ненавистное, извращено инородцами—вождями и начальниками вашими, заключившими Русь красной вѣздой.

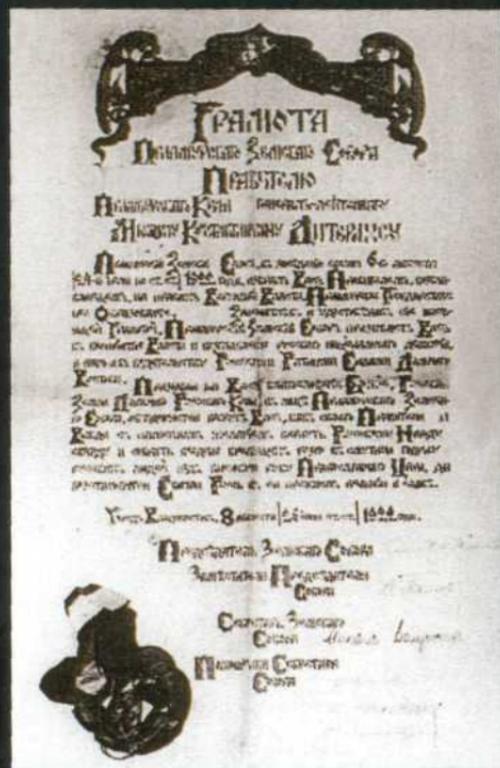
Мы—счастливые боремся при тагчайшихъ экономическихъ и международныхъ условіяхъ съ коммунистами и социалистами въслѣдъ вилловъ и названій, мы стараемся шабви вѣстимы, партизанъ, по темнотѣ своей, невѣжеству и користи преданногоящихъ легий и разгудныхъ разбой—мирному труду, мы надѣемся только на Бога и на самихъ себя, и мы живемъ, какъ свободные русскіе, на своей Русской Землѣ.

Возложите и вы всѣ упованія и надежды только на благость Господню и на самихъ себя.

Спросите каждый свое русское сердце, и оно посланаетъ вамъ и вашу образъ дѣйствій, и вдохнетъ въ васъ единене и силу.

Близиня къ намъ Области Сибири! Вамъ прежде всѣхъ и легче всѣмъ воспринять наше Соборное слово.

Объединяйтесь съ нами, сплывайтесь вокругъ нашего русскаго; національнаго Приамурскаго Правительствна и Приамурскаго Земскаго Собора, дабы мы общими и умноженными силами, все, какъ одинъ, понесли скорѣе радостную вѣсть освобожденія и воскресенія всему Русскому Народу, дабы по вѣрѣ нашей, по нашимъ жертвеннымъ трудамъ и подвигамъ, Господь Вседернатель даровалъ единому Державнаго Вождя единой великодержавной Русской Землѣ.

Грамота Приамурского Земского Собора к Правителю Приамурского Земского Края (ГА РФ)

Принесение присяги Правителем Приамурского Края в кафедральном Успенском Соборе. Владивосток, 8 августа 1922 г. (из архива А.А. Васильева)

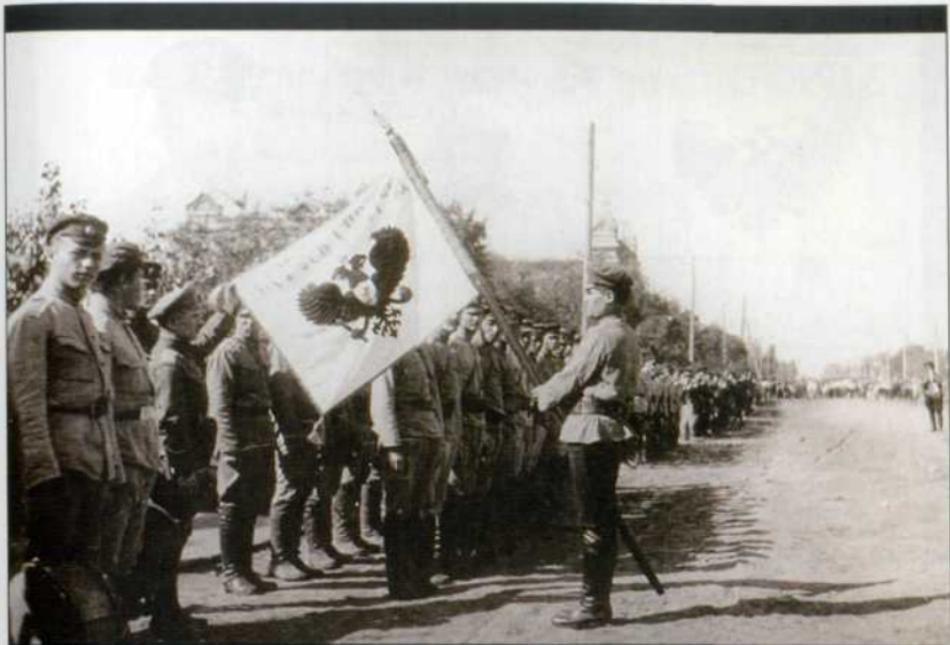
Медаль в память Приамурского Земского Собора и Свидетельство на право ее ношения, выданное ген. Дитерихсу (из архива А.А. Васильева)

Молебен и парад Уральского полка в Спасске, апрель 1922 г. (из книги: Б. Филимонова «Конец Белого Приморья», 1971)

Вручение стяга Правителю от Воткинской артиллерийской батареи Прикамской артиллерийской дружины, г. Никольск-Уссурийский, 23 сентября 1922 г. (из архива А.А. Васильева)

ЗА РУСЬ СВЯТУЮ

СЪ НАМН БОГЪ

а)

б)

г)

яя

в)

д)

Земская Рать. 1922 г.: а) Стяг Воеводы; б) «крест на шапки» ратников; в) ратник-доброволец; г) капитан Поволжской артиллерийской дружины; д) погоны поручика Поволжской артиллерийской дружины (уральской батареи) и прапорщика Уральской дружины Урало-Егерского отряда

Воевода Земской Рати в автомобиле со своими адъютантами (из архива А.А. Васильева)

Начальник Штаба Земской Рати, друг и сподвижник М.К. Дитерихса, генерал-майор П.П. Петров (из архива А.А. Васильева)

Воевода Поволжской Рати – генерал-майор В.М. Молчанов (из книги: Б. Филимонова «Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921–22 гг.». Шанхай, 1932)

Воевода Сибирской Рати – генерал-лейтенант И.С. Смолин
(из альбома: «Русские в Шанхае»)

Воевода Сибирской казачьей Рати – генерал-майор В.А. Бородин (из книги: В. Акулинин «Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками (1917–1920 гг.)». Шанхай, 1937)

Воевода Дальневосточной казачьей Рати – генерал-лейтенант Ф.Л. Глебов (из коллекции К.А. Татариновой)

Командующий Сибирской флотилией и начальник тыла Приморья контр-адмирал Г.К. Старк (ГА РФ)

Ген. Дитерихс и М.А. Домрачев во время посещения подворья Уссурийской Рождество-Богородицкой общины, в Южно-Уссурийском крае. Никольск-Уссурийский, сентябрь 1922 г. (из архива А.А. Васильева)

Правитель Приамурского Земского Края в ст. Гродеково у станичного правления после выступления на съезде Уссурийского казачьего войска. 1 октября 1922 г. (из архива А.А. Васильева)

Отряды Земской Рати готовятся к переходу границы. Сдача оружия. 1 ноября 1922 г. (из архива А.А. Васильева)

Граница пройдена... Ген. Дитерихс среди чинов Рати в Хунчэ, ноябрь 1922 г. (из архива А.А. Васильева)

Командиры отрядов и дружин Поволжской Рати (лагерь Ду-да-ин (г. Гирин), 1923 г.). Слева направо: 1-й – полковник В.Я. Белянушкин (командир Приволжского отряда), 4-й – полковник В.Е. Сотников (командир Камской пешей дружины), 6-й – генерал-майор В.А. Ястребцев (командир сводного отряда в составе Московского конного отряда), 7-й – генерал-майор В.М. Молчанов (воевода Поволжской Рати), 8-й – генерал-майор А.В. Зуев (командир Оренбургского казачьего отряда), 10-й – полковник А.Г. Ефимов (командир Прикамского отряда), 11-й – полковник фон Вах (начальник Воткинской пешей дружины), 12-й – полковник Г.К. Сидамонидзе (командир Уфимской пешей дружины) (из архива А.А. Васильева)

Воевода с офицерами Поволжской Рати. г. Гурин, 1923 г. В центре (второй ряд) – ген. Дитерихс, слева от него: полковник Ефимов, полковник А.И. Савчук (начальник штаба Поволжской Рати), полковник фон Вах. Справа от Дитерихса: генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий (предшественник Дитерихса на посту Командующего войсками и флотом Приамурского Временного правительства), генерал-майор Ястребцев, полковник Г.К. Сидамонидзе. В первом ряду: третий справа – капитан Полушин (и.д. начальника штаба Прикамского отряда). В третьем ряду: четвертый, пятый, шестой справа – полковник Е.В. Черкес (командир Пермской пешей дружины), полковник Зуев (командир Ижевской пешей дружины), полковник В.Н. Дробинин (командир Прикамского конного отряда) (из архива А.А. Васильева)

Ген. Дитерихс с офицерами Ижевской и Воткинской пеших дружин и Анненковской конной дружины. Гирин, лагерь Шисинь-Чунь-чан. 1923 г. (из архива А.А. Васильева)

Под Андреевским стягом. Контр-адмирал Старк и японские офицеры (РГВА)

Корабли Сибирской флотилии, на которых покидали Владивосток части Земской Рати и гражданские беженцы (военные транспорты «Охотск» и «Монгутай», канонерская лодка «Маньчжур») (из коллекции К.А. Татариновой)

Казачи Дальневосточной казачьей Рати на транспорте «Охотск» (жили на корабле до 1927 года, в ожидании возможного десанта в Россию). Шанхай, 1923 г. (из коллекции К.А. Татариновой)

Казачи на работах в Тансене. 1923 г. (из коллекции К.А. Татариновой)

милостивое заступничество Царицы Небесной за страждущую Русскую землю отыскивалась спасительная для страны истина, указующая правильный путь Российской государственности.

И по вере такой предков наших, не искушенных в тонкостях Парламентаризма, Праведный Всевышний Судия творил свой суд над призывавшим Его святое Имя Народом. Он посылал Русской Земле, собравшейся на Земском Соборе, и разум, и убедительное, правдивое слово. И воистину: на Земских Соборах Руси звучал всегда в голос Народа глас Божий, ибо ответы, выносимые Собором на вопросы, ради выяснения которых созывались Соборы, бывали всегда согласными, дружными и в громадном большинстве случаев выносились единогласно. «Величайшее Божие чудо – свободное слово», по выражению поэта, подлинно было поэтому чудом и подлинно было свободным, потому что оно свободно раздавалось в Соборах, не внушаемое и не вызываемое ни партийными программами, ни политическими платформами, ни желанием победы большинства над меньшинством. Высказанное в Соборах дельное, разумное слово не могло быть подавлено искусственно большинством. Для Власти, созывавшей Соборы, одинаково был ценен голос как большинства, так и меньшинства посланцев Русской Земли, присутствующих на Соборе.

Посмотрите внимательно русские летописи, и вы, русские люди, убедитесь, что благословение Божие всегда почивало на Соборных трудах.

Русская Земля из маленького Московского Княжества, гораздо меньше, чем наше Приморье, ширилось, крепло и стало Государством, могущественнейшим в мире.

С теми же чувствами, какие руководили нашими предками, с теми же чаяниями и упованиями, с тою же пламенною верою в Божию помощь, «Со страхом и трепетом», с горячею молитвою в сердцах приступите, посланцы Русской земли Приморья, к великому и святому нашему старорусскому делу – Земскому Собору, а вы, граждане, молитесь Всевышнего, да пошлет Он силу разума и мудрость к государственному строительству людям своим.

И пусть «едиными устами и единым сердцем» мы, русские, станем творить и выковывать национальную государственность, следуя по пути наших благочестивых предков.

Председатель Правительства

С. Меркулов

Русская армия. Владивосток. № 151. 23 июля 1922 г.

Вокруг Земского Собора

Канцелярия Земского Собора констатирует огромный интерес к Собору со стороны широких масс населения.

Спрос на билеты на право входа на второе заседание так велик, что предварительная запись, открытая за три дня до заседания, дала внушительную цифру в 400 человек.

Русская армия. Владивосток. № 152. 26 июля 1922 г.

К избранию Патриарха Тихона почетным председателем Земского Собора

Если бы на Земском Соборе присутствовали социалисты, то они, может быть, в силу общего настроения, подняли бы руки за избрание почетным председателем Земского Собора Патриарха Тихона.

И это было бы так же естественно, как то, что на Московском церковном процессе при входе в зал суда Патриарха Тихона навстречу ему вместе с публикой и подсудимыми поднялись со своих мест и судьи – большевики.

Настолько велик авторитет Патриарха, так велико обаяние его личности, что даже его непримиримые враги-большевики поддались этому обаянию, силе этого духовного авторитета.

Но здесь не только авторитет и обаяние духовно сильного человека. Здесь авторитет, сила идеи, которую несет этот великий человек, проявление тех душевных переживаний, которые большевикам удалось загнать в глубину души, но которые являются наружу в обстановке, подобной обстановке в зале Московского большевистского суда, которые все сильнее и уже в массовом движении выявляются с каждым днем.

Эта «минутная слабость» большевиков перед лицом духовного вождя Церкви выявила на момент в человеке-атеисте, в человеке-звере забытый, может быть, с юношеских лет облик человека, те духовные настроения, какие в свое время воспитывала семья и школа.

Эта слабость подчеркнула, что даже для отъявленных атеистов не исключена возможность возвращения к забытым духовным це-

реживаниям, что эти переживания сильнее всех других, созданных «мудрствованием лукавым».

И что сумма их, выявленная в мистически настроенной народной массе, создает непреодолимую силу, непобедимое народное религиозное движение.

Эта сила, стихийно поднимающаяся с глубины души, все шире захватывающая, объединяющая народ, положена и в основу нашей национальной работы.

Для нас избрание Патриарха Тихона Почетным Председателем Земского Собора не есть только акт глубокого уважения к духовному руководителю Церкви.

Единогласным избранием Патриарха Земский Собор в то же время подчеркнул неразрывную связь религиозного и национального движений.

Избранием Патриарха в Почетные Председатели Земский Собор осудил тех, кто в угоду большевикам пытается внести смуту в ряды верующих, показал, что только по пути Патриарха может идти дальнейшая борьба за освобождение России.

Патриарх Тихон символизирует собой единство национальной и религиозной мысли.

И это единство, мы верим, красной нитью пройдет через всю работу Земского Собора.

Перед авторитетом Патриарха Тихона, в стане врагов бесстрашно продолжающего свою святую проповедь, здесь не может быть разногласий у тех, кто в религиозном движении видит возрождение Национальной России, кто провозгласил уже идеи древней Руси как единственные, могущие спасти русский народ.

А в древней, в Московской Руси авторитет Патриарха объединял русских людей, благословение его давало силы и уверенность в победу.

Избрание Патриарха Тихона почетным председателем Земского Собора, безусловно, с глубоким удовлетворением будет встречено как русским народом, так и заграничной общественностью, вставшей на защиту Русской Церкви.

П. Пр-ский

Русская армия. Владивосток. № 153. 28 июля 1922 г.

Клятвенное обещание для членов Земского Собора

Мы, нижепоименованные, обещаем и клянемся Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним исполнять возложенные на нас обязанности Членов Земского Собора Приамурского Края по долгу нашей совести и крайнему нашему разумению и силам, памятуя лишь о благе и пользе Земли Русской, – в удостоверение чего целуем Слова и Крест Спасителя нашего. Аминь.

Верно:

В.и.д. начальника Инспекторского отделения, штабс-капитан
Верещагин

Русская армия. Владивосток. № 153. 28 июля 1922 г.

На пути к возрождению

Владивосток, 30-го июля

Сознание каждой отдельной человеческой личности способно временами помрачаться. Тогда окружающая действительность представляется человеку в извращенном виде. Расстройство сознания вызывает в человеке поступки, которых он бы не сделал в нормальном состоянии. В этот период человек находится, как говорят, в состоянии невменяемости, душевной болезни, сумасшествия.

Таким расстройством сознания поддается не только отдельная личность. Бывают моменты, когда психически заболевает целая группа, народ, государство. В такую эпоху не ждите от народа верности заветам его истории, правильного понимания им своих интересов, способности в настоящем творить свое будущее.

Так, в печальные дни марта 1917 года под влиянием революционного опьянения заболел русский народ «красной горячкой».

Расстроенное сознание нации без критики приняло положение революционной догмы: народ сам себе самодержец, воля народа превыше всего, постановления большинства священны.

Народ же, в главной массе своей, в своем знаменитом «большинстве», был болен, и воля его была невменяема. Не ясно ли отсюда, что ее выражением не могли явиться здоровые продуманные решения?

Всеобщее прямое равное и тайное право избрать себе власть по своей воле, по своему вкусу, в ту эпоху массового революционного психоза не могло дать положительных результатов.

Большая власть вышла из недр большой революцией народной воли.

Протекли годы. Революционные процессы изжили сами себя. Появилось тяготение, день ото дня все усиливающееся, к процессам созидательным, творческим, восстанавливающим. Начинается оздоровление массовой психики, а отсюда и возрождение нормального государственного сознания.

Здесь, в Приморье, по счастливой случайности судьбы, эти здоровые течения имеют возможность реально воплотиться в жизнь, начать вплотную дело государственного воссоздания.

Земский Собор.

В Земском Соборе представлены наиболее здоровые течения общественной мысли.

В этом его ценность.

Работа представленных в Земском Соборе здоровых слоев русского общества будет направлена к изысканию путей и средств врачевания всего общества, где еще есть болезненные явления.

В этом все значение и вся ответственность предпринятой в Приморье попытки открыть дорогу к возрождению Родины.

Русская армия. Владивосток. № 154. 30 июля 1922 г.

Грамота Приамурского Земского Собора к Русским Людям Великой Русской Земли

У вод Тихого Океана, в городе Владивостоке, в последней свободной от гнета и неволи инородцев и поработителей коммунистов Приморской Области собрались в числе до 300 человек на Земском Соборе русские люди, хранящие в сердцах своих пламенную любовь к гибнущей Родине и к истерзанному смутой, нищетой и голодом Русскому Народу.

В Земский Собор вошли выборные и представители от всех слоев Народа: от православного и старообрядческого духовенства – епископы, иереи и миряне, сельчане – от волостей, горожане – от городских и поселковых самоуправлений, служилые люди – военные и гражданские – от всех чинов, как высших, так и низших, тор-

говцы и промышленники, ремесленники, рабочие, ученые и в науках не искушенные простые люди.

Начав свое великое дело жертвенного служения Русской Земле и ее далекому Приамурскому Краю молитвой пред Всевышним, да призрит Он страждущих людей своих, и испросив милостивого заступничества Царицы Небесной, исстари не раз спасавшей Русскую Землю и Русский Народ в години бедствий, Приамурский Земский Собор избрал Почетным Председателем своим Святейшего Тихона – Патриарха Московского и всея России, ее молитвенника и печальника.

И первым затем Делом Земского Собора, первую мыслью его была мысль о русских братьях, оставшихся и живущих в ближайшей Сибири и далекой России, за Уральским Хребтом.

Люди Русской Земли, родные по вере, по крови, по преданности национальным историческим заветам!

К вам обращает Приамурский Земский Собор свое слово.

Мужайтесь! Собирайтесь с силами и духовно сплывайтесь вокруг единого вождя, которого Господь Бог пошлет много прегрешенному перед Ним и забывшему заповеди Его в буйном и алчном своеволии Русскому Народу.

Пусть, как и сотни лет, будет «едино стадо и един Пастырь»! Тогда, и только тогда наступят на земле нашей мир и порядок, а с ними утишатся и исчезнут наши настроения, голод, мор, нищета и немощ народная.

Все, что в силах наших, мы, русские люди Приамурской Земли, творим и будем творить, чтобы помочь вам, томящимся в неволе такой, которой еще не знал мир. Порабощение древнего Египта евреями, сказание о коем хранит Библия, было ничто в сравнении с нынешним порабощением России.

Но крепитесь и ждите: Велик Бог Земли Русской и не иссякла милость Его к ней!

И по вере нашей и вашей, по молитвам бесчисленного сонма убиенных и замученных за веру Христову и за верность и преданность Святой Руси, живы еще, будут умножаться мужи, исполненные русской национальной чести, силы и разума; придут они к вам и явятся между вами самими, чтобы вместе с вами вернуть Народу свободу, спасти Землю Русскую и восстановить Державу Российскую в ее прежнем величии и славе.

Вы, невольники на службе преступной нерусской советской власти, делающей воистину Иудино дело губительства и предательства России, красноармейцы и советские служащие!

Вы, которые не по доброй воле, а под страхом смерти и в тисках голода, служите и трудитесь под ярмом иноплеменников и их приспешников – богоотступников и отщепенцев России!

Выслушайте слово Земского Собора, выслушайте голос дальнего свободного края Русской Земли!

Вы – не враги наши, а наши русские несчастные братья, друзья и близкие. Ни слова упрека, ни мысли осуждения у нас нет к вам.

Мы несем к вам не меч и разорение, не месть и распри о том, кто и у кого служил и работал в русскую разруху, а братскую любовь, согласие и посильную помощь.

Мы ныне зовем вас на дружную работу для общего святого и великого дела освобождения, возрождения и спасения нашей Родины – единой, великой России.

Пока еще немного нас, но мы крепки и сильны: свободой, которая отнята от вас, духом, который угашается в вас слухами антихриста, и мыслью о спасении Родины, самое имя которой, как ненавистное, извращено инородцами – вождями и начальниками вашими, заклеившими Русь красной звездой.

Мы счастливо боремся при тягчайших экономических и международных условиях с коммунистами и социалистами, всех видов и названий, мы отражаем шайки местных партизан, по темноте своей, невежеству и корысти предпочитающих легкой и разгульный разбой – мирному труду, мы надеемся только на Бога и на самих себя, и мы живем, как свободные русские, на своей Русской Земле.

Возложите и вы все упования надежды только на благость Господню и на самих себя.

Спросите каждый свое русское сердце, и оно подскажет вам и ваш образ действий, и вдохнет в вас единение и силу.

Ближние к нам Области Сибири!

Вам прежде всех и легче всех воспринять наше Соборное слово.

Объединяйтесь с нами, сплочайтесь вокруг нашего русского, национального Приамурского Правительства и Приамурского Земского Собора, дабы мы общими и умноженными силами все, как один, понесли скорее радостную весть освобождения и воскресения всему Русскому Народу, дабы по вере нашей, по нашим жертвенным трудам и подвигам Господь Вседержитель даровал единого Державного Вождя единой великодержавной Русской Земле.

Председатель Вр. Приамурского Правительства Спиридон Меркулов

Председатель Приамурского Земского Собора проф. Никандр Миролюбов

Почетный Заместитель Председателя Смиренный Мифодий, Архиепископ Харбинский и Манчжурский

Почетный заместитель Председателя Смиренный Филарет, Епископ Казанский

Заместитель Председателя Атаман Забайкальского войска Алексей Бакшеев

Заместитель Председателя Василий Толок

Секретарь Земского Собора Михаил Домрачев

Помощники Секретаря Собора: Сергей Руднев, Петр Унтербергер, Тимофей Уточкин

Владивосток, 3-го августа 1922 г.

Русская армия. Владивосток. № 156. 4 августа 1922 г.

Проблема борьбы с большевизмом Идеологическое определение ее целей, путей и средств

(Тезисы доклада несоциалистических организаций Приморья на Земском Соборе)

1) Продолжительная гражданская война и видимые успехи большевиков привели к распылению единого антибольшевицкого лагеря, который наблюдался в 1918 и 1919 гг. Наряду с элементами русской общественности, по-прежнему стоящими на платформе непримиримой борьбы с большевизмом, в среде антибольшевиков появились течения или оправдывающие большевицкую революцию, или не допускающие существенных методов борьбы, без которых фактически она немислима.

2) Ярким выражением «приятя» революции является так называемое национал-большевицкое течение, возглавляемое на Дальнем Востоке Устряловым, а в Западной Европе, среди эмиграции, Ключниковым. Все утверждения этого направления с внешней стороны резко грешат против фактов современной действительности, а в моральном отношении свидетельствуют о глубоком нравственном разложении сторонников национал-большевизма, как результате испытаний борьбы.

3) Выражением фактического отрицания борьбы являются социалистические и демократические течения. Социалисты уже с

1919 г. стоят на платформе лишь идейной борьбы с властвующей коммунистической партией, допуская при известных условиях возможность сотрудничества с ней (Дальневосточная республика) и даже попыток к объединению (последний конгресс интернационалов в Берлине).

Демократы, к которым относится левое крыло партии Народной Свободы, ныне возглавляемое П.Н. Милюковым, фактически на той же позиции идейной борьбы, также с допущением возможности коалирования с коммунистами, при известных условиях, отличаясь от социалистов большей, в силу своей идеологии, непримиримостью настроений в отношении большевизма и допуская возможность борьбы путем внутренних восстаний, зеленого шума и т.д.

4) На той же пассивной позиции стоят и некоторые другие течения русской антибольшевицкой мысли, хотя и, безусловно, национальные по своему содержанию. К ним относится «евразийство», исповедующее, несомненно, подлинную душу русского национализма (отрицание социализма, утверждение религии, но верящее в мистическое перерождение революции).

5) Верными принципу подлинной (всемерной) и вызываемой интересами России борьбы с большевизмом являются такие национальные объединения, как русский национальный комитет в Париже, российский торгово-промышленный союз (за границей), монархические организации и несоциалистическое движение на Дальнем Востоке. Все эти объединения, за некоторыми взаимными различиями, представляют единый антибольшевицкий лагерь. Отпадение от него вышеуказанных общественных элементов лишь внутренне его укрепило, освободило его от либерально-демократической расплывчатости и дало ему возможность выработать подлинную идеологию борьбы, заключающуюся в преодолении революции, как единственном средстве национального возрождения России.

Идеология преодоления революции повелительно диктует все средства борьбы с большевизмом, до оружия включительно.

Обстановка для такой борьбы (внешнее и внутреннее положение Совроссии) благоприятна.

6) Начавшееся в прошлом году несоциалистическое движение, приведшее к образованию Приморской национальной государственности, является подобно своим родственным объединениям, перечисленным в предыдущем пункте, по сущности идеологических построений соответствующим задачам национального возрожде-

ния России и реально жизненным. Но для своего развития и успехов оно нуждается в более определенных формах выражения своей идеологии и более отчетливом указании путей борьбы.

7) Идеология несоциалистического движения, ставшего на путь преодоления революции, должна быть определена как очевидная борьба против последней, для установления исторической преемственности национальной жизни русского народа как единственного средства воскрешения национального его духа.

Борьба против революции должна на началах идеи национально-исторической преемственности выработать формы социально-политического бытия, соответствующие данному моменту.

Идеи несоциалистического движения соответствуют внутренне-русским антибольшевицким настроениям, из которых главным и чрезвычайно важным по своей национальной сущности является православно-религиозное движение.

8) Всемерная борьба против большевизма всеми способами за возрождение России – вот ближайшие цели (пути) несоциалистического движения.

Идея областнического отмежевания, как цель местного несоциалистического бытия, должна быть ясно отброшена, как ненужная России и таящая в себе гибель несоциалистического движения.

Последнее может развиваться и быть поддержано (русскими силами и иностранной помощью) лишь в процессе выполнения задач борьбы за общероссийскую идею.

9) Нессоциалистическое движение для достижения успехов должно быть соответственным образом организовано:

а) Прежде всего, образованная им как средство борьбы государственность должна быть несоциалистической.

Несоциалисты должны занять в этой государственности руководящее положение. Из их только среды может быть выдвинута власть, которая, прежде всего, должна опираться на несоциалистические общественные круги.

б) Государственный строй должен быть также сконструирован в соответствии с поставленными целями борьбы. Он должен быть несоциалистическим, гибким, подвижным и способным принимать быстрые решения.

Практика парламентаризма, как вносящая внутреннюю борьбу в государственный организм, должна быть отброшена, и должно быть устранено все то, что мешает его единству и выполнению им поставленных перед ним целей.

Исполнительный аппарат также должен быть в своих руководящих верхах составлен из несоциалистов.

в) Общественному несоциалистическому организму должно быть придано исключительное значение. Это та партия (точнее, элементы русского народа), которая ведет активную борьбу.

Несоциалистический организм должен быть монолитен и внутренне един и должен быть организован на началах строгой дисциплины и выполнения каждым несоциалистом возложенных на него обязанностей.

Только при этом условии несоциалистическая общественность может выполнить свою историческую работу. Работа же эта должна быть признана имеющей государственное значение.

10) Построенный на таких началах государственно-общественный организм в состоянии выявить свои активные действия.

Последние же должны быть направлены:

а) Во-первых, в сторону внутреннего изыскания и увеличения своих общественных и физических сил, а равно и финансово-экономических средств.

б) Во-вторых, в сторону изыскания союза и поддержки внешних сил и средств, как русских, так и иностранных. Платформа объединения с иностранными силами – борьба против большевизма, как мировой опасности.

При заключении союза с иностранными силами вполне допустима возможность предоставления теперь же им компенсации, без чего изыскание союза почти невысказимо.

11) Несоциалистическая общественность должна выявить на Земском Собрании намеченные ею цели движения и пути их достижения, декларировать, что ближайшая цель есть борьба с большевизмом, а ближайшая задача – увеличение внутренних сил для борьбы и искание союза с антибольшевицки настроенными иностранными государствами и, прежде всего, державами Дальнего Востока.

Тезисы по тактическому докладу

1) Так как задачей Земского Собора является конструкция и избрание Верховной Власти в Приморье, то, в соответствии с этим, задачей тактического доклада становится выяснение тех основных принципов, в которых должна быть построена эта власть в интересах национального движения.

2) Задачей всего национального образования и выдвигаемой им власти является борьба за восстановление единой России. Для осуществления этой задачи должна быть выработана такая конструкция и организация власти, которая: а) обеспечила бы возможность осуществления и развития здешней государственности и б) способствовала бы осуществлению основного, общерусского национального задания – борьбы за восстановление России.

3) В отношении первого положения власть должна обладать двумя следующими принципами: а) она должна стремиться к объединению вокруг себя всех несоциалистических течений (т.е. весь правый фланг, основанный не только на принципах борьбы с социализмом, но и на признании невозможности дальнейшего государственного строительства из революции) и б) по своей конструкции и направлению деятельности она должна быть рассчитана на активное привлечение к национальному движению широких элементов населения.

4) В отношении второго положения власть по своей конструкции должна, прежде всего, обладать достаточной боеспособностью для ведения борьбы с активным социализмом, и рассчитана на привлечение к себе симпатий и поддержки антибольшевицких элементов Советской России.

5) Однако, обзор истории существования нашей Приморской государственности за истекший год приводит к выводу, что за этот год произошел разброд элементов несоциалистического движения.

Главнейшие причины этого явления следующие: а) революционная психология населения, б) тяжелое экономическое положение, в) совместные ошибки общественности и власти, г) недостатки конструкции власти.

6) Первые два элемента требуют продолжительного времени для своего прекращения, так как изжитие революционной психологии является результатом, с одной стороны, утомления анархией, а, с другой стороны, упорной борьбы сильной власти с этим явлением, а улучшение экономического положения требует, прежде всего, укрепления и устойчивости власти. Поэтому при избрании власти Земским Собором эти факторы не смогут быть быстро изменены.

7) Совместные ошибки общественности и власти привели их к расхождению. Необходимость прекращения этого положения и отсутствие в настоящее время на Дальнем Востоке лица, могущего своим именем объединить различные несоциалистические течения, вынуждает изыскать другие способы для прекращения этого поло-

жения. Таким способом является такая конструкция власти, которая даст возможность уничтожить дефекты, ныне существующие.

8) Конструкция органов нынешней власти создала трения как в среде Верховной Власти, так и между Верховной Властью и исполнительной и Верховной Властью и представительным органом. Постоянные трения между органами власти содействовали расхождению общественных кругов с властью. Поэтому при новой конструкции власти должна быть достигнута необходимая солидарность между органами власти. Для этой цели необходимо, прежде всего, создание полного единства воли Верховной Власти и безусловная подчиненность ей исполнительной власти. Кроме того, в целях сохранения доверия власти необходимо существование представительного органа, который, однако, должен быть поставлен в такие условия, при которых трения между ним и властью не могли бы препятствовать работе власти.

9) Кроме указанных выше конструктивных изменений для сохранения жизнеспособности новой власти необходима наличность у ее носителей подготовленности к государственной работе в настоящее время. Ввиду чего желательно, чтобы лица – все или некоторые – из входящих ныне в орган Верховной Власти, были призваны к продолжению государственной работы в соответствующих государственных органах.

10) Обзор состояния вооруженных сил Приморья устанавливает необходимость для прочного положения новой власти реконструировки взаимоотношений между ею и этими силами.

В революционный период только та власть оставалась жизнеспособной, у которой вооруженные силы находились в полном ее распоряжении. Поэтому задачей Приамурской власти является достижение органической связи и полного подчинения ей вооруженных сил государства.

11) Для осуществления властью ее основной власти – борьбы за восстановление России – прежде всего, необходимо создание ее боеспособности. Для достижения этой цели власть должна обладать единством воли и быстротой действия. Поэтому при конструировании новой власти должны быть устранены все элементы, могущие мешать этим основным качествам ее, вследствие чего представительный орган, требующийся в политических целях, должен быть заключен в такие юридические рамки, при которых его работа не могла бы явиться помехой в быстроте и планомерности действий Верховной и исполнительной власти.

12) В целях привлечения симпатий населения большевицкой России властью должны быть выдвинуты такие цели, которые могли бы быть поняты населению большевицкой России. Такой целью могло бы явиться освобождение России от большевиков.

Однако, при наличии пропаганды, этой одной цели еще не достаточно, необходимо определение характера той власти, которую предполагается создать по низвержению большевизма. В этих целях необходимо выявление несоциалистической властью своего стремления конструировать послебольшевицкую власть на исконных исторических началах Русской государственности.

Тезисы доклада о структуре власти и управления

1) Приамурский Земский Собор принципиально признает, что права на осуществление высшей государственной власти в России династии Дома РОМАНОВЫХ отнюдь не утеряны и принадлежат таковой впредь до созыва органа выявления общенародной воли.

2) В связи с этим положением, Собор считает целесообразным и, кроме того, соответствующим желанию населения возглавление национальной государственности Приамурья на правах Верховного Правителя одним из Великих Князей Династии Дома РОМАНОВЫХ, династией для сего рекомендованным.

3) По сим соображениям Земский Собор почитает необходимым высказать свое пожелание, чтобы избранное им Правительство выступило в переговоры с династией дома Романовых на предмет приглашения одного из Великих Князей на пост Верховного Правителя.

4) Правительство само определяет те условия, при которых это приглашение явится возможным, а равно и устанавливает как тех представителей династии, с которыми надлежит вступить в переговоры, так равно и способы приглашения.

5) В качестве Правительства, возглавляющего национальную государственность на Дальнем Востоке и именуемого Приамурским, Собор избирает коллегиальную власть в составе трех лиц.

6) Избранное Земским Собором Правительство осуществляет свою власть до наступления обстоятельств, которыми повелительно будет вызываться необходимость избрания новой власти (расширение территории, внутренние государственные отношения и т.д.). Наступление этих обстоятельств определяет само Правитель-

ство. Для избрания же новой власти Правительством созывается Земский Собор на началах, Правительством установленных.

Вторая редакция шестого тезиса.

Срок осуществления избранным Земским Собором правительством государственной власти определяется в один год, по истечении которого для избрания власти созывается Земский Собор на началах, правительством установленном.

7) В случае выбытия из состава правительства или смерти кого-либо из членов его оставшимися членами правительства созывается для избрания власти Земский Собор. В случае выбытия или гибели всего состава правительства Земский Собор созывается действующей исполнительной властью на началах, ею установленных. Исполнительной власти в этом случае присваиваются права временного Верховенства.

8) Председатель Правительства избирается Земским Собором. Порядок заместительства председателя также определяется Земским Собором, председатель является представителем последнего, принимает доклады как председателя Совета Управляющих Ведомствами, так и отдельных Управляющих Ведомствами, и делает им распоряжения, которые касаются управления, и исполнение которых подведомственно Совету Управляющих или отдельным Управляющим. Издание Указов, правительственных распоряжений, касающихся разъяснения законов и порядка их применения, издание приказов и назначение высших должностных лиц, утверждение договоров с иностранными государствами, а равно и издание других важнейших государственных актов принадлежит Правительству в целом. Конституция внутренних взаимоотношений Председателя и Членов Правительства должна быть определена Правительством в соответствии с указанными в этом тезисе началами.

9) Собор считает, что Правительству принадлежит право издания, изменения и пересмотра основных законов возглавляемой им государственности.

10) Основные законы должны находится в соответствии с задачами борьбы за возрождение России, а равно и с теми условиями внешнего и внутреннего (морального) значения, при которых эта борьба протекает.

11) В области конструкции и политики управления Земский Собор устанавливает нижеследующие положения, которые находятся в соответствии с теперешним государственным устройством Приамурья, либо соответствуют задачам несоциалистического движения.

а) Органу Народного представительства принадлежит лишь законодательные функции, осуществляемые им совместно с правительством, право запросов и право возбуждения вопроса о передаче суду, в установленном законом порядке, Управляющих Ведомствами за преступления, совершенные ими по должности. В политическом отношении Совет Управляющих ведомствами ответственен только перед Верховной властью, и только указаниями последней руководится в своей деятельности.

б) Аппарат государственного управления должен быть гибким, подвижным и, в целях экономии государственных средств, сокращен в соответствии с территориальными и экономическими масштабами государственности.

в) Избранное Земским Собором Правительство немедленно по своем избрании должно декларировать свою верность национальному (несоциалистическому) движению, его основным лозунгам и задачам.

г) Политика управления и, в частности, приглашение агентов исполнительной власти на государственные посты должны соответствовать существу и задачам национального движения.

д) В соответствии с опытом протекшего года несоциалистического движения 3-я сессия несоциалистического Съезда должна высказаться за необходимость замены избираемого, на основании всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Народного Собрания законодательным органом, построенным на началах представительства от общественных национальных организаций и сословий, с участием в нем персонально приглашенных людей государственного опыта и знания в количестве членов, не обремененном для государственности. Такой законодательный орган может быть наименован Государственным Советом. Соображения по этому вопросу несоциалистический Съезд должен представить Правительству.

ГА РФ. Ф. 6116. Оп. 1. Д. 19. Лл. 1-9.

Доклад на Соборе Командующего Войсками Временного Приамурского Правительства генерал-лейтенанта Дитерихса

В заседании Комиссии по обсуждению докладов Правительства, имевшем место 3-го августа с.г., генерал-лейтенант Дитерихс сделал доклад об объединении армии следующего содержания.

Прежде всего докладчик указал, что разъединение армии не является фактом сегодняшнего дня, ни даже следствием революции 17-го года, но что оно явилось результатом того идеологического поворота, который произошел в строительстве Русского государства в 1905 году. Тогда впервые армия стала принимать участие в борьбе отдельных политических партий. Появились в армии сторонники конституционного строительства и сторонники сохранения старых исконных начал Русской государственности, основанные на принципе: «Царь, вера, земля». Это разъединение, начавшееся в 1905 году, достигает своего апогея в 1917 году, когда революционное движение окончательно разошлось с психологией и стремлениями русского народа.

Армия есть народ. Только та правительственная структура жизненна, которая отвечает стремлениям армии, т.е. народа. Русский народ не мыслит и не мыслит себе иной государственности, как основанной на Царе – помазаннике Божиим на Вере и Земле. Поэтому окончательное, общее объединение армии может быть только достигнуто тогда, когда структура русской власти вернется к исконным началам Русской государственности и объединится народом всей Русской земли.

Докладчик придает особое значение Земскому Собору и создаваемой им власти. Если Земский Собор сумеет создать структуру, соответствующую стремлениям народной идеологии, то этим он положит начало для объединения всей армии.

Далее докладчик отметил, что хотя он мыслит возможность окончательного объединения армии лишь с установлением в восстановленной России старых форм русского государственного устройства, но что из этого не следует, чтобы в настоящее время нельзя было принимать тех или иных мер для постепенного приближения армии к идее этого полного объединения.

Таковыми путями являются: 1) Строгое проведение принципов законности, причем этот принцип законности не должен быть только механическим, но задача начальников армии внедрить его в сознание всех лиц, входящих в состав войск. Успеху такой работы способствует установление принципа строгой законности и во всем государственном организме. 2) Вытекающий из принципа законности принцип справедливости. Под этим следует подразумевать: справедливость не только в карании отдельных лиц, но и в распределении довольствия, в распределении служебных обязанностей между отдельными частями и т.д. 3) Необходимое условие – это гарантирование армии хотя

бы минимума содержания, так как настоящее положение, при котором армия терпит порой даже в самом необходимом, является, конечно, материалом для возбуждения недовольства и брожения.

Докладчик констатирует наличие здесь различных группировок и находит, что это явление понятно с точки зрения исторического образования отдельных воинских частей и не вредит воинской мощи всей армии.

Отсутствие объединяющей идеи армии, которой, как было указано выше, является Царь – помазанник Божий, Вера и Земля, создало у современных воинских частей тяготение к отдельным лицам – вождям движения. Отсюда воинские группировки: Колчаковцы, Деникинцы, Каппелевцы, Семеновцы. Отсюда отсутствие полного, внутреннего объединения между этими отдельными группировками.

На Дону такая неувязка имела место между войсками Каледина, Алексеева и Корнилова. Здесь – между Каппелевскими и Семеновскими. И если бы сюда привести Врангелевские войска, то между ними и местными группировками произошла бы та же необъединенность.

Таким образом, надо принимать армию такой, какова она есть. Группировки есть, и они имеют свое историческое образование. Следовательно, с этим необходимо примириться. Ошибка Приморья заключалась в том, что механически стремились уничтожить отдельные группировки, что создавало крайнюю вражду со стороны уничтожаемых. Этот путь надо оставить. Необходимо дать жизнь всем группировкам и соблюдать по отношению ко всем три основных принципа, которые указаны выше: законность, справедливость и хотя бы минимум материального благосостояния.

При такой постановке вопроса существование отдельных группировок не принесет вреда армии, а впоследствии совершенно изживется как причина необъединяемости.

Русская армия. Владивосток. № 156. 4 августа 1922 г.

Заседание Земского Собора 4 августа 1922 г.

При открытии заседания председатель Собора проф. Миролюбов докладывает обстоятельства, при которых велись переговоры с Н.Л. Гондатти (камергер, бывший Томский губернатор – прим. сост.).

Из этого доклада выясняется, что председателю Земского Собора не удалось вызвать Н.Л. Гондатти к прямому проводу, но получена от него телеграмма, в которой он заявляет, что «узнав из только что полученной телеграммы от С.Д. Меркулова, что вчерашнее заседание Земского Собора закрыто распоряжением Председателя Вр. Приамурского Правительства», свою кандидатуру решительно снимает.

С.Д. Меркулов докладывает текст телеграммы, посланной им накануне ночью Н.Л. Гондатти, в которой он извещает его, что ему обеспечено избрание на пост Правителя Приморья большинством более четырех пятых членов Собора, но что он не допустил производства выборов в предыдущем заседании Собора, ибо считал, что без категорического, безоговорочного согласия с его, Гондатти, стороны выборы произвести нельзя. Телеграмма эта была послана с согласия Председателя Земского Собора. В ответ получилась телеграмма, уже оглашенная президиумом. Кроме того, С.Д. Меркулов указывает, что он информировался о настроении Н.Л. Гондатти через третье лицо, проживающее в Харбине, и также получил телеграмму, что Гондатти откажется приехать в Приморье.

Далее, указав на то, что имеется еще кандидатура М.К. Дитерихса, С.Д. Меркулов подробно излагает те причины, по которым он считал необходимым снять свою кандидатуру.

Г.г. члены Земского Собора, заявляет С.Д. Меркулов, я к власти не стремился никогда. Когда на первом несоциалистическом съезде было постановлено, что президиум, в который я входил, должен будет принять власть, я категорически отказывался. И лишь после долгих настояний, после того, как ко мне обратились представители командования, лично мало меня знавшие, я счел необходимым принять власть, но сказал при этом, что «власть сделаю, но во власть не пойду». Тогда же я представил проект организации власти в составе коллегии из трех лиц, в число которых я не входил, но проект этот был отклонен, и мне после долгих и многих настояний пришлось войти в состав власти.

Когда прошел первый медовый период власти, когда начал обозначаться некоторый разлад между отдельными группировками, я хотел отойти, я хотел просто перейти на пост председателя Совета Министров, однако мне этого не позволили сделать.

В связи с ростом трений, с появлением всевозможных недоразумений, у меня явилась мысль, особенно после того, как был отвергнут проект правительства об учредительном съезде и прошел

проект чисто коммунистический, — тогда, я говорю, у меня явилась мысль создать особый орган, который бы выбрал новую власть, тогда у меня родилась идея Земского Собора. Но мне не дали тогда осуществить этот проект, по слабохарактерности своей я согласился не проводить его в жизнь, и вот случились события 11 июня.

После того, как Япония объявила об эвакуации своих войск, я решил, что должен остаться, так как считаю, что в каком бы положении не очутилось Приморье, я не имею права отказаться от исполнения своего долга.

И вот была осуществлена идея этого Собора. Я заявлял, и те лица, кому я это говорил, могут подтвердить, что, если меня не изберут на пост в новую власть, я буду благодарить тех, благодаря кому я не выбран, и буду благодарить Бога.

Но затем произошли новые обстоятельства. Неприемлемым лицом в аппарат власти считался я. Когда приехали новые лица, новые птицы, то стали говорить о выборах новой власти. Я же считал, что новой власти не должно быть, что должна быть сохранена преемственность между уходящим составом власти и вновь избираемым. И вот здесь, в стенах так называемого Земского Собора, по моему, уже потерявшего значение Собора, вижу лишь борьбу отдельных групп. Я слышал много грязных инсинуаций по своему адресу. Я должен сказать, что не только не агитировал за себя, но запрещал за себя агитировать.

В заключение своей речи С.Д. Меркулов указывает, что он ничего не имел против кандидатуры Н.Л. Гондатти, наоборот. Сам же к власти он не пойдет.

Деп. Протопопов. Да простит мне Председатель Вр. Приамурского Правительства, но я с ним не соглашусь: я считаю, что Земский Собор остался и что отдельные члены его будут продолжать высказывать свои мнения независимо от посторонних влияний. Предложение, которое я сейчас внесу, я внесу от себя лично, ибо события идут так скоро, что мне не удалось побеседовать со своими коллегами по фракции.

Я должен сказать прежде всего, что случилось то, чего мы боялись: Н.Л. Гондатти отказался. С Собором поиграли, из него хотели сделать какое-то орудие. Когда в предыдущих заседаниях мы обсуждали вопрос о структуре власти и остановились на принципе власти единоличной, мы связывали эту единоличную власть с именем Н.Л. Гондатти. Теперь у власти остался один принцип без его внутреннего содержания.

У нас, правда, есть еще одна кандидатура – генерала М.К. Дитерихса. Но, господа, вчера мы говорили о единоличной гражданской власти, а сегодняшней кандидат – лицо военное. У нас в перспективе военная диктатура. Я не вхожу в обсуждение того, что сулит нам эта диктатура, но считаю, что решать опрометчиво такой вопрос нельзя.

По долгу принятой мною присяги я говорю, что я не разобрался в создавшейся новой обстановке и считаю, что не могу через пятьдесят минут приступить к голосованию по долгу совести.

Я предлагаю отложить вопрос обсуждения на 1–2 дня.

Деп. Свящ. Антониев предлагает устроить перерыв на 1 час, причем указывает, что что-то в переговорах с Н.Л. Гондатти скрыто, не договорено. Я имею по сему поводу данные, – говорит он, – которые оглашу на закрытом заседании.

С.Д. Меркулов считает, что заявление о. Антониева – инсинуация, и предлагает ему открыто сказать, что он думает. Деп. Антониев категорически отказывается сообщить известные ему факты в открытом заседании.

Н.П. Васильев предлагает устроить перерыв на один час, после которого назначить закрытое совещание членов Земского собора.

Н.Д. Меркулов предлагает не откладывать вопроса о выборе власти и решить его в этом же заседании.

По вопросу о продолжении заседания или о перерыве говорит еще ряд ораторов.

Деп. Грызов указывает на пробел в работе Земского Собора по вопросу о структуре власти. Принцип структуры власти вложен в определенное понятие, но понятие это оставлено без содержания. Необходимо вложить в принцип Приморской единоличной власти подобающее внутреннее содержание, выработать начатки Приморской конституции и только после этого приступить к выборам власти.

Высказывается еще ряд ораторов по вопросу о перерыве. В результате прений голосованием принимается предложение П.П. Васильева о назначении перерыва на один час, после чего назначить закрытое частное совещание членов Собора, а открытое заседание назначить на завтра.

Перед самым открытием заседания оглашается только что полученная телеграмма от Н.Л. Гондатти: «Остаюсь при прежнем решении».

Заседание закрывается в восемь часов вечера.

Заседание Земского Собора 5 августа 1922 г.

Вчера в закрытом частном совещании Земского Собора, открывшемся в 12 часов и продолжавшемся до 3 часов дня, в связи с отказом Н.Л. Гондатти баллотироваться в Верховные Правители, была выдвинута на этот пост кандидатура М.К. Дитерихса.

Поднятый в связи с отказом Н.Л. Гондатти вопрос о пересмотре решения относительно структуры власти большинством был отклонен, и большинство выступающих ораторов высказывались за генерала Дитерихса.

Баллотировка кандидатуры М.К. Дитерихса дала следующие результаты: «за» подано 155 голосов, «против» – 25 голосов.

Сегодня в 5 часов вечера открытое заседание Земского Собора, на котором будут произведены окончательные выборы власти.

Русская армия. Владивосток. № 157. 6 августа 1922 г.

Заседание Земского Собора 8 августа 1922 г.

Редким, незабываемым был день шестого заседания Земского Собора, на котором состоялась торжественная передача Верховной Власти русского Дальнего Востока избранному Правителю генерал-лейтенанту Дитерихсу.

Заседание открывается в 4 ч. 15 мин.

Предс. Правительства С.Д. Меркулов. Шестое заседание Земского Собора объявляю открытым. Прошу помолиться. После молитвы председатель правительства зачитывает указ о передаче власти. Прошу Правителя Приамурского государственного образования занять место главы правительства.

Генерал Дитерихс на условиях, указанных в сем указе, Верховную власть принял 8-го августа 1922 года. (Крики «Браво», «Ура»).

Председ. Земского Собора профессор Миролюбов просит секретаря огласить грамоту Земского Собора на имя Правителя Приамурского Государственного образования.

Секретарь оглашает следующую грамоту.

ГРАМОТА ЗЕМСКОГО СОБОРА

Правителю Приамурского Края
ген.-лейт. Михаилу Константиновичу Дитерихсу

Приамурский Земский Собор в заседании своем 6 августа (24 июля) 1922 года избрал Вас Правителем, возглавляющим на правах Верховной Власти Приамурское Государственное Образование.

Запечатлев и удостоверив сие настоящей грамотой, Приамурский Земский Собор призывает Вас к восприятию власти и возглавлению русского национального движения, а равно и к водительству русскими ратными силами Дальнего Востока.

Призывая на Вас Благословение Божие, Русская земля Дальнего Русского Края объединяется вокруг Вас, как своего Водителя и Вождя, с пламенным желанием вернуть русскому народу свободу и собрать воедино бредущих розно в смутную годину русских людей под высокую руку православного Царя.

Да восстановится святая Русь в ее прежнем величии и славе.

С.Д. Меркулов. Ваше Высокопревосходительство, Господин Правитель Приамурского государственного образования. Господь призвал Вас на путь тяжелого, но великого дела возрождения нашей истерзанной и великой родины. На том пути много легло жертв в этот революционный период. Много выстрадала наша многострадальная родина. Она ждет своего избавителя, ждет его с Востока. Всевышний Господь призвал Вас на это великое дело, которое полтора года тому назад было начато здесь Вашими единомышленниками по любви к родине. Дело это было трудное, и Господь благословил его, доказательством чего является настоящий Земский Собор и то великое дело перелома революционной эпохи Русской истории, который совершается ныне здесь. Труден и тернист будет Ваш путь, но Вам, славный герой и Вождь, опытный государственный деятель, известны тернии, по которым шла родина и в которых принимали Вы участие и личное, а главное, страдая за государство. Одно чувство должно охватить и обуревать Вас, многоуважаемый Михаил Константинович, как и всех здесь присутствующих, а через них и все население русского Дальнего Востока. Это чувство – уверенность, что при объединении, основанном на любви к родине, на любви и полном доверии к нашему избранному вождю, при единении, основанном на жертвенности, Вы, глубокоуважаемый Михаил Константинович, преодолете все препятствия и доведете дело до

восстановления нашей Великой Родины под сенью Монархии. (Аплодисменты). Мужайтесь, наш доблестный вождь, мужайтесь, многоуважаемый Михаил Константинович, Господь Вам поможет. Помощь Господня никогда не оставляла Вас до сих пор. Господь да благословит Вас. (Шумные аплодисменты).

М.К. Дитерихс. Горячо признателен Вам, Спиридон Дионисиевич, за высказанные Вами сердечные и искренние пожелания. Приемлю я власть уже в достаточной мере обеспеченную, имеющую под собою прочную, полуторагодовую почву работы всего правительства под Вашим руководством. В вашем лице приветствую бывшую национальную Приамурскую власть и вместе с Вами – бывших сотрудников, членов Правительства. (Крики «ура», аплодисменты).

Миролюбов. Ваше высокопревосходительство, доблестный вождь Михаил Константинович. От имени Земского Собора, так единодушно избравшего вас на пост правителя Приамурского государственного образования, имею честь приветствовать Вас и пожелать в дальнейшей Вашей работе полного успеха. Ваше избрание есть избрание Провидения Божия. Это перст Божий, указующий пути деятельности не только отдельного человека, но и каждого народа. Труден, но славен путь Вашего Правительства, труден потому, что Россия, как я уже говорил, находится на дне той пучины, куда ввергли ее враги русского народа. Но я верю, и вместе со мною верит Земский Собор, что вы своею деятельностью постараетесь при помощи лучших русских людей вызволить наш русский народ из этой самой пучины. Пять лет наша родина страдает под игом изуверов и фанатиков, под игом иноплеменников, не понимающих идеалов русского народа, под игом интернационалистов, повергших в прах наши русские идеалы. Русский народ, под влиянием демагогии, утомленный Великой войной, не мог понять и в свое время не понял своих вождей, которые прикинулись таковыми вождями. Это были волки в овечьей шкуре, и только теперь, спустя почти пять лет, испытав на себе все прелести этого, так называемого земного рая, русский народ осознал и сознает, с какого истинного пути сведен он извергами народа, и та анархия, которая царит теперь там, вдали от нас должна быть в корне уничтожена. Закон и порядок должны быть поставлены во главу угла, а не та дикая революционная совесть, которая поставлена этими изуверами во главу управления и царствования над народом. Мы думаем, верим и надеемся, что Вы именно тот вождь, который восстановит наш русский народ, поставит его на

правильный национальный путь, и вы доведете его до того конца, когда русский народ возглавит единый Державный Хозяин Земли Русской, который возвратит России ее великодержавное значение. Труден и многострадален будет Ваш путь, но славен в конце. Да будет же над Вами благословение Божие. Да здравствует доблестный вождь Михаил Константинович, да здравствует Великий Русский Народ. Бог Вам на помощь. (Ура. Аплодисменты).

Генерал-лейтенант Дитерихс в краткой речи благодарит за оказанное ему доверие. (Единодушные аплодисменты и крики «ура»).

После этого профессор Миролюбов от лица Земского Собора приветствует и приносит благодарность членам бывшего Временного Приамурского Правительства за прошлую его деятельность.

С кратким ответом выступает С.Д. Меркулов и благодарит Собор.

Далее целый ряд ораторов от всех фракций и групп Земского Собора приветствует нового главу государственности и благодарит прежнее правительство.

По окончании речей 10-ти ораторов был объявлен перерыв, во время которого Правитель и члены Земского Собора во главе с крестным ходом проследовали в кафедральный собор.

Здесь Правитель принял присягу, после нее был отслужен молебен.

По возвращении процессии в здание Земского Собора возобновились приветственные речи ораторов.

Выступали 12 членов Земского Собора.

После небольшого перерыва слово берет Правитель генерал-лейтенант Дитерихс.

Речь Правителя генерал-лейтенанта Дитерихса

Господа члены Земского Собора! Мне хочется, прежде всего, высказать вам то громадное духовное и моральное удовлетворение, которое я, как Дитерихс, получил сейчас при своем избрании от тех решений идеологического и принципиального характера, которые вынесены Собором. Как Правитель, я считаю своей обязанностью высказать заключение о том, что сделал в истории строительства русской Земли здешний Приамурский Земский Собор.

В несчастную ночь с 27 на 28 февраля под влиянием дурмана Россия встала на революционный путь. С одной стороны, возник революционным порядком временный Исполнительный Комитет

из состава членов Государственной Думы, с другой стороны, параллельно с ним и одновременно также революционным порядком создалась другая революционная организация верховной власти страны – Совет солдатских и рабочих депутатов Петроградского гарнизона. Две революционные силы, одновременно выброшенные волной на поверхность страны, встретились, столкнулись и оказались во взаимной вражде одна с другой.

Если после этого временный Революционный Комитет Государственной Думы не смог удержать власти в своих руках, то также и этот Совет солдатских и рабочих депутатов, который создался в ночь на 28 февраля, тоже не смог этой власти удержать, и оба уступили через 7 месяцев власти советских пришельцев из-за границы.

В чем в этих событиях выражался удар, нанесенный идеологии русской государственности? Не только в том, что уже намечено было обеими сторонами – отречение Государя Императора, не только в этом.

Удар был гораздо сильнее, гораздо глубже, и в течение 5 лет до созыва этого Земского Собора мы этого удара еще не отразили.

Еще в 1880 году наш великий пророк и писатель Достоевский в своем письме к Грановскому писал: «Когда народ в стремлении своего государственного обогащения теряет принципы религиозно-нравственные, он, в сущности, теряет способность и быть государством, так как у него остается единственный принцип единиться во имя спасения животишек».

Утратив эти принципы религиозно-нравственных основ, мы пытались объединиться только для спасения наших животишек. И скажу, что не только мы, но ныне и весь мир в своих попытках объединения, в своих попытках прийти какому-либо решению в Гааге, Генуе и Лондоне и т.д. стремится объединиться для спасения животишек.

И вот, господа, заслуга Земского Собора, самая громадная, удовлетворившая меня в страшных размерах и дающая мне колоссальнейшую веру в то, что, безусловно, это есть начало нашего возрождения сейчас, заключается в том, что начало возрождения нашей религиозной идеологии Земский Собор разрешил смело, открыто, во всеуслышание.

Эта идеология зиждется не только на том, что сейчас мы должны снова вернуться к идее России монархической. Этого мало.

Но Собор своими постановлениями еще подтвердил второй принцип этой идеологии. Первой нашей задачей стоит единственная

исключительная и определенная борьба с советской властью – свержение ее. Далее – это уже не мы. Далее это будущий Земский Собор. Это чрезвычайно важно, потому что до сих пор этот принцип не был чистым, и постоянно возникавшие русские власти, кроме Приамурской, постоянно преследовали принцип Верховенства Всероссийского, т.к. они ставили не только принцип борьбы с Советской властью, но и возглавление всей России. Это была странная ошибка.

И то, что Земский Собор отверг этот принцип, хотя бы в той форме, что он отверг звание Верховного Правителя, он этим самым и подчеркнул эту нашу идею.

Борьба сейчас должна быть не на жизнь, а на смерть с Советской Россией.

Мы можем нашу борьбу возглавлять династическим лицом, но все равно сейчас стоит перед нами одна задача – борьба с Советской властью, низвержение ее.

После этого мы можем сказать Господу Богу: «Ныне Ты нас отпускаешь, будут работать другие».

Третий принцип – это идеология, установленная Земским Собором, говорит то, что теперешнее призвание Правителя для этой борьбы, кем бы она ни была, даже хотя бы из династии Романовых, не могут смотреть на себя в данную минуту, как на верховных. Помазанник в будущей России, ибо вопрос сей опять-таки разрешается не нами. Династия Романовых могла бы быть помазанниками, но для нас смертных нельзя и мечтать о том, чтобы принять на себя звание Правителей всей России.

Мы – Правители борьбы с Советской властью и Правители тех государственных объединений, которые для этого рождаются.

Когда я услышал эти три начала, я получил внутри себя такое громадное моральное удовлетворение и ту колоссальную меру, которая дает мне смелость сказать: «На этих трех принципах мы пойдем к успеху, и успеха достигнем».

В истории будущей России работа теперешнего Земского Собора будет отмечена, безусловно, ярким светом, ибо она для людей, борющихся до сих пор в течение пяти лет и жаждущих этой борьбы, дает тот фундамент, прочный фундамент, при котором надежды у нас, безусловно, воскресают.

Я, безусловно, смело могу сказать, что на этих принципах пойдет и сильнейшее объединение наших вооруженных сил, на этих же принципах пойдет и сильнейшее объединение народа земли и на этих же принципах пойдет и сильнейшее объединение народа здеш-

ней земли с народом Советской России, с народом, который остался таким же, каковы и мы есть.

Теперь, Господа члены Земского Собора, я обращаюсь к Вам уже только как Правитель и к вам, как гражданам земли Приамурского государственного объединения.

Раньше, чем его читать, я должен сказать, что уверен в том, что Вы его примете с тем молчаливым, серьезным сосредоточением, которое нужно мне для того, чтобы не упала во мне вера в дальнейшем служении той идее, которую вы на меня возложили.

(Зачитывается Указ № 1).

Огласив указ, Правитель продолжает:

В состав Земской Думы от Собора войдут на выборных началах 21 человек. 8 членов из состава Собора войдут по своему служебному положению, а 5 членов мною будут назначены по моему усмотрению, допуская назначение и не из состава Собора.

Духовенство выборам не подлежит, т.к. оно примет участие на Церковном Соборе.

Военные, исключая военных казачьих, войсковых правительств, также в Земской Думе участия принимать не будут.

Затем поименно прошу не выбирать следующих лиц, т.к. они войдут в Земскую Думу по своему служебному положению в будущей структуре власти, о которой объявлю завтра вечером, когда получу список выбранных Вами Членов Земской Думы: Владивостокский Городской Голова, Председатель Земской Областной Управы, Члены Земского Собора: В.П. Разумов, А.Ф. Кациенко, Н.Д. Меркулов, М.Я. Домрачев, генерал Савицкий, атаман Толстов и Бурдуков.

Русская армия. Владивосток. № 158. 9 августа 1922 г.

УКАЗ

Временного Приамурского Правительства
№ 191

г. Владивосток

8 августа 1922 г.

В виду обнаружившейся трудности Верховного Управления при существовании коллегияльной формы органа Верховной Власти, необходимости найти способы к наибольшему объединению всех национальных сил, а равно вследствие желания Председателя

Вр. Приамурского Правительства С.Д. Меркулова сложить с себя высокие обязанности Верховного Управления и передать их, если население Приамурского Государственного Образования признает нужным, законным порядком на основах полной преемственности другим лицам, Указом Временного Приамурского Правительства от 6-го июня 1922 г. № 149 был создан во Владивостоке Земский Собор.

Сему Собору Правительством указано было – выявить желание народное о том, сохранять ли далее орган Верховной Власти в форме коллегиальной или же вручить ее одному лицу, а равно избрать затем, путем закрытого голосования лицо или лиц, коим могла быть преемственно передана Верховная Власть Вр. Приамурским Правительством.

Во исполнение сего Указа Земский Собор собрался 23-го июля 1922 года и после 14-дневной работы – по Божьему благословению – пришел к решению, одобренному и Вр. Приамурским Правительством, о том, чтобы права и обязанности Верховной Власти были вручены Вр. Приамурским Правительством одному лицу, каковым всенародно Земский Собор и избрал Командующего Войсками и Флотом Вр. Приамурского Правительства генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса.

Во исполнение воли Божией, проявленной через лучших русских людей, собравшихся на Земском Соборе, Вр. Приамурское Правительство ПОСТАНОВИЛО:

Сложить с себя и передать Верховную Власть над Приамурским Государственным Образованием генерал-лейтенанту Михаилу Константиновичу Дитерихсу на следующих основаниях:

А) Михаил Константинович Дитерихс является Главой и полным преемником власти, прав и обязанностей Вр. Приамурского Правительства, руководствуясь в своей деятельности, как Верховная Власть, основными законами Российской Империи, применительно к условиям места и времени, следуя заповедям Божиим и исконным историческим началам Русской Земли;

Б) Председатель и члены Временного Приамурского Правительства возвращаются в первобытное состояние граждан Приамурского Государственного Образования;

В) Все совершенные ими по званию и долгу Председателя и Членов Вр. Приамурского Правительства действия по делам Государственного Управления, за все время бытности их в сих званиях, осуждению и отрицательной оценке (критике) не подлежат;

Г) Все секретные расходы, утвержденные актом Государственного Контролера, почитаются государственной тайной, и

Д) Все расходы Председателя и Членов Вр. Приамурского Правительства еще не утверждены Государственным Контролером, но на кои имеются и будут представлены оправдательные документы, подлежат принятию за счет государственной казны, с утверждением отчетов по секретным расходам в особом порядке, установленном Вр. Приамурским Правительством для таковых отчетов.

Председатель Правительства С. Меркулов

Члены Правительства: А. Макаревич
Адерсон
Н. Меркулов

Скрепил:
Председатель Совета
Управляющих Ведомствами ст. Ефремов

На подлинном собственною рукою генерал-лейтенанта Дитерихса надписано:

«На условиях, указанных в сем Указе Верховную Власть принял».

8 августа 1922 г.

Правитель Приамурского Государственного Объединения
генерал-лейтенант Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 158. 9 августа 1922 г.

ПРИКАЗАНИЯ

Войскам и Флоту Временного Приамурского Правительства

№ 12

8 августа 1922 г.

Кр. Владивосток

В четверг 10 августа в 11 часов в Кафедральном Соборе состоится торжественное молебствие по случаю закрытия Земского Со-

бора и избрания Новой Власти, а после молебствия состоится парад всем Войскам Гарнизона и Флота.

Командующим Войсками и Флотом приказал:

1. На торжественное молебствие и Парад вывести без винтовой всех свободных от нарядов людей частей Гарнизона Владивостока, Флота, Военного Училища и Кадетских Корпусов.

2. Всем Парадом командовать командиру 3-го Стрелкового корпуса генерал-майору Молчанову.

Вр.и.д. начальника штаба,
Генерального штаба генерал-майор

Петров

№ 13

11-го сего августа в 12 часов дня Главным Муллою Войск и Флота Ахуном Мурзенковым для жителей г. Владивостока будет совершено общее богослужение по 1-ой Морской ул. в д. № 17 (здание училища).

Командующий Войсками и Флотом приказал освободить всех воинских чинов – магометан от служебных занятий и нарядов для присутствия на указанном выше богослужении.

Вр.и.д. начальника штаба,
Генерального штаба генерал-майор

Петров

Русская армия. Владивосток. № 158. 9 августа 1922 г.

ПРИСЯГА,

данная Правителем Приамурского Земского Края и Воеводой Земской Рати генерал-лейтенантом Дитерихсом в Успенском Кафедральном Соборе г. Владивостока 8 августа 1922 г.

Обещаю и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним в том, что принимаемое мною по воле и избранию приамурского Земского Собора возглавление на правах Верховной Власти Приамурского Государственного Образования со званием Правителя – приемлю и сим возлагаю на себя на время смуты и нестроения народного с единой мыслию о благе и пользе всего населения Приамурского Края и сохранения его, как достояния Российской Державы.

Отнюдь не ища и не преследуя никаких личных выгод, я обязуюсь свято выполнить пожелание Земского Собора, им высказанное, и приложить, по совести, всю силу разумения моего и самую жизнь мою на высокое и ответственное служение Родине нашей России, блюдя законы ее и следуя ее историческим исконным заветам, возвещенным Земским Собором, памятуя, что я во всем том, что учиню по долгу Правителя, должен буду дать ответ перед Русским Царем и Русской Землей.

В удостоверение сей моей клятвы, я – пред алтарем Божиим и в присутствии Земского Собора – целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

Русская армия. Владивосток. № 158. 9 августа 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Государственного объединения
№ 1

8 августа 1922 г.

Волею Приамурского Земского Собора сего 8-го августа 1922 года я принял Верховную Власть над Приамурским Государственным Объединением на твердых, незыблемых началах основных законов Российской Державы и руководясь исконными историческими заветами Российского Государства. Приамурскому Государственному Объединению впредь именоваться Земским Приамурским Краем.

Тысячу лет росла, ширилась и крепла Великая Русь, осуществляя смысл своего Государственного единения в святом Государстве и Земле. И всегда, когда этот величественный завет нашей истории, освященный Христовой Верой, твердо, верно и сознательно исповедывался всем народам земли Русской, Русь была могучей, сильной и единой в служении своему религиозному, историческому, мировому предназначению – быть Россией Христа.

Но бывали в нашем бытии года и великих соблазнов и искушений сойти с истинных национальных путей, отказавшись от того или другого из заветов исторического символа. Народ впадал в грех против Богом данной ему идеологии, и тогда постигали землю Русскую великие смуты, разорения, моры и глады с пленением различными иноверцами и иноплеменниками. И только с искренним покаянием в отступничестве, с горячим порывом массы к возвраще-

нию снова на путь исторических, святых начал своего единения, в дружном, тесном, беззаветном и самоотверженном служении своей Родине, и только ей, народ обретал прощение греха и возвращал Святую Русь к прежним величию и славе. А вместе с возрождением земли возрождалось и благоденствие и мир самого народа под скипетром его наследственно-преемственного Державного Вождя – Помазанника, в значении коего для русской монархической идеологии тесно объединяются Верховная Власть от Бога с Богохранимым народом всея земли.

По грехам нашим против Помазанника Божьего, мученически убиенного советской властью Императора Николая II со всею Семьею, ужасная смута постигла народ Русский, и Святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству безбожных русских и иноплеменных воров и грабителей, руководимых изуверами из еврейского племени, отрекшихся и от своей Иудейской веры.

Пять лет народ земли, разметанный гневом Божьим, несет наказание за свой грех, несет тяжелый, но заслуженный крест за безумное попрание святого исторического завета, за уклонение в своем символе от исповедания чистоты веры православной и от святыни Единой Державной власти от Бога.

Но милостив Творец к своей Святой Руси, и молитвы кающегося народа «всея земли» услышаны и приняты Им. Близится час прощения и освобождения. Мы уже «у дверей».

Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на Земский Собор, единую мысль и единую веру: «России Великой не быть без Государя, не быть без преемственно наследственного Помазанника Божьего». И перед собравшимися здесь, в маленьком телом, но сильном верой и Национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоит задача, доли и благой крест направить все служение свое к уготовлению пути Ему – нашему будущему Боговидцу.

Скрепим, соединим в одну силу оставшиеся нам от исторического символа святые заветы Веру и Землю; отдадим им беззаветно свою жизнь и достояние; в горячей молитве очищенных от земных слабостей сердцах вымолим милость Всемогущего Творца, освободим Святую нашу Родину от хищных интернациональных лап зверя и уготовим поле будущему Собору «всея земли». Он завершит наше служение Родине, и Господь, простив своему народу, увенчает родную землю своим избранником – Державным Помазанником.

Приняв на себя Святым Евангелием Христа и Его животворящим Крестом сей благой и славный путь, предначертанный мне Приамурским Земским Собором, творя с верою и упованием свой первый шаг в служении земле – Повелеваю:

Земскому Собору, созыва 23-го минувшего июля, выбрать из своей среды Земскую Думу людей земли Приморской на основании расчета, при сем объявляемого.

Приамурская Земская Дума, в единении и работе с Приамурским Церковным Собором, о созыве коего я обращаюсь вместе с сим к Владыке Мефодию, Архиепископу Харбинскому и Маньчжурскому, создадут мне последующий шаг в служении Великой Родине по пути, возложенному на меня Земским Собором.

С верой в милость к нам Бога, я поведу по этому пути Вас, людей земли Приамурского Края.

Вас же всех людей зарубежной, советской угнетенной земли Русской, кто верит в Бога и опознал уже истинное лицо и ложь Советской власти, коммунистов и их приспешников – воров, зову к нам, зову с нами ко Христу. Мы бедны в земле, но с нами Бог.

Правитель Приамурского Земского Края и
Воевода Земской Рати генерал-лейтенант

Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 158. 9 августа 1922 г.

Состав Земской Приамурской Думы

	По имущественному цензу	Число членов
1	От сельского населения	5
2	От города Владивостока	2
3	От города Никольска	1
4	От Уссурийского казачества	3
5	От приходов	3
6	От поселковых управлений	1
7	От Торгово-Промышленного класса	1
	По имущественному или деловому цензу	
8	От несоциалистических организаций Владивостока	2
9	От несоциалистических организаций Никольска	1
10	От Бюро Профессиональных союзов	1

11	От Мусульманского Общества	1
	По служебному положению (из числа членов Земского Собора)	8
	По моему назначению (могут быть не из числа членов Земского Собора)	5
	ИТОГО	34

Состав Земской Думы

В число членов Земской Думы входят следующие лица:

1) По служебному положению:

В.П. Разумов, А.Ф. Кащиенко, Н.Д. Меркулов, М.Я. Домрачев, генерал-майор Савицкий, атаман Толстов, Н.Н. Бурдуков, профессор Андогский, А.К. Григорьев.

2) По назначению Правителя:

князь А.А. Кропоткин, Г.В. Подставин, Л.Д. Тяжелов, представитель рабочих Уссурийской ж.д.

3) По избранию Земского Собора:

Колесников, Колбин, Шалошников, Петров, Архипов, Абросимов, Рачков, Сызранский, Юсупов, Руднев, Скороходкин, Малиновский, Болховитинов, Чернышев, И.К. Артемьев, Леонов, Уточкин, Куприянов, Микрюков, Курсков, Черняев, Вялков, Иванищенко, Мельгунов.

Приамурского Земского Края Правитель

Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 158. 9 августа 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края

№ 2

г. Владивосток

9 августа 1922 г.

Завершивший свою задачу по выбору Приамурской Верховной власти и созданию Приамурской Земской Думы Земский Собор, созванный Указом Временного Приамурского Правительства за № 149, закрываю 10-го сего августа, во всем согласно с Положением о сем Собрании.

Приамурской Земской Думе повелеваю приступить к своей работе по заложению в земле Приамурского Края основ в борьбе за освобождение нашей Великой родины от советского ига и изгнания из пределов ея отвернувшихся от Бога коммунистов, большевиков, воров, угнетателей и истязателей народов земли Русской.

Председательствование Приамурской Земской Думы возлагаю на Владимира Павловича Разумова, коему быть и Председателем Совета Внешних Земских Дел Приамурского Края.

Управления Финансовым и Торгово-Промышленным Ведомствами объединяю в единое Финансово-Промышленное Ведомство, возлагаю временное управление на Николая Михайловича Дмитриева.

Управление Ведомством Иностраннх Дел возлагаю на Николая Дионисовича Меркулова.

Управление Ведомством Путей Сообщения возлагаю на Александра Федоровича Кацienко.

Эти три Ведомства образуют Совет Внешних Земских Дел Приамурского Края. Управляющим Ведомствами предоставляю права, обязанности и положения министров, предуказанные основными законами Российского Государства. Совету разработать положение, условия и случай коллегиальной работы Ведомств, а равно сократить штаты Управлений применительно к местным условиям и финансовому состоянию Приамурского Края.

Для упрочения основания предстоящей мне работы по освобождению Родины от большевицкой власти утверждаю коллегиальный Приморский Поместный Совет в составе четырех моих помощников по местному Управлению Приамурским Краем. Председательство в нем возлагаю на Василия Александровича Бабушкина, коему вместе с сим вступить во временное управление Ведомством Внутренних Дел. Членами совета назначаю: Владивостокского Городского Голову, Председателя Областной Земской Управы и Атамана Уссурийского Казачьего Войска, с оставлением за ними их прямых, по выборности, обязанностей. Совету разработать Положение своего Управления, стремясь возможно полнее влить функции Ведомства Внутренних Дел в органы Местного Самоуправления, но совершенно исключая из работы этих органов какой-либо политический характер, кроме того, который заложен моим Указом № 1 в основание Приамурского Государственного Объединения.

В основание будущих выборных народных представительных органов, как государственного, так и местного значения, Земской

Приамурской Думой, по моим указаниям будет разработан и проведен в жизнь принцип представительства от приходов и тех деловых организаций, кои существовали по нашим законам до 1904 года. С установлением этого начала выборности, я включаю в состав Приамурского Поместного Совета и специальный Совет рабочих, мастеровых и мелких частных служащих для делового разрешения вопросов жизни, быта и продуктивности работы этих тружеников Земли Русской. После сего всякие иные советы, союзы и тому подобные организации, как продукты больных социалистических экспериментов революционного брожения Российской массы, будут мною упразднены.

Следуя историческим заветам России, считаю необходимым теперь же привлечь к содействию Верховному Управлению Приамурским Краем казачье сословие, для чего учреждаю коллегиальный орган Правления Казачьих Войск из Атамана и их заместителей всех казачьих войск Сибири. Председателем Правления назначаю Атамана Уральского Казачьего Войска генерал-лейтенанта Толстова, с званием моего Помощника по Казачьим Войскам.

Государственный контроль и Ведомство Юстиции, возглавляемое генерал-прокурором, оставляю в моем непосредственном ведении с присвоением главам сих Ведомств званий моих Помощников.

Государственным Контролером назначаю Николая Николаевича Бурдукова, с присвоением ему наименования Главного Земского Контролера, а генерал-прокурором назначаю Сергея Михайловича Каичина.

Орган управления Делами Правительства переименовываю в Канцелярию Правителя. Помощником Начальника Канцелярии назначаю Михаила Яковлевича Домрачевева, коему временно вступить в исполнение должности Начальника Канцелярии.

Управляющие Иностранным и Путей Сообщения Ведомствами, Владивостокский Городской Голова, Председатель Областной Земской Управы, Атаман Уссурийского Казачьего Войска, Председатель Правления Казачьих Войск, Главный Земский Контролер и Помощник, Начальник Канцелярии Правителя по служебному положению являются членами Земской Думы.

Кроме членов Земской Думы, избранных Земским Собором и перечисленных в прилагаемом при сем списке, членами Земской Приморской Думы назначаю князя Алексея Алексеевича Кропоткина, Григория Владимировича Подставина, Парфена Парфеновича Васильева, Леонида Дмитриевича Тежелова и одного рабочего от Уссурийской железной дороги. Членом Думы от рабочих может

быть выбран такой рабочий, который работает на железной дороге не менее семи лет и имеет какой-нибудь имущественный ценз здесь, в Приморье. Политически не могут быть избираемы рабочие, принадлежащие к коммунистической или к различным социалистически-интернациональным партиям. Выборы произвести соответственными рабочими организациями.

Партии коммунистов и социалистов-интернационалистов объявляю нелегальными, и все лица, принадлежащие к сим партиям или разделяющие их идеи, подлежат вместе со своими семьями выселению в пределы Советской России и Дальневосточной Республики.

Для заведования заготовками и снабжением всякого рода задачами довольствия вооруженных сил сухопутных войск утверждаю орган Главного Начальника Снабжения, подчиненный непосредственно мне, Главным Начальником Снабжения назначаю генерал-лейтенанта Артемьева.

Все прочие правительственные органы Управления, существовавшие в структуре Временного Приамурского Правительства, подлежат расформированию и упразднению, причем порядок расформирования и время установить Председателю Совета Земских Внешних Дел.

Управляющих правительственными органами бывшего Временного Приамурского Правительства Степана Ильича Ефремова, Владимира Степановича Колесникова, Николая Германовича Недлера, Федора Тарасовича Петрова и Николая Ивановича Сахарова освобождаю, согласно их прошений, от занимавшихся ими должностей.

Члена Приамурского Земского Собора Спиридона Дионисиевича Меркулова назначаю моим политическим Представителем в Вашингтон.

Земский Собор, призвав к единению и дружной работе всех граждан Приамурского Земского Края, дает мне основание определить, что отказ от назначений на те или иные должности устанавливает для отказавшегося лица необходимость покинуть пределы Приамурского Края.

Заместителем моим по гражданскому Управлению Приамурским Краем назначаю Председателя Земской Приморской Думы.

П.п. Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Заключительное торжественное заседание Земского Собора 10 августа 1922 г.

Вчера состоялось торжественное заседание по случаю окончания работ Земского Собора.

В начале заседания единогласно избираются две делегации от Собора – в Японию и в Европу.

В состав первой вошли: ген. Андогский (городской голова Владивостока), г. Толок (городской голова Никольск-Уссурийска) и ген. Савицкий (атаман Уссурийского казач. войска).

В делегацию, направляющуюся в Европу, избраны: профессор Миролюбов и Преосвященный Нестор епископ Камчатский. Дополнительно Правитель назначил в эту делегацию С.Д. Меркулова.

Далее была прочитана грамота Земского Собора бывшему Временному Приамурскому Правительству...

В конце заседания было провозглашено «ура» Правителю, председателю, Президиуму и членам Земского Собора.

После этого заседание было закрыто, и члены Собора во главе с Правителем отправились на молебен в Кафедральный Собор.

Здесь Правителю была поднесена икона Божией Матери.

После молебствия участники торжества направились по Светланской улице к зданию Земского Собора, где были произнесены речи Председателем Собора проф. Миролюбовым, епископом Нестором и военным священником о. Викторовым.

От Земского Собора были поднесены иконы Спасителя – генерал-лейтенанту Дитерихсу и икона Божией Матери Державная, находившаяся в зале заседаний Собора, – Армии.

Адмирал Старк поднес Правителю Андреевский флаг с малым гюйсом, нашитым по середине полотнища.

Торжество закрытия Собора закончилось парадом войск.

Русская армия. Владивосток. № 159. 11 августа 1922 г.

Молебен по случаю окончания работы Земского Собора и парад войск

К двум часам дня у Кафедрального Собора на торжество закрытия Земского Собора собралось несколько тысяч народа.

В третьем часу члены Земского Собора во главе с Правителем Приамурского Земского Края и в предшестве духовенства

направились из Общедоступного театра к Кафедральному Собору под звуки 4 духовных военных оркестров, игравших «Коль Славен».

В ограде Кафедрального Собора было отслужено по случаю закрытия Земского Собора торжественное молебствие, после чего Преосвященный Нестор Архиепископом Камчатский окропил святой водой выстроенные воинские части.

По окончании церемонии закрытия Земского Собора Воевода Земской Рати генерал М.К. Дитерихс принял парад частей гарнизона, Флота, Военного училища и Кадетских корпусов.

Парадом командовал генерал-майор Молчанов. Парад произвел на собравшуюся публику сильное впечатление. Чувствовалась полная удовлетворенность стройным видом частей, напоминавших дореволюционную русскую армию.

Русская армия. Владивосток. № 159. 11 августа 1922 г.

Приветствия Земского Собора представителям Дома Романовых

Дания, Копенгаген.
Русское Посольство

Для передачи
Его Императорскому Высочеству Великому
Князю Николаю Николаевичу

Приамурский Земский Собор почтительнейше приносит Вашему Императорскому Высочеству поздравления с днем Тезоименитства и молит Бога, да пошлет Он Вам, Нашему Великому Русскому Вождю, сил на Водительство заблудшего, но раскаявшегося уже Русского Народа по его славному историческому пути.

Правитель Приамурского Земского Края
генерал-лейтенант Дитерихс
Председатель Приамурского Земского Собора Миролюбов
Епископ Камчатский Нестор
Секретарь Приамурского Земского Собора Домрачев

Русская армия. Владивосток. № 159. 11 августа 1922 г.

Телеграмма Императрицы Марии Феодоровны

На имя Председателя Приамурского Земского Собора получена сегодня от Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны нижеследующая телеграмма:

«Сердечно благодарю Вас и Земский Собор за добрые пожелания». На подлинном собственною Ее Императорского Величества рукою подписано: «Мария».

Означенная телеграмма получена в ответ на поздравление, посланное Ее Величеству с днем тезоименитства за подписями Председателя Временного Приамурского Правительства Меркулова, Председателя Земского Собора Миролубова и Секретаря Домрачева нижеследующего содержания:

«Временное Приамурское Правительство и Приамурский Земский Собор, собравшийся во Владивостоке в числе до 300 представителей выборных из всех слоев населения русского Приамурского края, всеподданнейше приносят Вашему Императорскому Величеству свои поздравления с Днем Вашего тезоименитства и молят Бога о здравии Вашего Величества и Российского Царствующего Дома на спасение и счастье и могущество Родного русского народа».

Русская армия. Владивосток. № 159. 11 августа 1922 г.

ПРИКАЗ

Войскам и Флоту Временного Приамурского Правительства
№ 138

8 августа 1922 г.

Кр. Владивосток

ОБЪЯВЛЯЮ:

- 1) Впредь я буду именоваться Воеводой Земской Рати. Штабу Командующего Войсками и Флотом именоваться применительно к сему «Штабом Земской Рати».
- 2) В дополнение к приказу моему от сего числа № 37-А назначаю Помощником моим генерал-лейтенанта Вержбицкого.

Генерал-лейтенант
Бр.и.д. начальника штаба,
Генерального штаба генерал-майор

Дитерихс
Петров

Русская армия. Владивосток. № 159. 11 августа 1922 г.

Речь Председателя Приамурского Земского Собора, профессора Н. Миролюбова при вручении армии иконы Пресвятой Богородицы, именуемой Державной

Позвольте через Вас, Доблестный Вождь, поднести от имени Приамурского Земского Собора Нашей Русской Победоносной Национальной Армии икону Коломенской Пресвятой Богородицы, именуемой Державной.

Мы, поднося эту святую икону, верим, что Ее молитвами и заступничеством Наша Армия совершит чудо. Она победоносно дойдет до Первопрестольного града Москвы и войдет в святой ее Кремль, под звон сорока сороков Московских Церквей, и свергнет наших извергов, врагов Русского народа и Православной веры, и восстановит Единого Державного Вождя Земли Русской.

Русская армия. Владивосток. № 160. 13 августа 1922 г.

Слово Главного священника Земской Рати о. Леонида Викторова, произнесенное при поднесении Священного Нерукотворного Образа Спаса, Благословения Земской Рати своему вождю и воеводе М.К. Дитерихсу

Христолюбивый воин, раб Божий, Михаил!

Мне грешному, иерею Божию, второй раз выпадает счастье приветствовать Тебя. В первый раз при слове чувствовалась на душе страшная тревога. Казалось, даже здесь, на последнем клочке родной земли погибает наше дело – стояние за веру и за родину.

То было время расщепления общественного, духовного разброда, когда одна русская душа не стала понимать другую.

Но, с помощью Божественной, Тебе удалось предотвратить эту нашу общую гибель и найти пути к объединению и собиранию национальных русских сил. Поистине, Господь Наш гневен бывает к своим провинившимся сынам, но в то же время многомилостив. От тех тревожных дней прошло немного времени, но картина резко и страшно изменилась.

Наша Армия, пришедшая с Волги, Камы и Урала через всю Сибирь на край родной земли, чувствовала одиночество, а порой и вза-

имное непонимание. Необходимо было что-то сделать, дать какую-то живую, освежающую воду. И это сделано в настоящую минуту. Армия нашла единый для всех групп голос и язык и единого вождя, который объединяет всех пришедших и всех живущих здесь людей, болеющих о судьбе и славе своего Отечества. Теперь мы, пришедшие – не одиноки; с нами вождь, христоролюбивый воин Михаил, с нами русские люди и все национально мыслящее представительство в лице членов Земского Собора, объединенных исконной русской верой и идеологией.

Еще 50 с лишним лет тому назад великий русский человек, Христианин Ф.М. Достоевский писал, что «в России революцию можно начинать лишь с атеизма». Эти слова сбылись с буквальной точностью в последние, кошмарные года. И даже больше. Сбылось и сбывается не только это, но и то, о чем писал тот же наш писатель. Он говорил, что люди, «отвергнув Христа, хотят ввести справедливость, а кончат тем, что зальют мир кровью... Разрушат храмы, зальют мир кровью и сами испугаются». Разве все это неправда? Кто посмеет отрицать? И если правда, что на Руси оскверняются и разрушаются храмы, если правда, что страна залита морем крови, то будет правда, что и сами злодеи испугаются своих злодейств. Два первые периода приводят неизбежно к последнему, решительному... Ободранные лики св. икон, оскверненные св. мощи Угодников земли, кровь святителей и мучеников не дадут покоя советским самодержцам. Поругаем Бог не бывает никогда! Мы не знаем точно, что творится в глубине Сибири и России, но всем существом чувствуем и ощущаем, что спасение недалеко, что наступает период лютого трепета и страха извергов за все содеянное в ожидании народного и Божьего суда. Не этим ли объясняются и постоянные перебои лживого советского радио за последние недели? Даже из этого факта, из этих лживых сообщений чувствуется, что сплошной страх начинает одолевать губителей России.

И в этот момент объединения нашей Армии, общественности и сильнейшего напряжения русского духа в глубине России к своему освобождению от лица всех воинов с глубоким чувством и верою я приношу Тебе, христоролюбивый воин Михаил, в помощь и защиту сей священный Нерукотворный Образ Нашего Спасителя и Прошу Архипастыря и Святителя поместной церкви благословить им нашего Вождя на подвиг крестного и славного служения Отечеству и нашему родному русскому народу.

Надпись на серебряной пластине следующая:

«БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЗЕМСКОЙ РАТИ СВОЕМУ ВОЖ-
ДЮ И ВОЕВОДЕ М.К.ДИТЕРИХСУ НА ПОДВИГ ОБЩЕГО
КРЕСТНОГО СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ. АВГУСТА 10-ГО
ДНЯ. 1922 Г.

Г. ВЛАДИВОСТОК»

Русская армия. Владивосток. № 160. 13 августа 1922 г.

Обращение митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) к Земской Рати (август 1922 г.)

Смиренный Антоний, Божьей милостью Митрополит Киевский и Галицкий.

Христолюбивому русскому народному ополчению на Дальнем Востоке, выступившему на защиту Православной Веры нашей и русского обычая, радоваться.

С востока воссияла нам заря светлой надежды, заря лучшая, чем все прежние зори в последнем пятилетии, потому что впервые решились, наконец, вожди русские и воины совершенно открыто, неприкосновенно заговорить о Христовой Вере, заговорить так, как наши праведные предки, выступившие на спасение родной земли с мольбой и славословием Пресвятой Троице, призываю всех на восстановление прежде всего Божеской правды на земле, а затем уже всего того, что с нею соединено – Божьих храмов и обителей, Православного Царства нашего, богоспасаемых градов и весей, справедливых благочестивых законов, и на очищение страны нашей от засилия разбойников и безбожников.

С таким призывами, с такими желаниями шла Нижегородская Земская Рать в 1612 г. к Москве, раньше царь Иван к Казани в 1552 г., а позже царь Алексей Михайлович на Литву в 1654 г., Ангел Божий шел впереди их, и они сметали вражескую нечисть с лица Святой Руси и водворяли снова благочестие, законность и милость.

Однако, не дремали и враги, видимые и невидимые. Первые выступили против спасителей Отечества с оружием, а вторые старались устроить то, чего так легко, к сожалению, добиться среди русских людей – то есть рассорить их между собой, пустить какую-нибудь скверную клевету или злую сплетню.

Однако, Святой Дух охранял умы и сердца наших древних ополченцев и их предводителей от того греха, и они, укрепляя сердца свои молитвой и уступая друг другу, по Евангельскому глаголу, крепко держались послушания начальникам своим и, обрехши себя на смерть за имя Христово, стеной шли на врагов Божьих, на врагов Святой Руси и выручали ее, и ширили Веру Православную, никого не принуждая к ней, но возвращая свободу угнетенным христианам, каковы теперь все, состоящие под жестокой властью большевиков – коммунистов.

Воинство Русское, воинство Христово! Храни в Твоих душах тот же дух, как древние предки ваши, спасавшие Отечество! Блюда святое послушание, бескорыстие и целомудрие, а на иное держи молитву в уме твоём. Помни, что не за малое дело стоишь ты. Не за малое дело выступаешь в поход. Были у нас и раньше священные войны, изгоняли наши деды двенадцать язык из Белокаменной Москвы, освобождали восточных христиан от турок и австрийцев царские войска Александра II и Николая I; но не было тогда такого гонения на веру от наших врагов, как при большевиках. Ни французы, ни австрийцы, ни турки не запрещали учиться Божьему закону детям, не отнимали достояния церковного, не разоряли храмов Божьих, никто из них не был в такой степени ненавистником Христа, как коммунисты-большевики; не проливали тогда кровь невинного Царя-Мученика и девственных дочерей его. А теперь враги стремятся уничтожить самую веру Христову, как древний Диокле-тиан-Мучитель, как Юлиан-Отступник, знак сатаны носят они на груди своей и на лбу своем; они открыто издеваются над Верой и над народом русским и, повергнув на голодную смерть, смеются над умирающими с голоду сотнями тысяч людей, говоря: «Нечего им помогать, они все равно умрут с голоду». На Волге обезумевшие в мучениях голода люди стали есть собственных детей своих, и сами мрут потом от такой отравы.

Так карает Бог нашу Русь за то, что поддалась обольщению слуг бесовых и изменила Божьему Помазаннику, и предалась грабежу, разгуду и распутству.

Тебя, Дальневосточный Предел, призвал Господь спасти Свя-тую Русь. На Великий и Святой Подвиг вышли вы, христоролюбивые воины. С востока восходит красное солнышко нашего упования.

ГА РФ. Ф. 6143. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

Медаль в память Земского Собора

В память Приамурского Земского Собора устанавливается для его участников медаль на черно-бело-желтой ленте.

Членам Собора будет вручена серебряная медаль, а служащим, участвовавшим в трудах Собора, бронзовая.

На лицевой стороне медали изображен св. Георгий Победоносец. На оборотной – даты начала и конца занятий Собора.

Всем членам Земского Собора кроме того будут вручены именные грамоты, отпечатанные на пергаменте.

Русская армия. Владивосток. № 161. 16 августа 1922 г.

ПРИВЕТСТВИЕ

**Правителю Приамурского Земского Края
генерал-лейтенанту Михаилу Константиновичу
Дитерихсу от Союза Георгиевских Кавалеров
Российской Восточной Окraiны**

Ваше Высокопревосходительство!

В исторический день принятия Вами высокого поста Правителя Приамурского Земского Края Союз Георгиевских Кавалеров Российской Восточной Окraiны почтительнейше просит Вас принять наше искреннее поздравление.

Союз Георгиевских Кавалеров возносит к Всевышнему Богу свои горячие молитвы о даровании Вам сил и твердости и облегчения Вашего тяжелого пути – Спасения Русского народа и Возрождения Великого Русского Государства под Державным Скипетром Русского Императора.

Имея своим основным принципом: «Вера, Царь и Отечество», Союз Георгиевских Кавалеров считает своим долгом довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что Союз приложит все свои силы для поддержания Вас, как Правителя Приамурского Земского Края, и, храня заветы и идеалы Кавалеров Российского Императорского Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, по зову вождя Русской армии вновь обнажит свои мечи для окончательной победы над врагом всего мира

и воссоздания Национальной, Великой, Единой и Неделимой России.

Председатель Главного Правления Союза генерал-майор Ткачев
 Председатель Владивостокского отдела Георгиевских Кавалеров генерал-лейтенант Зубов

Старшины Союза: Генер. штаба генерал-майор Сальников,
 подполковник Штин, полковник Бруевич

Секретарь Владивостокского Отдела Союза Георгиевских Кавалеров подполковник Теляковский

8 августа 1922 г.
 г. Владивосток

Русская армия. Владивосток. № 160. 13 августа 1922 г.

Парад Земской Рати 10 августа 1922 г.

Испытанный годами
 Бури боевой
 Их ведет, грозя очами,
 Генерал седой.

На меня, активного участника мукденского боя, выдавшего парады на Марсовом Поле, парад во Владивостоке количеством войск, конечно, не мог произвести грандиозного впечатления.

Участвовало всего 17 сводных сотней и эскадронов, причем и конные части были в пешем строю, а иные и без оружия.

Но уж давно я не видел такого подъема духа, такого энтузиазма, такой уверенности, что сейчас делается именно то, что надо и необходимо.

Когда избранный единогласно как Армией, так и народом Воевода Земской Рати, под звуки национального гимна, появился пред войсками, то среди собравшегося народа послышалось всхлипывание, шепот и возгласы.

– Наконец-то началось наше родное русское... Его зовут Михаил, архангел Михаил с мечом огненным, он разгонит всю эту нечисть окаянную...

Когда же роты, сотни, эскадроны, моряки и воспитанники кадетского корпуса пошли твердым шагом, сомкнутыми рядами, то кто-то подле меня многозначительно продекламировал:

В ногу, ребята, идите

С грозным паролем «Москва».

Да, в добрый час идите, и мы пойдем рядом с Вами!

Старый солдат

Русская армия. Владивосток. № 160. 13 августа 1922 г.

ПРИКАЗ

3-му стрелковому корпусу

№ 424

г. Владивосток

11 августа 1922 года

11-го сего августа все части корпуса представились Правителю и нашему Вождю в отличном виде.

Важно не то, что прошли хорошо, а то, что у всех были лица открытые, радостные, честные.

В этом я вижу духовную связь нашу с Вождем, а это то, что необходимо для предстоящих действий.

Дело наше правое, и мы не пропадем.

Спасибо всем!

Генерал-майор

Молчанов

Начальник штаба

Генерального штаба полковник

Савчук

Русская армия. Владивосток. № 160. 13 августа 1922 г.

Союз домовладельцев
города Владивостока

Правление

«11» августа 1922 года

№ 694

Светланская, 12 Тел. 1-27

Его Высокопревосходительству

Правителю Приамурского

Земского Края и Воеводе

Земской Рати

Михаилу Константиновичу Дитерихсу

Правление Союза в заседании своем 11-го сего августа на основании полномочий Общих Собраний вынесло единодушно следующее постановление: «В дни переживаемых испытаний, когда наша

Родина, терзаемая врагами народа – интернационалистами-коммунистами, истекает кровью, а народ доведен ими до людоедства, Вы, Ваше Высокопревосходительство, Михаил Константинович, как истинный патриот и герой нашей дорогой Родины, по воле Божьей и избранию Земского Собора, приняли на себя тяжелый крест Вождя по освобождению истерзанной, кровью истекающей Родины нашей от изуверов и насильников русского народа.

Мы, коренные жители города и Края, приветствуем в лице Вашем твердого и стойкого руководителя по освобождению Русской Земли от ига интернационала и желаем Вам на этом трудном и тернистом пути здоровья, успеха и помощи Всевышнего.

Бог Вам в помощь.

Настоящее постановление уполномочит представить Его Высокопревосходительству делегатам: Председателю Правления К.А. Высоцкому и Членам Правления: Ф.А. Беляцкому, Т.И. Ружицкому и В.А. Шаманаеву.

Из архива А.А. Васильева.

ПРИАМУРСКИЙ ЗЕМСКИЙ КРАЙ В 1922 ГОДУ

Заседание Земской Думы 14 августа 1922 г.

В заседании Земской Думы 14 августа рассмотрены три вопроса.

Дума утвердила резолюцию по обращению к Японии в связи с эвакуацией японских войск и относительно передачи оружия и военных припасов, находящихся под охраной японских войск, — местной русской власти.

Делегация, избранная Земским Собором для вручения этого обращения, выедет в Японию не позднее субботы 19 августа.

Далее Дума рассмотрела таблицу новых сокращенных окладов содержания служащим правительственных учреждений. Таблица представлен на утверждение Правителю.

Председатель Совета внешних земских дел и Земской думы В.П. Разумов и помощник начальника канцелярии Правителя сделали доклад о задачах, которые поставил Правитель Земской Думе на ближайшее время.

В этих руководящих указаниях Правитель отметил, что так как коммунизм основан на безверии и угнетении народа, то мы, все его противники, должны противопоставить силы, обратные безверию и угнетению, а именно то, что поставил во главу угла Земский Собор: Веру, Царя и Народ.

В нашем распоряжении имеются сейчас только две силы — вера и народ, из коих последняя пока в очень малом количестве.

Поэтому мы всемерно должны опереться на веру. Ее необходимо положить в фундамент всей государственной и общественной жизни. Для практического выполнения этой задачи необходимо скорейшее создание церковного прихода.

Так как жизнь чрезвычайно многообразна, то, чтобы приход мог совокупить в себе все ее проявления, Земской Думе надлежит разработать законы по всем отраслям жизни, с тем, чтобы все ее проявления сосредотачивались бы в церковном приходе, и, исходя отсюда, жизнь пронизывалась бы лучами веры.

В заключение Правитель сказал президиуму Земской Думы: «Власть должна идти рука об руку с общественностью, основанной на христианских началах. В основе жизни должны быть два положения – земля должна принадлежать тому, кто над ней трудится, и рабочие должны участвовать на справедливых началах в результатах своего труда, то есть в прибылях предприятий.

На основании доклада В.П. Разумова и М.Я. Домрачева, Земская Дума избрала из своей среды для осуществления задач, поставленных Правителем, несколько комиссий и подкомиссий, как то: организационную, судебную, контрольную, по организации самообороны и другие.

Вчера в комиссии приступили к деловой работе.

Русская армия. Владивосток. № 161. 16 августа 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края № 10

г. Владивосток

15 августа 1922 г.

Повелеваю:

1. Согласно установленной мною структуры власти Приамурского Земского Края, сохраняя за собою по присяге полноту и значение единоличной власти во всем Крае, внутреннее, административное, промышленное, образовательное и судебное управление Приморской областью постепенно перевести полностью на принципы широкого самоуправления на основах, преподанных мною Председателю Земской Думы и Поместному Приморскому Совету.

Непоколебимо исповедуя, что избранный мною историческо-национальный путь на основе объединения Церкви и Земли, при милости к нам Всевышнего Творца, приведет к желанной цели, поставленной мне Земским Собором. Я не могу не подготавливать уже теперь Приморской области к тому положению, которое создается, когда я, а со мною и государственный центральный

аппарат Внешних Дел, двигаясь на запад, покинет пределы Приморской области. Прочное обеспечение тыла, при недостатке людей для полезного и полного управления им из центра, настоятельно Повелевают теперь же прочно поставить систему местного самоуправления и использования местных средств, при теснейшей общегосударственной его связи и зависимости в будущем от моей единоличной центральной власти.

2. Основной городской, земской и казачьей административной единицей местного самоуправления должен быть приход. Граждане прихода, отказавшись от всякого дробления на партии различных политических принципов, а исповедуя лишь те национальные начала, кои были установлены Земским Собором, объединяются вокруг приходской церкви, как основы своей веры и духовного единения. В духовном отношении каждое вероисповедывание имеет свои приходские объединения. В гражданском отношении административной единицей является приход данного района по преобладающему количеству граждан одного вероисповедывания. Граждане, не исповедывающие чисто и свято никакой религиозной веры, не могут быть гражданами Приамурского Края и будут подлежать выселению из его пределов.

3. Земской Приамурской Думе на основах и принципах, указанных мною Президиуму Думы и Управляющим Ведомствами Юстиции, контроля и внутренних дел, разработать в срочном порядке и представить мне на утверждение «Положение о Приходах и приходском управлении Приморской области», руководствуясь нижеследующим:

1. а) Приход управляется Советом, во главе которого стоят: по духовному руководству – местный Пастырь Церкви, а по всему гражданскому управлению – назначаемый из числа прихожан Председатель. Члены Совета выделяются жеребьем, производимым Пастырем.
- б) В жеребьевке в члены Совета участвуют только граждане прихода, имеющие не менее 25 лет и свободные от головной ответственности.
- в) Для жеребья граждане распределяются на группы по роду деятельности, а в них – на цензовых и бесцензовых (образовательных и имущественных).
- г) Жеребий по группам производится по пропорциональности, устанавливаемой законом по отношению к общему числу членов, подлежащих назначению в состав Совета.

- д) Кроме сего, для граждан, проживающих в Крае более 7 лет, пропорциональность в три раза больше, чем для граждан, проживающих в Крае меньше этого срока.
- II. Совет прихода ведает административными, экономическими, хозяйственными, образовательно-воспитательными, судебными и контрольными делами прихода, для чего выделяет из своего состава соответственные органы под председательством назначаемых прихожан. Органы административные, судебные и контрольные через назначаемых Председателем и особых агентов-руководителей находятся под руководством и надзором со стороны соответственных Управляющих Ведомствами центральной власти.
- III. Функции ведомств Внутренних Дел, Промышленности, Торговли, Народного Просвещения, Призрения должны постепенно перейти в местном масштабе в органы приходских самоуправлений. Органы центральной власти сохраняют значение руководяще-контрольного характера.
- IV. Приходы, в зависимости от местных условий и числа их, могут объединяться в территориальные группы с объединяющим их групповым Советом.
- V. Высшим органом Приморского Областного Самоуправления должна явиться Приморская Земская Дума под председательством назначаемого мною лица на правах генерал-губернатора и в составе Членов по жеребью от Приходских Советов.
- VI. Срок деятельности Приходских Советов и Земской Думы — 2 года. После сего производятся переизбрания.
- VII. Для приходов Казачьих войск должны быть приняты во внимание особые бытовые условия, уже установившиеся исторически в войсках.
- VIII. После установления местного самоуправления подлежат разработке и изменению налоговые положения.
- IX. Давая лишь принципы, предоставляя свободу практического разрешения их в Положении, во всех деталях, нынешнему составу Приамурской Земской Думы, сохраняя лишь во всем остальном дух настоящего Указа. Закон должен быть соображен с местными условиями Края и необходимостью в корне отказаться от составления тех практических путей, которые были внесены ныне уже заканчивающейся великой смутой. Закон должен быть разработан во всех мельчайших

подробностях, руководствуясь всюду принципиальными положениями и духом наших основных законов, устанавливая лишь новые пути и формы достижения поставленной мною задачи и применяясь к русским историческим заветам.

- X. Городу Владивостоку, не дожидаясь окончательной разработки Положения, приступить уже ныне к постепенному переходу к структуре Управления по приходам, руководствуясь как указанными выше принципами, так и положениями, преподанными мною Городскому Голове, представляя на мое утверждение соответственные проекты Указов.
- XI. Величественная, святая идеология, выдвинутая Земским Собором в основу служения задаче по борьбе с врагом Родины, требует от всех граждан Приамурского Края бесконечной жертвенности в достижении общими силами окончательной победы. В этом служении своей Родине все граждане должны с глубокой верой и полной готовностью отдать свои силы на благо строительства России, принимая на себя добровольно обязанности и работу, ранее выполнявшуюся наемными силами и особыми оплачиваемыми Казной организациями. Только в добровольном сознании необходимости такой самоотверженной жертвенности, в добровольной взаимной помощи друг другу и мне – лежат безусловные залого успеха достижения идеалов, возглашенных Земским Собором, и само воскресение Земской Святой Руси.
- XII. Теперь Правительство и Земская Дума приступят к практической деятельности по подготовке исторических христианско-национальных путей к достижению победы над изуверами Советской власти. Освященные затем Церковным Собором принципы этих путей будут мною проведены в жизнь в Приамурском Земском Крае, и делегация нашего Края, избранная Земским Собором, понесет великие заботы Собора к нашим братьям, разметанным бурей смуты по всем странам Западной Европы.

Повелеваю:

Одновременно с созывом Церковного Собора созвать Съезд представителей всех Национальных организаций Дальнего Востока, стоящих на принципах, возвещенных Земским Собором.

Задачами Национальному Съезду ставлю:

1. Объединение Дальневосточных общественных организаций вокруг Церковного Собора

Флаг Воеводы Земской Рати

Статьи 1296 (Прод. 1907 года) Морского Устава. Книга X Св. Мор. Пос. (Издание 1901 года и по продолж. 1907 года).

Флаг Главнокомандующего Флотом или Главнокомандующего Войсками, если последний имеет под своим начальством и морскую часть – белый флаг с синим Андреевским крестом, имеющий посередине гюйс. Флаг этот поднимается на кораблях – на грот-мачте, а на шлюпках – на носовом флаг-штоке; салют ему состоит из девятнадцати выстрелов.

Примечание. Стеньговым флагам лиц, упомянутых в настоящей (1296) статье, когда флаги эти в пределах вод побережья местности, состоящей в их ведении, подняты не на военных судах, следует салютовать согласно сей статье; для лица же, флагу которого салютуют с военного корабля, обязательно тотчас отвечать троекратным приспусканием своего стеньгового флага.

С подлинным верно:

Вр.и.об. начальника штаба капитан 2-го ранга Ваксмут

Русская армия. Владивосток. № 162. 18 августа 1922 г.

Обращение Правителя Приамурского Земского Края генерал-лейтенанта Дитерихса к Гражданам Приамурского Края и Советской России

8-го августа сего года Земский Собор, собравшийся во Владивостоке, избрал меня Правителем Приамурского Края.

Я глубоко верю, что только Чудо Господне может спасти Русскую землю и вернуть ее во власть народа Русского и его хозяина Помазанника Божия.

Однако избирать и утверждать для России Монарха – это не мое право, оно принадлежит Богу и людям всей Русской Земли. Я могу молить Бога, чтобы в будущем Он дал России Царя, но моя задача на земле сейчас – собрать весь народ воедино, чтобы свергнуть изуверов из евреев и примкнувших к ним русских воров, четыре года уже грабящих нашу Родину, разоряющих наши дома, села и

города, братской кровью заливающих поля и нивы и нагло обманувших народ, посулив ему свободу, мир и благоденствие.

Моя задача в том, чтобы всех тех, кто верит в Бога, от простого русского землепашца до родовитого князя, объединить в одно, поставить править своей землей и общими усилиями восстановить совершенно разоренную и разграбленную нашу Святую Матушку-Россию.

Я не поставлен Богом судить христианский народ, а объединить всех в Христовой вере. Поэтому, кто верит в Бога, не должен меня бояться за прошлые грехи. Все мы грешны, что забыли Бога и дали изуверам погубить нашу Родину, истерзать ее и восстановить нас друг на друга в братоубийственной войне. Судить нас всех будет Единый Бог на небе.

Я зову вас всех не на вражду к другу, а только на свержение всем осатаневшей Советской власти и на работу со мной по восстановлению наших пашень, заводов, фабрик, сел и городов. Только дружное служение и управление землей всем народом может привести к великому Божьему чуду – воскресению России и к ее прежнему богатству и миру.

Крепко верю, что только в работе всех нас, объединенных в один народ земли Русской, Бог пошлет милость, и мы, прогнав изуверов из евреев и воров из русских, заслужим себе прощение Всевышнего Творца. Тогда соберем людей от всей освобожденной Земли Русской в Великий Земский Собор всея земли, который с благодарной молитвой Христу решит, кто может быть Верховным Хозяином Святой Руси.

Этому Всероссийскому Собору я передам мою власть и буду иметь право на покой, но верю всем сердцем, что, как и в далекие годы истории России, этому будущему Собору всей земли Господь Бог подскажет, что Верховным Хозяином земли Родной, вместе со всем народом, может быть только русский наследственный Помазанник Бога, а не кто-либо из нас людей простых, Всевышним Творцом к тому не определенных.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

17 августа 1922 г.

г. Владивосток

Русская армия. Владивосток. № 163. 19 августа 1922 г.

№ 2

20 августа 1922 г.

Кр. Владивосток

В пос. Полтавском Полтавского Станичного Округа захвачена группа лиц, сочувствующих коммунизму и действующих, благодаря своей преступной деятельности, разлагающе на жителей названного поселка и всего станичного округа.

В порядке п. 4 ст. 105 правил о положении Усиленной Охраны Устава Благочиния и Безопасности (т. XIV С. Зак. изд. 1916 года) Приказываю: всех арестованных по сему делу вместе с их семьями выслать из пределов Приамурского Земского Края в сторону так называемой Дальневосточной Республики на Хабаровск.

Предваряю, что означенной участи подвергнутся и все те, кои и в дальнейшем будут будировать население и препятствовать Власти в ее работах по насаждению в Крае законности и порядка.

Генерал-лейтенант
Начальник штаба Земской Рати,
Генерального штаба генерал-майор

Дитерихс

Петров

Русская армия. Владивосток. № 164. 23 августа 1922 г.

УКАЗ

**Правителя Приамурского Земского Края
№ 22**

23 августа 1922 г.

Кр. Владивосток

Признавая, что важнейшей моей государственной задачей текущего момента является подготовка и организация обороны доверенного мне Земским Собором Приамурского Края, я считаю настоятельно необходимым мое пребывание на ближайшее время в районе предстоящего театра военных действий.

Вследствие сего местом моего постоянного пребывания в ближайшие два месяца будет Никольск-Уссурийский, что позволит мне прочно сохранить за собой непосредственное руководство военными операциями, которые откроются вслед за эвакуацией Японцами Иманского и Никольск-Уссурийского районов.

Вместе с тем, руководствуясь историческо-национальными заветами Родины и учитывая государственную важность теснейшего непосредственного сотрудничества со мной Земской Думы как для разработки закона о Приходах и Приходском Управлении, так и для срочной разработки иных важных текущих вопросов государственного характера, Повелеваю:

1. Земской Думе, во главе с Заместителем Думы, перейти вместе со мной в Никольск-Уссурийский.

2. При Президиуме Земской Думы сформировать небольшую канцелярию.

3. Председатели Думских Комиссий при разработке законоположений должны будут непосредственно докладывать мне о ходе работ в комиссиях.

4. Городской Управа Никольск-Уссурийска озаботится отводом помещения для заседания Думы и для расквартирования Членов Думы.

5. Председателю Земской Думы и Председателю Совета Внешних Дел Владимиру Павловичу Разумову, вследствие необходимости подвергнуться операции, разрешаю отпуск с того времени, когда по обстоятельствам времени года окажется возможным приступить к операции. До тех пор Председателю Совета Внешних Дел сохранить за собой объединение Ведомствами Финансов, Иностранных Дел и Путей Сообщения в пределах вопросов, предусмотренных утвержденным и при сем объявленном Положении о Совете Внешних Дел.

6. Управляющему Ведомством Внутренних Дел и Председателю Поместного Совета, Председателю Казачьего Правления, генерал-прокурору, Главному Земскому Контролеру, городскому Голове Владивостока, Председателю Областной Земской Управы, Атаману Уссурийского Казачьего Войска, а равно и Управляющим отдельными ведомствами Совета Внешних Дел, по вопросам, не предусматриваемым Положением о Совете, использовать представляемые им законом права в полной мере, обращая ко мне лишь по вопросам, превышающим их компетенцию или нуждающимся в принципиальных указаниях и разъяснениях.

7. На время своего отсутствия начальствование тыловым районом, на правах, предусмотренных ст.ст. 648–651 Положения о Полевом Управлении Войск, возлагаю на помощника моего по Морской Части Адмирала Старка. В состав тылового района включаю Амурский полуостров до линии ст. Угольная, Шкотово и далее по-

бережная полоса до линии Петровка – Владимиро-Александровское – Звездочка – Ватюково и далее Хребет Сихота-Алин.

Все Правительственные органы, с принадлежащими к ним учреждениями, перечисленные в моем Указе № 2, остаются в моем подчинении.

Правитель

М. Дитерихс

Начальник Канцелярии Правителя

Ф. Пучков

Русская армия. Владивосток. № 165. 25 августа 1922 г.

Декларация Земского Собора Императорскому Японскому Правительству

Выехавшая вчера в Японию делегация Земского Собора уполномочена вручить японскому правительству от имени Сибири следующую декларацию:

Японскому Императорскому Правительству

Обсуждая вопрос о взаимных отношениях между Японией и национальным Приамурским Объединением, Земский Собор считает своим долгом открыто установить точку зрения, являющуюся в то же время и мнением русского населения, его избравшего, и которая определяется следующими положениями:

1) Русский народ питает чувства искреннего расположения и доброжелательства к японскому народу и выражает уверенность, что только добрососедское единение и сотрудничество их, основание коих были положены еще Царским Правительством, могут содействовать миролюбивому и удовлетворяющему обе стороны решению различных проблем политической и экономической жизни.

2) По вопросу о пребывании Императорских японских войск на русской территории Земский Собор заявляет, что он, в согласии с пославшим его русским населением, не признает за Москвой и Читой право на оценку, придаваемому ими этому факту, равным образом о своих войсках, как только в Крае он не находит законными предъявляемые коммунистической властью домогательства о немедленном выводе Императорских японских войск из Приморья, к коему ДВР не имеет никакого отношения. Земский Собор заявляет, что Императорские японские войска, проявившие за

время своего пребывания на Русской территории высшую степень лояльности и дружелюбия к местному русскому населению, неизменно способствовали и в настоящее время способствуют сохранению Края от разграбления его коммунистами. Земский Собор не сомневается в искренности намерений Императорского Японского Правительства, неоднократно заявлявшего о немедленном уходе своих войск, как только в Крае наступят условия безопасности и мирной жизни.

3) Что касается находящегося под охраной Императорских японских войск русского имущества, «Земский Собор» заявляет, что Приамурское Правительство должно потребовать передачи этого имущества Русской национальной власти в Приморье. В частности, выдача имущества, принадлежащего России, является юридическим и моральным обязательством Японии перед Русской Национальной Властью, которой это имущество нужно не для ведения войн или организаций социальных революций, а для мирного труда населения и для защиты этого труда от коммунистических насильников, приведших к анархии и голоду русскую страну и уже осужденных общественным мнением всех цивилизованных стран.

4) Земский Собор считает полезным открыто провозгласить как незыблемый принцип, что русский народ ни в его целом, ни в отдельных частях никогда не признает каких бы то ни было договоров или соглашений, заключенных коммунистической властью с какими-либо государствами, и будет считать ничтожными все имущественные или иные права, приобретенные при посредстве таких договоров другими державами или подданными таковых.

5) В заключение Земский Собор от лица пославшего его русского населения шлет свой привет японскому народу и выражает надежды и пожелания, что его чувства дружелюбия и искренности найдут отклик в сердцах его сынов, к единению и дружбе с которыми русский народ стремится.

Председатель Земского Собора профессор Н. Миролюбов

Заместители Председателя А. Бакшеев, В. Голок

Секретарь Земского Собора М. Домрачев

Помощники Секретаря Сергей Руднев, Петр Унтербергер, Тимофей Уточкин

Русская армия. Владивосток. № 165. 25 августа 1922 г.

НАКАЗ**Комиссии по созыву съезда
Дальневосточных Национальных Организаций**

В развитие Указа моего от 15-го сего августа и на основании представления комиссии – Повелеваю:

1. Задачей Национального Съезда ставлю объединение Дальневосточных организаций вокруг Правителя Приамурского Земского Края.

2. Национальный Съезд созвать к 15-му сентября, причем в состав его подлежат включению представители национальных организаций Дальнего Востока, принимавших по настоящее время участие в несоциалистическом движении.

3. Представляю Съезду право ознакомления со всеми моими мероприятиями государственно-административного характера на предмет только принятия их для информации общественных кругов Западной Европы в целях объединения их в тактике проведения национально-исторических принципов идеологических Заветов Земского Собора.

4. Место сбора Национального Съезда будет мною указано дополнительно.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 165. 25 августа 1922 г.

ПРИКАЗ**Земской Рати****№ 22**

26 августа 1922 г.

Кр. Владивосток

Сего числа я прибыл в район действий Земской Рати, дабы разделить с нею служение великому и святому делу освобождения народа от его поработителей.

Воины!

Настал час, когда Богу стало угодно поставить нас снова перед лицом изуверов советской власти. Японцы уходят, и мы можем теперь с чистой совестью и горячей верой идти выполнять национальный долг перед нашей великой и Святой Родиной.

края войсками Земской Рати не было пролито ни одной капли крови христианского народа, но зато представители советской власти, убегая из края, сочли нужным зверски уничтожить арестованных ими Василия Трофимовича Чухно – крестьянина деревни Турий Рог, Степана Карпенко – крестьянина села Троицкого, Тимофея Аввакумовича Коротких – крестьянина деревни Черниговки, и еще одного, личность которого не опознана. Убийство это совершено комиссаром Кузьминым и красноармейцами: Куриловым и Новоселовым из деревни Михайловки и Ситниковым из деревни Снегуровки. Из числа захваченных войсками по подозрению в сотрудничестве с коммунистами Феклу Безрукову, Маркиана Белокурова, Петра Безрукова, Максима Березюка, Антона Глухенького, Кирилла Годуну, Николая Коргота, Александра Горюнова, Степана Журавлева отпустить по домам под надзор соответственных сельских обществ. Гаврила Дмитриева, Василия Бессонова и Анну Урышеву, воспользовавшихся изуверской советской властью для проявления своих безнравственных натур, выслать за пределы ДВР. Митрофана Сурженко и поручика Георгия Курочича передать полевому суду, как дезертиров Томской Дружины, Александре Леоновой предложить уговорить своего мужа отстать от уголовной работы партизана Лебедева и вернуться к своему мирному очагу. Высылку семейств крестьян Василия и Филиппа Березюковых и отца их Силы Березюка, не сумевшего воспитать своих детей в духе христианской веры, утверждаю. Впредь до разработки Земской Думой закона о приходском управлении, для восстановления разрушенного коммунистами здорового, национального народного самоуправления Приханкайским краем и для установления связи населения Края со мной Повелеваю: 14-го наступающего сентября в 11 часов утра собрать в селении Вознесенском Земский съезд представителей Приханкайского Края под моим личным председательством, Съезд организовать начальнику Никольск-Уссурийского уезда, при содействии полковника Оргузова. Последнему, кроме того, назначить военного начальника Приханкайского района с местом пребывания в селе Хорольском. В административном отношении Военному начальнику района руководствоваться указаниями Начальника Никольск-Уссурийского уезда. Для участия в Земском съезде от каждого населенного пункта от каждого населенного пункта Приханкайского края населению избрать по одному достойному, уважаемому на местах представителю. Представители должны удовлетворить следующим условиям: 1) быть крепкими в вере во Всемогущего Бога, 2) иметь в населенном пункте,

от которого избирается, свое хозяйство, 3) иметь от роду не менее 25 лет и быть семейным, 4) не иметь за собой в прошлом уголовного преступления. Избранные представители должны быть снабжены письменными удостоверениями от сельских сходов. Каждому представителю на путевые расходы в Вознесенском будет выдано по 5 (пять) рублей. Съезд продлится один день.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 168. 1 сентября 1922 г.

Вс. Пучковский **Песни Земской Рати**

ВПЕРЕД

Мы вихрем двинемся могучим
За нашу Родину вперед,
И солнце, побеждая тучи,
Над нами радостно взойдет.

Пуškai в сраженьях поредели
Бойцов бестрепетных ряды,
Мы не изменим нашей цели
И будем стойки и тверды.

Мы все безропотно готовы
Отдать Отчизне жизнь свою.
Мы знаем: сотни тысяч новых
Бойцов заменят нас в строю.

Готовы мы за наше дело
Всегда пожертвовать собой.
И все пойдем без страха, смело
В последний беспощадный бой.

Идем мы смелыми шагами
Освобождать Руси поля.
И вновь взовется наше знамя
Над колокольнями Кремля.

МОЛИТВА ВОИНА

Господи Боже, Спаситель мой,
Внемли молитве моей!
Отдал Ты, полный любовью святой,
Душу свою за людей.

Заповедь дивную помня Твою –
Жизнь за людей не жалеть –
Храбро готов я в кровавом бою
С верой за Русь умереть.

Даруй мне силы мой подвиг свершить,
В битве меня не покинь!
Господи! Волен один Ты вершить
Жизнью и смертью! Аминь!

Русская армия. Владивосток. № 169. 3 сентября 1922 г.

Воззвание Правителя Приамурского Земского Края и Воеводы Земской Рати к гражданам Приамурья по случаю ухода японских войск

Воины, граждане, рабочие и крестьяне Приамурского Земского Края! Благодарю благость и милость Господню, приведшие меня сегодня ступить здесь, в Спасске, на землю Великой Богохранимой Самодержавной Родины, свободной сейчас и от интервента-иностранца, и от советской власти, руководимой изуверами иудейского племени. Пусть погибну я здесь от руки заблудшего лихого красного партизана или обманутого безбожными коммунистами красноармейца. Я буду счастлив умереть на твоей родной груди, моя любимая, дорогая, сейчас свободная и святая земля Великой Державной России.

5 сентября 1922 года. г. Спасск.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 170. 6 сентября 1922 г.

Поездка Правителя в Спасск

Пребывание Правителя в Спасске носило характер скромного, но желанного торжества.

Везде, где был Правитель – на молебне в Спасском храме, в Земской больнице, в Спасском детском приюте, на завтраке в поселковой Земской Управе – чувствовалась та глубокая связь, то родство, какое наблюдается при встрече людей с общими думами, настроениями и желаниями, людей, болеющих за судьбу своей родины, стосковавшимися по чисто русской торжественности и простоте.

Правда, не изжитая опасность большевизма, непосредственная ее близость до некоторой степени и по понятным причинам сдерживали в известных рамках то, что накопилось на душе каждого за годы революции.

Но факт остается фактом: население в своем большинстве теплым сочувствием встретило Вождя национального движения.

Население с полной верой отнеслось к его словам. На население сильное впечатление произвел Правитель своей простотой, ис-

кренностью, религиозностью, патриотизмом, выраженными в словах, действиях и обращениях к населению.

И, может быть, в эти часы общения Правителя с населением, только что вышедшим из нейтральной зоны, поставленным перед лицом непосредственной опасности, окончательно окрепло решение большинства всеми средствами способствовать устранению большевицкой опасности.

Обращения Правителя в ответ на агитацию большевиков о том, что в Приморье объявлена мобилизация для похода вместе с японцами на Москву, показали населению всю ложь, неискренность большевиков, внушили глубокое доверие к национальному Приморью.

За время пребывания Правителя в Спасске сделана большая идейная работа. Для населения Спасского района ясно вполне, что представляют национальные силы Приморья, кто руководит национальным освободительным движением.

И только неисправимые слепцы, только отбросы русского общества могут еще верить в призывы и провокаторские выходки большевиков.

Правитель указал только один путь: под его руководством вместе с русскими движимые чувством любви к родине и сострадания, боли за вымирающих в тисках большевицкого произвола наших братьев, отцов и матерей.

Другого пути нет. Другой путь – с большевиками, против народа, в роли могильщиков Национальной России.

Другой национальной России кроме той, знамена которой развеваются над Приморьем, под знамена которой перешел и Спасск, нет и не может быть.

Это поняло большинство Спасского населения.

Русская армия. Владивосток. № 172. 10 сентября 1922 г.

ПРИКАЗАНИЕ

Земской Рати

№ 3

2 сентября 1922 года

Ст. Никольск-Уссурийский

Воевода Земской Рати приказал освободить 8-го сего сентября от служебных нарядов и занятий всех воинских чинов – магометан по случаю мусульманского праздника «Мухарян».

Для магометан гор. Владивостока в тот же день в 11 часов утра будет отслужено богослужение в вагоне-мечети, который стоит в тупике около вокзала.

Начальник штаба, Генерального штаба генерал-майор Петров

Русская армия. Владивосток. № 170. 6 сентября 1922 г.

Обращение Правителя к гражданам Приамурского Земского Края и советской России по поводу Чаньчунской конференции

Граждане крестьяне и рабочие Приамурского Земского Края
и советской России!

Ваши руководители из изуверов советской власти и вожаки коммунистов, потерявшие веру Христову и совесть людскую, запугивают Вас, что я национальный монархист и твердо исповедующий волю над людьми только Единого Всесильного Творца, хочу вас покорить и угнетать, соединившись с японцами. Так ли это? Что говорят факты? Кто ищет каких-то тайных, народу неизвестных соглашений с японцами? Мы подняли свое знамя и зовем лишь вас объединиться с нами против советской власти и безбожных коммунистов. Когда определилось уже вполне ясно, что японцы наконец уходят из Приморья, и весь район от Спасска до Никольска ими уже очищен, теперь именно с чистой совестью и с горячей верой в славное национальное будущее Великой России я и говорю вам: «Не бойтесь нас и идите с нами против других иноверцев родины, против изуверов советской власти и безбожных коммунистов. А что делают сейчас они, эти ваши руководители, соблазнитель и лжецы, подговаривая вас против братского сближения с нами. 3 сентября в Чаньчуне ваши руководители Иоффе – еврей и Янсон – еврей начали переговоры о соглашательстве с японцами. Кто из нас идет к своей цели прямее, открытее и честнее? Подумайте сами, Граждане.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 170. 6 сентября 1922 г.

О приходском самоуправлении

Владивосток

8 сентября (26 августа ст. ст.)

С началом революции в народные массы был брошен лозунг «Вся власть всему народу», и для проведения этого лозунга в жизнь лучшим средством считалось применение всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Крестьянство, составляющее 90 процентов населения России, плохо разбиралось в выборной механике, и подлинное представительство народа было подменено представительством партий. Вожди политических партий глубоко веровали, что они-то и являются вождями народа, и во Всероссийское Учредительное Собрание от крестьян какой-нибудь Пензенской губернии проходил эсер или меньшевик, не только не известный населению этой губернии, но и сам никогда в ней не бывший.

Многочисленные списки, на которые разбились конкурирующие партии, туманили голову избирателя, сбивая его с толку, и вся выборная комедия превращалась в сплошное издевательство над подлинной волей народа.

Горьким опытом русская общественная мысль пришла к выводу, что если всеобщее избирательное право и имеет некоторый смысл своего существования на Западе, в настоящих русских условиях неприменимо. Отсюда поиски новых путей выявления воли народной.

Организационной комиссией Земской Думы разработан законопроект о приходском самоуправлении. Надо оговориться, что с понятием «приход» отнюдь не надо связывать церковь. Приходское самоуправление одинаково распространяется на всех граждан, независимо от их вероисповедания, и все они, как граждане, пользуются одинаковыми правами.

Никакого «оцерковления» государственной жизни реформа приходского самоуправления не производит, как о том кричат ее противники. Приход рассматривается как мелкая территориальная земская единица, объединяющая граждан своего небольшого района. Кому же лучше и знать местные нужды, как не им? Все творческое, государственно-сознательное, хозяйственное, все стремящееся приступить к очередной необходимой задаче восстановления России получает широкое поле для выявления своей инициативы.

Старую Россию часто и весьма справедливо упрекали в излишней бюрократии, но ее бюрократизм ничто в сравнении с теми плодами, которые принесла революция. Достаточно сказать, что в 1921 году по официальной советской статистике из всего взрослого населения Петрограда 40 процентов составляли советские служащие. Результаты этого налицо.

Основная идея приходского самоуправления состоит как раз в том, чтобы свести управляющий бюрократический аппарат до минимума и воплотить в жизнь широкое самоуправление. Национальная мысль Приморья сделала совершенно правильный вывод, что разрозненная Россия, ее разрушенное хозяйство и разбитая жизнь могут быть восстановлены не кем-то стоящим сверху, а только усилиями самого народа снизу.

Если не построим хорошую жизнь для себя, этого никто не сделает за нас и для нас.

Все тяготы устроения жизни ложатся на самих же граждан, а приход является формой и основой их организации.

Воля народа предполагает осуществление в жизни его интересов и проведение такой политики, которая бы им соответствовала. Ясно, что никто не может лучше выявить эту волю, чем сам народ, и его в данном случае не заменят никакие представители политических партий.

В приходском самоуправлении как фундаменте широкой общественной самодеятельности мы, прежде всего, видим подход к осуществлению такой воли народа.

Русская армия. Владивосток. № 171. 8 сентября 1922 г.

От Правителя Приамурского Земского Края

Советские комиссары кричат по всем углам, что я объявил мобилизацию, чтобы вместе с японцами покорить русский народ и занять Москву.

С одним известием поспешили комиссары, с другим опоздали. Мобилизации я не объявлял и не буду объявлять.

По безграмотности, видно, комиссары мой приказ о резерве Земской Рати спутали с мобилизацией, а может, и не спутали, а просто, по принадлежности к иудейскому племени, плохо по-русски понимают.

А кого в резерв призову, того еще не объявлял. Во всяком случае, не тех, кого принято мобилизовать.

А вот относительно японцев комиссары опоздали со своим известием.

Японцы уезжают, слава Богу, благополучно к себе, на острова, и о походе на Москву им думать уже не приходится, разве что комиссарские еврейские главари Иоффе и Янсон их пригласят в Белокаменную из Чаньчуня, где сейчас между ними ведутся какие-то разговоры.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 171. 8 сентября 1922 г.

Довольно слов – нужно дело

Отличительным свойством русского обывателя всегда являлся взгляд на казну как на какую-то дойную корову. Обыватель считал, что эта корова должна давать ему молоко, сливки и масло, а кормить ее он может «постольку-поскольку»...

Все права обыватель сохранял за собою, и главное право – возможность предъявлять власти требования, а об обязанностях своих предпочитал не упоминать. Власть должна была заботиться об охране населения, учить, лечить, проводить дороги и проч., словом, все представлять к услугам обывателя, а обыватель, как ему казалось, ничего не должен был власти. Такие взаимоотношения между населением и властью после революции не только не изменились, но и остались прежними, и даже усилились.

Большевизм развратил душу народа, и обыватель стал поддаваться только влиянию палки, применением которой власть только и могла добиться исполнения гражданской обязанности.

Скоро полтора года, как силой проснувшегося в русских людях национального сознания сброшена власть коммунистов в Приморье, однако не проснулось еще чувство жертвенности в душе приамурского гражданина, и об этом приходится вновь и вновь напоминать.

Если Приморье до сих пор сдерживало натиск красных, то этим оно обязано только наличию здесь национальной Русской армии. Теперь, когда японцы уходят, значение русской армии в де-

ле защиты края неизмеримо возрастет, и все должно быть принесено в жертву для обеспечения тех, кто отдает за нас самое дорогое — свою жизнь.

Мы вспоминаем заявление генерала Молчанова, сделанное им в январе этого года: «Тыл должен организоваться, тыл должен изыскать все необходимые средства для поддержки тех, кто беззаветно проливает свою кровь в борьбе за русскую национальную идею. Общественность должна быть жертвенной и, отказавшись от всего личного, группового и классового, должна употребить совместно с властью все свое внимание на то, что для своего существования требует наше государство и фронт».

Эти слова сказаны были девять месяцев тому назад, и, к нашему стыду, они также свежи сейчас, как и тогда. Общество не проявило своей жертвенности. Готовое ко всему на словах, оно уклонилось от исполнения своего долга на деле, ограничиваясь только разговорами.

Мы вспоминаем и резолюцию, принятую в Народном Собрании в конце января сего года, где говорилось, что «все государственное управление должно направляться, главным образом, на снабжение армии. Необходимо усилить поступление в государственное казначейство путем усиления чрезвычайного налога с движимого и недвижимого имущества, а равно и с капитала, причем вырученные от налога средства должны расходоваться исключительно на нужды войск. Одновременно необходимо изыскать более значительные средства путем займа».

И в данном случае слова остались словами. Сделано в этом направлении не было совершенно ничего. Не только не были установлены новые налоги на содержание армии, не только не был проведен для этой цели внутренний заем, но не были получены и недоимки по старым налогам.

Обращение начальника тылового района контр-адмирала Старка к населению и общественным организациям вновь напоминает спящим, что «настал грозный час» и пора проснуться, спасение в нас самих.

С печалью и болью приходится отмечать, что недоимщиками казны, дезертирами от исполнения гражданской обязанности являются как раз те слои населения, которые так много говорят о своей готовности поддержать торжество национальной идеи. Такое дезертирство является преступным, и уклоняющиеся от исполнения своего долга пред государством должны понять, что то, что они

берегут сейчас, не желая давать государству и армии, может быть отнято у них бандой интернациональных разбойников и грабителей, если эта банда при их попустительстве и «нейтралитете» захватит Приморье.

Тыл должен проникнуться идеей жертвенности. Все должно быть сделано для облегчения положения воинов и их семейств, ибо только тогда фронт может быть крепок, а тыл может быть спокоен за свою участь.

В гражданской войне армия – это все, и надо признаться, что большевики давно поняли эту истину, и не только поняли, но и неуклонно проводят ее на деле. Тыл может голодать, тыл может холодать, в тылу могут быть раздетые и разутые, но армия должна быть накормлена, согрета, обута и одета.

Если в силу экономических обстоятельств данного момента, имущее население Приморья не располагает свободной наличностью, обращение контр-адмирала Старка указывает для него совершенно правильный выход. Нет торговли, но есть товары, есть продукты, материалы, предметы, необходимые для армии. Вместо денег несите их.

Делается последнее предупреждение. Делается последняя льгота тем, кто не исполнил своего долга пред государством, властью и фундаментом их – Армией. Далее должны последовать меры принуждения. Если государственное сознание и сознание даже собственных интересов еще спит в обывателе, должны быть приняты надлежащие меры, чтобы его разбудить.

Если подвергается карам дезертир из рядов армии, и это считается справедливым, не менее справедливым считать и то, если власть употребит свою силу для предупреждения недоимщиков-дезертиров исполнить их долг.

Русская армия. Владивосток. № 174. 15 сентября 1922 г.

От Никольска до Спасска (путевые впечатления)

Проезжая по железной дороге от Никольска до Спасска, вы не видите того разрушения, следов русской смуты, какие встретите везде в остальной России.

Это единственный уголок по всей России, где крестьянство засеяло столько, сколько могло, не опасаясь, что хлеб будет реквизирован.

И, кажется, район от Никольска до Спасска единственный, где урожай нынешнего года равен довоенному урожаю.

Вы видите море уже сложенного в копны хлеба, кое-где запоздавшую с уборкой крестьянскую семью, дожинающую последние полосы, мирно пасущийся скот.

Избыток всего, мирные трудовые работы, мирные, полные хлеба поля.

Глядя на них, не верится, что где-то страшный голод, огромные недосевы, не верится в то, что Россия будет и в этом году страшно голодать. Глядя на этот избыток, не верится, что такие же русские крестьяне там, в России, едят человеческое мясо.

И только военная обстановка по линии железной дороги говорит о том, что на границе этих полей назревает опасность, что и эти поля, этих крестьян может постигнуть та же участь, как и крестьян Поволжья и Сибири.

Да, это неизбежно будет, если красная волна разольется по этим полям. Будет голод, будет разорение, будет и голодная смерть.

Это неизбежно там, куда ступает нога большевика, где большевик начинает хозяйничать.

Так было с Поволжьем, случилось это и с Сибирью, разруха, голод и недосевы захватили и Амурскую область.

Неизбежно это зло и здесь в том случае, если красная опасность не будет изжита.

Это чувствуют крестьяне. В мимолетных встречах, разговорах чувствуется эта скрытая тревога. И такова уж, видно, психология русского человека, что, чувствуя опасность, он все же ждет, когда она войдет в его дом. И только тогда начинает бороться с нею.

Слишком уж русские люди привыкли надеяться на авось. Медвежья у нас психология... умеем мы создавать, чудеса в этом отношении делаем, но хранить, уберечь не умеем.

На одной шестой света создали могущественное государство. А сохранить не сумели.

И верим, что снова создадим Великую Россию. И, может быть, тогда научимся и беречь ее...

А покамест что нужны титанические усилия немногих, кому чужда медвежья психология, для того, чтобы пробудить косных.

И дай-то Бог, чтобы на этих полях, полных хлеба, на полях крестьян Спасского и Никольского уездов, не видевших ужаса русской смуты, снова и снова не повторился кошмар русской косности.

Не верится, чтобы эти поля были обречены на разгром красной орды.

Верится, что крестьянство хорошо поняло красную опасность, хорошо знает судьбу землеробов России и Сибири и не повторит их ошибки.

Тот перелом в настроениях, о котором говорят, и который особенно выявился после поездки Правителя по деревням Спасского района, дает право думать и верить, что крестьяне не повторят ошибки центральной России и Сибири.

П. Прибельский

Русская армия. Владивосток. № 174. 15 сентября 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края

№ 32

12 сентября 1922 г.

ст. Никольск-Уссурийский

Об основах народного воспитания и образования.

В святом деле воссоздания русской государственности и восстановления исторического величия Русского имени русской школе принадлежит одно из первых мест. В русской школе я вижу залог русской будущности, а в ее руководителях, наставниках и питомцах – стражей Русской Государственной чести и блюстителей Русского национального достоинства.

Школа должна послужить нам очагом пламенной веры и нравственной стойкости. Школа должна воспитать и укрепить в подрастающем поколении лучшего чувства человека и гражданина.

Основываясь на русских национальных началах, русская школа даст надежных борцов за славу и процветание России. Приучая своих питомцев к планомерному труду, укрепляя в них дух, надея на не только знаниями, но и запасом духовной силы, школа создаст под сенью Святого Креста достойных носителей русского имени, способных доблестно закончить то великое дело спасения

России, во славу которого восстали ныне мы, отцы и деды юного поколения измученной, исстрадавшейся Матери-Родины.

Таковы мои надежды на школу, таково мое сознание значения русской национальной школы.

Не внося коренных изменений в постановку школьного образования и имея ввиду лишь, с организацией приходских самоуправлений, привлечь к более деятельному участию в школьном строительстве само население, я тем не менее считаю необходимым теперь же, в начале настоящего учебного года, оградить местную школу от применения в ней тех тормозящих нормальное развитие опытов в области народного просвещения, которые, являясь результатом крайних увлечений ложными теориями, отвергаемыми истинной наукой материализма, повели ее по пути отторжения от той Глубокой Божьей Правды народной мудрости, которая составляет основу истинной свободы и национального величия нашей Родины.

Взамен этих губительных опытов, чуждых задачам истинного просвещения русского народа, прежде всего, необходимо усилить религиозно-нравственное воспитание подрастающего поколения на основах христианского вероучения не только путем восстановления усиленно изгонявшегося за последние годы из школы преподавания Закона Божьего, но и путем сообщения этому преподаванию, как и всему школьному обиходу, повседневной работы, начал неуклонного наставничества и руководства учащихся по пути достижения христианских идеалов личной жизни и взаимоотношений между людьми-братьями, указанных нам нашим Божественным Учителем.

Вместе с тем, наша школа должна являться хранительницей культурного достояния русского народа и на исторических основах славного прошлого России развивать в своих питомцах чувства национального достоинства и беззаветной любви к Родине. В этом отношении должно быть обращено особое внимание на изучение истории своей Родины, на усвоение юношеством великих и светлых задач, преследовавшихся историческим смыслом Русского Государственного Объединения, на сознательное понимание духа и смысла Российского национального, религиозного демократического наследственного Самодержавия, как формы Государственного Правления, освещенной нравственно-религиозной идеологией народа в понятии о «Помазаннике Божьем».

Воспитанию здорового патриотизма, вместе с укреплением в вере должно быть отдано предпочтение перед механическим насыщением учащихся разнородными отрывочными познаниями, нередко затемняющими молодой ум и препятствующими естественному развитию природных дарований.

С другой стороны, должны быть приняты все меры к беспрепятственному продвижению наиболее одаренных натур к областям высших знаний и всякого рода препятствия, вызываемые разнородностью типов существующих школ, должны быть постепенно упразднены.

Необходимо обратить внимание также и на физическое развитие учащейся молодежи в наиболее достижимых формах осуществления этой задачи в школе или вне ее.

Стремлением к осуществлению указанных основ должны быть проникнуты все мероприятия в области дошкольного и внешкольного обучения, не только в пределах Приамурской Государственности, но и при распространении их на имеющих войти в ее состав, по мере расширения территории, новые районы.

При этом, за Ведомством Народного Просвещения, как за органом центральной власти, ведающим одной из главнейших областей государственного строительства и управления, соответственно своим предназначениям в указе от 15-го минувшего августа, сохраняется значение руководяще-контрольного характера в общегосударственном масштабе, главные же заботы о надлежащей постановке и нормальном развитии дела воспитания и образования подрастающего поколения на местах должно будет лежать на подлежащих органах приходских самоуправлений, и не только со стороны материальных жертв, но и живого участия в насаждении, развитии и упрочении основ истинного просвещения народа – в соответствии с национально-историческими задачами России.

Памятую о том, что «в просвещении народа – его сила» и будучи уверен, что так мыслят и истинные борцы за благо и счастье народа, настоящим обращением к населению Приамурского Земского Края я призываю всех русских людей на нашей далекой окраине к тесному содружеству на благодатной ниве народного просвещения.

В дружном единении семьи со школой в вопросах национального воспитания заключается первое условие успехов школы, как фактора нашего государственного возрождения, и в работе на этом пути государственного возрождения я хотел бы видеть всех, кому

дороги задачи истинного просвещения, кто относится бережно, тепло и сердечно к нашей надежде, нашему юношеству и нашему подрастающему поколению, и кто стремится воспитать в нем пламенных борцов за освобождение Родины от томительных оков духовного рабства и угнетения.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс.

ГА РФ. Ф. 6143. Оп. 1. Д. 3. Лл. 43–45.

Приветствие Русской Духовной Миссии в Пекине Правителю Приамурского Земского Края

Ваше Высокопревосходительство, Высокопочтимый Михаил Константинович. Русская Духовная Миссия в Пекине и русские люди, нашедшие приют в стенах ее, с чувством глубокого восхищения узнали о выборе Вас главою национального и религиозного движения на Дальнем Востоке.

Великая Россия строилась на трех основах: Бог, Царь и отечество, и пока народ имел в душе и сердце эти святыни, он благоденствовал и был для всех грозен.

Русские люди на Востоке, пройдя путь страданий, поняли это и помогают Вам воскресить религиозно-национальные и старорусские основы, обычаи и формы, с помощью коих только и можно создать разрушенную государственность.

Бог в помощь Вам и всем сотрудникам Вашим в тяжелой борьбе светлых государственных начал с черной немощью супостатов.

Да светит Вам путеводною звездой горячая вера Ваша в Милосердие Божие, которую не убоялись Вы всенародно исповедовать.

Да укрепят Вас сонмы Сил Небесных.

Мы же будем глубоко счастливы быть хоть чем-нибудь да полезными Вам.

Архиепископ Иннокентий
Архимандрит Симон

Русская армия. Владивосток. № 174. 15 сентября 1922 г.

Первый Земский Съезд в с. Вознесенском

К началу съезда 14 сентября в селе Вознесенском все было подготовлено для встречи Правителя, который должен был открыть съезд крестьян. Делегаты собрались еще накануне. Всего прибыло 82 делегата, причем были такие, которые приехали за двести верст и из таких районов, где партизаны запугивали население, угрожая крестьянам террором в том случае, если они пошлют своих представителей в Вознесенское. Несмотря на эти запугивания, делегаты в деревнях были выбраны и посланы на съезд.

В Вознесенском начальником гарнизона полковником Аргуновым было отведено для делегатов общежитие, довольствие делегаты получали от гарнизона, причем по окончании съезда делегаты получили проездные деньги.

Все село было разукрашено национальными флагами. На здании школы, где должен был открыться съезд, было вывешено полотно с надписью «Добро пожаловать». Несмотря на дождь и полевые работы, в селе чувствовалось невиданное до сего дня движение и оживление. Все готовились, все ждали, и у всех было приподнятое, праздничное настроение.

Правитель приехал в 12 часов дня 14 сентября и отправился на квартиру, для него отведенную у местного священника. Когда Правитель подъезжал к селу, начался торжественный звон в колокола сельской церкви.

Минут через 10–15 по приезде в село Правитель проследовал из дома священника в церковь, на паперти которой был встречен духовенством в полном облачении.

В то время, когда Правитель вышел из дома священника и направился к Церкви, все присутствовавшие на площади сняли шапки.

Перед входом в церковь делегация от местного населения во главе с председателем местного поселкового правления встретила Правителя хлебом-солью.

– Тебе, Правитель, от крестьян, – сказал при этом, передавая хлеб-соль, председатель поселкового правления.

После молебна, когда Правитель подходил к кресту, местный священник сказал прочувственное слово, которое закончил следующими словами, благословляя Правителя крестом:

– Да благословит Вас Бог, Ваше Высокопревосходительство, на Ваш равноапостольский подвиг. Да поможет Вам Господь Бог.

После молебна состоялся парад Томской дружины и артиллерии. Несмотря на то, что все время лил дождь, парад прошел торжественно и произвел на население глубокое впечатление.

По окончании парада Правитель сразу же отправился в школу. Перед школой, выстроившись в ряд, Правителя ожидали делегаты.

Выборные от делегатов преподнесли Правителю хлеб-соль на широком русском полотенце с двуглавыми государственными гербами, вышитыми по краям полотенца.

В школе не могли уместиться все желавшие слышать слово Правителя. В продолжении всего заседания около школы стояли толпы крестьян и казаков под не перестававшим дождем.

Когда делегаты разместились по скамьям, после молитвы, Правитель занял место за столом в переднем углу и обратился к делегатам с речью.

В простых, понятных всем словах Правитель объясняет идеологию Приамурского государственного объединения, указывает на роль интеллигенции и крестьянства в национальном движении, разъясняет, что должен сделать крестьянский съезд.

– У меня нет партий, – говорит Правитель, – я делю всех людей на честных и разбойников. Честных людей я зову идти со мной. И к Вам я приехал, чтобы просить вашей помощи.

Вся его речь в течение приблизительно полутора часов была прослушана с напряженным вниманием. Чувствовалось, что каждое слово Правителя глубоко западает в душу каждого делегата, оценивается со всех сторон, глубоко понимается. Чувствовалось, что крестьяне понимают, что в их жизни этот день имеет громадное, неизгладимое впечатление.

Простая, прочувственная речь Правителя, вся обстановка, при которой открылся съезд, встреча «по-старому» разбудили в душе каждого делегата всю силу русских чувств, желание во что бы то ни стало помочь Правителю в его Национальном деле. И когда после речи Правитель выехал обратно в Никольск, оставшись одни, делегаты быстро выбрали президиум съезда, быстро рассмотрели поставленные перед съездом вопросы.

Не теряя времени, надо работать. Надо помочь Правителю. Таков был лозунг всех и каждого.

Точно сговорились все заранее и без проволоочки, без заминок, без лишних разговоров, так обычных на собраниях, выбрали президиум, выбрали четырех представителей в Земскую Думу, установи-

ли очередь для волостей и округов по выборам кандидатов в Земскую Думу на месячный срок.

Съезд закрылся в восемь часов вечера.

На другой день делегаты на специально наряженных для них подводах разъезжались по своим деревням, а выборные в Земскую Думу в этот же день отправились в Никольск-Уссурийский.

В первую очередь выбраны в Земскую Думу представители ближайших к Никольску волостей и одного станичного округа.

От Михайловской волости выбран Голубь Евлапий Андреевич. От Осиновской волости – Андрусенко Игнатий Иванович, от Покровской волости – Совченко Филипп Григорьевич и от Гродковского станичного округа – Гречкин Дмитрий Иванович.

Съезд произвел на население Приханкайского района глубокое впечатление. Несмотря на то, что стояла скверная погода и в то же время шли полевые работы, в Вознесенском собралось много народу.

На съезде у крестьян выросла уверенность, что Правителю удастся спасти край от красных разбойников.

Эта уверенность вселила веру и любовь к Правителю Края и Воеводе Земской Рати.

П. Пр-ский

Русская армия. Владивосток. № 175. 17 сентября 1922 г.

Письмо к М.К. Дитерихсу следователя Н.А. Соколова о продолжении расследования Цареубийства

Господину генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу
1922 год, Париж

Предварительное следствие по делу об убийстве Членов Дома Романовых мною непрерывно продолжается.

Ввиду того, что следствие имеет в основе своей правовое начало, свойственное всем культурным народам, я ни у кого в Европе не встретил отказа, подвергнув лицо формальному допросу, когда я это считал нужным.

Благодаря этому, мною допрошены на территории Франции и Германии весьма важные свидетели. Кроме того, здесь удалось расшифровать самые главные документы, а от немецкой власти – получить весьма важные документы.

Учитывая ныне самый характер фактов, установленных следствием, я заявляю Вам самым категорическим образом, что это факты – громадного политического значения для самого дела борьбы за Россию.

Каковы бы ни были те цели, которые ставят себе люди, руководящие этой борьбой, как бы ни определяли они самую форму власти в данное время, знание этих фактов следствия для них, безусловно, обязательно, ибо оно не может не обуславливать самых методов борьбы.

В чрезвычайно трудной и крайне сложной обстановке работа в Европе кончена. Крайне необходимым представляется мое возвращение на Восток России для дальнейшего продолжения следствия, ибо там находится очень много людей, допросы коих необходимы.

Средств я не имею для возвращения в Россию.

Я прошу, Ваше Превосходительство, ввиду Вашего особого положения... сделать все зависящее от Вас, дабы мне была предоставлена возможность к дальнейшему выполнению моего долга.

Судебный следователь
по особо важным делам

Н.А. Соколов

Из архива А.А. Васильева.

Обращение Правителя Приамурского Земского Края по поводу переговоров Японии с Дальневосточной Республикой и РСФСР в Чаньчуне

Маленькому национальному антисоветскому Приамурскому Государственному Объединению готовится людьми большая международная опасность. Конференция между Японией и Советской властью. Чаньчуньская Конференция между Японией и Советской властью, если она приведет к каким-либо соглашениям, то для Японии это будет повторением Брест-Литовской капитуляции Германии. Быть может, подобно и Германии, Япония еще сможет провести здесь на Дальнем Востоке какое-либо подобие немецко-украинской авантюры, но факт капитуляции и соглашения с носителями антиморальных принципов на земле остается непреложным, и возмездие высших, Божественных, попирае-

мых человеком нравственных законов человеческого бытия не замедлит разразиться над Японской Империей, как разразилось оно в свое время над вознесшейся и возмечтавшей о себе Германской Империей.

Прикосновение к огню антихристового разрушения не остается безнаказанным для людей, думающих, что они все властны творить сами по себе, и не останавливающихся ради достижения своего человеческого перед попранием нравственных принципов Божеского Начала.

С точки зрения сухого людского суждения, маленькое национальное Приамурское Государственное объединение, горделиво и смело выкинувшее знамя борьбы за Веру, Царя и Отечество, конечно, будет раздавлено и стерто с лица земли этой грозно и неизбежно надвигающейся колоссальной волной международных опасностей. Нечего скрывать, что у него нет ни денег, чтобы жить, ни патронов, чтобы защищать свою жизнь. И никто извне ни того, ни другого не даст, не протянет руки помощи, не защитит и не заступится. На это у мира нет ни совести, ни смелости, ни рассудка.

Гражданин Приамурского Земского Края предоставлен людьми сам себе.

Люди Приамурья и Дальнего Востока!

Перед лицом описанной надвигающейся опасности я обращаюсь к Вам всем с настоящим словом.

Что ждет Вас?

Явная или скрытая оккупация Края иностранцами не спасет Вас. Это может лишь на время оттянуть катастрофу, но тем ужаснее она будет для Вас потом, как было на Украине. Да разве возможна и какая-либо национальная, святая и чистая работа в Крае, оккупированном иностранцем?

И вот, гонимый за свой грех, как вечный жид, бросится в смертельном страхе городской обыватель и общественный делец в новое, безнадежное, безыдейное беженское скитание в погоне за маленькой житейской мечтой найти где-либо угол в мире иностранном, где можно было бы переждать безопасно мировую антихристову бурю.

Другие, не обладающие средствами, останутся по неизбежности; третьи, способные кривить совестью и честью, останутся в расчете на соглашательство, и обе группы вместе через небольшой промежуток времени разделят кабалу, гнет, потерю воли, нужду, которыми сопровождаются для людей повсеместно водворение антихристового «рая» Советской власти.

Вас, крестьяне и рабочие Приамурского Края, еще не испытавших в полной мере коммунистического режима, Вас комиссары и агенты изуверов иудейского племени оболещают лживыми посулами, что власть их – власть народа, свободы и земного рая. Оглянитесь назад, на запад, и Вы увидите обманутых ими же Ваших братьев крестьян, грызущих в обезумевшем ужасе голода тела своих детей, и рабочих, скрежещущих с голода над станком, к которому прикован он крепостным правом коммунистической «свободы».

Вы партизаны! Неужто Вы не знаете судьбы собратий партизан, захваченных Советской властью Забайкалья... Их нет уже... «Народная Власть» Бронштейнов, Арфельбаумов и им подобных огнем и кровью превратила их в своих рабов или свела с лица земли.

Вот, что ждет тебя, гражданин Приамурской земли!

Вы думаете, я не слышу Ваших возгласов?

Зачем эта правда о деньгах и патронах?.. Зачем это запугивание?.. Все это на руку врагу и вносит смуту в сердце слабых.

Мои слова не для врага, а для Вас, главным образом, для тех, кто со мной вместе на Земском Соборе поднял в противовес антихристовым идеям коммунизма бесконечно великие Божественные идеи Христова учения и историческо-нравственно-религиозной идеологии Монархического строения Российского Государства.

Четыре года гражданской борьбы, в противовес Антихристовой идее, выдвигался только белый, честный человек и сила физическая.

Успех был на стороне Сатаны.

Ныне, наконец, настал желанный час.

Вы выдвинули в противовес Великую Христову идею.

Но помните, что в борьбе идеи добра и зла, в борьбе идеи Христа и Антихриста – победа первых никогда не достигалась физической силой.

В чем же спасение?

Христос сказал своим ученикам: «Царство Небесное внутри Вас есть».

И я говорю Вам: «Спасение Ваше, победа Ваша – внутри Вас самих».

Враг наш, враг Христа – Ложь, и Ложь ужасная и сильная. Она не брезгует ничем для достижения победы. Она поняла сейчас, что идеалы Христа в сердцах Русского народа не заглушить насильем,

террором, штыком и пулей. Она поставила его тогда перед лицом новой Церкви – Церкви лжи, Церкви Антихриста. Тому виною и некоторые наши пастыри.

Нашлись Епископы во главе с развратником Антонином, и новый ужас, еще не переживавшийся Россией, «ужас мерзости запустения» ожидает несчастный, измученный Русский Народ.

Если надо будет, Ложь не остановится и на этом, она не остановится и перед мировым ужасом создания Ложного живого Христа.

Антихрист свои сильные идеи подкрепляет сильнейшим злым делом.

Граждане Приамурья!

Вы подняли идею знамени борьбы. В ней первый лозунг – Вера.

Эта Вера живет в каждом из Вас, она внутри нас есть. Но чтоб быть ей несокрушимою силою в борьбе с идеею коммунизма, ей должно быть отдано Вами, Граждане, все свои силы, все свои помыслы, все свое стремление, все личное, все житейское и человеческое.

Несокрушимой становится она тогда, когда по слову Христа человек становится способным ради идеи «отвергнуться от себя».

Граждане! Эта способность, эта сила может быть только внутри нас самих.

В сознательном, горячем отвержении от самих себя вокруг Веры Христа, вокруг Церкви Его, на земле только и может быть достигнуто объединение Народной массы для победы над Антихристовой идеей коммунизма.

Искреннее сознание выливается в деле, в жертвенности своей жизни, своего достоинства.

К этому делу, во имя Христа, я и призываю Вас.

Если Вы найдете в себе силу и Веру отдаться всем существом и всем достоянием служению Христовой Церкви, Вы спасены, ибо все остальное для победы приложится тогда само.

Если нет, Вы погибнете, так как Вера без дела – мертва есть.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

14 сентября 1922 года

Ст. Ник.-Уссурийский

Русская армия. Владивосток. № 175. 17 сентября 1922 г.

Торжественное открытие съезда Русских Национальных Организаций (Национального съезда) в Никольск-Уссурийском 15 сентября 1922 г.

Съезд открывается под председательством комиссии по созыву съезда г. Митаревского. Под общую овацию, крики «ура» на трибуну поднимается Правитель М.К. Дитерихс... (полный текст речи ген. Дитерихса приводится ниже, в воспоминаниях ген. П.П. Петрова – прим. сост.).

Выборы президиума съезда

После речи Правителя производятся выборы президиума съезда.

Председателем съезда единогласно выбирается Профессор Миролубов, который благодарит съезд за избрание и в дальнейшей своей речи указывает на задачи съезда и на те общие идеологические обоснования, которыми должен руководиться съезд в своей работе.

Товарищами председателя выбираются в порядке голосования: Городской голова г. Никольска г. Толок, представитель казначейства генерал Бакшеев и представитель г. Владивостока Н.Г. Рачков.

Секретарями: Домрачев, Унтербергер, Лебедев, Уточкин.

Президиум, по постановлению съезда, должен состоять из 10 лиц. Выборы двух помощников секретарей откладываются.

После выборов идут приветственные речи. От Монархических организаций выступает П.П. Васильев, от города Владивостока – генерал Андогский и прочие представители разных городов и организаций.

Во всех произнесенных речах ораторы базируются на только что произнесенную речь Правителя, во всех речах слышится призыв к дружной работе, к единению вокруг Правителя, к жертвенности и к самопожертвованию.

По окончании приветственных речей съезд закрывается.

На открытии съезда присутствует масса публики.

Русская армия. Владивосток. № 175. 17 сентября 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края № 36

15 сентября 1922 г.

ст. Никольск-Уссурийский

Посетив поселки, села и деревни, бывшие под влиянием большевицкой власти, я увидел, что ни изуверства антихристовых руководителей советского правления, ни высокопарные, но ложные посулы творцов коммунистических порядков не заставили народ русский отказаться от своей веры христианской, отказаться от своей семьи родной, от семьи села, от своего национального быта и местного самоуправления.

В этом сказывается прочность в народе исторических национально-религиозных заветов Веры и Земли; в этом сказывается неизбежность победы Креста рано или поздно над антихристовым учением советских главарей; в этом сказывается неизбежность торжества русского Помазанника Божия над социалистическими идолами коммунистического учения.

Сила нашей борьбы с насильниками земли Русской и изуверами иудейского племени не в вооруженной победе, не в призыве народа к пролитию новых потоков братской крови, не в насилии над обманутым коммунистом русским рабочим и крестьянином, а в усилении веры и любви Христа в измученных смутой душах народа, в сплочении и привлечении его всего к строительству своих разоренных сел и деревень, обобранных советскими властями и их приспешниками – ворами полей, нив и пахотей крестьянина, заводов и фабрик рабочих.

Дабы укрепить паству Приамурского Земского Края в истине и в свете отцовской и дедовской веры, я прошу съехавшихся ныне в Епархиальный Съезд в Никольск-Уссурийском Владык Духовной Епархий собрать по возможности в ближайшее время Церковный Собор, который волеет в пастырей церкви новый приток силы и мужества для смелой проповеди учения Христа и просвещения в нем граждан церковных приходов. Пусть каждый гражданин в сердце и совести своей проникнется заповедью Христа о срдобольном Самарянине, и тогда наша совместная гражданская работа на общее благо Родины и освобождения ее от ложных учителей свободы и права народа приведет к сплочению всех слоев и сословий великого народа Российского в единую, могучую и свободную

нацию под сенью благодати Господней в лице единственного хозяина земли русской – Помазанника Божия.

В моем Указе о гражданском строительстве Приамурского Земского Края на приходской системе я указывал назначение этой системы, как стремление привлечь к строительству все народные силы, которые только и смогут совершить, как чудо, великое воскресение России.

Но проведение этой меры требует и времени, и средств, которые очень сейчас ограничены. Требует она подготовки к ней как высших органов Управления Краем, так и народных представителей. Между тем, все мы живем по воле Божьей, и, может, Господу будет угодно призвать меня до завершения мною задачи, возложенной на меня Земским Собором.

В силу изложенного Повелеваю:

1) Земской Приамурской Думе отныне быть не только законосовещательным, но и исполнительным органом, для сего развить положение о сей Думе и принять внутреннюю соответствующую организацию.

2) Земская Дума возглавляется Советом Земской Думы из четырех членов. Для сего Думе надлежит избрать из своего состава двенадцать кандидатов, из коих мною будет назначено в Совет четыре члена. Выбор кандидатов произвести как из числа членов Думы по выборам Земского Собора, так и из числа состоящих членами по своему служебному положению и по моему назначению.

3) В ведение Земской Думы переходят все Ведомства, за исключением Иностраннных Дел, каковое остается в моем непосредственном подчинении.

4) Каждым Ведомством ведает особая Комиссия Земской Думы, которая является ответственной за работу Ведомства во всех отношениях.

5) Совет наблюдает и руководит работой всех Комиссий и разрешает вопросы, выходящие из прав, представленных законом Министрам. Он же объединяет решения вопросов, если таковые затрагивают несколько Ведомств.

6) В каждой из Ведомственных Комиссий Думы один из членов является Председателем с преимущественным правом голоса. Увольнение и утверждение Председателей производятся моими Указами, но по представлении Совета Думы.

7) За собой оставляю: общее идейное и принципиальное руководство работой Земской Думы, утверждение и изменение законов, руководство Иностранным Ведомством и непосредственное Воеводство Земской Ратью, как сухопутной, так и морской.

Естественно, что за мной остаются и все права, присущие единоличной Верховной власти.

8) С переходом Ведомств в ведение Земской Думы, Канцелярия при Правителе переименовывается в Канцелярию при Совете Земской Думы, а из Ведомства Внутренних Дел выделяется в отдельное – Ведомство Народного Просвещения.

9) Для привлечения более широких масс населения к ознакомлению с работой Земской Думы и с подготовкой организации Управления Приамурским Краем на приходских началах, Повелеваю:

После предстоящих созывов Земских Съездов Приханкайского, Спасского, Анучинского, Никольского, Раздольнинского, Сучанского и Посъетского районов, избрать от перечисленных районов по два представителя от каждого и командировать их для присутствия в Земской Думе сроком на один месяц. По истечении месячного срока от названных районов командироваются в Земскую Думу другие два представителя, и так производится каждый месяц.

За время своего месячного командирования в Земскую Думу представители от районов получают казенное помещение, паек и суточных по одному рублю в день.

10) Время перехода Ведомств в ведение Земской Думы назначу по окончании организации Думы, согласно вышеизложенного.

11) В случае моей смерти Верховные Права над Земским Приамурским Краем переходят временно Совету Земской Думы.

В силу сего Совет Земской Думы, по своему назначению, приносит присягу по форме присяги, принесенной мною перед Приамурским Земским Собором.

Кроме сего, Совет Земской Думы, с принятием временно Верховной Власти, обязуется созвать в кратчайший срок новый Земский Собор, которому и будет принадлежать право персонального избрания новой единоличной Верховной Власти.

Правитель Приамурского Земского Края Мих. Дитерихс

С подлинным верно:

Вр.и.д. начальника Инспекторского отделения штабс-капитан Верещагин

Русская армия. Владивосток. № 175. 17 сентября 1922 г.

Вручение Правителем Знаменного Андреевского флага Командующему Сибирской флотилией контр-адмиралу Старку

Никольск-Уссурийский, к 2½ часам дня 26 сентября на Занаворскую улицу, к собору приходят части Рати и располагаются фронтом морские стрелки, с оркестром духовой музыки флотского экипажа, конвой Правителя, части 3-его корпуса, пехота, кавалерия и артиллерия.

К 3 часам дня улица наполняется многочисленной публикой. Из собора выносятся знаменный флаг – Андреевский – и выходит военное духовенство.

С правого фланга фронта расположились начальник канцелярии Правителя г. Домрачев, члены Земской Думы, городской голова и другие представители общественности.

Ровно в 3 часа дня к собору приезжает Правитель, адмирал Старк со штабом.

По приезде Правителя духовенством был отслужен благодарственный Господу Богу молебен, во время которого священником была произнесена речь. После молебна Правитель, адмирал Старк, представители военного командования и общественности подошли к св. Кресту.

После молебна и ухода духовенства в собор, Правитель со знаменосцем с знаменным флагом обходит фронт войск. Возвратившись к правому флангу, Правитель обратился к адмиралу Старку с речью. Адмирал Старк, выслушав стоя на коленях речь Правителя, принял знамя – Андреевский флаг и передал знаменщику. Знаменщик, получив флаг, становится на правый фланг фронта.

Затем Правитель обходит фронт и здоровается с частями. После этого войска проходят мимо Правителя церемониальным маршем.

После прохождения войск знаменосец со знаменем становится во фронт роты морских стрелков, которые под звуки марша уходят.

Русская армия. Владивосток. № 179. 29 сентября 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края

№ 49

26 сентября 1922 г.

г. Никольск-Уссурийский

Граждане, интеллигентные силы Приамурского Земского Края, приближается час, в который Вы должны показать себя достойными служителями веры наших отцов и дедов и беззаветно преданными сынами Руси Святой, близится время, когда, кто имеет меч, возьми его, враг Христа, враг национальной Руси, враг народа русского напрягает силы, чтобы раздавить Приморье, последний оплот Веры чистой, последний оплот сынов России Великой, последний оплот земли русской, где страстно вознесся к престолу Всевышнего величественный стяг тысячелетней истории народа русского за Веру, Царя и Отечество.

Граждане, прогневив греховностью своей Бога и потеряв за то Царя, сплотимся дружно в борьбе за веру нашу и права народа, и жизнью своей вымолим у Всевышнего Творца прощение греха земли и благоденствия нашим детям, славна смерть за веру и народ, и Вы, оставшиеся верными историческо-религиозной России Христа, русские интеллигенты, должны первым показать свой пример жертвенности, жизнью отстаивая последний клочок Руси Святой от изуверов антихристовой советской власти. Победа сейчас есть спасение своей и народа своего свободы, победа сейчас есть залог победы России Христа – все наше обыденное житейское, личное – все должно быть отдано, забыто на время – и силы, и средства всех общественных интеллигентных масс Приамурья, как засвидетельствовал мне и национальный съезд, должны быть принесены на защиту веры народа, его прав и его будущего благосостояния.

Ты, молодая учащаяся интеллигенция, ты горячо шла всегда в первых рядах солдат великих Христовых идей, брось сейчас свои книги – только победа даст тебе возможность закончить в будущем свое образование, иди сейчас в ряды наших славных бойцов Волги, Камы, Урала и Сибири и принеси им с собой радость видеть тебя рядом с рабочим и крестьянином земли русской.

Вы – домохозяйева, промышленники, рабочие, интеллигенты – труженики, помните, что свободный Ваш труд, жизнь и промысел обеспечит только победа над врагом. Борьба наша именем Христа и Святой Державной Руси в груди, идите смело в ряды войск с верой!

в благость Господа и милость его, и он ниспошлет Вам спасение своих семей, детей, очагов, спасение в жизни сей и славу в жизни вечной за веру и народ отдадим жизнь и достояние.

Время не терпит, враг близок.

В служении божественно-национальным заветам Святой Руси, Повелеваю:

1) Закрыть на срок до 1-го января 1923 года высшие учебные заведения и военное училище, все силы молодой интеллигенции должны быть ныне отданы высшей общей народной цели – отстаять его веру, отстаивать его свободу.

2) Идя заветами Российского исторического строительства, для пополнения рядов армии бойцами городам Владивостоку и Никольску распоряжением городских самоуправлений и за них ответственностью поставить ратников: городу Владивостоку – 4 000 человек, и городу Никольску – 700 человек. Ратником может быть всякий гражданин, способный владеть оружием, не моложе 18-ти лет, в том числе и зарегистрированный как военнообязанный, но не офицерского звания.

3) Начальнику Резерва Земской Рати призвать в ряды офицеров 1 и 2 категории и разрядов и сформировать офицерский батальон.

4) Попечением городских самоуправлений ратники, не имеющие достаточной обуви и теплой одежды, должны быть снабжены таковой. Нет надобности придерживаться формы, сила не в ней, а в духе борца за святое правое дело. Для отличия иметь на левом рукаве национальную повязку, а на головном уборе – простой жестяной ополченский крест.

5) Ратники, обутые и одетые, собираются у воинских начальников, где получают воинскую амуницию, и распоряжением Начальника Резерва Земской Рати немедленно направляются на фронт, согласно особого расписания.

6) К 10-му октября ратники должны уже вступить в ряды частей на фронте.

7) Снабжением городских самоуправлений необходимой для ратников обувью, бельем и одеждой, обяываю все магазины и торговые фирмы в городах, торгующие этими предметами, отчуждение необходимого имущества произвести обязательными постановлениями на основании сего указа.

8) Содержание ратников за все время нахождения их в рядах войск возлагаю на городские самоуправления по расчету двадцать

рублей на ратника в месяц. Деньги должны быть сданы в государственные казначейства в чрезвычайный фонд Правительства.

9) На основании постановлений Национального Съезда, путем самообложения гор. Владивостоку внести в фонд, указанный в параграфе 8, миллион пятьсот тысяч золотых рублей, а городу Никольску – пятьсот тысяч золотых рублей; деньги эти предназначаются исключительно на расходы, вызываемые военными обстоятельствами.

10) Выделенному Национальным Съездом Совету самообороны поддерживать работу городских самоуправлений путем проповеди в массах тех идеологических начал, кои были установлены на съезде.

11) Общее наблюдение за выполнением настоящих мероприятий и разрешение на местах деталей дела возлагаю на Совет Земской Думы.

12) Кроме указанного усиления действующих войск городам Владивостоку и Никольску для собственной потребности организовать самооборону согласно постановлений, вынесенных городскими самоуправлениями.

13) Призывая русскую интеллигенцию к выполнению настоящей исключительной повинности, сознаю тяжесть ее, но твердо верю, что только самоотверженным служением всей массе общественных сил великой и святой идеи освобождения нашей Родины из когтей антихристовых сынов лжи мы окажемся достойными перед Всемогущим Творцом заслужить милость прощения общего греха земли, и Господь снова благословит народ свой к восхождению по истинному пути Христову для процветания в будущем великой Святой Руси, под историческим национально-религиозным стягом:

«Вера, Царь и Народ».

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Скрепил начальник Канцелярии

М. Домрачев

Русская армия. Владивосток. № 179. 29 сентября 1922 г.

Обращение земских ратников к русскому населению полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги

Маленькая национальная антикоммунистическая Приморская государственность переживает Великие дни.

Через Земский Собор она громко заявила те начала, на которых должно строиться Государство Российское после вымирающей власти коммунистов: «Вера, Царь, Отечество».

Она объявила борьбу до конца с нынешними властителями России и Д.В.Р.

Она знает, что враг Национальной России, враг русского народа напрягает все усилия, чтобы раздавить Приморье во имя торжества и здесь, на последнем клочке русской земли, власти антихриста и антихристиан.

На страницах советских газет и их купленных подголосков слышится разноголосый лай, хвастовство, торжествующие возгласы с единственной целью запугать нас, обмануть народ, опутать ложью все.

По этим выкрикам, мы уже давно похоронены, везде раздавлены.

Но есть высший суд... И мы живы!

И можем жить и бороться!

И даже светло смотреть на будущее!

Вся сила в нас самих! Не так страшен враг, как его малюют советские художники слова.

26 сентября указом № 49 Правитель Приамурского Земского Края призвал к совместной работе с сильной духом Земской Ратью русскую молодежь, интеллигенцию, крестьян, рабочих. По примеру военного училища становится в ряды армии все студенчество, для того, чтобы в этот исторический момент быть с теми, кто пятый год борется за помятые начала русской жизни.

Торгово-промышленный класс, домовладельцы призываются к жертвам.

Ибо настало время!

Этот указ только для Приморья. Формально жители полосы отчуждения свободны от выполнения его и могут быть зрителями происходящих на их глазах событий под неистовый гам большевиков.

Но долго ли зрители будут только зрителями?

Не чувствуется ли приближение грозы с Востока и Запада к укрывшей зрителей Полосе Отчуждения? Не захватит ли гроза и

Вы не хотите изучать «историю революций и интернационала, способы, как с наибольшим успехом разжигать мировой пожар и уничтожать культурные ценности? Вы хотите учиться строить мосты, лечить болезни, возделывать поле, создавать полезные ценности? Так оставьте же теперь временно школу. Ваше образование окончите потом. Сейчас не до него. Когда в горящем доме бьют стекла и ломают двери, не время сидеть над учебником.

Приморье переживает решительные дни. Оно держит экзамен не только перед всей Россией, но и перед всем миром. Русские люди должны показать, что жива еще энергия в их душах, что не иссякла у них еще любовь к Родине, что способны они жертвовать для нее, и если надо, то и умереть.

Русская армия. Владивосток. № 179. 29 сентября 1922 г.

Совету Земской Думы

Указ мой не должен, по переживаемому моменту, отразиться на уменьшении доходности. Все то, что люди несли в театры, кинематографы, что тратили на вино и рестораны, если они понимают моральные элементы времени и наступившей последней государственной борьбы, они должны отдать государству.

Прилагаю половину моего жалования для чрезвычайного фонда.

Правитель Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 181. 4 октября 1922 г.

Воткинцы – Правителю

(передача Стяга Правителю)

23 сентября в Никольск-Уссурийском состоялось торжество передачи Воткинской артиллерийской батареей Стяга Правителю.

Передавая Стяг Правителю, командир Воткинской батареи полковник Алмазов сказал следующую речь:

«Ваше Высокопревосходительство! Четыре с лишним года прошло с того времени, когда рабочие и крестьяне г. Воткинска и его окрестностей подняли восстание против большевиков.

Три года прошло, как мы, артиллеристы-воткинцы – маленькая частица участников этого поистине исторического события, вынуждены были оставить свои родные места и, уходя от цепких сетей большевизма, постепенно дошли до этого еще не разоренного большевиками маленького уголка когда-то Великой России.

Казалось, все погибло: погибла Святая Русь, погиб православный русский народ, гибнет и вера православная.

Но вот здесь, два месяца тому назад Земский Собор, собравшись во Владивостоке, возвестил, что Русь не погибла, что она только временно больна, что нужно ее освободить от окутавших ее антихристовых учений. И вот, она избирает Вас, Ваше Высокопревосходительство, Вождем в этом святом деле.

С радостью мы встретили это избрание. Вновь загорелась у нас надежда на светлое будущее нашей страдальицы-Родины. И вот, мы, артиллеристы-воткинцы, с нашими семьями осмелились высказать Вам свою преданность через поднесение сейчас освященного Стяга.

Труден Ваш путь, наш Правитель и Воевода! Но мы верим, что Господь поможет Вам спасти Россию и вернуть нас к своим очагам.

Мы, маленькие работники в Вашем трудном деле, вместе с этим Стягом передаем и себя всецело в Ваше распоряжение.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, от нас этот скромный Стяг, сделанный руками нашей простой работницы! Да будет он символом отклика в наших сердцах провозглашенных Вами начал спасения России в Вере Православной и возвращения к здоровым Национальным русским формам правления.

Русская армия. Владивосток. № 181. 4 октября 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края

№ 53

30 сентября 1922 г.

г. Никольск-Уссурийский

В дополнение Указа моего от 26 сентября за № 49 Повелеваю:

1) Призвать для борьбы с врагом народа Русского – большевиками – все находящееся в Приамурском Крае мужское население Казачьих Войск – Донского, Кубанского, Терского, Астраханского,

Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Якутских городских казаков.

2) Призыву подлежат все офицеры и прочих званий лица войскового сословия названных Казачьих Войск в возрасте от 18-ти лет, способные носить оружие.

3) Все призываемые обязаны не позднее 12-го октября явиться в город Владивосток в распоряжение войсковых атаманов, заместителей их или войсковых правительств по принадлежности для отправления готовых к походу на фронт на пополнение строевых казачьих частей, а остальных, впредь до посылки на фронт, для зачисления в Запасный Сводно-казачий дивизион.

4) Обязываю всех должностных лиц, волостные, станичные, сельские и поселковые правления оказать казакам содействие к переезду из мест их настоящего временного жительства в г. Владивосток.

5) Всех лиц войскового сословия, уклонившихся от выполнения настоящего повеления, предавать военно-полевому суду властью войсковых атаманов и их заместителей по принадлежности.

(По Управлению Казачьих Войск)

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Помощник Правителя по Казачьим Войскам
генерал-лейтенант

Толстов

Русская армия. Владивосток. № 181. 4 октября 1922 г.

Призыв 4000

Обязательное постановление

Владивостокская Городская Дума в заседании своем от 27-го сентября, обсудив вопрос о призыве граждан, во исполнение Указа Правителя Земского Края за № 49 от 26-го сентября с.г. постановила:

«Для охраны населения Края и их имущества от шаек бандитов, хунхузов и вообще преступного элемента призвать 4 000 граждан из числа лиц мужского пола, в возрасте от 18-ти лет до 45-ти лет, русско-подданных всех классов и профессий, в том числе и из

состоящих на учете в резерве Земской Рати, кроме офицеров, возложив проведение этого мероприятия в жизнь на Особую Думскую Комиссию.

Во исполнение Указа Правителя Приамурского Земского Края за № 49 и вышеуказанного постановления Городской Думы, Особая Комиссия Думы предлагает:

п. 1. Для набора указанного количества 4 000 человек всем гражданам мужского пола, русского подданства, от 18 до 45 лет, в том числе и состоящим на учете резерва Земской Рати, кроме офицеров, явиться на сборный пункт.

Примечание. Явке не подлежат: а) лица, состоящие на штатных должностях в Правительственных учреждениях; б) постоянно служащие на железной дороге.

п. 2. Для явки на сборный пункт устанавливаются следующие сроки для лиц в возрасте:

- А) от 21 до 25 лет включительно – 5 октября;
- Б) от 26 до 30 лет включительно – 7 октября;
- В) от 31 до 35 лет включительно – 9 октября;
- Г) от 36 до 44 лет включительно – 11 октября;
- Д) от 18 до 20 лет включительно – 12 октября.

Явка на сборный пункт устанавливается с 8 часов утра.

п. 3. Пунктом явки назначается «Новый театр» на ул. Петра Великого (у Адмиральской пристани).

п. 4. Всем являющимся иметь при себе документы, свидетельствующие о личности, семейном положении, о роде и месте занятий или службы и об отношении к резерву Земской Рати.

п. 5. На сборном пункте Комиссии врачей произвести медицинский осмотр и освидетельствование являющимся.

п. 6. Призываемым явиться на сборный пункт с возможным запасом белья и теплых вещей.

п. 7. Призываемым помнить, что уклонение от выполнения сего обязательного постановления повлечет для этих лиц тяжелые последствия.

п. 8. Нуждающиеся семьи граждан, принятых в число ратников, на время отсутствия их главы будут взяты на попечение, о чем будет особое постановление.

Особая Комиссия Городской Думы

Русская армия. Владивосток. № 181. 4 октября 1922 г.

ПРИКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края
№ 5

30 сентября 1922 г.

г. Никольск-Уссурийский

Полученные мною суммы на благотворительные цели помощи нуждающимся беженцам будут мною распределены в порядке удовлетворения нужд по следующим категориям:

1-я категория – частные организации из детей и подростков – беженцев обоого пола, оставшихся без родителей и призреваемых до сих пор исключительно случайными средствами, пожертвованиями и не состоящие в полной мере на постоянном иждивении городских, земских и правительственных учреждений;

2-я категория – пособия беженцам, нуждающимся в серьезных лечених, операциях и протезах и не имевших возможности устроиться где-либо на службе, или получающих пенсии и содержание, недостаточное для указанных целей;

3-я категория – пособия на устройство общежития для беженских семей, чинов Земской Рати;

4-я категория – на развитие протезной мастерской.

Прошения подавать в мою Канцелярию в г. Никольск-Уссурийский до 15 октября.

В прошениях должны быть даны исчерпывающие сведения о беженстве и состоянии и времени беженства и в нужных случаях прилагаться медицинские свидетельства.

Напоминаю о необходимости сообщать точный адрес, так как многие в подаваемых мне прошениях забывали это сделать.

Правитель Приамурского Земского Края Михаил Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 181. 4 октября 1922 г.

Станичный сбор Гродековского округа

(Правитель в Гродеково)

Правитель прибыл в Гродеково 1 октября в 9 ч. 45 минут и был встречен почетным караулом Уссурийской казачьей дружины, генералом Смолиным, атаманом Уссурийского Казачьего Войска генералом Савицким, начальником штаба сибирской группы полковником Бодровым, командиром пограничной стражи и другими начальствующими лицами, станичным атаманом Сычевым, станичным сходом станицы Гродеково, станичными судьями и представителями войсковой администрации.

С Правителем прибыли: Помощник Правителя по казачьим делам генерал Толстов, начальник личной канцелярии Домрачев.

После встречи Правитель направился к станичной церкви, на площади у которой был отслужен молебен.

На площади были выстроены для парада части Сибирской группы всех родов оружия, а также на левом фланге – воспитанники и воспитанницы от высшего начального училища и двух начальных училищ станицы.

После молебна, когда Правитель обходил фронт, один ученик и ученицы от каждого училища поднесли Правителю по букету цветов. Правитель поцеловал ученика и учениц, поднесших ему цветы от училищ.

Парад прошел торжественно и стройно, оставив у зрителей наилучшее впечатление.

После парада Правитель проследовал в помещение железнодорожного собрания в станичный сбор Гродековского округа.

На станичный сбор Гродековского округа Уссурийского казачьего войска собралось 95 делегатов.

Перед открытием заседания сбора станичным духовенством был отслужен молебен, после которого съезд открылся речью Правителя.

В 12 часов 20 минут, окончив свою речь, Правитель отбыл со сбора на обед, устроенный атаманом Уссурийского войска в железнодорожном собрании.

На обеде присутствовали все начальствующие лица.

После обеда Правитель отбыл в свой вагон.

Русская армия. Владивосток. № 181. 4 октября 1922 г.

Покушение на жизнь Правителя

Владивосток, 5 октября. Сегодня, около половины первого часа дня, во Владивосток прибыл из Никольска специальным поездом Правитель Приамурского Земского Края. Между 76 и 77 вер. за несколько минут до прохода поезда Правителя по этому участку охраной дороги были замечены идущие от полотна дороги провода, а затем обнаружен заложенный под полотно Владивостокского пути фугас. Немедленно навстречу идущему поезду Правителя было отправлено предупреждение, и поезд вовремя был остановлен. Высадив на месте остановки часть личного конвоя Правителя, поезд возвратился на разъезд Барановский, с которого только что вышел. Тем временем оставшаяся конвойная команда, рассыпавшись в цепь, стала обследовать местность и шагах в четырехстах от фугаса, в сопках, обнаружила концы проводов. По всем данным было видно, что место это только что оставлено злоумышленниками, сидевшими в засаде в ожидании прохода поезда. Предполагают, что скрылись они в расположенной вблизи деревни Городечной. Фугас был извлечен из-под полотна и доставлен на Барановский разъезд. В нем оказалось около двух пудов взрывчатых веществ. Простоять поезду Правителя на Барановском разъезде в ожидании уборки фугаса пришлось 1 час 10 минут. Лицам, обнаружившим фугас, выдано денежное вознаграждение.

Русская армия. Владивосток. № 182. 6 октября 1922 г.

Ко вчерашнему покушению на Правителя

Вчера в районе 76 версты экстренный поезд, в котором Правитель следовал из Никольск-Уссурийского во Владивосток, был предупрежден, что под полотно железной дороги на 200 сажен впереди поезда заложен фугас.

Начальник конвоя Правителя в указанном месте действительно обнаружил заложенный фугас весом в полтора пуда, начиненный меланитом. От фугаса, в направлении на д. Алексеевку, был протянут провод к индуктору.

Фугас из полотна был удален, и поезд Правителя благополучно прибыл во Владивосток, опоздав всего лишь на час.

Это уже второй случай покушения на жизнь Правителя. В обоих случаях чудесного избавления от опасности вспоминаются слова Правителя, сказанные им на Земском Съезде в Спасске:

– Если Богу угодно, чтобы меня убили, то меня убьют, а если не угодно, то никто, как говорится в Евангелии, «даже волос с головы не снимет».

Бог хранит Правителя. Оберегают его и люди от покушений гнусных преступников, для которых Правитель – самый опасный и страшный враг. Большевики понимают всю силу обаяния личности Правителя и, видимо, задались целью во что бы то ни стало вырвать его из национальных рядов и тем самым обезглавить национальные силы Приморья.

Но мы верим, что это сделать им не удастся. Мы верим в то, что русским людям жизнь Правителя дорога, и эти люди найдут средства для того, чтобы предупредить Правителя в минуту смертельной опасности. Этим людям поможет Бог.

От лица всех, верящих в Правителя, любящих его, от лица всего Национального Приморья хочется благодарить тех русских людей, которые 5 октября предупредили Правителя об угрожающей ему опасности, и сказать русское им спасибо.

Ими исполнен долг русских патриотов, выполнена наивысшая обязанность гражданина.

Поволжанин

Русская армия. Владивосток. № 182. 6 октября 1922 г.

Хроника Приамурского Края

Исторические картины

В Никольск-Уссурийском в настоящее время передвижным кинематографом Осведомительного Отдела штаба Земской Рати демонстрируются исторические картины: «Земский Собор во Владивостоке», «Смутное время на Руси», «Юбилейные торжества в память трехсотлетия дома Романовых», «Георгиевский праздник во Владивостоке». Сеансы привлекают громадное число зрителей. Картины демонстрируются как для частей Земской Рати, так и для населения и железнодорожных служащих и пользуются громадным успехом.

Молебен

Владивосток. Земской Приамурской Думой в заседании 6 октября постановлено: отслужить во всех церквях в воскресенье, 8 октября, после литургии благодарственный молебен по случаю избавления Правителя от опасности, грозившей ему при проезде 5-го октября во Владивосток.

Подвиг милиционеров

Начальник городской милиции объявил благодарность Садгородскому милиционеру Максимову за честное исполнение им своих обязанностей, во время нахождения его на посту при нападении на Сад-Город партизанов.

Когда партизаны подходили, то милиционер не растерялся и выстрелом из винтовки убил наповал начальника партизанского отряда.

Неприсутственный день

Владивосток. Понедельник, 9 октября, день Святителя Иоанна Богослова, будет nepřисутственным днем.

Русская армия. Владивосток. № 183. 8 октября 1922 г.

Обращение Правителя Приамурского Земского Края к Японии

Вокруг Военного имущества во Владивостоке, взятого под охрану Японского Военного командования, идет во всех газетах шум: кому оно будет передано? Мне кажется серьезнее вопрос: когда оно будет передано?

Этот вопрос разрешает всякие сомнения в отношении той туманной политики, которая для всех русских на Дальнем Востоке остается совершенно загадочной из образа действий японской дипломатии за последние годы.

Если Япония желает искренне, чтобы Россия стала великим, сильным национально и крепким своим историческим религиозно-нравственным строем Государством, то она должна сейчас, не медля ни одного дня, освободить военные грузы во Владивостоке от своей опеки и представить мне оружие для развертывания и укрепления сил Земского Края, а не ждать конца эвакуации, когда уже

поздно будет думать о создании национальных вооруженных сил, существование коих в Приморье не допускалось Японской дипломатией до начала эвакуации.

Ведь своевременность передачи грузов именно теперь так ясна, так проста, что медлить с этим вопросом могут только те, кто имеет свои тайные виды на имущество, а быть может, и на самый Владивосток, и не желает, чтобы Земский Приамурский Край национально закрепился.

Задержка в освобождении национальных грузов связывает меня по рукам и ногам в физической борьбе за национальные идеалы Приамурского Земского Края. Я бесконечно верю, что Божия правда, Россия Христа, Россия Помазанника Божия, народа и Веры отцов своих, рано или поздно восторжествует над гадом антихристовой лжи, навеянным русскому Православному народу изуверами советской власти, коммунистическим режимом. Но физическая борьба нуждается в реальных средствах, имуществе бывшей национальной России. А его держит в своих руках Япония.

Убежденно утверждаю также и то, что если сейчас Япония не станет на путь искренности и чистоты своих отношений к Русскому вопросу на Дальнем Востоке, то никогда будущая, великая, национальная Россия не сможет простить ей ее теперешней политики.

К 15-му октября я должен быть свободным хозяином всего Российского имущества во Владивостоке.

Если к этому дню охрана с военных грузов во Владивостоке не будет снята и я не получу полной свободы распоряжения в своем тылу, то хоть я Правитель и маленького уголка земли Русской, но как носитель святого знамени будущей Великой Национальной России – я буду иметь возможность правильно судить: хочет ли Япония принять протянутую ей руку сына России Христа, России Национальной, или она отвергнет ее.

Тогда я приму и соответственные решения.

Правитель Михаил Дитерихс

5 октября 1922 года

Русская армия. Владивосток. № 182. 6 октября 1922 г.

Приветствие Правителя и Воеводы Поволжской Рати

Передайте всем честным и доблестным сынам национальной России, входящим в состав частей, ныне доблестно борющихся в районе Спасск-Евгеньевска, мое горячее благословение на тот великий подвиг перед святой родиной, который они ныне совершают. Крест наш тяжел, но славен перед Господом и Россией. Пусть в истории России останется славная страница, как за веру отцов и наследие предков беззаветно боролись без патронов герои Поволжской группы, сильные только духовной мощью и верою во Христа и светлое будущее своей родины.

7 октября 1922 г.

Гор. Никольск-Уссурийский
генерал-лейтенант

Дитерихс

Русская армия. Владивосток. № 183. 8 октября 1922 г.

Призыв добровольцев

Добровольческие дружины

6 октября Начальником Тылового Района был издан приказ № 19 о возложении на поручика П.И. Краснопевцева Начальником Добровольческих Дружин, формируемых при Владивостокском Комитете Самообороны. Этим приказом № 19 ему поручается формирование трех добровольческих дружин, которые будут переданы в полное распоряжение Правителя, как для действий на фронте, так и для внутренней службы.

Обмундирование, довольствие и вооружение этих дружин возложено на Владивостокский Комитет Самообороны, кроме единой, которая называется крестовой Дружиной, все довольствие которой будет получаться от коменданта.

Добровольческие формирования

Формирование добровольческих частей властью возложено на секретаря совета самообороны г. Владивостока поручика Сладкопевцева.

Дружина инвалидов

Формируемая дружина инвалидов, в которую записалось уже большое число добровольцев, будет нести милицейскую службу в тылу.

Крестовая инвалидов

В первый день по открытии записи добровольцев в ряды Крестовой Дружины в нее записалось свыше ста человек.

Жеребьевка ратников в Никольске

6 октября в Никольской Управе происходила жеребьевка призываемых и зарегистрированных по гор. Никольску.

На жеребьевку явилось так много народа, что были заполнены не только здание Управы, но и тротуары перед ним.

Довольствие резерва крепостной милиции

Городская Управа поручила хозяйственной части резерва крепостной милиции довольствоваться весь резерв, причем придерживаться раскладки, положенной для воинских чинов. На первое время отпущен аванс в сумме 500 рублей.

Обмундирование для резерва

Совет Земской Приамурской Думы разрешил городскому самоуправлению взять со склада конфискованное у чехословацкой Центрокомиссии сукно для обмундирования резерва крепостной милиции, причитающаяся же сумма за взятый товар должна быть уплачена городом по окончании судебного процесса правительству или Центрокомиссии.

Русская армия. Владивосток. № 183. 8 октября 1922 г.

Пожертвования в Фонд Правителя

Владивосток. 3-го сего октября неизвестная девица принесла в канцелярию Правителя золотое кольцо змейкой и две легкие детские золотые сережки и отдала их для обращения в чрезвычайный фонд, состоящий в распоряжении Правителя. Назвать свое имя,

а также и получить расписку жертвовательница отказалась. По докладе означенного пожертвования Правителю, Правитель повелел выразить жертвовательнице его благодарность.

Русская армия. Владивосток. № 184. 11 октября 1922 г.

Письмо Добровольцев, выехавших из Харбина в Приморье для поступления в части Земской Рати

Повинуясь зову чести воина и гражданина, мы покинули пыльный и бездушный Харбин.

Мы, измученные и усталые от непрерывной борьбы за свою Родину с беспощадными врагами и жестокой судьбой, не пали духом и не склонили своей головы перед торжествующим, казалось, во всем мире «красным» большевизмом – сильным лишь нашей разрозненностью.

Мы, русские офицеры и солдаты, откликнувшиеся на призыв своих братьев из Приморья, едем туда на защиту этого последнего клочка священной Русской земли и своего родного трехцветного флага.

Мы снова гордо и радостно едем в свои боевые отряды.

Мы верим, что не обремененные семьями наши офицеры и солдаты в первую очередь последуют за нами.

Довольно бесславной жизни среди холодной, бездушной и презренной толпы.

Уже близко, близко наш смертный враг!

Громко поют русские трубы последний тревожный сигнал!

Вас, офицеров и солдат, ждут ваши родные полки!

Другого пути к спасению нет! Прощайте!

Группа добровольцев (подписи)

Русская армия. Владивосток. № 184. 11 октября 1922 г.

Помогите раненым!

Первая забота о раненых – большой вопрос фронта.

Многое зависит от того, насколько хорошо поставлен в той или другой части санитарный транспорт.

И каждая часть старается возможно лучше организовать свой санитарный транспорт.

На цель организации и наилучшей постановки санитарного транспорта в Поволжской группе во Владивостоке устраивается кружечный сбор по городу.

Кружечный сбор будет произведен с 12-го по 14-ое октября включительно.

Каждый, кому дорога жизнь русского бойца, кто более душой за тех, кто жизнью своей защищает жизнь и благополучие тысяч других русских людей, не находящихся на фронте, каждый русский человек должен в эти дни положить в кружку сборщика свое скромное пожертвование.

Серебряный пяточок, серебряный гривенник, японская йена – все это, вместе взятое, даст солидную сумму для благого дела.

Своим скромным пожертвованием вы спасете жизнь многих русских людей, из которых одни идут под русскими национальными флагами, других силою гонят комиссары против русских людей.

Помогите Поволжской группе улучшить свой санитарный транспорт, и за это вам будут благодарны и Земские ратники, и все вообще подобранные на полях сражений.

Русская армия. Владивосток. № 184. 11 октября 1922 г.

Разверстка обложения

Ввиду отказа представителей торгово-промышленной палаты от совместной работы с комиссией по разверстке чрезвычайного обложения, вопрос о разверстке был решен без их участия. Разверстка произведена персонально не только на лиц торгово-промышленного класса и домовладельцев, но и на представителей свободных профессий, имеющих крупные заработки. В основу разверстки было принято как имущественное положение, так и приблизительный размер доходности предприятия или недвижимости.

Размер персонального обложения определяется в суммах от 200 рублей до 200 тысяч рублей. Средние обложения колеблются от 5 до 10 тысяч рублей. Всего подверглось обложению около 400 лиц.

Работы комиссии по разработке в этой плоскости можно считать законченными. Выработанный комиссией список представлен

на рассмотрение в Совет Земской Думы и начальнику тылового района.

Русская армия. Владивосток. № 184. 11 октября 1922 г.

Обращение Правителя Приамурского Земского Края

За последние дни японцы приступили к порче во Владивостоке русских крепостных орудий береговой обороны.

Это обстоятельство как бы служит указанием на стремление японцев обезвредить крепость, дабы Владивосток в будущем мог быть лишь городом, независимо от того, какая власть утвердится в Крае: национальная или советская.

Город Владивосток, как и все в нем находящееся, является достоянием не той или другой русской власти, а достоянием русского народа во всей его массе.

Временная власть лишь оберегает право народа и принципы его мировоззрения.

Пути Господни неисповедимы. Если в Его воле будет предначертано за наши грехи утвердить во Владивостоке советскую власть, то власть эта, не являясь русской, народной и национальной, но опираясь исключительно на деспотизм, произвол и силу, привезет из Москвы новые крепостные пушки и водрузит их на батареях Владивостока. Следовательно, японцы нынешним поступком не достигают никаких результатов.

Национальный же Приамурский Край, положивший в основу возрождения русского народа как государства принципы заповеди Христа о любви, не питает никаких агрессивных намерений в отношении других народов и верит в могущество будущей Великой России не с точки зрения только физической ее силы, сколько, главным образом, с точки зрения ее духовной мощи, прочно опирающейся на исторические религиозно-нравственные принципы, освященные заветом Христа. Эти принципы побеждают мир не силою оружия, а силою христианской любви.

Правитель Края

Михаил Дитерихс

9 октября 1922 года

Русская армия. Владивосток. № 184. 11 октября 1922 г.

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края

№ 64

11 октября 1922 года

г. Никольск-Уссурийский

Во исполнение моего Указа № 49, сегодня я получил следующее заявление: «Правителю Приамурского Земского Края. Соединенное заседание Торгово-Промышленной Палаты и других торгово-промышленных организаций в составе участников: Жук, Мальцев, Фомиль, Воробьев, Хаймович, Овсянкин, Т-во Чурин, Торговый Дом Кунст и Альберс, Бр. Синкевич, Торговый Дом Бриннер, Старцев, Сибирский Банк, Бараков, Струмиловский, Тарасенко, Поплаухин, Козлов, Залевский, Товарищество «Эсперо», Торговый Дом Линдгольм, Боргест, Т-во Келлер, Грушко и Чернега, Бернштейн, Павло, Демби, Русское Мукомольное Т-во, Тавричанка, Русско-Азиатский Банк, Деденев, Кулев, Корот, Скидельский, Пьянков, Лазарида, Общество «Левант», Шапошников, Торговый Дом Лангелитье, Петров, Овсенко, Русско-Азиатское Торгово-Промышленное Т-во, Таможенная Артель, Шарапов, «Конкордия», Адыров, Москаленко, Курбацкий, Ткаченко, Урин, Вирт, Петерец, Бондарев, Кацман, Блякин, Борисов, Тикунов, Бабинцев, Макаров, Матвиенко, Мари, Пупышев, Гольдфельд, Морин, – констатирует почти полное отсутствие денежных средств Торгово-Промышленников, безусловную невозможность реализовать недвижимость и незначительные остатки товаров, имеющихся в городе. Реальная поддержка Казначейству могла бы выразиться во взносах в самое ближайшее время текущих налогов, дополнительно промыслового, подоходного Государственного с недвижимых имуществ. Соединенное Собрание ходатайствует о приостановлении проведения в жизнь всякого вида Чрезвычайных обложений до реализации указанной выше вполне действительной срочной поддержки Казначейству.

Председатель Собрания А. Овсянкин».

Как национально-религиозная историческая идея, выдвинутая Земским Собором, так и Указ мой № 49, призывающий интеллигентные силы Общества и Торгово-Промышленного класса к добровольной жертвенности во имя борьбы за Веру, права народа и Помазанника Божия – никакого насилия не допускают.

Осуществление идеи и призыва лежит в глубине исповедуемая русской национальной идеологии.

На днях в мою Канцелярию пришла бедная русская беженка-девушка, не пожелавшая назвать себя, и, сняв дешевенькие серьги и кольцо, отдала это свое последнее достояние на нужды Армии. Вчера пришла иностранка-славянка и отдала все, что оставалось у нее ценного: сережки, браслетку, брошку, серебряное портмоне, щипчики для сахара и даже нательный крестик на золотой цепочке. Она тоже не пожелала оглашать своего имени.

Пусть эти два великих подвига жертвенности и служения Святой идее будут ответом всем торгово-промышленникам, подписавшим свое заявление, и всем тем русским интеллигентным силам, которые не оказались способными последовать примеру этих двух женщин и еще трех-четырёх бедняков-стариков, отдавших также все свое достояние.

Я не считаю себя вправе быть судьей людей, но не могу действовать и против моей совести. Я призвал интеллигенцию городов Края поставить к 10-му октября – во имя защиты Веры Христовой и святых прав народа – рекрутов на усиление Земской Рати. И что же: Владивосток вместо 4 000 человек прислал 176, и среди них нет ни одного представителя из инициаторов тех организаций, которые выдвигали великое знамя борьбы. Где же служение идее? Где подвиг жертвенности во имя поддержания тех братьев, которые одни на своих плечах уже два года несут тяжесть искупительного креста за грех всех граждан общественных слоев интеллигентной России?

Советская власть свою идею проводит насилием, террором и ужасом; поэтому-то она антихристова, не национальна и не народна.

Идти их путями я не могу, так как тогда сошел бы с путей Божественности национальной идеологии, чистоту которой я обязан сохранить, также как и участь тех немногих воинов-борцов, которые выступили на защиту Края.

Русская историческая религиозно-нравственная идеология, как вытекающая из учения Христа, не погибнет никогда, как не погибнет сама Вера Христова. Но время ее восторжествования снова на территории Великой России настанет только тогда, когда вся масса общественных сил России будет проникнута той же степенью национальной жертвенности, каковой проникнута горсть борцов на фронте, и когда мы все глубоко проникнемся сознанием необходимой духовности нашей в борьбе с антихристовою властью советского правления, для чего надо еще претерпеть, еще искупать свой грех за прошлое и стремиться к более совершенному и глубокому исповеданию исторической идеологии нашего народа, чем это есть сейчас.

Время это наступит, но когда, ведает о том Единый Бог.

Повелеваю: в отношении тех граждан, кои выказали себя неспособными к добровольной жертвенности жизнью и достоянием во имя идеи, возглавленной Земским Собором, не прибегать к насильственным и репрессивным мерам.

Им Судья – Бог.

Правитель Приамурского Земского Края М. Дитерихс

Скрепил: начальник Канцелярии Правителя М. Домрачев

Русская армия. Владивосток. № 186. 14 октября 1922 г.

Молебен во имя Земской Рати

Сегодня, 14 октября, в 12 часов дня у Кафедрального Собора будет отслужен молебен.

После молебна состоится грандиозная патриотическая демонстрация.

Русская армия. Владивосток. № 186. 14 октября 1922 г.

Логический вывод

В свое время, остановившись на Указе Правителя, которым население приглашалось к жертвенности жизнью и достоянием, мы говорили, что перед приморской общественностью стоит задача сдать экзамен на высокое и почетное звание гражданина.

Прошло полмесяца, и со стыдом мы должны признаться, что наша общественность на этом экзамене позорно провалилась. Торгово-промышленный класс и домовладельцы уклонились от исполнения своего гражданского долга и временное обладание материальными ценностями поставили выше долга и чести.

Те, кто больше других в различных национальных организациях и на съездах кричали о патриотизме и взывали к жертвенности, те отказались служить идее на деле. Их «поддержка» не пошла дальше громких и красивых фраз.

Владивосток должен был дать 4 000 ратников, и предполагалось, что они будут выделены из рядов национальных организаций, и что же – вместо 4 000 человек Владивосток прислал 176.

Только 176.

В то время, как доблестная Армия на фронте молча и просто, не крича о жертвенности, отдает за Родину самое дорогое – жизнь, тыл преступно черств и пассивен.

Невольно рождается вопрос, справедливо ли, чтобы безвестный герой в серой шинели сложил свою голову за тех слизняков, что отсиживаются в теплом тылу, пальцем о палец не желая ударить для дела национальной обороны?

На этот вопрос и отвечает Правительство Приамурского Земского Края в своем последнем Указе за № 64. Он говорит: «Идти путями советской власти» (т.е. насилием, террором и ужасом) «я не могу», но в то же время обязан сохранить «участь тех немногих воинов-борцов, которые выступили на защиту края».

Указ Правительства – это выражение презрения пассивному тылу. Правительство отказывается от мер насильственного принуждения по отношению к тем, кто не хочет добровольно жертвовать жизнью и достоинством, и тем самым снимает с себя ответственность за ужасные печальные последствия такой преступной пассивности.

– Вам была дана возможность обороняться и защищаться. Вы не использовали этой возможности, так не вините же ни власть, никого, за последствия: вина целиком Ваша.

С фронта приходят сведения, что красные поголовно мобилизуют население прифронтовых деревень, не разбираясь в возрасте, здоровье, имущественном состоянии и прочем, и гонят это стадо на позиции, сзади подхлестывая пулеметами. Там население не призывается к жертвенности, к уделению малой части своего достоинства, там отбирается все, и все использует красная власть для своих преступных целей.

Этого ли хотят граждане Приморья? Если этого, им некого будет винить, когда с приходом красных они лишатся всего достоинства, а жизнь свою понесут на один из бесчисленных красных фронтов во славу третьего интернационала.

Указ Правительства – последнее обращение к чувству совести русских людей.

Хотите Свободной России, хотите человеческого существования – боритесь за него, спасайте родину и себя.

Не хотите – воля ваша. Не пришло еще, значит, время, не проснулся еще голос подлинной русской души в ваших сердцах. Пусть будет, что будет, принимайте на себя все последствия.

Русская армия. Владивосток. № 186. 14 октября 1922 г.

Последний Указ Правителя

УКАЗ

Правителя Приамурского Земского Края

№ 65

17 октября 1922 г.

Кр. Владивосток

Силы Земской Приамурской Рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода без пополнения, без патронов решили участь Приамурского Земского края. Скоро его уже не станет. Он как тело умрет. Но только – как тело.

В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии, он никогда не умрет в будущей истории возрождения великой святой Руси.

Семя брошено. Оно упало сейчас еще на мало подготовленную почву; но грядущая буря ужасов коммунистической власти разнесет это семя по широкой ниве земли Русской и при помощи безграничной милости Божией принесет свои плодотворные результаты.

Я горячо верю, что Россия вновь возродится в Россию Христа, Россию помазанника Божия, но что теперь мы были недостойны еще этой великой милости Всевышнего Творца.

Мысль. Владивосток. 18 октября 1922 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРИАМУРСКОМ ЗЕМСКОМ СОБОРЕ

Наступило 26 мая 1922 года – годовщина переворота и существования Временного Приамурского Правительства; это было тогда единственное белое правительство, продержавшееся к тому же долго, как ни одно, – целый год, хоть и на клочке, но все же на своей Русской Земле!

В воздухе пахло очередным переворотом, и потому я не очень удивился, когда утром 2 июня, отправляясь на службу в Контору Кунст и Альберс, был остановлен кем-то из знакомых, который поспешил поделиться со мной новостью: сегодня ночью у себя на квартире Правительства в доме Старцевых на Светланской улице братья Меркуловы арестованы.

Вскоре ко мне в Контору явился посланный из Народного Собрания и передал мне приглашение немедленно прибыть на экстренное заседание, собирающееся в помещении Народного Собрания – в Адмиралтейском Доме...

В имевшейся там поместительной зале было все приготовлено для пленарного заседания. Члены Народного Собрания дружно собирались и скоро были все налицо. У дверей Адмиралтейского Дома и в вестибюле и в других внутренних помещениях были капшелевцы. Атмосфера была напряженная и тревожная.

Здесь только я узнал, что вчера поздно вечером был подписан указ о роспуске Народного Собрания, который был послан Председателю К.Т. Лихойдову, и вместе с тем послан был отряд милиции, чтобы занять немедленно помещение Народного Собрания в Адмиралтейском Доме и никого туда из бывших Членов Народного Собрания не пускать. Однако это стало известно главарям оппозиционеров Народного Собрания, и прежде чем милиционеры подошли

к Народному Собранию, оно оказалось уже занятым вооруженными каппелевцами.

Каппелевское командование в лице, как утверждали, ген. Молчанова решило арестовать Приамурское Правительство, оставив всю власть Народному Собранию, которое должно было избрать других членов Правительства...

С целью этого ареста каппелевцы явились к квартире Правительства в доме Старцевых, где Члены Правительства только собирались и устраивали официальные приемы, жил же с семьей только один С.Д. Меркулов, но там застали вооруженных моряков флота адмирала Старка, охранявших Правительство и в частности – С.Д. Меркулова, причем весь флот во главе со Старком и Начальником его штаба, кап. 1 ранга Н.Ю. Фоминым, бывшим когда-то Начальником штаба у Командующего Черноморским Флотом вице-адмирала Колчака, решительно заявили, что они сохраняют верность Правительству и никаких посягательств на него или отдельных его Членов не допустят. В подтверждение серьезности своих слов моряки обратили свои пушки на канонерской лодке «Маньчжур», на которой держал свой флаг адмирал Старк, на город, сам же «Маньчжур» подтянулся так, что с балкона дома Старцевых можно было ему сигнализировать.

Разумеется, каппелевцы не решились, да и не могли и не хотели, вступать с моряками в вооруженное столкновение, и лишь со своей стороны, снаружи окружили кольцом дом Старцевых и стали нести также караул, не препятствуя, однако, морякам, да и прочим желающим, проникать через их кольцо в дом и выходить оттуда. Со своей стороны, и моряки окружили своими караулами таможенно, казначейство, банк и прочие учреждения, занятые караулами каппелевцев. Ночью, когда решено было производить аресты братьев Меркуловых, Н.Д. Меркулов едва не был захвачен каппелевцами на улице, но ему удалось вбежать и скрыться в доме, где жил Начальник Японской Военной Миссии.

Через день открылось заседание для выбора новых Членов Правительства. Это заседание с небольшими перерывами продлилось до утра. Я и Н.И. Кузьмин образовали крайнюю правую, хотя, в общем, все при создавшемся положении были довольно единомышленны.

Мы с Николаем Ивановичем понимали, что в данный момент Меркуловы, особенно С.Д. Меркулов, совершенно неприемлемы, но отлично сознавали также и то, что заменить их пока некем, осо-

бенно Спиридона Дион., у которого, как у «Моноса», мало-помалу сосредоточилось в руках все, и без которого начатое не только не могло быть доведено до конца, но и осталось бы неизвестным, неиспользованным...

Только к поздней ночи Народным Собранием было решено избрать Правительство в составе трех лиц, в их числе одного военного, в лице которого совмещалось бы командование и армией, и флотом. Таким лицом был назван живущий в Харбине генерал М.К. Дитерихс. Мы – большинство – его не знали, но, конечно, слышали о нем, как о царском еще генерале Генерального штаба, генерал-квартирмейстере Ставки, Главнокомандующем чешских войск, взявшим во главе этих войск Владивосток, и, наконец, Главнокомандующем войск Российского Правительства. Нас уверяли, что кандидатура его как Главнокомандующего не только приемлема, но и желательна флоту и семеновцам.

Спрошенные нами харбинцы дали о нем самые благоприятные отзывы: живет очень скромно в большой нужде в Старом Харбине, жена – содержит приют для детей-сирот беженцев, благочестив и держится в тени, удаляясь от политиканствующих кругов; занят литературным трудом: готовит книгу об убийстве Царской Семьи.

Разумеется – желателен всем нам.

Только одна беда: поедет ли сюда? Обнадежили, что поедет, а пока надо избрать генерала Молчанова. С тем последнего мы и избрали...

Прошло три дня, и Н.Д. Меркулов решился, как рассказывали, сесть в автомобиль и демонстративно прокатиться среди бела дня по многолюдной Светланской. Для него это прошло благополучно, но в другой раз ехавший в автомобиле его племянник-юноша был убит наповал выстрелом из винтовки, произведенным неизвестным из окна какого-то дома.

Тогда, день на третий или четвертый этого «недоворота», поздно вечером пришел ко мне Атаман Уссурийского Казачьего Войска генерал Савицкий и, указывая на происходящее, создающее крайнюю напряженность местного казачества, просил спешно заняться осуществлением мысли, возникшей у них, казаков, о созыве в кратчайший срок Земского Собора. Я ответил генералу, что с таким предложением ему следует обратиться к Правительству в доме Старцева. Уходя, он просил меня подумать о способе, которым можно было бы ликвидировать все происшедшее, не доводя до крови и новых жертв...

Прошло еще дня два-три, полных тревоги, недоумения и смущения во владениях Приамурского Правительства и, главным образом, конечно, во Владивостоке. Несомненно, добром бы упрямыство С.Д. Меркулова не кончилось, если бы не выезд, наконец, генерала Дитерихса во Владивосток.

Генералу устроили на вокзале торжественную встречу. Явились на вокзал каппелевцы, Члены Народного Собрания и Городской Думы.

В тот же день состоялось торжественное заседание Народного Собрания в присутствии генерала Дитерихса.

Ни на вокзале, ни в Народном Собрании я не был, и что там происходило – не знаю; знаю только, что на утро следующего дня все мы были удивлены разумностью, с которою генерал Дитерихс прекратил «недovorот».

Генерал Дитерихс объявил, что будучи вызван во Владивосток, он подчинился этому призыву, но, осведомившись здесь на месте с тем, что произошло, он находит, во-первых, что указом Правительства Народное Собрание было распущено и потому никаких законных действий производить и не могло и, во-вторых, что должность Главнокомандующего он может принять только от законного Правительства, если оно его назначит, а Правительство одновременно с этим заявлением Дитерихса опубликовало указы о его назначении Главнокомандующим Армии и Флота и о созыве Приамурского Земского Собора для организации верховной власти.

Все этим были удовлетворены, кроме, вероятно, Членов Народного Собрания, быстро как-то растворившихся, и все пошло по-прежнему: «Монос» пока остался хозяйничать, а в помещении Совета Несоциалистического Съезда водворился Н.А. Митаревский, и начали там по-прежнему собираться заседания и обсуждаться разные проекты, готовясь к Земскому Собору. Здесь, на одном из таких заседаний, я впервые и познакомился с М.К. Дитерихсом.

К Земскому Собору деятельно начали готовиться как в Приморье, так и в Харбине, потому что с приездом М.К. Дитерихса и провалом нашего Народного Собрания в «недovorоте» ожидалось, что на сцену выступят харбинские общественные силы, давно уже и усердно, как было слышно, готовившие рецепты спасения белого движения здесь, на Дальнем Востоке.

И надо сказать правду: за три года мы здесь себя исчерпали сполна, друг в друге изверились, перессорились, ни наполеонов, ни

праведников не нашли, и нужно было исконное средство – варяги. Вот мы их из Харбина и стали ждать.

Я сказал сейчас, что мы среди себя ни наполеонов, ни праведников не нашли, – неслучайно.

Выведенный из своего российского обывательского благодушия и покоя революцией, я, хоть и на склоне моей жизни, а должен был присматриваться и по-своему оценивать наблюдаемые мною явления политической жизни и пришел к такому странному, может быть, выводу: нам, русским, своя, равная каждому из нас и для каждого при известных условиях возможная и доступная, верховная власть, носителем или носителями которой являются простые смертные – не власть. На простом, обыкновенном, хотя бы и самом порядочном человеке, мы не миримся: нам надо или какой-то чудесный, непонятный даже, ореол, окружающий носителя этой власти и проистекающий вне дел наших рук, причем облеченный таким ореолом не должен спускаться с высоты и равняться по генералу, полковнику, помещику, купцу или мужику, или же, если нет такого ореола, быть чуть ли не одним из мировых гениев, а еще лучше – праведником и великим святым, но таким, святость которого была бы непререкаема. На меньшем мы, русские, говорю, не помиримся и понесем скорее кабалу и господство чужаков, но своему простому смертному, ровне своей, за совесть, а не за страх, не подчинимся...

На такую еретическую, может быть, мысль я напал еще лет 20 назад, посещая Палату Депутатов и Пантеон в Париже и Рейхстаг с Аллеей Побед в Берлине. Я любовался «Мыслителем» Родэна, бюстами энциклопедистов и философов в Париже, я чувствовал преклонение и почитание мощи и силы в закованных в латы и с ног до головы вооруженных героях германского народного эпоса, украшающих лестницы Рейхстага, и стал думать – каких бы героев следовало поставить нам в Государственной Думе, которую одно время предполагали строить на Марсовом Поле? И пришел к выводу, что это не будут Минины и Пожарские, маловедомые и ничего не говорящие сердцу простонародья, это не будут даже былинные богатыри, охотно вспоминаемые в школьных хрестоматиях, это не будут и Петры Великие, много говорящие образованным слоям народа, но святые преподобные Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Симеон Верхотурский и прочие, знаемые всей народной массой и окружаемые ее молитвами; это будет даже столь милый каждому русскому сердцу сказочный Иванушка-простец, всеми унижаемый

и менее всех заметный, но с такими душевными качествами, что ему в конце концов служат и Конек-Горбунок, и силы природы, и ему-то достается Чудо-Царевна, а сам он становится любимым царем... Не сродни ли эта мысль обетованию вещего провидца нашего Достоевского о том, что спасение России придет из монастыря?

У нас в Белом движении такого праведника не явилось, значит, не следует ли возглавить это движение вождем с привычным и не нами созданным, а самым рождением, ореолом? Общая мысль оставилась на Князе Крови последней царствовавшей династии.

Это была какая-то общая эпидемия, какое-то поветрие, которое охватило несоциалистическое городское управление не только Приморья, но и Полосы Отчуждения Китайской Восточной железной дороги.

Не сговариваясь друг с другом, съехавшиеся на этот раз проявляли полное единомыслие: и там, и тут были одни и те же настроения, одна и та же тоска по вождю и правителю царской крови.

Под таким настроением собирался Приамурский Земский Собор, и это выявилось даже в убранстве Общедоступного Театра, предназначенного для заседания Собора. Сцена, на которой должен был помещаться президиум, превращена была чуть ли не в точную копию Грановитой Палаты, а все стены театральной залы были сплошь увешаны русскими национальными флагами, вперемешку с государственными бело-желто-черными; над сценой красовался огромный герб Российской Империи – двуглавый орел, исполненный в красках, и Императорский штандарт.

Земский Собор открылся 23 июля при наличии 230 депутатов в присутствии консульского корпуса и массы публики, занявшей все ложи и балконы. В числе Членов Собора были виднейшие представители каппелевцев, семеновцев и флота, объединенные под дирижерской рукой Главнокомандующего Дитерихса, епископы Владивостокский, Харбинский и Камчатский, Атаманы Казачьих Войск и свыше ста крестьян.

Председателем был избран приехавший из Харбина профессор тамошнего Юридического Факультета Н.И. Миролюбов, Секретарем – Председатель Русского Объединенного Студенчества студент М.Я. Домрачев, я – Помощником Секретаря. На нас троих, в сущности, и лежала вся работа, хотя были и заместители Председателя, и Помощники Секретаря еще.

Вести, однако, заседания Собора Н.И. Миролюбову С.Д. Меркулов не дал. Он в самый день открытия Собора заявил, что заседа-

ния поведет он, как глава Правительства, и остался на центральном месте за столом президиума, которое он занимал и раньше, открывая Собор и ведя первое заседание до выбора президиума. По его требованию, кресло его даже было поставлено на какое-то небольшое возвышение.

По образовании президиума, я внес предложение об избрании Почетным Председателем Собора Святейшего Патриарха Тихона; это предложение было принято единогласно, и вслед за тем большой портрет Патриарха Московского и всея Руси украсил нашу «Грановитую Палату».

Собор с перерывами продолжался больше двух недель.

В первых же заседаниях Собора было постановлено обратиться с особою грамотою ко всем русским людям, и составление ее было поручено мне. Принятая затем Собором, она 3 августа была подписана президиумом Собором и в двух или трех десятках тысяч экземпляров была направлена за рубеж – в Амурскую область и Забайкалье.

Мы мало рассчитывали на то, что грамота эта дойдет до населения так, как бы нам этого хотелось, знали также и то, что и дойдя, призыв наш не даст желаемых результатов, но перед смертью, – а смерть наша была уже несомненна, так как только что появилось объявление японского военного командования об эвакуации Приморья к половине Октября, – перед смертью, говорю, хотели дать знать о себе своим русским людям, оставить память и завещание последних гибнущих белых на последнем кусочке белой Великой России (фото Грамоты – см. на вкладке – прим. сост.)...

Грамота эта, в которой, особенно в начале, нетрудно уловить тоны грамоты Церковного Собора, выданной последним нам – его Членам, была моею «лебединою песнью», которою я закончил свою активную работу по борьбе с большевиками, уйдя вскоре в эмиграцию; все дальнейшее до перехода мною русской границы было движение по инерции с «угашенным духом»...

Главнейшим моментом Земского Собора было принятие 207 голосами против 23 постановления о том, что «Приамурский Земский Собор признает, что право на осуществление верховной власти на Русской Земле принадлежит династии Романовых; что поэтому считает необходимым и соответствующим желанию населения возглавление национально-государственного образования в Приморье одним из членов названной династии, последней для сего указанным, и что Собор почитает должным о вышеизложенном

доложить Государыне Императрице Марии Федоровне и старейшему члену династии Великому Князю Николаю Николаевичу».

Вместе с тем Собор вынес пожелания: во-первых, чтобы Временное Правительство вступило по этому поводу в переговоры с династией и, во-вторых, чтобы посланы были от имени Собора две делегации: одна – в Европу, в составе профессора Миролюбова, епископа Камчатского Нестора и С.Д. Меркулова, и другая – в составе генерала Андогского, только что избранного Владивостокским Головой, Толока – Никольского Городского Головы и атамана Уссурийского Казачьего Войска Савицкого – в Японию.

По вопросу о форме власти до принятия ее Князем Крови, Земский Собор склонился к форме власти единоличной, так как архиепископ Маньчжурский Мефодий внес предложение о вручении этой временной власти проживающему в Харбине шталмейстеру Н.Л. Гондатти, и близкие, по-видимому, последнему харбинцы Ландышев и Доброхотов чрезвычайно усиленно распространяли слухи, что Н.Л. Гондатти согласится принять власть только при условии, если он будет у власти единолично.

Еще за месяц до того – 20 июня – Н.И. Кузьмин ездил в Харбин, беседовал по этому поводу с Н.Л. Гондатти и вынес впечатление, что хотя ответы последнего были и уклончивыми, но многообещающими.

Мы – владивостокцы – охотно пошли на встречу предложению владыки Мефодия и соглашались на единоличную власть, имея в виду именно Гондатти.

Собор, не будучи, однако, уверен в том, что Гондатти согласится, так как казалось странным и отсутствие его, и уклонение от прямого ответа о своем согласии, решил послать к Н.Л. [Гондатти] в Харбин делегацию во главе с заместителем Председателя генералом Бакшеевым.

Потянулись томительные дни ожидания, а какие-то шептуны все больше и больше убеждали в необходимости остановиться на установлении единоличной власти, что, по их словам, и даст возможность Н.Л. Гондатти дать делегации свое согласие.

Такое решение Собором и было принято, а когда вернулась делегация, то рассказала, что в первый день ее приезда, о чем Н.Л. Гондатти знал, конечно, его не оказалось дома, а затем, уже через день, кажется, в согласии своем возглавить власть Приморья – отказал.

Он был, конечно, прав: «Оставьте мертвым хоронить мертвых», – но недопущение им агитации за него его харбинскими друзьями и приверженцами, а в особенности длительное уклонение от прямого ответа о своем несогласии, для нас осталось непонятно и необъяснимо.

Итак, перед Земским Собором встал вопрос об избрании во Временные Правители только одного лица.

Надо ли говорить, что таким лицом мог быть избран только один – Михаил Константинович Дитерихс, на которого, как достойнейшего, указывал, как говорилось, и Н.Л. Гондатти?

Он и был избран 6 августа, а 4 часа вечера 8 августа Владивосток наблюдал интересное зрелище: вся площадь около Успенского Кафедрального Собора и Светланская улица до Общедоступного Театра была запружена народом; посредине улицы до входа в церковную ограду стояли шпалерами войска. Из Общедоступного Театра вышла процессия Членов Земского Собора вместе с Членами прежнего Приамурского Правительства и новоизбранным и направилась в церковь: Временный Правитель принимал присягу.

Когда генерал Дитерихс в храме прочел и подписал присяжный лист, я с ним ушел в помещение Земского Собора, полное до отказа публикой, не пожелавшей оставить залы, чтобы не потерять мест, и наблюдал затем возвращение процессии, провожаемой чуть ли не крестным ходом, с молебствия, которое после принятия М.К. Дитерихсом присяги, служилось на площадке возле Успенского Храма.

Впервые ген. Дитерихс занял место С.Д. Меркулова, который первым принес ему поздравление и, сойдя со сцены, занял место в правительственной ложе.

Для меня этот момент радостен не был, хотя я надеялся, что власть «облагородилась» и, если не свершит чуда делегация в Японию и не приостановит японскую эвакуацию на время, пока не выяснится вопрос в Европе, то, по крайней мере, сумеет с честью и достоинством обставить смерть белого Приморья.

Но случилось то, чего меньше всего можно было ожидать. Только что кончились приветствия, как Временный Правитель прочел первый указ: во-первых, именовать Приморское Государственное Образование – Земским Приамурским Краем, армию – Земскою Ратью, а его – Воеводою; и, во-вторых, завтра Земскому Собору избрать из своего состава 21 Члена в законосовещательную Земскую Думу, которая вместе с предполагаемым Церковным Со-

бором «должна наметить дальнейшие пути». Высшая исполнительная власть будет осуществляться Земской Думой, низшей административной единицей явятся приходы.

Все слушали и ничего не понимали...

В доме – пожар, а в это время пожарных призывают заниматься перепряжкой лошадей и украшением сбруи бубенчиками и лоскутками...

Перед нами сидел не «варяг»!..

Не сговариваясь, а только посмотрев друг на друга, я – из-за стола президиума, а И.И. Еремеев – с кресла первого ряда, поднялись и вышли на улицу. В зале Земского Собора, между тем, читались и новые распоряжения, и новые назначения...

Было уже совсем темно; мы сошлись с И. Ив. [Еремеевым] и одновременно, точно по команде, сказали только два слова: «Дожили! Облагородили!»

Возвращаться в залу было не за чем: все было и так, к сожалению, слишком ясно, и мы побрели домой... Как должно было икаться в этот вечер кое-кому в Харбине!

Надо ли рассказывать дальше про то, как был издан приказ о невозможности кому бы то ни было отказаться от назначения или избрания; как на завтра в число Земской Думы был избран и я; как эта Дума время от времени ездила зачем-то заседать в Никольск, где в вагоне, в ревниво охраняемом уединении, жил впоследствии Воевода и не то, как утверждали, молился, не то занимался столоверчением, сносясь с потусторонним миром; как резко и ненужно вызывающе были порваны им отношения с японцами; как съезжались в сентябре в Никольске епископы, но созывать Церковный Собор никто, разумеется, и подумать не мог; как собирался в Никольске какой-то никому уже не нужный Несоциалистический Съезд? Надо ли рассказывать, как «история, печальней которой нет на свете», превращалась в смешной и странный фарс?..

Разумеется, ни о какой связи с династией, а тем более о делегации в Европу, не могло быть и речи.

Смертельные судороги Белого движения наступили раньше, чем можно было ожидать.

Земский Собор закрылся 19 августа, и в этот же день состоялся первый и последний парад Земской Рати, которую Земский Собор благословил иконой Державной Коломенской Божией Матери, находившейся ранее в Приамурском Народном Собрании, а затем в Земском Соборе.

В память Приамурского Земского Собора была выбита серебряная медаль с московским гербом Георгия Победоносца; вместе с бело-желто-черной лентой к ней она должна была напоминать о желаниях, чаяниях и упованиях последних русских националистов накануне исхода их и последних белых добровольческих воинских частей, боровшихся за Россию, в изгнание...

С.Д. Меркулов в сентябре с одним из обычных рейсов парохода «Хозан-Мару», поддерживающих сообщение между Владивостоком и Цуругой, уехал с семьей: сначала в Японию, а затем в Канаду.

По письменному договору между ним и генералом Дитерихсом последний обещался, во-первых, уплатить С.Д. Меркулову тысяч, как я упоминал, кажется, тридцать, и, во-вторых, не возбуждать никаких дел о расходовании ими казенных сумм, согласованных Контролем. Да! Мужчина был серьезный и предусмотрительный...

Проводы носили торжественный и, вероятно, беспрецедентный во всей революции характер. На пристани были оркестры музыки, войска, а в море выходили провожать суда адмирала Старка.

Так при Воеводе прощались с главой Приамурского Правительства, продержавшегося в Приморье, да, кажется, и по всей России, дольше всех многочисленных правительств – пятнадцать месяцев, и сдавшего свою власть «по желанию народа» такой же по идеологии и политическим устремлениям власти.

Многие позавидовали тогда С.Д. Меркулову, многие и последовали его примеру: пароходы и поезда каждый день начали увозить русских за границу. Уехали и Ленцнер, и семья Сахарова. Скоро отъезд этот принял массовый характер настолько, что Генеральное Китайское Консульство во Владивостоке прекратило выдачу виз в полосу отчуждения. Я лично имел такую визу, так как еще в августе должен был ехать в Харбин по делам проектируемого созывом Церковного Собора, но, ясно сознавая ненужность и невозможность такового, туда не ехал. А.Г. Альберс любезно дал мне письмо к своему доверенному в Харбине К.К. Форжерону, и, следовательно, я мог там продолжать службу в Торг. Доме Кунст и Альберс.

Надо было бы ехать, но все же двинуться я не мог: шла, хоть и ненужная, но все же неизбежная повседневная суета с Земской Думой, да и уезжать из России, из Владивостока, где после стольких треволнений семья моя нашла приют, работу и прожила три года, никому из нас не хотелось! Только Надя еще летом уехала в Харбин погостить к жившей там сестре Лиле и осталась там. И мы тянули свой отъезд, неразумно откладывая его до последнего дня.

А эвакуация японцев, как была объявлена, так и совершилась.

Улицы Владивостока все чаще и чаще видели у себя японские войска, проходящие для посадки на суда. По мере очищения ими районов, последние немедленно занимала красная армия, следовавшая по их пятам.

Напрасно весь почти сентябрь шли стычки у капшелевцев с красными в области озера Ханка и по линии Уссурийской железной дороги севернее Никольска.

Красная линия приближалась к Никольску; были заняты уже и Спасск, и Усури, и Шамаковка с ее знаменитым на Дальнем Востоке монастырем; красные войска находились в ста с лишним верстах от Никольска.

Под самым Владивостоком партизаны сожгли железнодорожный мост, и движение пассажирских поездов шло с пересадкой.

Воевода решил бросить все свои войска за Никольск в ненужные, очевидно, бои.

Развязка наступила быстро. Земская Рать после боя отступила: корпус генерала Смолина – на Пограничную, где был китайцами разоружен, а прочие, с Воеводой во главе, были посажены на суда адмирала Старка и отплыли в Посьет, откуда, перейдя китайскую границу у г. Хунчуня, в зимнюю стужу пешим порядком дошли до Гирина и затем мало-помалу рассеялись по Китаю.

В рядах этих войск был и наш Шура. Из них впоследствии охочие люди набирали и образовывали русские отряды, свыше пяти лет боровшиеся с красным засилием в Китае на стороне маршала Чжан-Цзо-Лина. У этих войск, находящихся в Цинанфу, в Шандуне, был высокий китайским советником эмигрировавший в Шанхай Н.Д. Меркулов, занявшийся там, как слышно, и коммерцией – подрядами и поставками.

Флот адмирала Старка отправился дальше и после бурного плаванья, во время которого бесследно погиб один полный людей пароход, несколько судов бросили якорь в Шанхае, где остались капитан Фомин и генерал Глебов, а остальные с адмиралом Старком ушли на Филиппины. В числе приехавших туда были и наша Ксения с мужем, и с братом своим Петром.

Оттуда затем переехали в Сан-Франциско, в Оклэнд.

Последний японский пароход не успел еще выйти из бухты Золотой Рог, как в город Владивосток входили красные войска под командой Уборевича. Их опять, и на этот раз уже прочно, встречал, без сомнения, наш маляр Иван Иванович со своими «блакадами», ра-

бочими и грузчиками; эту Владивостокскую «красу и гордость революции» скоро, однако, ждало разочарование: укрощение их своевольия и непомерно раздувшихся appetитов, разгром и высылка из Приморья.

Занятие Владивостока красными случилось 25 октября 1922 г., а накануне или в то же утро отплыл последний пароход с каппелевцами под командой полк. М.А. Михайлова, на борту которого находилось и «Сибирское Областное Правительство», в лице старого сибирского областника, известного кооператора, бывшего Члена Приамурского Народного Собрания «дела Сазонова» и бывшего Товарища Министра Иностранных Дел Сибирского Правительства в Омске профессора Головачева, по отъезде Воеводы дня на два севших в опустевшем Морском штабе и выкинувших там свой бело-зеленый флаг автономной Сибири, но это была уже «смертная икота».

Из книги: Руднев С. П. «При вечерних огнях». Воспоминания. Харбин, 1928 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

... 29 мая [1922 года] я был вызван к Командующему армией; там застал генерала Пучкова, Молчанова и, кажется, Смолина.

Генерал Вержбицкий предложил мне поехать в Харбин и просить приехать генерала Дитерихса, которому он передаст командование; я должен был передать, что командование поступит по его указаниям вполне, вплоть до ареста Меркуловых, если это будет нужно.

Я знал приблизительно отношение генерала Дитерихса к приморской обстановке и различным персонажам; он считал, что худо ли, хорошо Правительство, оно создано совместно с армией, и потому надо с ним мириться; знал, что он пойдет в армию, чтобы помочь ей, но как отнесется к вопросу об устранении Меркуловых или к принятию командования помимо них, не знал.

Я должен был выехать немедленно, но как раз в это время в полосе отчуждения К.В.ж.д. началось выступление сторонников Упей-фу, и правильное движение прекратилось.

Несколько дней было неясно, долго ли продлится борьба и даже кто возьмет верх. Н. Меркулов одно время настаивал на военном вмешательстве с целью поддержать Чжан-Цзо-Лина, но решено было ограничиться мерами предосторожности на случай, если война перекинется через границу.

1 июня совершенно неожиданно узнаю, что ночью произошел переворот. Народное Собрание объявило всех Членов Правительства устраненными от власти и передавало ее временно Президиуму Народного Собрания. Меркуловы должны быть арестованы, но это не выполнено. Оказывается, вечером 31 мая стало известным о роспуске Народного Собрания. Последнее решило не расходиться, и Президиум обратился к Командованию за поддержкой; Командование решило охранять Народное Собрание, выставило караул и одновременно заявило, что оно не считает возможным в дальнейшем оставление прежнего состава Правительства.

Народное Собрание вообще не пользовалось репутацией делового, и последнее время раздавались голоса, что для Приморья это большая роскошь. Военное Командование за малыми исключениями в общем было равнодушно к судьбе его, о чем знало и Правительство.

Но в этот раз командование узнало, что Правительство, помимо роспуска Народного Собрания, решило стать в отношении армии на путь лишения ее известной самостоятельности (переорганизации, назначения и т.д.), которая была выговорена еще при первоначальном образовании Правительства, перед переворотом в 1921 году.

Поэтому оно решило воспользоваться столкновениями Народного Собрания с Правительством.

Если бы в войсках армии и флота было полное единодушие, то, конечно, дело бы и кончилось этой революцией. Считалось, что группа недовольных будет так мала, что просто промолчит.

Обстановка оказалась более сложной. Низы армии, конечно, не были в курсе всех трений и опасений верхов Командования и потому не понимали, почему это нужно, тем более, что только недавно, 26 мая, был парад по случаю годовщины противобольшевицкого переворота.

Флот решил не признавать революции и выставил караул к Меркуловым на их квартире. Часть казачьих частей в Никольске и Спасске решила не признавать переворота и ожидала атамана Семенова.

Генерал Глебов под охраной японцев объединил ожидающие Семенова и заявившие верными Правительству казачьи части и начал собирать свою группу. С. Меркулов ночью 31 мая послал в Никольск полковника Глуткина (у генерала Молчанова сохранился приказ об аресте его как заговорщика против Правительства) с приказанием перевезти во Владивосток стрелковую бригаду; результатом было столкновение частей генерала Смолина с бригадой и смерть полковника Глуткина.

С. Меркулов объявил Командующим верными Правительству войсками адмирала Старка.

Народное Собрание, передав временно власть Президиуму, должно было торопиться выбором нового состава Правительства, так как Президиум не пользовался особым доверием, и началась агитация. Чуть ли не 2 июня решено было просить в состав Правительства в качестве Председателя генерала Дитерихса, хотя неизвестно было его отношение к событиям.

Если бы вопрос разрешился силой, то, вероятно, Меркуловы не решились бы бороться, зная, что устроившие переворот много сильнее «верных». Но применение силы устранялось, так как были японцы, которые мирили группы, но, в общем, были, скорее, на стороне прежнего состава Правительства.

1 июля после переворота Командующий армией отдал приказ о передаче в будущем командования генералу Дитерихсу, а до приезда – генералу Молчанову.

Начальник штаба генерал Пучков получил отпуск. Оба уходили, чтобы не быть заподозренными в перевороте для личных целей.

Я получил приказ генерала Молчанова вступить в исправление должности начальника штаба.

Меркуловы начали устраивать около своей квартиры митинги; с балкона ежедневно говорились речи, в которых щедро обливались помоями бунтовщики. Бессовестная ложь еще более возмущала «бунтовщиков».

Лагерь «бунтовщиков» начал выпускать газету, в которой не стеснялись выставить Меркуловых в своем освещении.

В общем, вышло все не так гладко, как ожидали. Как будто Меркуловы должны сдать, но пока существуют два Правительства, и оба отдают приказы. В Банке и Казначействе являются за деньгами от тех и других. Дело доходит до столкновений.

«Бунтовщики» ожидают приезда генерала Дитерихса; несмотря на перерыв связи, удалось передать ему телеграмму и даже получить ответ, что выедет, как только будет возможно. Позже получена телеграмма, что выедет 7 июня; к этому времени движение по железной дороге уже наладилось. Меркуловы сначала всячески стараются опорочить известие, затем сами посылают встречных, чтобы ориентировать приезжающего по-своему. Народное Собрание посылает в свою очередь для встречи делегацию.

8 июня приехал генерал Дитерихс. Город и войска «бунтовщиков» встретили его встревожено.

У него, по-видимому, уже составилось мнение, что обстановка во Владивостоке до крайности запуталась, и он решил не вступать сразу в Управление.

Но затем в Народном Собрании, когда его приветствовали как Представителя Правительства, он не заявил, что не вступит в Управление, и вечером было объявлено о прибытии и вступлении в Управление; Меркуловы сначала были ошеломлены, но потом решили все же не сдаваться.

Утром 9-го генерал Дитерихс говорил поочередно с управляющими Ведомствами, которые примкнули к переворотчикам. Они все подробно доложили ему состояние их Ведомств.

Затем начались разговоры с представителями различных организаций и различными лицами из обоих лагерей. Флот продолжал стоять на прежней позиции «неприятия революции», а за ним продолжали укрываться Меркуловы. Они одновременно начали выступления против прибывшего и в то же время старались завязать переговоры с ним. Обстановка оставалась все такой же путанной; бунтовщики надеялись, что Меркуловы будут принуждены сдать, а со сдачей и все успокоится.

В городе были уже жертвы; в помещении Народного Собрания была брошена бомба, и убит один солдат охраны. Во время похорон этого солдата кто-то из Меркуловцев на автомобиле пытался помешать процессии и был убит.

Японцы настаивали на прекращении усабицы, причем, по-видимому, запутались в уяснении, кому помогать.

Городская Управа склонилась на сторону прибывшего; разные несоциалистические организации, поддерживаемые Меркуловыми, кричали о восстановлении прежнего Правительства.

Кажется, числа 10-го Дитерихс добился самороспуска Народного Собрания, а 11-го неожиданно для «бунтовщиков», спросив генерала Молчанова, «будет ли исполнен безоговорочно всякий его приказ», объявил о том, что он не находит иных законных способов к устранению возникшей политической смуты, отказывается от избрания Председателем Правительства и до Земского Собора подчиняется Приамурскому Временному Правительству.

«Бунтовщики» были ошеломлены, но подчинились, хотя и не безропотно. Меркуловы и их сторонники торжествовали. Ожидавшие атамана Семенова затаились.

Но подчинение Меркуловы приобрели ценою выполнения целого ряда условий, в числе которых стоял немедленный, чуть ли не в 2 недели, созыв Земского Собора для установления структуры и состава власти, отказ от всякого преследования и ограничений «бунтовщиков» и проч. Неисполнение одного из пунктов давало право Командующему войсками принимать меры по своему усмотрению.

С. Меркулов, по-видимому, надеялся, что это соглашение или останется бумажкой, или он сумеет втянуть в свою орбиту генерала Дитерихса.

Особенно характерно для него было отношение к созыву Земского Собора; дав обещание созвать его чуть ли не в две недели, он созвал его только через шесть недель, да и то под давлением генерала Дитерихса.

Июнь и большая часть июля прошли в хлопотах по объединению армии, и в этом отношении улучшение, безусловно, наметилось. Начинала налаживаться и хозяйственная сторона, но слабо. Н.Д. Меркулов, взявший на себя заботы по руководству снабжением, воочию убедился, что дело это не так просто, когда нет твердых отпусков.

Правительство и генерал Дитерихс внешне жили хорошо, но на самом деле шла борьба за влияние и за дальнейшее направление дела.

До созыва Земского Собора были столкновения несколько раз по различным причинам.

Правительство, согласившись никого не преследовать, пыталось так или иначе (до арестов включительно) разделаться со своими противниками.

В армии они были под крылом у генерала Дитерихса, а вне преследование было возможно.

Был арестован бывший Председатель Народного Собрания; пришлось его выручать.

Правительство занялось составлением Положения о Земском Собрании и, конечно, не хотело включать в состав своих противников из армии и общественных организаций. Когда ему было указано, что это противоречит условиям, началось уменьшение числа членов из армии, допускаемых к выборным урнам.

Так продолжалась междоусобица, и С. Меркулов всеми средствами старался обеспечить свое вхождение в Правительство. А между тем, обстановка в Приморье была вовсе не такая, чтобы бороться за власть. В июне месяце Японское Правительство объявило о выводе своих войск из Приморья, а Главное Японское Командование объявило свой план эвакуации: предполагалось начать ее в конце августа и закончить в середине октября последовательным, по зонам выводом войск.

Между Японским Военным Министерством и дипломатами, видимо, еще шла борьба; военные надеялись, что некоторая часть войск будет оставлена, но все же об эвакуации было определенно заявлено, и расписание составлено до конца.

Надо было думать о возможности дальнейшего существования, без японцев.

Правительство, конечно, собрало Совецание, как только Япония объявила эвакуацию.

Меркуловы и флот не видят выхода и не верят в возможность удержаться после опыта Хабаровского похода.

Генерал Дитерихс отмалчивается, ограничившись заявлением, что за ним армия пойдет, куда он прикажет.

В общем, ничего не решено; намечено лишь выяснить у японцев вопрос об имуществе, передача которого заблаговременно облегчит положение.

Есть попытка затормозить созыв Земского Собора, но она не удается. Генерал Дитерихс считает, что Земский Собор поможет создать власть, способную помочь выходу из положения; настоящей не верит большая часть армии, которая наиболее заинтересована в судьбе Приморья после ухода японцев.

Обстановка собственно требовала немедленного прекращения всяких разговоров и только действий, практической работы. Будь на месте С. Меркулова другой, он сам бы постарался передать власть в руки Военного Командования и был бы лишь помощником, так как он сам понимал, что положение безнадежно, и лишь тешился тем, что японцы могут не уйти.

Что положение безнадежно, в этом разногласий не было. Так оно понималось Правительством, так оно понималось Командованием. Действительно: есть некоторое число людей, но нет ни боевых припасов, ни денег, ни соответствующего настроения для упорной борьбы.

Почему же сразу не было принято решение, соответственно пониманию обстановки?

Объяснение может быть только такое: или надежда на изменение обстановки до конца эвакуации японцев, или боязнь открыто сознаться в своем бессилии и предоставление всему идти своим логическим путем.

Какие же изменения в обстановке могли ожидаться?

Главное – остановка эвакуации, и, значит, обеспечение центра.

Далее – изменение отношений японцев к местной власти; передача военного имущества давала в руки запасы оружия и огнестрельных припасов; давала возможность усилить армию. Раз были бы средства, возможно усиление войск, так как людей, готовых пойти в армию, было бы можно найти. Затем изменение обстановки в Забайкалье. Был момент, когда там можно было рассчитывать на успех выступления противобольшевицких организаций. Нужны

были только средства и оружие. Раз в Забайкалье был бы успех, Чита не смогла бы дать войск для Приморья, а тогда можно рассчитывать на сохранение положения.

Кое-какие выступления могли быть на Амуре и в ближайшем тылу Хабаровска.

В общем, главное было в зависимости от японцев, даже вопрос о выступлении в Забайкалье.

Лично мне казалось, что, не теряя надежды на изменение обстановки, надо главное внимание направить в сторону подготовки на случай оставления Приморья. Нужно было стовариваться с китайцами.

Положение казалось мне безнадежным, не раз я порывался даже отказаться от должности, но так и оставался, под влиянием той мысли, что надо оставаться, пока в Вашей работе есть нужда.

23 июля открылся, наконец, Земский Собор. По своему составу он подобран так, что на нем меньше всего бывших «бунтовщиков».

Обстановка была такова, что имел значение только выбор лиц, которые должны выводить Приморье из тяжелого положения. Но это было забыто, как только заговорили: видимо, еще не выговорились Российские граждане. Заговорили о выдвижении определенного идеологического лозунга для будущей власти и построении власти соответственно с этим.

Говорили-говорили и после долгих разговоров, в конце концов, в один голос заявили, что надо бороться с большевиками, выставив на знамени спасение России только в монархии – в восстановлении династии Романовых на Всероссийском Земском Соборе.

После новых долгих разговоров решили, что и в Приморье власть надо организовать по принципу единоличности. Меркуловы протестовали, но прежние их сторонники отходили. Не помогло и то, что Председатель Правительства старался все заседания вести сам.

Выдвинута для избрания фигура Н.Л. Гондатти. Меркуловы противятся: генерал Дитерихс заявляет, что он с войсками поддерживает эту кандидатуру.

Начинаются вызовы Гондатти, тот упирается, а затем отказывается категорически.

После новых споров, 8 августа, то есть через две недели после открытия Собора, почти единогласно избирается генерал Дитерихс, который 9 августа принимает власть и объявляет себя Правителем Приамурского Земского Края и воеводой Земской Рати (так переименована армия).

Генерал Дитерихс всегда высказывался против претензий различных Правительств на значение Всероссийской власти и теперь ставил себе задачей только подготовку наиболее благоприятных условий для будущего воссоздания России. При начале Земского Собора он отрицательно относился к разглагольствованиям общего характера, добиваясь только такой власти, с которой можно быть спокойным за судьбу остатков армии и Приморья. И, в конце концов, и он был вовлечен в постройку идеологических лозунгов, подкупленный единством взглядов. Было забыто, что состав «Земского Собора» вовсе не отвечал идее Земского Собора; это был тот же несоциалистический съезд, что и в 1921 году.

После Земского Собора, несмотря на тяжелую общую обстановку, мы все же вздохнули свободно, так как прекратилась бесплодная переписка, различные трения и недоразумения, появился один хозяин дела, близко стоявший к интересам войск. В армии особых реформ и переорганизаций по существу не произошло; войска переименованы в Земскую Рать, корпуса – в группы, части – в дружины, уменьшены хозяйственные части. Назначен ряд ревизий для проверки состава ртов в тыловых учреждениях, сокращен состав штаба, переформировано Снабжение.

Хозяйство начало налаживаться. Мы начинали мечтать не только об удовлетворении ежедневных нужд, но и об образовании запасов, обеспечении одеждой на осень, о выплате небольшого жалованья.

Одной из первых мер по Гражданскому Ведомству было сокращение расходов на содержание аппарата. Одно упразднение различных контрразведок, имевших задачей следить за разными группами, давало выгоды. Задачи для армии были совершенно ясными, но, увы, в обстановке просвета не было и после Земского Собора.

Японское Командование в общем относилось к генералу Дитерихсу очень хорошо, но оно было стеснено политикой центра, и надежды на улучшение не было.

В отношении гражданского аппарата и вообще гражданского ведомства обстановка была несколько другой, чем в армии. Не ограничиваясь выдвижением на Земский Собор известных идей, генерал Дитерихс решил сразу же перестроить местную жизнь в соответствии с этими идеями, и потому, вместо создания аппарата для ближайших практических целей, начал все переделывать по-своему. Образована Земская Дума, появился Совет Внешних Дел, Поместный Совет, готовится созыв Поместного Собора.

Большинство слабо понимало то возвращение к старине, и в результате вместо дела генералу Дитерихсу приходилось всех учить.

Впоследствии начались перемены: был организован Совет Земской Думы, долженствующий разрешать все гражданские дела, но тоже слабо понимавший свои функции.

Все это со стороны походило на какую-то забаву в обстановке, которая требовала одно – готовиться, прежде всего, к борьбе и... подготавливаться на случай неудачи.

Эта сторона работы вызывала недоумения, но мы были рады, что в армии, в войсках, как будто начинал пропадать понемногу прежний антагонизм, началась общая работа.

В связи с предстоящими задачами намечены были роли для войсковых групп, а пока происходили работы по подготовке.

26 августа генерал Дитерихс с Полевым штабом переехал в Никольск-Уссурийск, чтобы заняться ближе военными делами, так как начиналась эвакуация Спасского района японцами.

В Никольск переведена и Земская Дума, а все остальные учреждения остались во Владивостоке; ежедневная суетолака уменьшилась.

Только «Общественные деятели» появлялись иногда, организуя «Национальный Съезд» в Никольске на половину сентября.

После Земского Собора нужды в этом Съезде не было, но генерал Дитерихс разрешил его и дал средства, надеясь использовать его для создания настроения в обывательской среде и для известной моральной опоры при проведении своих мер защиты, если Японская эвакуация будет продолжаться целиком по тому плану, который был объявлен.

По плану эвакуации, в начале сентября японцы очищали Спасский район, и красные смотрели на него, как на свой, так как еще при стоянке японцев в Спаске спокойно было только в их расположении близ самой станции, а близ поселка часто появлялись партизаны.

Еще до нашего переезда в Никольск, сразу же после Земского Собора, войсковые группы были перемещены в соответствии с будущими боевыми задачами.

Группа генерала Молчанова, около 3 000 человек, сосредоточена в Никольске с тем, чтобы принять Спасский район и действовать на севере.

Группа генерала Смолина, около 2 000 человек, перемещена в Гродековский район для очистки от партизан Приханкайского района и тыла в районе Полтавки.

Казачьи группы генерала Бородина, около 1 000 человек, – против Анучино, а генерала Глебова, около 1 500 человек, – против Сучана. Флот регулярно осматривал побережье.

Пограничная стража и Железнодорожная бригада несли службу по охране железной дороги; последняя готовила бронепоезда.

Во Владивостоке оставался резерв милиции из двух дружин, около 700 человек.

Красные к этому времени в общем были против нас в следующих группах:

1. Хабаровская группа регулярных войск в районе ст. Уссури-Иман. Хабаровск, по нашим сведениям, имел до 20 000 ртов, но мог выставить не более 6 000 штыков и 1 500 сабель, причем состояние частей было скверное. Эта группа следила за тем, что делают японцы, и готовились сразу же занять Спасск, как только он будет оставлен японцами.

2. Анучинская группа. В этой группе было 2 батальона Хабаровских войск при 2–4 пушках, и на ней базировались различные партизанские отряды; она в период наших перебросок войск несколько раз подрывала железную дорогу и поддерживала связь с Сучанской группой. Численность примерно до 1 000 человек.

3. Сучанская группа из одного пришлого батальона и партизан – всего 600–800 человек. Группа готовилась сразу же занять Сучанскую ветку после ухода японцев и угрожать нам выходом через Шкотово на Угольную.

4. Группа партизан в районе озера Ханка и в Полтавском районе. Эти группы все время портили железную дорогу от Спасска до Пограничной.

5. Мелкие группы красных по побережью моря до Ольги. Эти группы никакого серьезного боевого значения не имели; они только мешали гражданским властям.

В общем, мы могли рассчитывать, что с этими всеми группами можем справиться, если они не получат свежих сил. Хабаровская группа в том виде, в каком она была летом, не представляла серьезной угрозы: на первое время гораздо большие хлопоты причиняли нам партизаны.

Было совершенно ясно, что к Хабаровску будут направлены части из Читы, и скоро мы получили сведения о начинающихся перебросках. Можно было ожидать прибытия до двух пехотных бригад и одной кавалерийской с артиллерией. По нашему расчету, они

могли быть в районе Хабаровска в последних числах сентября и прибыть к Спасску примерно в начале октября.

Выступление в Забайкалье было необходимым, во что бы то ни стало, и притом немедленно, чтобы затормозить переброски. В том направлении были даны указания, но препятствий для выступления оказалось больше, чем можно было ожидать.

Амурская противобольшевицкие организации могли только усложнить переброску сил, но не прекратить ее.

Выходило так, что для успеха борьбы, хотя бы в первый период, нужно было:

1. До прихода подкреплений из Читы нужно основательно расстрелять наличные красные силы, отбросив выдвинувшуюся часть Хабаровской группы не ближе, как за Уссури, и покончив с Анучинской группой.

2. Подготовиться к первой половине октября к решительному бою со всеми собранными большевиками силами.

3. Непременно поднять восстание в Забайкалье.

На успешное выполнение первой задачи в сентябре рассчитывать было можно, так как наши части к этому времени были, за небольшими исключениями, в хорошем состоянии; была надежда на то, что состояние еще улучшится в будущем.

Вторая задача была более трудной, но все же, при благоприятной обстановке, выполнимой.

Она требовала сосредоточения к половине октября всех наличных сил на одном направлении, требовала притока новых сил, хотя бы для охраны тыла и боевых припасов. Последнее было самым больным вопросом, так как наличные запасы боевых припасов, особенно ружейных патронов, были ничтожными, а японцы не передавали запасов по-прежнему. Впрочем, у них было много артиллерийских припасов, а ружейных патронов было мало. Патроны были самым неразрешимым вопросом.

Выполнение второй задачи еще не означало выигрыша дела, так как, несомненно, повлекло бы новую присылку войск в Приморье из Советской России, если не восстанет Забайкалье.

Но тут начиналась область веры в чудо, веры в изменение обстановки к лучшему... к половине октября. Не будь этой веры — трудно было бы приниматься за выполнение первых двух задач, мы говорили: «Надо побить — и побьем красных за Спасском, может быть, будем иметь успех в начале октября, а там будет видно». К со-

жалению, после наших первых успехов, большинство забыло об этом и решило, что все пойдет хорошо без особых усилий.

Когда японцы стали уходить из Спасска, мы чувствовали уже, что первая задача будет выполнена успешно. Наши выдвинувшиеся части везде имели успех, и красные, считавшие свою задачу мелкой, а каппелевцев бессильными, были жестоко побиты. В двух местах они пробовали организовать контрудары, но безуспешно. Однако, нам не удалось захватить моста через Уссури, как было намечено, так как в последние дни операции пошли дожди, и даже мелкие речонки вздулись страшно. Для овладения же мостом предполагалось перебросить часть конницы через речку в тыл. Эти же дожди помешали выполнить и другую часть первой задачи – уничтожение Анучинской группы партизан. Предполагалось, что как только красные будут прогнаны за р. Уссури, ген. Молчанов из района Спасска направит на Анучино часть своей конницы с севера, а в это время казачья группа ген. Бородина перейдет в наступление с юга.

Это было отложено и сыграло затем скверную роль в событиях октябрьских.

Генерал Дитерихс 5 сентября выезжал в Спасск и севернее, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой и познакомить население со своими взглядами на дальнейшее. Вернулся он дней через 5 совершенно больной, но бодрый.

Итак, первая задача выполнена. Правда, в несколько ограниченном масштабе, чем предполагалось, но все же с успехом. А ведь еще недавно в Спасске было такое настроение, что все ожидали немедленного перехода его к красным без сопротивления бывших здесь войск, которые не рисковали даже выходить на экспедицию против партизан. Во Владивостоке стали смотреть на это, как на крупное событие и хорошее предзнаменование.

Мы верили в первый успех и были обрадованы, что не обманулись. Однако, надежды на дальнейшее не могли быть радужными: «Может быть, выиграем бой и тогда, когда будут введены Читинские силы, но ведь это не решает судьбы дальнейшей борьбы». Это будет только отсрочкой на 1–2 месяца, не более. Нужно, чтобы за это время произошли очень крупные события, тогда можно на что-то рассчитывать. Эти крупные события могли быть только в Забайкалье и перемены в Японии.

После первых успешных боев была разработана программа дальнейшей нашей работы на период подготовительной ко второй

Из этой программы остался невыполненным очень важный пункт – уничтожение Анучинского гнезда. Было предпринято наступление, но оно не увенчалось успехом. После многих боевых эпизодов Оренбуржцы генерала Бородина вернулись в исходное положение. Партизаны, имевшие в населении своих сторонников, действовали на тыл и фланги наступающих, затормозив операцию. Дошло до того, что каждую партию хлеба, патронов, больных приходилось сильно охранять, а группа была вообще весьма слаба.

Это была крупная прореха, так как Анучинский район висел над Никольском и железной дорогой Спасск-Никольск. Правда, что когда после отхода в исходное положение оренбуржцев и енисейцев красные попробовали захватить укрепленную д. Ивановку, то они были сильно наказаны.

На Хабаровском направлении красные, получив жестокий урок, сидели спокойно, но, имея мост на Уссури в своих руках, смогли направить в Анучинский район до 1 000 человек подкреплений. С прибытием этих подкреплений борьба за деревню Ивановку одно время приобрела очень напряженный характер, но в общем наши с честью оборонялись и даже расходовали мало патронов.

Все же нахождение этой группы в районе Ивановка-Анучино имело большое значение для предстоящей операции, так как, с одной стороны, была ею связана часть наших сил, а с другой, она имела возможность помогать наступающим с севера постоянной угрозой нашему тылу войск и разрушением железной дороги, прекращением связи.

Остальное из программы почти полностью выполнено. Особенно нас радовало то, что бывшие весной и летом совершенно небоеспособными забайкальцы на Сучанском направлении начали подавать надежды на поднятие боеспособности. Сначала они сдали часть участка, затем остановились и закрепились, а потом перешли к мелким активным операциям, и притом с успехом.

Генерала Дитерихса, конечно, заботило не только то, как пройдут эти операции, а, главным образом, дальнейшее. Он все еще надеялся, что Приморье удастся удержать.

15 сентября в Никольске собрался Национальный Съезд. На нем собрались, главным образом, представители несоциалистических организаций Приморья и полосы отчуждения К.В.ж.д. – более 200 человек.

Еще больной после поездок на фронт и сельские съезды, генерал Дитерихс на открытии Съезда выступил с большой речью. По-

мещаю почти полностью эту речь, так как она отражает взгляды генерала Дитерихса на положение, а также те шаткие надежды, что удастся поднять всех на борьбу.

«Немного времени прошло с тех пор, когда мною был издан указ о созыве Национального Съезда. Но значительно больше за это время изменилась та обстановка, которая в настоящее время содалась вокруг маленькой, молодой, национальной, антисоветской Приморской Государственности.

Я, господа, прежде всего, хочу познакомить вас с этой обстановкой, чтобы в нашей работе, в том, что ждет от вас Приморская государственность, вы не имели решительно никаких сомнений. Если месяц тому назад с точки зрения политической, экономической, финансовой, с точки зрения житейской, положение Приамурской государственности можно было назвать почти безвыходным, то в настоящее время, с человеческой точки зрения – оно безнадежно. Международное положение, окружающее Приморье, сейчас складывается из следующих обстоятельств. После долгой борьбы в Японии между ее военной партией и партией дипломатической, последняя восторжествовала, и в Чаньчуне начались переговоры с Д.В.Р. и стоящими за ними представителями Советской России. Господа, нам, русским, совершенно понятно, что к чему бы эти переговоры ни привели, но раз они начаты, то, какие бы ни были сами по себе переговоры с господами из Советской России, те, кто переговариваются, все равно пострадают одинаково. Пример этому мы имеем слишком яркий, в лице хотя бы Германии. И я говорю, что повторение Чаньчуньских переговоров – это есть капитуляция Японии перед политикой коммунистической Советской России.

Последствия таких переговоров мы, господа, тоже переживали, начиная с 17-го года. Результаты этих компромиссных переговоров с антиморальными принципами, с носителями антихристианских принципов, мы испытывали внутри себя в течение этой гражданской войны. Поэтому мы хорошо знаем, как они были затягивающими. Никакими внутренними, обманчивыми, противосоциалистическими, противодействующими мерами не предотвратить той стране, которая ведет эти переговоры, развала у себя. Будет ли это теперь, будет ли это на месяц позже, будет ли это позже на полгода, но результаты неизбежны, и революция постигнет Японию. Я говорю, что Япония в своей политике выдержала большую борьбу тех элементов, которые называются военными, и перед глазами которых близко проходила действительно вся картина внутренних причин

этой опасности. Она старалась предупредить эту опасность, защитить свою национальную целостность, свою национальную независимость от проникновения этого интернационального течения. И не она будет виновна, если последует то, что мною предвидится, и во что я слепо верю. Тот, кто дотронулся до антихристового огня, тот не может не загореться.

Но какие отсюда последствия в ближайшее время ожидают Приморскую государственность. Последствия уже сейчас начинают сказываться, а именно, то, чего не решилась произвести Советская Россия, именно снимать войска из Забайкалья, она это начала делать 20 августа. Начала переброску своих советских войск, а не ДВРовских на Сретенск и Хабаровск. Значит, через месяц на нашем северном фронте будет уже не та численность советских войск, а, по крайней мере, в два раза больше.

Иные, несколько иные причины влияют на довольно легкое восприятие советского влияния в полосе отчуждения Китая. Западная часть полосы отчуждения от Харбина до Маньчжурии переживает сейчас весьма для нас, антисоветских деятелей, тревожное состояние. Пользуясь внутренней разрухой в Пекине, советские деятели, очень искусно играя на разных сторонах китайских деятелей и китайской администрации, сумели запустить свои щупальца в административную толпу Маньчжурии. Есть много явлений и актов, показывающих на то, что власть на местах далеко не является той координированной величиной, которая могла бы действительно противодействовать серьезно помимо нее проникновению в полосу отчуждения реальных сил советской власти. Помимо сего, полосе отчуждения грозит и другое явление, и признак тому уже в ней есть. А именно, как вам известно, советская власть, убедившись в невозможности убить в русском народе террором, кровью, голодом — всеми ужасами этой четырехлетней гражданской войны, четырехлетнего ига над русским народом, убить в нем его действительную национально-историческую идеологию, его веру, они прибегали к новому и иезуитскому приему: ввели новую, так называемую «живую церковь», церковь, где центром поставлен не Бог, а человек. И нет никаких границ, чтобы в ближайшее время в полосе отчуждения не появилось нового советского духовенства. Я подчеркиваю нарочно эту опасность для полосы отчуждения, указывая на то, что, если нам, Приамурской Государственности, с житейской, человеческой точки зрения, угрожает, быть может, еще экономическая причина, то там, в полосе отчуждения, безусловно, более близ-

ка опасность непосредственного советского воздействия на русские антисоветские элементы в полосе отчуждения.

Финансово-экономическое положение Приамурской государственности – трудно себе представить что-нибудь более тяжелое. Доходность в настоящее время не превышает 400–430 тыс. золотых рублей в месяц. Никаких решительно мало-мальски широких финансовых предприятий или экономических комбинаций сейчас вести или начинать не представляется возможным потому, что никто решительно в этом на помощь не пойдет. Случайные продажи того или иного груза, конечно, не являются нормальным и естественным разрешением финансово-экономической жизни какого бы то ни было государства. Это есть только паллиатив, для того, чтобы прожить данный день, для того, чтобы прожить данный месяц, но мечтать о дальнейшем не приходится.

Господа представители русской интеллигенции, я рассказываю вам об этом так открыто и так искренно не для того, чтобы вас запугивать и не для того, чтобы, в конце концов, сказать вам, что делать нам нечего, а надо соображать о том, как быть. Нет. Четыре года антибольшевицкие русские элементы боролись не на жизнь, а на смерть. Были в их распоряжении и деньги, были в их распоряжении и выгодные международные политические комбинации, были и люди как вооруженные силы, было и неисчислимое количество всяких боевых и огнестрельных припасов, и, тем не менее, ни одна из тех организаций антисоветских не выдержала и погибла в борьбе с Советской Россией. Причина тому – это мое глубокое убеждение и моя глубокая вера как христианина – не было идеи борьбы. Минувший Земский Собор в Приморье, скажу, что с борьбой, с решительной огневой борьбой одержал верх. И здесь впервые в нашей непримиримой борьбе с советской властью воздвигнуто знамя светлой великой идеи.

Мы, господа, теперь заняли положение, обратное тем, предшествовавшим нашим белым организациям и государственным образованиям. Мы богаты, мы сильны великой воздвигнутой Земским Собором идеей, но мы совершенно нищие и совершенно беспомощны во всех остальных житейских началах и житейских пониманиях борьбы.

Мне пришлось за эти дни посетить довольно много сел и деревень, освобожденных от советской власти или от красной власти, вернее сказать, от власти партизан и т.д., и всюду, где бы я ни был, я встречал одно и то же явление: русский народ, русский крестьян-

нин сохранил в себе, несмотря на то, что ему пришлось пережить как в смысле террора, так и в смысле различных социалистических экспериментов над ним от апологетов советской власти, он сохранил в себе те же великие исторические начала своего бытия и своей государственности, какие были воздвигнуты Земским Собором во Владивостоке. Но, господа, вы, руководители интеллигентной русской массы, не ждите того, чтобы русский крестьянин или русский рабочий смогли бы начать сами по себе какое-либо движение против советской власти. Нет. Они ждут руководителей, они ждут, чтобы их повели, они в этом нуждаются, безусловно, и их вести можете, господа, только вы, вы, русская интеллигенция. Если вы всецело, всемерно проникнетесь одним сознанием, что вы должны стать их руководителями, не только на словах, не только на возгласах, но и на примере, только живым примером ему вы его поднимите и поведете за собой. Этого-то он от вас и ждет.

Господа, не бойтесь слов. Не смотрите на мой призыв, как на пустое играющее фразами и словами. Нет. Раз выдвинута Земским Собором Великая и Святая идея, идея, тесно связанная с религией, исповедуемой нашим народом, то те, кто выдвинул (а выдвинула интеллигенция), мы должны на примере показать, что мы и на деле способны ее поддержать.

Иностранцы сейчас смеются над нами, что мы выдвигаем флаг не по силам нам. Неужели же в русской интеллигенции мы не найдем достаточно силы доказать, что русская интеллигенция может и делать. Раз она говорит, то должна делать.

Господа, я и собрал вас, чтобы вы разрешили, как русская интеллигенция, практически этот вопрос. Это и есть задача вашего съезда, задача, поставленная мной вам на разрешение. Пора действительно проникнуться всем своим существом, что нам уходить отсюда, из Приморья, нельзя. Здесь нам Бог дал этот кусочек земли, чтобы мы могли выдержать экзамен, нам назначенный судьбой и провидением Божиим, выдержать его в полной мере и доказать, что мы действительно сохранили в себе всю силу русских интеллигентных руководителей. Господа, я зову вас всех идти объединенно вместе с нами, с Приамурской государственностью. Покажите вы вашим личным поведением, вашей службой, хотя бы в рядах войск, в рядах специальных дружин, покажите пример народу, — он пойдет, поверьте, за вами, но он ждет. Это потому, что его и в 17-м году интеллигенция потащила в пропасть, и теперь он ждет, что интеллигенция выведет его из этой пропасти. Раз флаг Святой Великой

идеи выкинут, то за ним первыми должны пойти действительно интеллигентские массы России, и вы есть тот небольшой клочок интеллигенции, который остался и который должен показать этот пример. Господа, я повторяю вам слова Минина искренне и чисто: пусть ваши жены идут и на самом деле несут кольца, камни и бриллианты, тогда действительно явятся средства и в этом маленьком Приамурском государстве, появятся, помимо веры, и средства, чтобы это выполнить. Господа, это честь русской интеллигенции перед всем миром, перед Родиной и перед нашей религией Христа».

Речь произвела большое впечатление. Настроение было такое, что чуть ли не сразу начался сбор пожертвований. Но от слов, горячих, искренних, далеко до дела.

Съезд выбрал особый Совет обороны, поручив ему практическую работу, обсуждал еще несколько дней положение и меры, и тем дело кончилось.

Совет обороны сначала начал присылать для одобрения свои воззвания, а затем занялся вопросом о создании дружин для самообороны. Толку от этого не было никакого.

Только немногие отдельные лица горячо приняли призыв; некоторые пошли в ряды, другие из последних крох приносили пожертвования.

Генерал Дитерихс в своем стремлении найти выход из безнадёжного положения, опираясь на те настроения и пожелания, что проявились на Съезде, не придавая значения намеченным Съездом мерам, решил перейти от слов к делу и потребовать той действительной жертвенности, о которой всеми говорилось.

Был объявлен призыв военнообязанных в Никольске и Владивостоке; призываемые срочно должны быть одеты Городскими Самоуправлениями и отправлены в части войск по особой разверстке не позже начала октября.

Города должны дать средства на армию, срочно собрав их и сдав в особый фонд.

Города должны создать самоохрану, чтобы можно было вывести в поле в случае необходимости полицию и освободить от всяких караулов все части.

Молодежь учебных заведений должна пойти в ряды войск первая. Военное училище перебрасывалось в район военных действий.

Выполнение всего этого зависело от тех, кто в действительности не хотел прихода большевиков, и если бы желание борьбы до конца было осознано ясно, то появление в рядах наших Каппелев-

ских дружин свежих пополнений могло совершенно изменить настроение. А дух в гражданской войне делает чудеса.

Когда был отдан этот приказ, во всех дружинах только и разговору было, что скоро они усилятся и пойдут вперед.

Была еще другая часть необходимого для того, чтобы претворить в жизнь намеченное усиление армии – это оружие и патроны.

Чтобы добиться от японцев определенного ответа, генерал Дитерихс послал в Японию хлопотать о передаче запасов, а затем, не дождавшись результатов хлопот, так как время уходило, письменно 4 октября в печати обратился к Японскому Правительству с требованием определенного ответа к половине октября. Это обращение своим тоном походило на ультиматум и вызвало неудовольствие японских дипломатов, уже решивших предоставить большевикам в Приморье свободу действий.

Ни оружия, ни запасов получено не было. Однако, все же пополнения могли сыграть роль; но через несколько дней стало ясно, что ничего не выйдет ни с призывом, ни с деньгами, ни с созданием охраны городов.

По призыву добровольно откликнулась часть офицеров и солдат, даже из полосы отчуждения; остальных надо было принуждать. Во Владивостоке призванных набралось для организации батальона резерва. На фронт же из Владивостока пришло всего 160 человек, из которых часть сочувствовала большевикам. Никольск дал всего около 200 человек.

Ни одеть, ни снабдить их города не смогли, а обратились за помощью к Интендантству, которое в это время было богато только ватными штанами, недавно полученными со ст. Пограничная.

Вопрос о сборе средств начал обсуждаться, причем начались раздаваться голоса не о том, как собрать, а о том, как избавиться от требований. Одиночные голоса с призывом к сбору тонули в массе противящихся.

Для организации самообороны города ничего иначе не придумали, как объявить о найме желающих, причем заявили, что те, кто пойдет на эту службу, будут освобождены от призыва в войска.

В сущности, после этого нужно было сказать: «Конечно, один в поле не воин». Но как уступить поле вовсе без боя. Ведь закричат все противники власти о предательстве, о преднамеренности, о трусости и т.д.

Свои, пожалуй, тоже осудят, так как давно говорили, что ничего не выйдет из призывов, что надо попробовать одним.

Может создаться паническое настроение. И принято решение: попытаться с наличными силами, с теми, что прошли Сибирь, без надежды на помощь Приморского жителя, во враждебной обстановке вступить в бой с надвигающимися красными.

К 1 октября мы имели сведения, что в район Хабаровска начинают прибывать новые части из Читы. Через несколько дней они могли быть в районе ст. Уссури.

Расчеты, в общем, оправдались. Так как переброска всех войск к северу от Спасска для операций была затруднительна по техническим причинам, и, кроме того, железные дороги и эшелоны почти ежедневно подрывались партизанами, решено было главными силами ген. Молчанова далеко за Спасск не выдвигаться; передовые части должны задерживать наступление наличными силами и отходить примерно до ст. Свягино, где генерал Молчанов предполагал произвести контрудар по передовым частям противника. К решительному же бою готовиться в районе южнее Спасска, выигрывая время для окончательной подготовки.

Мелкие боевые стычки севернее ст. Свягино завязывались с 1 октября; противник обеспечивал высадку частей в районе ст. Уссури. Мы имели сведения, что с высадкой некоторых эшелонов произошел скандал, так как красноармейцы потребовали выдачи каких-то предметов снабжения.

Операции генерала Молчанова в районе ст. Свягино 4–6 октября успеха не имели, хотя противник еще не ввел в дело новых частей. После безуспешного слабого удара он перешел к выжидательному образу действий, но и выжидательный бой не дал ожидаемого результата, наоборот, настроение начало падать, так как в этом бою понесли большие потери юнкера военного училища, попавшие под пулеметный огонь при переходе в наступление. В бою обнаружено присутствие Читинских частей, но еще не всех, о которых имелись сведения. Несомненен был ввод в бой прибывших конных частей.

После этого генерал Молчанов решил использовать для боя укрепления самого Спасска, которые были построены еще японцами, и перейти в наступление, как только красные ввяжутся в бой за Спасск.

7 октября прошло в подготовке к бою за Спасский район. В этот же день ген. Смолин сосредотачивался в районе ст. Мучная для совместных действий в дальнейшем.

8 и 9 октября прошли в горячих боях за Спасск; красные понесли большие потери, но предполагавшийся ген. Молчановым пере-

ход в наступление не был осуществлен; выяснилась угроза правому флангу генерала Молчанова, и он решил отойти на юг.

Одновременно с наступлением на Спасск, красные из Анучинского района повели наступление на Ивановку, угрожая при успехе Никольску, который был почти пуст, так как все было направлено к Спасску; создавалась угроза и тылу Спасской группы наших войск, которые могли быть принуждены сойти с железной дороги. Оренбуржцы и Енисейцы стойко выдержали новый удар красных, и те после двух дней атак, понеся большие потери, отошли.

Партизаны продолжали рвать железную дорогу. Каждый день Начальник военных сообщений докладывал о двух-трех взрывах и о срезанных телеграфных столбах. В день переброски частей ген. Смолина его эшелон наскочил на фугас: были жертвы.

Когда выяснилось, что части генерала Молчанова не в силах не только отбросить противника, но даже задержать его надолго и тем дать выигрыш времени, решено было к 12–14 октября подготовиться к решительному бою в районе ст. Монастырище – Ляличи. На фронте севернее Черниговки был оставлен генерал Смолин со своими частями, а генерал Молчанов отведен в район сосредоточения, чтобы подготовиться и дать людям отдых. Туда же спешно перебрасывались части генерала Глебова и все намеченные для участия в бою.

Бои за Спасский район с противником, еще не введшим в бой всех сил, по своим нерешительным или отрицательным результатам были для нас уже показательны. Мы не могли севернее Спасска перейти в наступление, сосредоточив туда все силы, а часть наших сил, имея перед собой приблизительно еще равные силы, начинает сдавать. Раз начались уступки, это уже плохо на войне, а в гражданской – в особенности. Преждевременное оставление Спасского района было скверным предзнаменованием, и так как к этому времени окончательно определилась безнадежность положения в тылу в смысле пополнений, сбора средств, настроений, отношений японцев, запаса патронов, то еще 9 октября чуть не был отдан приказ о прекращении борьбы и об отводе войск.

Опять победило то же чувство: как же без боя уйти? Как не попробовать еще раз вводом в бой всех сил повернуть боевое счастье на нашу сторону? А в сущности, даже успех в это время не решал дела, так как он давал только небольшую отсрочку.

Решительные дни падали на 13–14 октября.

К 13 октября в районе железной дороги у ст. Ляличи сосредоточились полностью части генерала Молчанова и Глебова с тем,

чтобы в этот день перейти в наступление под общим начальством генерала Молчанова.

Части генерала Смолина, после боев у Дмитровки и Мучной, были выведены несколько к западу от железной дороги и должны были содействовать наступлению генерала Молчанова нажимом на фланги и тыл противника в направлении на Халкидон. После ночного перехода часть сил ген. Смолина была к утру 13-го еще не готова для действий.

Группа генерала Бородина должна была обеспечить правый фланг ген. Молчанова, выдвинувшись из района Ивановки; 13 октября ничего из наступления не вышло. Предполагалось перейти в наступление, как только противник подойдет к переправам в районе д. Ляличи, но он не двигался, видимо, выжидая подхода из Спасского района свежих сил. Тогда генерал Молчанов отдал приказ о переходе в наступление на Монастырище.

Во время развертывания и движения вперед Забайкальских казаков, они попали под пулеметный огонь передовых частей противника и сбились в кучу, потеряв полк. Буйвида.

Пришлось тратить много времени на восстановление порядка, и только вечером боевой порядок вошел в соприкосновение с противником, занявшим район Монастырище и, видимо, выжидавшим.

Генерал Смолин 13-го ничего не мог сделать, так как люди после ночного перехода сильно устали.

Атака противника отложена на утро 14-го. Рано утром узнали, что она была безуспешной; красные сами перешли в наступление, и генерал Молчанов начал отводить свою группу. Отход начался после неудачи в одной из частей группы; кроме того, выяснилось, что ген. Смолин не может продвигаться и даже принужден отходить. Отход же его уже создавал угрозу тылу.

Как ни безнадежно мы смотрели на дело, но все же еще были какие-то надежды на отсрочку решения. 14-го утром был положен конец всяким надеждам. Нужно было думать о выводе людей и их семейств.

Вечером 14 октября был отдан приказ о бесцельности дальнейшей борьбы и о прекращении ее. Все действия должны ограничиваться только мерами обеспечения отхода. В приказе было, между прочим, сказано, что генерал Дитерихс не пойдет туда, где японцы; приказ предназначался для фронта, но был передан во Владивосток и создал там много недоразумений, так как был понят, как отказ генерала Дитерихса от власти. Прежде всего, адмирал Старк, кото-

рый являлся начальником тылового района, как бы должен был заменить генерала Дитерихса и руководить эвакуацией. Он решил создать особый аппарат для работы – на это начали смотреть как на образование нового Правительства.

Затем нашлись люди, которые продолжали мечтать, что еще не все кончено. Чуть ли не пошли разговоры об измене, предательстве и образовании нового фронта у Угольной. Владивосток, по которому свободно прогуливались партизаны, должен был, по их мысли, превратиться в крепость. Не договаривали только одного: «Они надеются, что японцы останутся в самом городе». После один из мечтающих спрашивал меня, чем объяснить такой отказ от борьбы и отход; я спросил: «А если бы до нашего отхода японцы ушли, не пришлось бы Вам драться за пароходы или бросаться в воду?»

Он согласился, что вполне могло создаться такое положение.

Согласно плану эвакуации, японцы совершенно оставляли Владивосток 26 октября. Последние дни они были уже на транспортах, и только часть людей на берегу для охраны. Эти данные были отправными для эвакуации, но, конечно, как всегда, кто не верил в окончательный уход японцев, а кто пугал, что они бросят все и уйдут раньше.

16 октября ночью мы вернулись во Владивосток и застали там страшную растерянность. Порядок в городе охранялся офицерским батальоном, полиция уже развалилась. Все тыловые учреждения прекратили работу; начались саботаж, а затем и забастовки. Люди начали заботиться только о том, как бы выбраться или приготовиться к встрече красных войск.

А нам нужно было, во что бы то ни стало, вывезти все семьи военнослужащих, вывезти беженцев, соединивших судьбу с армией издавна, вывезти часть грузов, усилить свою тощую казну, перебросить в Посыет части войск, отходящие во Владивосток и расположенные в городе, вывезти военные учебные заведения, больных, раненых.

Задачи эти казались непосильными, так как средств для перевозки всего этого не хватало. Да и куда направлять все это в дальнейшем, не имея средств?

Вопрос о семьях всегда был самым тревожным. Отцы, мужья были брошены на фронт, а все семьи были сосредоточены во Владивостоке, даже и тех, которые по ходу событий должны были отходить на Пограничную.

Перед началом боевых действий в Спасском районе все семьи военнослужащих были переведены во Владивосток и организованы там по группам; каждая войсковая группа имела свою группу се-

мейств со своим заведующим, а во главе всех семейных групп поставлен был генерал З., который и был ходатаем по всем их нуждам.

Пока семьи были во Владивостоке, мы, несмотря на скудость средств, могли кормить их и кое-что делать для улучшения положения.

Гораздо сложнее и труднее было перевезти их в другие районы и там поддерживать.

Мы считали, что из 6 тыс. ртов пойдет из Владивостока не более половины, а заявили желание выехать почти все. Предполагали начать переброску семейств в Посьет, а затем в Н.Киевск раньше, но все это затянулось до последнего момента.

Семьи группы ген. Смолина должны были отправиться на Пограничную, но как раз около 10-го октября, после перевозок войск, был сожжен большой мост на 26 верст; когда мост починили, было уже поздно, так как сообщения с Пограничной были прерваны уже 15 октября.

Генерал Дитерихс приказал нанять для перевозки семей и проч. японские транспорты, но получались неопределенные ответы: то они будут поданы 22-го, то 24-го, а то и позже.

Свои плавучие средства были все распределены и заняты. Японское Военное Командование для своих перевозок имело транспорты, но остерегалось их давать без разрешения из Токио. В конце концов, оно сдалось на просьбы, и, кажется, с 20-го числа началась переброска семей в Посьет на японских транспортах.

Это было громадной помощью – иначе бы пришлось плохо.

После 14-го наши войсковые группы отходили по тем указаниям, которые были даны. Группа генерала Смолина – в район Пограничной; Молчанов и Бородин – на Посьет по Западному берегу Амурского залива, Глебов – на Владивосток. Красные следовали по пятам, но особенно не наседали.

По нашим расчетам, около 20-го числа генерал Молчанов должен был быть в районе Посьета, Зайсановки. К этому времени должна быть закончена переброска семейств, чтобы не вести боев с красными для обеспечения высадки.

Мы предлагали выехать из Владивостока 20 октября, но вечером в этот день поднялась паника, и пришлось остаться. Кто-то пустил слух, что японцы отошли, и красные будут выпущены в город.

На самом деле, японцы точно придерживались своего расписания, и когда красные пытались нарушить его, то было принято боевое расположение, и красным пришлось ожидать.

21-го вечером мы на маленьком пароходе «Смельчак» выехали из Владивостока и утром были в Посъете. Ночью нас сильно потрепал шторм.

Там уже выгружались семьи с японских транспортов. Японское командование помогло перебраться не только семьям военно-служащих, но и просто беженцам.

Особенно скверно было положение больных и раненых. Вывозить их, не имея в виду ничего, не имея средств, было не менее жестоко, чем оставлять. Генерал Дитерихс хлопотал о покровительстве Красных Крестов английского и американского, но никто из больных не верил в то, что они смогут что-нибудь сделать; все хотели выехать.

В невероятно тяжелых условиях они перебрались в Посъет и направлены были потом в Гензан.

14 октября прибыл в Посъет со своими частями генерал Глебов. Люди с лошадьми были высажены, все остальное направлено в Гензан, так как Забайкальская группа имела около 2 000 человек в семьях, которые с 20-го года жили в эшелонах и вовсе не имели средств для дальнейшего передвижения.

Через день прибыла вся флотилия с адмиралом Старком: 28 октября адмирал Старк направился на Гензан, имея на борту около семи тысяч человек; ему послано приказание идти после высадки людей в Гензане, на Инкоу.

26 октября Владивосток окончательно покинули японцы, и он был занят красными.

Судьба остатков Белого движения на востоке, выброшенных за границу из Приморья, в общих чертах такова.

Те наши части, что были направлены в район ст. Пограничная (генерала Смолина – около 3 000 человек), попали в самое скверное положение, хотя казалось, что им будет легче, чем другим. Они поддерживали связь с Китайским Командованием на ст. Пограничная и отходили в знакомый район; могли пользоваться железной дорогой, могли взять с собой часть имущества.

На самом же деле сразу после захвата красными Приморья отношения к нам руководящих китайских властей в полосе отчуждения К.В.ж.д. ухудшилось.

Через несколько дней после перехода границы и сдачи оружия, солдаты были отделены от офицеров и, несмотря на протесты и просьбы, отправлены в эшелонах в сторону ст. Маньчжурия; чтобы можно было говорить о том, что эшелоны отправляются с согласия

солдат, не обошлось без провокации. Насколько солдаты были согласны на такую отставку, показали следующие события: китайцы, несмотря на охрану, довели до ст. Маньчжурия немного; большинство бежало различными способами, вплоть до «вывинчивания» из вагонов через крышу.

Бежавшие после долгих мытарств кое-как устраивались на работы; часть людей после вернулась в Советскую Россию.

Офицеры были отправлены в лагерь в Цицикар.

Семьи этой группы были перевезены в Посьет, а затем в Яндзигань, где зазимовали.

Наиболее крупная группа во главе с генералом Дитерихсом, около 9 000 человек и 3 000 лошадей, пробыла в районе Посьета и Н.Киевска до тех пор, пока закончилась эвакуация Владивостока и из Посьета ушли на Гензан последние суда. В Ново-Киевске несколько дней собирались подводы для отправки семейств и больных (около 700 женщин, 500 детей, 400 больных и инвалидов). Ожидались результаты переговоров с местными Хинчунскими Китайскими властями, которые не знали, что делать с такой свалившейся на них массой людей. Красные держались далеко, получив в районе Славянки щелчок от наших арьбергартных частей. Семьи были отправлены за несколько дней до оставления Н.Киевска, но переход их из Н.Киевска в Хунчун был прямо трагическим. Дожливая погода превратила дороги, перерезанные канавами, местами рисовыми полями, в море сплошной грязи, и короткий путь в 2 перехода они шли более трех суток, ночуя в дождь в поле, так как населенных пунктов в этом районе очень мало.

Было много несчастных случаев с детьми; много простуженных и заболевших.

В последних числах октября Китайские власти в Хунчунском районе были приготовлены к встрече, и 31 октября тронулись мы, выслав вперед артиллерию и обозы. Ночевали на таможенной заставе, а 1 ноября перешли границу.

Горечь и никакого просвета впереди. Неохотно сдано оружие.

В Хунчуне местные власти и население отнеслись к пришедшим очень тепло, несмотря на стеснения, которые мы причиняли.

В середине декабря, после переговоров в Хунчуне и Мукдене, группа начала пошелонно движение в районе Гирина, перестроившись еще в Хунчуне в «беженские группы».

Как ни труден был путь по гористой, с перевалами, малонаселенной местности в суровую зиму, как ни тяжелы были усло-

вия ночлегов, но все были рады выйти из глухого места к железной дороге, и около 500 верст каждая группа проходила в 12–14 дней. В феврале месяце движение было закончено; люди в Гири-не были размещены в лагерях, которые просуществовали до осени 1923 года.

В лагерях внутренний порядок в группах беженцев поддерживался прежним начальством, которое не было отделено от солдат. Только в мае месяце были удалены из лагерей ген. Дитерихс, Вержбицкий, Молчанов. Для характеристики состава Хунчунской группы вот некоторые сведения, относящиеся к половине ноября 1922 года.

а) Численный состав

Волжская беженская группа	1 424	воен.	78 жен.	37 дет.
Прикамская	1 612	воен.	130 жен.	111 дет.
Железнодорожная	938	воен.	75 жен.	25 дет.
Артиллерийская	576	воен.	27 жен.	14 дет.
Московская	744	воен.	26 жен.	10 дет.
Оренбурго-Уральская	808	воен.	37 жен.	39 дет.
Сибирско-Енисейская	459	воен.	18 жен.	14 дет.
Забайкальская	281	воен.	- жен.	- дет.
Семьи Сибирских частей	425	воен.	235 жен.	194 дет.
Санитарная часть	64	воен.	6 жен.	7 дет.
Управление и Комендатура	203	воен.	20 жен.	11 дет.
ВСЕГО	7 535	воен.	653 жен.	461 дет.

Как видно из названий групп, здесь были представители от всех местностей, поднявшихся как-то против большевиков на Востоке.

б) По военным специальностям

Пулеметчиков	569 чел.
Артиллеристов	695 чел.
Радиотелеграфистов	4 чел.
Саперов	170 чел.
Телеграфистов	78 чел.
Телефонистов	42 чел.
Авиаторов	20 чел.
Прочих	5360 чел.

в) По невоенным специальностям

Различных мастеровых (сапожники, столяры, кузнецы, портные и пр.)	1278 чел.
С различными техническими знаниями (от инженеров до монтеров)	337 чел.
Интеллигентных профессий (учителя, врачи, агрономы, актеры и пр.)	615 чел.

Зимой и весной 1923 года не обошлось, конечно, в большевизской прессе без криков о разных замыслах белогвардейцев в Гирине; сочинялись и приписывались разные планы, один нелепее другого. На самом деле, как только мы перешли в Китай, было объявлено и затем разъяснилось, что армия после сдачи оружия перестала быть воинской организацией и что необходимо сохранить лишь прежнюю внутреннюю спайку людей, чтобы легче в дальнейшем решать вопросы довольствия, расселения, подыскания работ и проч. Категорически воспрещено удерживать кого-либо в составе беженских групп, в стремлении иметь части, чтобы все нестойкое, несжившееся могло уйти.

Никаких авантюристических планов, намерений не ожидать и признать, как определенный факт, что мы проиграли стадию открытой борьбы 1918–1922 гг., интернировались на территорию чужого государства и стали в положение обыкновенных беженцев.

Эту реальность каждый в организации обязан признать и от нее исходить в своих дальнейших намерениях.

Основная задача всех стоящих во главе организаций и групп – облегчить общее положение и подыскивать работы.

В поисках работ прошла вся весна 1923 года, но устроить на работы группами не удалось, за малыми исключениями. Безнадежность найти заработок заставила искать выхода: часть людей решила вернуться домой в Россию, значительная часть направилась в Америку.

В Гензане (Корея), за исключением тех, кто добрался сюда отдельно и затем выехал по своему усмотрению, собралось около 5 500 человек, из них 2 500 бывших воинских чинов, 1 000 человек гражданских и около 2 000 семейств, преимущественно Забайкальских.

Эта группа оказалась по сравнению с прочими, в лучшем положении, благодаря заботам японских властей и иностранных благотворительных учреждений. В декабре заботы о большей части людей взяло на себя Японское Правительство, установив вполне удов-

летворительное довольствие; остальные – до 2 000 человек (среди них – до 500 раненых и больных) поддерживались благотворительными учреждениями.

Весною часть людей получила работы в Корее.

Эта группа, состоявшая из забайкальцев с большим количеством семейств, чинов флота и небольшой группы сибиряков, хотя и объявила себя беженской организацией, но не отказалась сразу и решительно от всяких надежд и планов. Забайкальцы во главе с Глебовым ожидали чего-то от Семенова, другие от так называемого Сибирского Правительства, в общем от японцев.

В результате стремились «сохранить части», отпускали людей не без препятствий.

Флот во главе с адмиралом Старком потом ушел в Шанхай, а затем на Манилу.

Летом 1923 года был положен конец надеждам, когда Япония объявила о прекращении кредитов на содержание группы; группа в общем распалась. Часть людей разъехалась одиночным порядком, часть отправилась на пароход к Шанхаю, в надежде найти там работу.

Кроме этих групп, много народу покинуло Приморье еще раньше. Кто пробрался в полосу отчуждения, кто добрался до Шанхая, кто выехал дальше. В Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Мукдене, Дайрене, Чаньчуне – везде осели группы русских; везде живут в большой нужде и ждут...

Оставшиеся во Владивостоке и Никольске надеялись, что их никто не тронет. Но уже через несколько дней после ухода японцев мы знали об арестах, убийствах, расправах, регистрациях.

Позже зимой большевики предприняли массовые высылки из Владивостока пришлого за последние годы элемента. Вывозили выслаемых эшелонами на Хабаровск.

Из книги: Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах Белых. Воспоминания. Рига, 1930.

Из книги «КОНЕЦ БЕЛОГО ПРИМОРЬЯ»

Состав и организация Земской Рати к 1-му сентября 1922 года, то есть к началу военных операций, были таковы.

Воевода Земской Рати – генерал-лейтенант Дитерихс.

Начальник Штаба Земской Рати – Ген. штаба генерал-майор Петров.

Поволжская Рать (или Группа) – 2 030 штыков, 805 сабель и 8 орудий.

Командующий Ратью – генерал-майор Молчанов.

Начальник штаба – Ген. штаба полковник Савчук.

Прикамский стрелковый полк (или отряд) – бывшая Ижевско-Воткинская бригада – 900 штыков, 10 сабель и 2 орудия.

Командир – полковник Ефимов Ген. штаба.

Ижевский батальон (или дружина). Полковник Зуев. 270 штыков. В Никольск-Уссурийске в дружину влило еще 140 дружинников, таким образом, состав дружины достиг цифры 410 штыков.

Воткинский батальон (или дружина). Полковник фон-Вах. 270 штыков.

В этой цифре, 270 штыков, включены также 72 юнкера Владивостокского Корниловского Военного Училища на Русском Острове, приданных этой дружине перед самым началом военных операций. Юнкера, под начальством своих офицеров, составляли отдельную роту.

Пермский батальон (или дружина) – бывший Сводно-Добровольческий полк. Полковник Черкес. 120 штыков.

Прикамский конный дивизион (или дружина) – бывший Воткинский конный дивизион. Подполковник Дробинин. 110 сабель.

Прикамская артиллерийская дружина (батарея) – бывшая Ижевско-Воткинская Добровольческая батарея. Подполковник Гайкович. 93 человека, 2 орудия 3-дюймовых.

Приволжский стрелковый полк (или отряд) – бывшая Поволжская стрелковая бригада – 830 штыков, 245 сабель и 2 орудия.

Командир – генерал-майор Сахаров.

Волжский батальон (или дружина). Полковник Белянушкин. 140 штыков и 22 сабли.

Камский батальон (или дружина). Полковник Сотников (или полковник Черносвитов?). 216 штыков и 8 сабель.

Уфимский батальон (или дружина). Полковник Сидамонидзе. 300 штыков и 7 конных.

Приволжский конный дивизион (или дружина) – бывший 1-й кавалерийский полк. Полковник Березин. 120 штыков и 208 сабель.

Приволжская артиллерийская дружина (или батарея) – бывшая 3-я Отдельная Волжская батарея. Подполковник Иличев. 51 человек и 2 орудия 3-дюймовых.

Московский конный полк (или отряд) – вновь сформированная кавалерийская бригада из нижепоименованных частей 2-го и 3-го стрелковых корпусов – 300 штыков и 450 сабель.

Командир – генерал-майор Хрушев.

Московский конный дивизион (или дружина) – бывший 1-й кавалерийский полк 2-го Сибирского стрелкового корпуса. Полковник Быков. 192 сабли.

Петроградский конный дивизион (или дружина) – бывший 2-ой кавалерийский полк 2-го Сибирского стрелкового корпуса. Полковник Смирнов(?). 20 штыков и 253 сабли.

Анненковский конный дивизион. Полковник Иларьев. 287 штыков. Отметим тут, что кроме этих 287 анненковцев, во Владивостоке у генерала Глебова находилось еще 35 анненковцев.

Поволжская артиллерийская дружина (дивизион) – бывший 3-ий Отдельный стрелковый артиллерийский дивизион – полковник Бек-Мамедов. 4 орудия: 1-ая батарея – капитан(?), 2 орудия 3-дюймовых; 2-ая батарея – подполковник Зеленой, 2 орудия 3-дюймовых.

Партизанский отряд генерал-лейтенанта Савельева числился отдельной и совершенно самостоятельной частью, временно приданной Поволжской Рати. По своей малочисленности (всего полтора – два десятка пеших бойцов) не представлял и не мог представлять самостоятельной части, поэтому с началом военных действий он был придан Вотскинской дружине, в состав которой через месяц примерно и был влит.

Урало-Егерский отряд (или полк) – 400 штыков.

Командир – полковник Доможиров.

Отряд этот, сформированный во Владивостоке летом 1922 года из чинов незадолго перед тем расформированных 2-го Уральско-го и 3-го Егерского полков, состоял из двух батальонов (Уральско-го и Егерского) и не входил в состав какой-либо рати.

Сибирская Рать (или Группа) – 1450 штыков и сабель и 7 орудий.

Командующий ратью – генерал-майор Смолин.

Начальник штаба – Ген. штаба полковник Бодров.

Западно-Сибирский стрелковый полк (или отряд) – бывший 4-й Омский стрелковый полк, но несколько переформированный.

Командир – полковник Аргунов.

Омский батальон (или дружина).

Ишимский батальон (или дружина) – тоже часть Омского стрелкового полка.

Западно-Сибирская батарея (артиллерийская дружина) – бывшая 2-ая Отдельная Воткинская батарея. Полковник Алмазов. 2 орудия.

Восточно-Сибирский стрелковый полк (или отряд) – 5-й Иркутский и 6-й Добровольческий стрелковые полки бывшей 2-ой Сибирской стрелковой бригады, пополненные так же чинами 1-го Пластунского полка, изъявившими желание служить в частях 2-го Сибирского корпуса и не пожелавшими отправляться к генералу Глебову.

Командиром был назначен генерал-майор Вешневский, но ввиду ухода последнего с частью бойцов в отряд генерал-лейтенанта Пепеляева, Восточно-Сибирский стрелковый полк фактически оказался также под командой полковника Аргунова.

Томский батальон (или дружина) – бывший 6-ой Добровольческий полк.

Красноярский батальон (или дружина) – бывший 5-й Иркутский стрелковый полк.

Пограничный стрелковый полк.

К сожалению, дополнительных сведений о нем не можем дать никаких.

Сибирская артиллерийская дружина (или дивизион) – бывший 2-ой Отдельный Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион – 5 орудий.

Командир – полковник Смольянинов.

Иркутская батарея. Полковник Сартыков. 3 орудия 3-дюймовых.

Добровольческая батарея. Подполковник Бельский. 2 орудия 3-дюймовых.

Дальневосточная Рать (или Группа) – примерно до 1 800 штыков и сабель и 3 орудия.

Командующий ратью – генерал-лейтенант Глебов.

Начальник штаба – Ген. штаба полковник Дубинин.

Забайкальская казачья дивизия – 200 штыков, 1 100 сабель и 3 орудия.

Атамана Семенова казачья конная дружина. Полковник Бычков. 300 сабель.

1-я Забайкальская казачья конная дружина. Полковник Сорочкин. 450 сабель.

2-я Забайкальская казачья конная дружина. Полковник Ваулин. 300 сабель.

Забайкальская пластунская дружина. Полковник Лобанов. 200 штыков.

Забайкальская артиллерийская казачья дружина. Полковник Новиков. 3 орудия.

Нижеперечисленные три дружины в состав Забайкальской казачьей дивизии не входили, но подчинялись непосредственно штабу Группы (Рати):

Амурская казачья дружина – 200 штыков;

Иркутская казачья дружина;

Пластунская дружина. Полковник Буйвид. Эта дружина явилась как бы «подстриженным» 1-м Пластунским полком, которым в Хабаровский поход командовал полковник Ктиторов.

Сибирская казачья Рать (или Группа) – 588 штыков, 545 сабель и 4 орудия, а всего 1 230 воинских чинов.

Командующий Ратью – генерал-майор Бородин.

Начальник штаба Рати – Ген. штаба полковник Кононов.

Оренбургский отряд (или бригада). 220 штыков, 450 сабель и 1 орудие. Командир – генерал-майор Наумов.

Конный полк. Полковник Зуев. 400 сабель.

Пластунский дивизион. Полковник Титов. 200 штыков.

Артиллерийская сотня. Подполковник(?) Плотников. 20 штыков, 50 сабель и 1 орудие, полученное во время военных действий.

Сводный отряд (или бригада). 365 чинов при 3 орудиях. Командир – генерал-майор Блохин.

Енисейская дружина. Войсковой старшина Бологов. 70 штыков и 40 сабель.

Сибирская дружина. Войсковой старшина Афанасьев. 80 штыков и 55 сабель.

Сибирская казачья батарея. Подполковник Яковлев. 54 чина и 1 орудие.

Восточно-сибирский артиллерийский дивизион (артиллерийская дружина). Полковник Романовский. 64 чина и 2 орудия 3-дюймовых. Отметим, что по первоначальному плану эта дружина (бывшая 1-я Отдельная стрелковая батарея 2-го Сибирского стрелкового корпуса) должна была войти в состав отряда (или полка) ге-

нерал-майора Вишневого. 24-го августа квартирьеры от этой дружины выехали из Никольск-Уссурийского в Гродеково, но уже 30-го августа дружина эта была приказом по Земской Рати передана из Сибирской группы в Сибирскую казачью группу, в составе коей она и действовала в течение всего похода, сохранив, однако, свое официальное наименование «Восточно-сибирской артиллерийской дружины».

Уральская казачья сотня. 100 штыков. Эта сотня в состав перечисленных выше двух отрядов не входила, но находилась в прямом подчинении Командующего Группой (Ратью).

Железнодорожная бригада. Полковник Ростовцев. В состав той или иной рати не входила, находясь в непосредственном распоряжении Штаба Земской Рати.

Дивизион броневых поездов – 3 бронепоезда.

Железнодорожный батальон.

* * *

О силах красных, принимавших участие в военных операциях против частей Земской Рати осенью 1922 года, мы не можем дать таких исчерпывающих данных, как то было только что изложено в отношении белых войск. Нижеприводимые данные о красных частях базируются на разведывательных сводках Штаба Земской Рати, а потому в них возможны большие или меньшие погрешности.

Командующий армией – товарищ Уборевич.

Стрелковая бригада в составе не то трех, не то четырех стрелковых полков.

4-й Иннского стрелкового полка (3 батальона) от 800 до 900 штыков. В каждой роте по 3 – 5 пулеметов. В прошлом (в Хабаровский поход) это – 1-я Читинская стрелковая бригада в составе двух полков: 1-го и 2-го Амурских полков, понесших большие потери убитыми, ранеными и помороженными. По окончании Хабаровского похода бригада эта была сведена в полк, который, в воздание за слуг по обороне ст. Инн, наименован – Иннским.

5-й Волочаевский краснознаменный стрелковый полк (3 батальона) – в Хабаровский поход он отличился во взятии укрепленной белой позиции у села и станции Волочаевка, почему и наименован Волочаевским. Так как Волочаевка явилась поворотным пунктом Хабаровского похода, то значение этого боя было сильно раздуто красными впоследствии; все же наименование 5-го Амурского полка «краснознаменным» указывает на то, как высоко оценивали красные Волочаевский бой, даже в конце этого самого Хабаровского похода.

6-ой Хабаровский стрелковый полк (3 батальона) – численность от 1 200 до 1 500 штыков. Этот полк также участвовал в Хабаровском походе под именем 6-го Амурского стрелкового полка.

По некоторым сведениям белой разведки, в состав названной бригады входил какой-то 10-й стрелковый полк, невыясненного числа батальонов. По другим сведениям, присутствие такого полка отрицалось.

Кавалерийская бригада в составе тоже не то трех, не то четырех конных полков.

Троицко-Савский полк – 360 сабель. Этот полк принимал участие в Хабаровском походе, где заслужил себе хорошую боевую репутацию.

Кубанский казачий конный полк (3 сотни) – 180 сабель.

3-ий Забайкальский конный полк (5 сотен) – 350–400 сабель.

Кроме того, разведывательные сводки упоминают также какой-то «Гусарский» полк в 4 эскадрона, численностью в 150–180 сабель.

Отряд Особого Назначения (Хабаровская Госполитохрана) в состав вышеуказанных бригад не входил. Действовал отдельно в Анучинском районе. Он состоял из 4 батальонов общей численностью до 1 200 штыков.

Этим исчерпывались регулярные силы красных, кои по воле Судьбы принимали участие в военных действиях против Земской Рати. Однако совершенно неправильно будет упустить из внимания еще ряд партизанских отрядов, кои, при всей своей численной незначительности, причиняли много хлопот Белым властям и Командованию Земской Рати. Партизанские отряды мы перечислим по районам. Тут были партизаны, действовавшие в Спасском, Анучинском, Сучанском, Полтавском районах и Приханкайле. Отряды, оставшиеся на побережье Японского моря от Сучана к Ольге и дальше на север, в расчет приниматься не должны, так как никакой положительной работы не совершали для своих и никакого влияния на ход военных операций не оказывали.

Поименно из партотрядов мы назовем: Партотряд товарища Борисова, действовавший в районе Белой Церкви. Другой отряд – Сологуба. Эти два отряда, объединившись, возросли постепенно от 50 до 100 штыков. В районе Спасска действовал отряд некоего Орлова. Лучшим же отрядом по боевым качествам в этом районе был отряд товарища Остапенко в 80 штыков и 15 коней. Отряды Анучинского района были объединены известным красным партизаном, бывшим Усурийским казаком – товарищем Шевченко.

ПРОЩАЙ, РОДИНА

Конец сентября 1922 года... Прошло более 60 лет с тех дней, которые я ежегодно вспоминаю в течение всего моего пребывания за границей, и мысли эти, я уверен, не покинут меня никогда. Это были дни перед нашим отъездом из родных краев куда-то в неизвестность, как нам, юным кадетам, тогда казалось.

Кроме самого важного – эвакуации нашего Хабаровского Графа Муравьева-Амурского Кадетского корпуса – немало огорчало нас и то, что наш корпусной праздник, 24 октября (св. Апостола Филиппа), впервые за все существование корпуса, пришлось встречать на берегу бухты Новик, на Русском Острове, под открытым осенним пасмурным небом, а не в Хабаровске, не в казармах 36-го полка, как это всегда было.

В тот год корпусной праздник был отмечен только одним молебном. Ни парад с церемониальным маршем, ни производств, ни праздничного обеда, и, конечно, никакого бала. Всех мучил вопрос: что ждет нас впереди? Признаться, нас, молодых, все происходящее вокруг нас не особенно тревожило и волновало. Все это было больше похоже на приготовление к продолжительной экскурсии за границу, чем на эвакуацию, может быть, пожизненную...

Переночевав у горящих костров, сидим на берегу и ждем. Ждем спасательных кораблей. Так грустно под осенним дождиком прошел праздник. Ночь провели у костров, а 25-го около 9³⁰ утра заметили на горизонте мачты кораблей. Из кадетских грудей вырвалось громкое «Ура!». Три судна прошли мимо нас к причалу бухты 35-го полка, как раз напротив нас. Первым шел ледокол «Защитник», а за ним два портовых катера: «Воевода» и «Взрыватель». Нам хорошо была видна противоположная сторона бухты у причала, где находились «Корниловское» Военное училище и госпиталь для раненых в последних боях при отступлении армии.

Проходит час, другой. Нашему директору генерал-майору Корнилову показалось, что процесс посадки происходит очень медленно, и он приказал 1-му взводу вернуться в расположение корпуса.

взять вильбот и немедленно приплыть к пристани. «Помните, – крикнул он вдогонку уходящему взводу, – помните, что от вас зависит судьба нас всех! Я полагаюсь на вас, Виктор Владимирович (прим. – подполковник Магденко), и на ваш взвод!»...

Мы знали, что вильбот всегда стоял на берегу бухты, около дома заведующего электрической станцией. Направились прямо к нему, застали его спящим.

Подполковник Магденко: «Нам нужен вильбот, дайте ключи от него».

Зав. электростанцией: «У меня их нет».

Подполковник Магденко: «Хорошо, дайте весла».

Зав. электростанцией: «Я не знаю, где они».

Подполковник Магденко: «Первый взвод, сюда! Обыскать дом и найти весла. В случае, если он окажет сопротивление, застрелить его, как собаку!...»

Весла были сразу же найдены под навесом, во дворе. По пути захватили топор, разбили замок и через несколько минут, напрягая все силы, гребли по направлению к пристани.

От директора получили: «Молодцы, ребята!». Он сел рядом с рулевым, и мы пошли по направлению расположения 35-го полка и остановились около «Защитника». Увидев на мостике адмирала Безуара, директор крикнул: «Ваше превосходительство, мы на пристани 36-го полка, ждем посадки на ваши пароходы. Хабаровский корпус ожидает выполнения обещания адмирала Старка...»

Адмирал Безуар: «Я не могу взять вас всех, суда переполнены, и здесь распоряжаюсь я, а не вы».

Генерал Корнилов: «Я получил приказ эвакуировать кадетов на ваших судах, – и он замахал какой-то бумагой в руке, в которой была его палка, и он всегда ходил, опираясь на нее, так что вышло очень внушительно, – если вы не возьмете нас, в истории будут записаны позорные строки: «Адмирал Безуар бросил Хабаровских кадетов на растерзание красным бандитам!» Это понятно».

Адмирал Безуар: «Хорошо, я пошлю вам «Воеводу», на который вы погрузитесь. Люди только! Никакого багажа! Через полчаса вы должны погрузиться на корабль!»

Все это было выполнено. Через час пришел «Воевода». Погрузили вперед младших, затем семейства корпусного персонала, а на второй рейс старших (мне было 15 лет). Конечно, со своим багажом – это ранец, винтовка и полные подсумки патронов. Каждый

прихватил часть провизии. Всю же канцелярию, учебники и цейхгауз бросили на берегу.

Один из музыкантов, кроме своего казенного инструмента, притащил громадный контрабас; заметив эту махину, директор приказал бросить его за борт. Помнится, как он плыл, подпрыгивая на волнах... Было и смешно, и грустно.

Наша партия во главе с офицером-воспитателем А.Д. Кузнецовым с супругой перешла с «Воеводы» на «Защитник» и начала как-то устраиваться. Все мы сгруппировались в уютном местечке под мостиком: и видно все кругом, и какая-то защита от дождя. Винтовки и подсумки с патронами сложили здесь же рядом, покрыли брезентом, ранцы расставили по борту, заняв сухие места так, что можно было и посидеть, и поболтать, и, разложив одеяло, поспать.

Каждый устраивался по возможности, где и как мог. Для примера: диваны в кают-компани были заняты морскими стрелками – в прошлом пленными красноармейцами, тогда как раненые юнкера ютились, где придется!

Через полчаса третьим и последним рейсом подошел «Воевода» к «Защитнику». Тут же последовало распоряжение: «Не выгружать ни пассажиров, ни вещей». На «Воеводе» оказались генерал А.А. Корнилов с женой и сыном, подполковник П.А. Яковлев с женой, доктор И.А. Цеханович с тремя ранеными юнкерами, о. Стефан Никольский, полковник Н.Ц. Грудзинский с женой и несколько старших кадетов, деятельно помогавших с нагрузкой провизии. Вот что позже сказал полковник Грудзинский: «На «Воеводе» нас приняли неприветливо, грубо, начальственно, с криками и бранью. Правда, суда были перегружены...» Катер «Воевода» казался лодкой по сравнению с другими судами Сибирской флотилии.

Вскоре посадка была закончена. Трап поднят, и было всем ясно, что мы начинаем путешествие, – так оно и было. Гудок... Громче зашипела и зашумела машина, и «Защитник», слегка вздрогнув, тихонько начал двигаться. Погода портилась. Стал моросить дождь...

При выходе из бухты Новик наши эскорты «Воевода» и «Взрыватель» приостановились у причала «Подножье», чтобы кого-то подобрать. К вечеру 25 октября суда вошли в бухту Пасвет, где и заночевали. Эта ночь была действительно отдыхом нам всем после двух бессонных ночей на берегу пристани.

Однако на самый главный вопрос – куда же мы пойдём? – ответа не было. Будет ли это Япония, Китай, Корея или Гавайские ос-

трова? Все эти страны были предметом наших догадок и главной темой разговоров.

Как мы и предполагали, утром 26 октября «Защитник» загудел, зашипел, вздрогнул всем телом и, развернувшись, начал набирать скорость, унося нас подальше от Пасьета, самого южного порта Российского Дальнего Востока, от наших берегов...

Погода улучшилась, все пассажиры «Защитника» вылезли из своих укромных мест. Здесь были офицеры, солдаты, молодые и пожилые женщины и детвора всех возрастов. Многие выглядели больными, утомленными и озабоченными, особенно при появлении по левому борту двух японских миноносцев. Они шли параллельным с нами курсом и поднимали на мачте различные сигнальные флаги, и наш корабль отвечал тем же. Нас предупредили, чтобы все оружие было припрятано, но мы по своей инициативе это сделали раньше.

Между собой многие почему-то говорили вполголоса. Исключением из пассажиров были только лишь мы – кадеты, и особенно наша группа, под мостиком. Мы были в хорошем настроении, шумно разговаривали, шутили, и даже по временам можно было слышать дружный юношеский смех. Пели песни, как то: «Нелюдимо наше море», «Ты моряк красив сам собою», пели «Звериаду» и массу других... Как вдруг, совершенно неожиданно, веселое настроение нашей компании было прервано сообщением с капитанского мостика. Вахтенный офицер, пользуясь обыкновенным ручным рупором, громко объявил: «Прошу внимания, господа!.. Сейчас мы покидаем границу России и Русские воды», – и повторил еще раз те же самые слова, как нам только показалось, более внушительным тоном, и покинул капитанский мостик.

Я, внимательно выслушав объявление, перенес свой взгляд на массу людей на нижней палубе, которая вышла поглазеть и обсушиться на солнышке и, конечно, не была подготовлена к тому, что услышала с капитанского мостика.

Вдали, с правого борта, в тумане, неясно скрывались очертания гор. Это и была она – Россия. Неужели же правда, как говорили некоторые, что мы Ее видим в последний раз? Тогда мне это было непонятно. Описать эту картину, свидетелем которой я был, мне, не владеющему пером, не под силу, поэтому ограничусь лишь малым, напишу о том, что произошло около меня. Сидевший невдалеке казначий офицер с подвязанной раненой рукой, снял левой смятую

часть седьмая

**В Русском
Зарубежье
на Дальнем
Востоке**

Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет...

Лука, XI, 17.

III

оследняя часть книги посвящена жизни Михаила Константиновича Дитерихса в Китае, в 1923–1937 гг. В современной российской, не говоря уже о советской, историографии русская эмиграция на Дальнем Востоке изучалась, к сожалению, гораздо меньше, чем эмиграция в Европе и в Америке. Причина, отчасти, заключается в крайне немногочисленных архивных источниках, имеющих в России. Достаточно сравнить количество фондов Государственного архива Российской Федерации, относящихся к истории русских во Франции (50 фондов) или Чехословакии (64) с количеством фондов о русской эмиграции в Китае (всего 10), чтобы убедиться в наличии огромного «белого пятна» в истории Зарубежной России. И только усилиями немногих историков, в частности владивостокского автора А.М. Хисамутдинова, постепенно восстанавливается и эта страница нашего прошлого.

Безусловно, большое число источников содержат частные коллекции потомков солдат, казаков, офицеров Российской армии адмирала Колчака, десятков и сотен русских людей, вынужденных покинуть Отечество в 1920-е годы. Именно документальные материалы из личного архива А.А. Васильева стали основой для составления данной части. Каждый из этих документов имеет не только важное историческое значение, но и во многом актуален сегодня.

Хотелось бы обратить внимание читателей на документы, характеризующие деятельность Дитерихса в должности Председателя Дальневосточного отдела РОВС, а также «почетного брата» Братства Русской Правды. Категорическое неприятие советской власти и, в то же время, неприятие иностранной помощи в борьбе против нее, надежды на Возрождение России на пути Русского Национального Сопrotивления, исключительно силами самого русского народа – отличительные черты позиции Михаила Константиновича.

Особое внимание читателей следует обратить на монархические взгляды Дитерихса в Зарубежье. В этом отношении показательны письма Дитерихса Великому Князю Никите Александрови-

чу, главе Русского Фашистского движения в США, председателю Всероссийской Национал-Революционной партии А.А. Вонсяцкому и, особенно, его письмо неизвестному адресату (от 6 мая 1924 года), которое можно с полным основанием назвать политическим завещанием генерала будущим русским монархистам. Вера в силы русского народа, в Русское Национальное Единство, убежденность в правильности выбранного пути, в неизбежной победе Русского Национального Возрождения были отличительными чертами его взглядов в За-рубежье.

ЗАВЕТЫ МОНАРХИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

Письмо Дитерихса неизвестному адресату

Воистину Воскресе.

Здесь с наступлением весны снова зашевелились разные организации и зазвенели в ушах различные слухи, толки, пересуды и сенсации, как это бывало каждый год. К сожалению, все идет по старой, неудачно испытанной дорожке, это исходит и творится от старых, никчемных тыловых деятелей. Снова заметались по объединению общественности все те же: Хорват и прочая плеяда личностей, агитировавшая всегда в тылу всех бывших белых фронтов Сибири и Востока. На этот раз, за отсутствием территориальной почвы, подняли знамя объединения на Дальнем Востоке вокруг... всех монархических организаций. Их оказалось очень много (не по количеству членов, а по главам их), хотя, казалось бы, их не должно быть больше двух: принципов самодержавия и принципов конституционных. Один Харбин насчитывает у себя таких организаций, кажется, больше десятка, да и Шанхай не меньше. Явление грустное, и объединение по этой причине, конечно, только буафорское, а не то истинное, глубокое, русское, национальное, историческое объединение хотя бы горсточки людей, которое могло бы явиться сильным по духу, природе и чистоте, чтобы совершить перелом в настроениях масс в России, дать импульс движению, побороть социализм и поставить Россию на благодатные и истинные пути духовного, государственного и экономического возрождения.

Получал и я от ... приглашение оказать содействие объединению, но ничего не ответил, а с посланцами отказался говорить на политические темы. Мой отказ вызвал, конечно, против меня в одних возбуждение, в других – злобу, в третьих – сожаление. Почему

я уклоняюсь от сотрудничества с намечающимся объединением существующих монархических организаций – Вам объясню.

Еще Достоевский говорил: «были бы братья, а братства (то есть объединения), явятся сами собой». Вот видите, у нас до сих пор в белых движениях, братьев-то и не было, то есть таких людей (конечно, в широком масштабе), которые объединялись бы во имя однородных, глубоких идей чистого порядка и проникнутых Святым Духом от начала и до конца. Единственной существовавшей идеей, владевшей, пожалуй, всеми и объединявшей нас против Советской власти, являлась одна маленькая, не чистая уже, и уже, во всяком случае, не святая идейка: это жалкая идейка мести, ненависти к большевикам. Но такая отрицательная идейка не могла создавать прочного и национального братского или государственного объединения, ибо сама по себе носила в себе, как отрицательная, элементы разрушения, раздора, зависти, что и проявилось в течение всего пятилетнего периода Белого движения. Так было на всех фронтах.

Нет нужных братьев и в современных монархических организациях и различных объединениях. И это особенно ясно в текущем движении по фиктивному объединению. Ведь ищут объединения не во имя создания однородных идей, не вокруг однородных монархических принципов, а опять-таки вокруг личностей, деятелей, не стремясь устранить основные причины, обусловившие нелепое существование огромного количества разноименных монархических организаций.

И почему так? Да потому, что в рядах всех этих организаций, в их персональном составе, нет людей истинных и чистосердечно принимающих начала русского, исторического, национально-религиозного самодержавного монархизма. Скажу даже больше: все это, в большинстве случаев, элементы и деятели, чрезвычайно враждебно относящиеся к принципам чистой национальной идеологии, или люди, их не понимающие, или, наконец, люди, слепые от рождения, или слепые по похотям. Так как и до 1917 г. индивидуальность монархических партий не отличалась от теперешних, то теперь понятны причины событий февраля 1917 г. и торжество проклятой жидо-утопии.

В чем же дело? Да в том, что все те, кто называет себя ныне монархистами, причисляют себя к таковым не по исповеданию принципов, понятий и религии монархизма, как идеологически мощного, объединяющего массу, общественность, государство – начал, а лишь по форме, по внешним осязаемым материальным проявле-

нием его. При этом форма и внешность обращаются ими в сущность, исчерпывая всю содержимость их монархического чемодана. Отсюда понятие ими идеи возрождения в России монархизма является для них только в формально-аксессуарном восстановлении трона, возведении на него того или другого из Романовичей, занятие при троне определенного придворного или административного положения и приведение всех прочих граждан России к «поднози трона» путем тех же чекистских мероприятий, изменив лишь название органов: охранка, жандармерия, гвардия и так далее. Вот, мне кажется, весь запас их идеологии и все их мировоззрение на монархизм вообще, и в частности – на современные задачи монархического объединения и движения. Такой идеологией предполагается победить мировое большевицкое движение и дать России мир и благоденствие, а себе...

Этих взглядов и понятий я не разделяю, а потому к современному монархическому движению примкнуть не могу, какое бы имя не выдвигалось, как претендующее на трон, или для возглавления объединения и движения.

После осатаневшего всем чесночного духа, конечно, русского человека можно увлечь любым другим. Поэтому в ходе нашей смуты от современного монархического движения я предвижу, быть может, в недалеком будущем, появление Шуйских, Самозванцев, Петров, Тушинских воров, но не национальной работы. Как такое, оно столь же вредно, как и работа большевиков, но, по-видимому, это движение неизбежно.

Так как, по моему глубокому убеждению, такое движение не будет отвечать интересам историко-национального характера, то я не примкну к нему и, хотя бы оставшись в одиночестве, не откажусь от той присяги, которую принимал во Владивостоке и которая согласована с моим пониманием путей работы по совести на благо народа и его историческому предназначению.

В чем же заключается идея исторического, русского национально-религиозного самодержавия, по моему мнению, каковы пути к нему, почему идея и идеология плохо проникают в современные организации, именующие себя монархическими, и зачем они, порой, вызывают к себе такое враждебное отношение со стороны наших, имя рек, монархистов?..

Попробуем побеседовать на эту исключительно важную и серьезную для нас тему, так как от успеха разрешения вопроса идеологии, зависит разрешение вопроса и практики: что же делать?

Идеология нашего исторического, национально-религиозного государственного строительства, как и всякая идея великого мирового религиозного значения, сохраняет чистоту, полноту и осмысленность принципов в практическом применении их, лишь в начале своего возрождения, в сознаниях масс, так сказать, в период наивысшего духовного энтузиазма толпы. Периоды соблюдения за земле последователями чистоты, воспринятой идеи – недолговечны. В житейских условиях будничной обстановки, среди соблазнов, порожденных внешними формами и условиями практического существования идеи, и чистота самой идеи, постепенно искажаясь, теряет свой основной дух, постепенно уродуется в своей сущности, искажается разными компромиссами, теряет свое духовное влияние и значение для масс и приводит к неизбежным движениям революционного, эволюционного и реакционного характеров, приводящим к катастрофам духовного, политического и экономического значения. Так: чистота Христовой идеи продержалась в принявшей ее церкви лишь около 3 веков, чистота нашей исторической монархической идеологии, по возрождении ее в начале 17 века, продержалась всего-навсего менее одного столетия.

Однако, отсюда вовсе не значит, что такие идеи не гожи, несоответственны, непрактичны, а потому и не удерживаются. Отнюдь нет. За все известное нам историческое время существования человека, идеи эти были, терялись, вновь возгорали, и хотя вновь падали, но каждое новое их утверждение на земле ознаменовалось и прогрессом в развитии чистоты восприятия идеи, что и сохраняет в нас надежду на их окончательное восторжествование в человеческом общежитии, в конечном итоге исторического существования нашей малой планеты.

Не буду уклоняться в область далекой древности, а начну лишь с истории России, с духовных и политических элементов нашей истории, создающих и обуславливающих, по моему глубокому убеждению, весь смысл, цель и предопределение для исторического существования русского народа на земном шаре, в ряду прочих народов мира.

Для меня, для моего мировоззрения, началом всего осмысленного, великого, глубокого, одухотворенного и вселенского значения на земле является Бог, и я уверен, что и для большинства русского народа это положение, сознательно или инстинктивно, но однородно с моим убеждением. Бог захотел, чтобы на земле существовал русский народ и в середине X-го века он создан. А так как всякое

творение Бога имеет смысл, цель и предопределение, то и народу русскому, в его государственном историческом служении миру, был дан Богом вполне определенный смысл: служить на земле, сначала в своей семье, а затем и для других народов мира, хранителем и проводником величайшей идеи бытия, идеи, установленной Христом в учении о Святой Троице в Едином лице, и путем проведения в своей государственной жизни принципов, определяющих это понятие и истину, осуществить в будущем задачу великого объединения всех народов на земле. Так как ни в каком другом учении, кроме христианского, идея эта и пути к ее разрешению не проведены столь полно и мощно, то одновременно с созданием первоначально-государственного объединения в лице Киевского княжества, русскому народу было ниспослано Богом принять и Христианскую веру, и именно в ее чистейшем в идеологическом отношении учении, в учении Восточной Православной Церкви.

В основах учения Христа и лежат основные принципы русской государственной власти и начала идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма. Никакие иные начала, по моему глубокому убеждению, русский народ не может принять (сознательно или бессознательно) и никакими только внешними, безыдейными формами монархизма нашего народа не обманешь на продолжительное время, не увлечешь серьезно и, главное, не удержишь надолго. Поэтому и нынешние монархические движения, как исходящие в основаниях не от Христа, а лишь от внешних эмблем и тех или других комбинаций и побуждений – обречены, в конечном итоге, на провал.

Так как в основе русской идеологии о своей государственности стоит Христос, то и начинать всякое возрождающее движение, в том числе и монархическое, необходимо с поднятия в русском народе основ чистоты и святости законов Христа и его наставлений. Мне отвечают на это: все это так, но это слишком долгий и сложный путь, и другие успеют использовать современное шаткое положение советской власти, не разбирая, насколько шатко ее положение, а на первое отвечаю с глубокой и горячей верой: пусть. Ничто не удержится в русском народе, что не со Христом и не от Христа. Рано или поздно, если только Господу угодно простить временное отклонение русского народа от Христа, он вернется прочно только к началам своей исторической, национально-религиозной идеологии, идущей от Христа и со Христом. А что я не увижу это спасение, а только мои потомки... Так разве для себя я вел братоубийствен-

ную войну и готов снова к ней? Разве для восстановления своих генерал-лейтенантских привилегий и для владения хутором Фоминским под Москвой?.. Что же из того? «Была бы Русь Святая и торжествовала бы predeterminedная ей от Бога цель».

А нам... Дал бы Бог сыграть лишь роль пчелы в улье на своем веку и умереть, хотя бы и не видя всего заполненного сота, не соznая, что сот не был заполнен негодным материалом для долгого хранения, и не подделкой его, лишь для скорейшего завершения формы.

Из учения Христа вытекают и четыре основных положения русского, исторического, национально-религиозного самодержавия. Мне трудно в письме развить в полной мере мои мысли, так как тогда письмо обратилось бы в обширный религиозно-политико-философский трактат. Но мне хочется, дорогой мой друг, познакомить Вас и всех тех, кто связывал в прошлом свое участие в братоубийственной войне с моим именем, идя за мной с некоторой верой в чистоту руководивших моим сердцем и умом побуждениями, ознакомить, хотя бы кратко, с общими идеями моего религиозно-политического кредо, так как при нем я остаюсь и теперь, и не откажусь от него и в будущем. Вы и многие другие, продолжающие относиться ко мне, как к своему руководителю, имеете право и должны знать в корне, как мыслю я о связующей нас всех жажде дальнейшей деятельности, в целях скорейшего возрождения дорогой Родины вообще и, в частности, ее монархической идеологии, и какие пути я только и могу, по совести, признать соответствующими, честными и чистыми для достижения, в конечном результате, начала возрождения зари новой светлой жизни для Святой Руси и народа, и почему никакими иными путями и организациями увлечься не могу.

Христос говорит Пилату: «ты бы не имел никакой власти надо мной, если бы не было дано тебе свыше, а Апостол Павел развивает это положение Христа уже совершенно определенно в земном, социальном отношении: «всякая власть – от Бога суть».

Исходя отсюда, исповедуя Христово учение всеми фибрами своей души, первым положением русской национальной исторической идеологии о своей государственной власти является непременным понятие о помазанничестве на царство, и никто иной не будет прочно принят народом за Главу своего государственного представительства, как Помазанник Божий. Помазанничество Божье, по истории религии, ведет за собой и Божье избранничество Пома-

занника. В этом отношении основные законы Императора Павла, как акты личные, а не народного творчества, о престолонаследии, в корне разошлись с духом основного положения идеологии народа. Правда, что Павел руководствовался хорошими побуждениями и хотел устранить влияние на сей важный акт человеческих страданий. Но тем не менее, побуждения все те же вытекали из человеческих принципов, а не духа Божеского положения, и потому нарушали духовные права народа как выявителя Божеской воли на земле. «Я смотрю не так, – говорит Господь пророку Самуилу при избрании Давида, – как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце». Законы Императора Павла установили именно престолонаследие по лицу, по человечески, а не по Божьи, по сердцу, выявителем чего может быть только или церковь, или массовая воля народа (и чаще – объединение их), которой в таких случаях, по выражению летописца, «он (Бог) вложит в сердца всех людей едину мысль и утверждение».

Боже упаси Вас подумать, что этими словами я устанавливаю наличие в идеологии русского исторического самодержавия выборные начала, для царя. Ради Бога, постарайтесь уяснить себе сущность и дух этого краеугольного камня русского национально-религиозного начала, напрочь Ваше духовное мировоззрение, отрекшись совершенно от влияния земных европейских формочек. Выборное начало носит в себе все признаки человеческого, гражданского характера, почему и выявляется, главным образом, в том, что выдвигаются те или иные, по личным человеческим вопросам, кандидаты. Их баллотируют по политическим настроениям, и получивший большинство голосов признается как избранный народом. В нашем «единении мысли и утверждении в сердцах», основой всего является человеческое, не политическое начало, уже потому, что единение должно последовать полное и не в умах людей, не по политическим расчетам, а в сердцах – в источнике духовных, Божеских импульсов человеческого существа. Это явление высшего мистического порядка проявляется при первоначальном избрании, как истинное чудо, в исключительной обстановке и в исключительные времена, а не сухие выборы обыденных условий разума, по законам, установленным самим человеком. Наше «обирание» Царя есть следствие религии, а гражданское «избрание», «выборы» – есть следствие политических условий и человеческих законов. Поэтому при «обирании» начинают не с выставления кандидатов, а с определения принципов, морально-религиозных и национальных

свойств, которым должен удовлетворять тот, на кого могло бы пасть избранничество и Помазанничество Божье.

И вот, это-то идеологическое религиозное мировоззрение русского народа, основные законы Императора Павла, нарушили в корне, что и легло в основу последующей истории крушения прямой династии Романовых. Поэтому и теперь я не могу никогда согласиться с какой-либо теорией наших современных монархических организаций, выдвигающих или хотя бы мечтающих о том или ином кандидате, ибо вижу в этом основное крушение принципов исторической национальной идеологии и основное посягательство на религиозные права народа. Раньше, чем думать об избрании Царя, надо проникнуться всем существом мистическим актом «обирания» и подходить к делу восстановления монархии в России с чистой совестью в смысле полного отказа от узурпаторства прав народа в этом деле. Иначе мы не добьемся видеть Россию снова Великой, Самодержавной, Христовой державой, так как и Бог не попустит изменения, и единственный проявитель его воли на земле — народ — не примет нас.

Я получаю сейчас брошюры, даже целые книжки дорогого издания, с подробным разбором основных законов и определением юридических прав тех или других из Членов дома Романовых на прародительский престол. Если бы эти монархисты стояли на правильной и прочной почве национальной идеологии, то они не выказывали бы себя такими слепцами. Ведь с того момента, как Император Николай II отрекся от престола и своим актом изменил самодержавные основные законы Императора Павла, на конституционные положения, а мы все, во главе со всей плеядой Великих Князей, приняли его отречение и санкционировали отпад от самодержавных принципов, основные законы Императора Павла потеряли всякую свою силу на веки вечные, и члены дома Романовых утратили всякие права на престолонаследие по принципам основных законов.

Если бы современные монархисты глубоко и горячо исповедывали религию русского национального монархизма, то молились бы они теперь, со всем пылом и страстностью, не о восстановлении царя, а о возрождении к монархизму народа, ибо русский, национальный, исторический, самодержавный монархизм тем и отличается от европейского монархизма, что он определяет собой не политическую, а, если можно так выразиться, религиозную форму правления, не переходящую, однако, в то, что принято понимать под те-

ософическим и к какому имеет стремление Западная Церковь, во главе со своими папами.

Затем еще одно из существеннейших понятий: монархизм Российского Государства определяется не тем, что во главе формы правления стоит монарх, в лице ли Императора, Царя или Князя — это безразлично, а тем, что весь народ исповедует для своего государственного строительства и управления собой принципы и положения, вытекающие из учения Христа, из коих первым краеугольным основанием является понятие о покое государственности на идее Помазанничества Самодержца и Самодержавии воли народа. Как тот, так и другой их этих углов основного камня исходят, по идеологии народа, от Божественных начал, а потому к чистоте и целостности их выявления народ относится как к святыне, и всякое посягательство на то или другое умаление будет прежде всего кощунственным в отношении народной души.

Для европейцев это основное положение совершенно непонятно и неприемлемо: давно отойдя от чистоты учения Христа, в социальном приложении европейцы почти органически, утратили способность понимать нас с нашими мистическими влияниями, проявляющимися в нашем государственном, общественном и бытовом мировоззрении. Видя мощь творческого духа русского народа и не находя в себе самих объяснений для оправдания такого явления с точки зрения открытого им лишь человеческого понимания, европейцы, невольно, вне зависимости от того или другого состояния русской государственности, прежде всего, инстинктивно боятся русского народа, боятся до самоунижения, подлости и безумия. И до тех пор, пока этот инстинктивный страх будет существовать и появляться, как и сейчас, мне будет ясным, что в русском народе не умерли начала Христова учения и нельзя терять надежды увидеть его снова у ног Христа и со Христом в его историческом, государственном строительстве.

«И сказал ему диавол: «Тебе дам власть над всеми моими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее».

«Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите».

Вот и еще положение учения Христа, которое определяет сущность и дух второго из оснований национально-религиозной, самодержавной идеологии русского народа.

Если наша идеология признает власть только от Бога, то она не допускает, именно по Божественности власти, чтобы власть стре-

милась или принимала земную славу, славу от людей, и этим самым как бы низводила, унижала покоящуюся на ней славу от Единого Бога и выраженную исключительно мистическим актом Помазанничества. В этом втором основании идеологии русской государственности кроется и весьма глубокий социальный смысл: слава на земле для всех, приемлющих понимание власти от Бога, не может быть приписываема одному лицу – Главе Государства, и слава земная не должна пленять Помазанника, так как он не должен забывать, что исшел от избранничества Бога, выявленного единомыслием в сердцах народа. Поэтому Помазанник и не может выделить себя на земном своем поприще в земной славе, от славы всего народа.

Истинно исповедывал в начале своего царствования это основание Великий Петр Первый. Как полны, величественны и национальны по народной монархической идеологии его слова, сказанные в день Полтавской битвы: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия в благоденствии и славе». Тогда как сознательный Помазанник Божий, он не стремился к личной славе, она не нужна была ему в отдельности; он желал славы только для всей России, для всего народа. Себе же только он признавал славу от Бога, поему и была жизнь ему недорога.

Но позже натура и обстоятельства уклонили Царя Петра от чистоты исповедания принципов идеологии русского народа и положений Христова учения. Уже в 1711 г., в создании Сената, это уклонение сказалось рельефно, резко. Сенат, будучи уродливым подражанием западническим парламентским формам правления, в то же время являлся односторонним посягателем на религиозно-самодержавные права народа, исключив совершенно его волю, как выявителя Божеской воли из управления государством. Последующие шаги царя вели, главным образом, к ломке старых форм и порядков (быть может, тогда уже несовершенных с точки зрения идеологии), но так, до конца своей жизни, он продолжал отходить, шаг за шагом, от путей, предопределенных русскому народу Богом, а учреждением в 1721 г. Синода окончательно завершил свой исторический отход от национально-религиозных путей России в среде мировой жизни народов. С этого акта русский народ деспотической властью земного царя отрывался от Христа и ставился на пути к Антихристу. Наконец, и в личном своем творчестве, Петр принял титул Императора, принял славу от людей, славу земных царств, славу от дьявола. Народной идеологии Помазанничества от Бога было нанесено этим актом страшное оскорбление и святотатство,

послужившими следующими стихийными силами к развитию исторической катастрофы династии Романовых.

Повторяю, дорогой друг, что пишу Вам, по возможности, короче, бросая лишь идеи, не развивая их совершенно обсуждениями и всесторонним освещением. Но возьмите хорошее руководство по истории, Платонова или Ключевского, проштудируйте их положения и трактования в применении к моим идеям и, я думаю, они удовлетворят Вас. Мне же в этом втором основании нашей идеологии хочется остановиться на двух высказанных мыслях, которые требуют некоторого пояснения от меня самого.

Первая: можно думать, что я исключаю совершенно родовую преемственность Помазанников на престол России в случаях прекращения или прерывания царствования династии?

Нет, я ее не исключаю, но не выдвигаю, не желая узурпировать воли народной в установлении в будущем принципов «обирания» царя и не имея к тому прямых поводов и указаний в учении Христа. Если же обратиться к истории нашей религии вообще, а в частности – к истории ее приложения в государственной жизни русского народа, то принцип родовой преемственности власти устанавливается, безусловно, положительно, почему, думаю, Земский Собор 1613 г., самый глубокий и всенародный из всех бывших Соборов, в числе принципов, установивших, кто может быть царем на Руси, выдвинул обязательным принципом и родовую преемственность, однако, не связывая ее ни с каким юридическим старшинством членов рода. В данном случае, слава Помазанничества постигает избранника по Божьей воле, выявляемой во всенародной воле, а потому мы и не должны ныне нарушать идеологии национально-религиозного монархического направления русского народа предвзятым и необоснованным выдвижением кандидатов по своему вкусу, и, тем более, что народные массы до сих пор далеко не убеждены в гибели Императора Николая II, Наследника Цесаревича Алексея и Великого Князя Михаила Александровича.

Второе: Вы можете думать, что, говоря об исключении Петром воли народной из управления государством, и этим я как бы устанавливаю, что монархизм наш должен включать в себе какие-то принципы конституционных или парламентских систем и форм правления, подобно существующим на западе?

Боже избави Вас от такого предположения. Я менее всего приемлю и перевариваю, по своему мировоззрению, принципы конституционно-демократических учений и считаю, что конституционал-

демократизм в целом и в каждом из своих членов являются наиболее яркими выразителями тех житейских элементов, про которые народное слово «выражается метко»: «Ни Богу свечка, ни черту кочерга». По моему разумению, если за истинное начало всего во Вселенной признавать Бога, то и наша социальная жизнь должна строиться на законах, исходящих из религии, а тогда сердце и ум приведут неизбежно к самодержавной монархической форме в идеологическом трактовании нашего народа. Если же отрицать Бога как начало всего, то ни к чему иному нельзя будет применить людское сожителство, как к социалистическому коммунистическому строю, устанавливаемому путем насилия и деспотии сильнейших над слабейшими. Всякие же серединки являются ублюдками и крайне неустойчивыми компромиссными положениями человеческих объединений, которые Достоевский метко охарактеризовал выражением: «единение во имя спасения животишек».

Самодержавный монархический строй правления по духу национально-религиозной идеологии русского народа определяется не тем, что во главе человеческого сообщества становится неограниченный самодержец в политическом отношении, а все остальные члены государства являются его безличными и безвольными подданными, а тем, что весь народ, по своему существу и духу, является сам Самодержцем своего управления и, естественно, выдвигает во главу своего Правления одного из своих самодержавных членов, избираемых Богом и Помазанным на царство. Если было бы иначе, то монархический строй просто обращался бы в другую деспотию и ничего общего с учением Христа не имел. Принципы русского национально-религиозного самодержавия чрезвычайно идеальны и чрезвычайно просты с точки зрения положения учения Христа и чрезвычайно трудно усваиваемы и проводятся в жизнь людьми при уклонении и искажении основных положений учения Христа. При воцарении Михаила Федоровича Романова идеология такого самодержавия продержалась в полной своей идеальной чистоте в течение первых 10 лет его правления и дала совершенно исключительные результаты в быстром и мощном восстановлении государства, разрушенного почти совершенно Смутным временем тех же принципов, что и нынешний большевизм. Царь Алексей Михайлович в первую половину своего царствования тоже понимал ее в полной мере, и лишь церковный раскол, перенесенный на светскую почву, положил начало уклонения нашего монархического правления от идеологического понимания национально-религиозной сущности и формы государственного строя.

«Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух».

Сотворенное на земле от людей будет земное, человеческое, приходящее в своем существе и относительной мере, а сотворенное на земле от Бога, во имя Бога, будет Благостным, истинным, духовно-содержательным и вечным.

И вот, идеология национально-религиозного самодержавия русского народа, исходящая из учений Божеских законов, указывает нам и путь к Рождению «от духа», к творчеству своего земного государственного бытия благодатным, истинным и духовным содержанием.

В чем же этот путь?

«Я – в Отце и Отец во мне. Видевшие меня видели Отца. Я в Отце моем и Вы во мне и я в Вас... Суд мой праведен, ибо не ищу моей воли, но воли пославшего меня Отца».

Что это определяет в нашем земном государственном приложении? Какие начала кладет это учение в идеологически понятные социальные человеческие сообщества вообще и в нашем самодержавном объединении в частности?

Возьмем первичный вид человеческого сообщества, семью: муж и жена. Он в ней и она в нем: только тогда и возможна гармония супружества, охранение человечности, культурности, духовности, семейного очага и благодатное творчество семейного бытия.

Достигается это равенство, как и в равенстве Отца и Сына, не путем измышленных человеком социальных законов о равноправии, а путем единственного по величию и всеобъемлемости Божескому закону – закону любви... Жена подчиняется и сливается в одно с мужем по любви. Муж видит в жене равноправное существо и не отделяет себя от нее по той же любви. Любовь – не долга, а любовь дара, дара Божия и потому бесконечно сильная, справедливая, гордая, кроткая, смиренная. Муж творит, судит, зная и любя волю жены; жена творит и исполняет, зная и любя волю мужа. Муж руководит семьей через творение жены, любя ее волю; жена творит семью и очаг, любя волю своего мужа.

Любовь, любовь дара, а не долга – вот двигатель, работа и покой всему в самодержавном очаге семьи, в самодержавном строе государства народа, в самодержавном обществе людей всего мира. Самодержец творит волю не свою, а волю любимого им по дару народа, так как для него эта воля выявляет Божественную волю, которой он был избран на Помазанничество. Самодержавный народ творит волю не свою, а своего любимого по дару Помазанника, так

как воля его есть отражение воли Божеской, воли всего народа, «обиравшей» его на царство не по политическим измышлениям и вкусам, а по сердцу, по вере в Божественное начало своей власти.

Вот поэтому, в национально-религиозной идеологии русского народа о своем самодержавии, помазанник Божий правит государством, а самодержавный народ управляет им.

Править – это есть понятие о действиях морально-духовного свойства, а управлять – понятие о действиях материально-исполнительного характера. Правит Царь, управляет Земский Собор.

Вот это положение и составляет коренное отличие внутренне-го содержания Земских Соборов Святой Руси от идеи парламентов, учредилок и прочих представительных органов конституционного мало-христианского Запада. Поэтому и состав Земских Соборов в корне отличен от состава представительных органов Запада. Первый – пропорционально-сословный, а потому и всенародный. Вторые – политические, а потому и партийные. Только Земский Собор и имеет моральное право именоваться органом действительно народного представительства, а ни в коем случае не партийной учредилки, палаты, думы и тому подобных западноевропейских человеческих измышлений, существующих для фальсификации народных волеизъявлений и обмана масс.

Когда в народных массах ярко вспыхивает и разгорается пламя Христовых законов и поучений, и существо человека стремится к нему всеми фибрами своей облагораживающейся души, то самодержавная идеология не встречает никаких затруднений, трений и препятствий в своем государственном применении. Творчество государства в эти периоды отличается поразительной продуктивностью, культурностью и благодатностью. Одновременно с улучшением общенародного благосостояния масс облагораживаются, смягчаются и совершенствуются и ее моральные и духовные силы. Поэтому-то социалистические противники самодержавного монархизма так и стремятся всегда, прежде всего, подорвать, опоганить, умалить в народных массах прочность и чистоту Христовой веры. И нам, исповедующим начала национально-религиозного самодержавия русского народа, нужно, прежде всего и больше всего, отложив всякое иное попечение и свои личные похоти, посвятить свои силы на служение Христу, на служение не по форме, как мы это делали в последние столетия царствования дома Романовых, а с полным самоотвержением, с величайшим горением и истинным испо-

веданием законов Его учения, с полной готовностью умереть за Его имя, как служили ему Апостолы.

Антихрист силен, не менее силен, чем Христос. Слава его – слава земная, пленительна, ощутительна для слабого человечества, тогда как слава Единого Бога – лишь в самом человеке, в его верности, духовной и моральной, в его совести. И хотя врата ада никогда не одолеют Церкви Христа, но лишь для тех, кто будет верен по вере и чтит Христа не на словах, а на деле. Поэтому и для русского народа, в теперешнем его и нашем состоянии, врата ада опасны, и как некогда для Израиля, так ныне и для России могут стать пророческими слова Христа, если мы вовремя не раскаяемся и не вернемся к истинной и творческой любви Христовой: «Се, оставляется вам дом ваш пуст... Потому, сказываю вам, что отнимется от Вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его».

Вот чем определяется лицо и дух идеологии русского народа о национально-религиозном самодержавном строе. Это тоже не столько политическая, сколько духовная форма правления, всецело вытекающая из религии, а потому не о царе нам нужно теперь мечтать, а о просветлении самих себя и русского народа в заветах Христа, дабы сохранить за русским народом Царство Божие. Это тезис идеологии самодержавности русского народа, несмотря на всю простоту его, если мы только являемся действительно христианами по духу, наименее усваивается и терпится современными монархическими организациями, а потому, по моему убеждению, большая часть их является не русскими, не православно-христианскими и не самодержавно-монархическими, а следовательно, и не последователями исторических национальных задач русского народа. Насколько они чужды духа национальной идеологии, указывает хотя бы постоянное применение ими в своих обращениях «к истинным русским людям», пошлейшей из поговорок жандармско-полицейского монархизма: «За Богом – правда, а за Царем служба не пропадут». Мечтать о воскресении России с такой приманкой, которую Антихрист расширил до: «грабь, все твое» – совершенно бесцельно. Никого на заманишь и никого не обманешь. Русский же народ может быть только или самодержавным народом Христа, или народом самодержавного царя Антихриста.

Соотношение Помазанника-Самодержца с самодержавным народом русским определяется и словами Христа своим ученикам: «Кто из вас хочет быть большим, тот будь другим слугой».

Это третье основное положение русской национально-религиозной идеологии, вытекающее из учения Христа. Каждый из нас, приняв веру Христа не только по форме, но и всем сердцем, всем рвением, всей душой, верующей и жаждущей великого и святого предопределения России, не может не стремиться служить другому, чем только может, имея к тому импульс в любви к своему брату по вере, по родине, по идеям мирового значения. Тем более, Глава Государства, Помазанник, правит для блага народа, а не для своей личности, не для себя. Он являет высший пример служения другим и потому должен быть прост, скромен и легкодоступен. Эти качества Помазанника были исторически особенно ценны народом, так как через них, для простого человека, легче всего и нагляднее подтверждалась идеология, быть может, и принимавшаяся им только инстинктивно, но, безусловно, глубоко и душевно. И в своем религиозном мировоззрении русский народ ценит обрядовую сторону Восточной Православной Церкви за простоту его общения с Богом через доступность служений Церкви, но при безусловном исповедании глубокого мистицизма обрядов, так и в вопросах своего государственного строительства ему необходима реальная простота общения с Помазанником, царем-батюшкой, при наличии религиозного элемента в самом представлении о лице Помазанника.

Начиная с Екатерины I, к этому основному положению нашей идеологии, начали относиться все большие и большие ограничения и Помазанник Божий все дальше, по тем или иным причинам, отделяется от простоты общения с народом, восходя по ступеням политического монархизма к образу личного Самодержца, то есть превращаясь в деспота и утрачивая духовное обязательство служения людям вопреки примеру, данному самим Христом ученикам и впитанному в себя идеологией народа. Это послужило третьим основанием исторически назревшей катастрофы над Романовской династией. Николай II сердцем учитывал этот греховный и антинациональный уклон Помазанника от народа и неоднократно, в течение своего царствования, пытался приблизиться к массе в духе национальной идеологии. Но было уже поздно: боярство, с одной стороны, европеизаторы-интеллигенты, с другой, и охранно-жандармские сети с третьей, при отсутствии у Николая II достаточно сильной гражданской воли, не дали ему выполнить то, что подсказывало ему сердце искренне и верно исповеданного Помазанничества и катастрофа дома Романовых разразилась с необычайной жестокос-

тью народа, потерявшего идеологические пути ко Христу и направленного по путям искаженного его учения к руслу ложной земной славы Антихриста.

Могут ли теперь те из членов дома Романовых, которые участвовали в отторжении Помазанника от народа, сами по себе подойти просто к народу, столь доступного ему по духовному и реальному общению так, как это вытекает из идеологии народа? Могут ли они быть искренними, чистыми и честными слугами других, когда готовы восстановить аксессуарные положения монархического строя, опираясь не на силу Христовой любви к народу, а на штыки и материальное закабаление различных иностранных «друзей» и интервентов? Ведь и сейчас еще, здесь, на Дальнем Востоке, все это монархическое объединение лелеет мечты о своем выступлении в связи со всякими фантастическими планами и предположениями о предстоящих выступлениях японцев, Чжан Цзолина и прочих, думаю, что и на Западе оптимистические вожелания, по крайней мере большинства монархических элементов, покоятся на тех же антинациональных принципах, или в виде расчетов на иностранные штыки, или на иностранную финансовую поддержку, что, по существу, в народных и государственных интересах, одно и то же.

Здесь, мне кажется, что всеми, именующими себя монархистами, в их стремлении к деятельности, к движению в Россию, больше руководит ненависть к советской власти не по духу и содержанию ее, а потому, что «она причинила нам всем столько материального ущерба и личных оскорблений и унижений. Искренние же стремления восстановить самодержавие народа, то есть вернуть его на пути народа Христа, послужить ему слугами и возлюбить его до подчинения его воскресенной Христовой воле своей воли, своей личности, своей жизни – как-то не видится ни в чем, не чувствуется сердцем.

Но пока мы не найдем в себе именно такой чистоты, честной и бескорыстной любви для служения своему народу, мы не сможем слиться с ним. А без такого слияния нельзя создать той монолитной, духовной силы, общие усилия которой – свергнут Антихриста и дадут нам возможность по силе веры вернуться к ногам Христа, как пал к Его ногам исцеленный им, до конца уверовавший в него, большой бесноватый.

Вот четвертое основание, и самое существенное, исходящее из положения учения Христа в исторической, национально-религиозной идеологии русского народа. Вся чистота, вся сила, вся крепость

идеологии в приложении ее к реальному гражданскому строительству русской государственности, только и может осуществиться всеобъемлющим чувством любви, объединяющим всех русских людей в одну семью – семью нашего Небесного Царя и Его Сына Иисуса Христа. Никакими социалистическими, демократическими или иными земными законами и измышлениями человеческого разума, а порой и безрассудка, нельзя достигнуть более или менее прочного и истинного проведения в жизнь идеологических положений русского, национально-религиозного, самодержавного государственного строительства, полного духовных и мистических элементов. Только одна новая заповедь о любви, данная Христом, является единственным верным путем и прочным фундаментом для строительства и существования Величественного, Святого и Самодержавного здания Российского Государства. Любовь, которую предлагает Христос, есть дар, не долг; каждый человек, при добром желании и стремлении, может достигнуть этого дара, если в сердце своем положит основанием поступать с другими так, как хотелось бы, чтобы поступали с ним, и готовность всегда послужить, помочь ближнему, не ожидая себе за это прибыли, славы земной. И если каждый будет исповедывать те же начала и идти теми же путями, то продуктивность, сотрудничество, духовные и физические силы государственного объединения будут развиваться с исключительной легкостью, простотой, приводя к прогрессивному и исключительно культурному возрождению.

Не подлежит сомнению, что совершенная любовь Христа есть идеал, достижение которого для нас, грешных, трудно. Но пути к ней не закрыты и постоянно наше деловое стремление к этим путям вполне возможно, легко и отраднo. А уже и такое приближение к идеалу дает свои благие результаты в нашем искреннем стремлении возродить снова Россию Христа и вернуть народ русский на пути истинного, религиозного предназначения и служения. Помните только, какое маленькое приближение к идеалу Христовой любви установил для нас сам Христос, учитывая наши человеческие слабости, но стремясь облегчить наш путь к принятию Его и не терять надежды на возможность достижения Его: «кто примет одного из этих малых детей во Имя мое, тот меня принимает». Неужели людям трудно достичь в себе дара даже такой капли той великой и бесконечной по милости любви Христа, которую он определяет в словах: «Нет больше любви, да кто душу свою положит за друзей своих... Любите врагов ваших, благословите проклинающих вас,

благотворите ненавидящих вас, молитесь за обиженных на вас и гонящих вас..., ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда. Не то же ли делают и мытари».

Это полнота Христовой любви. Конечно, идеальность ее трудно достижима, но, повторяю, пути к ней уже не так трудны. Нам трудно, например, любить врагов наших, трудно благотворить ненавидящих нас, трудно молиться за гонящих нас. Но это не совсем так. Откажитесь хотя бы от личной мести, от личной расправы, как мы это делали до сих пор, и уже некоторая капля любви, любви, хотя бы и отвлеченной, будет вами проявляться ко всем этим людям. Разве это так трудно для каждого из нас лично? Вы скажете: это утопическая любовь, утопичные мечты, не применимые к реальной, практической земной жизни. А я вам говорю: нет. Ничего утопического здесь нет и личная месть, личная расправа, при национальной борьбе за идеологические начала, в реальном земном положении должна быть заменена народным судом, народной совестью, приближающей суд на земле к суду Божьему. Так и было в нашем историческом прошлом. И посмотрите, как не утопичен был такой суд, как строг и вместе с тем справедлив он в своем приговоре: он осудил даже свержение с престола царя Шуйского, признавая это свержение «общим земским грехом», хотя Шуйский был поставлен на царство горстью приближенных, воспользовавшихся Смутой, и не отвечал тем принципам идеологии о Помазаннике, которые исповедывались самим Судебно-Земским Собором 1613 г.

Нет, возрождение русского народа и восстановление России Христа, с утверждением национально-религиозного самодержавного строя государства на Христовых заповедях любви – не утопия, а единственная по существу и единственная по силе возможность. Вы, как бывший простой строевой офицер-боец, правда, были всегда готовы в минувшей военной борьбе положить свою жизнь. Но как?.. По долгу честного, искреннего солдата. В этой готовности много доблести и чести, достойных искреннего уважения и поклонения. Но все же это не то, о чем говорит Христос и к чему он нас призывает в своей «Новой Заповеди». А скажите мне, много ли из тех, кто ныне стоит во главе разных монархических организаций, было в Вашем положении во время военной борьбы и было готово ежеминутно положить жизнь, хотя бы и по тем побуждениям, что и Вы?.. Так могут ли они быть готовыми теперь, в действительности (а не в прокламациях), отдать душу свою за друзей своих по любви Христовой? А без этой истинной готовности тщетны их попытки

идти на борьбу с Антихристом и не вернуть им России к России Христа. Для такой победы нужна сила духа, даже больше, той силы, которая управляла Вами в реальной готовности отдать свою жизнь по долгу.

Что антихристово царство падет, я в этом ни минуты не сомневаюсь. Что оно, может быть, уже падает и наши монархические организации совершат свое торжественное шествие к Москве и достигнут кремлевского трона – я допускаю. Но это не то. Это не воссоздаст истинной России Христа с ее религиозной идеологией и ее предопределением от Бога. Не вижу и не чувствую я всем моим существом, сердцем, душой и пониманием в массе ныне шумящих монархических организаций, не только идеалов любви по заветам Христа, но даже простой человеческой любви по долгу друг к другу, как к братьям по несчастью и судьбе.

Вражды же много, внутренней, да и внешней. И страшно, страшно в преддверии новых испытаний и страданий русского народа.

Теперь, в заключение, мне остается свести отдельные мысли, здесь изложенные, в одну цельную идею моего понимания исторической национально-религиозной идеологии русского народа, в связи с его духовным мировоззрением и предопределением по Божьему соизволению, а затем закончить мыслями о тех путях, которые могли бы, по моему крайнему разумению, помочь нам прийти к желанной нами всеми конечной цели – восстановления истинной исторической национальной Святой Руси – России Христа...

Я уже говорил в начале письма, что зарождение существования на мировой исторической арене Российского Государства обязано воле Божьей, которой, одновременно, предопределены смысл, значение и цель нашему государственному и национальному образованию, в связи с проведением в мир начал учения Христа в духе Восточной Православной Церкви.

Земное учение Христа покоится на 3 началах, установленных и преподанных нам самим Христом: вера в Троидную Ипостась Бога; вера в Воскресение Христа из мертвых и вера в истину Его вторичного пришествия, связанного с началом жизни будущего века. Понятие о Троидной Ипостаси Бога определяет сущность начала всякого благодатного и истинного бытия в мире. Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой: Творчество, Любовь и Дух.

Не может быть благодатным и истинного творчества без любви и духа; не может любовь стать благодатной и истинной без творчества духовного, и не может выявляться и благодатный и истин-

ный дух без творчества через любовь. Три начала, сливающиеся в благодатное и истинное бытие в одно нераздельное целое начало.

Такое точно начало тоже было положено Богом через принятие учения Христа русскому народу в основу его национально-религиозной идеологии о своем государственном строительстве и в основы сущности и духа его самодержавного, монархического правления. Вера, Помазанник Божий и Самодержавный народ: Творчество, Любовь и Дух.

Великая и Святая, Благодатная и истинная Россия Христа требует теснейшего единения и теснейше зависит друг от друга между Верой, Помазанником Божиим и Самодержавным Народом. Умалите в применении нашей идеологии одно из этих начал за счет другого или откажитесь от какого-либо из них вовсе: государственное единение России теряет сейчас же благодать и истину бытия, обречшись на разложение моральное и физическое, приводящие к полной гибели бытие. Не может Помазанник Божий сохранить в глазах и сердцах народа чистоты принципов Христовой веры, если уклонится от сотрудничества с Самодержавной волей народа, так как этим самым утратит для народа духовность своего Помазанничества; и не может самоуправляться русский народ и охранить в себе чистоту тех же принципов Христовой веры, отвергнув Помазанника Божия, так как утрачивает любовь во Христе друг к другу и, следовательно, к своей вере. Как в том, так и в другом случае, основы идеологии подрываются в корне и Россия, переставая быть Россией Христа, становится на скользкий путь, ведущий к вратам ада.

Таким образом, первым, основным моим пониманием национально-религиозной, исторической идеологии русского народа является неперемнное наличие в строе его государственного управления и правления 3 самостоятельных и равносильных начал власти: Веры, Царя и Народа, но находится в теснейшем внутреннем духовно-идеологическом слиянии и сотрудничестве. Сущность, дух и значение второго и третьего из этих начал власти мной были изложены уже выше, исходя из основ учения Христа и Божественности происхождения власти. Сущность же, дух и значение Веры, как первого начала власти – творчества – определены ясно и точно самим Христом в его словах: «Я пришел творить не свою волю, а волю пославшего меня Отца». Его же воля заключалась в подтверждении и соблюдении на земле людьми «законов и пророков». Следовательно, и роль Веры, как начала власти, должна заключаться

в творении на русской земле воли Бога, то есть в направлении творчества государственного сообщества русских людей по руслу законов Божьих, заповедей Христа и наставлениях Пророков в духе и любви Нового Завета.

Основы веры Христовой определяют и сами принципы благодатной и истинной формы государственного правления в идеологии русского народа: единство власти во главе церкви, единство власти во главе правления и коллегиальность власти во главе управления: Патриарх, Царь и Земский Собор – три начала русского, национально-религиозного, самодержавного монархизма. Эти три начала государственной формы и сущности правления проходят через всю историю политического бытия русского народа, вплоть до первой половины царствования Алексея Михайловича включительно. Временами, под влиянием различных династических и «земских» грехов, благодатность и истинность этих трех начал уклонялась по своему существу и духу от чистоты основной идеи, установленной верно, и тогда назревали на Руси политические беды. Но иногда чистота их выражения чрезвычайно приближалась к идеалу, что вызывало исключительно мощное и прогрессивное творчество Государства на почве развития своего благополучия и мирового значения.

Не могу вдаваться здесь в подробности практического осуществления исповедуемого мной понятия национально-религиозной идеологии народа, к которому принадлежу я сам. Подчеркну лишь еще раз, что Помазанник Божий является Самодержавным Правителем, сословный Земский Собор – представительным при нем органом Самодержавного Народа и по функциям – органом управляющим, то есть исполнительным, а Патриарх – строгим, но справедливым Самодержавным творцом, претворяющим и ведущим любовью и духом Христовой веры волю Помазанника Божьего и Самодержавного народа в путях и духе законов Нового Завета Христа.

Не думайте, что реальное осуществление самодержавного строя по моему пониманию поведет к становлению на земле для русского народа рая и благоденствия, подобного идиллической жизни в аркадийских садах. О нет... Путь государственной жизни народа был чреват терниями и страданиями, но были времена и действительной благодати бытия. И жизнь Помазанника Божьего не может не быть полной самоотверженного страдания. Заговорив о настоящей теме моего письма, я вовсе не имел ввиду выставлять рецепты для приятной земной жизни, как это мнят обыденно раз-

личные политические партии, рекламируя и предлагая свои программы обывательскому уму и сердцу. Наоборот, я более чем уверен, что именно наиболее чистое приложение идеологии народа, как его гражданской жизни, неизбежно поведет к необходимости переживать и наиболее земные человеческие страдания, лишения и угнетения, как для органов власти государства, так и для всего самодержавного русского народа. Иначе и не могло бы быть, если только ему суждено было действовать народом Христа, а всему государству в целом – Россией Христа. Иначе он не имел бы и величественного и славнейшего предназначения от Бога: повести за собой, в конечном пределе служения, весь мир – к миру Христа для вечной жизни. Повторяю еще раз, что ведь в нашем земном существовании мы в состоянии лишь приблизиться к путям идеалистической братской любви Христа и путем упорнейшего труда над собой и страдания в борьбе за этот идеал – постепенно совершенствоваться, но окончательное совершенство достигнется нами только к жизни будущего века. Времена ее никому не известны, но пути к ней известны: «Я есмь путь» – указал ученикам Христос, и для нас Россия Христа. Народ Христа – единственный в мире путь к этой будущей жизни, в которой уже не будет «болезней и печалей», ибо все люди станут братьями.

Тяжелой, безотрадной и беспросветной была бы жизнь русского народа без данного ему Богом высокого предопределения и вне его исторической, национально-религиозной идеологии и вечной борьбы за нее в государственном бытии. Тяжелой, беспросветной, безотрадной, дикой и деспотичной представляется многим людям и жизнь русского народа по его идеологии, в настоящем ее трактовании. Не только все социалистические партии, но и многие монархические организации, в погоне и стремлении к славе от людей, ведут ожесточенную и злобную борьбу против национально-религиозных основ нашей исторической государственной формы правления. Различными положениями и законами социального взаимоотношения между людьми они пытаются заменить единственно благодатный и истинный Божеский закон о любви, и пытаются построить на земле братство не путем любви и духа, а односторонними, однобокими, узкими и несправедливыми измышлениями слабого человеческого разума. Упорство и настойчивость этой исторической борьбы, ведущей начало от познания людьми добра и зла, понятно: это борьба начал Антихриста с началами Христа. И в этой борьбе русскому народу, с образованием его в X веке, была предназ-

начена великая, Святая и славная задача – быть воинами Христа, блюстителем и проводником в мире начал учения Христа.

Да будет милость Божья и да вернет он снова Россию к России Христа! Россия, Россия, верующая истинно в Христа, Россия Великая, Россия Державная, Россия Святая живет, борется, страдает, падает, воскресает и возвеличивается, стремясь не к славе от людей, а к славе от Единого Бога. Иначе она не могла бы быть православной. В этом движимом ее духе кроются причины непонимания России другими народами и теми из ее собственных сынов, для которых глубина, искренность, страстность и всеобъемлемость Православия утратили свое значение, перестали быть их плотью, кровью и духом. Подобно Антихристу перед Христом, издеваясь над идеологией народа, они, в действительности, ее не понимают, а потому только и могут бояться ее.

Служение русского народа, в его мировом предопределении, уподобляется служению в мире Христа. Это такое же неукоснительное славное служение веры, наполненное страданиями, унижениями, отвержениями и крестными страстями, каким является служение Христа, по Его Евангелию. За весь период исторического бытия Российского Государства Никто, ни один народ, ни какая другая вера, не хотят видеть в России – России Христа. Не было, кажется, в Европе и Азии народа, который не пытался бы уничтожить Россию, стереть ее с лица земли, поколебать в ней Христианскую веру, умалить значение ее идеологических начал. От диких татарских племен до культурных европейцев, от древнего Израиля до новоиспеченной живой церкви, все народы мира, окружавшие Россию, все иные религиозные исповедания, не исключая и неправославных христианских, с одинаковым ожесточением пытались поправить, унижить Россию Христа или путем порабощения ее силой, или путем необъяснимой, садической нетерпимости к ее национально-религиозным началам государственного строительства.

Но тщетно...

Христос Воскресе!...

Наирадостнейший клик из всех и всяких других приветствий, которыми обмениваются православные русские люди в Великий день Святого Христова Воскресенья. Это самый величественный из праздников для нас, православных христиан. Мы глубоко чтим и свято исповедуем все двенадцатые праздники, мы радостно, весело встречаем день праздника Рождества Иисуса Христа. Но ни один из праздников не несет нам столько света, столько духовной

радости, горячей надежды и бесконечных упований, как день Воскресения Христа.

Христос Воскресе – это утверждение Божественности Христа, учение которого мы приняли, и которое являлось, в течение почти 2000 лет, основой всего нашего духовного миропонимания и бытия.

Христос Воскресе – это вечный луч надежды христиан в достижении обещанной вечной жизни.

Христос Воскресе – это символ победы добра над злом, любви над смертью.

Христос Воскресе – это радостное знамение возможного возрождения к добру и жизни всякого начала, творения и действия в благодатных и истинных путях Господних.

Христос Воскресе – это солнце нашей духовно-моральной Вселенной.

Вот почему Православная вера, в отличие от прочих христианских учений, так исключительно светло и свято чтит память этого величайшего дня всемирной жизни и истории, как истины, без которой христианство обратилось бы в самое ужасное язычество.

Так и в государственной жизни русского народа, исходящей в своей национально-религиозной идеологии из основ учения Христа, непоколебимая и радостная вера в Воскресение Христа, несет всем твердым и крепким в Христовом законе русским людям вечное утешение во всех страданиях и лишениях, сопутствующих борьбе Святой Руси с врагами Христа и неуывающую, светлую надежду и веру в достижение окончательной победы, в своем великом историческом предзнаменовании. Вдумайтесь в величие и святость исторической работы народа, к которому, по благодати Господней, принадлежите и Вы: проникнитесь мыслью, что и Вы, в спешествовании своему народу в его святой всемирной работе, можете внести и свою каплю меда. Чем тогда представлятся все наши лично переживаемые горести и беды?.. Ничтожеством, по сравнению с той каплей блага, которую может внести каждый из нас в общее творение народа.

Не раз в своем историческом прошлом русский народ грешил, падал и уклонялся от Христа в бездну, к вратам ада. Но всякий раз, опомнившись, прозревал в своем духе, пройдя весь путь крестного страдания и очистившись, сознавая в себе ниспосланного Христом, верующего в него, духа истины и воскресения к новой светлой жизни во Христе, к творению России Христа. Ничто до сих пор не смогло затемнить в нем духа истинного начала своего национального

предопределения, как, верю, не заглушен он в нем окончательно и сейчас. И ничто не может заглушить Его и в будущем. «Дух истины пребудет с вами до скончания веков», – сказал Христос своим ученикам, отходя от них, до времени, к своему Отцу. Это третье из основных положений Христова учения, впитавшееся в плоть и кровь русского народа не только через веру православную и религиозную идеологию, но принятую природой народа даже еще раньше принятия Христианства и государственной идеологии еще в период его языческого состояния. «Ляжем костьми за Русь, мертвые сраму не имут» – говорит Святослав своим дружинникам, стремясь укрепить в них дух истинной любви, любви к братьям до готовности отдать за них душу.

Наличие духа истины в моральной природе русского человека, развитого в нем Творцом всего на земле, нашло народ в вполне подготовленным для принятия и утверждения последующих двух основных начал того единственного истинного учения о путях к началу всякого начала, из которого вытекает затем, естественным и логическим порядком, окончательно усовершенствованная историческая национально-религиозная идеология его государственного строительства. Из истории России не видно, чтобы чистые принципы этой идеологии выковывались ими, либо единичными, земными учителями, единичными представителями государственного главенства. Наоборот, попытки в этом отношении со стороны отдельных Царей и Князей (за исключением попытки гениальнейшего Иоанна Грозного), понижали чистоту принципов, удаляя их от начал учения Христа. Идеология выковывалась самим народом, его мистическим институтом, руководимым духовной истиной. По причине малой любви, она не отличалась устойчивостью и продолжительностью периодов царствования чистых начал в государственном бытии, но зато, после каждого падения и саморазрушения, она воскрешалась самим народом же с большей силой, яркостью, чистотой и святостью, как только обстоятельства давали народу возможность несколько вновь осознать себя и возобновить самостоятельное творчество своей государственности в духе истины Христовой веры... Вот почему, в силу исторического наследия духа истины за народом самодержавие Русского Государства определяется не самодержавием Главы власти, а самодержавием всего самого русского народа. И ныне, до возбуждения вопроса о восстановлении царя, монархические организации, при серьезности, честности и национальности своих

помыслов, и понимании, должны были бы, после забот о вере, подумать и отдаться всеми помыслами и сердцем, работе по возвращению народу путей и способности проявить в полной и свободной мере его исторических самодержавных прав в управлении возрождаемой государственностью. А к самодержавному правителю народ подойдет уже сам через историческое «Божье соизволение» и в горении и пламенной вере, готовности снова пасть очищенным к ногам России Христа.

Кончая набросок идеи и мыслей, захватывающих ныне все мое существо и доводящих до томительной боли ожидания и терпения, ввиду поступающих ко мне запросов от разных, пока немногочисленных лиц: «Что же делать? Какими путями идти?» – я считаю возможным и необходимым высказаться ныне и в этом отношении, как подсказывают мне сердце, совесть, разум, любовь к своему народу и страстное желание увидеть Россию хотя бы у начала путей к России Христа. Пусть многое в моих мыслях покажется Вам поначалу слишком бредовым, отвлеченным, нереальным и непрактичным. Верую, верую всем, что есть хорошее и доброе в Вашем сердце, что это только кажется, я лично страстно и убежденно верю в благодатность и истинность для русского народа именно моего толкования национальной идеологии, и я пойду к России только по началам Христовой веры, как бы не казались другим мои шаги слишком долгими, слабыми в отношении реальности и сомнительными с точки зрения практического их осуществления в ряду понятий и работы других политических деятелей.

Совершенно искренне, не задумываясь над тем, как, когда и чем свергнуть большевицкую власть, я верю, что свержение антихристовых начал не под силу человеческому разуму и его начинаниям, если на то не будет Божьей воли и Божьего благословения. Я с возмущением отношусь ко всем походам на Россию с единственной идеей ненависти и мечтами силой физической завоевать положение в среде зарубежного русского народа. С негодованием встречаю всякие предположения и планы заграничной эмиграции о водружении на трон того или иного из кандидатов.

Все, о чем я сейчас молю Бога, всей жадной, но грешной душой, всем сердцем и помышлением, это: «Боже, дай развить в себе силу и чистоту Твоей любви, пошли эту милость и благодать, ибо только эта любовь может привести к тому исключительному служению другим, которое вдохновляет, воодушевляет и сплывает людскую массу на такое же служение друг другу и тем – несчастным нашим

зарубежным братьям, – которое только и в состоянии пробудить в народе стремление и жажду вернуться к Тебе, к Тебе Единственному, истинному пути воскресения Великого, Святого, Твоего русского народа».

«Царство Небесное внутри вас есть», – сказал Христос. Да, я осознаю его в себе; я верю, что оно во мне, как верю и в то, что во мне самом живет Христос и Антихристос. И вся жизнь наша, во всех проявлениях своих, выявляет постоянную борьбу в нас этих двух начал, и только путем постоянного укрепления себя в духе истины и любви мы достигнем возможности одолевать начало антихристово и приближаться в себе самом к вечной жизни в Царстве Небесном. Эта работа над самим собой необходима для последующей работы в служении своему народу, с задачей вернуть его к Народу Христа и вернуть ему его историческое самодержавное право самоуправляться.

Об этом самоусовершенствовании я уже говорил Вам и писал в брошюре «Что делать». Из получаемых теперь писем вижу, что, по благодати Господней, во многом начал пробуждаться тот Дух истины, которого раньше мы в себе не осознавали. Пойдем же дальше по этому благовому и многообещающему Христову пути. Сделаем, с горячей молитвой милости Господней, второй шаг... Кто почувствовал в себе способность или желание, или готовность к самоусовершенствованию в Духе учения Христа, кто способен совершенно отказаться от «славы от людей», славы дьявола, кто стремится к России не ради себя, не ради своих расчетов, благ и богатств, а ради народа, ради его славы и богатства, ради чистого, искреннего и национального служения ему до конца, кто всем сердцем всем разумением и всей крепостью разделяет дух, существо и пути исторической, национально-религиозной идеологии русского народа о своей государственности – тот откликнись, отзовись: будем братьями Братства Святого Воскресения, в которое мы все так верим и которого так пламенно жаждем для братьев русского народа, чтобы послужить ему и помочь вернуть Россию на пути России Христа.

В чем же выразится служение братьев своему народу сейчас, при отсутствии средств, при отсутствии возможности быть среди народа, при отсутствии нашего территориального объединения в условиях современной эмиграции?

«Не берите с собой в дорогу ничего», – говорил Христос, посылая на служение своих учеников, и действительно, служение в духе и любви людей по учению Христа не нуждается в средствах, не так

необходимо и непосредственное общение. Сила его в искренности, чистосердечии, вере, истинности и любви в слове и деле.

Очистившись предварительно исповедью и причащением к служению Христу, укрепляясь через них в любви и чистосердечии к народу, пусть каждый из братьев распространит это письмо среди тех своих друзей и близких, которые по духу тоже способны быть братьями Святого Воскресения. Распространяясь дальше, от одного к другому, уже и не только между верными, будет российское Братство, начнет проникать Слово Истины и за рубеж, к народу, армии, власти. Пусть каждый из братьев сам от себя, в духе настоящих мыслей и идей, по силе слова, красноречия, а главное, по силе убеждения, страстного желания и чистосердечия, дополняет, развивает основные положения, руководствуясь и исходя всегда только от начал учения Христа. И если будет благословение и воля Божья над нашим служением, слово принесет свои плоды и достигнет Духа истины русского народа.

Да не смущают никого такие мысли, что он не сможет говорить сам от себя. Это заблуждение. С горячей верой и желанием служить своему народу, речь польется сама, ибо «усташи Вашими будет говорить Дух Святой». Да не смущает ничье сердце и тот соблазн, что он может не видеть результатов своего служения. Это грех. Служение наше если будет истинным – будет как слово Божье и славы, которой нам надо искать – славы Единого Бога.

Если будет Божья воля, при первой возможности, перенесем служение в среду народа и здесь, помимо укрепления учения Христа, должно начаться служение народу в целях восстановления его самодержавных прав. Для этого нет надобности порочить советы, если только сам народ не откажется от них. Но состав советов должен перестроиться в пропорционально сословный, а сами советы должны сгруппироваться вокруг служителей церкви или светских людей, сильных в вере. Всеми мерами самодержавное творчество в преобразованных и очищенных от политиканов советах должно быть ограждено братьями, и творчество народа направляется тогда само по твердому и верному руслу объединенного сотрудничества веры и народа, одному, без светского вмешательства церкви в практическое самоуправление народа.

На этом кончаю это письмо. Помните, что пора серьезно задуматься над идеями, изложенными в нем, и отдать себе ясный отчет: «что же, христианин ли я русский или нет?» Если нет, то нет меня и в России, ибо Россия не может быть ничем иным, как Россией

Христа. Если же да, то не ставьте Ваши свечи под стол, а ставьте на стол, дабы светили они всем. Помните и другие слова Его: «Кто постыдится меня, того постыжусь и я». Как крепок этот стыд в нас и как исковеркал он Россию Христа! Если ныне не чувствовать, что только сила духовного оружия может исторгнуть русский народ из предверия к вратам ада, то значит, не нам причислять себя и к сынам России, распятой за свои грехи, как была распята Царская Семья за грехи Романовых. Мы же тогда представим собой лишь ту накипь, тех бесенят, которые, по слову Христа, вошли в свиней и бросились с крутизны в море, где и погибли. Очистившийся же от нас больной все же вернется к ногам Христа.

Пусть это чудо Христово великого для России знаменья будет всегда в нашей памяти, и, приступая к служению народу, понесем на наших хоругвях и в наших сердцах великие слова Литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедуем».

Да просветит Господь Ваше сердце и озарит благодатью и истиной к служению народу и России в истинных путях Православной Христовой веры. Я же всем сердцем приветствую Вас еще раз светлым и радостным Пасхальным приветствием:

Воистину Христос Воскресе

М. Дитерихс

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 298. Лл. 1–22 (публикация С.С. Балмасова).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М.К. ДИТЕРИХСА

Письмо Великого Князя Никиты Александровича Великому Князю Кириллу Владимировичу

Paris
16/29 I 1932

Милый дядя

Как Тебе известно, несколько лет тому назад я, вместе с моим отцом, признал все Твои права и подчинился Тебе.

Я считал Тебя носителем исконных, вечных, великих и дорогих нам всем идеалов Православной Русской Монархии.

Твое последнее обращение к Русским людям показало Твой полный отказ именно от этих дорогих нам идеалов.

Желаю действовать совершенно открыто и добросовестно. Я считаю своим долгом сообщить Тебе, что я отныне за Тобой больше не следую и выхожу из Твоего подчинения.

Никита

Из архива А.А. Васильева.

Ответ Великого Князя Кирилла Александровича Великому Князю Никите Александровичу

Ваше Высочество

Ознакомившись с содержанием Вашего письма от 16/29 января сего года, и в соответствии с его содержанием я объявляю Вам, что Вы отныне исключаетесь из числа Членов Императорской фамилии.

Кирилл

18/31 января 1932 г. С. Бриан

Из архива А.А. Васильева.

Переписка Дитерихса с Великим Князем Никитой Александровичем

Windsor. FROGMORE
26/8 III/IV 1934

Христос Воскресе!

Ваше Высокопревосходительство, Дорогой Михаил Константинович!

От души поздравляю Вас и доблестную Дальневосточную Русскую армию со Светлым Праздником.

Крепко верю, что воскресение России близится, и с помощью Всевышнего Россия вновь станет великой и державной, как в минувшие столетия.

Да поможет нам Господь в нашем святом деле спасения нашей исстрадавшейся Родины от ига безбожной власти большевиков.

Храни Вас Господь.

Искренне Ваш Никита Александрович

Windsor. FROGMORE
23/5 I/II 1934

Ваше Высокопревосходительство!

Письмо Ваше от 2-го декабря 1933 г. получил и с большим интересом прочел, как его, так и наказ. Живя на столь далеком расстоянии от Вашего края, очень трудно себе представить картину положения русского вопроса, а тем более иметь какие-либо суждения о нем.

Хочется верить, что может наступить в недалеком будущем, когда верные сыны России вновь смогут встать за свою родину и возобновить ту священную борьбу, которую вели под Вашим водительством в первые годы захвата власти большевиками и которую должны были прекратить от независимых от них обстоятельств.

Что же касается последнего параграфа Вашего письма, то, конечно, я всем сердцем с Вами и Вашими войсками, но откровенно Вам говорю, что опасаясь, что принятие того почетного звания Шефа Дальневосточной Российской армии по разным причинам мо-

жет, я думаю, не только не помочь делу, а, скорее, даже осложнит Вашу и без того трудную задачу. Повторяю, что помочь Вам, чем и как могу, я готов с большой радостью, но, как это могу сделать, проживая десятки тысяч миль от Вас?

Для того, чтобы дело имело успех, неужели нужно указывать, что Шефом армии является лицо, родственное к Царской Семье? Неужели лозунг «За Веру, Царя и Отечество» недостаточен?

Одной из причин, побуждающей меня просить Вас не настаивать на том, чтобы я принял на себя ту почетную должность, о которой Вы пишете, являются те осложнения, которые возникли между мною и Великим Князем К[ириллом] В[ладимировичем] после того, как я написал ему частное письмо, результатом которого было исключение мое из списков членов Императорской Семьи в 1932 году. Копию письма и ответ Великого Князя К[ирилла] В[ладимировича] прилагаю.

Поступок К[ирилла] В[ладимировича] был крайне необдуманный и бессмысленный, и политика Великого Князя Андрея Владимировича уладить дело и изменить мое письмо ни к чему не привели, ибо тогда весь смысл моего письма пропал.

Испортить и напутать могут так называемые «легитимисты» и младороссы, ибо им и русским вообще неизвестна причина моего ухода от К[ирилла] В[ладимировича], так как никогда мое письмо нигде не приводилось, а лишь известно, что меня исключили из Императорской Семьи.

Конечно, всем знающим это, покажется, что я, наверно, заслуживаю то, что произошло, и натворил что-либо ужасное.

Главное, будут думать, что я как бы выдвигаю себя претендентом на Русский престол, есть которые так и говорят. Я именно это-то и избегаю.

В случае, если Вы, несмотря на мои доводы, считаете мое присутствие на Дальнем Востоке необходимым, то очень прошу Вас мне сообщить, когда именно Вы думаете мне нужно там быть. У меня нет средств на поездку и жизнь там в данный момент, но я сделаю все, от меня возможное, чтобы достать их.

Считаю, что писать в газетах и говорить обо мне, — может быть предлогом осложнений и затруднений для получения визы и денег, а главное, меня, свободного в движениях, свяжет по рукам и ногам, и вся моя поездка на Дальний Восток может не осуществиться. Я в данный момент выясняю взгляд японцев на мою поездку через Японию в Харбин.

Кажется, препятствий с их стороны не будет.

Еще раз Вас благодарю за щедрый дар на издание Истории Царствования Императора Николая Второго.

Посылаю Вам воззвания, которые мы распространяем в Англии. Надеюсь, что Вы сможете воспользоваться ими для сбора средств для Вашего фонда «Спасения Родины».

Сердечно благодарю за письмо и за высокую честь, оказанную мне.

От души желаю Вам успеха в Вашей святой работе.

Так много хорошего о Вас слышал и хотел бы с Вами встретиться и с Вами вместе работать на восстановление нашей бедной России.

Дай Бог, до скорого.

Искренне уважающий Вас Никита Александрович

P.S. Еще раз повторяю, что я не отказываюсь от высокого звания, но считаю, что, будучи не на месте среди вас, это только может навредить делу. Будучи среди вас, я бы посмотрел на это иначе.

Windsor. FROGMORE

24/6 I/II 1934

Ваше Высокопревосходительство!

Спешу дополнить и исправить мое письмо от 23 мая 1934 г. Боюсь, что Вы вынесете впечатление из моего письма, что я отклоняюсь от принятия той высокой чести, о которой Вы мне писали; несколько! Я не отказываюсь, но считаю долгом Вам указать на причины, меня побудившие Вам так написать. Повторяю, что готов принять и нести столь ответственную должность, но мне думается, что, будь я на Востоке, было бы гораздо все проще. Повторять не буду, о чем было сказано в письме моем от 28 мая. Но, если Вы считаете, что делу нашему это поможет, я принимаю и, главное, – это то, как смотрят на это японцы? Все дело в этом; и если Вы имеете основания думать, что с их стороны никаких препятствий не будет, а, наоборот, они помогут нам в святом деле спасения России от ига нехристей?!

Если Вам все эти факты известны, тогда я принимаю Вашу просьбу, и с крепкою верою в помощь Всевышнего отдаю себя в руки Господа на великое дело спасения России. Могли ли Вы узнать, как японцы смотрят на мою поездку, и как Вы думаете, было бы лучше ее осуществить?!

Михаил Константинович Дитерихс с женой Софией Эмильевной и дочкой Агнией (из архива А.А. Васильева)

Михаил Константинович, София Эмильевна и их дочь Агния (второй ряд слева) с воспитанницами «Очага». Шанхай, 1935 г. (из архива А.А. Васильева)

Предоставил ми паспорт
Михаила Константиновича Дитерихса
проживающего по адресу Санкт-Петербург,
Знаменская улица, дом № 10, кв. № 10.
Тел. № 1010.

護 照

外交部特派吉林交涉員公署

發給護照事 查吉林省會警署察匪防俄人王德立斯警務處往
津漢漢子處 附屬警署於一年長期 夏亞等 請轉請 察路前奉
為此 給照 證明 以便 查驗 放行 切切 此 照

中華民國十二年 五月 八 日

王 華 林

限一年 繳銷

右照給俄人王德立斯收執

為

Китайский паспорт
М.К. Дитерихса
(из архива А.А. Ва-
сильева)

*Накануне отъезда из Харбина. Второй слева от Дитерихса – генерал-лейтенант И.С. Смолин, справа – полковник фон Вах. 1923 г.
(из архива А.А. Васильева)*

Отъезд из Харбина (из архива А.А. Васильева)

Альбом
«Русские
в Шанхае»
(из коллек-
ции К.А. Та-
тариновой)

Служащие Франко-Китайского Банка. В центре – М.К. Дитерихс, главный
кассир банка (из архива А.А. Васильева)

Офицерское собрание в Шанхае. Георгиевский Праздник. В центре (второй ряд) – ген. Дитерихс, второй слева в третьем ряду – капитан 2-го ранга А.П. Ваксмут (б. начальник штаба Сибирской флотилии), третий слева во втором ряду – генерал-майор А.В. Бордзиловский (б. начальник гарнизона г. Спасска), девятый слева в третьем ряду – полк. Сидамонидзе, слева от ген. Дитерихса – генерал-лейтенант К.Ф. Вальтер (Председатель Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота), второй справа во втором ряду – контр-адмирал Тихмеев, второй справа в третьем ряду – ген. Глебов, крайний справа во втором ряду – полковник П.А. Веденягин (член Правления Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота), третий справа в первом ряду – капитан 2-го ранга С.А. Четвериков (б. начальник 2-го дивизиона Сибирской флотилии) (из архива А.А. Васильева)

*М.К. Дитерихс, его супруга и дочь среди выпускниц «Очага»
(из архива А.А. Васильева)*

Празднование Нового 1935 года в Шанхае, в кавказском ресторане. За столом слева направо: профессор военной академии, генерал-майор П.Г. Бурлин (б. помощник начальника штаба Восточного фронта), ген. Дитерихс, российский генеральный консул В.Ф. Гроссе (одна из последних прижизненных фотографий), его супруга мадам Гроссе, российский вице-консул К.Э. Метцлер (из архива А.А. Васильева)

Воспитанники Сибирского кадетского корпуса (из архива А.А. Васильева)

Члены диверсионной группы, созданной под руководством М.К. Дитерихса:
В.Т. Куриев, М. Науменко, Т.А. Марковкин (из архива А.А. Васильева)

Вид землянки, где было совершено убийство
членов диверсионной группы. Хинган (из архи-
ва А.А. Васильева)

Крест на могиле уби-
тых членов группы:
Т.А. Марковкина,
М. Науменко, В.Т. Кури-
ева, И.И. Усольцева
(из архива А.А. Васильева)

Полковник Забайкальского Казачьего Войска И. Кобылкин, член НТСНП и БРП, перешедший маньчжурскую границу во главе группы из 3 членов НТСНП, которые были расстреляны в 1935 г. в Иркутске (из архива НП «Посев»)

всю вѣрой
молись!

всю мѣрой
богись!

Русскій народ! антихристовѣ советская власть хочет во что бы то ни стало убить въ тебѣ твою Вѣру Христову. Съ жестокимъ поруганіемъ разорнутся и сносятся намоленные Божіи Храмы, сжигаются иконы, запрещаются божественныя требы! Канны, Хамы и Іуды советскіе съ дьяволь-

вѣсѣ надѣющіеся на Господа!

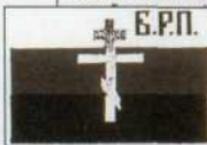
Вѣрой спасется Россія! Вѣра безъ дѣлъ — мертва! Осѣни себя Крестнымъ Знаменіемъ, Русскій народъ, и съ мольбой: „Господи! Спаси Россію“, встань всероссійскимъ Христовымъ Воинствомъ на красныхъ святотатцевъ! Съ нами Богъ! Долой власть Сатаны! Слава Святому Кресту! Съ Нимъ побѣдимъ и спасемъ! Вставай, Христова Россія!

распинаюсь! Но да укрѣпитъ ваше, БРАТСТВО РУССКОЙ ПРАВДЫ.

КОММУНИЗМЪ
УМРЕТЬ!

всю вѣрой
молись!

БОГЪ

ВСТАВАЙ, ХРИСТОВА РОССИЯ!

Русскій народ! Нерусская, безбожная власть коммунистовъ хочетъ жестокимъ напоромъ убить въ насъ вѣру Христову и вконецъ закабалить насъ. Закрываютъ и сносятъ Храмы, жгутъ святыя иконы, запрещаютъ молиться! Развалена семья! Разорено последнее добро! Стонетъ Русская Земля!

Не быть тому! Долой кабалу краснаго Сатаны! Вставай за Христа и Россію! Становись БРАТОМЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ — воиномъ Земли Святоградской! Гдѣ есть позстаніе — примыкай, гдѣ нѣтъ — готовь его и подымай. Въ помощь общему дѣлу борьбы всюду, на мѣстахъ, составленъ изъ вѣрныхъ людей, тайныя Братскія ударныя тройки и пятерки для казни комиссаровъ и прочіихъ заддыхъ коммунистовъ. Смерть имъ — врагамъ Россіи!

Съ нами БОГЪ! Русскій народъ, — ВПЕРЕДЪ!
БРАТСТВО РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Листовки и обращения
Дальневосточного Братства
Русской Правды (из архива
А.А. Васильева)

*Стяг Земской Рати
(РГВА)*

Глава Дальневосточного отдела РОВСа генерал-лейтенант М.К. Дитерихс на празднике Союза офицеров-кавалеров Императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия и Георгиевских кавалеров и Шанхайского офицерского собрания. 1933 г.

Слева направо в первом ряду: воспитатель гр. Муравьева-Амурского Хабаровского Кадетского Корпуса, секретарь и казначей Союза русских военных инвалидов в Шанхае подполковник Л.В. Сейфуллин; председатель военно-следственной комиссии Дальневосточной армии генерал-майор М.М. Соколов; начальник штаба Гродековской группы войск, председатель Шанхайского офицерского собрания генерал-майор Л.А. Гаффнер; командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса, председатель Союза Георгиевских кавалеров генерал-лейтенант Г.В. Жуков; генерал-лейтенант М.К. Дитерихс; первый выборный атаман Забайкальского Казачьего Войска генерал-майор В.В. Зимин, член Общества офицеров Гвардии на Дальнем Востоке, командир 1-й роты Русского волонтерского отряда генерал-майор Л.М. Адамович.

Во втором ряду: командир Приволжского стрелкового полка Земской Рати генерал-майор Н.П. Сахаров; полковник В.Г. Боровиков; неизвестный; командующий Морскими Силами на Дальнем Востоке контр-адмирал М.И. Федорович; начальник штаба Сибирской флотилии капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин.

В третьем ряду: начальник штаба 4-й Оренбургской казачьей дивизии полковник К.И. Клуге; полковник А.Н. Сперанский; вице-председатель кредитного союза Шанхае, капитан В.В. Федулenco (из архива К. Татариновой)

Похороны ген. Дитерихса. Шанхай, 10 октября 1937 г. (из архива А.А. Васильева)

Генерал М.К. Дитерихс в гробу. Рисунок А.М. Дитерихс. 8 октября 1937 г.
(из архива А.А. Васильева)

Кафедральный Собор Пресвятыя Богородицы Споручицы Грешных. Здесь
проходила панихида по ген. Дитерихсу. Шанхай (из книги: В.М. Наумов, «Мои
воспоминания», Сан-Франциско, 1975 г.)

Могила Дитерихса и его супруги С.Э. Дитерихс. Шанхай, сентябрь 1938 г. (из архива А.А. Васильева)

Мемориальная доска в память М.К. Дитерихса на русском кладбище в Белграде. Отмечены Орден Св. Владимира 2-й степени, Орден Почетного Легиона, крест Croix de Guerre grades palme и знак об окончании Пажеского Корпуса. Символическая могила генерала (из архива А.А. Васильева)

Но я хочу быть с Вами всеми, а не сидеть, сложа руки, здесь.

Еще раз Вас благодарю за великую честь; надеюсь оправдать Ваш выбор, когда наступит время действовать.

Да поможет нам Всевышний довести святое начинание до победного конца!

Храни Вас Господь!

Искренне Ваш Никита Александрович

*Великому князю
Никите Александровичу
30-го марта, 1934 года*

Ваше Высочество

Глубоко-глубоко признателен Вам за Ваш светлый, юношеский, патриотический отклик на мой старческий призыв. Когда жизнь склоняется уже к закату, а в прошлом пережита столь чудная и, в то же время, трагическая страница истории нашей славной, великой Отчизны, так страстно хочется отклика своему «Святая Святень» от представителей нового, молодого, идущего нам на смену подрастающего и зреющего поколения. Когда же отзвук исходит от Члена того Рода, который самим Богом был избран, призван и Помазан быть охранителем и носителем яркой Божественной идеи, заложенной в основу Российской Государственности, то крепнет надежда на возвращение милости Господней и на возрождение светлого и великого облика Самодержавной России Господа Бога нашего Иисуса Христа. Будьте, Ваше Высочество, тверды именно в этой основной, незыблемой, исторической, национально-религиозной идеологии русского народа. Да не смущается сердце Ваше новейшими течениями, толкованиями, лже-мудрствованиями и приспособлениями к материалистическим факторам жизни. Да не смущает Ваш дух ныне отмечающийся отход масс от старого духа Русской идеи и увлечение чуждыми русскому народу различными «измами», чуждыми тех принципов Высшего порядка, которыми Всегда руководились Великие Созидатели Государства Российского и которые делали Россию столь особенной и, в то же время, столь непобедимой всеми остальными Европейскими государствами. Мы твердо должны верить, что если избранничество Господне не отнято еще от России, то, по слову Бога пророку Илье, не количество сынов и не новые теории и учения воз-

рождают мощь и славу царств, а неизменность и твердость хотя бы горсти верных Божественным основам, заложенным в угол фундамента исторического здания народа: «Я оставил между Израильянами семь тысяч мужей, всех сих колена не преклонялись пред Ваалом и всех сих уста не лобызали его».

Я позволяю себе приложить к настоящему письму вырезку из II-й части моей книги «Убийство Царской Семьи». Эта часть, изданная без моего разрешения покойным профессором Академии, генералом Християни, была мною изъята из обращения, так как представляла собой лишь наброски и некоторые мысли, которые я не считаю допустимым выпускать, не разработав вполне законченный, идейный труд, достойный той святой и национальной идее, которую я бы хотел оставить потомству. Прилагаемая же вырезка позволит Вашему Высочеству судить обо мне: достоин ли я Вашего внимания и уважения.

Письмо Вашего Высочества, посланное воздушной почтой, я получил 12-го марта, а третьего дня пришло и Ваше первое письмо.

Как и во всем мире, события на Дальнем Востоке находятся в невероятном процессе колебания между диаметрально противоположными полюсами: то, что представляется сегодня вероятным и срочным, то завтра резко исчезает в глубокую даль туманных возможностей, а на место ярко выплывают совершенно неожиданные, новые комбинации. Через неделю новая смена положений и вероятий, а далее – опять отказ и снова туманы, гадания и колебания, колебания без конца. При таких условиях предрешить: разовьются ли события на Дальнем Востоке, и когда именно – совершенно невозможно. В Европе, по-видимому, судя по получаемым мною запросам, Дальневосточная обстановка представляется несравненно более обостренной и близкой к широкому развитию, чем это есть в действительности. Дабы Ваше Высочество имели возможность оценить здешние возможности, я позволяю себе приложить к настоящему моему письму, только для Вашего личного сведения, выписки из секретных сообщений генералу Миллеру за последний год.

Из этих материалов информационного характера, Ваше Высочество, усмотрите, что события могут развернуться не всегда благоприятно в смысле достижения наших национальных задач, даже чисто с боевой точки зрения. Но, с другой стороны, живя на Дальнем Востоке, мы должны поддерживать в себе напряженное состояние, дабы те или иные события не застали нас врасплох. Кроме того, мы должны искать путей к разрешению наших национальных задач даже в том

случае, если события примут неблагоприятный для нас оборот. При этом я должен подчеркнуть, что в настоящее время вся наша работа протекает исключительно в подполье и при большой конспирации, так как никто из окружающих нас иностранцев, в силу признания ими всеми советской власти, не позволяет нам открыто выявлять себя как военные и политические организации, готовящиеся использовать возможную будущую обстановку в целях подготовки активной борьбы сейчас. Поэтому, Ваше Высочество, Вы видите, что Вас не должна сейчас заботить мысль о Вашем перемещении на Дальний Восток. Время для этого наступит много позже, и, во всяком случае, уже только на своей территории, где мы сможем свободно оперировать, имея определенное политическое национальное лицо.

Несмотря на свои шестьдесят лет, я ни на минуту не теряю надежды, что Господь даст мне милость вновь возобновить вооруженную борьбу с советской властью и этим открыть путь к освобождению нашего народа от нынешнего дьявольского наваждения, а России – от власти Сатаны. Как начнется эта новая эра, при каких условиях придется снова обнажить меч, этого мы не можем знать и предугадать. Реальная жизнь и обстановка могут сначала создать очень и очень тяжелые условия борьбы во всех отношениях, в особенности для русских, находящихся в эмиграции. Сколько среди нас эмигрантов различных толков, политических группировок, партий; сколько честолюбцев, атаманов, людей личных интересов, людей продажных и беспринципных. Все это неминуемо столкнется, не только с адептами советской власти, но и друг с другом, как только получит возможность иметь в руках то или иное оружие, ту или иную свободу действий. А ведь надо еще учесть, что к этому началу борьбы, к участию в ней, вполне возможно, будут причастны (а, может, даже и инициаторы) силы той или другой иностранной державы, руководящейся своими интересами, своими расчетами и своими взглядами как на Россию вообще, так и на разные русские политические группировки, течения и вождения, подыгрываться под которые неминуемо будут некоторые эмигрантские элементы. В историческом процессе каждой великой революции наступит тот период, который носит название Анархии.

Во всем этом, первоначальном периоде мрачной анархии, Вашему Высочеству не место. Но мне нужно было Ваше принципиальное согласие, дабы собранной уже на своей территории бывшей Дальневосточной армии, иметь право сказать: «С нами Внук Императора Александра III; мы присягали в 1922 году во Владивостоке

в верности Исторической, народной, религиозно-национальной идеологии Великой Самодержавной России; теперь настало время, чтобы в последней борьбе создать то идейное монолитное ядро, которое должно привлечь вокруг себя растрепанные и сбитые социализмом с исторического пути, расчлененные на бесчисленное множество толков народные массы всероссийских народов и вернуть их под единой Святой стяг Веры, Царя и Отечества».

Но до этой поры ни окружающая международная обстановка, ни состояние в эмиграции на чужих территориях, ни мои личные убеждения не позволяют мне работать далее чисто подпольной работой. Мы не смеем скрывать наших личных взглядов и убеждений, но я считаю, что увлечение эмиграции созданием различных партий и группировок – политических и военных, разных толков и задач, есть недостойная игра укрывшихся за неприступные стены людшек в великие, подчас даже святые, наши государственные лозунги и стяги. Если мы в эмиграции перестаем чувствовать себя братьями по плоти, духу и идее одного великого русского народа, а допускаем дробление на «чистых и нечистых», то мы должны честно сознаться, что мы не великий народ или, вернее, что мы выброшены великим русским народом и пали, куда ниже евреев, сохраняющих свою национальную и политическую корпоративность уже почти 2 тысячи лет в рассеянии. Как законный русский Царь может быть законным только на своей земле, так русский крестьянин, воин, интеллигент имеет право на уважение в борьбе только на своей территории, так и активная, национальная борьба за идеи и те или иные идеологические начала достойна и свята только на своей территории.

На этом я позволяю себе закончить настоящее мое письмо Вашему Высочеству, тем более, что по причине нервного недомогания я затянул его почти на два месяца. Глубоко прошу простить меня за медленность с ответом, но Бог еще милостив ко мне, давая возможность думать и чувствовать даже тогда, когда руки отказываются служить.

Горячо-горячо благодарю Ваше Высочество за Ваш сердечный отклик и всем сердцем молю Бога сохранить Вас для будущей России с тем великим и чистым сердцем к ее славному историческому прошлому, которое почувствовалось мне почти в каждой строке Вашего письма.

Вашего Высочества преданный и покорный слуга
[Михаил Дитерихс]

Из архива А.А. Васильева.

ОБЩЕСТВО
РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОМИТЕТ ПО ИЗДАНИЮ ИСТОРИИ
ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

№ 1608

Михаил Константинович

14 июня 1934 г.

Белград, Брианова, 9

Согласно постановления Комитета от 11 мая с.г. считаю необходимым в кратких чертах ознакомить Вас как Члена нашего Комитета с ходом его работ.

Как уведомлял Комитет С.С. Ольденбург, труд его по составлению Истории Царствования Императора Николая II должен быть закончен уже в сентябре месяце текущего года, после чего он мог бы союзу поступить в печать. Предварительная смета расходов по изданию Истории исчислена Комитетом при 300 страницах текста, 50 иллюстрациях, 5 000 экземплярах и выпуске Истории в формате и типе книги Татьяны Мельник, рожденной Боткиной «Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции» в общей сумме 150 000 динар, т.е. примерно 50 000 французских франков. На пополнение этой суммы до настоящего времени поступило в Комитет 15 141 динар, 2 240 французских франков, 40 швейцарских франков и 1 американский доллар, т.е. примерно лишь 1/7 часть нужных средств.

Принимая во внимание, что у гг. Членов Комитета и лиц, любезно принимавших на себя труд по сбору средств на издание, находится сейчас на руках свыше 100 подписных листов. Комитет рассчитывает, что при энергичной работе всех его Членов он сможет к осени этого года собрать всю недостающую сумму, ибо лишь при этих условиях возможно будет без задержки приступить к печатанию Истории и выпуску ее в свет.

Вопрос розыска нужных Комитету для иллюстрирования издания фотографий, благодаря энергии, проявленной в этом деле его Членами, значительно подвинулся вперед. Сейчас можно считать, что Комитет в этом отношении обеспечил себе возможность получения почти всех нужных ему списков. Он мог бы даже значительно увеличить количество иллюстраций в издаваемой Истории, но вопрос этот стоит, конечно, в прямой зависимости от тех средств,

которыми Комитет будет располагать в момент выпуска труда С.С. Ольденбурга.

Сообщая о всем изложенном Вам, я уверен, что Вы не откажетесь приложить все Ваши силы, чтобы помочь Комитету собрать к осени текущего года нужные на издание средства и тем обеспечить своевременный выход в свет Истории Царствования Императора Николая II.

Уважающий Вас князь Никита Александрович

Из архива А.А. Васильева.

Письмо А.А. Вонсяцкому по вопросам следствия об убийстве Царской Семьи.

11 апреля 1933 года

Глубокоуважаемый Анастасий Андреевич!

В газетах прочел Ваше обращение к Маклакову с требованием передать реликвии останков Августейших Мучеников, убитых и уничтоженных в 1918 году, Великой Княгине Ксении Александровне.

Пятнадцать лет я ждал, чтобы чей-нибудь русский голос в Европе, и в особенности голос одного из Членов Дома Романовых, раздался, интересуясь судьбой реликвий останков сожженных тел Царской Семьи. Правда, года три тому назад, когда в Европе появилась самозванка Чайковская, я дважды удостоился запросов бывшего Великого Князя Андрея Владимировича, добивавшегося от меня, как от человека, руководившего расследованием трагической судьбы Августейших Узников в Екатеринбурге, какого-либо свидетельства о допустимости мною возможности, что кто-либо из Членов Царской Семьи избежал изуверской Ипатьевской бойни. Но его письма совершенно холодно касались судьбы других Членов Августейшей Семьи.

За время работы подведомственной мне комиссии, то есть с 17 января 1919 года по 11 июля того же года, было собрано довольно значительное количество вещей, принадлежащих Царской Семье и находившихся при Них в Тобольске и Екатеринбурге, а равно, входившим в состав комиссии Судебным Следователем Соколовым было произведено весьма обстоятельное предварительное следст-

вие по убийству Всех Членов Августейшей Семьи и по уничтожению Их тел в июле 1918 года, дополненное собранными вещественными доказательствами по данному Делу.

Вещи первой категории, по приказанию Верховного Правителя Адмирала Колчака, уложенные в 29 больших деревянных ящиков, были сданы мною 18 марта 1919 года на военный английский крейсер «Кент» для доставки их через наше Лондонское посольство Вдовствующей Государыне Императрице Марии Федоровне. Судьба этих вещей мне не известна. Копию же Расписки командира крейсера при сем препровождаю. Помимо исторической ценности этих вещей, среди них находилось и довольно большое количество предметов большой материальной ценности.

Следственное производство, с вещественными к нему доказательствами, со следовавшим за ним Судебным Следователем Соколовым, были представлены мною в марте 1920 года Великому Князю Николаю Николаевичу.

По некоторым причинам я не считаю возможным подвергать огласке обстоятельства, почему это следственное производство с приложенными к нему реликвиями останков Членов Царской Семьи не получили, на мой взгляд, подобающего к себе отношения. Должен сказать, что попытки изменить такое положение мною делались: так, в апреле 1928 года через генерала Лохвицкого я предлагал М.Н. Гирсу вернуть ВСЕ, посланное мне, как лицу, которому было доверено хранение всего покойным Верховным Правителем. Соответственные расходы я принимал на себя. Но я был обрисован Гирсу как человек ненормальный и оклеветан Соколовым в Газете Милюкова «Последние Новости». Позднее, когда я был избран в Почетные Члены, состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны, Комитета по сооружению Храма в Брюсселе в память Царя Мученика Николая II, я предлагал Комитету, через Члена Комитета генерал-лейтенанта Архангельского, поместить Реликвии останков Августейшей Семьи под сень этого святого места. Знаю из ответа генерала Архангельского, что эта мысль была горячо воспринята всем Комитетом, но, очевидно, осуществление ее не состоялось.

Поэтому я приветствую от всего сердца Ваше выступление.

Препровождаю Вам при сем копию Описи, по которой были представлены мною Великому Князю Николаю Николаевичу указанные мною выше исторические и национальные ценности и которые должны были оказаться у М.Н. Гирса. Я прошу Вас предста-

вить этот документ, а равно и копию расписки командира «Кента» и один экземпляр моей книги «Убийство Царской Семьи» Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Ксении Александровне. Другой экземпляр книги прошу Вас принять на память от меня.

Несмотря на тщательность розысков (впрочем, я считаю их еще не законченными), удалось очень немного найти реликвий останков Августейших Мучеников. Это объясняется тем особенным усилием, которое было проявлено адептами советской власти, не только убить, но и совершенно уничтожить все малейшие следы от тел Многострадальной Царской Семьи. Этой книги я не закончил: я выпустил только первую часть, а вторую и третью остановил в разработке, считая слишком серьезным совершившийся ужасный исторический факт, чтобы набрасывать это только кое-как, в час досуга современной моей жизни.

Из прилагаемой Описи №№ 133, 190, 194, 195, 247, 250, 253, 272, 275, 305 и 311 – представляют собой те Реликвии останков сожженных Августейших тел, которые только и удалось разыскать и собрать. Все эти Реликвии были укупорены в особой, темно-синего сафьяна, крепкой шкатулке Государыни Императрицы. Сама шкатулка была отобрана от Летемина, одного из охранников Царской Семьи в доме Ипатьева.

Дай Бог Вам успеха в начатом Вами благом деле.

Искренне Вас уважающий генерал М.К. Дитерихс

Из архива А.А. Васильева.

Ген. Дитерихс и Братство Русской Правды

Обращение Верховного Круга Братства Русской Правды к ген. Дитерихсу

№ 3.39.Ц.

БРАТСКИ СЕКРЕТНО

20/III/1931

Дорогой Брат

Мы впервые именуем Вас священным для нас именем Брата, ибо сего числа Братский Центр, имея в виду состоявшийся в стране Вашего пребывания активно-патриотический «блок» главнейших действующих Русских сил, а также будучи осведомленным

о Вашем личном духовном тяготении к Братству, постановил о принятии Вас в Братство, по Основному его Кругу, в качестве Почетного Брата, то есть без обязательного подписания обычной братской присяги.

Учитывая высокое положение, какое Вы занимаете по легальной линии, и ту формальную ответственность, какую Вы в силу этого несете в отношении соответственного легального центра, Братский Центр своим настоящим шагом хочет показать Вам, что он нимало не собирается в Вашем сознании умалить ту легальную должностную независимость, какой Вы на месте обладаете. Наше единственное желание – укрепить между Вами и Братством Духовную близость, создать Вам возможность считать Бр. Дело также и своим делом, и этим обеспечить для Ваших с Братством взаимных сношений и отношений ту простую, сердечную, Братскую окраску, которая делает излишними все обычные человеческие условности и дипломатические подходы и позволяет, минуя всю эту густую ограду, идти мысли к мысли и сердцу к сердцу.

При теперешней политической обстановке, когда антибольшевическое дело ведется хотя бы и союзными по целям, но различными по природе, возможностям и способам действиями, тайными и явными Русскими силами, мы не считаем себя вправе предложить Вам какое-либо подобающее Вашему имени и Вашим качествам, формальное Братское должностное назначение, тем паче, что такое «совместительство», просочившись за ограду конспирации, могло бы в частности поставить Вас в затруднительное положение перед Вашим легальным Центром, вызвав притом с его стороны (тамошнюю психологию мы знаем отменно) неминуемое против нас недовольство и резкие протесты на тему о нежелательном «двоеначалии».

Однако, мы убеждены, что самый факт Вашей Братской отныне принадлежности и духовной спайки с Братством, даже и без всякого формального назначения, одухотворит и сделает много более действенным весь Дальневосточный активно-патриотический Русский блок. Равным образом, мы будем помнить и о другом – о том, что в случае коренной перемены в общем положении, если Бог приведет нам всем работать и действовать уже на Русской Земле, все означенные формальные препятствия, связанные с особливим укладом эмиграции, отпадут, и Вы получите возможность в будущей творческой деятельности Братства на Родине, будучи в нашем сознании издавна свой, сыграть значительную и достойную Вас роль.

Это письмо придет к Вам уже после Пасхи. Христос Воскресе.
Да воскреснет Россия!

Просим направить ответ тем же путем, каким получите это.

Господь, Чьему делу служим, да благословит Вас.

С братским приветом Фор Эвер

Из архива А.А. Васильева.

Ответ ген. Дитерихса на обращение Верховного Круга

№ 5.1/39.-1

17/V/1931

Дорогой Брат

Получил Ваше письмо от 20/III/1931, которое не требует от меня длинного ответа. Вы вполне основательно поняли, что я могу быть только Почетным Братом и что не формального назначения я ищу, а лишь утверждения Духовной близости, Духовного значения по отношению к тем Братьям, которые не захотели отделиться от совместной работы со мною в борьбе с советской властью, как люди, которых слишком тесно связали крепкие и долгие узы прежнего боевого соратничества. Не знаю условий взаимоотношений между национально-мыслящими организациями на Западе и, по правде говоря, не хочу и вдумываться в возможные сложности. Здесь же на Востоке, столь удаленном от Вас, мне представляются вопросы эти проще и яснее: противник непосредственно перед нами, а на севере, в Маньчжурии, он даже среди нас. Естественно, что каждый национально честный русский человек, каждый исповедующий необходимость активной борьбы с советской властью, если он только патриот, а не политический маньяк или бездушный эгоист, будет стремиться к совместной и дружной работе в целях освобождения своей Святой Родины от изуверов антихристового племени. Надо сосредоточивать силы для борьбы за нее, а не за психологические или политические принципы различных зарубежных организаций.

Храни Вас Господь.

Из архива А.А. Васильева.

Деятельность Дитерихса во главе Дальневосточного отдела РОВС

ПРИКАЗ

Урало-Приамурской группе добровольцев
Российского обще-воинского союза

№ 1

г. Шанхай

24 марта 1930 г.

п. 1. Бывшие мои соратники по Сибири и Дальнему Востоку, где бы они ныне ни находились и отозвавшиеся на мое Воззвание, образуют Урало-Приамурскую группу Добровольцев Российского Обще-Воинского Союза.

п. 2. Сего числа я вступил в должность Начальника Урало-Приамурской группы Добровольцев.

п. 3. По местам жительства Добровольцев – группа подразделяется на Отделы: Отдел Шанхайский, Отдел Харбинский, Отдел Американский, Отдел Японский и т.д.

Каждый Отдел подразделяется на Кадры: Кадр пехотный, кавалерийский, казачий, артиллерийский, Кадр Урало-Сибирский, (существующая организация) Электрической станции и т.д.

п. 4. Во главе каждого Отдела Кадра мною будут поставлены Начальники.

Обязанности этих Начальников:

- а) служить передаточной инстанцией моих распоряжений;
- б) привлечение новых добровольцев в ряды организаций;
- в) учет своих Отделов Кадров;

г) прием месячных и добровольных взносов, сдача их в Банк на Счет.

Права этих Начальников:

Представлять мне к исключению из состава группы добровольцев, не вносящих установленных взносов или не соответствующих по воинско-моральным свойствам званию солдата добровольца.

п. 5. Каждый доброволец, отозвавшийся на мое Воззвание или вновь зачисляемый в ряды группы, обязан вносить ежемесячно через своего Начальника в «Fond de Secours» (Фонд помощи России) один мексиканский доллар или одну Йену или пол-американского доллара. Желаящие могут вносить и больше.

Взнос может делаться и сразу за несколько месяцев вперед.

Месячные взносы должны поступать к Начальникам не позже 9-го числа месяца. 10-го числа каждого месяца Начальники сдают поступившую сумму в Банк на указанный счет (для Шанхайской Организации) или отправляют соответственные чеки мне почтой (для иногородних отделов).

Добровольные пожертвования могут вноситься каждым жертвователем непосредственно в Банк.

Обязательство указанных мною месячных взносов я приравниваю к значению верности присяге, так как только точность и аккуратность взносов могут служить показателем сознательности принимаемого Добровольцем на себя служения высокой и святой идее нашего объединения на помощь своему народу.

Ежемесячные взносы начать производить с апреля 1930 г.

п. 6. Сведения на добровольцев, отозвавшихся на мое Воззвание, препровождаю при сем соответственным Начальникам Отделов и Кадров.

п. 7. Начальствование Шанхайским Отделом группы временно оставляю за собою.

Начальником Цинтаоского Отдела группы назначаю генерал-лейтенанта Смолина.

Приложение: Первый циркуляр

Подписал Начальник Урало-Приамурской группы
генерал-лейтенант ДИТЕРИХС

Переписка ген. Дитерихса с Председателем РОВСа ген. Миллером.

Париж
«25» мая 1937 года

Глубокоуважаемый Михаил Константинович

Многие месяцы я не хотел писать Вам о необходимости передать Вашу должность начальника Дальневосточного отдела Русского Обще-Воинского Союза кому-либо из подходящих генералов: очень не хотелось расставаться с Вами, хотя Вы и сами определенно сообщали мне, что болезнь и строгое соблюдение предписа-

ний врачей устраняют возможность в какой-либо степени заниматься нашими делами.

Но за последнее время я стал получать уже упреки за то, что вследствие Вашей болезни, к сожалению, затянувшейся, отдел оказался как бы обезглавленным, что очень чувствуется и неизбежно вредит престижу Русского Обще-Воинского Союза: не к кому обращаться за советами, за получением указаний по разным вопросам, выдвигаемым жизнью, со стороны тех, кто хотел бы видеть «ось» эмиграции в РОВСе, а, между тем, если и в мирное время на Дальнем Востоке был наместник, то теперь, когда я зачастую вовсе не знаю тамошней обстановки и тамошних деталей, и когда письма идут многими неделями, давать отсюда по каждому вопросу указания просто невозможно. На Д.В. необходимо иметь полномочного, совершенно самостоятельного начальника, которому я вполне бы доверял и за которого мог бы быть спокоен.

Одним словом, не стану распространяться – Вы и так меня поняли: раз Михаил Константинович болен, и болезнь затягивается, необходимо найти другого Михаила Константиновича, если это возможно, или генерала, приближающегося к нему по своим качествам.

Несколько месяцев тому назад Вы сообщали мне, что предполагаете помочь переезду в Шанхай генерала Вержбицкого и постараться подготовить его к замещению Вашей должности. Я не знаю, где теперь генерал Вержбицкий и насколько он соответствует должности Начальника отдела: не откажите мне осветить этот вопрос и вообще, войдя в мое положение, будьте добры наметить несколько кандидатов в Ваши заместители и охарактеризовать их, сообщив мне их имена, отчества и адреса. При теперешнем шатании умов (хотя, казалось бы, пора бы научиться горьким опытом и перестать шататься) следует опасаться и «уклонов», например, в легитимизм, в оборончество, особенно модное, в силу немаловажных данных местной обстановки на Д.В., даже, как это ни странно, некоторые солидные люди вдруг оказываются поклонниками младороссов, сиречь, «второй советской партии». Вот я бы и хотел, чтобы Ваш заместитель отнюдь не впадал бы в какие бы то ни было уклоны.

Сколько помню, в свое время Вы считали своим заместителем генерала Петрова, но раз теперь писали о Вержбицком, то, по-видимому, Петров почему-либо не может или не желает покинуть Японию. А жалко, я бы ему, как Вашему начальнику штаба, спокойно

доверил бы Дальневосточный отдел. Одним словом, поставьте, дорогой Михаил Константинович, себя на мое место и срочно, обдумав вопрос, дайте на него, как всегда обстоятельный, ответ.

Пока же примите от меня и от Ваших соратников – Н.Н. Стогова и П.А. Кусонского – самые искренние и горячие пожелания восстановления здоровья. Лучше всего была бы, конечно, временная передача Вашей должности, если потом доктора разрешили бы Вам вновь заниматься делами, а не заставляли бы по полдня лежать... Но это уже Вам виднее.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш Миллер

Из архива А.А. Васильева.

Париж

«7» июля 1937 года

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Константинович

Очень Вы меня огорчили, хотя я и мог ожидать, что состояние Вашего здоровья вынудит Вас просить об освобождении Вас от должности; приходится уступать неумолимой природе и лишь надеяться, что, Бог даст, Вы поправитесь по истечении некоторого, хотя и продолжительного, времени и вернетесь к исполнению обязанностей, которые соответствовали бы Вашему огромному опыту и Вашим дарованиям.

Будем надеяться, что это не только настанет, но и в совершенно иной обстановке – к сему имеется не мало весьма показательных данных.

Позвольте, в дополнение к строкам приказа, сказать Вам, что у меня останется навсегда самое лучшее впечатление о нашем знакомстве, к сожалению, лишь «письменном», и о нашей совместной работе; сколько помню, ни одного раза наши взгляды не расходились, и общее одинаковое понимание чрезвычайно облегчало мою деятельность: я был совершенно спокоен за Дальний Восток...

Вы не пишете, но, наверное, передали Г.А. Вержбицкому все дела: я интересуюсь, конечно, нашими руководящими распоряже-

ГПУ ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА ДИТЕРИХСА

«Закончилась» гражданская война в России. Противники большевицкого режима оказались за границей. Но борьбу с ненавистным режимом они не прекратили. Спецслужбы большевиков неослабно следили за руководителями эмигрантских организаций, сохранивших свои вооруженные отряды. Особое внимание уделялось Китаю, на территории которого действовали многочисленные вооруженные формирования.

Еще в 1926–1927 гг. ИНО ОГПУ были добыты копии писем Д.И. Казакова – руководителя «Богоявленского братства» в Шанхае и П.Н. Остроухова – бывшего секретаря посольства в Пекине, возглавлявшего тайные организации «Мушкетеры» и «Черное кольцо». Из этих писем стало известно, что они имеют связь с Великим Князем Николом Николаевичем в Париже и действуют от его имени.

Согласно п. 4 Дополнительного соглашения к Хабаровскому протоколу от 22 декабря 1929 г., с территории Китая должны были быть высланы «Макаренко, Пешков, Сахаров, Нечаев, Мельников, Плотников, а также Хорват и Остроумов»¹.

Еще ранее НКВД СССР требовало от представителя Китая Цай-Юнь-Шена высылки с территории страны лидеров Белой армии. Довольно интересен ответ НКВД Китая Советскому правительству от 10 марта 1930 г. за № 250. Политкомитет северо-восточных провинций ответил: «Поскольку советской стороной в тексте ноты указаны только фамилии, отсутствуют имена и отчества, китайские власти не могут определить лиц, подлежащих высылке». Последовала нота Генконсула СССР в Харбине Мельникова, в которой были указаны лица, подлежащие высылке: «Сахаров Николай Павлович, бывший генерал; Мельников Иван Федорович, бывший генерал; Назаров Федор Дмитриевич, бывший полковник; Плотников Владимир Владимирович, бывший есаул; Пешков Иван

Александрович; Нечаев Константин Петрович; Остроумов Борис Васильевич; Хорват Дмитрий Леонидович»².

Последовала ответная нота политического комиссара Китая по Гиринской провинции: «С донесением мы ознакомились. Во исполнение Хабаровского протокола нами уже отправлены циркулярные телеграммы властям Гиринской и Хэйлунгузянской провинций и Особого района в Харбине о выявлении указанных в Хабаровском протоколе белогвардейских организаторов и об их выселении. Более того, Остроумова уже заставили покинуть Шэньян»³.

Кроме того, китайская сторона в ноте от 16 января 1931 г. за № 9 сообщала, что китайские войска полностью ликвидировали белогвардейские отряды Пешкова, Зыкова и Алла-Верды, оперировавшие на западной линии КВЖД, а их руководители либо были убиты во время боевых операций (Пешков, Алла-Верды), либо расстреляны после⁴.

Нет сомнений полагать, что материалы для официальных нот НКВД СССР Китаю составлялись на основании данных агентурной разведки ИНО ОГПУ, имевшего агентуру в различных эмигрантских кругах.

26 января 1930 г. агентами ИНО ОГПУ в Париже был похищен генерал А.П. Кутепов, глава «Российского Общевоинского Союза». Его место занял 63-летний генерал Е.К. Миллер. Дальневосточный отдел РОВСа возглавил генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. 13 сентября 1930 г. он прибыл в Харбин, где остановился на квартире у священника Е. Пономарева (ул. Гоголевская, 49а). Дитерихс останавливался также в Мукдене, где встречался с атаманом Семеновым и провел совещание, на котором присутствовало более 50 офицеров русской армии. В Харбине генералу была оказана теплая встреча (Дитерихса негласно охраняли два агента Харбинского сыскаго отделения полиции, русские).

Дитерихс присутствовал на молебне и панихиде в Харбинском кафедральном соборе. Состоялась его встреча с офицерами русской армии в помещении столовой «Зарубежье». Генерал провел личную встречу с генерал-майором Иваном Федоровичем Мельниковым, руководителем Восточного Казачьего Союза, генерал-лейтенантом А.П. Бакшеевым, руководителем «Русской фашистской партии» К. Родзаевским. Цель приезда Дитерихса в Харбин была связана с разделением всех белых русских организаций на две категории:

1. Гражданские, которые будут возглавляться генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом;

2. Военные, которые будет непосредственно возглавлять Дитерихс.

В разговоре с особо доверенными генералами и офицерами Дитерихс сообщил, что на китайской территории, с разрешения правительства, начинается подготовка к вооруженному выступлению против большевицкого режима. Для этого генерал намерен укрепить координацию РОВСа с военными формированиями различных организаций. Из состава воинских организаций РОВСа необходимо выделить наиболее боеспособные военные отряды, вооружить их, снабдить необходимыми средствами и направить на территорию СССР, смежную с Китаем. На особо доверенных лиц, в том числе и генерала Мельникова, была возложена важная секретная задача – организовать агентурную разведку глубинных районов СССР, восстановить связи с казачеством и различными повстанческими отрядами на территории от Дальнего Востока до Урала. Ставилась задача – на местах организовать конспиративные явки-пятёрки, костяк военных формирований на случай войны Японии с СССР.

28 марта 1931 г. группа русских эмигрантов в Харбине «собралась у входа в управление КВЖД, затрудняя вход в него, производя шум и выкрики, всячески мешая нормальной работе управления»⁵.

3 октября 1931 г. управляющий генконсульством СССР в Харбине И.Е. Орлов направил китайской стороне ноту: «...белогвардейские организации ведут свою работу в Харбине, совершенно явно вербуя новых членов, устраивая большие собрания своих членов организаций, а также совещания руководителей их», «...в Харбине под видом самообороны белые создали военную организацию и сформировали руководящий штаб», который получает оружие от белогвардейцев – служащих китайской полиции. Особо отмечалась в ноте деятельность одного из руководителей Дальневосточного отдела РОВСа генерала Мельникова: «...совершенно открыто на своей квартире организовал курсы переподготовки офицерского состава», что сформирована и отправлена в Трехречье террористическая группа с дальнейшей задачей перейти границу с СССР; организована специальная подпольная организация, имевшая в своем распоряжении типографию, печатала антисоветскую литературу и воззвания против СССР»⁶.

Летним днем 1931 г. в трех километрах от села В. Кужбар (ныне Курагинский район Красноярского края) участковый милиционер Трегубов попытался задержать неизвестного мужчину, который

пытался скрыться. В перестрелку он был ранен и бросился в реку Амыл. Труп погибшего достали из реки и тщательно осмотрели. В кармане брюк были найдены документы и листок из рисовой бумаги. Все было отправлено в Минусинский оперсектор ОГПУ (ныне г. Минусинск Красноярского края). На листке сохранился текст: «...ждем...Харбин...организации...нас...беспок...обстановка...Мину...округа...вот...». В конце текста стояли 3 буквы – «ВПШ».

Чекисты на совещании определились: на территории юга Красноярского края и Хакасии действует тщательно законспирированная подпольная организация.

Была разработана операция по проникновению агента ОГПУ в Харбин к генералу Мельникову, чтобы выяснить все о подполье в Сибири. Для этого был подобран хорунжий Енисейского казачьего войска, участник Мировой войны, награжденный Георгиевским крестом. В Харбине он имел много знакомых: казачий полковник Белогов, сотники Юшков, Байкалов, Тотлин, офицер для особых поручений при атамане Семенове – Яковлев.

В Новосибирск были отправлены документы с планом операции под условным наименованием «Таежные братья». Из Новосибирска пришел ответ: «С вашим предложением согласны. С мероприятиях следует задействовать человека, известного в эмигрантских кругах, которому при соответствующем легендировании могло бы быть оказано доверие со стороны антисоветских зарубежных центров. Проведение операции согласовано с начальником ОГПУ т. Артузовым. О ваших действиях информируйте. Начальник Особого Отдела ПП ГПУ по Западносибирскому краю Роллер».

Соответственно был решен вопрос о взаимодействии с дальневосточными чекистами, которые должны были оказать помощь агенту при переходе советско-китайской границы беспрепятственно.

«Секретно. Начальнику Минусинского оперсектора ОГПУ тов. Алексееву. Необходимая помощь в переходе границы будет оказана. По этому поводу даны необходимые указания нашему представителю на станции Гродеково. Начальник ПП ОГПУ по ДВК Дерibas».

В районе Сончгоу агент ОГПУ нелегально перешел границу и попал в китайскую полицию. После небольшого опроса, выяснения обстоятельств перехода границы хорунжий был направлен в Харбин на поезде. На ст. Ямано в вагоне он встретился со своими знакомыми – полковником Шабалиным и одним из членов РОВСа в Харбине. Получил от них рекомендации к генералу Шильникову.

В Харбине генерал проживал в двухэтажном особняке, окруженном высоким забором. Вот как описал агент ОГПУ Шильникова при личной встрече: «Из-за письменного стола мне навстречу вышел стройный, подтянутый мужчина лет пятидесяти в черном отглаженном костюме». Генерал рассказал, что эмиграция не сидит, сложна руки, создана военная учебная команда из числа молодежи, ведется переподготовка резервистов. В ближайшее время будет окончательно сформирован корпус под командованием Дитерихса. Генерал предложил агенту ОГПУ вернуться в Россию и восстановить связь с законспирированными вооруженными ячейками. После генерала с агентом встретился на 1-м этаже полковник Терентьев, бывший член правительства Енисейского казачества, один из помощников Шильникова. Он-то и сообщил, что для связи с подпольем в СССР был отправлен ранее есаул Тянгинский Василий Ильич, которого пытался задержать милиционер.

В ходе дальнейшей беседы агенту удалось выяснить звания, фамилии, места жительства и работы членов организации на юге Сибири «Таежные братья». Организованы они были по принципу пятаков, жили по деревням и городам (Минусинске и Черногорске), имели оружие, работали на шахтах, имели возможность достать взрывчатку для подрыва железной дороги.

Агента снабдили деньгами, шифром, дали адрес в Харбине (ул. Дальняя, Бубенная Надежда Ивановна), куда следовало отправлять письма с зашифрованной информацией. В конце марта 1932 г. агент был переправлен через реку Сунгари на лодке в районе поселка Фугдин, благополучно пересек китайско-советскую границу.

По приезду в Минусинск агент передал списки членов организации «Таежные братья» Алексееву. В конце лета 1932 г. организация была разгромлена, все участники ее были осуждены и в большинстве расстреляны⁷.

В 1932 г. представительство ОГПУ по Восточно-сибирскому краю (центр – г. Иркутск) провело агентурную разработку дальневосточных структур «Братства Русской Правды» и «Национально-Трудового Союза нового поколения». Проведение этой операции, получившей условное наименование «Мечтатели», было санкционировано в Москве. Для проникновения в белоэмигрантскую среду был использован офицер Забайкальского Казачьего Войска Кобылкин. Его родной брат – полковник Иннокентий Васильевич Кобылкин – был членом НТСНП и являлся ближайшим помощником генерала Шильникова. По этому делу проводилась разработка

японской военной миссии в Харбине. Но в 1934 г. проведение операции было прекращено. Почему?

«В дополнение наших телеграфных указаний подтверждаем необходимость прекращения дела «Мечтатели», так как продолжение легенды поставило бы перед нами вопрос о том, как выполнять задания японцев о сборе военных сведений и проведении диверсий. Кобылкин сам отмечает, что японцы недовольны «отсутствием действенности в нашей организации». Допускать «действенность», хотя бы путем выдачи ряда аварий и поджогов, имевших место в ВСК за действия организации, мы не можем из-за политических соображений. Прекращение дела освобождает нас от необходимости давать информацию, почти на 50% отвечающую действительности. При появлении на нашей стороне И. Кобылкина и Перелядова обоих арестовать. Замнаркомвнудел»⁸.

Летом 1935 г. члены НТСНП Иннокентий Кобылкин, Евлампий Перелядов и Борис Оленников были арестованы на территории СССР (железнодорожная станция Слюдянка), приговорены Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу (в сентябре 1935 г. в Иркутске). Результаты этого дела докладывались зам. наркома НКВД Прокофьевым лично И.В. Сталину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Документы внешней политики СССР. Т. 12. – М., 1967. С. 676.

2 Там же. Т. 13. С. 166.

3 Там же.

4 Там же. С. 774.

5 Там же. Т. 14. С. 790.

6 Там же.

7 Немков Л. Конец таежных братьев // Чекисты Красноярска. – Красноярск, 1991. С. 190–215.

8 Сойма В. Окно разработано, но Политбюро испугалось // Новости разведки и контрразведки. 2003. № 15–16 (182). С. 4–5.

ОБРАЗ М.К. ДИТЕРИХСА В ЛИТЕРАТУРЕ

За сухой строкой архивных документов и мемуаров сослуживцев, как правило, остается образ человека, его внутренний мир. Генерал-лейтенанту Михаилу Константиновичу Дитерихсу в этом отношении повезло. Его неоднократно упоминает в своем «Дневнике» генерал-лейтенант барон А.П. Будберг. Также он фигурирует в двух эпизодах в романе В.Е. Максимова «Звезда адмирала Колчака». «Дневник» барона А.П. Будберга относится к жанру мемуаристики, а потому к нему следует относиться достаточно осторожно. Автор, как и любой другой человек, в своих оценках не может быть до конца объективным и беспристрастным. Тем более, о событиях Гражданской войны на Востоке России барон А.П. Будберг мог судить по большей части как сторонний наблюдатель из полосы КВЖД – из Харбина. В самом Омске он пробыл всего лишь несколько месяцев. Поэтому соратникам адмирала А.В. Колчака он давал оценки негативные, что далеко не всегда соответствовало действительному положению дел. В частности, по словам барона А.П. Будберга, генерал М.К. Дитерихс покрывал своих подчиненных – чешских легионеров, грабивших русские магазины во Владивостоке. А.П. Будберг также считал, что М.К. Дитерихс давал неправильную оценку положения дел на фронте. В другом месте упоминается о том, что Дитерихс, Хрещатицкий и Ко задумали под видом стратегического резерва восстановить гвардейский корпус как основание (так в тексте, прим. автора) будущего монархического переворота. Из этой фразы читатель может догадаться о монархических взглядах генерала М.К. Дитерихса. Стоит здесь заметить, что на митингах православной общественности, имевших место в Москве в 1990-х годах, наряду с проклятиями в адрес «генералов-предателей», причастных к от-

речению царя Николая II, как правило, у выступавших находились добрые слова в адрес белых генералов-монархистов. В этом ряду всегда звучало имя генерала М.К. Дитерихса.

Пожалуй, единственным литературным произведением, автор которого попытался приоткрыть перед читателями внутренний мир этого генерала, является роман писателя В.Е. Максимова «Звезда адмирала Колчака». В нем автор создал целую галерею образов белых генералов, служивших под началом адмирала А.В. Колчака. Среди них и генерал Дитерихс.

«У Дитерихса в кабинете, как в келье у послушника: икона на иконе, пахнет воском и ладаном. На столе штабные карты вперемешку с молитвенниками. Если бы не генеральский мундир на хозяине, его можно бы тоже принять за схимника: лицо одутловатое, болезненно-бледное, глаза полуприкрыты, пухлые ручки лодочкой у подбородка. На вошедшего даже не взглянул, произнес неожиданно густым басом:

– Положение отчаянное, Аркадий Никандрыч, если не безнадежное, что делать, ума не приложу, в некоторых дивизиях по триста – четыреста боеспособных единиц, но когда положение безнадежное, – тут он поднял, наконец, на собеседника пухлое, в черных усах щеткой, лицо, – то, разумеется, зовут Дитерихса, а ведь я предупреждал, в самом начале предупреждал, что Пермь – это случайно удавшаяся авантюра. – Он скорбно вздохнул и снова прикрыл веки. – Ох, уж мне эти нынешние наполеоны из бывших статских фельдшеров и полицейских исправников! Драть их надо почаще, а не войсковые соединения доверять! – Тут он будто с неохотой поднялся к иконе Божьей Матери в красном углу, истово, с известным даже экстазом перекрестился. – Не оставь матушку Россию, заступница наша вечная, не допусти ее бесноватым на поругание! – И уже окончательно поворачиваясь к Удальцову, буднично поинтересовался: – Кони оседланы?...»¹.

Так в романе В.Е. Максимова показан генерал М.К. Дитерихс глазами георгиевского кавалера полковника Аркадия Никаноровича Уральского-Удинцова, одного из героев романа (в романе его зовут Аркадий Никандрович Удальцов, прим. автора). Перечитав этот эпизод, можно получить какое-то представление и о внешнем образе, и о внутреннем мире генерала Дитерихса, как человека глубоко верующего и консерватора. Такое впечатление усиливается от характеристики, которую на страницах романа ему дает французский офицер, военный разведчик Пьер Бержерон.

«Дитерихс. Убежденный монархист. Романтический мистик. Академически образован. Убежден в своем назначении спасти Россию, а с нею и весь мир. Политически консервативнее Чингисхана. Тем не менее, имеет довольно значительное влияние на Адмирала. Предки генерала чешского происхождения, бежавшие в Россию из-за притеснений со стороны немцев. В связи с этим пользуется поддержкой чешского корпуса. Огромный военный опыт: участие в русско-японской кампании, операции в Туркестане, в начале мировой войны – начальник штаба 3-й армии, блестяще показавший себя в Галиции, затем – генерал-квартирмейстер фронта, командование дивизией в Македонии, отказ от поста военного министра в правительстве Керенского, штабная работа при генералах Корнилове и Духонине. Для ситуации гражданской войны слишком прямолинеен, политически одиозен, высокомерен, несговорчив. Личность, принадлежащая историческому прошлому»².

Можно соглашаться или не соглашаться с таким образом этого белого генерала. Однако другого образа М.К. Дитерихса в литературе пока не создано. Возможно, найдутся и критические замечания. Важным представляется другое. На смену карикатурным образам белых офицеров и генералов, в течение десятилетий создававшихся советскими сочинителями, приходят иные образы. К таким попыткам можно отнести и роман В.Е. Максимова «Звезда адмирала Колчака», его героев, одним из которых и является генерал М.К. Дитерихс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Максимов В.Е. Звезда адмирала Колчака. – Минск, 1991. С. 68, 69.

2 Там же. С. 94.

часть восьмая

**Биографический
справочник**

Ниже приведены биографии военных, политических деятелей, иерархов Русской Православной Церкви – участников событий гражданской войны в России, упоминаемых в книге.

При составлении биографических справок использованы материалы книг А.А. Хисамутдинова «Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке», Владивосток, 2000; С.В. Волкова «Белое движение. Энциклопедия гражданской войны», Москва, 2002; Е.В. Волкова «Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования», Челябинск, 2001; а также исследований А.В. Ганина (Москва), А.Д. Степанова (Санкт-Петербург) и Б. Татарова (Прага).

Анатолий (в миру Каменский Алексей Васильевич) (3.10.1863 – 3.09.1925). Родился в Самарской губернии. Окончил Самарскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, по окончании которой принял постриг. В 1898–1903 гг. служил в Америке в сане архимандрита и в должности заведующего Миннеапольской миссионерской школой. С 1903 г. ректор Одесской духовной семинарии. В 1905–1907 гг. стал активным участником патриотического движения: товарищ председателя Одесского отдела Союза Русского Народа, член Совета Одесского отдела Русского Собрания. В 1906 г. хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии. Депутат 4-й Государственной Думы, член фракции правых, товарищ председателя Главного совета Союза Русского Народа. В 1914 г. назначен на Томскую кафедру, участник Поместного Собора 1917 г., по окончании которого возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую кафедру. В 1919 г. был одним из главных организаторов Дружин Святого Креста, по словам проф. Д.В. Болдырева, возглавлял всю религиозную часть добровольческого движения у адмирала А.В. Колчака. По прибытии в Иркутск был арестован и приговорен к расстрелу, который по каким-то причинам не был

приведен в исполнение. Около 2-х лет был в заключении в одиночной камере иркутской тюрьмы, затем был выслан в Москву. Последние месяцы жизни жил в Омске при архиепископе Викторе. Блаженно почил во время Всенощной под пение «Слава в вышних Богу».

Анисимов Николай Семенович (18.12.1877 – 08.04.1931). Из дворян Оренбургской губернии. Родился в поселке Изяк-Никитинский Пречистенской волости Оренбургской губернии. С 1896 г. – на службе в органах управления Оренбургского Казачьего Войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. Подъесаул, помощник старшего адъютанта Войскового штаба Оренбургского Казачьего Войска (1914 г.). Кавалер Бухарской звезды 3-й степени. Участник Великой войны. Кандидат в депутаты Учредительного Собрания от Оренбургского Казачьего Войска. Полковник (октябрь 1918). Депутат Войскового круга Оренбургского Казачьего Войска (1917–1919), служил в военном отделе Войскового правительства (1919). Представитель Оренбургского Казачьего Войска в Ставке адмирала А.В. Колчака. Член Государственного экономического совещания (Омск, сентябрь 1919). Эвакуировался в порт Гензан (Корея) на пароходе «Эльдорадо». В эмиграции в Харбине. Осенью 1920 года получил от атамана Г.М. Семенова 100 тысяч золотых рублей для поддержки оренбургских казаков в Китае. После гибели атамана А.И. Дутова был избран на организационном собрании оренбургских казаков 1 марта 1921 года Заместителем Войскового атамана. Получил в распоряжение войсковые средства (около 50 тысяч рублей). Снят с поста 16 февраля 1923 года за растрату войсковых средств. 5 апреля 1925 года с несколькими казаками бежал из Шанхая во Владивосток, угнав пароход «Монгугай». Поселился в Москве, где заведовал лесным складом Парка культуры и отдыха. Арестован 15 августа 1930 года. 3 апреля 1931 года обвинен в подготовке вооруженного восстания и шпионаже, приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Аргунов Афиноген Гаврилович (22.06.1886 – 4.10.1932). Окончил Енисейское трехклассное училище и Иркутское военное училище в 1906 г. 15 июня 1908 г. произведен в подпоручики. В 1911 г. держал испытательный экзамен в академию Генерального штаба. Участник Великой войны (кавалер орденом Св. Станисла-

ва 4-й степени и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Георгия 4-й степени (28 января 1917 г.) и Золотого Георгиевского оружия «За храбрость»). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 1919 г. начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии, с марта 1920 г. начальник Омской стрелковой дивизии, с весны 1921 г. командир Сибирской стрелковой бригады, в декабре 1921 г. командир 2-го белоповстанческого отряда (Приморского отряда). В Земской Рати с сентября 1922 г. – командир Западно-Сибирского стрелкового отряда (б. 4-го Омского полка). В Зарубежье в Харбине, учитель географии и классный наставник в Харбинском реальном училище. Сотрудник газеты «Время». Председатель Дальневосточного отдела Братства Русской Правды. Убит в 1932 г. в Харбине А.А. Мартыновым, по имеющимся сведениям, с санкции японских оккупационных властей.

Артемьев Василий Васильевич (1860 – 17.12.1929). Военную службу начал в 1879 г., первый офицерский чин получил в 1881 г. Выпускник Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-лейтенант. С 8 октября по 1 декабря 1918 г. Командующий войсками Приамурского военного округа, 8 ноября – 23 декабря 1918 г. помощник Верховного уполномоченного Всероссийского правительства на Дальнем Востоке по военной части. С февраля по декабрь 1919 г. на службе в Иркутском военном округе. В сентябре 1920 г. генерал для поручений, с августа 1922 г. главный начальник снабжения Земской Рати. В 1924 г. переехал в Югославию.

Артемьев Иван Кондратьевич (? – после 1930). Юрист, председатель Биржевого комитета и Земской Приамурской Думы в Хабаровске. Председатель Совета управляющих ведомствами Временного Приамурского Правительства и Приамурской Областной Думы в 1922 г. В Зарубежье в Тяньцзине. Служил поверенным по судебным и административным делам. Автор книги «Эпизоды революции на Дальнем Востоке и борьба русских националистов во главе: Г.М. Семенова, И.П. Калмыкова, Временного Правительства под председательством Спиридона Меркулова и Правителя генерала М.К. Дитерихса с большевиками и коммунистами». Тяньцзинь, б.г.

Бакшеев Алексей Проклович (1873 – 30.08. 1946). Есаул 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего корпуса. С 9 июня 1919 по апрель 1920 г. – помощник Атамана Забайкальского Казачьего

Войска, генерал-майор. Председатель войскового правительства Забайкальского Казачьего Войска. В 1922 г. – заместитель Председателя, член Президиума Приамурского Земского Собора. Генерал-лейтенант. В Зарубежье в Харбине. Член правления Восточного Казачьего союза. В 1930-х гг. глава Дальневосточного союза казаков, начальник отдела Бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ), с 22 августа 1935 до 1938 гг. председатель БРЭМ, к 1940 г. начальник Захинганского бюро БРЭМ в Хайларе. Захвачен СМЕРШ в августе 1945 г. и расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

Барон Будберг Алексей Павлович (21.05.1869 – 14.12.1945). Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус в 1886 г., Михайловское артиллерийское училище в 1889 г., Николаевскую академию Генерального штаба в 1895 г. Подпоручик 3-й Гвардейской гренадерской артиллерийской бригады (позднее – ЛГВ 3-й артиллерийской бригады). Во время Великой войны занимал должности генерал-квартирмейстера и начальника штаба 10-й армии, генерал-лейтенант. В 1917 г. командир 14-го армейского корпуса. С 19 ноября 1919 года начальник штаба Приамурского военного округа. Управляющий Военным министерством в Российском правительстве адмирала Колчака (до августа 1919 г.). В эмиграции с 1921 года в Сан-Франциско. Начальник 1-го отдела РОВС в США, председатель Общества ветеранов Великой войны.

Бек-Мамедов Лев Хаджиевич (? – ?). Закончил Михайловское артиллерийское училище в 1908 г. Великую войну завершил в чине капитана. С 10 июля 1918 г. состоял в Офицерской кадровой роте в г. Челябинске. С 16 августа 1918 г. командир 1-го Уральского артиллерийского дивизиона, затем 11-го Уральского артиллерийского дивизиона. В Белоповстанческой армии, в мае 1922 г. командир 3-го артиллерийского дивизиона. В Земской Рати – командир Сводно-артиллерийской дружины. Полковник. В Зарубежье в Китае.

Белянушкин В. Я. (? – ?). Командир батальона в 1-м Волжском стрелковом полку Волжского корпуса ген. В.О. Каппеля. В 1919 г. командир Егерского батальона 1-й Самарской стрелковой дивизии. В Дальневосточной армии, в мае – декабре 1921 г. командир 1-го Волжского полка. В Земской Рати, в сентябре–октябре 1922 г. командир Приволжского отряда. Полковник. В Зарубежье с 1923 г. в Гирине.

Блохин Н. С. (? – ?). Есаул Сибирского Казачьего Войска. Участник восстания в Петропавловске в мае 1918 г., начальник штаба Петропавловского военного района, с июня 1918 г. командир дивизиона 2-го Сибирского казачьего полка. В 1919 г. командир 2-го Сибирского казачьего полка, помощник Атамана Уссурийского Казачьего Войска. Генерал-майор. В Земской Рати командовал Сводной бригадой в составе Сибирской Казачьей группы ген. Бородина.

Болдырев Василий Георгиевич (5.04.1875 – 1933). Окончил Пензенское землемерное училище, Военно-топографическое училище в 1-му разряду и Николаевскую академию Генерального штаба 2 класса по 1-му разряду. Экстраординарный профессор академии Генерального штаба. Награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Золотым Георгиевским оружием, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 2-й степени. Участник русско-японской войны. Во время Великой войны командовал 5-й армией. В декабре 1917 – мае 1918 г. находился в тюрьме. 24 сентября – 18 ноября 1918 г. Главнокомандующий войсками Уфимской Директории, затем выехал в Японию. В апреле 1920 г. вернулся во Владивосток, занимал должность Командующего сухопутными и морскими силами Дальнего Востока (с 7 апреля 1920 г.), член Военного Совета Временного Правительства Дальнего Востока (ДВР) (с 17 апреля 1920 г.). Управляющий военными и морскими силами делами Временного правительства Дальнего Востока (с 1 июля 1920 г.). Председатель Российской делегации по Русско-японской согласительной комиссии (с 1 июня 1921 г.). 7 апреля – 12 декабря 1920 г. Главнокомандующий войсками Временного Правительства Приморской областной земской управы, товарищ председателя (с 26 июля 1921 г.) Приамурского Народного Собрания. В октябре 1922 г. остался во Владивостоке и, после вступления в город советских войск, был арестован (5 ноября). Летом 1923 г. был амнистирован, жил в Новосибирске и служил в различных советских учреждениях. Член авторского коллектива Сибирской Советской энциклопедии. Арестован по подозрению в контактах с японской разведкой и расстрелян 20 августа 1933 года.

Болдырев Дмитрий Васильевич (20.04.1885 – 12.05.1920). Родился в Санкт-Петербурге в семье военного. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и был ос-

тавлен при кафедре философии. Стажировался в Гейдельбергском и Марбургском университетах. С 1910 г. приват-доцент Пермского университета. В 1919 г. директор пресс-бюро при правительстве Колчака. Товарищ председателя «Братства Св. Гермогена по организации Дружин Святого Креста», вдохновитель и организатор добровольческого движения. Арестован одновременно с адмиралом А.В. Колчаком в Иркутске, умер в тюрьме от сыпного тифа.

Бородин Василий Аристархович (? – не позднее 1952). Из казаков Оренбургского Казачьего Войска. В начале 1918 г. в Верхнеуральске возглавлял один из казачьих партизанских отрядов. В 1919 г. командовал 2-м Оренбургским казачьим полком. Командовал второй бригадой 1-ой Оренбургской казачьей дивизии (в чине генерал-майора; уволен от службы с 3 июня 1919 г.) на Уфимском фронте. Командир 1-го Оренбургского казачьего полка (1920–1921 гг.). С мая 1921 года принял командование Отдельной Оренбургской казачьей бригадой. С 23 октября 1921 г. назначен командиром 1-го Сводно-казачьего корпуса. Участник Приамурского Земского Собора. Командующий Сибирской Казачьей группой (Ратью) (август–октябрь 1922 г.). Член правления казачьего союза в Шанхае.

Буйвид Владимир В. (? – 1922). С 14 ноября 1918 г. командир роты Читинского военного училища, с конца 1920 г. командир Отдельной Маньчжурской дивизии, летом 1921 г. командир Отдельной стрелковой бригады в Гродеково, Сводно-стрелковой бригады. В 1921 г. командир конной бригады Гродековской группы, полковник. В декабре 1921 г. отстранен от занимаемой должности, но с июня 1922 г. восстановлен в армии. В Земской Рати (август 1922 г.) командир Пластунской дружины (бывший 1-й Пластунский полк). Убит 13 октября 1922 г. в бою у Монастырища.

Вержицкий Григорий Афанасьевич (25.01.1875 – 19.12.1942). Из мещан г. Летичева. Не закончив Каменец-Подольской гимназии, стал вольноопределяющимся (1893 г.), а затем юнкером Одесского военного училища, которое закончил по 2-му разряду в 1897 г. Участник русско-японской войны, которую закончил в чине штабс-капитана. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. После Октября 1917 г. выехал в Омск, затем в Усть-Каменогорск. Организатор Усть-Каменогор-

ского офицерского отряда. С 20 июня 1918 г. начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор. С 1 января 1919 г. командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, генерал-лейтенант. С 10 апреля 1919 г. Командующий Южной группой Сибирской, позднее 2-й армии. За взятие г. Кунгура награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (20 февраля 1919 г.), а за операции во время «весеннего наступления» орденом Св. Владимира 3-й степени (2 мая 1919 г.). Участник Сибирского Ледяного похода. С января 1920 г. Командующий 2-й армией, с 25 марта 1920 г. командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 августа 1920 до июня 1922 г. Командующий Дальневосточной армией, с 31 мая 1921 г. Командующий войсками Временного Приамурского Правительства и с 12 октября 1921 г. Управляющий Военным и Морским Ведомством. В Зарубежье в Китае, в Тяньцзине, уполномоченный ген. Д.Л. Хорвата, председатель Русской Национальной общины (с 1928 г.). Председатель Комитета старшин Русского национального клуба (с 1931 г.). С 1930 помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, в 1932 г. начальник отдела РОВС в Харбине, с 1936 г. – Тяньцзиньского РОВС. Скончался в Тяньцзине.

Волегов Игнатий Калининлович (1888 – 07.12.1966) – офицер одного из Оренбургских казачьих полков. Неказак. Родился в селе Волегово Кунгурского уезда Пермской губернии в семье лесопромышленника. Окончил реальное училище, школу прапорщиков. Участник Великой войны. Участвовал в боевых действиях на Румынском фронте в составе 242-го Луковского пехотного полка (находился в полку до демобилизации в феврале 1918 г.). Начальник учебной команды. Произведен в подпоручики. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Владимира 4-й степени. С весны–лета 1918 г. активно участвовал в антибольшевицком движении в составе повстанческих и казачьих частей. Поручик. Принимал участие в боевых действиях на Уфимском фронте. Участник Сибирского Ледяного похода. Офицер Оренбургской казачьей бригады (1920–1922 гг.). Работал на кожевенном заводе в Маньчжурии. Жил в Хайларе, где завел собственное дело. Занимался изготовлением обуви, а позднее животноводством. В 1957 году вместе с семьей уехал в Австралию. Жил в Мельбурне и Джилонге. Автор книги: Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988.

Воронин Михаил Ф. (? – 1935) – полковник (не позднее 1921 г.). Участник Великой и Гражданской войн. Есаул (не позднее августа 1918 г.). С 5 августа 1918 г. – командир 3-й Оренбургской казачьей батареи. Участник Сибирского Ледяного похода. Командир 2-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона, Отдельного Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона, Отдельной Оренбургской казачьей артиллерийской сотни в Приморье (1921). Скончался в Харбине.

Гайда Радола (Гейдль Рудольф) (1892 – 1948). Прапорщик Австро-Венгерской королевской армии. Один из руководителей Чехословацкого корпуса. 12 октября – 24 декабря 1918 г. генерал-майор, Командующий Екатеринбургской группой войск. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени. В январе – июле 1919 г. Командующий Сибирской армией. Генерал-лейтенант (с 17 января 1919 г.). 18 ноября 1919 г. поднял во Владивостоке мятеж против адмирала Колчака, после подавления мятежа был отправлен в Чехословакию. В 1922 г. окончил Высшую военную школу в Париже. 16 декабря 1927 г. лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Поддерживал контакты с фашистскими организациями в Чехословакии, возглавлял Национальную фашистскую общину, а в годы оккупации Комитет Св. Вацлава. Арестован СМЕРШ в 1945 г. в Праге. Умер после заключения в 1948 г.

Гирса Вацлав (28.11.1875 – 23.06.1954). Родился в г. Шепетовка в Малороссии. Перед началом Великой войны доктор и начальник Киевской уездной Земской лечебницы. С началом войны вступил в ряды Чешского Национального Комитета. В 1917 г. стал председателем Правления «Союза Чехословацких обществ в России». Был подчинен «Отделению Чехословацкой Народной Рады в России». С февраля 1918 г. участвовал в переговорах с Советским правительством, в апреле 1919 г. во Владивостоке, вместе с ген. Дитерихсом вел переговоры об эвакуации частей корпуса. С августа 1918 г. член Чехословацкой Народной Рады, с ноября 1919 г. дипломатический представитель Чехословакии в Сибири. После возвращения в Чехословакию, в 1921–1926 гг. занимал должность заместителя министра иностранных дел. В 1927–1935 гг. посол Чехословакии в Польше, Финляндии, а в 1935–1938 гг. в Югославии. В период немецкой оккупации принимал участие в движении сопротивления. Скончался в Праге.

Глебов Фаддей (Федор) Львович (25.06.1887 – 23.10.1945). Родился в ст. Казанской Акмолинской области. Из казаков Сибирского Казачьего Войска. Окончил учебную команду 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка (1910 г.). Великую войну начал в звании вахмистра, в личном конвое Командующего II-й армией генерала от кавалерии А.В. Самсонова. Произведен в офицеры в 1916 г. Был четырежды ранен. В 1917 г. – подесаул. Награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В июне 1918 г. сформировал в ст. Пресновской 5-ю сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка. В мае 1919 г. есаул, помощник командира, с 6 августа 1919 г. командир 10-го Сибирского казачьего полка (войсковой старшина). С ноября 1919 г. полковник, командир Сибирской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны 1920 г. командир Сибирского казачьего полка, с осени 1920 генерал-майор, с весны 1921 г. командир Сводной казачьей бригады, затем начальник Сводной казачьей дивизии. 1 сентября – 6 декабря 1921 г. Командующий Гродековской группой войск. 1–18 июня 1922 г. командир Особой группы армии Приамурского Временного Правительства. С 18 июля 1922 г. командир Дальневосточной Казачьей группы (Рати). Генерал-лейтенант (1921 г.). В Зарубежье в Китае. Прибыл в Шанхай 14 сентября 1923 г. Организатор Русского Волонтерского отряда (21 января 1927 г.). С 29 июня 1925 г. помощник Атамана Сибирского Казачьего Войска. Председатель Совета объединенных российских организаций (СОРО) (с 1936 г.). Переизбран председателем Российского эмигрантского комитета (12 декабря 1942 г., 28 декабря 1943 г., 25 ноября 1944 г.). Скончался в Шанхае.

Глудкин Петр Ефимович (? – ?). Подполковник. Летом 1919 г. сформировал в Омске Егерский батальон охраны Ставки, в 1919–1920 гг. командир Егерского полка в Сибирской армии. Участник Сибирского Ледяного похода, начальник Егерской дивизии, с марта 1920 г. командир Егерского полка, весной–осенью 1921 г. командир 1-й стрелковой бригады. Командир Отдельной стрелковой бригады Белоповстанческой армии. Участник Хабаровского похода. Убит при попытке мятежа 2 июня 1922 г. в Никольск-Уссурийском.

Голицын Владимир Васильевич (9.07.1878 – после 1945 г.). Окончил Полоцкий кадетский корпус, Александровское военное

училище в 1897 г. Участник русско-японской войны. Офицер ЛГв Санкт-Петербургского полка. В 1914 г. командовал ротой в 16-м Сибирском стрелковом полку. Полковник, командир 3-й гвардейской резервной бригады, штаб-офицер для поручений при штабе 8-й армии. С ноября 1917 года в Новочеркасске с Корниловым, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода при штабе армии, затем начальник военно-политического Центра Нижней Волги. В апреле 1918 г. жил в Москве. С 6 августа 1918 г. сформировал 7-ю Уральскую горных стрелков дивизию, до 27 декабря 1918 г. начальник той же дивизии, затем генерал-майор, с 6 января по 11 июня 1919 г. командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса. С июня 1919 г. начальник добровольческих формирований в Новониколаевске, с июля 1919 г. Командующий Уральской группой. За Пермскую операцию награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Генерал-лейтенант. В Зарубежье в Китае. Член Русской фашистской партии (с 1922 г.). Весной 1945 г. состоял в комитете старейшин Российского эмигрантского собрания в Харбине.

Головин Николай Николаевич (22.02.1875 – 10.01.1944). Из дворян, сын офицера. Закончил Пажеский корпус (1894 г.), и Николаевскую академию Генерального штаба (1900 г.). Офицер ЛГв Конной артиллерии. Генерал-лейтенант, и.д. начальника штаба Румынского фронта. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени. С декабря 1918 г. в Великобритании, с 24 декабря 1918 г. начальник штаба Военного Представителя Русских армий при союзных правительствах и союзном командовании ген. Д.Г. Щербачева (утв. 2 февраля 1919 г.). В августе–октябре 1919 г. возглавлял штаб Восточного фронта. В Зарубежье во Франции. В декабре 1924 г. председатель объединения ЛГв Гродненского гусарского полка, в 1931 г. возглавлял группу ЛГв Конной артиллерии. В 1936–1938 гг. редактор журнала «Осведомитель». Создатель и руководитель Высших академических курсов в Париже, затем в Белграде. Военный теоретик и историк. Представитель Гуверовского института войны, революции и мира в Европе.

Гондатти Николай Львович (8.08.1860 – 5.04.1946). Закончил с отличием естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета (1887 г.). Крупный исследователь-этнограф народностей Западной и Северо-Восточной Сибири. Опубликовал свои научные труды, за что был удосто-

ен золотых медалей Русского Географического Общества и Академии наук. Старший чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе (с 1893 г.); заведующий переселенческим делом в Приморской области; 1905–1907 гг. – Тобольский, а в 1908 г. – Томский генерал-губернатор, получил звание камергера. Глава Амурской экспедиции 1909–1910 гг. Приамурский генерал-губернатор (1911–1917 гг.). В августе 1919 г. выехал в Харбин и получил важный пост начальника Земельного отдела КВЖД, осуществлявшего под его энергичным руководством огромную помощь русскому и китайскому населению полосы отчуждения дороги. Председатель Общества домохозяев и Общества русских ориенталистов.

Домрачев Михаил Яковлевич (15.09.1890 – 25.01.1958). Родился в Оренбурге. Окончил Московский археологический институт. Во Владивостоке учился в Восточном институте (1921 г.). Секретарь, член Президиума Приамурского Земского Собора (1922 г.) и Монархического съезда (Париж, 1929 г.). Начальник канцелярии при ген. Д.Л. Хорвате (1930–1936 гг.). Проживал в Шанхае, занимался адвокатской деятельностью. Занимал должность секретаря Шанхайского Благотворительного комитета (1940–1944 гг.). После окончания Второй мировой войны, через беженский лагерь Тубабао (Филиппины) выехал в Сан-Франциско (1950 г.).

Дубинин Евгений Михайлович (? – ?). 1 сентября – 11 декабря 1921 г. начальник штаба Гродековской отдельной группы войск, 1–11 июня 1921 г. начальник штаба Особой группы армии Приамурского Временного Правительства. С июня 1922 г. занимал должность начальника штаба 4-го казачьего корпуса, а с августа 1922 г. – начальник штаба Дальневосточной казачьей группы (Рати). Полковник. В Зарубежье в Китае. Представитель Великого Князя Кирилла Владимировича в Харбине, член Союза младороссов. Сотрудничал с Генеральным консульством СССР в Харбине.

Енборисов Гавриил Васильевич (19.03.1858 – 14.02.1946). Из казаков пос. Арсинского, ст. Верхнеуральской Оренбургского Казачьего Войска. Полковник в отставке (с 1908 г.). Председатель Правления Союза маслодельных артелей в Оренбурге. С января 1918 г. председатель военной комиссии войска, тов. председателя Войскового круга, в начале 1918 г. командир 4-го отряда Орен-

бургского казачьего войска в Верхнеуральске. Участник похода в Тургайские степи. С лета 1918 г. начальник Военного контроля, комендант штаба обороны и начальник отдела Государственной охраны 2-го округа. Летом 1919 г. поступил рядовым в добровольческую Дружину Святого Креста и Зеленого Знамени в Омске, назначен начальником агитационно-вербовочного отдела в Семипалатинске. 19 октября 1919 г. сформировал добровольческий отряд Дружины Святого Креста в Семипалатинске, с которым совершил Сибирский Ледяной поход. С 22 марта 1920 г. дежурный генерал 3-го стрелкового корпуса и одновременно командир Добровольческого Егерского отряда, с 21 апреля помощник начальника личной охраны атамана Г.М. Семенова. В Зарубежье с лета 1920 г. в Харбине.

Ефимов Авенир Геннадьевич (19.10.1888 – 25.04.1972). Окончил Симбирский кадетский корпус в 1907 г. и Николаевское инженерное училище в 1910 г. Участник Ижевско-Воткинского восстания. В сентябре–октябре 1918 г. командир Ижевского стрелкового полка. По окончании курсов военного времени академии Генштаба – в штабе 2-го Уфимского корпуса, с 24 февраля 1919 г. начальник штаба Ижевской бригады, капитан. С 12 марта 1920 г. командир Ижевского полка, с 25 августа 1921 г. командир Ижевско-Воткинской бригады в Хабаровском походе. В Земской Рати – командир Прикамского стрелкового отряда. Полковник. В Зарубежье с 1923 г. в Гирине и Шанхае, затем с 1932 г. в США. Член Общества ветеранов Великой войны, редактор «Вестника Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско». В 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в Сан-Франциско (США).

Зуев Аристарх Васильевич (28.04.1890 – 02.02.1944). Из казаков станицы Кундравинской Оренбургского Казачьего Войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1911 г.). Участник Великой войны. Подъесаул (на 1918 г.). Помощник командира (с ноября 1918 г.), командир 11-го Оренбургского казачьего полка (с 1919 г.) в составе 5-й Отдельной Оренбургской казачьей бригады генерал-майора В.В. Кручинина. Участник Сибирского Ледяного похода. С конца 1920 г. – командир 2-го Оренбургского казачьего полка. В Земской Рати – командир Оренбургской казачьей бригады (с июля 1922 г.). В Зарубежье – в Китае. Окончил Юридический факультет в Харбине (1930 г.). Работал юристом. Начальник Союза казаков, Советник Главного Бюро по делам Российских эми-

грантов в Маньчжурии (с января 1941 г.). Публиковал статьи в журнале «Рубеж». Автор книги: Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом 1918–1922 гг. Очерки. Харбин, 1937. Атаман казачьей станицы в Харбине.

Иванов-Ринов Павел Павлович (26.07.1869 – после 1925). Из дворян, сын офицера. Окончил Сибирский кадетский корпус (1888 г.), Павловское военное училище (1890 г.). Служил в военной администрации в Туркестане. Полковник, Командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. Руководитель подпольных офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 возглавил антибольшевицкое выступление в Омске, начальник гарнизона, с 13 июня по 7 сентября 1918 г. командир Степного корпуса (2 июля 1918 г. произведен в чин генерал-майора). 4-м Войсковым Кругом, 15 августа 1918 г. избран Войсковым Атаманом Сибирского Казачьего Войска. В сентябре–ноябре 1918 г. управляющий военным министерством и Командующий Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г.). С 23 декабря 1918 г. до 11 мая 1919 г. Командующий войсками Приамурского военного округа. В августе–сентябре 1919 г. командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса, помощник Командующего 3-й армией, с начала ноября 1919 г. помощник Главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. За бои в ходе Тобольской операции награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (9 сентября 1919 г.). Произведен в чин генерал-лейтенанта (10 августа 1919 г.). С 7 июля 1921 г. начальник штаба походного атамана казачьих войск Сибири и Урала Г.М. Семенова в Гродеково. В Зарубежье в Китае. В Шанхае один из организаторов Казачьего Союза и член Совета войсковых атаманов. Жил в Тяньцзине. Осенью 1925 г. возвратился в СССР.

Иностранцев Михаил Александрович (26.07.1872 – 7.08.1938). Сын известного академика-геолога А.А. Иностранцева. Закончил Ларинскую гимназию в Санкт-Петербурге в 1891 г., сдал экзамен на офицерский чин при Константиновском военном училище в 1893 г., выпускник Николаевской академии Генштаба. В годы Великой войны – командир 8-го Финляндского стрелкового полка, командир бригады 38-й пехотной дивизии. Генерал-майор, ординарный профессор Императорской Николаевской академии Генерального штаба, заведующий кафедрой Стратегии. В 1918 г. вместе с академией был эвакуирован на Восток, где присоединился к вой-

скам Колчака. В мае 1919 г. в Ставке Верховного Главнокомандующего, генерал для поручений при адмирале А.В. Колчаке, затем генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем. В Зарубежье в Чехословакии. Скончался в Праге. Автор неопубликованных воспоминаний, хранящихся в фондах ГА РФ.

Крестовский Степан (Стефан) Николаевич (1884 – ?). Закончил Духовную семинарию в Симбирске, в 1906 г. поступил в Томский технологический институт, в 1908 г. был выслан в Оренбургскую губернию за участие в студенческих выступлениях, с 1909 по 1913 гг. учился в Петербургском университете на юридическом факультете. 1913–1917 гг. – мировой судья Грайворовского судебного-мирового округа. После Октября 1917 г. занимал должность мирового судьи по г. Симбирску. В 1918 г. как представитель Союза сибирских маслодельных заводов участвовал в кооперативном съезде Сибири и был избран его секретарем. Возглавлял с сентября 1918 г. общую канцелярию министерства финансов Российского правительства адмирала А.В. Колчака. С 1920 по 1921 г. – секретарь правления Союза сибирских маслодельных артелей, после реорганизации Союза в Сибирскую сельскохозяйственную корпорацию – секретарь ее отделения в г. Владивостоке. Летом 1922 г. – член комиссии по созыву Приамурского Земского собора и член Земского собора во Владивостоке от фракции несоциалистических организаций. В октябре 1922 г. выехал в Харбин, где в 1923–1926 гг. был секретарем финансового отдела городского совета Харбинского общественного управления. В 1926–1928 гг. – заведующий коммерческим агентством КВЖД. С июля 1928 по 1937 г. – владелец публичной библиотеки в Харбине, справочно-налогового бюро при Харбинском обществе «Банк домовладельцев».

Лебедев Дмитрий Антонович (6.01.1883 – 6.03.1928). Из дворян Саратовской губернии. Закончил Сибирский кадетский корпус в 1900 г., Михайловское артиллерийское училище в 1903 г., Николаевскую академию Генштаба (2 класса с дополнительным курсом) в 1911 г. Участник русско-японской и Великой войны. Лично награжден Императором Николаем II орденом Св. Георгия 4-й степени. Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. В феврале 1918 г. направлен в Сибирь для установки контактов с Восточным фронтом. С 21 ноября 1918 г. начальник Штаба Верховного Главнокомандующего,

в январе 1919 г. командир Степной группы, 23 мая – 12 августа 1919 г. начальник Штаба Верховного Главнокомандующего. 9 августа – 16 ноября 1919 г. – Командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 Командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская мысль». Скончался в Шанхае.

Лохвицкий Николай Александрович (7.10.1867 – 5.11.1933). Родился в Москве. Из дворян Санкт-Петербургской губернии, сын присяжного поверенного. В 1887 г. закончил 4-й Московский кадетский корпус, в 1889 году Константиновское военное училище, Николаевскую академию Генштаба. Офицер ЛГв Измайловского полка. Супруга – поэтесса Мирра Лохвицкая. Генерал-лейтенант, начальник 1-й Особой дивизии во Франции. С августа 1919 г. Командующий 2-й армией, одновременно ушел в отставку с ген. Дитерихсом. С 27 апреля до 22 августа 1920 г. Командующий Дальневосточной армией, 2 июня – 1 октября 1920 г. – начальник Штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины ген. Г.М. Семенова. Генерал от инфантерии. В 1922 г. во Владивостоке, член Общества офицеров Императорской Гвардии на Дальнем Востоке. В Зарубежье с 1923 г. во Франции, с 1927 председатель Общества монархистов-легитимистов.

Меркулов Николай Дионисович (10.12.1869 – 1945). Окончил Благовещенскую классическую гимназию и речное училище. Капитан парохода «Муравьев-Амурский» (с 1903 г.). Купец 1-й гильдии. Владелец пароходства на Амуре и спичечной фабрики во Владивостоке. Член Владивостокского биржевого комитета и Приморской торгово-промышленной палаты. Член Приамурского Временного Правительства. Старший советник Тюпана (генерал-губернатора) Шаньдунской провинции маршала Чжан Чжу-чана (1923–1931). Вице-председатель Совета Объединенных русских организаций. Скончался в Циндао.

Меркулов Спиридон Дионисович (1870 – 1957). Родился в Благовещенске. Политический и общественный деятель. Брат Н.Д. Меркулова. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Юрист-консультант Владивостокского городского самоуправления. Главный инспектор Северного страхового общества на Дальнем Востоке. Почетный член Петроградского клуба об-

щественных деятелей. Председатель Приамурского Временного Вправительства (с 26 мая 1921 г.). Эмигрировал через Японию в США. Скончался в Сан-Франциско. Похоронен на Сербском кладбище. Автор ряда работ о Дальнем Востоке.

Мефодий (в миру Герасимов Маврикий Львович) (22.02.1856 – 29.03.1931). Родился в семье священника в с. Елбанское Барнаульского уезда. Окончил Томскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию (1882 г.). В память умершего отца принял монашеский постриг (1886 г.). Епископ Бийский (с 1894 г.), начальник Алтайской миссии, архимандрит. С 24 декабря 1898 г. – епископ Забайкальский и Нерчинский, с 20 декабря 1914 г. епископ Оренбургский и Тургайский (с 1918 г. архиепископ). Член Президиума Приамурского Земского Собора. Митрополит Харбинский и Маньчжурский (с 1929 г.). Автор многих богословских трудов. Основатель Харбинской епархии (2 июня 1922 г.). Скончался в результате сердечного приступа. Похоронен в Свято-Николаевском соборе в Харбине.

Миролюбов Никандр Иванович (17.10.1870 – 25.02.1927). Юрист, 1-й декан Юридического факультета в Харбине. Окончил духовное училище, семинарию и академию в Казани. В 1897 г. окончил юридический факультет Казанского университета с дипломом 1-й степени (1897 г.), оставлен для подготовки к профессорскому званию. Читал лекции на кафедре уголовного права. После защиты магистерской диссертации избран профессором Иркутского университета. После Февраля 1917 г. по настоянию местной адвокатуры принял обязанности прокурора казанской судебной палаты. Принимал участие в расследовании убийства Царской семьи. В конце 1919 г. прибыл в Харбин. Один из инициаторов создания Юридического факультета. Осенью 1920 г. был избран деканом факультета. Председатель Правления и Совета харбинского отделения Русского обновленного общества (1921 г.). Председатель Приамурского Земского Собора во Владивостоке (1922 г.). Скончался в Харбине от туберкулеза легких. Русское студенческое общество основало подготовительную школу имени профессора Миролюбова, позднее выкупленную преподавателями и названную именем А.С. Пушкина.

Михаил (в миру Богданов Михаил Александрович) (6.11.1867 – 22.07.1925). Родился в Рязанской епархии в семье священника. Окончил Казанскую духовную семинарию и Казанскую духовную

академию. 22 ноября 1892 г. рукоположен во священника. В 1902 г. принял постриг, назначен инспектором Харьковской духовной семинарии. В 1905 г. ректор Казанской семинарии, возведен в сан архимандрита. Магистр богословия, почетный член Казанской духовной академии. 30 августа 1907 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 11 июля 1914 г. епископ Самарский и Ставропольский. С декабря 1918 г. по октябрь 1922 г. управлял Владивостокской епархией. Участник Приамурского Земского Собора. В эмиграции в Китае, был противником учреждения самостоятельной Харбинской епархии, выступал за сохранение подчиненности священноначалию Русской Православной Церкви. Скончался в Харбине, похоронен у Софийской церкви.

Молчанов Викторин Михайлович (23.01.1886 – 10.01.1975). Родился в Чистополе. Сын чиновника. Окончил Елабужское реальное училище и Алексеевское военное училище в 1906 г. по первому разряду. Служил во 2-м Кавказском саперном батальоне (с 24.03.1906 г.), затем переведен во 2-й Восточно-Сибирский саперный полк (1908–1914 гг.). В Великую войну подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В августе 1918 г. руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник партизанского отряда в том же уезде, позже переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С февраля 1919 г. полковник, командир Ижевской бригады, затем начальник Ижевской дивизии. С марта 1920 г. командир 3-го стрелкового корпуса, с августа 1922 г. командир Поволжской группы (Пати). Генерал-лейтенант. В Зарубежье в США. Суперинтендант в здании Саттер и Монтгомери в Сан-Франциско.

Наумов Николай Матвеевич (5.12.1881 – 23.12.1953). В 1919 г. командир 5-го Оренбургского казачьего полка, 1920–1921 гг. командир Оренбургской казачьей бригады, с сентября 1921 г. командир Отдельной Оренбургской казачьей бригады в Приморье, в сентябре 1922 г. командир Оренбургской бригады. Генерал-майор. В Зарубежье сперва в Харбине, затем в Австралии. Скончался в Сиднее.

Нестор (в миру Анисимов Николай Александрович) (9.11.1885 – 04.11.1962). Родился в Вятке. Окончил Казанское реальное училище и миссионерское монгольско-калмыцкое отделение при Казанской духовной академии. В 1907 г. принял постриг, рукопо-

ложен в иеромонаха и по благословию Иоанна Кронштадтского отправился миссионером на Камчатку. Участник монархического движения. В 1913 г. возведен в сан игумена. В 1914 г. добровольцем пошел на фронт, возглавил санитарный отряд «Первая помощь под огнем врага», награжден несколькими боевыми наградами, в том числе наперсным крестом на Георгиевской ленте. 16 октября 1916 г. хиротонисан в первого епископа Камчатского и Петропавловского. Участник Всероссийского Поместного Собора 1917 г. в Москве. Автор книги «Расстрел Московского Кремля». Участник Приамурского Земского Собора тайно привезший благословение Святейшего Патриарха Тихона Собору и ген. Дитерихсу. Активно выступал против большевиков во время гражданской войны и эмиграции. В 1933 г. возведен в сан архиепископа. В 1945 г. Святейшим Патриархом Алексием I назначен управляющим Харбинской епархией, в 1946 г. возведен в сан митрополита и назначен Экзархом Восточной Азии. В июне 1948 г. митрополит Нестор, прибывший в Москву для участия в юбилейных торжествах по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви был арестован чекистами. Приговорен к 8 годам заключения, в частности за книгу «Расстрел Московского Кремля» и служение панихиды по убиенным Членам Императорской Фамилии. До января 1956 находился в исправительно-трудовом лагере «Явас» (Мордовия). С 18 июля 1956 г. митрополит Новосибирский и Барнаульский, через два года уволен на покой, но 9 декабря 1959 г. назначен управлять Кировоградской и Николаевской епархией. Скончался в Москве.

Пепеляев Анатолий Николаевич (3.07.1891–14.01.1938). Родился в Томске. Сын полковника Н.М. Пепеляева, командира 8-го Томского полка. Окончил Сибирский кадетский корпус (1908 г.) и Павловское военное училище (1910 г.). Подпоручик 42-го Сибирского стрелкового полка (6 августа 1910 г.). В Великую войну – подполковник, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1916 г.). В мае–июне 1918 г. глава офицерской организации в Томске, с 13 июня 1918 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с августа 1918 г. полковник, с 10 сентября 1918 г. генерал-майор. За взятие Перми награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (январь 1919 г.). С 25 апреля 1919 г. Командующий Северной группой Сибирской армии, с 14 июля 1919 г. Командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 г. командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. Генерал-лейтенант. В Хар-

бине вместе с однополчанами организовал артель извозчиков. В начале сентября 1922 г. был вызван ген. Дитерихсом во Владивосток и на пароходе «Томск», во главе Сибирской добровольческой дружины направился в Якутию для организации повстанческого движения. 27 сентября 1922 г. пришел в г. Аян. После неудачи похода на Якутск сдался советским войскам в 1923 г. Был судим в Чите ревтрибуналом 5-й армии (февраль 1924 г.). Был приговорен к 10 годам лишения свободы. В 1937 году был снова арестован и расстрелян 14 января 1938 г.

Панов Василий Михайлович (29.12.1875 – 09.11.1936). Родился в офицерской казачьей семье в станице Усть-Уйской Оренбургского Казачьего Войска. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус (1894 г.), Николаевское кавалерийское училище (1896 г., по 1-му разряду). Получил назначение в 1-й Оренбургский казачий полк. В 1904 г. в чине сотника переведен на службу в 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича казачий полк, младшим офицером в 6-ю сотню. Позже переведен во 2-й Сибирский казачий полк в Семиречье. В 1908 году переведен в 4-й, а в 1912 году – во 2-й Оренбургский казачий полк, в составе которого выступил на фронт Великой войны. При отступлении II-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова из Пруссии, есаул Панов, командир третьей сотни 2-го Оренбургского казачьего полка, за лихую атаку на ландверный немецкий конный полк и взятие его полкового знамени, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1916 году назначен помощником командира 5-го Атамана Могутова Оренбургского казачьего полка и произведен в полковники. По возвращении с фронта после революции принял участие в антибольшевицком движении. В отряде атамана А.И. Дутова командовал конной сотней, вместе с которой участвовал в Тургайском походе (1918 г.). По возвращении из Тургая был назначен командиром 2-й Оренбургской казачьей бригады, с которой совершил Сибирский Ледяной поход в Забайкалье, а оттуда через год в Приморье, командуя уже Сводно-казачьей дивизией. Из Приморья попал в порт Гензан (Корея). Затем через Дайрен и Тяньцзинь переехал в Шанхай. Работал сторожем на табачной фабрике, исполнял обязанности церковного старосты в соборе. Материальное положение генерала Панова в эмиграции было очень тяжелым и отчасти явилось причиной его преждевременной смерти.

Петров Павел Петрович (26.01.1882–1967). Закончил Павловское военное училище (1906 г.) и Императорскую Николаевскую военную академию в 1913 г. В годы Великой войны – полковник, имел 6 боевых наград. В 1918 г. начальник оперативного отдела штаба Поволжского фронта, в 1919 г. начальник штаба 6-го Уральского стрелкового корпуса, помощник начальника снабжений Западной армии, начальник 4-й стрелковой генерала Корнилова дивизии (знаменитой Уфимской стрелковой). В декабре 1919 г. произведен в генерал-майоры и назначен Командующим 3-й армии. Начальник снабжения Дальневосточной армии. В Земской Рати с 10 августа по 3 ноября 1922 г. начальник штаба Воеводы. В Зарубежье в Китае. Начальник отдела РОВСа в Мукдене (1931 г.). Командирован Дитерихсом в Японию (1932 г.). Председатель Общества русских эмигрантов в Японии и заведующий русской школой. С 1947 г. переехал в США, проживал в Сан-Франциско. Преподаватель русского языка в Монрее (1948–1955 гг.), председатель Общества ветеранов Великой войны (1953–1962 гг.).

Пучков Федор Абрамович (31.05.1886 – 2.02.1953). Закончил Виленское военное училище в 1906 г., Императорскую академию Генштаба. Подполковник. С 18 июля 1918 г. начальник штаба Народной армии Уфимской губернии. В августе 1918 г. начальник штаба 4-й стрелковой дивизии. С 4 октября по 5 декабря 1918 г. и с 18 января по 1 июля 1919 г. начальник штаба Уфимского отдельного корпуса, затем начальник 8-й Камской стрелковой дивизии. 28 июля 1920 – 18 июня 1921 гг. начальник штаба Дальневосточной армии. 1 июня 1921 – 10 августа 1922 гг. начальник штаба войск Приамурского Временного правительства. С декабря 1921 г. по 2 января 1922 г. Атаман Уссурийского Казачьего Войска. Генерал-майор. В Зарубежье в США. Скончался в Сан-Франциско.

Романовский Владимир Яковлевич (? – ?). Закончил Михайловское артиллерийское училище (1904 г.) и Императорскую Николаевскую академию Генштаба. Военный атташе в Болгарии (1913 г.). Подполковник Кронштадтской и Владивостокской крепостной артиллерии. В 1918 г. командир Уфимского стрелкового артиллерийского дивизиона Народной армии. В 1919 г. начальник артиллерии 4-й Уфимской стрелковой дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. С марта 1920 г. командир 2-го Уфимского стрелкового артиллерийского дивизиона, затем 1-го стрелкового артиллерий-

ского дивизиона. В Земской Рати командир Восточно-Сибирской артиллерийской дружины. Полковник. В Зарубежье в Китае, член Офицерского собрания в Шанхае.

Руднев Сергей Петрович (28.01.1872 – 07.01.1934). Родился в с. Курмыша Симбирской губернии. Окончил Симбирскую гимназию и юридический факультет Харьковского университета (1896 г.). В течение года работал помощником юрисконсульта Юго-восточных железных дорог (ЮВЖД). Затем перешел на службу в судебное ведомство, работал судебным следователем. Член Всероссийского Церковного Собора, Восточного Отдела главного комитета Всероссийского Земского Союза. Публиковался в газетах «Русские ведомости» и «Исторический вестник». Во время гражданской войны жил во Владивостоке: сотрудник компании «Кунст и Альберс», член Народного Собрания. Член Президиума Приамурского Земского Собора. В Зарубежье жил в Харбине.

Сахаров Константин Вячеславович (18.03.1881 – 23.02.1941). Родился в Оренбурге. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, Николаевскую Академию Генерального штаба (1908 г.). Участник русско-японской и Великой войн. Полковник, начальник штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии (1916 г.). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия «За храбрость». Как представитель Союза Георгиевских кавалеров участвовал в работе московского Государственного совещания (август 1917 г.). Арестован после выступления генерала Л.Г. Корнилова, освобожден. При попытке пробраться на Дон к Л.Г. Корнилову был арестован в Астрахани и несколько месяцев провел в тюрьме. Совершив побег, добрался до Уфы, где поступил на службу в войска Директории. Генерал-майор (с 15 ноября 1918 г.). Начальник гарнизона на острове Русский, начальник учебно-инструкторской школы (с 5 декабря 1918 г.). С 23 марта 1919 г. генерал для поручений при Верховном Главнокомандующем, с 20 июня Командующий Западной армией, с 14 июля 1919 г. – 3-й армией. С 10 октября 1919 г. Командующий Московской группой армий, генерал-лейтенант. За бои в Тобольской операции награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. С 4 ноября 1919 г. Главнокомандующий армиями Восточного фронта, сторонник обороны Омска. С 9 декабря 1919 г. в распоряжении Верховного Главнокомандующего. С 23 января 1920 г. до 22 февра-

ля 1920 снова Командующий 3-й армией. В Зарубежье отправился в Японию, где написал книгу «История Японии», затем в Германию. Скончался в Берлине.

Сахаров Николай Павлович (16.08.1893 – после 1951). Родился в г. Муроме. В 1911 г. закончил Муромское реальное училище. Прапорщик запаса (1912 г.), студент Московского сельскохозяйственного института. Участник Великой войны. Подполковник 9-го пехотного полка. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени. Член «Союза защиты Родины и Свободы». Летом 1918 г. под его руководством был сформирован Восточный отряд Северной Добровольческой армии полковника Перхурова (в Муроме). Руководитель восстания в Муроме 8–9 июля 1918 г. Начальник Арского боевого участка Казани, с лета 1918 г. полковник, командир 3-го Казанского (потом 50-го Арского) стрелкового полка, затем командир Волжской дивизии. В начале 1919 г. начальник Симбирской пехотной дивизии, с 6 ноября 1919 г. начальник 1-й Самарской стрелковой дивизии, с декабря 1919 г. командир Волжской бригады 3-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 г. командир Отдельной Волжской бригады. Участник Хабаровского похода Белоповстанческой армии. В Земской Рати с августа 1922 г. командир Поволжской бригады, а с сентября – командир Приволжского стрелкового полка (отряда). Генерал-майор. В Зарубежье в Китае, затем (с 1949 г.) в США. Скончался в 1951 в Сан-Франциско.

Семенов Григорий Михайлович (13.09.1890 – 30.08.1946). Родился в станице Дурулгуевской Забайкальского Казачьего Войска. Юнкер Оренбургского казачьего училища (с 1908 г.). Младший урядник (с 1909 г.). Хорунжий 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского Казачьего Войска (с 1910 г.). Служил в г. Троицкосавске и в Бригадной гимнастической фехтовальной школе (1911–1912 гг.), затем в 1-м Нерчинском полку (1913–1914 гг.). Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного Правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени. Начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда (ОМО), Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии. С 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса. С 8 декабря 1918 г. Командующий

Восточно-Сибирской отдельной армией, командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса. С 29 августа 1919 г. помощник Командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края. С 12 ноября 1919 г. Командующий войсками Забайкальского военного округа, с 24 декабря 1919 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа. С 11 февраля 1920 г. Главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В Зарубежье в Китае. Жил в Порт-Артуре и Дайрене. Арестован СМЕРШ 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаша, под Дайреном. Судим трибуналом и повешен 30 августа 1946 г. в Москве.

Сидамонидзе Георгий Константинович (26.12.1896 – 1971). Родился в Гори. В 1915 г. закончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Штабс-капитан 299-го пехотного полка. С июня 1918 г. в 1-м Народном полку в Уфе, затем фельдфебель в офицерской роте 13-го Уфимского стрелкового полка. С 13 августа 1919 г. подполковник, с декабря 1919 г. командир 13-го Уфимского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода. С 18 марта 1920 г. командир 4-го Уфимского стрелкового полка, с 15 ноября 1920 г. начальник 2-й Уфимской дивизии. В 1921 г. командир Уфимского стрелкового полка. Участник Хабаровского похода. В январе 1922 г. командир 4-го Уфимского полка Белоповстанческой армии. В Земской Рати с 12 августа 1922 г. командир Уфимской пешей дружины. Полковник. Дважды ранен. В Зарубежье в Китае. С 1923 г. жил в Гирине, командовал Русской бригадой в частях маршала Чжан Цзо-лина (ген. Си-Да-Са). Скончался в Сан-Франциско.

Смолин Иннокентий Семенович (1.01.1884 – 1973). Родился в Якутске. Закончил Иркутское военное училище в 1905 г. Участник русско-японской и Великой войны. Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стрелкового пол-

ка, помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка. Кавалер Георгиевского оружия «За храбрость». В начале 1918 г. возглавлял подпольную организацию в районе Туринска, с 20 июня 1918 г. командир партизанского отряда, с июля 1918 г. полковник, командир 15-го Курганского стрелкового полка. С января 1919 г. начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии, с мая 1919 г. командир 3-го Степного армейского корпуса. С 23 августа 1920 г. командир 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии. В Земской Рати – командир Сибирской группы (Рати). Награжден орденами Св. Владимира 3-ей степени, Св. Георгия 4-й степени, французского креста Croix de Guerre avec palme. Генерал-лейтенант (1921 г.). В Зарубежье в Китае, в Шанхае (1932–1939 гг.). Служил в Международном Сберегательном обществе (ISS), работал домоуправом. Затем жил в США. Член Общества Ветеранов Великой войны. Скончался 23 марта 1973 г. в Папеэте (Таити). В последние годы писал воспоминания (местонахождение не установлено).

Сотников Валерий Евгеньевич(? – ?). Офицер с 1904 г. Закончил Императорскую Николаевскую академию Генштаба. Полковник. В 1919 г. назначен командиром 29-го Бирского стрелкового полка, осенью 1920 г. командир 8-го Камского стрелкового полка, с лета 1921 г. командир Камского полка в Дальневосточной армии. В Земской Рати (август 1922 г.) командир Прикамского полка (отряда). В Зарубежье в Китае. С 1923 г. жил в Гирине.

Старк Георгий Карлович (20.10.1878 – 2.03.1950). Родился в Санкт-Петербурге. Из дворян Выборгской губернии, сын чиновника. После окончания Морского кадетского корпуса (1898 г.) служил на Балтийском флоте. Участник русско-японской войны, старший минный офицер крейсера «Аврора». В Великую войну – начальник 5-го минного дивизиона, капитан 1-го ранга. За бои по обороне Моонзундского архипелага получил звание контр-адмирала (июль 1917 г.). С августа 1918 г. в Народной армии в Казани, Командующий Волжско-Камской флотилией, с осени 1918 г. командир бригады и начальник формирующейся дивизии Морских стрелков в Красноярске. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920–1921 гг. жил в Харбине, работал десятником на строительстве домов, основал частное предприятие по перевозке грузов по р. Сунгари. С 18 июня 1921 г. Командующий Сибирской флотилией и управляющий морским ведомством. С 10 августа 1922 г. по-

мощник по морской части Правителя Приамурского края, с сентября 1922 г. начальник тыла Приморья. Организовал эвакуацию из Владивостока, командовал флотилией в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины). В Зарубежье с 1923 г. в Маниле, с 1931 г. в Шанхае (член Офицерского собрания), затем во Франции (в Париже). Почетный член Общества бывших русских морских офицеров. В 1946–1949 гг. председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Скончался в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

Сыровы Ян (24.01.1888 – 17.10.1970). Родился в г. Тржебич. Перед началом Великой войны работал в России. Добровольцем вступил в ряды Чешской Дружины. В 1915 г. произведен в чин прапорщика. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени. С апреля 1917 г. командовал 7 ротой 1-го чехо-словацкого стрелкового полка. В боях под Зборовым был тяжело ранен и потерял глаз. Осенью 1917 г. вернулся в строй и получил в командование 2-й батальон. С февраля 1918 г. заместитель командира 1-го полка. С мая 1918 года – командир 2-го полка, а с июня 1918-го командир северо-западной группы. С 28 августа 1918 г. Командующий Чехословацкого корпуса в России и всех чехословацких и союзнических войск в России, а с февраля 1919 г. командир Чехословацкого войска в России. Командующий Западным фронтом (декабрь 1918 – февраль 1919 гг.). После возвращения в Чехословакию, в 1920–1924 гг. был начальником Военского командования Центральной Чехии. В 1926 г. министр обороны, в 1933–1938 гг. генеральный инспектор обороны. Осенью 1938 г. был назначен премьером и министром обороны. Исполнил приказ о капитуляции после Мюнхенской конференции. Как председатель Фонда поддержки чехословацких легионеров переводил средства движению сопротивления. В 1947 г. был арестован и осужден к 20 годам заключения. Скончался в 1971 г. в Праге.

Унтербергер Петр Павлович (19.03.1881 – ?). Родился в Иркутске. Его отец – генерал П.Ф. Унтербергер был Приамурским генерал-губернатором. Окончил Николаевское инженерное училище (1902 г.) и Николаевскую инженерную академию (1908 г.). Служил во Владивостоке. Полковник. Начальник инженеров Владивостокской крепости (с 6 ноября 1921 г.). В Зарубежье в Китае.

Филарет Епископ Казанский и Вятский (Старообрядческая церковь). Рукоположен на Рогожском кладбище 9 марта 1914 г. Управ-

лял епархией до 1930-х гг. В 1926 г. ему поручена во временное управление Самарско-Уфимская епархия. Участник Приамурского Земского Собора.

Черкес Евгений Владимирович (? – 27.01.1969). Участник Великой войны. Полковник. В 1919 г. в Ижевско-Воткинских частях, командир батальона 1-го Добровольческого полка. В начале 1920 г. командир 1-го полка Добровольческой бригады, в декабре 1921 г. командир 1-го Добровольческого полка Дальневосточной армии, в Земской Рати, в сентябре 1922 г. командир Пермской дружины (бывшего Сводно-Добровольческого полка). В Зарубежье в Китае. Член Русского Монархического Объединения. Скончался в Сиднее (Австралия).

Чечек Станислав Поручик, командир 4-го полка Чехословацкого корпуса. Командир группы. С 20 августа 1918 г. Командующий Поволжским фронтом Народной армии, полковник. Со 2 сентября 1918 г. начальник 1-й Чехословацкой дивизии. Генерал-майор (со 2 сентября 1918 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цветков В.Ж.
Предисловие редактора
5

часть первая
ДИТЕРИХС
7

В.Ж. Цветков
ГЕНЕРАЛ ДИТЕРИХС,
ПОСЛЕДНИЙ ЗАЩИТНИК ИМПЕРИИ
9

часть вторая
Начало пути. На фронтах Великой войны
87

А.А. Петров
В РОССИИ И НА БАЛКАНАХ: 1914 – 1917 гг.
90

М.К. Дитерихс
ЗАПИСКИ ПО ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАНЦИЮ
133

Вс. Фохт
РУССКИЕ ВОЙСКА ВО ФРАНЦИИ И В МАКЕДОНИИ
170

часть третья**Начало гражданской войны.
С чехословацкими союзниками**

173

*А.А. Петров***ГЕНЕРАЛ ДИТЕРИХС – НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ЧЕШСКО-СЛОВАЦКОГО КОРПУСА**

183

часть четвертая**Расследование убийства Царской Семьи**

201

*М.К. Дитерихс***УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЧЛЕНОВ ДОМА
РОМАНОВЫХ НА УРАЛЕ**

206

часть пятая**Во главе Восточного фронта.
Тобольский прорыв. 1919 год**

241

*М.А. Иностранцев***ПЕРВОЕ ПОРУЧЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА**

245

**ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПЕРИОДУ
СРАЖЕНИЯ НА ТОБОЛЕ**

259

*П.Ф. Рябиков***ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ТОБОЛЬСКОЙ ОПЕРАЦИИ**

277

*К.В. Сахаров***БЕЛАЯ СИБИРЬ**

286

М.А. Иностранцев
ИСТОРИЯ, ИСТИНА И ТЕНДЕНЦИЯ
301

Г.К. Гинс
ЭВАКУАЦИЯ
303

А.А. Петров
ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНОВ КОМАНДОВАНИЯ
БЕЛОГО ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
В СЕНТЯБРЕ – ДЕКАБРЕ 1919 ГОДА
307

ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ
316

часть шестая
**Последний Земский Собор в России.
Белое Приморье. 1922 год**
343

К. Гермогенов
ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ
347

ПРИАМУРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОБОР
363

ПРИАМУРСКИЙ ЗЕМСКИЙ КРАЙ В 1922 ГОДУ
420

С.П. Руднев
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О ПРИАМУРСКОМ ЗЕМСКОМ СОБОРЕ
487

П.П. Петров
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
500

Б.Б. Филимонов

Из книги «КОНЕЦ БЕЛОГО ПРИМОРЬЯ»

530

С.П. Татаринев

ПРОЩАЙ, РОДИНА

536

*часть седьмая***В Русском Зарубежье на Дальнем Востоке**

541

М.К. Дитерихс

ЗАВЕТЫ МОНАРХИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

545

С.А. Вычужанин

ГПУ ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА ДИТЕРИХСА

594

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

ОБРАЗ М.К. ДИТЕРИХСА В ЛИТЕРАТУРЕ

600

*часть восьмая***Биографический справочник**

603

ПРОЕКТ «БЕЛЫЕ ВОИНЫ»: ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТЫ

2004 год стал третьим годом работы проекта «Белые Воины» – военно-исторического патриотического движения в поддержку Русской армии и флота. Со времени выхода в свет последней книги проекта «Каптель и каптелевцы», в которой давался краткий очерк работы «Белых Воинов», прошло более года. За это время было подготовлено к выходу в свет две книги серии («Генерал Дитерихс» и «Дроздовский и дроздовцы»), зарегистрировано и начало свою деятельность информационное агентство «Белые Воины», открыт одноименный сайт (www.voinstvo.ru).

Но наиболее заметным событием в жизни проекта стало открытие памятника генералу С.Л. Маркову, о котором уже неоднократно писалось в средствах массовой информации. Несмотря на все трудности, дело, задуманное несколько лет назад, осуществилось. За всеми организационными мероприятиями и торжествами, связанными с установкой, как-то на второй план отошло то обстоятельство, что был установлен **первый** в России памятник белому офицеру, участнику русско-японской, Великой и гражданской войн. В России уже несколько лет устанавливаются памятные знаки, кресты и мемориальные доски в память об участниках Белого движения, и значение деятельности людей, занимающихся подобной работой, переоценить трудно. Но памятник – установлен впервые.

Идея создания памятника была поддержана администрацией Ростовской области – губернатором В.Ф. Чубом и первым вице-губернатором И.А. Станиславовым, а также администрацией города Сальска – мэром города А.Н. Кашиным. Благословение на установку памятника дал архиепископ Ростовский и Новочеркасский Пантелеймон.

13 декабря 2003 г. на Юбилейной площади Сальска, при большом стечении горожан, казаков и гостей, прибывших из столицы и других городов, состоялось открытие памятника. Место его установки в городе было выбрано не случайно – Юбилейная площадь до подготовки и бла-

гоустройства к открытию памятника напоминала скорее заброшенный пустырь, чем центральную площадь. Установка памятника позволила облагородить этот участок города. Большое значение было придано и тому, что рядом с памятником строится храм Покрова Пресвятой Богородицы. Памятник стал одной из основных смысловых доминант в городе. По мнению многих искусствоведов, установленный монумент, безусловно, несет на себе не только смысловую нагрузку, но и является значительным событием в культурной жизни.

Не случайно была выбрана и дата открытия памятника. **13 декабря** – день **Св. Апостола Андрея Первозванного** – символичная для Маркова и марковцев дата. Андреевский крест всегда присутствовал на флаге марковцев, под которым они прошли через всю гражданскую войну.

Перед закрытым полотном памятником на площади построились казаки и чины военно-исторических клубов, прибывших из Москвы (почетный караул у памятника состоял из марковцев). Церемонию открытия памятника начал Атаман Всевеликого Войска Донского казачий генерал В.П. Водолацкий, выступивший с запоминающейся речью, в которой рассказал о важности открытия подобного памятника на донской земле. Его выступления продолжила министр культуры Ростовской области С.И. Васильева, напомнившая собравшимся о том, что город целых полтора года носил имя человека, памятник которому стоит под полотном на площади. Ряд выступавших продолжили в своих выступлениях тему примирения и согласия, о которой столь много говорится в последнее время, подчеркивая, что данный памятник – важный шаг в этом направлении.

Отдельно необходимо отметить выступление одного из авторов скульптуры – заслуженного художника России скульптора В.А. Суровцева, рассказавшего о том, как появилась идея создания памятника и как происходило ее воплощение в жизнь.

Владимир Суровцев рассказал о совместной работе над памятником вместе со скульптором Данилой Суровцевым. К работе над монументом был привлечен также молодой архитектор из северной столицы – Алексей Бегунов, выпускник Питерской Академии художеств, давшей отечественной культуре десятки прекраснейших мастеров в разных жанрах искусства. И в этом – тоже свой смысл. Образуется четкая триада: Москва (город, где Марков родился), Петербург (место учебы) и Ростовская земля (место смерти) – города, тесно связанные с жизнью, деятельностью и гибелью настоящего русского офицера, который никогда не прятался за чужие спины в моменты самые драматические для Отечества.

Автор проекта установки памятника – Александр Алекаев – закончил свою речь передачей Донскому Атаману старинной иконы Преображения Господня для строящегося храма Покрова Пресвятой Богородицы, в знак преобразования Юбилейной площади города Сальска.

Завершилась церемония открытия памятника очень символично – Обществом памяти Русской Императорской Гвардии во Франции (пред-

седатель – князь Александр Трубецкой) была передана капсула с землей с кладбища русской славы в Сент-Женевьев де Буа в Париже, которая была заложена в фундамент памятника Атаманом В.П. Водолацким. После этого полотно с памятника было снято, и взглядам множества собравшихся на площади людей предстала фигура генерала Маркова, застывшая в момент порыва на поле брани. По словам скульптора, «Генерал изображен в момент наивысшего напряжения в бою, когда он собственным примером вдохновляет бойцов продолжать атаку на неприятеля». На постаменте издали заметен знак 1-го Кубанского похода и слова, принадлежащие Маркову: «Верьте, что Родина вновь будет сильной Великой, Единой и Могучей...».

Возвращаясь к открытию памятника, хочется мысленно вернуться на несколько лет назад, когда авторы этих строк впервые встретились с автором идеи установки памятника А.Н. Алекаевым. Его убежденность в выполнении намеченной цели показалась тогда основанной на незнании обстановки в стране. В 2000 году проект представлялся совершенно невыполнимым. Подобное мнение было в то время (в чем они недавно признались) и у авторов памятника – скульпторов Владимира и Данилы Суровцевых. Однако поступательная реализация проекта, к счастью, убеждала в обратном. Вера и энергия, проявленная автором проекта, помогла ему осуществить задуманное. Конечно, установка памятника была бы невозможна без материальной поддержки российских предпринимателей (генеральный спонсор – ЗАО «Пересвет-инвест» (Москва), спонсоры – ЗАО КФК «ТАМП» (Москва), М. Абрамов (Симбирск) и А. Ерошкин (Москва)). Безусловно, большого уважения заслуживают люди, решившие в наше время не потратить заработанные деньги исключительно в своих интересах, а пожертвовавшие немалые суммы в лучших русских традициях на благое дело.

Сегодня можно оглянуться на пройденный путь с осознанием того, что задача выполнена: первые эскизы памятника, выполненные скульпторами, тогда еще мало знавшими о Белом движении, установка рабочей модели памятника в академии РВСН, выбор места установки памятника, огромный объем работы на заключительном этапе и т.д. и т.п.

Спустя три года, памятник С.Л. Маркову занял свое место в истории. Место достойное и заметное хотя бы потому, что он стал **первым** подобным монументом. Хотя, безусловно, есть и другие обстоятельства, заставляющие обратить на него внимание – памятник явил собой опыт сотрудничества местных властей и предпринимательских структур, в равной степени ощутивших необходимость восстановления исторической правды.

Сам памятник Сергею Леонидовичу Маркову, естественно, при учете его личных заслуг, является, прежде всего, **памятником всему русскому офицерству**, участвовавшему в Великой и гражданской войнах, до конца исполнившего свой долг перед Отечеством. Трагедия русского офицерства, о которой написана уже не одна книга, до сих пор полностью еще не осоз-

знана в России, и памятник – безусловно, вежа в осознании этой исторической драмы. Символичность установки, безусловно, заключается и в другом. Долгое время не удавалось изменить ситуацию с увековечиванием памяти русского офицерства, до конца сохранявшего верность раз данной присяге. Думается, что установка памятника должна создать тот прецедент, который облегчит работу в этом направлении другим патриотически настроенным гражданам России.

Символичность и значимость **первого** в России подобного монумента трудно переоценить. Хочется верить, что ситуация в стране изменится, и этот памятник русскому офицерству не станет последним.

Резонанс, вызванный в обществе выходом книги «Каппель и каппелевцы», положил начало новому проекту «Белых Воинов»: перезахоронению праха генерала В.О. Каппеля в России. Руководитель проекта А.Н. Алекаев и русский предприниматель из Харбина Д.Г. Напара предложили перезахоронить прах русского генерала в Чите – городе, где он был похоронен первоначально. Идея перезахоронения останков В.О. Каппеля была поддержана Забайкальским казачьим войском и рядом общественных организаций Дальнего Востока.

Эта инициатива оказалась не единственной. В 2003 году «Белёвское историко-географическое и филологическое общество» предложило перезахоронить прах генерала В.О. Каппеля на его малой Родине – в городе Белёве Тульской области, на православном кладбище, где похоронен его отец – ротмистр О.П. Каппель (к сожалению, место погребения Оскара Павловича Каппеля пока не обнаружено). Благочинный церкви города Белёва отец Александр дал согласие на перезахоронение праха В.О. Каппеля возле храма.

«Белые Воины» приглашают к совместной работе всех заинтересованных в сотрудничестве лиц, готовых поддержать инициативы движения, направленные на возрождение традиционных для России ценностей, восстановление исторической правды, реабилитации русской военной истории.

С нами можно связаться на сайте www.voinstvo.ru.

Координатор проекта,
редактор сайта «Белые Воины»
Руслан Гагкуев

Научный редактор серии «Белые Воины»
Василий Цветков

Руководитель проекта «Белые Воины»
Александр Алекаев

• БЕЛЫЕ ВОИНЫ •

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНСТВО «БЕЛЫЕ ВОИНЫ»

В 2004 году зарегистрировано и начало свою деятельность информационное агентство «Белые Воины», одноименный сайт которого находится в сети по адресу www.voinstvo.ru.

Новое Православное информационное агентство предполагает освещать события, связанные с историей Российской Империи, Русской Императорской армии и Белого движения: памятные даты, мероприятия военно-исторических и общественных организаций, выход в свет литературы, посвященной указанным темам и т.д.

«Белые Воины» не предполагают ограничиваться только историей – сайт будет предоставлять информацию о происходящих в современной России и зарубежье событиях, связанных с предполагаемой тематикой агентства.

Помимо новостных разделов и информации о проекте на сайте будет представлена электронная библиотека изданий серии «Белые Воины» и других книг, статей и документальных материалов, связанных с тематикой агентства.

Книги серии «Белые Воины» будут представлены в одноименном разделе, где уже сейчас находятся в открытом доступе книги «Марков и марковцы», «Капель и капцелевцы», а также наиболее важные, с точки зрения авторов, фрагменты нового издания «Генерал Дитерихс».

В разделах «Книги и документы», «Литература» будет продолжено размещение воспоминаний, монографий, статей, документов и художественных произведений по истории Русской армии и Белого движения. В разделах «Воинский мундир» и «Награды» предполагается публиковать изобразительные материалы по истории Русской и Белой армий.

В рубрике «Фотоальбом» в настоящее время уже размещены фотогалереи всех мероприятий, в которых участвовал проект «Белые Воины», а также портреты русских военных деятелей с готовящегося к выходу в свет календаря на 2005 год. Раздел будет ежемесячно обновляться, на нем появятся фотогалереи, связанные с русской военной историей или посвященные ее отдельным деятелям.

Специальный раздел на сайте агентства составили странички «союзников» – близких нам по духу и тематике общественных организаций и изданий, не имеющих своих страничек в Интернете. Агентство готово продолжить предоставление своего информационного пространства для подобных разделов.

Приглашаем к совместной работе лиц, готовых поддержать инициативы информационного агентства «Белые Воины», направленные на возрождение традиционных для России ценностей, воспитание духовности, восстановление исторической правды, реабилитацию русской государственной и военной истории.

Редактор сайта «Белые Воины»

Руслан Гагкуев

gagkuев@voinstvo.ru

Генерал Дитерихс.

Издание осуществлено при финансовой поддержке А.Н. Алекаева

Верстка текстовой части

В.Н. Карпухин

Компьютерные работы для иллюстративной части

В.Н. Карпухин

Корректор

М.В. Беляева

Формат 60x90/16. Объем 40 п.л. Гарнитура «Петербург». Тираж 2000 экз. Заказ 1707

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46